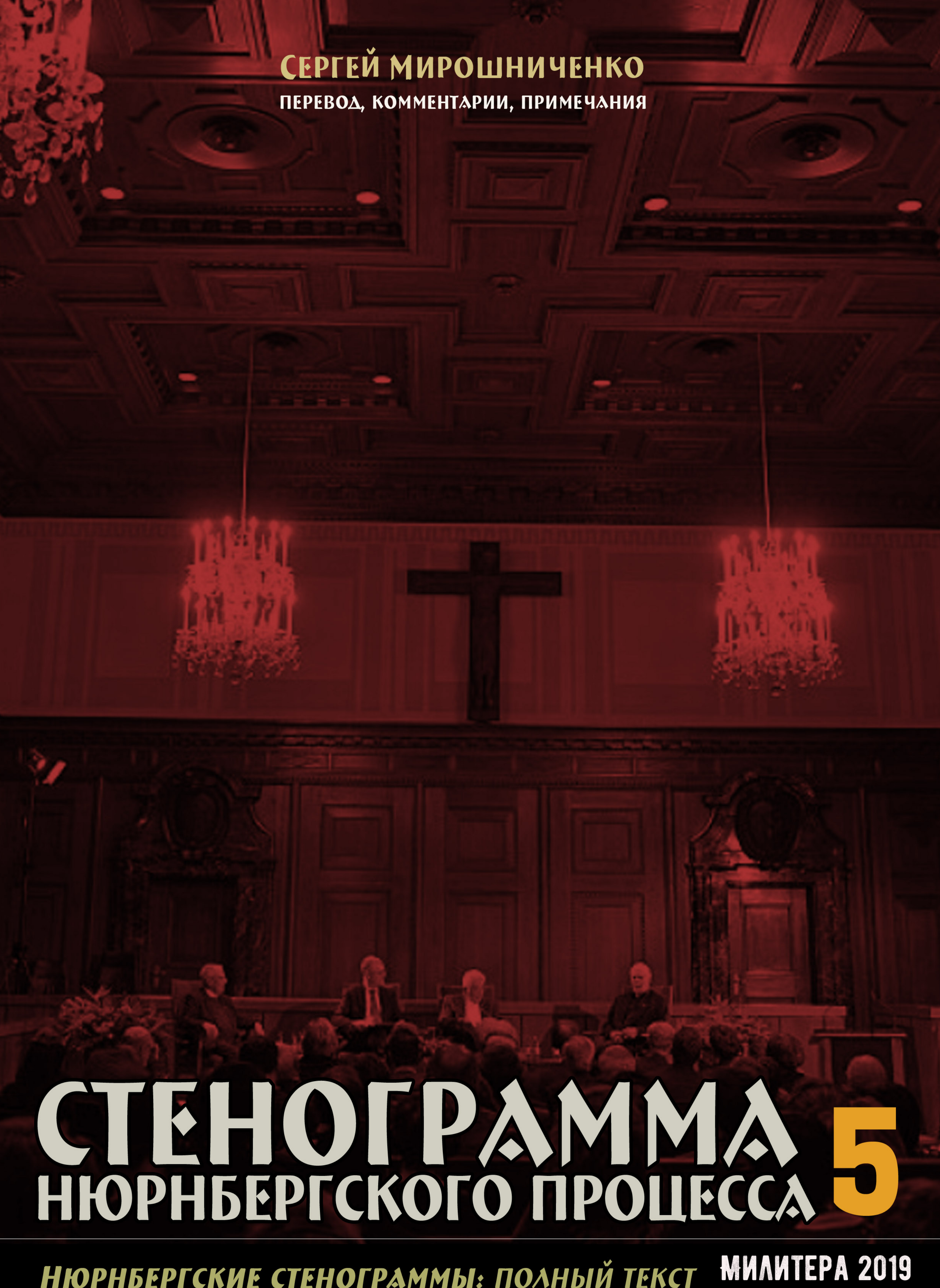

Сергей Мирошниченко

перевод, комментарии, примечания

Стенограмма Нюрнбергского процесса 5

Нюрнбергские стенограммы: полный текст

Милитера 2019
Москва — Новочеркасск

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том V / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, 2019. — (Первопубликация)

Том пятый стенограммы включает в себя расшифровку судебных заседаний с 22 января по 4 февраля 1946. В ходе этих заседаний обвинение представило доказательства индивидуальной ответственности подсудимых Фриче, фон Папена, фон Нейрата. Обвинение Франции продолжило представление доказательств об экономическом разграблении Бельгии и Франции. Были представлены доказательства совершения преступлений против человечности и военных преступлений в странах Западной Европы и Франции (депортации, концентрационные лагеря, убийство мирного населения, бессудные расправы над членами движения Сопротивления, германизация). Трибунал заслушал показания свидетелей: Лампе, Ваяйн-Кутюрье, Дюпона, Розера, Вейта, Рейтера, Форринка, Балаховского, Ван-дер-Эссена, Буа, Каппелена.

Содержание

День сороковой

Вторник, 22 января 1946

Утреннее заседание

Дельпеш[1]: Господин председатель, уважаемый суд, вчера я имел честь приступить к пояснению трибуналу методов экономического разграбления Бельгии немцами в ходе оккупации страны.

Возвращаясь в общей части изложения по вопросу об ограблении экономики к германским действиям в Норвегии, Дании и Голландии, я показал, что повсюду нацисты стремились установить свое господство в экономической сфере. Методы, которые они всюду или, по крайней мере, в основных местах использовали, были в общих чертах сходными. Вот почему, а также для того, чтобы удовлетворить пожелание, высказанное трибуналом, я ограничусь в общих чертах показом той эволюции, которую претерпели германские действия. В отношении же подробностей, касающихся захвата немцами бельгийской продукции, я позволю себе предложить трибуналу обратиться к тексту, предъявленному трибуналу, и к многочисленным документам, приведенным в нашей книге документов.

Я имел честь обратить ваше внимание на существование чёрного рынка в Бельгии, его организации оккупационными войсками и их окончательному решению прекратить этот чёрный рынок. В связи с этим можно сделать вывод, как уже отмечалось в ходе общих замечаний, что несмотря на их заявления, кампания против чёрного рынка не была направлена на предотвращение инфляции в Бельгии.

В тот день, когда немцы решили закрыть чёрный рынок, они громко заявили о своём стремлении спасти бельгийскую экономику и бельгийское население от самых серьёзных последствий угрозы инфляции. В действительности, германские власти вмешались в чёрный рынок для того, чтобы предотвратить всё возрастающее распространение до той черты, за которой он поглотил бы всю торговлю и полностью задушил официальный рынок. Короче, выживание официального рынка с его низкими ценами являлось более предпочтительным для оккупационной армии.

Господа, теперь я перехожу к странице 46 моей презентации, к третьей главе – закупкам которые являлись внешне законными, но имевшими единственную цель, а именно подчинение производственных сил Бельгии.

[1] Члены трибунала, обвинение и защита приводятся в первом томе стенограммы.

Проводя в жизнь свою программу установления господства в оккупированных странах Западной Европы в той форме, в какой оно имело место начиная с 1939 года, немцы с момента своего вступления в Бельгию в мае 1940 года приняли все меры к тому, чтобы полностью подчинить себе бельгийское производство.

Не пожалели ни один сектор бельгийской экономики. Если разграбление более заметно в экономической сфере, то это видно из-за ярко выраженного промышленного характера бельгийской экономики. Не избежали германской хватки сельское хозяйство и транспорт, и я предлагаю обсудить обложение натурой в промышленности.

Германское военное командование в Бельгии прежде всего обратилось к бельгийской промышленности, по согласованию с различными ведомствами Рейха по сырью и с управлением четырёхлетнего плана и министерством экономики, оно создало целую программу, цель которой заключалась в получении почти всей бельгийской продукции для военных нужд Рейха. Уже 13 сентября 1940 г. оно смогло довести до сведения высших властей ряд планов получения железа, угля, текстиля и меди. Я предъявляю документ RF-162 (документ номер ECH-2), который подтверждает достоверность этого утверждения.

Помимо того, в отчете подполковника Хедлера, озаглавленном «Изменения ориентации в области экономики», содержится уточнение, согласно которому с 14 сентября 1940 г. управление по вооружению армии отправляло в подчиненные ему организации инструкции, которые находятся в книге документов под номером RF-163. Я оглашу последний абзац:

> «Я придаю наибольшее значение тому, чтобы заводы на оккупированных территориях Голландии, Бельгии и Франции широко использовались для облегчения задач производства германского вооружения и для увеличения военного потенциала. Предприятия Дании также должны быть отнесены сюда и, подобно вышеперечисленным, должны увеличивать свою производительность. В связи с этим немедленно следует начать осуществление директив, прилагаемых к приказу рейхсмаршала, а также к приказу относительно сырьевого производства на оккупированных территориях».

Совокупность этих положений позволила немцам в минимальные сроки установить контроль над всем производством и руководить им, а также осуществлять в Бельгии контроль над распределением, что способствовало военным усилиям Германии.

Распоряжение от 27 мая 1940, VOBEL[2], номер 2, представленное как документ номер RF-164 вводило товарные контрольные отделы, чьей задачей

---

[2] Аббр. с нем. Verordnungsblatt fur Belgien – «Бюллетень распоряжений».

являлось и я цитирую третий абзац:

> «…принимать, во исполнение директив группы армий, нормативные акты или индивидуальные приказы для предприятий которые производят, занимаются или используют контролируемые товары, в целях нормирования производства и обеспечения справедливого распределения и как можно более рационального использования рабочих мест».

Статья 4 этого же текста указывает на подробности полномочий этих отделов товарного контроля и в частности им предоставлялось право:

> «Принуждать предприятия продавать свою продукцию назначенным покупателям; запрещать или требовать использования отдельного сырья; давать своё одобрение на любую продажу или закупку товаров».

Чтобы более эффективно скрывать свою подлинную цель, немцы дали этим отделам товарного контроля независимость и статус корпораций. Таким образом были созданы 11 отделов торгового контроля которые охватывали всю экономику за исключением угля, руководство которым осталось у бельгийского угольного управления. Экземпляр номер RF-165 (документ номер ECH-3) приводит доказательства этого.

Осуществление правил обеспечивалось серией текстов принятых бельгийскими властями в Брюсселе. В частности они приняли распоряжение от 3 сентября 1940 в силу которого бельгийские организации принимали те организации, которые передавали немцы.

Этим отделам пришлось испытать многие неприятности. Созданные бельгийским министерством экономики, они находились под тесным контролем германского военного командования. Таким образом, захват бельгийского производства был закончен введением «уполномоченных предприятий» согласно указу от 29 апреля 1941 представленному как документ номер RF-166. Статья 2 данного текста определяла компетенцию уполномоченных:

> «Обязанностью уполномоченного является создание и поддержание работы предприятия находящегося в его ответственности в целях обеспечения систематического выполнения заказов, а также проведение всех мероприятий которые увеличивают производительность».

Упадок отделов торгового контроля начался с указа от 6 августа 1942 вводившего принцип запрета производства отдельной продукции или приказывающий использовать отдельное сырье. Данный указ находится в документальной книге под документальным номером RF-167. Вскоре был организован надзор за отделами торгового контроля путём назначения в них

германского комиссара, выбранного соответствующим Reichsstelle[3].

С последних месяцев 1943 ведомство «Rustungsobmann[4]» при министерстве вооружений и военной промышленности (Шпеер), взяло за привычку передавать свои приказы напрямую, не прибегая к каналу отделов торгового контроля.

Уже до этого времени предпринимались меры для предовтращения всякой инициативы не соответствующей германским военным целям. Далее, ещё до указа от 6 августа 1942, следует упомянуть указ от 30 марта 1942 который переводил коммерческие предприятия под контроль военного уполномоченного.

В отчете военной администрации в Бельгии, который был представлен под номером RF-169 (документ номер ECH-335), начальник административного штаба Реедер[5] сообщает, что только за период с января по март 1943 года из 2 тысяч металлургических предприятий 400 было закрыто ввиду их непригодности с точки зрения военного производства. На самом дела закрытие предприятий было вызвано не столько их «непригодностью», сколько возможностью завладеть ценным оборудованием и механизмами.

В связи с этим уместно отметить создание «бюро компенсации за машины». Вышеуказанный отчёт военной администрации в Бельгии в 11-м разделе, страницы 56 и последующие, особо значимы в этом отношении. Это фрагмент из немецкого текста, последние строки последнего абзаца страницы 56, во французском переводе, последние строки…

Председатель: Отрывок, который вы прочли о подсудимом Рёдере, был в документе 169 или 170?

Дельпеш: Господин председатель, вчера я говорил о начальнике административного управления, Реедере. Он являлся начальником управления в Брюсселе. Он не имеет никакой связи с подсудимым.

Председатель: Очень хорошо, я понял.

Дельпеш: Экземпляр номер RF-171 (документ номер ECH-10), второй абзац французского текста. Абзац об операциях «бюро компенсации за машины»:

> «Доказательства можно увидеть, взглянув на проведённые операции с машинами. Всего было разрешено 567 запросов на сумму 4.6 миллиона рейхсмарок».
>
> При этом Реедер так обосновывает ограбление предприятий:
>
> «Юридической основой реквизиции машин является Гаагская конвенция[6] от 1907 года, а именно статьи 52 и 53. На основании

---

[3] «Ведомством Рейха» (нем.)

[4] «Председатель по вооружениям» (нем.)

[5] Эггерт Реедер (1894 — 1959) — нацистский деятель, юрист, чиновник, правитель ряда оккупированных регионов. Группенфюрер СС с 9 ноября 1943. В 1940-1944 руководитель гражданского аппарата военного правительства Бельгии и северной Франции. После войны осуждён бельгийским судом.

[6] Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны – международно-правовое соглашение определяющее поведение воюющих сторон при ведении войны на суше. Принята в Гааге 18 октября 1907 г.

Гаагской конвенции реквизиции должны были производиться лишь в интересах и для удовлетворения потребностей оккупирующей страны, что соответствовало обстановке 1907 года, то есть тому времени, когда военные действия носили ограниченный характер и фактически происходили только на фронте. Ввиду ограниченности сферы военных действий вполне нормальным является тот факт, что Гаагская конвенция предусматривала реквизицию исключительно для удовлетворения потребностей оккупирующей армии, что в прошлом вполне удовлетворяло нужды, связанные с ведением военных операций. Но современная война требует, чтобы выполнение Гаагской конвенции согласовывалось с новыми принципами войны при учете того, что новая война, превращаясь в войну тотальную, перестает носить ограниченный характер и, кроме того, она стала войной экономической в такой же мере, как и войной народов».

Я пропускаю несколько строк и оглашаю заключительную часть цитаты:

«В связи с тем, что реквизиции были произведены в масштабах, предусмотренных приказом военного командования от 6 августа 1942 г., можно считать, что это делалось для того, чтобы дать возможность бельгийскому населению ознакомиться с рациональным толкованием Гаагской конвенции».

Такая интерпретация может удивить юристов, которых не готовили в школе национал-социализма. Во всяком случае, она не оправдывает разграбление промышленности и захват бельгийского производства.

Эти соображения демонстрируют насколько тонкими и разными были методы применявшиеся немцами для наложения своих рук на экономическую сферу. Таким же образом как в предыдущих выступлениях об операциях клиринга[7] и использования оккупационных сборов, они уточнили свои методы, используя особенно высокое обложение бельгийской экономики.

В то время как в некоторых сферах, таких как сельское хозяйство и транспорт, возможно оценить степень экономического разграбления с некоторой долей точности, существуют многочисленные промышленные сектора в которых пока не сделана оценка. Правдой является то, что значительная часть промышленного ущерба соответствует операциям клиринга, в частности реквизиция запасов. Таким образом, будет необходимо ограничить себя директивами политики практикуемой немцами.

Мы кратко исследуем тот способ при помощи которго проводилось экономическое разграбление в трёх секторах: промышленности, сельском хозяйстве

---

[7] Клиринг (англ. clearing — очистка) — безналичные расчёты между странами, компаниями, предприятиями и банками за поставленные, проданные друг другу товары, ценные бумаги и оказанные услуги, осуществляемые путём взаимного зачёта, исходя из условий баланса платежей.

и транспорте.

Первое это промышленный сектор: статистика клиринга, в первую очередь, даёт примеры общего обременения возложенного на различные отрасли промышленности.

Отчёт военной администрации в Бельгии, на которую я постоянно ссылаюсь, приводит следующие подробности, кратко подытоживая:

С самого начала оккупации немцы потребовали инвентаризации запасов на которые они наложили значительное обложение, заметное в текстиле и цветных металлах.

Я ограничусь короткими ремарками о текстиле и цветных металлах. Пример текстильной промышленности является особо показательным: накануне вторжения, бельгийская текстильная промышленность с 165000 рабочих являлась второй крупнейшей промышленностью в Бельгии после металлургической промышленности. Под предлогом предотвращения исчерпания наиболее важных запасов доступных в то время, указом от 27 июля 1940, текстительной промышленности было запрещено работать в объёме большем чем 30 процентов от объёма 1938. В период с мая по декабрь 1940 только реквизиции были в размере не менее чем 1 миллиард бельгийских франков. Она в частности затронула почти половину запасов шерсти доступных в стране на 10 мая 1940 и почти одну треть запасов хлопка-сырца.

С другой стороны, принудительное закрытие фабрик создавало для немцев превосходное оправдание для вывоза, под предлогом аренды, неиспользуемого оборудования если только оно не реквизировалось по более дешёвой цене. Указ от 7 сентября 1942 который находится в документальной книге как документ номер RF-174, излагает способ, которым должны были закрывать фабрики при осуществлении прав оккупационных властей, он также предоставлял право распускать отдельные деловые и промышленные группы и приказывать об их ликвидации. Давался предлог консолидации предприятий. В январе месяце 1944, 65 процентов текстильных фабрик остановились.

Я не буду останавливаться на подробностях и перейду к странице 58 доклада: в ранее цитировавшемся отчете германской военной администрации дается итоговая цифра произведенной продукции. Общее производство шерстяной промышленности превысило в период с мая 1940 года и до конца июня 1944 года 72 тысячи тонн и оценивалось в 397 миллионов рейхсмарок. Распределение поставок между германским и бельгийским рынками было следующим: на германском рынке — 64 700 тонн на сумму 314 миллионов рейхсмарок; на бельгийском рынке — 7700 тонн на сумму в 83 миллиона рейхсмарок. По этим цифрам видны масштабы ограбления текстильной промышленности.

Является очевидным, что бельгийское потребление сильно пострадало от германской политики руководства рынком текстиля. Этот же отчёт военной

администрации приводит подробности, заявляя о том, что в 1938 потребности в текстильной продукции ежемесячно насчитывали в Бельгии двенадцать килограммов. Соответствующие цифры за годы оккупации следующие: 1940 по 1941 – 2.1 килограмм на человека, 1941 по 1942 – 1.4, 1942 по 1943 – 1.4, 1943 по 1944 – 0, 7. Сокращение бельгийского потребления при немцах видно в двух цифрах: двенадцать килограмм на человека в 1938; 0,7 килограмм в конце оккупации.

С другой стороны бельгийское правительство приводит следующие подробности разграбления этой продукции. Обязательные поставки в Германию во время оккупации насчитывали:

Хлопковая пряжа, около 40 процентов продукции; льняное полотно 75 процентов; вискоза 15 процентов.

Наконец из текстильных запасов остававшихся в Бельгии, большой процент был изъят немцами путём закупок на бельгийских рынках, закупок полуфабрикатов. Эквивалент этим принудительным поставкам можно в целом найти в статистике клиринга, если его ложно не включали в оккупационные расходы.

Теперь я перейду к вопросу о цветной металлургии. В 1939 году Бельгия занимала первое место в Европе по производству цветных металлов: меди, свинца, цинка и олова. В отчете военного командования, фигурирующем как документ RF-173 (документ номер ECH-11), имеются статистические данные, являющиеся для трибунала доказательством.

18 февраля 1941 г. металлургическое управление Рейха и верховное командование армии, совместно с управлением по четырехлетнему плану, разработали план, которым намечалось: потребление металлов из Бельгии; обеспечение исполнения германских приказов; вывоз металлов в Рейх.

Эти различные мероприятия не удовлетворяли оккупационное командование, и они провели ряд так называемых «специальных» акций (Sonderaktionen) в соответствии с методами, применявшимися ими во всех странах Западной Европы: кампания по изъятию колоколов, кампания по сбору свинца для типографий, кампания по сбору меди – информация о них приводится правительством Бельгии, документ номер RF-146, страница 65 отчёта.

В других сферах, немцы, не признавая этого, следовали политике устранения или ограничения бельгийской конкуренции, таким образом, в случае германской победы экономические отрасли должны были быть ограничены на бельгийском рынке, что оставляло его открытым для германского бизнеса.

Эти попытки незамедлительного или будущего подавления конкуренции очевидны в вопросе литейных производств, стекольных производств, текстильной промышленности, строительстве, сборке автомобилей, строительстве узкоколейных железных дорог, кожевенной промышленности и в особенности изготовлении обуви, для чего восстановление разрушенных фабрик систематически запрещалось.

Помимо этого, экономическое ограбление других отраслей промышленности, и в частности металлообрабатывающей, определялось не только величиной обязательных поставок; оно находилось также в непосредственной связи с общей политикой, проводившейся оккупационными властями. Такие отрасли бельгийской промышленности, как угольная и особенно черная металлургия, понесли весьма значительный ущерб в результате осуществления директив, предусматривавших максимальное финансирование военных нужд по самому низкому курсу.

Я перехожу к вопросу цен на уголь. Контроль угольной промышленности был обеспечен назначением уполномоченного по углю и централизацией всех продаж в руках единого организма, «единственного продавца» под бельгийским руководством, но с германским уполномоченным. Я ссылаюсь на бельгийское угольное управление, единственного продавца для единственного покупателя «Rheinisch Westfalisches Kohlen-syndikat[8]», который заказывал поставки в Рейх, Эльзас-Лотарингию и Люксембург.

Согласно тому же германскому отчёту, страница 67, несмотря на увеличение цен на уголь согласованное 20 августа 1940, 1 января 1941 и 1 января 1943 угольная промышленность продемонстрировала значительные потери за годы оккупации. В феврале 1943 угольное управление согласовало увеличение продажной цены, цена за тонну бельгийского угля была выше чем на германском внутреннем рынке. Германский уполномоченный по горнодобывающей промышленности принудил бельгийскую промышленность оплатить разницу в курсе при экспорте в Рейх путём премий.

Из цифр указанных в экземплярах номер RF-176 (документ номер ECH-35) и 178 (документы номер ECH-26 и 27), трибунал может узнать информацию о финансовых потерях вызванных эксплуатацией. Отчёт военной администрации приводит подробности по одиннадцати пунктам сталеплавильной промышленности. Она пострадала настолько же сильно, как и угольная промышленность во время оккупации. В частности плавильное производство Томаса понесло убытки возникшие в результате роста цены и колебаний цены на отдельные средства производства.

В одном этом секторе, по данным меморандума бельгийского правительства сопутствующие убытки можно оценить в 3 миллиарда бельгийских франков. Согласно этому же отчёту из общей продукции в 1 миллиард 400 миллионов тонн, 1 миллиард 300 миллионов тонн различных продуктов были экспортированы в Германию не включая металл, поставленный на бельгийские фабрики работавшие исключительно на Германию.

По сведениям бельгийского правительства, немцы полностью захватили и

[8] «Рейн-Вестфальский угольный синдикат» - германский картель угольных производителей Рура. Создан в 1893. Официально прекратил деятельность в 1945.

вывезли в Германию ценнейшее промышленное оборудование. Стоимость изъятого определена бельгийским правительством суммой в 2 миллиарда бельгийских франков (по курсу 1940 года).

Эти изъятия составляют реальный материальный ущерб, и из фрагментарных указаний привидённых трибуналу эту сумму 2 миллиарда бельгийских франков я прошу отметить.

Ввиду информации доступной к настоящему времени нелегко оценить степень обложения промышленности, ещё сложнее оценить её в сельском хозяйстве, о чём я коротко расскажу.

Помимо допустимых нужд оккупационных войск, германские власти прилагали усилия к введению дополнительного продовольственного обложения в Бельгии в целях увеличения продовольствия в Рейхе и других территориях оккупированных её войсками. После применения прямых методов обложения, немцы воспользовались услугами безнравственных агентов, чья работа заключалась в закупках по любым ценам на нелегальных рынках, и чёрный рынок в данной сфере приобрёл такие пропорции, что оккупационное власти часто волновались и в 1943 закрыли его.

Кроме ущерба скоту и лесам и заповедникам, которые имеют важное значение в Бельгии, ущерб вызванный неупорядоченной вырубкой в лесах привёл к обезлесиванию достигшему 2 миллионов тонн, капитальный ущерб причинённый такой преждевременной вырубкой можно оценить почти в 200 миллионов бельгийских франков.

Военные операции причинили ущерб в 100 миллионов бельгийских франков, и согласно меморандуму бельгийского правительства, общий ущерб причинённый лесничеству составляет 460 миллионов бельгийских франков. Учитывая ущерб причинённый неупорядоченной вырубкой – в лесах и путём создания аэродромов, бельгийское правительство оценивает приблизительно в 1 миллиард бельгийских франков убытки причинённые сельскому хозяйству за время оккупации.

Следует отметить, не развивая этот вопрос далее, что это является чистыми капитальными убытками, составляющими значительное сокращение состава и последующее сокращение и реальное использование ресурсов нации. На этом я завершаю свою презентацию по вопросу сельского хозяйства и перехожу к транспорту.

Ведение войны привело немцев к широкому использованию железнодорожной сети, сети рек и каналов Бельгии. Результатом являлось то, что железные дороги и речной флот попали в те отрасли бельгийской экономики которые больше всего пострадали от оккупации и военных действий которые вели на бельгийской земле. Германский трафик одновременно являлся трафиком личного состава который требовался для военных операций и трафиком товаров, угля,

минералов, оборудования, не говоря о значительных количествах строительных материалов для укрепления побережья Северного моря.

Железные дороги: отчёт бельгийского правительства демонстрирует, что ущерб нанесённый железным дорогам составляет капитальный ущерб, а также убытки в доходах. Капитальные убытки в основном возникали ввиду реквизиций и вывоза, к которым немцы приступили во всеобъемлющем масштабе с момента вступления в Бельгию. В частности они незамедлительно изъяли подвижный состав под предлогом возвращения локомотивов переданных Бельгии после войны 1914-1918 в счёт репараций.

Кроме захвата локомотивов, Бельгийская национальная железнодорожная компания подверглась многочисленным материальным реквизициям, иногда в форме аренды, эти реквизиции оцениваются в 4 миллиарда 500 миллионов франков в ценах 1940.

В отличие от капитальных убытков, убытки в доходах (страница 77) в основном возникали из бесплатной перевозки по требованию Вермахта, а также из ценовой политики проводимой оккупирующей державой. Такое обложение и исключительные затраты заинтересованные организации могли нести лишь при условии крупных траншей из казны.

Относительно автомобилей, вряд ли можно добавить, что-либо ещё (страница 79). Убытки насчитывают около 3 миллиардов бельгийских франков из которых частные лица получили в качестве компенсации за реквизицию приблизительно 1 миллиард (в ценах 1938).

Мы переходим к речному транспорту: осуществление плана экономического разграбления Бельгии создало для оккупирующей державы серьёзные транспортные проблемы, на которые я уже обратил внимание.

В данной сфере германская военная администрация возложила на бельгийское речное судоходство очень тяжкие обременения. Согласно отчёту бельгиийского правительства, убытки причинённые бельгийскому речному флоту имеют три формы: реквизиции и вывоз немцами; частичный или общий ущерб в результате военных операций, чрезмерный материальный износ. Эти три формы ущерба насчитывают 500 миллионов франков из которых только 100 миллионов представлены в клиринге. Ущерб водным путям (страница 81), рекам, ручьям и каналам, можно оценить в 1 миллиард 500 миллионов до 2 миллиардов франков по ценам 1940, в особенности в отношении реквизиций и вывоза общественных и частных портовых сооружений.

Рыболовецкие суда реквизировались для проводки по реке Шельдт и затем исчезали безо всякого следа. Остальные пострадали в результате реквизиций или участия в военных манёврах.

Перед тем как завершить главу обложения натурой, следует кратко упомянуть вопрос вывоза промышленных материалов (страница 82).

Уже отмечалось, что политика производства и реорганизации военной администрации имела в качестве своего результат закрытие многочисленных предприятий, что позволило немцам захватить большое количество машин под предлогом того, что их не использовали.

Не было такой отрасли промышленности которую бы не разграбили таким образом. Металлургическая промышленность сейчас является той которая пострадала больше всех. Хотя мы не желаем испытывать терпение трибунала, особо важным кажется обратить его внимание на саму технику используемую при организации обложения, она была детально разработана еще до вступления германских войск на территорию государств Западной Европы, организация которой была введена в действие военными подразделениями, созданными по указаниям экономического бюро при генеральном штабе армии, таким образом исходившим от подсудимого Кейтеля как начальника ОКВ[9].

Существование военных частей, которые, по существу говоря, были подлинными грабительскими шайками, подтверждается различными германскими документами. Фигурируя под названием: экономические подразделения, «Wirtschaftstrupps», или «специальные команды», эти грабительские шайки осуществляли свою незаконную и губительную деятельность во всех странах Западной Европы.

Секретные инструкции для «экономических частей J», находившихся в Антверпене, представлены в книге документов под номером RF-183. Эти инструкции являются документом исключительной важности и бесспорным свидетельством грабительских стремлений немцев, а также служат новым доказательством того, что нацистские руководители пренебрегали положениями международного права.

Инструкции датированы последними числами мая 1940. Я позволю себе огласить несколько выдержек из них (документ номер RF-183, страница 1):

> «Части, действующие в экономической сфере, организованы управлением военной экономики и вооружения при верховном командовании германских вооруженных сил. Эти части передаются в распоряжение армии для того, чтобы действовать в оккупированных странах».

Я перехожу к концу страницы 1 немецкого документа:

> «Их задача заключается в быстром получении в сфере их деятельности всех наиболее необходимых для военных нужд предметов, которые у нас отсутствуют или имеются в ограниченном количестве: сырья, полуфабрикатов, минеральных масел, а также предметов, наиболее необходимых для военного производства,

---

[9] ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. OKW) — Верховное главнокомандование вермахта, центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

служащего удовлетворению различных нужд национальной обороны. Их задача заключается также в том, чтобы принять на учет все имеющиеся запасы указанных предметов.

Реквизиция машин сможет быть успешно проведена в том случае, если произведут их инвентаризацию. Получение другого рода имущества может быть обеспечено путем его инвентаризации и установлением сторожевой охраны.

Задачи частей, действующих в экономической сфере, заключаются также в подготовке и проведении, согласно приказам командования групп армий, вывоза имеющихся у нас в ограниченном количестве или отсутствующих предметов, как-то: минеральных масел и наиболее ценных машин. Выполнение этой задачи полностью ложится на части, действующие в экономической сфере.

Части, занимающиеся экономическими вопросами, должны начать действовать в оккупированных странах, как только это позволит военная обстановка».

После учета имеющихся в наличии машин и сырья специально созданные органы отправляли их в Германию.

Вышуказанный документ RF-183 приводит точную и весьма любопытную информацию о составе отряда «J» в Антверпене. Все восемь офицеров являлись офицерами запаса, инженерами, оптовыми закупщиками, директорами шахт, импортёрами сырья, техническими консультантами. Их имена и профессии указаны в документе. Таким образом, эти люди являются специалистами в торговле и промышленности. Выбор этих технических исполнителей не является случайным.

Согласно вышеуказанным инструкциям и в особенности инструкциям находящися под датой 10 мая 1940 поступившим от генерала Ханнекена[10] (экземпляр номер RF-184), документ номер ECH-33, как только машины и запасы выявлялись, организации начинали свою работу, «Roges[11]» с одной стороны и компенсационные бюро с другой, на чью деятельность уже обращалось внимание в связи с разграблением Голландии и бельгийской цветной металлургии.

«Экономические отряды перечисленные в разделе I, которые составлены из экспертов отраслей соответствующей промышленности, должны иметь информацию и обеспечивать сохранность запасов сырья и специальных машин для производства вооружения и военного снаряжения, представляющих особую важность».

Председатель: Эта цитата приводится в вашем досье?

[10] Герман Ханнекен (1890 – 1981) – Генерал пехоты Вермахта. В 1936-1942 начальник управления снабжения сухопутных войск. В 1942-1945 командующий оккупационными войсками в Дании.
[11] Аббр. с нем. Rohstoff-Handelsgesellschaft (торговая сырьевая компания).

Дельпеш: Цитата на странице 84, бис.
Председатель: Будет удобным прерваться?

[*Объявлен перерыв*]

Дельпеш: Помимо экономических отрядов, на которые я обратил внимание трибунала, проинструктированных вывозить и перераспределять машины как на фабрики работающие в стране в интересах оккупирующей державы так и на фабрики в Германии, эти операции находились под руководством «Бюро компенсаций за машины».

Такие организации были созданы на всех оккупированных территориях Западной Европы в последние месяцы 1942 по приказу министерства вооружений и военной промышленности, например подсудимым Шпеером и управлением четырёхлетнего плана, например, подсудимым Герингом.

«Бюро компенсации за машины» для Бельгии и Северной Франции было создано по решению главы военно-экономического отдела в Брюсселе 13 февраля 1943. Его деятельность уже была описана трибуналу в связи с разграблением цветной металлургии. Его деятельность на этом не закончилась, оно обосновалось во всех отраслях промышленности. Экземпляр номер RF-185 (документ ECH-29) приводит нам цифры о его деятельности. Эта деятельность продолжалась до самых последних дней оккупации. Реквизиции машин и инструментов не ограничивались промышленностью; документы номер ECH-16 и ECH-17 (экземпляры номер RF-193 и 194) демонстрируют степень реквизиции научных инструментов.

Я завершил с обложением промышленных материалов.

Я должен кратко представить четвёртую главу по вопросу услуг, прежде всего:

1. Проживание войск. По указу от 17 декабря 1940, страница 88, немцы ввели сбор на проживание своих войск в Бельгии. Сделав это, оккупационные власти оправдывали себя довольно вольной интерпретацией статьи 52 Гаагской конвенции, согласно положениям, которой оккупирующая держава может требовать обложения натурой и услугами.

Отчёт Веттера (документ номер RF-186) ошибочно утверждает, что конвенция не определяет, кому предоставляется исполнение; статья 49 предоставляет право оккупированной страны брать на себя издержки.

Таким образом, Бельгия была вынуждена оплатить расходы на сумму в 5 миллиардов 900 миллионов франков на проживание, оборудование и меблировку. Платежи бельгийского казначейства за проживание оцениваются в докладе бельгийской военной администрации в 5 миллиардов 423 миллиона франков.

Очевидно, что под предлогом издержек на проживание, включались другие расходы с целью подрыва бельгийской экономики, как и в других оккупированных

странах – закупленная мебель должна была направляться в Германию.

2. Транспорт и связь.

Чтобы обеспечить работу транспорта и связи бельгийская казна выделила аванс в размере 8 миллиардов франков. Как уже отмечалось трибуналу, захват оккупационными властями охватил даже речной флот в такой мере, что перевозки ограничились использованием железной дороги действующими войсками.

Согласно статье 53 Гаагской конвенции, оккупирующая армия вправе изымать средства транспорта и связи с учётом их возврата и оплаты. Однако, армия не имеет права заставлять оккупированную страну оплачивать транспортные издержки армии. Однако, именно это Германия делала в Бельгии.

3. Рабочая сила.

Депортация рабочей силы в Германию и принудительный труд в Бельгии уже объяснялись трибуналу. Следовательно, кажется ненужным подчёркивать данное положение (страница 91). По большей части, нам следует вспомнить отдельные неблагоприятные последствия для бельгийской экономики. Данные меры касались депортации рабочей силы приводящей к экономической дезорганизации и беспрецендентному ослаблению.

Во-вторых, убытие рабочих и в частности квалифицированных рабочих неадекватно возмещалось неквалифицированными рабочими – женщинами, подростками и пенсионерами – что приводило к падению производительности одновременно с удорожанием, что вносило свой вклад в проблему финансового равновесия на промышленных предприятиях.

С 1940 руководствуясь общей политикой во всех оккупированных странах Западной Европы, немцы занимались получением долей в бельгийских финансовых предприятиях за рубежом. Официальная точка зрения немцев видна из письма от 29 июля 1941 от министра финансов военному командующему в Бельгии. Я представил его под номером 187, в документальной книге (документ номер RF-187).

Данная концепция права о присвоении долей весьма далека от идеи изложенной в Гаагской конвенции в отношении права реквизиции. Этим явно показана решимость немецких лидеров по обогащению за счёт Бельгии.

Таким образом, немцы с мая 1940 стремились получить влияние в бельгийских холдинговых компаниях. Не будучи способными прямо нарушить международные законы, в частности статью 46 Гаагской конвенции, они стремились повлиять на членов советов директоров путём убеждения, нежели силой.

В ходе совещания прошедшего 3 мая 1940 в рейхсминистерстве экономики, по поводу бельгийского и голландского капитала который можно было присвоить, было решено, чтобы военный командующий в Бельгии предпринял все необходимые меры для предотвращения, с одной стороны уничтожения, вывоза, продажи и незаконного владения всеми облигациями и акциями этих стран, с другой стороны, убеждал бельгийских капиталистов передавать свои зарубежные вложения

немцам. Стенограмма совещания находится в документальной книге под номером RF-187.

Для предотвращения бегства любого капитала, был принят указ от 17 июня 1940, вводивший разрешение на отправку за рубеж любых ценных бумаг и на любую покупку или владение зарубежными ценными бумагами.

С 2 августа 1940 немецкие лидеры и подсудимый Геринг лично выразили точку зрения по данному вопросу. В ходе общих замечаний об экономическом разграблении подсудимым Герингом были приняты секретные директивы об этом которые вам зачитывали. Этот документ представлен под номером RF-105 (страница 97).

Несмотря на германские заверения и, несмотря на желание оккупирующей державы сохранить видимость порядка, немецкое желание поглотить отдельные доли встретило серьёзное сопротивление. Оккупационные власти несколько раз прибегали к обязанию проводить продажи, несмотря на права, которые они оставили за собой в вышеуказанном распоряжении от 27 августа 1940. Так обстояло дело в частности в отношении долей Бельгийского металлического треста в электрических предприятиях Восточной Силезии и ещё более явно в отношении долей в Австрийской металлургической компании, которую в это время захотели предприятия «Герман Геринг[12]».

Бельгийское нежелание росло по мере того как немецкая решимость грабить становилась всё более очевидной. В этом отчёте от 1 декабря 1942, экземпляр номер RF-191 (документ номер ECR-132), германский уполномоченный в национальном банке весьма откровенно заявил об этом сопротивлении бельгийского рынка. Почти все присвоения, которые можно было провести немцы удовлетворяли посредством клиринга (страница 98).

Кредитный баланс клирингового капитала Бельгии, насчитывал 1 миллиард бельгийских франков на 31 августа 1944, представляя собой принудительный займ навязанный Бельгии без какого-либо юридического или логического отношения к оккупационным издержкам, а скорее волю немцев к гегемонии.

Такие действия, нарушающие принципы международного права и положения уголовного права цивилизованных наций, признаются статьей 6 устава Международного военного трибунала деянием разграбления общественной или частной собственности, о которой говорилось в вышеуказанном тексте.

С присвоением долей и всегда в рамках законности было связано обложение введеное германскими властями на иностранную, вражескую и еврейскую собственность, на что следует указать трибуналу.

Что касается иностранного имущества захваченного немцами, следует упомянуть, что данная мера была применена к французскому капиталу в Бельгии

[12] Немецкий государственный промышленный концерн. Основан в 1937.

несмотря на многочисленные протесты французского правительства. Что касается еврейского имущества, за 1943 и 1944 годы, цифры представлены в документе номер ЕСН-35 (экземпляр номер RF-192).

На этом я завершаю презентацию экономического разграбления Бельгии (страница 100).

Ущерб причинённый бельгийской экономике в основных отраслях был представлен трибуналу. Статистические данные были взяты как из немецких отчётов, так и официальных отчётов бельгийского правительства. Доступные оценки и цифры пока не являются достаточно точными для установления цены войны, оккупационного и экономического разграбления Бельгии, некоторые убытки и ущерб не могут быть выражены в деньгах. Среди них, прежде всего, нам следует упомянуть лишения, возникшие в результате германского распоряжения крупными поставками продовольствия и в частности ситуацию с проживанием и одеждой. Данный чисто материальный аспект вопроса не должен позволить упустить из вида последствия оккупации для здоровья общества (страница 103). Ввиду нехватки статистических данных сложно с точностью продемонстрировать окончательное положение в общественном здравоохранении возникшее из-за данных обстоятельств.

Однако, следует помнить один факт: значительный рост количества лиц которые имеют право на особые диеты инвалидов. Это число возросло с 2000 в месяц в 1941 до более чем 25000 в месяц в 1944. Поэтому, рост составил более чем десять раз, несмотря на мероприятия по нормированию которые становились всё жестче и жестче.

Данный рост продовольственной помощи для больных лиц заслуживает внимания трибунала, не сам по себе и не для статистики, а потому, что он указывает на рост заболеваемости в Бельгии. Сам этот рост являлся результатом недоедания населения в течение четырёх лет оккупации.

Однако, такое печальное положение дел, не избежало внимания оккупационных властей, что видно из письма военного командующего в Бельгии которое уже цитировалось в документальной книге как документ номер RF-187:

> «Относительно продовольственной ситуации в Бельгии, не обеспечен ни минимум для существования гражданского населения ни минимальные количества необходимые для питания рабочих тяжёлых производств, которые работают исключительно в интересах германской военной экономики».

Я не буду вдаваться в это. Недоедание бельгийского населения являлось неизбежным и самым серьёзным результатом тяжкого обложения введённого оккупационными властями, которые умышленно отбросили элементарные требования к оккупирующей стране в целях удовлетворения военных задач Рейха.

Снижение среднего уровня жизни и рост смертности в Бельгии с 1940 по

1945 можно рассматривать прямым следствием разграбления немцами Бельгии в нарушение международного права.

Я завершил презентацию о Бельгии.

Несколько очень кратких замечаний об экономическом разграблении Люксембурга (страница 106).

Правительство Великого Герцогства Люксембург вручило краткое изложение своих обвинений, которые были представлены Трибуналу под номером UK-77. Выдержки, в которых говорится о преступлениях против собственности (в экономической части), фигурируют в книге документов под номером RF-194.

Вскоре после прихода в Великое Герцогство Люксембург немцы провели фактическое присоединение его. Такая тактика, похожая на ту, которую они приняли по отношению к жителям департаментов Мозеля, Нижнего и Верхнего Рейна, вызывает несколько замечаний.

Как обычно, одной из первых мер, которые были приняты, явилось изменение курса люксембургских денег, установленного в 10 люксембургских франков за 1 марку. Эта мера была принята в соответствии с приказом от 6 августа 1940 года, документ RF-195. Этот паритет не соответствовал покупательным возможностям обоих видов валют. Он позволил немцам присвоить большую часть имущества населения и в особенности обеспечивал немцам полный контроль над денежными знаками. Таким образом, они получили возможность захватить большое количество запасов сырья и полуфабрикатов страны. Эти приобретения были оплачены обесцененными марками на основании контролируемых цен, навязанных немцами.

Наконец, указом от 29 января 1941 г. рейхсмарки были введены в качестве единственных законных денег, документ RF-196. Люксембургские франки и денежные знаки Reichskreditkasse[13] были изъяты из обращения так же, как и бельгийские франки, которые до сих пор рассматривались как денежная единица франко-люксембургского денежного союза. С 5 февраля 1941 г. эти деньги стали рассматриваться как иностранная валюта.

Следует обратить внимание трибунала на тот факт, что из всех стран, оккупированных Германией, Люксембург, так же как Эльзас и Лотарингия, являлся единственной страной, полностью лишенной национальных денег.

Кроме того, чтобы предоставить Рейху финансовую поддержку, необходимую для ведения войны, приказом от 27 августа 1940 г., документ RF-197, была предписана принудительная сдача золота и иностранной валюты. Им же предписывалась, кроме того, принудительная продажа иностранных акций и облигаций Рейхсбанку по курсу и на условиях, установленных оккупантами.

Как уже было сказано, немцы захватили промышленные запасы. По этому

[13] Кредитные кассы Рейха – учреждения организованные Германией на оккупированных территориях в целях централизации денежного обращения.

поводу отчет от 21 мая 1940 г. об экономическом положении в Голландии, Бельгии и Люксембурге дает сведения о запасах, найденных в стране:

1600 тысяч тонн железной руды, 125 тысяч тонн марганцевой руды, 10 тысяч тонн необработанного железа, 10 тысяч тонн железного марганца, 36 тысяч тонн проката и фабрикатов. Я мог бы назвать еще некоторые данные.

Согласно меморандуму, представленному люксембургским правительством в комиссию по репарациям, документ RF-198, сумма ущерба составляет 5800 миллионов люксембургских франков в ценах 1933 года. Эти цифры можно проанализировать следующим образом:

Промышленность и торговля - 1 миллиард 900 миллионов; железные дороги - 200 миллионов; дороги и шоссе - 100 миллионов; сельское хозяйство - 1 миллиард 600 миллионов; ущерб имуществу в целом - 1 миллиард 900 миллионов.

Согласно этому же официальному источнику, общие капитальные убытки составляют приблизительно 33 процента национального благосостояния Люксембурга, до войны составлявшего приблизительно 5 миллиардов люксембургских франков.

Воздействие на финансовую и денежную ситуацию в стране составило ущерб превыщающий 6 миллиардов люксембургских франков. В числе этого ущерба увеличение денежной массы и суммы принудительных инвестиций в Германию – более чем 4 миллиардов 800 миллионов люксембургских франков, а также дополнительные обязательства, возложенные на налогоплательщиков Великого Герцогства введением германской налоговой системы. К этим обременениям следует добавить изъятие доходов, штрафы и якобы добровольные разного рода подарки возложенные на Люксембург.

Похожим образом это проводилось в других странах, указом от 21 февраля 1943 (экземпляр номер RF-199 документальной книги о Люксембурге) предусматривал, что ненемецкие управляющие не могли назначаться в крупные предприятия, в частности сталеплавильные предприятия, которые – и это текст указа – «не готовы к оказанию услуг в интересах германизации при любых обстоятельствах».

Задачей этих уполномоченных являлось обеспечение для Рейха, в рамках четырёхлетнего плана, руководства и контроля за эксплуатацией исключительно в интересах германских военных усилий. Таким образом, 2 августа 1940 «рейхскомиссар» по управлению вражеским имуществом назначил в крупнейшую металлургическую компанию Люксембурга, «Объединённые сталелитейные предприятия Эрбах-Эйх-Дуденлаге (Arbed)», трёх немецких комиссаров которые обеспечили полный контроль за компанией. Ни одна крупная компания не избежала такого владычества, что можно увидеть из документов представленных трибуналу под номером 200 (документ номер RF-200).

Разграбление Люксембурга и зарубежных вложений в сфере страхования,

одной из наиболее важных сфер деятельности Люксембурга, было полным. За исключением трёх швейцарских компаний и германской компании, все переводы были запрещены для люксембургских компаний, чьи активы были переданы германским страховым компаниям – официальным образом в отношении национальных компаний и тайно в отношении иностранных компаний.

Страховые компании Люксембурга были лишены премий по страхованию от пожаров в результате введения обязательного страхования от пожаров, на которое получили монополию немецкие компании.

Нацисты ввели в Люксембурге свою расовую политику и конфисковали всю собственность, принадлежавшую евреям в интересах «Verwaltung fur die Judenvermogen» (Управления еврейским имуществом).

Также в связи с Umsiedlungspolitik (политикой переселения) 1500 семей (то есть 7000 люксембуржцев) были депортированы. Немцы завладели их имуществом. Управление конфискованной собственностью было поручено одному германскому обществу, находящемуся при бюро по германизации и колонизации. Фактически же это общество производило ликвидацию этой собственности. Таким образом, было конфисковано и переведено в Германию большое количество ценностей.

Как было указано, тирольским немцам были переданы промышленные, торговые и ремесленные предприятия, принадлежавшие высланным.

Это доказывает, что Великое Герцогство явилось жертвой организованного, систематического экономического ограбления, которое не уступает ограблению Бельгии.

Председатель: Господин Дельпеш, трибунал благодарен вам за то как вы выполнили задачу о которой вас попросили прошлым вечером, задачу которая весьма не проста, по сокращению выступления которое вы запланировали. Насколько он может судить, не были опущены никакие важные части вашего выступления. Для процесса имеет большое значение, чтобы он проводился, как указывает устав, ускоренным образом и по этой причине трибунал попросил вас по возможности сократить ваше выступление.

Дельпеш: Благодарю ваша честь, за вашу любезность.

Председатель: Да, господин Жертоффер.

Жертоффер: Господин председатель, уважаемый суд. Я начинаю представление доказательств о разграблении экономики Франции.

Когда немцы захватили Францию, они нашли там громадные богатства. Они тотчас же приступили к изъятию этих богатств и подчинению национального производства.

Так как средства простой реквизиции были недостаточны для того, чтобы добиться своих целей, они использовали скрытые средства, действуя одновременно хитростью и силой, стараясь замаскировать свои преступные действия видимостью законности.

Для этого они мошеннически извратили соглашение о перемирии[14]. Это соглашение не содержало никаких экономических или секретных статей. Оно состояло только из опубликованного текста. Однако для обеспечения своих мероприятий немцы использовали две статьи. Я представляю трибуналу под номером RF-203 экземпляр соглашения о перемирии и цитирую статью 18:

> «Издержки по содержанию германских оккупационных войск на французской территории будут возложены на французское правительство».

Эта статья не противоречила Гаагской конвенции. Но Германия навязала уплату громадных сумм, намного превышающих те суммы, которые были необходимы на нужды армии, оккупирующей территорию. Это позволяло им распоряжаться без какой-либо компенсации почти всеми деньгами, что они фактически ловко использовали в качестве средства грабежа.

В статье 17 соглашения о перемирии говорится:

> «Французское правительство обязуется помешать какой-либо передаче на неоккупированную территорию или за границу ценных бумаг экономического характера или запасов из районов, которые подлежат оккупации германскими войсками. Ценными бумагами и запасами, которые находятся на оккупированной территории, можно распоряжаться лишь по согласованию с правительством Рейха, принимая во внимание, что германское правительство учтет, что является жизненно необходимым для населения неоккупированной территории».

По-видимому, целью этой статьи было помешать отправке в Англию или в колонии всего, что можно было использовать против Германии. Но оккупанты воспользовались этой статьей для того, чтобы захватить контроль над производством и распределением сырья во всей Франции, так как население неоккупированной зоны не могло жить без продуктов и изделий оккупированной зоны, и взаимно эта последняя нуждалась в продуктах так называемой «свободной зоны».

Это намерение немцев подтверждается документом PS-1741, который я представляю под номером RF-204.

Я не хочу обременять трибунал выслушиванием этого документа, я приведу лишь короткий итог.

Это секретный отчёт от 5 июля 1940 адресованный президенту совета…

Председатель: Господин Жертоффер, это не тот документ, о котором мы можем вынести судебное уведомление, я думаю, вы должны зачитать из него то, что

[14] Второе компьенское перемирие (или Компьенское перемирие 1940 года) — перемирие, заключённое 22 июня 1940 года в Компьенском лесу между нацистской Германией и Францией и завершившее успешную кампанию немецких войск во Франции (май—июнь 1940 года).

желаете приобщить в качестве доказательства.

Жертоффер: Я оглашу трибуналу фрагмент из документа.

Председатель: Очень хорошо.

Жертоффер:

> «Статья 17 соглашения о перемирии, говорится в документе, предоставляет Германии право изымать экономические ценности и запасы на оккупированных территориях и устанавливает, что распоряжения французского правительства должны быть предоставлены Германии на одобрение».
>
> Исходя из пожелания Франции Германия согласна принимать во внимание также жизненные нужды населения неоккупированной зоны каждый раз, когда она будет решать вопросы об использовании французским правительством ценностей и запасов, находящихся на оккупированной территории, она также примет во внимание потребности жителей неоккупированной зоны».

Я процитирую только этот отрывок, чтобы сократить мои пояснительные замечания, и я перехожу к следующему документу, который содержит в некотором роде ответ германскому чиновнику который подготовил этот отчёт. Я представляю его за номером RF-205 (документ номер EC-409), документ был обнаружен американской армией. Это ответ на документ, из которого я процитировал отрывок.

> «Вопрос ликвидации демаркационной линии, в частности, не может рассматриваться снова; нам должно быть совершенно безразлично, что восстановление экономической жизни во Франции сорвано. Французы проиграли войну, и, таким образом, они должны оплачивать убытки. На возражение, что в результате этого Франция в скором времени превратится в очаг беспорядков, мне ответили, что в таком случае будет просто-напросто применено оружие или что будет оккупирована еще не оккупированная зона.
>
> Все уступки, которые мы делаем французам, они должны очень дорого оплатить поставками с неоккупированной территории или из колоний. Мы должны покончить с отсутствием координации в экономике Франции».

Наконец, господа судьи, вот еще один документ захваченный армией США, который я передаю под номером RF-206, EC-325. Он подписан доктором Грамшем и содержит следующие сведения:

> «В связи с переговорами о более гибкой демаркационной линии французскому правительству было предложено овладеть во всей Франции ценностями, выраженными в золоте и иностранной валюте».
>
> Дальше составитель этого документа пишет:
>
> «Запасы иностранной валюты оккупированной Франции должны были

бы увеличить наш военный потенциал. Эта мера могла бы также быть использована как средство давления на французское правительство, чтобы заставить его занять более сговорчивую позицию в других областях».

Ознакомление с этими документами показывает, что немцы намеревались в нарушение всяких правовых принципов захватить все экономические богатства Франции и распоряжаться ими.

Путем принуждения немцам удалось после года оккупации захватить контроль почти над всей французской экономикой. Это явствует, в частности, из статьи, опубликованной доктором Михелем[15], директором экономического управления при военной администрации во Франции. Эта статья была опубликована в «Berliner Borsen Zeitung[16]» от 10 апреля 1942 г. Я ее представляю в качестве документа за номером RF-207, из которого я оглашу следующую выдержку:

«Следовало, таким образом, считать, что задача компетентных управлений германской военной администрации состояла в руководстве подконтрольной экономикой. Другими словами, они должны были давать инструкции и следить за тем, чтобы эти инструкции действительно выполнялись».

Далее этот доктор Михель пишет:

«Теперь, когда распределение сырья и размещение заказов организованы и функционируют эффективно, первостепенной задачей во Франции является жесткое ограничение потребления, не связанного с потребностями военной экономики. Ограничения, наложенные на французское население в области питания, одежды, обуви и отопления, уже давно по своей строгости превысили ограничения, существующие в Германии».

Показав вам, господин председатель и господа судьи, в этом кратком введении к выступлению об экономическом разграблении Франции, во что превратилась эта страна при господстве немцев, я хочу дать вам некоторые разъяснения по поводу способов, применявшихся немцами для достижения вышеупомянутых целей. Это явится темой последующих разделов моего выступления: Захват немцами платежных средств. Тайные закупки на «черном рынке». Приобретения с сохранением видимости соблюдения законности. Насильственная вербовка.

I. Захват немцами платёжных средств.

Захват немцами платежных средств путем: во-первых, взносов для возмещения расходов на содержание оккупационных войск; во-вторых,

---

[15] Эльмар Михель (1897 – 1977) – немецкий чиновник. В 1940-1944 начальник административного управления военного командования Вермахта во Франции.

[16] «Газета берлинской биржи» (нем.) – немецкая ежедневная газета. Издавалась с 1855 по 1944 гг.

установления одностороннего клиринга в определенном направлении; в-третьих, просто напросто захвата золота и изъятия бумажных денег и иностранной валюты, а также использования системы коллективных штрафов (страница 15).

Возмещение расходов на содержание оккупационных войск.

Я не буду говорить, господа судьи, о правовой стороне этого вопроса, ограничусь тем, что дам вам некоторые разъяснения, чтобы вы смогли представить себе силу давления, которое было оказано на руководителей того времени, чтобы добиться взноса огромных денежных сумм.

Как я уже имел честь сказать вам, в соглашении о перемирии принцип содержания оккупационных войск просто упомянут без определения суммы и формы взносов. Немцы использовали это положение для того, чтобы извратить и расширить это обязательство Франции и использовать его в качестве предлога для обложения громадной контрибуцией.

На первых заседаниях комиссии по перемирию французы настаивали по этому вопросу на том, что на Францию можно возлагать только обязанность возмещения расходов на содержание армии, необходимой для оккупации территории; немецкий генерал Мит[17] вынужден был признать справедливость этого положения; в связи с этим он заявил, что расходы на содержание войск, предназначавшихся для борьбы против Англии, не будут оплачиваться Францией.

Этот факт подтверждается выдержкой из протокола совещания комиссии по перемирию. Выдержку я представляю за номером RF-208. В дальнейшем эта точка зрения генерала Мита была, вероятно, раскритикована его начальством, так как на следующем заседании, 16 июля 1940 г., не отказываясь от своих слов, он, однако, заявил, что не может ответить на этот вопрос и что этот вопрос больше не будет обсуждаться, что, наконец, будет сделано все необходимое, чтобы позволить французскому правительству подготовить бюджет. Это явствует из протокола заседания комиссии по перемирию, который я представляю под номером RF-209.

8 августа 1940 г. Геммен[18], возглавлявший германскую делегацию по экономическим вопросам в Висбадене, передал письмо генералу Хюнтцигеру[19], возглавляющему французскую делегацию. В письме говорилось, что:

> «Ввиду невозможности определить точную сумму издержек по оккупации французское правительство должно будет вносить до следующего распоряжения в счет этих издержек по крайней мере 20 миллионов марок в день, основываясь на курсе: одна марка равняется 20 французским франкам.

[17] Фридрих Мит (1888 — 1944) — немецкий офицер, участник Первой и Второй мировых войн, генерал пехоты. Оберквартирмейстер генерального штаба армии в 1940. Убит в бою.

[18] Ганс-Рихард Геммен (1888 – 1956) – немецкий дипломат. В 1942-1945 делегат Германии по экономическому сотрудничеству с Францией.

[19] Шарль Хюнтцигер (1880 — 1941) — французский военачальник, армейский генерал (17 мая 1938), один из активных деятелей режима Виши.

То есть по 400 миллионов франков. В этот расчет не входили издержки по расквартированию войск, которые должны были уплачиваться сверх этой суммы».

Этот факт явствует из документа RF-210, который я представляю трибуналу и на котором имеется подпись Геммена.

Эти требования вызвали ответ, датированный 12 августа 1940 г., в котором было подчеркнуто, что огромная сумма этих ежедневных взносов позволяет сомневаться в том, что эти взносы были установлены из расчета нормальной численности оккупационной армии и из расчета нормальной стоимости содержания этой армии; что, кроме того, численность армии, соответствующая указанной цифре, несоразмерна со всем тем, что можно было предвидеть, учитывая военную практику прошлого и нужды настоящего времени. Это явствует из письма от 12 августа, которое представляется за номером RF-211.

15 августа 1940 г. германская делегация приняла к сведению готовность французского правительства уплатить по некоторым счетам, но категорически отказалась обсуждать как сумму взноса, так и различие между оккупационными войсками и действующими войсками, что и явствует из документа RF-212, который я прошу приобщить к делу.

18 августа французская делегация ознакомилась с германской нотой от 15 августа, на которую она ответила (документ номер RF-213):

«…что желание заставить Францию оплатить издержки по содержанию действующих войск является требованием, явно противоречащим положениям соглашения по перемирию.

...что требуемые издержки выражены во франках по курсу, который намного превышает соответствующую покупательную способность марки и франка, в то время как закупки германской армии во Франции есть средство контроля над уровнем жизни в этой стране, и что они будут с согласия германского правительства частично заменены поставками в натуре».

Письмо заканчивается следующим:

«В этих условиях непосильная контрибуция, требуемая от французского правительства, по-видимому, является произвольной и намного превышает те контрибуции, которые можно было бы справедливо ожидать.

Французскому правительству, которое всегда стремится честно соблюдать условия конвенции по перемирию, остается только обратиться к германскому правительству в надежде, что последнее примет во внимание вышеупомянутые аргументы».

Председатель: Суд прервётся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Жертоффер: Сегодня утром я имел честь представить трибуналу факты того, что немцы требовали от Франции возмещения расходов в размере 400 миллионов франков в день для содержания их оккупационной армии. Я также указал, что тогдашнее французское правительство, не отказываясь в принципе от своих обязательств, пыталось возражать против требуемой суммы.

Как только немцы вошли во Францию, они выпустили там, как, впрочем, и в других оккупированных странах, банкноты Reichskreditkasse и оккупационные боны, над которыми эмиссионные органы не имели никакого контроля, и эти банкноты имели хождение только во Франции. Этот выпуск представлял опасность, так как количество денежных знаков в обращении увеличивалось произвольно по одному лишь желанию оккупационных властей.

В то же время по приказу от 17 мая 1940 г., опубликованном 17 мая 1940 в VOBIF[20] за номером 7 (документ RF-214) был зафиксирован принудительный курс рейхсмарки из расчета 20 французских франков за одну марку, в то время как реальный паритет составлял приблизительно 10 франков за одну марку.

Французская делегация забеспокоилась по поводу все возрастающего значения обращения банкнот Reichskreditkasse и роста объема немецких закупок и курса марки. Но германская делегация ответила 14 августа 1940 г., что она не изменит положения с банкнотами и не изменит курса марки во Франции. Это видно из письма от 14 августа, которое я представляю под номером RF-215.

Оккупанты, таким образом, неоправданно создали возможность нажима на тогдашнее французское правительство, чтобы привести его к уступкам их требованиям как с точки зрения сумм по возмещению оккупационных издержек, так и с точки зрения принудительного курса марки, а также соглашения о клиринге, о чем мы скажем ниже.

Генерал Хюнтцигер, глава французской делегации, несколько раз драматически взывал к немецкой делегации, которую он просил не толкать Францию в пропасть, как это явствует из телеграфного доклада, посланного Гемменом 18 августа 1940 г. своему министру иностранных дел. Этот доклад обнаруженный армией Соединённых Штатов (документ PS-1741(5)) я представляю Трибуналу за номером RF-216. Вот одна интересная выдержка из этого доклада:

> «Эти большие платежи дали бы Германии возможность купить Францию целиком, включая ее промышленность и вклады за

---

[20] «Verordnungsblatt fur die besetzten franzosischen Gebiete» (нем.) «Вестник распоряжений оккупированного французского района»

границей, это означало бы гибель Франции».

Письмом и нотой от 20 августа Германия предъявила требование Франции произвести частичные платежи с учетом, что не будет делаться никакого различия между немецкими войсками во Франции, что численность германских оккупационных войск будет определяться необходимостью продолжения войны и что, кроме того, курс марки не будет фиксироваться при этих платежах, поскольку они являются только уплатами в счет причитающейся суммы. Я представляю ноту германского правительства от 20 августа за номером RF-217.

На следующий день, 21 августа 1940 г., генерал Хюнтцигер во время своего разговора с Гемменом напрасно старался в последний раз добиться снижения немецких требований. Как видно из протокола этого собеседования, документ RF-218, Германия уже предусмотрела тесное экономическое сотрудничество с Францией: создание института уполномоченных комиссаров по контролю за обменом товаров и внешней торговлей. В противовес Геммен давал понять о возможности отмены правительством демаркационной линии между двумя зонами. Геммен отказался вести дальнейшие переговоры о сумме возмещения оккупационных расходов.

В ноте от 26 августа 1940 г. французское правительство указывало, что оно вынуждено уступить давлению, хотя и протестует против требований немцев. Нота заканчивается следующими словами:

> «Французская нация не боится ни труда, ни страданий, нужно только, чтобы ей была предоставлена возможность жить. Вот почему французское правительство не сможет в будущем продолжать идти по пути, на который ее толкают, если опыт покажет, что размах требований правительства Рейха станет невозможным для ее прав на существование» (документ RF-219).

Немцы, несомненно, имели намерение использовать требуемые суммы не только для возмещения оккупационных расходов, расходов на содержание, экипировку и вооружение их оккупационной армии, но и для других целей, что явствует, в частности, из телеграммы ОКВ от 2 сентября 1940 г., представляемой мною за номером RF-220, ЕС-204. Вот выдержки из этой телеграммы (страница 22):

> «В той мере, в которой поступающие во франках суммы не будут требоваться для войск во Франции, верховный главнокомандующий армии оставляет за собой право располагать в дальнейшем этими суммами, в частности, отчислять деньги любым учреждениям, не относящимися к армии, чтобы наверняка гарантировать, что все нужды армии будут покрыты французскими деньгами и затем чтобы возможный излишек оставался в распоряжении верховного главнокомандующего армии для важных целей четырехлетнего плана».

Представляю под номером RF-221, EC-201, другую телеграмму:

«Ясно, что не было никакого согласия во взглядах с французами о том, что нужно понимать под «расходами на содержание оккупационной армии во Франции». Если внутренне мы согласны с фактом, что в настоящее время мы должны по практическим причинам избегать всяких дискуссий с французами, то, с другой стороны, нужно, чтобы не было никакого сомнения в том, что мы вправе определять понятие «содержание» в смысле как только можно более широком».

И дальше, тот же телетайп, страница 24, абзац 2:

«Во всяком случае отсюда следует, что требуемые французами уступки относительно уточнения суммы оккупационных издержек и использования франков, полученных таким образом, должны быть отклонены».

И наконец, следующий абзац:

«Использование сумм оплаченных во франках.

Возникает вопрос об использовании поступивших во франках платежей, которые фактически не требуются в возмещение издержек по содержанию оккупационных войск во Франции. Это тот вопрос, который не надо рассматривать с французскими представителями».

Впоследствии французы безуспешно пытались добиться сокращения возмещения оккупационных издержек и изменения курса марки, но немцы не шли ни на какие разговоры.

В начале 1941 года снова возобновились переговоры. В силу непреклонности немцев французское правительство вынуждено было прекратить в мае 1941 года выплату издержек, однако по приказу оккупантов снова возобновило ее, но выплачивало только 300 миллионов франков в день. Это явствует из документа RF-222.

15 декабря 1942 г., после того как оккупанты заняли всю Францию, Германия потребовала, чтобы сумма взносов была повышена с 300 до 500 миллионов франков в день.

Сумма выплаты дошла до 631 866 миллионов франков, что составляло по курсу того дня 31 593.3 миллионов марок. Эта сумма фигурирует не только в данных французской администрации, но и в немецких документах, в частности в докладе Геммена.

Геммен, сотрудник министерства иностранных дел в Берлине, был назначен главой германской экономической делегации в комиссии по перемирию, и он фактически действовал под непосредственным руководством Риббентропа как настоящий диктатор в экономических вопросах и имел своим непосредственным помощником в Париже доктора Михеля, о котором речь шла выше.

Сохраняя свои функции главы экономической делегации комиссии по перемирию в Висбадене, этот самый Геммен должен был быть назначен, по решению Гитлера[21], 19 декабря 1942 г. уполномоченным правительства Рейха по экономическим вопросам при французском правительстве. Это видно из документа RF-223, PS-1763.

Геммен периодически посылал секретные донесения по вопросам экономики своему министру. Эти документы оказались у нас. Они имеют первостепенное значение для этой части процесса, вы это увидите, так как в них есть признание Германией того, что касается экономического разграбления.

Эти довольно объемистые доклады представлены за номером RF-224, 225, 226, 227, 228 и 229, PS-1986 , PS-1987, PS-1988, PS-1989, PS-1990, PS — 1991). Но не имея возможности зачитать их трибуналу полностью, я ограничусь чтением только нескольких коротких выдержек. Чтобы показать вам их значение, возьмем перевод последнего доклада Геммена. В этом докладе, написанном в Зальцбурге 15 декабря 1944 г., на странице 26 Геммен признает, что Франция под видом возмещения расходов на содержание оккупационных войск выплатила 31 593 300 000 марок.

Председатель: Господин Жертоффер эти документы на немецком языке, не так ли?

Жертоффер: Да, господин председатель, они на немецком языке. Я смог перевести на французский язык только последний. В виду их длины мне невозможно получить все переводы, но он из последнего тома, который переведён на французский язык, из которого я приведу очень короткие цитаты в виде доказательств.

Председатель: Да, что же, значит, вы ограничитесь последним документом и отдельными отрывками последнего документа?

Жертоффер: Я ограничусь этим.

Председатель: И значит, так как они не являются документами о которых мы можем вынести уведомление, только те части которые оглашаются будут рассматриваться частью материалов дела и будут рассматриваться в качестве доказательств.

Жертоффер: Эта колоссальная сумма, уплаченная по требованию оккупантов, была гораздо больше той, которая нужна была Германии на содержание оккупационных войск. Несмотря на большие закупки, которые немцы делали во Франции в течение двух первых лет, и нужды, на которые выплаты кредитовались, они могли использовать лишь сумму, почти наполовину меньшую той, которую они получили.

Это видно из доклада Геммена, в котором он дает таблицу французских взносов, произведенных под видом возмещения оккупационных расходов. Эта таблица очень короткая, и я ее зачитаю. Она послужит доказательством к моему

---

[21] Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основатель тоталитарной диктатуры Третьего Рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии (1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, верховный главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

изложению:

	Французские платежи в миллионах марок	*Германские расходы в миллионах марок*
1940	4, 000	1, 569
1941	6,075	5, 025
1942	5, 475	8, 271
1943	9, 698.3	9, 524
1944	6 345	6, 748

Это составляет с 1940 года по 1944 год сумму в 31 593 300 000 марок французских платежей и 31 миллиард 317 миллионов марок немецких расходов.

Эти цифры, несомненно, выражают преувеличенную сумму издержек на содержание войск. Это признавали и сами немцы. Большая часть этих взносов служила для финансирования расходов, относящихся к вооружению, снабжению и обмундированию германской армии и снабжению Германии. Это мы видим из документа ЕС-232, который я представляю под номером RF-230.

По исчислениям Института конъюнктуры максимальная сумма возмещения издержек, которая могла потребоваться за это время, составляет 74 миллиарда 531 миллион 800 тысяч франков, за основу взяты средние ежедневные расходы на содержание войск во время союзной оккупации Рейна в 1919, а именно суммы от семнадцати или двадцати одного франка с проживанием, которое тогда предоставлялось германским правительством. Согласно докладу о средней стоимости жизни (коэффициент – 3, 14) сумма в 21 франк должна соответствовать 66 франкам в ценах 1939, применив коэффициент обесценивания франка во время оккупации, то есть 2.10 процента или ежедневную среднюю стоимость в 139 франков в день.

Допуская, что реальные расходы оккупционной армии составляли половину от рассчитанных Гемменом, то есть 27 032 279 120 марок, данная сумма всё же ниже чем 75 531 800 000 расчитанных Институтом конъюктуры.

Даже принимая расчёт наиболее благоприятный для обвиняемых, можно оценить, что неоправданно навязанное возмещение издержек на 631 866 миллионов меньше чем 74 531 800 000, то есть 557 334 200 000 франков.

В своем последнем докладе, страница 10 и страница 22 французского перевода Геммен пишет:

> «…в течение четырех последних лет после заключения перемирия было выплачено (оккупационные расходы и издержки на расквартирование войск) 34 миллиарда в рейхсмарках, что составляет 680 миллиардов франков. Франция, таким образом, принимает участие во всех издержках по оккупации и в уплате военной контрибуции в размере 40 процентов изъятий во всех оккупированных союзных

странах. На каждого жителя это составляет налог в размере 830 рейхсмарок, или 16 600 франков».

Во второй главе я остановлюсь на вопросе о клиринге. Трибунал уже знает механизм действия клиринга, и я не буду к этому возвращаться. Я просто укажу трибуналу, в каких условиях тогдашнему правительству пришлось подписать договор, который был навязан.

Одновременно с обсуждением вопроса об оплате издержек на содержание оккупационных войск происходили переговоры относительно соглашения о клиринге.

Начиная с 24 июля 1940 г. немецкая делегация заявляла, что она вскоре разработает план краткосрочных расчетов. 8 августа 1940 г. Геммен действительно передал французской делегации план взаимных безналичных расчетов и выдачи платежных обязательств. Я представляю его под номером RF-230. План содержал произвольные условия, которые нельзя было принять добровольно.

План предусматривал перекачивание из Франции в Германию средств без взаимной компенсации. Он устанавливал курс франка из расчета 20 франков за одну марку, в то время как курс даже на берлинской бирже был 17,65, а реальный паритет этих двух валют, если исходить из расчета их покупательной способности на обоих рынках, был приблизительно 10 франков за одну марку.

Я перехожу к странице 34. Французская делегация в комиссии по перемирию безуспешно предложила контрпроект 20 августа 1940 и попыталась изменить самые неблагоприятные требования. Я представляю данный проект как документ номер RF-232.

29 августа 1940 французская делегация в комиссии по перемирию подняла вопрос паритета франка и рейхсмарки. Она обратила внимание на тот факт, что запрет финансовых переводов из Германии во Францию создаст огромное неравенство, при том, что переводы в противоположном направлении уже были организованы и это означало, что французское правительство даёт своё согласие на значительную экспроприацию французских кредиторов. Фрагмент из отчёта представлен как документ номер RF-233.

В письме от 31 августа генерал Хюнтцигер напрасно пытался аргументировать свою просьбу об изменении курса франка и рейхсмарки. Я представляю это письмо под номером RF-234. 6 октября 1940 г. французская делегация вновь пыталась добиться изменения условий, самых неблагоприятных для проекта соглашения о клиринге, но натолкнулась на полный отказ; немецкая делегация предлагала принять под видом двухстороннего соглашения подготовленный ею проект.

6 сентября 1940 французская делегация предприняла новую попытку добиться изменения наиболее неблагоприятных требований в проекте соглашения о клиринге, однако столкнулось с абсолютным отказом. Германская делегация

намеревалось под маской двухстороннего соглашения разработать проект в одиночку.

Я цитирую абзац из протокола комиссии по перемирию, документ RF-235: «Господин Шон, немецкий делегат, уточняет: Я не могу вновь обсуждать этот вопрос. Я не могу сделать никакой уступки».

Что касается паритета франка — рейхсмарки, то 4 октября 1940 г. Геммен сообщил французской делегации, что курс 20 франков должен рассматриваться как окончательный и что об этом нечего больше говорить. Он добавил, что, если со стороны Франции будет отказано в оплате, то есть в выполнении условия, навязанного Германией, он об этом доложит фюреру и все возможности изменения демаркационной линии отпадут. Я представляю в качестве документа номер RF-236 данный отрывок стенограммы.

Наконец в ходе переговоров, которые последовали, 10 октября 1940 г. французская делегация пыталась последний раз добиться смягчения предложенных ей резких условий. Но немцы оказались неумолимыми. Геммен на этом заседании сказал:

Председатель: Господин Жертоффер, эти переговоры завершились, и если так, не было бы достаточным для ваших целей привести нам итог, не приводя нам подробности переговоров?

Жертоффер: Господин председатель, я почти закончил заявление последней цитатой, в которой трибунал увидит какое давление, какие угрозы, применялись к французам, которые находились в контакте с немцами. Я должен завершить обсуждение клиринга этой цитатой, если трибунал позволит, она короткая и на этом заканчивается.

> «Вы стараетесь сделать иллюзорным курс марки. Я прошу предупредить ваше правительство, что мы прервем переговоры. Я предвидел, что вы не сможете воспрепятствовать тому, чтобы цены не поднимались. Но вот теперь вы сами систематически заставляете их подниматься. Мы найдем другое средство, чтобы прийти к нашей цели. Бокситы мы возьмем» (документ номер RF-237).

Это конец цитаты.

Вероятно, трибунал позволит мне короткий комментарий. В комиссии по перемирию обсуждались самые разные экономические вопросы и французские делегаты сопротивлялись, так как Германия незамедлительно хотела захватить месторождения бокситов, которые находились в неоккупированной зоне. Последняя фраза это угроза, если вы не примите наше соглашение по клирингу, мы захватим военным путем бокситы, находящиеся на неоккупированной территории, т. е. оккупируем «свободную зону».

Так называемое соглашение о клиринге действовало только в пользу Германии и привело к таким результатам:

Ко времени освобождения обязательства Франции в пользу Германии достигли 221 114 миллионов франков, в то время как обязательства Германии в пользу Франции составляли 50 500 миллионов франков. Таким образом, 170 614 миллионов франков Германия захватила противозаконно путем навязанного ею клиринга.

Перехожу к третьей части этой главы, вопросу об арестах имущества и коллективных штрафах.

Помимо операций, которым придавалась видимость законности, немцы производили явно незаконные аресты имущества и налагали коллективные штрафы, что противоречит принципам международного права.

Во-первых, 17 декабря 1941 г. без всякого предлога на французских евреев была наложена контрибуция в размере одного миллиарда франков. Это видно из документа RF-239, который является бесспорным доказательством.

Во-вторых, коллективные штрафы налагались в суммах, которые, по данным министерства финансов, достигают 412 636 550 франков.

В-третьих, немцы захватили большое количество золота. Геммен в своем последнем секретном докладе говорит, что 24 сентября 1940 г. они захватили в порту Байонны 257 килограммов золота, что представляет по курсу 1939 года 12 336 тысяч франков. В июле 1942 года они завладели большим количеством серебряных монет, сумма которых достигает 55 миллионов франков.

В том же секретном докладе Геммена указывается, что с 1 января до 30 июня 1942 г. Германия завладела во Франции 221 730 килограммами золота, принадлежавшего национальному банку Бельгии и представлявшего по курсу 1939 года сумму в 9500 миллионов франков.

Я не могу представить обстоятельства при которых бельгийское золото было передано немцам. Только этот вопрос потребует от меня пояснений, которые займут несколько заседаний. Данный факт является бесспорным, так как признан Гемменом. Я просто отмечаю, что уже в сентябре 1940 в нарушение международного права, Геммен потребовал, чтобы это золото было доставлено. В мае 1940 года бельгийский национальный банк передал его французскому национальному банку. Эти факты составляют часть тех обвинений, которые правительство Виши предъявило к бывшим министрам перед трибуналом в Париже.

Долгие и частые обсуждения имели место в комиссии по перемирию. Соглашение было подписано 29 октября 1940 г., но оно не имело последствий ввиду возникших возражений со стороны Бельгии и Франции.

Согласно бывшему помощнику директора Банка Франции, немецкое давление становилось сильнее и сильнее. Лаваль[22] который тогда решился любой

[22] Пьер Лаваль (1883 — 1945) — французский политик-социалист. В период Третьей республики занимал высокие государственные посты, был премьер-министром (1931—1932, 1935—1936). В 1936—1940 годах получил известность как медиамагнат, владелец нескольких газет и радиостанций. Активный деятель коллаборационного «правительства Виши» во время Второй мировой войны и его глава (премьер-министр) с 1942 по 1944 год. Казнён по приговору

ценой поехать в Берлин, хвастаясь тем, что он добьется масштабного освобождения пленных, снижения оккупационных издержек, а также ликвидации демаркационной линии, поддался на немецкие требования.

Таким образом, это золото было доставлено в Рейхсбанк и реквизировано по приказу уполномоченного четырёхлетнего плана. Документ, относящийся к этому вопросу представлен как документ номер RF-240.

Я лишь добавлю, что после освобождения, временное правительство Французской республики перевело национальному банку Бельгии золото на сумму равную той которую бельгийский банк передал Банку Франции в мае месяце 1940.

Чтобы закончить изложение по вопросу о золоте, я укажу трибуналу, что Германия не могла завладеть золотым запасом Банка Франции, так как оно было вовремя переведено в безопасное место. Согласно секретному докладу Геммена немцы во время отступления завладели без всякого права в отделениях французского банка в Нанси, Белльфе и Эпинале суммой в 6899 миллионов франков. Документ PS-1741 (24). (Экземпляр номер RF-241).

Кроме того, во время оккупации немцы завладели большим количеством золота, которое скупали у частных лиц через посредников. Я не могу привести цифры этого. Я просто затронул этот вопрос для протокола.

Если говорить о платежных средствах, незаконным образом изъятых во Франции, можно сказать, используя вычисления наиболее благоприятные для подсудимых и исходя из максимального размера оккупационных издержек минимум в 745 833 392 550 франков, что они составляют сумму около 750 миллиардов франков.

Перехожу к странице 50, к тому, как немцы использовали эти крупные суммы, и прежде всего к вопросу о «черном рынке» организованном оккупирующей державой. Я, господа, не хочу злоупотреблять вашим благосклонным вниманием и не отниму у вас много времени, я имел честь представить вам действие механизма «черный рынок», как немцы его использовали, как по приказам подсудимого Геринга он был организован и использован, и больше к этому я не буду возвращаться. Я пропускаю всю часть, где говорится о «черном рынке» во Франции.

Перехожу к странице 69. Глава 3: «Приобретения», обставленные видимостью соблюдения законности.

Под давлением немцев правительство Виши должно было принять условия о предоставлении большого количества продуктов и товаров всякого рода в обмен на то, что немцы должны были снабжать предприятия сырьем в количестве, которое ими же определялось. Однако сырье, если оно доставлялось, хотя это тоже было не всегда, в большинстве случаев шло на промышленные предприятия, которые должны были сдавать немцам готовую продукцию. В действительности никакой компенсации не было, поскольку оккупационные власти получали это сырье

французского суда.

обратно, но уже в готовых изделиях, и фактически ничего не давали взамен.

Из доклада представителя экономического контроля, представленного под номером RF-107, заслуживает внимания такой пример.

В соответствии с соглашением, в неоккупированной зоне разрешилось закупить пять тысяч грузовиков, которые предназначались для германских вооруженных сил, взамен доставки Рейхом пяти тонн стали за каждую машину, что составляло 25 тысяч тонн стали, предназначенной для французской промышленности. Это была явно односторонняя сделка. По сведениям экономической комиссии, обязательства компенсировать закупку автомашин поставкой стали не были выполнены, так как она была частично использована на оборону побережья Средиземного моря, железные дороги, противотанковую оборону и т.д.

Здесь уместно заметить, что большая часть изъятий натурой производилась без какого-либо регулирования, либо по той причине, что в этих сделках немцы оставались должниками, либо потому, что они необоснованно считали эти изъятия военной добычей.

Об этом не имеется никаких доступных документов. Однако армия Соединённых Штатов обнаружила секретный доклад некого Крани представителя «Roges» — организации, которой поручено было группировать приобретения «черного рынка» и военную добычу. Из этого доклада явствует, что в сентябре 1944 года через «Roges» было продано в Германии вещей на 10 858 499 марок, что составляет 217 169 980 франков, приобретенных в южной зоне под видом военной добычи. Я представляю этот документ под номером RF-244.

В результате платежей, взысканных Германией, а также как регулировавшихся, так и не регулировавшихся реквизиций Франция была буквально ограблена. Оккупационные власти изъяли большое количество вещей всякого рода. По сведениям статистических управлений Франции, были произведены предварительные расчеты минимума этих изъятий. Эти расчеты не включали ущерб, причиненный военными действиями, а исключительно немецкое разграбление, расчитанное в случае сомнений в минимальных цифрах. Они подытожены в восьми следующих разделах.

1. Изъятие сельскохозяйственных продуктов.

Я представляю под номером RF-245 доклад министра земледелия и статистическую таблицу, установленную Институтом конъюнктуры, которая показывает размер официальных изъятий немцев, не охватывающих ни частных закупок, ни закупок на «черном рынке», которые, как те, так и другие, были значительными. Я не имею возможности прочитать трибуналу эту столь обширную таблицу. Я ограничусь только кратким резюме.

Вот список основных сельскохозяйственных продуктов и количества скота, официально изъятых, и их оценка (я округляю цифры): злаков— 8900 тысяч

тонн стоимостью в 22 миллиона; мяса — 900 тысяч тонн стоимостью в 30 миллионов франков; рыбы — 51 тысяча тонн стоимостью в 1 миллион франков; вина и других напитков — 13 413 тысяч гекталитров стоимостью в 18 500 тысяч франков; колониальных товаров — 47 тысяч тонн стоимостью в 805 900 тысяч франков; сахара — 11 600 тысяч тонн; лошадей и мулов — 690 тысяч голов; леса — 36 миллионов кубометров.

Я пропускаю подробности. При помощи клиринга и изъятия средств на возмещение оккупационных расходов, которые были отрегулированы, немцы получили 113 620 376 000 франков; баланс в сумме 13 млрд. не был никак отрегулирован.

Разумеется, сюда не входит сумма значительного ущерба, нанесенного лесам ввиду неправильного их выруба, а также ущерба ввиду уменьшения площади обрабатываемой земли. Не учитывается и гибель скота и ущерб причинённый истощением почвы. Имеется краткий обзор процента официального немецкого обложения в сельском хозяйстве по отношению к французскому производству в целом: пшеница - 13 процентов; овёс - 75 процентов; сено и солома – 85 процентов; мясо – 21 процент; домашняя птица – 35 процентов; яйца – 60 процентов; масло – 20 процентов; консервированная рыба – 30 процентов; шампанское – 56 процентов; ремесленное дерево – 50 процентов; дрова – 50 процентов; алкоголь – 25 процентов. Повторюсь эти проценты, не включают количество продукции, которую немцы приобрели частным образом или на чёрном рынке.

У меня есть возможность представить вам тот факт, что эти операции имели значительный масштаб и насчитывали во Франции приблизительно несколько миллиардов франков. Количество сельскохозяйственной продукции изъятой во Франции неисчислимо. Изъятыми продуктами, такими, как мясо, птица, масло, яйца, вина, ликеры, шампанское, могли пользоваться исключительно немцы, а французское население, за исключением некоторых привилегированных лиц, было лишено всего этого.

В разделе 2 я коснусь вопроса об изъятии сырья.

Председатель: Будет хорошо прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Жертоффер: Статистические данные об изъятии немцами сырья содержатся в таблицах, которые я не буду оглашать полностью. Я представлю их за номером RF-246 и ограничусь указанием, что сумма изъятого сырья достигает 83 804 145 000 франков.

На страницах с 77 по 80 моего письменного выступления, я посчитал необходимым привести итоги этих таблиц, но я не считаю уместным огласить даже итог, потому что цифр слишком много.

По сведениям французской администрации, немцы из этой суммы погасили за счет расходов по оккупации и путем клиринга 59 254 639 000 франков, а разницу в 19 506 109 000 франков отнесли за счет французской казны.

Процент германского обложения в связи с французским производством можно подытожить таблицей, которую я привожу в своём обзоре и прошу у трибунала разрешения огласить его:

> «Процент обложения сырья в соотношении к французскому производству: уголь – 29 процентов; электрическая энергия – 22 процента; нефть и бензин – 80 процентов; железная руда – 74 процента; сталь сырая и обработанная – 51 процент; медь – 75 процентов; свинец – 43 процента; цинк – 38 процентов; олово – 67 процентов; никель – 64 процента; ртуть – 50 процентов; платина – 76 процентов; бокситы – 40 процентов; алюминий – 75 процентов; магний – 100 процентов; карбонат серы – 80 процентов; промышленное мыло – 67 процентов; растительное масло – 40 процентов; грунтовка – 100 процентов; резина – 38 процентов; бумага и картон – 16 процентов; шерсть – 59 процентов; хлопок – 53 процента; лён – 65 процента; кожа – 67 процентов; цемент – 55 процента; известь – 20 процентов; ацетон – 21 процент».

Приблизительно три четверти сырьевых ресурсов было захвачено оккупантами. К этому следует сделать два замечания. Значительная часть сырья, которая теоретически должна была оставаться в распоряжении французской экономики, в действительности бронировалась за той частью промышленности, продукция которой целиком поступала в распоряжение оккупантов. Приведенные данные содержат только сведения об официальных поставках, между тем немцы приобрели большое количество сырья на «черном рынке», в частности драгоценные металлы: золото, платину, серебро, а также цветные и редкие металлы: ртуть, никель, олово, медь и т. д.

Можно сказать, что количество сырья, оставляемого для нужд населения, было совершенно незначительным.

Перехожу разделу 3: обложение предметов фабричного производства и продукции горнорудной промышленности.

Как я уже отмечал, немцы, используя различные методы давления, достигли того, что прямо или косвенно использовали большую часть французского промышленного производства. Я не буду более возвращаться к этим фактам и перейду сейчас к обзору данных о поставках промышленной продукции. Я представляю под номером RF-248 таблицу, содержащую статистические данные по отраслям промышленности, относительно предметов промышленного производства, изъятых немцами во время оккупации.

Не желая затруднять трибунал оглашением всей таблицы, я приведу лишь

ее итоги. Поставки готовой продукции, начиная с 25 июня 1940 г. до момента освобождения, в денежном выражении оцениваются в миллионах франков: по машиностроительной промышленности и электропромышленности — 59 455; по химической —11 744; по текстильной и кожевенной — 15 802; поставки различных сооружений и строительных материалов — 56 256; угля, алюминия, фосфатов — 4160; железа — 4474, горючего — 568; морских сооружений — 6104; авиационных сооружений — 23 620; поставки продукции различных отраслей промышленности — 2457. Всего 184 640 миллиардов.

К этому нужно добавить, что:

1. Те цифры, которые приводились, не включают продукцию сильно развитых в промышленном отношении районов Севера и Па-де-Кале, находившихся в ведении немецкой администрации в Брюсселе. Цифры не включают также промышленной продукции департаментов Верхнего Рейна, Нижнего Рейна и Мозеля, которые были включены в Рейх.

2. При общем итоге поставок на сумму в 184 640 миллионов франков сведения, которые мы сейчас имеем, не позволяют еще установить, какую часть этой суммы оккупанты учли в счет расходов по оккупации и путем клиринга, а также размеров сальдо, размер которого не был предметом какого-либо возмещения.

3. Если считать, что стоимость изъятой немцами по департаментам Севера и Па-де-Кале промышленной продукции может выражаться в сумме 18 500 миллионов франков, то общий итог превысит 200 миллиардов франков.

Количество изъятой немцами промышленной продукции в процентном отношении ко всему промышленному производству приводится в таблице, которую я представляю трибуналу, и которую я подытожил на странице 87 моего письменного выступления. Я возьму смелость снова зачитать её трибуналу. Она демонстрирует соотношение готовой продукции, которой лишилось французское население: автомобильная промышленность – 70 процентов; электрическая и радиопромышленность – 45 процентов; точные промышленные приборы – 100 процентов; формы для литья – 100 процентов; литье – 46 процентов; химическая промышленность – 34 процента; резиновая промышленность – 60 процентов; краски и лаки – 60 процентов; духи – 33 процента; производство шерсти – 28 процентов; хлопкопрядение – 15 процентов; льнопрядение и хлопкопрядение – 12 процентов; шкуры – 20 процентов; общественные и строительные работы – 75 процентов; деревообработка и мебель – 50 процентов; известь и цемент – 68 процентов; мореходное строительство – 79 процентов; авиастроительство – 90 процентов.

Изучение данной таблицы приводит к следующим замечаниям:

Соотношение готовой продукции очень велико, например: автомобили – 70 процентов; измерительные инструменты – 100 процентов; формы для литья – 100 процентов; при этом продукция заготовок не столь велика, например: литьё – 46 процентов; химическая промышленность – 34 процента, и т.д.

Такое положение дел вытекает из того факта, что немцы направляли заготовки – в теории зарезервированные за французским населением – в обрабатывающую промышленность которая имела приоритет, то есть, ту которая была зарезервирована за ними.

Наконец, своими закупками на «черном рынке» немцы обеспечили себя огромным количеством текстиля, станков, кожи, парфюмерии и т. д. В частности, текстиль французскому населению во время оккупации совершенно не доставался, то же самое можно сказать и о коже.

Раздел 4. Изъятие промышленного оборудования.

Я не стану злоупотреблять вашим вниманием, поскольку этот вопрос уже рассматривался применительно к другим оккупированным странам. Имеются статистические данные по вывозу из Франции промышленного оборудования, которые я представляю под номером RF-251. Эти расчетные данные показывают, что стоимость материалов, вывезенных с различных французских заводов, принадлежащих частным лицам или государству, превышает сумму в 9 миллиардов франков.

Надо отметить, что во многих случаях статистические данные содержат указание стоимости амортизированных машин, тогда как в действительности вывозилось новое оборудование.

Раздел 5. Ценные бумаги и зарубежные инвестиции. Представляя в начале моего выступления документ ЕС-57 под номером RF-105, я указал, что подсудимый Геринг сам изложил цели экономической политики нацистской Германии. Он считал, что расширение немецкого влияния на иностранные предприятия является одной из целей немецкой политики.

Эти директивы привели к изданию более подробных инструкций, содержавшихся в ноте от 12 августа 1940 г., которую я представляю под номером RF-252, ЕС-40; оглашу выдержки из нее:

> «Поскольку основные экономические предприятия, — сказано в документе, — являются акционерными обществами, необходимо прежде всего обеспечить завладение акциями, находящимися во Франции».

Далее читаем:

> «Осуществление влияния должно начаться с издания приказов...»

Затем в этом документе перечисляются средства, которые следует применять для достижения этих целей, и далее идет раздел, затрагивающий вопросы международного права:

> «Согласно статье 46 Гаагской конвенции, касающейся войны на суше, частная собственность не может быть конфискована. Отсюда следует, что конфискация ценностей не должна производиться в тех случаях, когда речь идет не о ценностях, являющихся собственностью

государства. Согласно статье 42 и следующим статьям Гаагской конвенции, относящимся к войне на суше, власти, осуществляющие управление оккупированной территорией, должны в принципе ограничиваться принятием мер, необходимых для установления или поддержания порядка в общественной жизни. Международное право запрещает, как правило, упразднять руководящий аппарат различных компаний и обществ, оставшихся в оккупированной стране, и заменять его «уполномоченными» комиссарами. Подобные меры не могут считаться действенными с точки зрения международного права. В связи с этим надо стремиться к тому, чтобы обязать существующий руководящий состав компании работать на немецкую экономику, но не смещать лиц, составляющих его».

Далее говорится:

«Если эти функционеры не будут подчиняться нашему руководству, следует заменять их другими, более для нас подходящими».

Мы покажем вкратце три способа захвата вкладов, которые были использованы немцами во время оккупации для финансового разграбления. Прежде всего захват вкладов тех компаний, которые осуществляют свою деятельность за границей.

14 августа 1940 г. был опубликован приказ, который запрещал всякие кредитные и финансовые операции за границей (VOBIF, страница 67, документ RF-253). Однако простое замораживание ценных бумаг не удовлетворяло оккупантов. Они желали стать собственниками всех акций для того, чтобы иметь возможность реализовать их в нейтральных странах.

У них имелись посредники, которые скупали за границей ценные бумаги у лиц, нуждавшихся в деньгах. Но в особенности они оказывали давление на правительство Виши, чтобы добиться передачи права на капиталовложения Франции за границей. Вот почему после долгих дискуссий в результате серьезного нажима немцы добились уступки ценных бумаг на значительные суммы.

Я не могу представить трибуналу многочисленные документы, относящиеся к этой передаче прав на капиталовложения, как-то: протоколы, корреспонденцию, данные экспертизы и т. д., так как объем их без преувеличения составляет целые кубические метры. Я ограничусь только тем, что процитирую в качестве примера несколько отрывков.

Основная часть акций компании борных шахт, владевших медными рудниками в Югославии, находилась у французских владельцев. Немцы с 26 июля 1940 г. учредили должность уполномоченного администратора в отделениях этого общества в Югославии. Это видно из представляемого мною документа RF-254. Таковым был немецкий генеральный консул в Югославии и Болгарии господин

Нойхаузен[23].

В ходе обсуждения условий перемирия Геммен заявил (это занесено в протокол заседания от 27 сентября 1940 г., который я представляю трибуналу под номером RF-255):

«Германия стремится получить акции компании, не ограничивая себя никакими юридическими соображениями, которые были представлены с французской стороны. Германия руководствуется при этом важными экономическими соображениями. Она подозревает, что эти рудники продолжают поставлять медь Англии, и она твердо решила стать хозяином рудников».

Столкнувшись с отказом французских делегатов, Геммен заявил на заседании 4 октября 1940 г. (я представлю трибуналу выдержку из протокола этого заседания под номером RF-256):

«Геммен: Я очень сожалею, если вынужден буду передать такой ответ моему правительству. Не сможет ли французское правительство пересмотреть свою точку зрения, иначе наши взаимоотношения будут очень затруднены. Мое правительство настаивает на скорейшем решении этого вопроса. Если вы ответите отказом, последствия будут чрезвычайно серьезными».

Французский делегат господин Буазанже ответил ему:

«Я еще раз поставлю этот вопрос».

Ответ Геммена:

«Я ожидаю вашего ответа не позже чем завтра. Если этот ответ не поступит, я передам отрицательный ответ, который вы мне только что сообщили».

Затем на заседании 9 января 1941 г. Геммен заявил (представляю выдержку из этого протокола под номером RF-257):

«В самом начале в Висбадене это дело было поручено мне. Потом этот вопрос был поднят генеральным консулом Нойхаузеном от имени одного очень высокопоставленного лица (маршала Геринга) и обсуждался непосредственно в Париже с господином Лавалем и господином Абецем[24]».

Что касается французских акций в нефтяных компаниях в Румынии, то по этому поводу оказывалось не менее сильное давление. На заседании комиссии по перемирию 10 октября 1940 г. тот же Геммен заявил следующее (представляю

---

[23]Франц Нойхаузен (1887 – 1966) – немецкий предприниматель. В 1941 – 1944 генеральный уполномоченный по экономическим вопросам при военном командующем в Сербии. Югославским судом приговорён к 20 годам лишения свободы. Помилован.

[24] Отто Абец (1903 — 1958) — нацистский дипломат, бригадефюрер СС (чин был получен 30 января 1942 года), один из руководителей оккупационной администрации Третьего Рейха на территории Франции. Осуждён французским судом к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

выдержку из протокола под номером RF-258):

> «Мы довольствуемся получением большей части акций. Мы оставим в ваших руках все, что нам окажется ненужным. Можете ли вы дать мне ваше принципиальное согласие по этому пункту? Дело так же, как и о борных шахтах, очень срочное. Мы хотим получить все».

22 ноября 1940 г. Геммен снова заявил следующее (выдержку из протокола заседания комиссии по перемирию я представляю под номером RF-259):

> «Мы еще ведем войну, и нам необходимо немедленно обеспечить себе влияние на производство нефти в Румынии. Таким образом, мы не можем ожидать заключения мирного договора».

В ответ на просьбу французских делегатов о том, чтобы взамен этой уступки была предоставлена хотя бы материальная компенсация, Геммен заявил на этом же заседании:

> «Невозможно. Суммы, которые вы должны получить от нас, будут взяты из расходов по оккупации. Это избавит вас от необходимости выпускать большое количество денег. Этот вид участия в прибылях будет окончательно принят немецкой стороной после того, как будет точно определена политика сотрудничества».

Можно было бы до бесконечности продолжать цитаты такого рода и даже еще более показательные по вопросу нарушения положений Гаагской конвенции. Передача прав, на которую французы якобы соглашались, была вызвана давлением с немецкой стороны.

Изучение заключавшихся при этих условиях договоров показывает, что уступающая сторона терпела большой ущерб и ничего не получала взамен, другая же сторона извлекла огромные прибыли, не предоставляя компенсации.

Таким образом, немцы добились участия в прибылях румынских нефтяных компаний, предприятий Центральной Европы, Норвегии и на Балканах и, в частности, медных борных рудников, о которых я говорил. За это немцы расплатились франками в счет расходов по оккупации, причем эта сумма достигает 2 миллиардов. В других случаях они расплачивались облигациями французских займов, выпущенных за границей, в частности в Голландии, а также путем клиринга.

Показав вкратце, каким путем немцы добились участия в прибылях французских предприятий за границей, я перейду к краткому изложению того, как нацисты захватили капиталы коммерческих предприятий внутри страны.

Вскоре после заключения перемирия в соответствии с директивами подсудимого Геринга большое количество французских промышленных предприятий стало получать предложения со стороны различных немецких групп, которые хотели приобрести полностью или хотя бы частично средства французских предприятий.

Это облегчалось тем фактом, что немцы, как я уже показал, практически

контролировали промышленность и управляли производством при помощи системы «Paten-Firma[25]». Происходили длинные дискуссии между оккупантами и французским министерством финансов, безуспешно пытавшимся ограничить максимальный размер немецкого участия в прибылях 30 процентами. Я не имею возможности входить в детали того, как это было осуществлено. Я укажу только, что министр финансов составил список основных фирм, в прибылях которых участвовали немцы, список, воспроизведенный в таблице, приложенной к книге документов под номером RF-260.

Из этой таблицы видно, что участие в прибылях, осуществленное фиктивно за счет клиринга, доходит до 307 436 000 франков, в счет расходов по оккупации — 160 миллионов франков. Сумма, относимая за счет участия в прибылях заграничных обществ, не может быть точно определена; и наконец, за счет различных неустановленных источников — 28 718 000 франков.

Мы завершаем рассмотрение пятого раздела оглашением выдержки из доклада Геммена (страница 63 оригинала и 142 французского перевода), сделанного в январе 1944 года, в котором он пишет:

«Пятый отчёт о деятельности делегации посвящён трудностям связанным с дальнейшим захватом долей во Франции, столкнувшегося с весьма спорным отношением французского правительства по вопросу передачи внутренних ценностей и зарубежных ценных бумаг. Это сопротивление возросло за отчётный период в такой степени, что французское правительство уже не предоставляет никакого одобрения передаче долей даже в случае предоставления экономической компенсации».

Далее, страница 63 в третьем параграфе:

«В продолжение четырех лет оккупации Франции делегация в комиссии по перемирию перевела в целом в распоряжение немцев ценности приблизительно на 121 миллион марок. В эту сумму, входят акции в важнейших предприятиях, работающих на войну в других государствах, во Франции и в Германии. Подробности по этому вопросу содержатся в предыдущих отчетах о деятельности делегации. Примерно половина суммы компенсации была погашена Германией за счет передачи принадлежащих Франции иностранных акций, изъятых в Голландии и Бельгии, а остаток суммы был оплачен посредством клиринга или за счет расходов по оккупации. В результате использования Французских инвестиций за границей в качестве средства платежа образовалась разница между германской закупочной ценой и французским курсом на сумму в семь миллионов марок, которая была передана Рейху».

[25] «Фирма-крёстный отец» (нем.)

Надо подчеркнуть, что прибыль, извлеченная Германией, с чисто финансовой точки зрения, составляет не 7 миллионов марок, или 140 миллионов франков, как об этом говорит Геммен, а несравненно больше. В действительности Германия оплачивала эти приобретения исключительно за счет возмещения расходов по оккупации, с помощью клиринга и за счет захвата французских займов, выпущенных в Голландии и Бельгии, что для этих стран являлось настоящим ограблением, а для Франции не могло явиться реальной компенсацией.

Эти уступки, совершенные в свое время Францией, имевшие видимость законных, побудили Объединенные Нации объявить в Лондонской декларации[26] от 5 января 1943 г., что такие уступки должны быть объявлены недействительными, даже если они были заключены формально с согласия стороны, потерпевшей ущерб от этих уступок.

Я представляю в качестве документа номер RF-261, торжественное заявление подписанное в Лондоне 5 января 1943, которое было опубликовано во французском «Journal Officiel[27]» 15 августа 1944 после освобождения. Я прибавлю, что все эти уступки являются сейчас предметом рассмотрения французских судов по вопросу о преследовании лиц, обвиняемых в государственной измене, независимо от того, что они, вне сомнения, действовали под нажимом немцев.

Я заканчиваю этот раздел последним замечанием о захвате немцами недвижимого имущества во Франции. Пока по этому вопросу трудно еще привести точные данные, потому что большей частью эти операции производились при помощи подставных лиц. Наиболее разительным примером является некий Школьников[28], который вложил во время оккупации около двух миллиардов франков в покупку недвижимого имущества.

Этот тип неопределенного подданства жил до войны бедно, скандально разбогател вследствие своих связей с Гестапо и своих операций с оккупантами на «черном рынке». Но каковы бы ни были барыши, которые он получил от своих бесчестных махинаций, он лично не смог бы купить почти на два миллиарда недвижимости во Франции.

Я представляю за номером RF-262 копию полицейского рапорта, касающегося этой личности. Я не смогу полностью огласить его трибуналу, но он содержит перечень того недвижимого имущества и целых фирм по продаже недвижимости, которые были приобретены на имя этого человека. Несомненно, что эта недвижимость представляет большую ценность. Совершенно очевидно, что Школьников, являвшийся агентом Гестапо, служил подставным лицом для немцев, имена которых не удалось раскрыть и до настоящего времени.

[26] Имеется в виду Межсоюзническая декларация против актов лишения прав владения на оккупированных противником территориях от 5.01.1943.

[27] «Официальный журнал» - печатное издание французского правительства. Издается с 1868.

[28] Мендель (Михаил) Школьников (1895-1945) – французский предприниматель. В годы оккупации Франции являлся коллабрационистом. Осуществлял операции на чёрном рынке в интересах СС. Обнаружен мертвым в Испании.

Перехожу к разделу 6; реквизиции средств транспорта и сообщения.

Французская администрация представляет нам статистические данные, систематизированные в очень подробных таблицах, которые я не буду оглашать. Я лишь отмечу, что большая часть паровозов и исправного подвижного состава была изъята и что общая стоимость изъятых транспортных средств достигает 188 450 миллионов франков.

Я перехожу к изъятиям, совершенным по департаментам Верхнего Рейна, Нижнего Рейна и Мозеля. Сейчас же после начала вторжения немцы присоединили эти департаменты к Рейху. Этот вопрос будет изложен более подробно французским обвинителем, который будет рассматривать вопрос о германизации. Что касается экономического разграбления, нужно указать, что немцы стремились извлечь максимальную пользу из этих трех департаментов. Если они и оплачивали некоторое количество продукции в марках, то они не расплатились за такие основные виды продукции, как уголь, железо, нефть, калийные соли, промышленные материалы, мебель, сельскохозяйственные машины.

Сведения по этому вопросу даны нам французской администрацией в таблице, которую я представляю под номером RF-264; резюмирую очень кратко. По трем восточным департаментам стоимость изъятых товаров, не оплаченных немцами, достигает 27 миллиардов 315 миллионов франков.

Заканчивая вопрос об этих трех департаментах, я должен сказать трибуналу, что мой коллега, который осветит вопрос о германизации, укажет, каким путем фирма «Hermann Goring Werke[29]», в которой подсудимый Геринг имел значительные капиталовложения, завладела оборудованием больших рудников французской компании «Petits-Fils de Francois de Wendel et Cie[30]». (смотрите документ RF-1300).

Я перехожу к разделу 8, различное обложение.

1) Разграбления в Тунисе. Немцы вступили в Тунис 10 ноября 1942 и были изгнаны союзными армиями в мае 1943. В течение этого периода они участвовали в многочисленных актах разграбления.

Председатель: Вы думаете, что требуется вдаваться в подробности захватов в этой части страны, при том, что они были такими же, как и в других частях страны?

Жертоффер: Господин председатель, они похожи, есть только одно различие и это количества. Мне кажется, этот принцип не может быть никем оспорен, поэтому я продолжу.

Я также пропускаю вопрос об обязательном труде. Скажу лишь, что французская экономика потерпела огромный ущерб от депортации рабочих, о чем уже говорил вам мой коллега. Был произведен подсчет потерянного рабочего

---

[29] «Предприятия Герман Геринг» (нем.)

[30] «Внуки Франсуа де Венделя и компания» - французская металлургическая фирма. Основана в 1871. Национализирована в 1974.

времени и установлено, что французская экономика потеряла 12 550 миллионов рабочих часов из-за принудительного угона рабочей силы. Сюда не включено то количество рабочих, которые были вынуждены тем или иным способом работать на немцев на промышленных предприятиях внутри Франции.

Если вы позволите, господа судьи, я закончу свое изложение в отношении Франции тем, что дам общий обзор положения и в последний раз обращусь к свидетельству Геммена — этого экономического диктатора, который по приказу своих хозяев, сидящих теперь на скамье подсудимых, разорил мою страну. Если в своих первых пяти отчетах, несмотря на их технический характер, автор выказывает уверенность победителя, который может все себе позволить, то в последнем отчете, составленном 15 декабря 1944 г. в Зальцбурге, Геммен, сохраняя этот стиль своего отчета, в то же время явно пытается оправдать Германию, своих нацистских хозяев, самого себя. Но вместо этого, сам того не желая, произносит обвинительную речь против того рокового дела, в котором он участвовал. Вот, господа судьи, очень краткие выдержки из последнего отчета Геммена:

На странице 1 своего отчёта, страница 2 французского текста, он утверждает о совместной ответственности немецких лидеров и в частности Геринга. Он пишет следующее:

> «Согласно руководящим указаниям, данным 5 июля 1940 г. рейхсмаршалом, уполномоченным по четырехлетнему плану, относительно действующего права, соглашение о перемирии не дает нам экономических прав в неоккупированной части Франции, даже если толковать его более широко».

Но дальше он признает шантаж, касающийся демаркационной линии, и говорит об этом в следующих выражениях:

> «Правительство Петэна[31] с самого начала выразило... желание с помощью Германии быстро восстановить разрушенную экономику и предоставить работу для населения Франции с тем, чтобы избежать безработицы, но в первую очередь видеть снова объединенными две зоны Франции, которые были разделены демаркационной линией, чтобы достигнуть, таким образом, экономического и административного единства; в то же время правительство заявило, что оно готово руководить страной в соответствии с немецкой экономической системой и полностью реорганизовать ее по немецкому образцу».

Затем Геммен прибавляет:

> «В обмен на важные уступки в отношении демаркационной линии

[31] Анри-Филипп Петэн (1856 — 1951) — французский военный и государственный деятель; маршал Франции (21 ноября 1918); видный участник Первой мировой войны. В 1940—1944 годах возглавлял авторитарное коллаборационистское правительство Франции, известное как режим Виши. Французским судом был приговорён к смертной казни. Помилован.

делегация в комиссии по перемирию пришла к соглашению с французским правительством относительно введения немецких правил валютного обмена во французское законодательство».

Далее, по поводу давления, на странице 4 и странице 7 перевода, Геммен писал:

Рост цен, которые автоматически повышались вместе с развитием «черного рынка», давал себя знать сильнее, потому что заработная плата искусственно удерживалась на одном и том же уровне».

Я пропускаю, не желая задерживать трибунал, параграф, где Геммен говорит о французском движении Сопротивления, однако я должен отметить, что Геммен пытается доказать с помощью различных финансовых расчетов и весьма сомнительных рассуждений, что бремя войны для немцев было тяжелее, чем для французов. Но он сам одним высказыванием опровергает всю созданную им систему защиты, когда в конце своих наглых расчетов он пишет, что «с осени 1940 года до февраля 1944 года стоимость жизни во Франции повысилась на 166 процентов, в то время как в Германии она повысилась только на 7 процентов». Я думаю, что повышение цен на предметы первой необходимости является показателем обнищания страны.

Наконец, Геммен в следующих выражениях признает совершенные немцами преступления:

«Из-за того, что в течение ряда лет большое количество материальных ценностей всякого рода выкачивалось без всякой компенсации, произошло колоссальное сокращение количества продуктов в стране, чему соответствовала, в свою очередь, циркуляция большого количества бумажных денег, что вызвало все более заметные признаки инфляции, выражающиеся прежде всего в обесценивании денег и в понижении покупательной способности».

Эти материальные потери, скажут мне, можно восполнить. С помощью трудолюбия и экономии можно будет в более или менее отдаленном будущем восстановить экономику страны. Это верно, но есть одна вещь, которую никогда нельзя будет исправить. Это — последствия лишений, которые сказались на физическом состоянии населения.

Если другие немецкие преступления, такие, как угон населения, убийства, зверства, заставляли нас содрогаться от ужаса, то преступление, которое заключалось в том, что население целых стран умышленно заставляли систематически голодать, представляется не менее ужасным.

В оккупированных странах, особенно во Франции, много людей умерли исключительно потому, что они недостаточно питались и были лишены топлива. Считается, что в среднем человеку нужно от 3 до 3,5 тысяч калорий в день и примерно 4 тысячи — для лиц, занимающихся тяжелым физическим трудом. С

самого начала нормирования продуктов, с сентября 1940 года, выдавалось только по 1800 калорий в день на человека. Этот паек непрерывно уменьшался: в 1942 году — до 1700 калорий, затем до 1500 и, наконец, упал до 1220 и 900 калорий в день для взрослых и до 1380 и 1300 — для рабочих. Старики получали только 850 калорий в день. Но реально получаемый паек был еще меньше, чем тот, что значился на продуктовых карточках; зачастую по многим талонам совсем ничего не выдавалось.

Немцы не могли не знать об этом катастрофическом состоянии здоровья населения, потому что они сами признавали во время войны 1914—1917 гг., что 1700 калорий являются «режимом непрерывного голода, который приводит к смерти».

Что еще усугубляло положение, — это качество выдаваемого пайка. Хлеб был самого плохого качества. Молоко, если оно выдавалось, было обезжирено до того, что содержало только три процента жира. То малое количество мяса, которое выдавалось населению, было очень плохого качества. Рыба совершенно исчезла с рынка. Если к этому прибавить почти полное отсутствие топлива, одежды и обуви, причем большей частью ни школы, ни госпитали не отапливались, то легко будет представить себе, каково было физическое состояние населения.

Развивались неизлечимые болезни, например туберкулез, и они еще долго будут оказывать свое опустошительное действие. Рост детей и подростков был значительно замедлен. Будущее нации внушает самое серьезное беспокойство.

Председатель: Могли бы вы сказать мне, какие у вас имеются доказательства по цифрам калорий?

Жертоффер: Я покажу это в конце своей презентации. Это отчёт профессора медицинской школы Парижа которому декан университета поручил подготовить доклад о результатах недоедания. На этом я закончу своё выступление. Я почти дошёл.

Результаты экономического разграбления будут ощущаться в течение долгого времени. Истощение настолько велико, что, несмотря на щедрую помощь, оказываемую Объединенными Нациями, положение в ранее оккупированных странах еще до сих пор внушает тревогу. Почти полное отсутствие продукции на складах, недостаточное количество средств производства и транспорта и экономическая дезорганизация еще и сейчас не дают возможности обеспечить население достаточным пайком. Эта нищета, постигшая все страны, которые были оккупированы, сможет исчезнуть только постепенно и через длительное время, продолжительность которого сейчас еще никто не может определить.

В отдельных богатых сельскохозяйственных районах производители смогли иметь во время оккупации и сейчас имеют привелигерованную ситуацию с точки зрения снабжения продовольствием, однако не так обстояло дело с бедными регионами и городскими округами. Если учитывать, что во Франции городское население выше, чем сельское население, мы можем утверждать, что большая часть

французского населения подверглась и сейчас подвергается недостаточному продовольственному режиму.

Профессор Ги Ларош, уполномоченный деканом медицинского факультета в Париже изучить последствия недоедания во Франции, явившегося результатом немецких реквизиций, составил доклад по этому вопросу.

Я не хотел бы затягивать мои объяснения, оглашая весь доклад. Я только прошу трибунал разрешить мне процитировать выводы. Они представлены под номером RF-264-бис. Полный доклад я получил лишь несколько дней назад. Он представлен целиком, но я не смог получить 50 копий. Было сделано и представлено 2 копии. Выводы доктора Лароша следующие:

> «Вот насколько велики результаты преступно недостаточного снабжения, которое немцы во время оккупации с 1940 года по 1944 год навязали французам. Трудно дать точную цифру погибших вследствие этого жесткого нормирования. Надо было бы иметь общую статистику, которую мы еще не сумели составить.
>
> Однако без преувеличения можно считать, что количество умерших с 1940 года по 1944 год достигло по меньшей мере 160 тысяч человек, включая лиц, находившихся в богадельнях и приютах. К этому надо прибавить большое число болезней, физического истощения и душевных заболеваний, часто неизлечимых, детских болезней, тормозящих развитие, и т. д...
>
> Мы считаем, что можно сделать три вывода из данного отчёта, который конечно же является неполным:
>
> 1) Германские оккупационные власти умышленно жертвовали жизнями пациентов в институтах и госпиталях.
>
> 2) С учётом всего, что происходило, видно, что они желали организовать, рациональным и научным образом, ухудшение здоровья подростков и взрослых.
>
> 3) Грудные младенцы и малолетние дети получали обычный паёк; вероятно, такое привилегированное положение объясняется тем фактом, что нацистские руководители надеялись с лёгкостью распространить свою доктрину среди тех, кто не знал о других условиях жизни и которые, в виду планомерного воспитания, приняли бы их доктрину, так как они знали, что они не смогут убедить подростков и взрослых ничем кроме силы»
>
> Отчёт подписан профессором Ги Ларошем.

Господа, этот отчёт имеет приложение с фотографиями, находящееся в конце документальной книги. Я прошу передать вам их. Несчастные люди, которых вы видите на фотографии не являются жертвами концетрационного или репрессивного лагеря. Это пациенты психиатрической больницы в пригороде

Парижа, которые оказались в таком состоянии физической слабости в результате недоедания. Если бы у этих людей была диета психиатрической больницы до нормирования они бы являлись сильными, как и обычные люди. К сожалению, для них официальное нормирование было снижено и невозможно было получить никакой добавки.

Пусть мои противники не говорят мне, что немецкое население находилось в таком же положении.

Я отвечу им, что это неверно. В течение четырех лет немцы не страдали от холода и голода, напротив, каждый немец питался очень хорошо, был тепло одет, жилище его хорошо отапливалось — и все это за счет продуктов и предметов, награбленных в оккупированных странах у населения, которое было лишено самого необходимого.

Прошу вас, господа судьи, помнить слова Геринга, который восклицал: «Если голод где-нибудь и наступит, то это ни в коем случае не будет в Германии».

Немцы и их нацистские руководители сами хотели войны, которую они развязали. Они не имели права обрекать на голод другие народы для того, чтобы осуществить свою попытку добиться мирового господства. Если сегодня они находятся в затруднительном положении, то это лишь следствие их собственного поведения, и мне кажется, у них нет права обращаться к известной фразе: «Я не хотел».

Я подхожу к концу своего выступления. Господа, если вы позволите, я закончу за две минуты всю презентацию напомнив трибуналу несколько слов о предумышленном преступлении, в котором обвиняются немецкие руководители с экономической точки зрения.

Применение теорий расы и жизненного пространства породило экономическую ситуацию, которая не могла быть разрешена ничем кроме войны.

В современном обществе в виду разделения труда, его концентрации и его научной организации, концепция национального капитала занимает всё более важное место, какими бы ни являлись социальные принципы его распределения между гражданами или его полное или частичное владение государством.

Итак, национальный капитал, общественный или частный составляет общие усилия рабочей силы и экономию для будущих поколений.

Экономия или накопление продуктов труда в результате сознательных, добровольных лишений, должны существовать в пропорции к нуждам концентрации промышленных предприятий страны.

В Германии, стране высокой индустриализации, такого равновесия не существовало. Фактически, расходы этой страны, частные и общественные превышали её средства; экономия была неэффективной. Создание системы обязательных сбережений формулировалось только путём введения новых налогов и никогда не возмещалось подлинными сбережениями.

В результате войны 1914-1918, после освобождения себя от бремени репараций (и я должен отметить, что две-трети суммы остались долгом для Франции), Германия, создав свой золотой запас в 1926, приступила к политике иностранных займов и тратам вопреки всему. Не будучи способной, выполнять соглашения, она перестала находить кредиторов.

После прихода Гитлера к власти политика нацистской Германии получила определенное направление. Внутренняя экономика и все ресурсы были использованы для подготовки к войне, которая, как надеялись, позволила бы Германии захватить силой богатства своих западных соседей, а потом обрушиться на Союз Советских Социалистических Республик в надежде использовать колоссальные богатства этой великой страны. Таково применение теорий, изложенных в книге «Mein Kampf[32]», которому сопутствовало порабощение, а затем и уничтожение населения завоеванных стран.

В ходе оккупации, подвергнувшиеся нападению нации систематически разграблялись и жестоко порабощались и это бы позволило Германии добиться своих военных задач, то есть овладеть подвергшимися нападению странами, и постепенно уничтожить их население, если бы ей не дала ответ отвага Объединнённых Наций. Вместо обогащения украденным имуществом, Германия тонула в войне которую спровоцировала, до самого момента краха.

Такие действия, сознательно совершенные немецкими руководителями в нарушение международного права и в частности Гаагской конвенции, так же как и в нарушение общих принципов уголовного права всех цивилизованных наций, составляют военные преступления, за которые они должны ответить перед судом.

Господин председатель, я должен добавить, что французское обвинение намерено представить выступление о разграблении предметов искусства в оккупированных странах Западной Европы. Но данный вопрос уже обсуждался в двух обзорах наших американских коллег, обзорах которые как нам кажется, безусловно установили ответственность подсудимых. Чтобы не затягивать слушания, французское обвинение считает, что оно обязано воздержаться от повторной презентации данного вопроса, однако мы покорно находимся в распоряжении трибунала, если он пожелает дальнейшей информации по данному вопросу.

Презентация французского обвинения закончена. Я передаю слово капитану Шпрехеру от американской делегации, который выступит по ответственности подсудимого Фриче.

Шпрехер: С позволения трибунала, я вижу, что доктор Фриц, защитник подсудимого отсутствует и ввиду позднего времени, будет уместно отложить это до завтра.

---

[32] «Моя борьба» — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.

Председатель: Уже 5 часов, мы в любом случае откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 23 января 1946*]

День сорок первый

Среда, 23 января 1946

Утреннее заседание

Шпрехер: Господа судьи! На меня возложена обязанность и мне предоставлена честь предъявлять сегодня материалы об индивидуальной ответственности подсудимого Ганса Фриче за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, поскольку они непосредственно относятся к общему плану или заговору.

С разрешения трибунала предполагаем представлять этот материал по трем основным разделам:

Во-первых, краткое перечисление различных постов, которые занимал подсудимый Фриче в нацистском государстве;

Во-вторых, рассмотрение заговорщической деятельности Фриче в министерстве пропаганды с 1933 года вплоть до нападения на Советский Союз;

В-третьих, рассмотрение причастности Фриче, как нацистского пропагандиста, к зверствам и безжалостной оккупационной политике, которые являлись частью общего плана или заговора.

Перечисляя посты, которые занимал Фриче, мы не собираемся сразу говорить о его функциях на этих постах. Впоследствии, останавливаясь на некоторых актах заговорщической деятельности Фриче, я затрону подробнее вопрос о некоторых занимаемых им постах.

Членство Фриче в партии и различные посты, которые он занимал в пропагандистком аппарате нацистского государства, явствуют из двух письменных показаний, данных самим Фриче под присягой. Это документ PS-2976, USA- 20, который уже представлен в качестве доказательства, и документ PS-3469, USA-721. Оба эти письменных показания были переведены на все четыре рабочих языка трибунала.

Фриче стал членом нацистской партии 1 мая 1933 года и оставался ее членом вплоть до разгрома Германии в 1945 году. Фриче начал работать в штате министерства народного просвещения и пропаганды, впоследствии называемого министерством пропаганды, 1 мая 1933 года и он оставался на работе в этом министерстве до падения нацизма.

До того как нацисты захватили политическую власть в Германии, начиная с сентября 1932 года, Фриче возглавил информационное радиоагентство

правительства Рейха (Drahtloser Dienst), еще во время пребывания у власти правительства фон Папена.

После того как информационное радиоагентство было включено в министерство пропаганды доктора Геббельса[33] в мае 1933 года, Фриче продолжал оставаться его главой до 1938 года. После перехода в министерство пропаганды в мае 1933 года Фриче стал также главой отдела информации при отделе печати министерства пропаганды. Он оставался на этом посту до 1937 года. Летом 1938 года Фриче был назначен заместителем некоего Альфреда Ингемара Берндта[34], который был тогда главой отдела германской печати.

Отдел германской печати называется в обвинительном заключении отделом внутренней прессы. Поскольку «отдел германской печати» является наиболее точным переводом, то мы его называем в данном случае именно так. Мы в дальнейшем покажем, что этот отдел был главным подотделом отдела печати рейхскабинета.

В декабре 1938 года Фриче стал преемником Берндта на посту начальника отдела германской печати. Между 1938 годом и ноябрем 1942 года Фриче три раза был повышен в должности. Он последовательно был повышен в чине со старшего государственного советника до министериальсоветника, министериальдиригента и, наконец, министериальдиректора.

В ноябре 1942 года Фриче был освобожден от должности начальника отдела германской печати доктором Геббельсом и принял от него вновь созданный пост в министерстве пропаганды, а именно пост уполномоченного по политической организации великогерманского радио. В то самое время он также стал главой радиоотдела министерства пропаганды. Он сохранил оба эти поста на радио до падения нацистского режима.

В обвинительном заключении имеются два обвинения в связи с постами Фриче, по которым мы не можем представить доказательства.

Первое обвинение, которое не может быть подтверждено доказательствами, гласит, что Фриче был «главным редактором официального германского информационного бюро». Второе обвинение, которое мы не можем подтвердить, гласит, что Фриче был «главой радиоотдела в секторе пропаганды нацистской партии». В своем письменном показании под присягой Фриче отрицает, что он занимал эти посты. Поэтому оба эти обвинения должны отпасть за отсутствием доказательств.

Перед тем как обсудить документы по данному делу, я желаю выразить

[33] Йозеф Геббельс (1897 — 1945) — немецкий политик, один из ближайших сподвижников и верных последователей Адольфа Гитлера. Гауляйтер в Берлине с 1926 года и начальник управления пропаганды НСДАП с 1930 года. Министр пропаганды и народного просвещения Германии в 1933-1945. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

[34] Альфред Берндт (1905 – 1945) – немецкий журналист и сотрудник министерства пропаганды Германии. Министериальдиректор этого министерства в 1938-1945. Предположительно был убит во время боев в Венгрии.

свою благодарность за содействие господину Норберту Гэлперну, господину Альфреду Буту и лейтенанту Нибергаллу, который сидит справа от меня, за их содействие в поиске, анализе и переводе.

Трибунал заметит, что книга документов сравнительно небольшая. Она помечена как книга документов «ММ». В ней только 32 страницы, которые пронумерованы для вашего удобства красным карандашом. Небольшое количество документов в данном случае объясняется только тем, что мы располагаем пространным письменным показанием, данным под присягой подсудимым Фриче, которое было подписано им 7 января 1946 года.

Я считаю, что прежде всего необходимо остановиться на этом важном документе. Он находится перед вами, господа судьи, под номером PS-3469 и начинается в книге документов на странице 19. Как я и говорил, он переведен на четыре рабочих языка трибунала.

Это письменное показание, данное под присягой, содержит материалы, которые Фриче добровольно дал по запросу, сделанному мной через его защитника доктора Фрица. Некоторые части из его показаний были первоначально написаны от руки или напечатаны самим подсудимым Фриче во время процесса и во время каникул. Затем все эти материалы были объединены в одно общее письменное показание, данное под присягой.

Эти письменные показания содержат рассказ Фриче о событиях, которые привели его в министерство пропаганды, и о его позднейших связях с этим министерством. До того как Фриче дал свои письменные показания о роли пропаганды в важнейших внешнеполитических событиях, ему были показаны соответствующие заголовки и статьи, которые появлялись в то время в немецких газетах, с тем, чтобы он мог освежить свою память и дать более точные показания.

Я думаю, что трибунал пожелает рассмотреть многие разделы из этих письменных показаний, независимо от обвинения по данному делу, вместе с доказательствами относительно применения заговорщиками пропаганды как одного из главных орудий заговора. Некоторые из этих доказательств, как вы вспомните, уже представлялись майором Уоллисом в начале этого процесса в связи с досье «Е», озаглавленным: «Пропаганда, цензура и надзор за культурной деятельностью», и соответствующей книгой документов, на которую я обращаю теперь внимание трибунала.

В письменных показаниях, данных Фриче, имеется большое количество показаний, которые следует отнести к категории заявлений в свою пользу. Обвинение просит трибунал рассматривать эти заявления лишь в свете всего заговора и в свете неоспоримых фактов, записанных в протоколе. Обвинение считало возможным, как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения экономии времени, просить Фриче, через его защитника доктора Фрица, изъять некоторые из этих оправдательных заявлений из письменного показания и

представить их позже в связи с его защитой.

Поскольку я буду неоднократно ссылаться на эти письменные показания, быть может, члены трибунала пожелают отметить для себя в книге документов место, где помещены эти показания.

Обращаясь к абзацам 4 и 5 этих показаний, трибунал заметит, что Фриче был преуспевающим журналистом в прессе Гугенберга[35], одном из самых значительных газетных концернов в донацистской Германии. Этот концерн имел собственные газеты, но, прежде всего, его значение заключалось в том, что он помогал газетам, которые в основном поддерживали так называемые «национальные» партии Рейха, в том числе и НСДАП.

В пятом абзаце своих письменных показаний Фриче рассказывает о том, что в сентябре 1932 года, когда подсудимый фон Папен был рейхсканцлером, Фриче получил пост начальника информационного радиоагентства, сменив на этом посту человека, который был политически неприемлемым для режима фон Папена. Я бы сказал, что эта радиослужба явилась правительственным органом по распространению новостей по радио.

Фриче начал выступать по радио примерно в то же время, он пользовался очень большим успехом. Это было признано Геббельсом и впоследствии Геббельс сумел очень хорошо воспользоваться успехами Фриче в интересах нацистских заговорщиков.

Нацисты захватили власть 30 января 1933 года. Из письменных показаний Фриче мы узнаем, что в тот же самый вечер 30 января 1933 года Фриче посетили два посланца от Геббельса. Один из них был Дреслер-Андресс[36] — глава отдела нацистской партии по вопросам радио, второй — его помощник по фамилии Садила-Мантау[37]. Эти два посланца объявили Фриче, что хотя Геббельс и сердится на него за то, что он написал критическую статью против Гитлера, но все же Геббельс признает успех выступления Фриче по радио, начиная с осени предыдущего года. Они далее сказали, что Геббельс желает сохранить Фриче в качестве главы информационной радиослужбы, но на известных условиях. Первое — чтобы Фриче уволил всех евреев, второе — чтобы Фриче уволил всех других работников, которые не хотят вступать в нацистскую партию, и третье — чтобы он включил в штат информационной радиослужбы второго посланца Геббельса — Садила-Мантау.

Фриче отказался выполнить эти условия, за исключением последнего — приглашения на работу Садила-Мантау. Это один из первых явных компромиссов

---

[35] Альфред Гугенберг (1865 — 1951) — влиятельный немецкий бизнесмен и политик. Рейхсминистр первого кабинета Адольфа Гитлера в 1933 году. Председатель Немецкой национальной народной партии в 1928-1933.

[36] Хорст Дреслер-Андресс (1899-1979) – немецкий политик и журналист. В 1939-1945 занимал должности связанные с руководством пропагандой центральных и региональных отделениях министерства пропаганды Рейха.

[37] Ганс Садила-Мантау (1896 – 1986) – австрийский журналист и нацистский политик. В 1933-1939 сотрудник министерства пропаганды Рейха.

после захвата нацистами власти, на который пошел Фриче на своем пути в лагерь нацистов.

В течение этого периода Фриче продолжал выступать по радио. В этих передачах он поддерживал национал-социалистическое коалиционное правительство, которое тогда все еще находилось у власти.

В начале 1933 года отряды СА несколько раз посещали информационное агентство и Фриче с некоторыми трудностями удавалось не допускать их к выступлениям по радио для передачи новостей.

В апреле 1933 года Геббельс вызвал к себе молодого Фриче для личной беседы. В документе PS-3469 Фриче добровольно показал следующее относительно своих отношений с доктором Геббельсом:

> «Я был знаком с доктором Геббельсом с 1928 года. По-видимому, я ему понравился, не говоря уже о том, что в моей прессе я всегда занимал дружескую позицию по отношению к национал-социалистам до 1931 года.
>
> Еще до 1933 года Геббельс, который был редактором нацистской газеты «Der Angriff[38]», неоднократно делал лестные замечания о форме и содержании моих работ, которые я писал в качестве сотрудника многих газет и журналов национального направления, в числе которых были и более реакционные издания».

Во время первого разговора в начале апреля 1933 года Геббельс сказал Фриче, что он принял решение включить, начиная с 1 мая 1933 года, информационное радиоагентство в состав министерства пропаганды. Он предложил Фриче произвести некоторые перемены в штате, которые заключались в устранении евреев и других лиц, не поддерживавших национал-социалистическую партию. Фриче спорил с Геббельсом касательно некоторых из этих мер. Следует сказать, что в течение этого периода Фриче предпринимал усилия, чтобы подыскать для евреев другую работу.

Во время второго совещания с Геббельсом, состоявшегося вскоре после первого, Фриче сообщил Геббельсу относительно шагов, которые он предпринял по реорганизации информационного радиоагентства. Геббельс тогда информировал Фриче о том, что он хочет, чтобы Фриче реорганизовал и модернизировал всю информационную службу в Германии, находящуюся под контролем министерства пропаганды.

Трибунал, вероятно, помнит, что 17 марта 1933 года, а именно примерно за два месяца до этого разговора, специальным декретом было создано министерство пропаганды — «Reichsgesetzblatt[39]», 1933 год, часть 1-я, страница 104, наш документ

---

[38] Der Angriff (Атака) — антисемитская и антикоммунистическая газета, издававшаяся в нацистской Германии в Берлине местным гау НСДАП. Издавалас с 1927 по 1945.

[39] «Правительственная газета» — газета правительства Германии издававшаяся с 1871 по 1945. Принимаемые нормативно-правовые акты подлежали официальной публикации в данной газете.

PS-2029.

Фриче был заинтересован предложением Геббельса. Он продолжал проводить реорганизацию агентства, согласно указаниям Геббельса, и 1 мая 1933 года вместе с сохранившимся персоналом службы он перешел в министерство пропаганды. В тот же день он вступил в национал-социалистическую партию, приняв обычную присягу в безоговорочной верности фюреру. С этого времени, каковы бы ни были несогласия Фриче с ходом событий при нацистском режиме тогда или позже, Фриче находился целиком и полностью в нацистском лагере. В течение следующих тринадцати лет он участвовал в создании и применении основных пропагандистских приемов, которые заговорщики использовали с таким потрясающим эффектом на каждой из главных фаз данного заговора.

С 1933 по 1942 год Фриче занимал различные посты в отделе германской печати. Он фактически возглавлял этот отдел в течение четырех решающих лет с 1938 по 1942 год. Это был период, когда нацисты начали военное вторжение в соседние страны, и поэтому мы полагаем, что есть необходимость несколько подробнее осветить для трибунала функции этого отдела германской печати. Таким образом, станет ясно, какое важное и даже исключительное положение занимал этот отдел германской печати как орудие нацистского заговора, не только для того, чтобы господствовать над умами и психологически воздействовать на самих немцев через германскую прессу и радио, но также как орудие внешней политики и психологической войны против других народов.

И без того широкая юрисдикция министерства пропаганды была еще более расширена декретом Гитлера от 30 июня 1933 года, который помещен в «Reichsgesetzblatt», 1933 год, часть 1-я, страница 449. Я процитирую из этого декрета только одну фразу. Наш документ — PS-2030, страница 3 книги документов.

> «В юрисдикцию рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды входят все вопросы, связанные с духовным воспитанием нации, с пропагандой в интересах государства, культуры и экономики, с освещением этих вопросов как внутри страны, так и за границей. Более того, ему поручается руководство и учреждениями, которые служат этим целям».

Необходимо подчеркнуть, что целью этого министерства было «освещение вопросов как внутри страны, так и за границей».

Для того чтобы ясно представить себе функции отдела германской печати министерства пропаганды, трибуналу следует обратиться к документу PS-2434, страница 5 книги документов, который представляется в качестве доказательства под номером USA-722. Это выдержка из книги Георга Вильгельма Мюллера[40],

---

[40] Георг Вильгельм Мюллер (1909-1989) – немецкий журналист. Оберфюрер СС.В 1934-1940 сотрудник министерства пропаганды Рейха. В 1940-1945 начальник управления пропаганды в рейхскомиссариате Норвегии.

министериальдиректора в министерстве пропаганды. Мы просим трибунал принять этот документ без доказательства.

В письменном показании Фриче, абзацы 14, 15 и 16 на странице 22 вы найдете изложение функций отдела германской печати, описание которых подтверждает и дополняет сведения, данные в книге Мюллера. В письменном показании Фриче об этом отделе германской печати сообщается следующее.

> «В течение всего периода с 1933 по 1945 год задачей отдела германской печати было наблюдать за всей внутренней прессой и давать ей свои директивы, с помощью которых этот отдел стал эффективным орудием в руках руководства. Более чем 2300 германских ежедневных газет находилось под его контролем.
>
> Цель этого наблюдения и контроля в течение первых лет после 1933 года заключалась в том, чтобы коренным образом изменить условия, которые существовали в прессе до захвата власти. Это означало координацию и включение в новый порядок всех тех газет и журналов, которые находились на службе частных капиталистических интересов или партийной политики. В то время как административные функции во всех случаях, когда это было возможно, выполнялись профессиональными ассоциациями и палатой печати Рейха, политическое руководство германской прессой было доверено отделу германской печати.
>
> Глава отдела германской печати проводил ежедневные пресс-конференции в министерстве для представителей всех германских газет. Таким образом, здесь давались все инструкции представителям печати. Эти инструкции давались почти всегда ежедневно и, главным образом, по телефону из штаб-квартиры доктором Отто Дитрихом[41], руководителем прессы Рейха, в форме официальных текстов «ежедневных брифингов шефа прессы Рейха». До того, как формировались эти ежедневные сообщения, глава отдела германской печати передавал ему — Дитриху — пожелания Геббельса и других министров в отношении прессы. Это, в особенности, касалось пожеланий министерства иностранных дел, по поводу которых доктор Дитрих всегда желал принимать решения лично или через своих представителей в штаб-квартире Гельмута Зюндерманна[42] и главного

[41] Отто Дитрих (1897 — 1952), партийный и государственный деятель нацистской Германии, рейхсляйтер (2 июня 1933 года — 8 мая 1945 года), пресс-секретарь НСДАП (1 августа 1931 года — 31 марта 1945 года), шеф прессы НСДАП (с 28 февраля 1934 года), пресс-секретарь правительства Рейха (26 ноября 1937 года — 31 марта 1945 года), государственный секретарь министерства народного просвещения и пропаганды, президент Палаты печати Рейха (апрель 1938 года — 31 марта 1945), обергруппенфюрер СС (20 апреля 1941 года). Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы.

[42] Гельмут Зюндерман (1911-1972) – немецкий журналист. В 1934-1945 занимал ряд должностей в управлении прессы НСДАП и министерстве пропаганды Рейха.

редактора Лоренца.

Таким образом, практическое применение общих инструкций в каждом отдельном случае было полностью предоставлено каждому редактору. Поэтому совершенно неверно, что отдел германской печати монопольно распоряжался всеми газетами и журналами или что статьи и передовицы должны были представляться ими в министерство на предварительную цензуру. Даже во время войны это практиковалось только в исключительных случаях. Менее значительные газеты и журналы, которые не были представлены на ежедневных пресс-конференциях, получали свою информацию в другом порядке: они или снабжались готовыми статьями и репортажами, или получали секретные печатные инструкции. Кроме того, издательская деятельность всех других официальных агентств также руководилась и направлялась отделом немецкой прессы.

Для того чтобы журналы, со своей стороны, могли получать информацию о повседневных политических вопросах, освещавшихся в газетах, и для того чтобы иметь возможность подробнее разбирать их, специально для журналов издавалась так называемая «информационная корреспонденция». Впоследствии это издание перешло в отдел периодической печати. Отдел германской печати руководил также фоторепортажем, поскольку он заведовал приглашением на работу фоторепортеров, снимавших важнейшие события.

Таким образом, и поскольку это в каждом отдельном случае обусловливалось текущими политическими событиями, вся немецкая пресса при посредстве отдела немецкой печати постоянно являлась орудием министерства пропаганды и благодаря этому вся немецкая пресса была подчинена политическим целям правительства. Это выражалось в выборе времени для опубликования статей и в уделении повышенного внимания таким вопросам для полемики в прессе, которые были наиболее полезны в каждый данный момент, как например: «Классовая борьба эпохи систем», «Принцип фюрерства и авторитарное государство», «Партия и интересы политики в эпоху систем», «Еврейский вопрос», «Заговор мирового еврейства», «Большевистская опасность», «Плутократическая демократия за границей», «Общие расовые проблемы», «Церковь», «Экономический упадок за границей», «Внешняя политика», «Жизненное пространство».

Это описание, данное Фриче, с точностью устанавливает, и притом в его собственной формулировке, что отдел германской печати являлся орудием для

подчинения всей германской прессы политическим целям правительства.

Мы переходим теперь к началу деятельности Фриче в пользу заговорщиков в отделе германской печати. Будет уместно снова зачитать выдержку из его письменных показаний, 23-я страница книги документов. Фриче описывает свое совещание с Геббельсом в конце апреля или начале мая 1933 года. Цитирую:

> «В этот период доктор Геббельс предложил мне в качестве специалиста по вопросам организации информации создать информационный подотдел внутри отдела прессы его министерства и руководить им с тем, чтобы полностью реорганизовать и модернизировать германские информационные агентства. Проводя в жизнь эти указания, данные мне доктором Геббельсом, я взял на себя руководство всей информационной деятельностью всех бюро по снабжению новостями германской прессы и радио в соответствии с руководящими указаниями, которые я получал из министерства пропаганды. Однако сначала в мою юрисдикцию не входило германское информационное агентство».

Очевидно, что руководство германским информационным агентством не входило в компетенцию Фриче в тот период по той причине, что бюро было организовано только в 1934 году. Далее трибунал обратит внимание на то, что Фриче были предоставлены очень большие суммы для создания нацистской службы информации. Бюджет германских информационных агентств был увеличен Рейхом примерно в десять раз — с 400 тысяч до 4 миллионов марок. Фриче сам подбирал и приглашал главного редактора для информационного агентства «Transocean[43]», а также для агентства «Europa Press[44]». Фриче заявляет, что «некоторые из указаний министерства пропаганды, которым я должен был следовать, заключались в том, чтобы... любой ценой увеличить распространение новостей из Германии за границей... и распространять благоприятные новости относительно внутреннего строительства и мирных намерений национал-социалистической системы».

Примерно летом 1934 года подсудимый Функ, бывший тогда руководителем прессы правительства Рейха, сумел добиться слияния двух важнейших агентств по распространению информации внутри страны: телеграфного агентства Вольфа[45] и Телеграфного союза и создать таким образом официальное германское информационное агентство, обычно известное под названием «ДНБ[46]». Трибуналу уже указывалось, что в обвинительном заключении Фриче неправильно вменяется в вину, что он сам был главным редактором агентства «ДНБ». Фриче никогда не занимал никакого официального поста в этом агентстве. Однако, поскольку Фриче являлся главой подотдела информации отдела германской печати,

[43] «Трансокеанское агентство новостей» - немецкое информационное агентство. Существовало в 1915-1945.
[44] «Пресса Европы» (нем.)
[45] «Телеграфное агентство Вольфа» - немецкое информационное агентство. Существовало в 1849-1933.
[46] Аббр. с нем. Deutsches Nachrichtenbüro – Германское бюро новостей.

агентство «ДНБ» входило в его юрисдикцию, а оно после 1934 года являлось официальным агентством Рейха по распространению информации внутри страны. В последней части 17-го абзаца своего письменного показания Фриче утверждает, что он координировал работу различных агентств по новостям из-за границы «внутри страны, на европейском континенте и в заокеанских государствах друг с другом и с «ДНБ».

Информационная радиослужба возглавлялась Фриче с 1930 по 1937 год. После января 1933 года это агентство было официальным орудием нацистского правительства для распространения новостей по радио. В то же время, когда Фриче возглавлял это агентство, он лично выступал по радио с речами, обращенными к германскому народу. Эти радиопередачи, естественно, контролировались министерством пропаганды и отражали его цели и задачи. Влияние, оказанное этими передачами Фриче на германский народ в течение периода консолидации нацистского контроля, тем более важно, поскольку Фриче в то же время был главой информационного радиоагентства, которое осуществляло правительственный контроль за всей информацией по радио.

Всему миру хорошо известно теперь, что нацистские заговорщики пытались быть и часто в действительности были большими специалистами в области ведения психологической войны. Перед каждой большой агрессией, за исключением некоторых случаев, когда имелись в виду, главным образом, соображения стратегии быстроты, они начинали кампанию в прессе, рассчитанную на то, чтобы ослабить свои жертвы и подготовить германский народ психологически к предстоящей безумной авантюре нацистов. После своих первых завоеваний они использовали прессу как средство для дальнейшего воздействия на внешнюю политику и маневрирования перед следующей намеченной агрессией.

Ко времени оккупации Судетской области[47] 1 октября 1938 года Фриче стал заместителем начальника всего отдела германской печати. Фриче заявляет, что германская пропаганда перед заключением Мюнхенского соглашения[48] по поводу Судетской области проводилась под руководством его непосредственного начальника Берндта, который был главой отдела германской печати. В 27-м абзаце письменных показаний Фриче описывает эту пропаганду, проводившуюся под руководством Берндта. Говоря о Берндте, Фриче заявляет:

> «Он сильно преувеличивал незначительные события и иногда использовал старые эпизоды, выдавая их за новые. Даже из Судетской

[47] Судетская область, также Судетенланд — пограничный регион Чехии, промышленно развитая, богатая полезными ископаемыми область на севере и северо-западе Чехии и сельская область на юго-западе и юге Чехии, получившая своё название от расположенных на её территории гор Судеты. До 1945 года — место компактного проживания судетских немцев.

[48] Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года и подписанное 30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

области приходили жалобы, что многие из новостей, которые сообщаются германской прессой, совершенно неправдоподобны. Дело в том, что после большого политического успеха в Мюнхене в сентябре 1938 года наступил значительный кризис доверия германского народа к правдивости его прессы. Это было одной из причин отстранения Берндта от этой должности в декабре 1938 года после окончания Судетской операции и для назначения меня главой отдела германской печати. Кроме того, благодаря своим действительно успешным, но слишком примитивным приказам германской прессе, напоминающим военные приказы, Берндт потерял доверие германских издателей и редакторов».

Что же случилось в это время? Фриче стал главой отдела германской печати вместо Берндта. Между декабрем 1938 года и 1942 годом Фриче в качестве главы отдела германской печати лично давал представителям основных германских газет так называемые «ежедневные брифинги руководителя прессы Рейха». В течение этого исторического периода он был главным из заговорщиков, непосредственно ответственным за деятельность прессы. Первой значительной внешней агрессией после того, как Фриче стал главой отдела германской печати, была операция по включению Богемии и Моравии в состав Рейха. В 28-м абзаце своих письменных показаний Фриче сообщает о пропагандистской деятельности, которая проводилась в связи с включением Богемии и Моравии в состав Рейха, следующее:

«Операция присоединения Богемии и Моравии, которая была проведена 15 марта 1939 года в то время, когда я возглавлял отдел германской прессы, не готовилась так долго, как Судетская операция. Насколько я помню, в феврале я получил от руководителя прессы Рейха доктора Дитриха приказ, неоднократно повторенный от имени посланника Пауля Шмидта[49] из министерства иностранных дел о том, чтобы обратить внимание прессы на стремление Словакии к независимости и на постоянную антигерманскую коалиционную политику пражского правительства. Я это сделал. Ежедневные брифинги руководителя прессы Рейха, а также протоколы пресс-конференций, имевших место в то время, дают точное представление о формулировке соответствующих инструкций. Типичными заголовками ведущих газет и пышных передовиц германской ежедневной печати в то время были:1. Терроризирование немецкого населения на чешской территории путем арестов, расстрелов немцев государственной полицией, разрушениями и повреждениями

[49] Пауль(-Отто) Шмидт (1899 — 1970) — переводчик Министерства иностранных дел Третьего рейха (1924—1945), руководитель бюро министра, официальный переводчик Адольфа Гитлера (с 1935), штандартенфюрер (с 1940).

немецких домов чешской толпой.2. Концентрация чешских войск на судетской границе. 3. Похищения, ссылки и преследование чехами словацких меньшинств. 4. Чехи должны очистить Словакию.5. Тайные заседания красных функционеров в Праге.

За несколько дней до посещения Гахи[50] я получил предписание опубликовать в печати поступающие сведения о беспорядках в Чехословакии, привлекая к ним повышенное внимание. Эти сведения я получил только частично от германского информационного агентства «ДНБ». В большинстве случаев они исходили из отдела прессы министерства иностранных дел, а иногда и из газет, имевших свои собственные службы новостей. Среди этих газет была прежде всего газета «Volkischer Beobachter[51]», которая, как я узнал позже, получала свои сведения от штандартенфюрера СС Гюнтера д'Алкуэн[52], находившегося в то время в Братиславе. Я запретил всем службам новостей и газетам печатать сведения о беспорядках в Чехословакии, пока я предварительно не просмотрю их сам. Я хотел избежать повторения весьма неприятных последствий пропаганды, проводившейся во время судетской операции. Я хотел избежать потери своего личного авторитета в связи с распространением ложных сведений. Таким образом, все сведения, проверенные мною, были, несомненно, тенденциозны, но тем не менее не выдуманы. После посещения президентом Гахой Берлина и после начала вторжения германских войск, которое началось 15 марта 1939 года, германская пресса получала достаточно материала для описания этих событий. Исторически и политически этот факт был оправдан указанием на то, что объявление независимости Словакии потребовало вмешательства и что Гаха своей подписью избежал войны и вновь восстановил союз тысячелетней давности между Богемией и Рейхом».

Пропагандистская кампания в печати перед вторжением в Польшу 1 сентября 1939 года и, таким образом, пропагандистская деятельность, предшествовавшая началу второй мировой войны, вновь является делом рук подсудимого Фриче и его отдела германской печати. В 30-м абзаце своих показаний Фриче говорит о том, как заговорщики проводили пропагандистскую подготовку к этому эпизоду. Цитирую:

---

[50] Эмиль Гаха (1872 — 1945) — чешский политик, юрист, третий президент Чехословакии (1938—39), с 1939 года — президент образованного оккупационными немецкими властями Протектората Богемия и Моравия. 13 мая 1945 года арестован за сотрудничество с немцами, в ожидании суда умер в заключении.

[51] Народный обозреватель» — немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag.

[52] Гюнтер д'Алькуэн (1910 — 1998), журналист, главный редактор центрального органа СС — газеты «Черный корпус» («Das Schwarze Korps»; 1 марта 1935 года — 8 мая 1945 года), штандартенфюрер СС (30 января 1937 года). Судом по денацификации был приговорён к штрафу.

«Очень сложной и меняющейся была трактовка польского вопроса в прессе и пропагандистских материалах. Под влиянием германо-польского соглашения[53] в течение многих лет германской прессе было официально запрещено публиковать что-либо о положении немецкого меньшинства в Польше. Это запрещение все еще было в силе весной 1939 года, когда немецкая печать получила предписание быть несколько более активной в отношении вопроса о Данциге. Даже тогда, когда начались первые польско-английские переговоры и когда от германской прессы потребовалось занять более резкую позицию в отношении Польши, даже тогда вопрос о немецком меньшинстве в Польше оставался в тени. Но летом этот вопрос был поднят вновь и немедленно вызвал весьма ощутимое обострение ситуации. Редакторы крупных немецких газет уже давно располагали большим количеством материалов о жалобах и протестах немцев в Польше, но они не имели возможности использовать этот материал. Немецкие газеты с того времени, когда проблема немецкого меньшинства обсуждалась в Женеве, все еще имели своих корреспондентов или добровольных сотрудников в Катовицах, Быдгоще, Познани, Торуни и так далее. Их материалы неожиданно стали помещаться на видном месте в газетах. К тому же основные немецкие газеты, подчиняясь инструкциям, которые они получали в так назывемых «ежедневных брифингах», настойчиво публиковали следующие материалы: 1. О жестокостях и терроре, направленных против этнических немцев, и об уничтожении немецкого населения в Польше. 2. Строительство оборонительных сооружений в Польше руками тысяч немецких мужчин и женщин. 3. Польша — страна рабства и беспорядков. Дезертирство польских солдат. Рост инфляции в Польше. 4. Провокации пограничных конфликтов по указанию польского правительства. Польша стремится к захватам. 5. О преследовании чехов и украинцев в Польше. Польская печать реагировала почти на все это чрезвычайно остро».

Кампания прессы, которая предшествовала вторжению в Югославию, проводилась примерно по тому же шаблонному плану. Вы обнаружите здесь обычную ложь, подстрекательство и угрозы, а также традиционные попытки разделить и ослабить страну-жертву. 32-й абзац показания Фриче на 28-й странице книги документов следующим образом описывает эту пропагандистскую кампанию:

«В течение времени, непосредственно предшествовавшего вторжению в Югославию 16 апреля 1941 года, немецкая печать подчеркивала в

[53] «Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей» (называемая также Договор о ненападении между Германией и Польшей, Пакт Пилсудского — Гитлера) — совместная декларация, подписанная Германией и Польшей 26 января 1934 года. Принятие этого документа способствовало временной нормализации отношений между двумя государствами.

заголовках и передовых статьях газет следующие темы:1. Систематическое преследование немцев в Югославии, в том числе сжигание немецких деревень сербскими солдатами, а также заключение этнических немцев в концлагеря. Физические насилия, совершаемые над лицами, говорящими по-немецки.2. Вооружение сербским правительством сербских бандитов.3. Подстрекательство плутократами югославского общественного мнения против Германии.4. Рост антисербских настроений в Хорватии. 5. Хаотическое состояние экономических и социальных условий в Югославии».

Поскольку существовал пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом, а также поскольку заговорщики хотели воспользоваться преимуществом неожиданности, специальная пропагандистская кампания непосредствено перед нападением на Советский Союз не проводилась. Фриче в 33-м абзаце своих письменных показаний описывает формы пропаганды, которая все же проводилась для оправдания этой агрессивной войны в глазах германского народа.

«В ночь с 21 на 22 июня 1941 года Риббентроп вызвал меня около пяти часов утра в помещение министерства иностранных дел на совещание, на котором присутствовали представители нашей и иностранной печати. Риббентроп сообщил нам, что в этот же самый день начинается война против Советского Союза, и просил германскую печать представить эту войну против Советского Союза как войну превентивную для защиты отечества, как войну, которую мы вынуждены начать из-за непосредственной опасности нападения на Германию со стороны Советского Союза. Утверждение о том, что эта война была превентивной, было повторено позже газетами, которые получили инструкции от меня во время очередного ежедневного брифинга начальника прессы Рейха. Я сам давал такую же интерпретацию причин войны в своих регулярных выступлениях по радио».

Фриче на протяжении всего своего письменного показания постоянно говорит о своей технической помощи и консультациях, которые он давал колоссальному аппарату министерства пропаганды. В 1939 году его, очевидно, перестали удовлетворять существовавшие возможности отдела германской печати, лившего воду на пропагандистскую мельницу. Он создал новое орудие для повышения эффективности нацистской пропаганды. В 19-м абзаце своего письменного показания, страница 24 книги документов, Фриче описывает этот новый механизм пропаганды следующим образом. Цитирую:

«Примерно летом 1939 года я создал внутри отдела германской прессы подотдел, названный «служба скорости».

Я пропускаю часть текста и цитирую дальше:

«Вначале задачей этого подотдела была проверка правильности известий, получаемых из-за границы. Впоследствии, примерно начиная с осени 1939 года, этот подотдел также начал работать над сбором материалов, которые предоставлялись в распоряжение всей германской прессы. Например, данные о британской колониальной политике, начиная с политических заявлений британского премьер-министра, сделанных в прошлом, описания социальных беспорядков во враждебных странах и т. д.. Почти все германские газеты использовали этот материал как основу для той полемики, которую они вели. Таким образом, было достигнуто большое сосредоточение огня на боевом фронте германской прессы. Название «служба скорости» было выбрано потому, что материалы для комментариев по текущим вопросам поступали с необычайной быстротой».

В течение всего периода, предшествовавшего агрессивным войнам, и включая период ведения агрессивных войн, Фриче постоянно выступал по радио, обращаясь к германскому народу с речами на следующие темы: «Политический обзор газет», «Политический радиообзор», позднее «Говорит Ганс Фриче». Его передачи, естественно, отражали полемику печати, а также руководящие указания его министерства и, таким образом, шли в русле целей общего плана или заговора.

Обвинение утверждает, что Фриче, являясь одним из наиболее выдающихся сотрудников группы пропаганды Геббельса, серьезно содействовал тому, чтобы погрузить мир в кровавую пучину агрессивной войны.

С разрешения трибунала мы перейдем теперь к доказательствам, которые подтверждают, что Фриче подстрекал к зверствам и поощрял безжалостную оккупационную политику. Результаты осуществления пропаганды как оружия нацистских заговорщиков имеют отношение к каждому аспекту этого заговора, включая аморальное и бесчеловечное поведение, с которым связаны зверства и бесжалостная эксплуатация оккупированных стран. Большая часть рядовых немцев никогда бы не приняла участия в этом, если бы они не были подготовлены и приведены к варварским убеждениям и ложным идеям в результате постоянной «работы» нацистской пропагандистской машины. В действительности, пропагандисты, которые предоставили себя для выполнения этой преступной миссии подстрекательства и пособничества, гораздо более виновны, чем их легковерные и бездушные приспешники, которые возглавляли отряды поджигателей и пускали в ход газовые камеры, о чем здесь так много говорилось, потому что легковерие и бездушность этих людей в большой степени также явились результатом постоянной и злонамеренной пропаганды Фриче и его официальных помощников.

Далее, вопрос о евреях. Отдел пропаганды в министерстве пропаганды

имел специальный подотдел, который занимался «просвещением германского народа и мира по еврейскому вопросу, борясь орудием пропаганды против врагов государства и враждебной идеологии». Эта цитата взята из книги, написанной в 1940 году министериальдиректором Мюллером и озаглавленной «Министерство пропаганды». Это документ PS-2434, страница 10 книги документов, который мы представляем в качестве доказательства под номером USA-722.Упоминая об этом документе, ваша честь, я должен был также назвать документ номер PS-2434(a). Это еще одна выдержка из той же книги Мюллера и я прошу судпринять ее без доказательства ради одной только зачитанной мною фразы.

Фриче в своих радиопередачах принимал особо активное участие в этом «просвещении» в области еврейского вопроса. Эти передачи буквально кишели провокационными клеветническими измышлениями против евреев, логическим результатом чего могло быть только побуждение Германии к дальнейшим жестокостям против беззащитных евреев, которые оказывались во власти немцев. Документ PS-3064 содержит большое количество полных передач, которые готовились Фриче и были перехвачены британской радиовещательной корпорацией[54] и переведены должностными лицами BBC. Для удобства трибунала и чтобы проиллюстрировать типичные для Фриче радиопередачи, те выдержки, на которые обвинение опирается, были гектографированы и собраны в один документ USA-723, который я представляю в качестве доказательства. Даже подсудимый Штрайхер, главный юдофоб всех времен, едва ли может превзойти Фриче в некоторых его клеветнических выступлениях против евреев. Все выдержки в документе PS-3064 взяты из речей Фриче, которые он произнес по радио в период 1941 — 1945 годов. Это, как мы доказали, был период усиления антиеврейских мер. С разрешения трибунала я хотел бы зачитать некоторые из этих выдержек.

Это 14-я страница нашей книги документов, выдержка первая. Из радиопередачи от 18 декабря 1941 года, на странице 2122 переводов BBC:

> «Судьба еврейства в Европе оказалась столь же неблагоприятной, какой она, по предсказаниям фюрера, должна была стать в случае европейской войны. С распространением войны, явившейся результатом подстрекательства со стороны евреев, эта печальная участь может также постигнуть их и в Новом Свете, потому что с трудом можно предположить, что народы Нового Света простят евреям те бедствия, которые Старый Свет им не простил».

Из радопередачи от 18 марта 1941 года, страница 2032 перевода BBC, я зачитаю следующее:

> «Но венцом неправильно применяемой Рузвельтом[55] логики является

[54] BBC, от англ. British Broadcasting Corporation — «Британская вещательная корпорация) — британская общенациональная общественная телерадиовещательная организация. Создана в 1922.

[55] Франклин Рузвельт (1882 — 1945) — 32-й президент США, одна из центральных фигур мировых событий первой половины XX века, возглавлял США во время мирового экономического кризиса и Второй мировой войны.

следующая фраза: «Никогда не было расы и никогда не будет расы, которая может служить остальному человечеству, господствуя над ним». Мы можем только приветствовать такое заявление господина Рузвельта. Именно потому, что не существует расы, которая может господствовать над остальной частью человечества, мы, немцы, взяли на себя смелость уничтожить господство еврейства и его капитала в Германии, еврейства, которое верит в то, что оно унаследовало весь секрет мирового господства».

Я хочу также попутно упомянуть, что, как нам кажется, это не просто похвала за прошлые акты преследования евреев, но и объявление о том, что предполагается проведение дальнейших преследований и поощрение их.

Я хочу зачитать еще одну выдержку из радиопередачи от 9 октября 1941 года, перевод ВВС на странице 2101:

«Мы хорошо знаем, что эти немецкие победы, не имеющие аналогов в истории, еще не покончили с источниками ненависти, из которых долгое время черпали вдохновение поджигатели войны и из которых эта война берет свое начало. Корни международной еврейской демократически-большевистской кампании подстрекательств против Германии все еще скрываются в той или иной лисьей или крысиной норе. Мы видим слишком часто, как поражения, которые терпят поджигатели войны, только удваивают их бессмысленную и бессильную ярость».

Еще одна передача от 8 января 1944 года. Ваша честь, я старался подобрать наиболее характерные передачи, имевшие место в различные периоды.

«Еще раз установлено, что ни система управления государством, ни молодой национализм, ни новый и, конечно, правильно развивающийся социализм не являются причиной этой войны. Единственно виновными являются евреи и плутократы. Если обсуждение задач послевоенного периода так ясно говорит об этом, то мы приветствуем это как ценный материал для будущих дискуссий, а также как вклад в борьбу, которую мы сейчас ведем, потому что мы отказываемся верить, что мировая история вверит свое будущее развитие тем силам, которые расширяли войну. Эта клика евреев и плутократов вложила свои деньги в промышленность вооружения и она должна была позаботиться о том, чтобы получить свои прибыли и спасти свои капиталы. Для этого они расширяли эту войну».

Я располагаю еще одной цитатой, касающейся евреев, которая относится к 1945 году. Это передача от 13 января 1945 года, находящаяся на страницах 2258 и 2259 переводов ВВС:

«Если еврейство являлось звеном, связующим такие различные

элементы, как плутократия и большевизм, и если сначала еврейство имело возможность действовать успешно в демократических странах для подготовки этой войны против Германии, то теперь евреи окончательно встали на сторону большевизма, который своими порочными лозунгами расовой свободы, противопоставляемой расовой ненависти, создал именно условия, необходимые евреям в борьбе за господство над другими расами».

Я пропускаю еще несколько фраз и цитирую следующее:

«Однако не последним результатом германского сопротивления на фронтах, столь неожиданного для противника, явился процесс подчинения британской политики далеко идущим еврейским планам, процесс, развивавшийся в течение предвоенных лет. Он начался очень давно, когда еврейские мигранты из Германии приступили к подготовке к войне против нас, находясь на британской и американской территориях».

Я пропускаю еще несколько фраз и перехожу к последнему предложению на этой странице:

«Все попытки, имеющие своей целью установление еврейского мирового господства, что теперь становится все более ясным, достигли своей критической фазы в тот самый момент, когда осознание народом своего расового происхождения было уже достаточно пробуждено, поэтому нельзя было ожидать успеха этих попыток».

Господа судьи, мы считаем, что это фактически побуждение к дальнейшему преследованию евреев и, по существу, к их уничтожению.

Фриче также подстрекал к безжалостным мерам против народов СССР. В своих регулярных радиопередачах Фриче часто связывал свои подстрекательства против народов СССР с клеветническими заявлениями против евреев, и, безусловно, эти подстрекательства были не менее поджигательными. Если бы эти клеветнические заявления были не так трагичны в их связи с убийством миллионов людей, то они бы казались комичными и даже нелепыми. Действительно звучит иронией, что клеветнические пропагандистские измышения против народов СССР, касающиеся зверств, фактически являлись, как мы это теперь хорошо знаем, описанием ряда зверств, совершенных самими немецкими захватчиками. Следующие цитаты вновь взяты из радиопередач, перехваченных и переведенных в период, непосредственно последовавший за вторжением в СССР в июне 1941 года. Первая цитата находится на 16-й странице книги документов. Я зачитаю только последнюю часть 7-го отрывка, начиная с 3-го абзаца:

«Письма, доходящие до нас с фронта от представителей ПК» — я здесь прерываю цитату для того, чтобы сказать, что ПК — Propaganda

Kompanie, роты пропаганды, которые придавались германской армии, где бы она ни была, — «письма, доходящие до нас с фронта от представителей рот пропаганды и солдат, находящихся в отпуску, свидетельствуют о том, что в этой борьбе на Востоке не один политический строй сражается против другого, не одно мировоззрение против другого, а культура, цивилизация и человеческое достоинство борятся против дьявольских принципов мира «недочеловеков».

Затем другая цитата в следующем абзаце:

«Только решение фюрера нанести своевременный удар спасло нашу родину от вторжения этих «недочеловеков» и спасло наших мужчин, женщин и детей от тех невыразимых ужасов, которые им были уготованы, если бы они стали их добычей».

Теперь я хочу процитировать отрывок из следующей передачи от 10 июля 1941 года. В первом абзаце Фриче говорит о бесчеловечных деяниях, совершаемых на территориях, подконтрольных Советскому Союзу. Он говорит, что всякий, кто сам убеждается в совершении этих зверств, далее я цитирую:

«…приходит к святому решению помогать окончательному сокрушению тех, кто способен на такие подлые деяния».

Я снова цитирую последний абзац:

«Большевистские агитаторы не пытаются отрицать, что сотни и тысячи трупов мужчин, женщин и детей, убитых или замученных, были обнаружены в деревнях. Однако большевистские агитаторы утверждают, что это было сделано не советскими комиссарами, а германскими солдатами. Но мы, немцы, знаем своих солдат. Ни одна немецкая женщина, ни один отец или мать не нуждаются в доказательстве того, что их мужья или сыновья не в состоянии были совершать такие зверства».

Доказательства, которые были уже представлены нашими советскими коллегами, покажут, что представители этих нацистских заговорщиков, не колеблясь, уничтожали советских солдат и гражданское население путем массового применения «научных» методов. Эти подстрекательские заявления Фриче делают его прямым соучастником этих преступлений, так как, клеветнически называя советских людей «недочеловеками», стремящимися к уничтожению германского народа, и делая подобные чудовищные заявления, он помогал этими пропагандистскими клеветническими речами созданию психологической атмосферы ненависти и безрассудства, которые побуждали к жестокостям на Востоке или делали их возможными.

Хотя мы не можем сказать, что Фриче приказал убить 10 000 или 100 000 человек, достаточно остановиться на вопросе о том, насколько труднее было бы заговорщикам без этих подстрекательств Фриче создать условия, при которых стало

возможным уничтожение миллионов людей на Востоке.
Председатель: Будет удобно прерваться?

[*Объявлен перерыв*]

Шпрехер: Фриче поощрял, поддерживал и восхвалял политику нацистских заговорщиков, направленную на безжалостную эксплуатацию оккупированных стран. Я вновь зачитаю выдержку из его выступления по радио 9 октября 1941 года. Эта выдержка находится на страницах 2102 и 2103 перевода ВВС. Я бы хотел ее сократить, но это одна из тех длинных немецких фраз, которую никак нельзя разбить:

> «Сегодня мы можем сказать: блицкриг или нет, но германская гроза разрядила атмосферу в Европе. Совершенно верно, что угрожающие нам опасности устранены одна за другой с молниеносной быстротой в результате молниеносных ударов, которые сокрушили союзников Англии на континенте. Мы видели в этом не доказательство слабости, а доказательство силы и превосходства гения фюрера как государственного деятеля и военного руководителя, доказательство силы германского народа. Мы усмотрели в этом также доказательство того, что ни один противник не смог устоять против храбрости и дисциплины, готовности к самопожертвованию, проявленных германским солдатом. И мы сейчас особенно благодарны за эти молниеносные и непревзойденные победы потому, что, как подчеркнул фюрер в прошлую пятницу, они дали нам возможность приступить к организации Европы и к использованию богатств — я бы хотел подчеркнуть это — к использованию богатств — этого старого континента уже сейчас в середине войны в то время, когда для миллионов германских солдат нет нужды день и ночь быть начеку на той или иной границе, которая подвергается опасности. Потенциал этого континента столь велик, что можно удовлетворить все нужды военного или мирного времени».

Относительно эксплуатации иностранных государств Фриче заявил сам в абзаце 39 своего письменного показания, данного под присягой:

> «Использование производительных возможностей оккупированных стран в интересах увеличения военного потенциала я открыто и с гордостью восхваляю, тем более что компетентные власти предоставили в мое распоряжение многочисленные материалы, особенно по вопросу использования рабочей силы на добровольных началах».

Фриче был ревностным пропагандистом, если с гордостью восхвалял эту

эксплуататорскую политику Германского Рейха, главным образом потому, что эти компетентные власти давали ему рекламный материал для его выступлений об использовании рабочей силы на «добровольных началах».

Я остановлюсь на вопросе о Фриче как руководителе всей системы германского радио. Фриче оставался на посту руководителя отдела печати Германии и после того момента, как заговорщики приступили к осуществлению своей последней агрессии. В ноябре 1942 года Геббельс создал новый пост — пост уполномоченного по вопросам политической организации великогерманского радиовещания. Фриче был назначен на этот пост и оказался единственным, кто его занимал. В 35-м абзаце документа PS-3469, представляющего собой письменное показание подсудимого Фриче, говорится о том, каким образом под его руководством была организована вся система германского радио. Это страница 29 книги документов, которая имеется у трибунала. Он заявляет:

> «Мое учреждение фактически представляло собой высшее командование германским радио...»

В качестве особого уполномоченного по политической организации великогерманского радио Фриче передавал по телетайпу приказы всем пропагандистским учреждениям Рейха. Они все использовались для того, чтобы подчинить всю систему радио Германии интересам заговорщиков.

Геббельс обычно в 11 часов утра проводил совещания со своими ближайшими сотрудниками в министерстве пропаганды. Когда Геббельс и его заместитель, доктор Науман[56], отсутствовали, то Геббельс после 1943 года обычно поручал проводить эти встречи с прессой Фриче.

В документе PS-3255 суд найдет, как Геббельс восхвалял радиопередачи Фриче. Эти восхваления мы находим в предисловии к книге «Война поджигателям войны», написанной Геббельсом. Я хотел бы огласить эту выдержку в качестве доказательства под номером USA-724. Это документ из Rundfunk Archiv[57], который имеется на 18-й странице книги документов. Геббельс говорил:

> «Никто не знает лучше меня, сколько труда вложено в эти радиопередачи. Сколько раз переделывались и диктовались в течение нескольких последних минут тексты выступлений для того, чтобы несколькими минутами позднее могли быть услышаны всей нацией».

Так мы узнали от самого Геббельса о том, что вся германская нация с готовностью слушала Фриче после того, как он завоевал свой авторитет на радио.

Говорили, что Фриче был «голосом своего хозяина» (Die Stimme seines Hem). Это, конечно, было следствием функций Фриче. Когда Фриче выступал по радио, то германскому народу было ясно, что они слушали заявления высшего

---

[56] Вернер Науман (1909 — 1982) — государственный деятель Германии, журналист, бригадефюрер СС (20 апреля 1943). В 1944-1945 государственный секретарь министерства пропаганды Рейха.
[57] «Радиоархив» (нем.)

руководства заговорщиков в этой области.

Фриче не характеризуется обвинением как тип заговорщика, который подписывал декреты, или как заговорщик, который заседал на тайных советах. Функции пропаганды по большей части отличаются от такого стратегического планирования. Функции отдела пропаганды имеют скорее нечто общее с агентством реклам или отделом по связям с общественностью, задача которых заключается в том, чтобы сбыть товар и завоевать рынок для соответствующего предприятия. Здесь мы утверждаем, ваша честь, что он был таковым. В заговоре для совершения мошенничества, одарённый продавец в заговорщической группе одинаково важен и одинаково виновен, как и организаторы, даже при том, что он не внёс основной вклад в формулировку главной стратегии, однако способствовал искусному исполнению этой стратегии.

Выступая по данному делу, обвинение утверждает, что пропаганда имела огромное значение как орудие заговорщиков. Мы также утверждаем, что ведущие пропагандисты были главными соучастниками в заговоре, что Фриче являлся одним из главных пропагандистов.

Когда Фриче занял свой пост в министерстве пропаганды, самой поразительной фабрике лжи, которая когда-либо существовала, то он, таким образом, стал участником заговора. Он сделал это более сознательно, чем большинство зговорщиков, которые вступили в заговор значительно раньше. Еще до захвата нацистами власти, Фриче занимал важную в стратегическом отношении позицию для того, чтобы наблюдать, как заговорщики обманывают германский народ и весь мир.

Трибунал вспомнит, что в 1938 году Фриче еще до того, как дать клятву партии в беспрекословном повиновении и послушании фюреру, избавив себя, таким образом, от моральной ответственности, лично наблюдал и был очевидцем действий штурмовых отрядов и применения нацистской расовой теории на практике. Когда он, несмотря на это, предпринял попытку поставить всю информационную службу
Германии под фашистский контроль, то он узнал из уст самого Геббельса о многочисленных интригах и клеветнических измышлениях против оппозиции как вне, так и внутри Германии. Он видел, что происходило с журналистами-оппозиционерами, людьми, чья профессия еще недавно была ему близка, лишенными средств к существованию, которые либо должны были приспособиться, либо подлежали уничтожению. Но он продолжал поддерживать заговорщиков. Он изо дня в день изучал искусство интриг и клеветничеких измышлений для того, чтобы совращать германскую нацию, приобретая все больший престиж и влияние по мере того, как он преуспевал в этом искусстве.

Как трибунал вспомнит, Фриче говорил о том, что его предшественник Берндт был снят с поста руководителя отделом германской печати частично потому, что он переборщил в своих успешных, но чрезмерно прямолинейных и зашедших

далеко манипуляциях в отношении судетской пропаганды. Фриче заполнил тогда брешь, которая образовалась в результате утраты доверия со стороны как редакторов так и германского народа. И Фриче выполнил свою работу хорошо.

Вне всякого сомнения, Фриче не был таким недальновидным человеком, как тот, которого он сменил. Свойственные ему проницательность и хитрость, его способность внушать доверие, а также способность — как говорил Геббельс — «находить жадных слушателей в лице всей нации» — вот что делало его одним из самых полезных соучастников заговора.

Нацистская Германия и ее пресса вступили в фазу военных операций, имея Фриче в качестве руководителя именно того механизма пропаганды, который контролировал германскую прессу и германскую информационную службу. В 1942 году Фриче был переведен из области прессы в область радио, и этот перевод состоялся тогда не потому, что им были недовольны, а потому, что Геббельс больше всего нуждался в нем как в главном руководителе радио. Фриче находится на скамье подсудимых не как независимый журналист, а в качестве активно работавшего контролировавшегося нацистами пропагандиста, который помогал нацистам затягивать удавку на шее у германского народа, пропагандиста, который цинично восхвалял варварский расизм, пропагандиста, который хладнокровно призывал немецких обывателей к слепой ярости против людей, которые, по его словам, являются низшей расой и виновниками всех страданий немцев, страданий, в которые германский народ был ввергнут нацистскими заговорщиками.

В заключение, я желаю сказать лишь одно. Ясно, что без пропагандистского аппарата нацистского государства мир, включая Германию не пострадал бы от катастрофы этих лет, и ввиду активной роли Фриче в интересах нацистских заговорщиков и их лживых и варварских практик, в связи с данным заговором он предстал перед международным трибуналом.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, планировалось, что следующей презентацией будет презентации полковника Гриффит-Джонса по делу подсудимого Гесса. Я понимаю, что трибунал считает, что лучше будет отложить данный вопрос, и если так, то майор Харкурт Баррингтон готов провести презентацию в отношении подсудимого фон Папена.

Председатель: Да. Мы поняли, что защитник подсудимого Гесса не сможет сегодня присутствовать и поэтому лучше продолжить с другими.

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, майор Харкурт Баррингтон проведёт презентацию в отношении подсудимого фон Папена.

Баррингтон: Милорд, как я понял, у судебных переводчиков нет нужных документов и документальных книг, но они получат их через несколько минут. Ваша светлость предпочитает, чтобы я начал или подождал, пока они их получат?

Председатель: Очень хорошо. Приступайте.

Баррингтон: С позволения трибунала, моя обязанность заключается в

представлении дела против подсудимого фон Папена. Перед тем как я начну, я хочу сказать, что документы в документальной книге представлены в номерном порядке, а не в порядке представления и английские документальные книги пронумерованы красным мелком внизу страницы.

Председатель: Это значит, что не имеется советских и французских?

Баррингтон: Милорд, мы не подготовили французскую и советскую документальные книги.

Председатель: Майор Баррингтон, французские члены трибунала вообще не имеют никаких книг.

Баррингтон: Милорд, должна быть немецкая документальная книга для французского члена. Я понял, что она прошивается. Мне подождать пока её принесут?

Председатель: Я думаю, вы можете продолжать.

Баррингтон: Подсудимый фон Папен обвиняется, в первую очередь, в участии в заговоре и это обвинение будет автоматически доказано после того, как будет доказана его виновность по четырем пунктам обвинения, сформулированного в приложении «А» обвинительного заключения. Эти обвинения заключаются в следующем:

1. Он содействовал приходу нацистских заговорщиков к власти.
2. Он участвовал в укреплении их власти над Германией.
3. Он содействовал подготовке войны.
4. Он участвовал в политическом планировании и подготовке нацистскими заговорщиками агрессивных войн.

В целом обвинение против фон Папена охватывает период с 1 июня 1932 года до завершения аншлюса в марте 1938 года.

До сих пор на процессе почти единственными доказательствами, конкретно относящимися к фон Папену, были доказательства, относящиеся к его деятельности в Австрии. Нужно только лишь суммировать сейчас эти доказательства. Но если бы обвинение против фон Папена основывалось только лишь на его деятельности в Австрии, то обвинение должно было бы тогда рассматривать тот период, в течение которого он продуманно придерживался внешней благопристойности, а его основная цель заключалась в том, чтобы прикрывать свои действия личиной искренности и респектабельности. Поэтому желательно осветить уже представленные доказательства в их истинном свете и кроме того продемонстрировать ту активную и видную роль, которую он играл у нацистов до его назначения в Австрию.

Сам Папен утверждает, что он якобы неоднократно отклонял предложение Гитлера вступить в нацистскую партию. До 1938 года это могло соответствовать действительности, так как он был достаточно хитер, чтобы видеть преимущества сохранения, по крайней мере внешне, своей личной независимости. Моя цель

заключается в том, чтобы доказать, что, вопреки его личине независимости, Папен был ярым членом этого заговора и, вопреки предупреждениям и неудачам, он не был в состоянии удержаться от соблазна и остаться в стороне от заговора.

Обвинение утверждает, что суть деятельности фон Папена заключалась в том, что, хотя он и не являлся, по-видимому, типичным нацистом, он был беспринципным политическим оппортунистом, готовым перейти на сторону нацистов, когда это соответствовало его интересам. Он имел достаточный опыт для того, чтобы вести двойственную политику и, по-видимому, не был очень обеспокоен противоречиями и предательствами, которые неизбежно вытекали из его двойственной политики. Одним из его главных орудий были ложные заверения.

Прежде чем приступить к рассмотрению его конкретных преступлений, я хотел бы сослаться на документ PS-2902, который имеется не странице 38 английской книги документов. Я представляю этот документ под номером GB-233. Это подписанные фон Папеном письменные показания, в которых перечисляются его официальные должности. Этот перечень составлен не в хронологическом порядке и я буду оглашать соответствующие части в том порядке, в котором они изложены. Мне не нужно оглашать весь этот документ. Трибунал заметит, что эти письменные показания написал доктор Кубушок, защитник фон Папена, хотя и подписаны они самим фон Папеном. Я оглашаю, начиная с первого абзаца:

> «Папен неоднократно отвергал предложения Гитлера вступить в ряды НСДАП. Гитлер просто прислал ему однажды золотой значок партии. По моему мнению, с юридической точки зрения это не означает, что фон Папен тем самым стал членом партии».

Я хочу здесь указать, милорд, что тот факт, что в 1938 году он уже рассматривался официально как член партии, будет доказан документом, на который я сошлюсь позднее.

Я перехожу ко второму абзацу:

> «С 1933 по 1945 год фон Папен был членом Рейхстага[58]».

Параграф 3:

> «Фон Папен был рейхсканцлером с 1 июня 1932 года по 17 ноября 1932 года. Он выполнял обязанности рейхсканцлера до тех пор, пока его не сменил его преемник, а именно до 2 декабря 1932 года».

Параграф 4:

> «30 января 1933 года фон Папен был назначен вице-канцлером. С 30 июня 1934 года — это была дата кровавого путча[59] — он прекратил свою официальную деятельность. В тот же день он был арестован.

[58] Рейхстаг — высший представительный и законодательный орган в Германии времён Веймарской республики, а также формально при национал-социалистах.

[59] «Ночь длинных ножей» (нем. Nacht der langen Messer; Путч Рёма — нем. Röhm-Putsch) — расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Кодовое название — операция «Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрения в подготовке путча.

Немедленно по его освобождении 3 июля 1934 года он направился в рейхсканцелярию для того, чтобы вручить Гитлеру свое прошение об отставке».

Я не намерен оглашать остальную часть этого абзаца. Это аргументация по вопросу, является ли подлинной его подпись на определенных декретах, изданных в августе 1934 года и опубликованных в «Reichsgesetzblatt». Я готов согласиться с его утверждением, что его подпись на этих декретах, возможно, и не была подлинной и, может быть, это была ошибка. Он утверждает, что занимал свой пост только до 3 июля 1934 года.

Трибунал также вспомнит, что он, будучи рейхсканцлером, был также членом рейхскабинета.

Я перехожу к пятому абзацу:

«13 ноября 1933 года фон Папен был назначен уполномоченным по вопросам, связанным с Саарской областью. Этот пост был ликвидирован при тех же обстоятельствах, какие указаны в четвертом абзаце».

Я не вижу необходимости в том, чтобы оглашать остальную часть документа. Она относится к его назначению в Вену и Анкару, что является общеизвестным историческим фактом. Он был назначен посланником в Вену 26 июля 1934 года и был отозван 4 февраля 1938 года. С апреля 1939 года по август 1944 года он был послом в Анкаре.

Первое обвинение против подсудимого фон Папена гласит, что он использовал свое личное влияние таким образом, чтобы способствовать приходу нацистских заговорщиков к власти. С самого начала фон Папен был полностью осведомлен о нацистской программе и о нацистских методах. Не может быть и речи о том, что он содействовал нацизму, будучи неосведомленным об этих фактах. Официальная программа НСДАП была открыто опубликована и была всем известна. Она в течение многих лет публиковалась в книге «Mein Kampf». Она была неоднократно опубликована в ежегоднике НСДАП и в других периодических изданиях. Нацисты не держали в тайне свое намерение превратить эту программу в основной закон государства. Этот вопрос во всех его деталях мы разбирали на ранней стадии процесса.

В 1932 году фон Папен как рейхсканцлер находился в особенно благоприятном положении для того, чтобы понять нацистские цели и методы, и в действительности он открыто признавал нацистскую угрозу. Обратите, например, внимание на его речь в Мюнстере 28 августа 1932 года. Это документ PS-3314, GB-234, на 49-й странице английской книги документов, и я представляю его в качестве документального доказательства. Я оглашу две выдержки в начале страницы:

«Безнравственность, которая характеризует выступления лидера

национал-социалистического движения, не очень соответствует его претензиям на правительственную власть. Я не склонен предоставить ему право рассматривать то меньшинство, которое следует за его знаменами, как германскую нацию в целом и считать всех наших соотечественников простачками».

Обратите также внимание на его речь в Мюнстере 13 октября 1932 года. Она имеется в документе PS-3317 на странице 50 английской книги документов. Я представляю этот документ под номером GB-235 и оглашу последнюю выдержку на этой странице:

«В интересах всей нации мы отклоняем претензии на власть тех партий, которые хотят овладеть телом и душой своих приверженцев и которые хотят отождествить партию или свое движение с германской нацией».

Я привел эту выдержку для того, чтобы показать только то, что фон Папен в 1932 году совершенно ясно сознавал принципиальную беззаконность нацистского мировоззрения. Тем не менее, в своем письме Гитлеру 13 ноября 1932 года, в письме, которое я оглашу подробно позднее, он писал следующее о нацистском движении:

«…это великое национальное движение, заслуги которого перед народом и страной я всегда признавал, хотя по необходимости и подвергал критике».

Столь различны и столь явно противоречивы были поступки и выступления фон Папена в отношении нацистов, что невозможно представить полную картину роли фон Папена в этом беззаконном предприятии, если вначале не рассмотреть шаг за шагом его деятельность по присоединению к нацистам. Тогда становится ясно, что он примкнул к нацистскому заговору, если не чистосердечно, то с хладнокровным и продуманным расчетом.

Я перечислю некоторые из основных моментов деятельности фон Папена, в результате которых он присоединился к нацистскому заговору.

В результате его первого личного контакта с Гитлером фон Папен как канцлер отменил 14 июня 1932 года декрет, принятый 13 апреля 1932 года, о роспуске нацистских полувоенных организаций СА и СС. Тем самым он оказал величайшую услугу, какую только мог, нацистской партии, так как она опиралась на свои полувоенные организации для того, чтобы принудить к повиновению германский народ. Декрет, отменивший закон о роспуске СА и СС, имеется на странице 64 книги документов. Это документ D-631, GB-236, который я сейчас представляю в качестве доказательства. Это выдержка из «Reichsgesetzblatt», декрет, охватывающий целый ряд вопросов. Интересующий отрывок в параграфе 20:

«Этот декрет вступает в силу со дня его опубликования. Он будет действовать вместо декрета рейхспрезидента об охране

государственной власти».

Здесь указана неверная дата. Должно быть 13 апреля 1932 года.

Председатель: Какую страницу книги документов вы сейчас оглашаете?

Баррингтон: Простите, сэр. Это страница 64 и дата, которая указана здесь, должна быть не 3 мая 1932 года, а 13 апреля 1932 года. Это декрет, согласно которому были первоначально распущены нацистские полувоенные организации в тот период, когда канцлером был Брюнинг[60]. В конце страницы трибунал найдет декрет, соответствующие отрывки из декрета от 13 апреля 1932 года. В начале первого абзаца этого декрета говорится:

> «Все организации военного характера Национал-социалистической германской рабочей партии будут немедленно распущены, в особенности штурмовые отряды СА и охранные отряды СС».

Эта отмена предыдущего декрета была сделана фон Папеном в результате его сделки с Гитлером, о чем говорится в книге «История НСДАП в датах», написанной доктором Гансом Фольцем[61]. Эта книга была издана с разрешения НСДАП. Она уже была представлена в качестве документального доказательства. Это документ PS-3463, USA-592, и я хочу огласить выдержку на странице 59 книги документов. Я оглашаю выдержку, которая имеется на 41-й странице подлинника книги:

> «28 мая — это было, конечно, в 1932 году — ввиду неизбежности ухода в отставку Брюнинга, во время совещания в Берлине между бывшим депутатом прусской партии Центра[62] Францем фон Папеном и фюрером (первая личная встреча их состоялась весной 1932 года) фюрер согласился с тем, что НСДАП терпимо относилась бы к кабинету Папена в случае, если будут отменены запреты в отношении формы СА, запрет демонстраций и распущен Рейхстаг».

Трудно представить себе более дальновидный ход со стороны человека, который должен был стать канцлером, чем восстановление этой преступной организации, которая была запрещена его предшественником. Это действие подчеркивает характерную для Папена двойственность и неискренность.

Полтора года спустя он открыто хвастал, что, когда он занял пост канцлера, он тем самым содействовал приходу к власти того, кого он назвал «юным сражающимся движением освобождения». Это будет доказано документом PS-3375, который я представлю через несколько минут.

Другой важный шаг был им сделан 20 июля 1932 года, когда он

---

[60] Генрих Брюнинг (1885 — 1970) — германский политический деятель, рейхсканцлер и министр иностранных дел во время Веймарской республики.

[61] Ганс Фольц (1904 – 1978) – немецкий историк.

[62] Партия Центра, Партия католического Центра — политическая партия в Германии, одна из самых влиятельных в период Германской империи и Веймарской республики. Выражала интересы католической части населения страны. Основана в 1870. Распущена в 1933.

осуществил свой знаменитый государственный переворот в Пруссии, свергнув правительство Брауна[63] — Зеверинга[64] и объединив руководство Рейхом и Пруссией в своих руках, став рейхскомиссаром по делам Пруссии. Сейчас это общеизвестный исторический факт. Об этом говорится в документе D-632, GB-237, который я представляю в качестве доказательства и который имеется на странице 65 книги документов. Этот документ представляет собой полуофициальную биографию публичных личностей.

Папен рассматривал этот свой шаг, государственный переворот в Пруссии, как первый шаг во исполнение политики, которую позднее продолжал Гитлер и которая заключалась в том, чтобы координировать земли с Рейхом. Об этом говорится в документе PS-3357, на котором я остановлюсь позднее.

Если трибунал взглянет на документ D-632, на странице 65 книги документов, последние 4 или 5 строк в конце страницы, то он увидит, что следующим шагом подсудимого был:

> «Выборы в Рейхстаг 31 июля, которые явились результатом того, что фон Папен распустил Рейхстаг 4 июня, усилили позицию НСДАП до такой степени, что когда фон Папен заявил лидеру новой сильнейшей партии о своем желании занять пост вице-канцлера в правительстве, то Адольф Гитлер 13 августа отверг это предложение.
>
> Новый Рейхстаг, который собрался 30 августа, был распущен 12 сентября. Новые выборы привели к значительному ослаблению позиции НСДАП, но тем не менее они не усилили и правительственные партии, вследствие чего 17 ноября 1932 года правительство фон Папена подало в отставку после безуспешных переговоров с руководителями партий».

Милорд, я хотел бы огласить еще несколько выдержек из этой биографии, но так как это всего лишь перечень событии, прошу вас разрешить мне возвращаться к этой книге время от времени, когда это понадобится.

Поскольку переговоры, о которых я только что упоминал в связи с биографическим очерком, касались Гитлера, в ходе них имел место обмен письмами. Фон Папен послал письмо Гитлеру 13 ноября 1932 года. Это письмо, документ D-633, GB-238, имеется на 68-й странице в английской книге документов. Я намереваюсь огласить выдержку из него, потому что оно говорит о тех усилиях, которые приложил Папен для того, чтобы объединиться с нацистами даже перед лицом дальнейших резких отказов со стороны Гитлера. Я оглашаю третий абзац. Я хотел бы сказать трибуналу, что в английском переводе этого абзаца подчеркнуты некоторые фразы, чего нет в немецком тексте.

---

[63] Отто Браун (1872 — 1955) — немецкий политик, социал-демократ, премьер-министр Пруссии с 1920 по 1932 годы.

[64] Карл Зеверинг (1875 — 1952) — германский политический деятель, социал-демократ, министр внутренних дел Германии и Пруссии.

«В результате выборов 6 ноября создалась новая ситуация и в то же время возникли благоприятные возможности для консолидации всех националистических элементов. Рейхспрезидент поручил мне путем переговоров с руководителями отдельных заинтересованных партий установить, готовы ли они и в какой степени поддержать политическую и экономическую программу, проводимую правительством Рейха.Несмотря на то, что национал-социалистическая пресса называет наивной попытку рейхсканцлера фон Папена совещаться с теми, кто входит в националистическое направление, и что на это может быть дан только один ответ, а именно: никаких переговоров с Папеном, я рассматривал бы это как недобросовестное выполнение своих обязанностей, если бы я не обратился к вам с настоящим письмом, и я был бы не в состоянии оправдаться перед своей собственной совестью. Я вполне осведомлен на основании газет, что вы настаиваете на своем требовании о предоставлении вам поста канцлера, и я в равной степени осведомлен, что причины, по которым было принято решение 13 августа, остаются в силе. Мне нет надобности заверять вас в том, что я лично ни на что не претендую. В то же время я думаю, что лидер столь великого национального движения, заслуги которого перед народом и страной я всегда признавал, хотя по необходимости и подвергал критике, не должен ответить отказом на предложение вступить в переговоры по вопросам создавшейся ситуации и принять необходимые решения совместно с тем германским политическим деятелем, который в настоящее время занимает ведущее положение и осознает ответственность. Мы должны постараться забыть то неприятное чувство, которое осталось после избирательной кампании, и ставить благосостояние родины, которой мы оба служим, выше других интересов».

Гитлер ответил на это послание пространным письмом от 16 ноября 1932 года, изложив условия, которые, очевидно, оказались неприемлемыми для фон Папена, так как на следующий день он подал в отставку и вместо него был назначен фон Шлейхер[65]. Это документ D-634, представленный как часть документального доказательства GB-238 и являющийся частью этой переписки. Я не вижу необходимости в том, чтобы оглашать это письмо.

Затем имели место беседы между Папеном и Гитлером в январе 1933 года в домах фон Шрёдера[66] и Риббентропа, в результате Гитлер сменил фон Шлейхера

[65] Курт фон Шлейхер (1882 — 1934) — рейхсканцлер Германии с декабря 1932 по январь 1933 года, предшественник Гитлера на этом посту и, таким образом, последний глава правительства Веймарской республики. Убит вместе с женой во время расправы над штурмовиками СА.

[66] Курт фон Шрёдер (1889-1966), немецкий банкир, оказавший значительную финансовую поддержку Гитлеру и

30 января 1933 года на посту рейхсканцлера. Я вновь возвращаюсь к биографическому очерку на 66-й странице книги документов, второй, абзац, где говорится о совещании в доме Шрёдера:

> «Встреча с Гитлером, которая произошла в начале января 1933 года в доме банкира фон Шрёдера в Кельне, состоялась по его инициативе, — что означает, безусловно, по инициативе Папена, — хотя Шрёдер выполнял роль посредника». Как фон Папен, так и Гитлер позднее открыто заявили об этой встрече (газеты от 6 января 1933 года). «После быстрого падения фон Шлейхера, 28 января 1933 года, 30 января 1933 года было создано правительство национального единства: кабинет Гитлера — фон Папена — Гугенберга — Зельдте[67].
> В этом правительстве фон Папен занял пост вице-канцлера и рейхскомиссара по вопросам Пруссии».

О совещании в доме Риббентропа, на котором также присутствовал Папен, уже говорил сэр Дэвид Максвелл-Файф, документ D-472, представленный в качестве доказательства GB-130.

Сейчас я хотел бы представить в качестве документального доказательства письменное показание, данное под присягой фон Шрёдером, но, как я понял, доктор Кубушок будет возражать против этого. По-моему, прежде чем доктор Кубушок изложит свои возражения, возможно, будет уместно сказать совершенно открыто, что Шрёдер сейчас находится в заключении и, по моим сведениям, он находится во Франкфурте. Таким образом, практически он, несомненно, может быть вызван. Может быть, я мог бы также указать в настоящий момент, что со стороны обвинения не было бы никаких возражений против того, чтобы фон Шрёдеру были бы направлены перечни вопросов в связи с содержанием данных письменных показаний.

Кубушок: Я возражаю против того, чтобы было зачитано письменное показание Шрёдера. Я знаю, что в отдельных случаях трибунал допускал зачитывание письменных показаний под присягой. Это происходило со ссылкой на статью 19 устава, которая исходит из того,что необходимо обеспечить возможно более быстрое ведение процесса, что по этой причине право установления процедурных правил процесса оставляется за трибуналом. Решающим, таким образом, является ускорение судебного процесса. Но на этом основании в данном случае нельзя разрешить зачитывание письменных показаний. Этот случай совершенно аналогичен тому, который был решен здесь 14 декабря в отношении письменного показания под присягой Курта фон Шушнига[68]. Шрёдер находится поблизости и

нацистскому движению. После войны американским судом был приговорён к 3 месяцам лишения свободы.

[67] Франц Зельдте (1882 — 1947), государственный и политический деятель Германии, один из руководителей организации «Стальной шлем» («Stahlhelm»), рейхсминистр труда (июнь 1932 — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СА (1933), прусский государственный советник. Умер в ожидании суда в тюремном госпитале.

[68] Курт фон Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер

явно был привезен в район Нюрнберга в интересах процесса. Письменное показание было дано 5 декабря. Свидетеля можно в любое время вызвать в суд. Зачитывание этого письменного показания имело бы то следствие, что я неизбежно должен был бы ссылаться не только на Шрёдера, но и на ряд других свидетелей потому, что Шрёдер в своем письменном показании под присягой описывает целый ряд фактов, которые во всей полноте не нужны для вынесения решения по делу. Однако, если эти факты будут представлены суду, защита, выполняя свои обязанности, будет вынуждена их также подвергнуть обсуждению.

При рассмотрении в письменных показаниях вопросов внутренней политики использовались неверные термины. По этой причине возникнут недоразумения на этом процессе, которых удастся избежать, если свидетеля заслушать здесь. Я думаю, что устный допрос свидетеля — единственный путь представления в суде показаний Шрёдера, наряду с оглашением письменных показаний Шрёдера и допроса в суде его лично, придется вызывать ряд других свидетелей.

Председатель: Вы закончили?

Кубушок: Да.

Председатель: Вы хотите сделать какие-нибудь замечания?

Баррингтон: Да, милорд. Перед трибуналом ходатайствовали о недопущении этих письменных показаний, используя в качестве прецедента решение, принятое относительно письменного показания, данного под присягой фон Шушнигом. Я думаю, что буду вправе заявить, что письменное показание, данное под присягой фон Шушнигом, не было принято как исключение из общего правила относительно письменных показаний, которые трибунал установил в тот же день, когда было принято письменное показание под присягой господина Мессершмита[69]. Может быть, ваша честь разрешит мне огласить выдержку из стенограммы судебного заседания, где излагается решение трибунала по вопросу письменного показания Мессершмита.

Председатель: Господин Мессершмит находился в Мексике, не так ли?

Баррингтон: Да, это так, милорд.

Председатель: Таким образом, в этом отношении имеется весьма значительная разница между ним и Шушнигом.

Баррингтон: Да, в этом отношении, но я хотел сказать, милорд, что, когда было принято решение по вопросу письменного показания Мессершмита, вы заявили:

> «В связи с этими положениями – то есть статьей 19 устава, трибунал считает, что письменные показания, данные под присягой, могут представляться и что на данном процессе это является правильной

Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

[69] Джордж Мессершмит (1888 – 1960) – американский дипломат. Генеральный консул США в Берлине в 1930-1934. Посланник США в Австрии в 1935-1937.

процедурой. Это целиком относится к данному случаю. Вопрос о доказательной силе письменного показания по сравнению с показаниями свидетеля, который подвергается перекрестному допросу, конечно, будет учитываться трибуналом, и если на более поздней стадии процесса трибунал решит, что вызов в суд определенного свидетеля имеет исключительную важность, то этот вопрос будет пересмотрен».

И затем вы добавили:

«Если защитники пожелают направить свидетелю опросные листы, то им будет представлено право это сделать».

И вечером того дня, когда вопрос письменных показаний Шушнига…

Председатель: Когда это было?

Баррингтон: Милорд, это было 28 ноября. Это страница 473 расшифровки[70], письменные показания Мессершмита, и страница 523[71] это письменные показания Шушнига.

Когда было заявлено возражение письменным показаниям Шушнига, возражение было представлено следующим образом:

«Сегодня, когда было объявлено решение в отношении использования письменных показаний господина Мессершмита, у суда было мнение о том, что в деле особой значимости он может изменить точку зрения на предмет» - и затем защитник продолжил – «так как дело идёт о таком важном свидетеле, следует придерживаться принципа непосредственных доказательств».

Председатель: У вас есть ссылка на следующий пример, когда мы заслушивали господина судью Джексона по данному предмету, господин судья Джексон полагал, что в соответствии с прямой интерпретацией статьи 19 мы обязаны признавать любое доказательство, которое имеет доказательственную ценность?

Баррингтон: Милорд, у меня нет этой ссылки.

Председатель: Почему бы вам не вызвать данного свидетеля?

Баррингтон: Скажу откровенно – данный свидетель находится в положении участника заговора, и я не делаю тайны из того факта, что по очевидным причинам обвинение не желает вызывать его в качестве свидетеля, и я приобщаю данные письменные показания в качестве признания соучастника заговора, но я полагаю, что это не признание об исполнении заговора, однако я полагаю, что согласно техническим правилам доказывания, эти письменные показания могут быть приняты в качестве доказательства как признание соучастника заговора, и как я уже говорил не имеется никаких возражений направления опросников по предмету

[70] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 394.

[71] Там же; стр. 426.

данных письменных показаний, и на самом деле, свидетель будет доступен для вызова, если это потребуется защите.

Милорд, это всё, что я хотел сказать.

Председатель: Не будет возражения тому, чтобы свидетель был доставлен сюда для перекрёстного допроса по данным письменным показаниям?

Баррингтон: Я не думаю, что этому будет какое-либо возражение, если он ограничиться предметом письменных показаний. Я не хочу…

Председатель: Как вы сможете возражать, если подсудимый сам ходатайствует о вызове свидетеля?

Баррингтон: Как я сказал, я не думаю, что этому будет какое-либо возражение, милорд.

Председатель: Результат будет такой же, не так ли? Если свидетеля вызывают в целях перекрёстного допроса, значит, ему могут задавать другие вопросы, которые не вытекают из предмета письменных показаний. Если подсудимый может вызвать его в качестве своего свидетеля, не может быть возражения перекрёстному допросу выходящему за рамка предмета письменных показаний.

Баррингтон: Конечно же, его в таком случае не сможет перекрёстно допросить обвинение, милорд.

Председатель: Вы имеете в виду, что зададите ему вопросы в повторном допросе, но они не будут иметь форму перекрёстного допроса?

Баррингтон: Милорд, об этом я и говорю.

Председатель: Вы имеете в виду, что предпочли бы, чтобы его вызвали подсудимые нежели он был перекрёстно допрошен по предмету, выходящему за рамки письменных показаний?

Баррингтон: Да.

Председатель: Вы желаете ещё, что-то добавить или нет?

Баррингтон: Добавить нечего.

Председатель: Время прерваться. Мы рассмотрим данный вопрос.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Хорн: Вместо доктора фон Роршейдта, защитника подсудимого Гесса, я хочу сделать следующее заявление.

Доктор фон Роршейдт стал жертвой аварии. Он сломал своё колено. Подсудимый Гесс попросил меня уведомить трибунал о том, что с настоящего времени до конца процесса, он желает воспользоваться своим правом в

соответствии с уставом и защищать себя самостоятельно. Причиной этого является то, что на всём протяжении процесса установлен тот факт, что из-за отсутствия его защитника его не информировали о разбирательстве на суде.

Председатель: Трибунал рассмотрит устное ходайство, которое заявлено в интересах подсудимого Гесса.

Что касается возражения письменным показаниям фон Шрёдера которое заявил этим утром защитник подсудимого фон Папена, трибунал не будет излагать общее процессуальное правило о допустимости письменных показаний в качестве доказательств. Но в конкретном случае, трибунал допустит спорные письменные показания, но установит, что если письменные показания приобщаются в качестве доказательства, человек который дал письменные показания, фон Шрёдер, должен быть представлен, доставлен сюда незамедлительно для перекрёстного допроса защитниками подсудимых. Когда я говорю незамедлительно, я имею в виду как можно скорее.

Баррингтон: Милорд, я не представляю письменные показания.

Председатель: Да, майор Баррингтон.

Баррингтон: Милорд, перед тем как перейти к письменным показаниям, я зачитал отрывок из биографии о встрече в доме Шрёдера и я прошу трибунал сделать вывод из данного фрагмента биографии о том, что на этой встрече была дискуссия между фон Папеном и Гитлером, которая привела к правительству Гитлера в котором фон Папен служил в качестве вице-канцлера. С этого момента подсудимый фон Папен решился идти вместе с нацистской партией и по собственной инициативе существенно помог её придти к власти.

Второе обвинение против подсудимого фон Папена заключается в том, что он участвовал в укреплении власти нацистов над Германией.

В течение первых критических полутора лет, когда нацисты укрепляли свою власть, фон Папен в качестве вице-канцлера по положению уступал только Гитлеру в том правительстве, которое выполняло нацистскую программу.

Процесс укрепления власти нацистов над Германией законодательным путем уже был полностью рассмотрен на более ранней стадии процесса. Благодаря своему высокому положению фон Папен был тесно и непосредственно связан с принятием такого законодательства. В июле 1934 года Гитлер специально поблагодарил его за все то, что он сделал для успешной деятельности правительства национальной революции. Об этом говорится в документе PS-2799. Хотя я сейчас буду цитировать этот документ, я хочу сказать, что он уже был представлен трибуналу господином Олдерманом.

Следует специально упомянуть о двух важных декретах, поскольку они были подписаны самим фон Папеном. Во-первых, декрет от 21 марта 1933 года, касавшийся создания особых судов, в которых должны были разбираться эти дела, имевшие отношение к политическим вопросам. Трибунал уже принял этот декрет

без доказательств. Ссылка на него имеется на 30-й странице[72] стенограммы вечернего заседания 22 ноября.

Этот декрет был первым шагом в нацификации германской судебной системы. Во всех политических делах он упразднял основные права, включая право апелляции, соблюдение которых ранее отличало германскую уголовную юстицию.

В тот же день, 21 марта 1933 года, фон Папен лично подписал декрет об амнистии, в силу которого были освобождены все лица, совершившие убийство или какое-нибудь другое преступление в период с 30 января по 21 марта 1933 года в ходе национальной революции германского народа[73]. Этот документ, PS-2059, имеется на 30-й странице английской книги документов. Я оглашу первый раздел.

Председатель: По-моему, нет надобности цитировать декреты, можно вкратце изложить их содержание.

Баррингтон: Хорошо, милорд, тогда я попрошу без доказательства принять этот декрет.

Председатель: Да.

Баррингтон: В качестве члена рейхскабинета фон Папен, как я утверждаю, несет ответственность за законы, которые были приняты даже в тех случаях, когда на декретах нет его собственной подписи. Я упомяну, к примеру, о двух категориях законов. С помощью ссылок на высказывания самого Папена, относящихся ко времени до принятия этих законов, равно как и к периоду их принятия, я хочу показать, что это не были такие вопросы, в отношении которых он мог бы сказать, что они его как почтенного политика не интересовали.

Во-первых, о государственной гражданской службе. Будучи сам государственным служащим, фон Папен, наверное, выдержал тяжелую, но, по-видимому, успешную борьбу со своей совестью, когда он принял участие в проведении целой серии декретов, устанавливавших нацистский контроль над государственной гражданской службой. Ссылка на это имеется на 30-й странице[74] стенограммы вечернего заседания от 22 ноября и на 257-й странице[75]. В этой связи я хотел бы обратить внимание трибунала на документ PS-351, USA-389, который имеется на 1-й странице книги документов и который был представлен трибуналу. Это протокол первого заседания кабинета Гитлера 30 января 1933 года. Я цитирую с середины последнего абзаца протокола на 5-й странице книги документов:

> «Заместитель рейхсканцлера и рейхскомиссар по делам Пруссии предложил, чтобы рейхсканцлер при первой возможности заявил в

---

[72] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 233.

[73] Амнистия не ограничивались лицами совершишими преступления с 30 января 1933, но и всеми преступления совершенными за любое время до 21 марта 1933 в борьбе за нацистскую революцию. (Примечание по IMT, v. 24, p. 771).

[74] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 233.

[75] Там же; стр. 244.

интервью о том, что слухи об опасности инфляции и слухи об угрозе нарушений прав государственных гражданских служащих являются ложными».

Даже если этими словами фон Папен не хотел предложить Гитлеру дать ложное заверение, то, во всяком случае, и эти слова подчеркивают, с каким равнодушием Папен впоследствии смотрел на то, как были преданы государственные гражданские служащие.

Вторая категория декретов касается объединения федеральных земель в рамках Рейха. Об этом говорилось ранее на процессе и это можно найти на 29-й странице[76] стенограммы вечернего заседания 22 ноября. В результате этих декретов, имевших серьезные последствия, фактически были упразднены федеральные земли и был положен конец федерализму и любому сдерживающему влиянию, которое он мог оказать на централизацию власти в руках рейхскабинета. Значение этой меры, так же, как и роли, которую сыграл фон Папен, отражено в переписке между Гинденбургом[77], фон Папеном в качестве рейхскомиссара по делам Пруссии и Гитлером в связи с отзывом рейхскомиссара и назначением Геринга на пост премьер-министра Пруссии. Я ссылаюсь на документ PS-3357, GB-239, который имеется на 52-й странице английской книги документов и который я в настоящее время представляю.

Подавая в отставку 7 апреля 1933 года, фон Папен писал Гитлеру, я цитирую этот документ:

«Подготовкой закона о слиянии федеральных земель в рамках Рейха, который был сегодня принят рейхсканцлером, началась законодательная работа, которая будет иметь историческое значение для политического развития германского государства. Шаг, предпринятый правительством Рейхом, которое я в то время возглавлял, и имевший целью устранить двойственность во взаимоотношениях между Рейхом и Пруссией, теперь увенчался этим новым объединением интересов Пруссии с интересами Рейха. Вы, господин рейхсканцлер, как когда-то Бисмарк[78], будете в состоянии координировать все стороны политики этой крупнейшей германской федеральной земли с политикой Рейха. Теперь, когда новый закон даст вам возможность назначить премьер-министра Пруссии, я прошу вас сообщить рейхспрезиденту, что я ухожу с поста рейхскомиссара

---

[76] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 233.

[77] Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). Президент Германии (1925—1934).

[78] Отто фон Бисмарк (1815 — 1898) — первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии по малогерманскому пути.

по делам Пруссии».

Я также хотел бы процитировать письмо, которое Гитлер написал Гинденбургу при передаче этой просьбы об отставке. Гитлер писал:

> «Вице-канцлер фон Папен прислал мне письмо, которое я прилагаю для вашего сведения. Господин фон Папен уже сообщил мне несколько дней тому назад, что у него имеется договоренность с министром Герингом и он добровольно уйдет в отставку, как только новый закон о координации политики Рейха и земель обеспечит объединение правительственных дел в Рейхе и в Пруссии.
>
> Накануне того дня, когда был принят новый закон об учреждении постов рейхсштатгальтеров[79], господин фон Папен счел свою цель достигнутой и просил меня назначить прусского премьер-министра в то время, как сам он полностью посвятит себя работе в правительстве Рейха.
>
> Господин фон Папен, приняв пост комиссара по делам Пруссии с 30 января, в эти трудные времена внес большой вклад в дело осуществления идеи координации политики Рейха и федеральных земель. Его сотрудничество в рейхскабинете, которому он теперь посвящает все свои силы, чрезвычайно ценно. Мои отношения с ним столь искренне дружеские, что я очень рад той огромной помощи, которую я от него буду получать».

Однако всего за 5 недель до этого — 3 марта 1933 года — фон Папен предупреждал избирателей в Штутгарте относительно опасности упразднения федерализма. Я теперь цитирую документ PS-3313, GB-240, который имеется на 48-й странице английской книги документов и который я представляю. Это приблизительно в середине третьего абзаца. Это выдержка из выступления фон Папена в Штутгарте, где он заявил:

> «Федерализм защитит нас от централизма — этой организационной формы, которая сосредоточивает все живительные силы нации в одном пункте. Нет нации, которая была бы менее приспособлена к централизованному управлению, чем германская нация».

Еще раньше, во время выборов осенью 1932 года, фон Папен в качестве канцлера посетил Мюнхен. Газета «Frankfurter Zeitung[80]» от 12 октября 1932 года комментировала его политику. Я ссылаюсь на документ PS-3318, GB-241, на 51-й странице английской книги документов, который я представляю. Газета «Frankfurter Zeitung» писала:

> «Фон Папен утверждал, что с самого начала своего пребывания на

---

[79] Рейхсштатгальтер — представитель правительства Германии на подведомственных ему территориях, в задачу которого входило наблюдение за выполнением политических директив фюрера и рейхсканцлера.

[80] «Франкфуртская газета» (нем.) – немецкая газета. Издавалась в 1856-1943. При нацистах пользовалась определенной редакционной независимость.

> посту он поставил своей целью создание нового Рейха с участием различных федеральных земель и для земель. Правительство Рейха занимает твердую федералистскую позицию. В его лозунги не входит удручающий централизм или унитаризм».

Это было в октябре 1932 года. От всего этого фон Папен отказался ради своего нового хозяина.

Теперь я перехожу к вопросу о евреях. В марте 1933 года правительство в полном составе одобрило систематическую государственную политику преследования евреев. Об этом уже говорилось на суде. Ссылка на это находится на 1442-й[81] и 2940-й[82] страницах стенограммы.

Лишь за 4 дня до того, как было назначено начало бойкота, проводимого «со всей яростью», как сказал доктор Геббельс, фон Папен послал успокоительную радиограмму германо-американской торговой палате в Нью-Йорк, которая выразила германскому правительству свое беспокойство по поводу положения дел. Его заверение — документ D-635, который я представляю под номером GB-242, 73-я страница английской книги документов — было опубликовано в газете «New York Times[83]» 28 марта 1933 года. В этом заверении имелась следующая фраза, которую я процитирую с середины страницы. Этот документ является предпоследним в немецкой книге документов.

> «Следует самым энергичным образом опровергнуть распространяемые в Америке слухи, которые были восприняты здесь с возмущением, относительно истязаний, которым якобы подвергаются политические заключенные, и относительно плохого обращения с евреями. Сотни тысяч евреев, которые не принимали участия в политической деятельности, независимо от их гражданства, живут здесь совершенно спокойно».

Это характерный...

Кубушок: Появление в газете «New York Times» заметки вызвано телеграммой подсудимого фон Папена, которая помещена на следующей странице книги документов. В английском переводе указана дата: 27 марта — дата неверная. Немецкий текст, который имеется у меня, свидетельствует о том, что речь идет о письме, написанном в конце недели, судя по цифрам в немецком тексте, оно было отослано 25 марта. Эта разница во времени имеет большое значение.

В действительности 25 марта еще ничего не было известно о бойкоте евреев, который был назначен затем Геббельсом на 1 апреля. Подсудимый фон

---

[81] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том II Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 233.

[82] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко/ Новочеркасск, 2019; стр. 99.

[83] «Нью-Йоркские времена» (англ.) — американская ежедневная газета, издающаяся в Нью-Йорке с 18 сентября 1851 года.

Папен поэтому мог 25 марта указать на сравнительно небольшое количество мелких происшествий, как он это делает в телеграмме. Во всяком случае, вывод обвинения о том, что содержание телеграммы является сплошным вымыслом, оказывается неверным.

Председатель: Господин Баррингтон, у вас есть подлинник этого документа?

Баррингтон: Подлинник здесь, милорд. Совершенно верно, что там имеется несколько цифр сверху, которые, хотя я этого раньше и не заметил, могут дать основание заключить, что телеграмма была послана 25 числа.

Председатель: А когда состоялось заседание кабинета, на котором была одобрена политика преследования евреев?

Баррингтон: Милорд, я этого не знаю. Это было в конце марта, может быть, 26-го числа. Я проверю это.

Председатель: Хорошо.

Кубушок: Разрешите мне для разъяснения заметить, что заседание кабинета, на котором обсуждался вопрос о евреях, состоялось значительно позже и что на нем члены кабинета, в том числе подсудимый фон Папен осудили бойкот евреев. Я представлю протокол заседания кабинета, как только будет удовлетворено мое ходатайство.

Председатель: Я не понимаю, что вы подразумеваете, когда говорите об удовлетворении вашего ходатайства. Заявляет ли обвинитель, что он настаивает на своем обвинении, или он отказывается от него?

Баррингтон: Я могу сказать следующее: при условии, что я проверю дату заседания кабинета...

Председатель: Вы можете сделать это во время перерыва и сообщить нам утром.

Баррингтон: Хорошо, милорд. Сейчас я ограничусь следующим: как трибунал уже знает, в то время было общеизвестно, что политика нацистов была направлена против евреев и что евреи уже находились в концлагерях. Я готов согласиться с тем, что эта телеграмма была послана 25 марта, но я предлагаю трибуналу сделать вывод о том, что к тому времени, когда была послана телеграмма, Папену уже было известно о политике бойкота.

Я пойду дальше и скажу, что фон Папен сам поддерживал направленную против евреев политику. В качестве доказательства этого я представляю документ PS-2830, GB-243, который имеется на странице 37 книги документов.

Милорд, это письмо, посланное фон Папеном Гитлеру из Вены 12 мая 1936 года касательно «Freiheitsbund[84]». Четвертый абзац английского текста гласит следующее:

«Следующий инцидент представляет интерес. Секретарь чешской

[84] «Союз свободы» (нем.) – боевая организация христианских профессиональных союзов в Австрии. Существовала в 1927-1938.

миссии Дохальский предложил господину Штауду[85], руководителю «Freiheitsbund», предоставить этому союзу от чешского правительства любые требуемые средства со стороны, которые будут необходимы для усиления его борьбы против «Heimwehr[86]». Единственное условие заключается в том, чтобы «Freiheitsbund» обязался занять антигерманскую позицию. Господин Штауд попросту отказался от этого предложения. Это показывает, что даже во вражеском лагере отдают себе отчет в перегруппировке сил. Это обязывает нас далее продолжать оказывать финансовую поддержку этой организации особенно в связи с продолжением ее борьбы против еврейства».

Кубушок: Я должен указать на трудность, которая, по-видимому, возникла вследствие перевода. В немецком тексте подлинника по вопросу о денежных переводах слова «mit Bezug[87]» имеют следующий смысл: «направляемые на продолжение борьбы против евреев», то есть слова «mit Bezug» означают, что денежные переводы надо было делать с этим указанием, хотя в действительности эти деньги использовались не по указанному назначению, ибо австрийский «Freiheitsbund» был не антисемитским объединением, а легальным профсоюзом, к которому, между прочим, принадлежал и канцлер Дольфус[88]. Эти слова «mit Bezug» означают только, что перевод денег должен был производиться с указанием названия, так как партии, признанной государством, нельзя было получать из-за границы деньги для каких-либо партийных целей, как это ясно показал отказ на предложения чехословаков. Я хочу указать только на то, что слова «в связи с» в английском тексте, возможно, неправильно выражают смысл и, может быть, лучше было бы в данном случае перевести их словами «направляемые на». Во всяком случае, я хочу только заявить, что речь в данном случае шла лишь о некоторой маскировке, применявшейся в связи с денежными переводами.

Председатель: Я не знаю, о каком слове вы говорите. Но, насколько я понимаю, единственная цель ссылки на это письмо заключается в том, чтобы показать, что фон Папен предложил оказывать финансовую помощь организации в ее борьбе против евреев. Это единственная цель ссылки на это письмо. Я вас не понимаю, когда вы говорите, что какое-то слово было неправильно переведено.

Кубушок: Да. Но из-за этих слов возникло заблуждение. Эти деньги присылались не для борьбы с евреями, так как вовсе не это было целью христианского профсоюза в Австрии. Должно было быть указано определенное назначение для пересылки денег, указали — «для борьбы с евреями». Цель, стало быть, заключалась не в

---

[85] Иоганн Штауд (1882 – 1938) – австрийский христианско-социальный политик. После аншлюса в 1938 г., был арестован. Умер в концентрационном лагере.

[86] Хеймвер (нем. Heimwehr — отряды самообороны) — «Союз защиты родины» — националистическое, военизированное объединение, действовавшее в Австрии с 1919 по 1938 год.

[87] «В связи» (нем.)

[88] Энгельберт Дольфус (1892 — 1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932—1934 годах. Убит путчистами.

борьбе с евреями, а в исключении, путем оказания ей денежной помощи, еще одного иностранного влияния на эту организацию, а именно влияния со стороны Чехословакии.

Председатель: Мне самому кажется, что в отношении письма можно было бы возразить обвинению, что оно датировано тремя годами позднее того времени, о котором вы говорили.

Баррингтон: Это верно, милорд. Эти письма были написаны в различное время.

Председатель: Предыдущее письмо было датировано 1933 годом, а это — 1936 годом.

Баррингтон: Да, милорд. Я представил его лишь для того, чтобы показать, какова к тому времени была позиция Папена. Если ваша честь имеет сомнения относительно перевода, я предложил бы, чтобы это письмо было сейчас переведено переводчиком. У нас имеется немецкий подлинник — фотокопия.

Председатель: Я думаю, что вы можете сделать это завтра и, если необходимо, снова коснуться этого письма.

Баррингтон: Да, милорд.

Теперь я перехожу к вопросу о католической церкви. Вопрос об отношении нацистов к церкви уже был полностью рассмотрен обвинением США. В этой конкретной области Папен в качестве видного католика, не являющегосясвященнослужителем, способствовал консолидации нацистской позиции, как внутри Германии, так и за границей, вероятно, более успешно, чем это мог сделать кто-либо другой.

Говоря о преследовании церкви, полковник Уилер огласил перед трибуналом заверение Гитлера, данное 23 марта 1933 года. Это была речь Гитлера в связи с принятием закона о чрезвычайных полномочиях. В результате этого заверения была принята хорошо известная декларация немецких епископов, изданная в городе Фульда, которую также цитировал полковник Уилер. Это документ PS-3387, USA-566. Это обманное заверение Гитлера, по-видимому, было сделано по предложению, сделанному фон Папеном за восемь дней до этого на заседании рейхскабинета 15 марта 1933 года, когда обсуждался закон о чрезвычайных полномочиях. Я ссылаюсь на документ PS-2962, USA-578, на странице 40 английской книги документов. Цитирую со страницы 44. Это конец 6-й страницы немецкого текста. В протоколе заседания сказано:

> «Вице-канцлер и рейхскомиссар по делам Пруссии заявил, что имеет решающее значение вопрос о приобщении к новому государству масс, стоящих за партиями. Особое значение имеет вопрос о приобщении к новому государству политического католицизма».

Это заявление Папена было сделано на совещании, на котором обсуждался закон о чрезвычайных полномочиях, и до речи Гитлера об этом законе, в которой он дал заверения церкви.

20 июля 1933 года Папен подписал конкордат Рейха[89], о котором он вел переговоры с Ватиканом. Трибунал уже принял этот документ, PS-3280(а), без доказательств. Заключение конкордата, как и инспирированная Папеном речь Гитлера о законе о чрезвычайных полномочиях, было лишь интерлюдией в политике нацистских заговорщиков по отношению к церкви. За политикой заверений последовал целый ряд нарушений, которые, в конце концов, привели к открытому обличению этой политики в папской энциклике — «Mit brennender Sorge[90]». Это документ PS-3476, USA-567.

Папен утверждает, что в отношении церкви он действовал искренне. Он и на допросах заявлял о том, что конкордат саботировал Гитлер. Если фон Папен действительно верил в торжественные обязательства, которые он дал Ватикану от имени Рейха, то, как я утверждаю, кажется странным, что он, будучи католиком, продолжал служить Гитлеру после всех этих нарушений и даже после самой папской энциклики. Я заявляю, что сам фон Папен принимал участие в том, что фактически, если не формально, было нарушением конкордата. Трибунал помнит обращение папы к кардиналам 2 июня 1945 года, которое имеется в документе PS-3268, USA-356 на странице 1647 стенограммы[91]. Полковник Стори огласил слова папы относительно ожесточенной борьбы нацистов против церкви. Первое, о чем говорит папа в этом выступлении, — роспуск католических организаций. Я прошу трибунал обратить внимание на документ PS-3376, GB-244, 56-я страница английской книги документов. Это выдержка из издания «Das Archiv[92]». Члены трибунала увидят, что в сентябре 1934 года фон Папен приказал — я умышленно говорю «приказал» — распустить союз немцев-католиков, руководителем которого он в то время являлся. Текст из «Das Archiv» гласит следующее:

> «Рейхсляйтунг партии объявляет о самороспуске союза немцев-католиков.
>
> Ввиду того, что рейхсляйтунг партии через управление культуры все в большей мере и непосредственно занимается всеми культурными проблемами, включая и те, которые касаются отношений между государством и церковью, задачи, которые ранее были поручены союзу немецких католиков, теперь в интересах большей координации передаются рейхсляйтунгу.
>
> Бывший вице-канцлер фон Папен, являвшийся до настоящего времени

---

[89] Конкордат 1933 года (нем. Reichskonkordat, Имперский конкордат) — договор (конкордат), заключённый 20 июля 1933 года между нацистской Германией и Святым Престолом и определявший статус Римско-католической церкви в Германии.

[90] Mit brennender Sorge (в переводе с немецкого — «С огромной обеспокоенностью») — энциклика папы Пия XI, опубликованная 10 марта 1937 года (датирована Страстным Воскресеньем 14 марта). В энциклике упоминаются нарушения соглашения с Церковью, и она содержит критику расизма и других аспектов нацистской идеологии.

[91] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том III / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко/ Новочеркасск, 2019; стр. 68.

[92] «Архив» (нем.)

руководителем союза немцев-католиков, заявил по поводу роспуска этой организации, что роспуск был осуществлен по его предложению ввиду той позиции, которую занимает национал-социалистическое государство в отношении христианской и католической церкви, о чем неоднократно и недвусмысленно говорил сам фюрер и канцлер».

Я уже сказал, что Папен «приказал» распустить эту организацию, хотя в самом объявлении было сказано, что это был самороспуск по его предложению. Но я утверждаю, что предложение человека, занимавшего такое положение, как Папен, равнялось приказу, так как в то время уже было общеизвестно, что нацисты отказались даже от видимости возможности существования каких-либо оппозиционных организаций.

После девяти месяцев службы у Гитлера, в течение которых он способствовал укреплению власти нацистов над Германией, Папен был вполне удовлетворен своим выбором. Я ссылаюсь на документ PS-3375, 54-я страница английской книги документов, который я представляю под номером GB-245.Выступая 2 ноября 1933 года в Эссене с той же трибуны, что и Гитлер и гауляйтер Тербовен[93] во время кампании по выборам в Рейхстаг и проведения референдума о выходе Германии из Лиги наций[94], фон Папен заявил:

«С тех пор, как судьба призвала меня стать пионером национального пробуждения и возрождения нашей родины, я пытался поддерживать всеми своими силами работу национал-социалистического движения и его фюрера. Так же как, став канцлером — это было в 1932 году, — я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко мне доверие:

Милосердный бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий он дал ей такого руководителя, который с надежной интуицией государственного деятеля поведет ее через все несчастья и слабости, через все кризисы и опасности к счастливому будущему».

И последняя фраза текста на 55-й странице:

«Давайте в этот час скажем фюреру новой Германии, что мы верим в него и в его деяния».

К этому времени кабинет, членом которого был фон Папен и которому он

[93] Йозеф Тербовен (1898 — 1945) — государственный, военный и партийный деятель Германии. Обергруппенфюрер СА (1936). Рейхскомиссар Норвегии в 1940 – 1945. Покончил жизнь самоубийством.

[94] Лига Наций — международная организация основанная в 1919 году. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 году.

посвятил все свои силы, упразднил гражданские свободы, санкционировал политические убийства, совершенные для того, чтобы содействовать захвату власти нацизмом, уничтожил все оппозиционные политические партии, провел основные законы по упразднению политического влияния федеральных земель, обеспечил законодательную основу для проведения чистки государственного гражданского аппарата и судебных учреждений от антинацистских элементов и начал проводить государственную политику преследования евреев.

Слова Папена — «Милосердный бог благословил Германию» — издевательские слова.

Третье обвинение против подсудимого фон Папена заключается в том, что он способствовал подготовке войны. Невозможно предположить, что человек, который знал существо программы нацистской партии и был в течение полутора лет вице-канцлером, мог не быть причастным к военным приготовлениям заговорщиков. Тот человек, о котором Гитлер писал Гинденбургу 10 апреля 1933 года: «Его сотрудничество в рейхскабинете, которому он теперь посвящает все свои силы, чрезвычайно ценно».

Четвертое обвинение против подсудимого Папена заключается в том, что он участвовал в политическом планировании и подготовке агрессивных войн и войн в нарушение международных договоров. В отношении Папена это обвинение фактически сводится к истории аншлюса. Его роль в аншлюсе была подготовкой агрессивных войн, имеющей два аспекта: во-первых, аншлюс был необходимым предварительным шагом для всех последующих актов вооруженной агрессии; во-вторых, даже если можно утверждать, что аншлюс был по существу достигнут без агрессии, — он был запланирован таким путем, что он был бы достигнут путем агрессии, если бы это было необходимо.

Мне остается лишь дать краткое резюме деятельности Папена в Австрии, так как вся история аншлюса уже была описана на процессе. Однако, с разрешения трибунала, я бы хотел огласить две кратких выдержки, которые имеют персональное отношение к Папену. Но перед тем как я перейду к вопросу о деятельности фон Папена в Австрии, я должен сказать трибуналу еще об одном вопросе.

18 июня 1934 года Папен произнес в Марбургском университете удивительную речь. Я не собираюсь представлять эту речь в качестве доказательства и ее нет в книге документов, потому что это вопрос из области истории. И, говоря об этом, я не касаюсь вопроса о мотивах и последствиях этой речи, которые несколько туманны. Но я хотел бы сказать следующее. По своей теме речь Папена в Марбурге была откровенной критикой нацистов. Надо полагать, что нацисты были чрезвычайно раздражены и, хотя через 12 дней после этого Папен во время кровавой чистки 1934 года избежал смерти, он был на 3 дня арестован. Должен ли был этот арест, в конце концов, привести к казни или же он должен был предохранить его от чистки как человека, который был слишком ценным, сейчас я

об этом не спрашиваю. Однако после освобождения он, вполне естественно, ушел в отставку с поста вице-канцлера. Теперь возникает вопрос, и именно в связи с ним я остановился на этом эпизоде: почему после этих варварских событий он снова поступил на службу к нацистам? Какую он пропустил возможность! Если бы он тогда остановился, он бы мог спасти мир от многих страданий. Допустим, что вице-канцлер самого Гитлера, только что освобожденный из-под ареста, бросил бы вызов нацистам и рассказал миру правду. Тогда, может быть, никогда не произошла бы реоккупация Рейнской зоны[95], может быть, никогда не произошла бы война. Но я не должен заниматься этими предположениями. Грустным фактом остается то, что он вернулся к старому пути, что он вновь подпал под обаяние Гитлера.

После убийства канцлера Дольфуса, тремя неделями позже, то есть 25 июля 1934 года, положение было таковым, что требовался отзыв германского дипломатического представителя Ритта[96] и замена его человеком, который был бы энтузиастом аншлюса с Германией, который бы терпимо относился к нацистским целям и методам, но который придал бы характер респектабельности официальному германскому представительству в Вене. Это положение описано на страницах 478[97] и 479[98] стенограммы. Гитлер немедленно отреагировал на убийство Дольфуса. Он выбрал нового человека, как только узнал о нём. На следующий же день, то есть 26 июля, он послал фон Папену письмо о его назначении. Это имеется на 37-й странице книги документов, документ PS-2799, который уже был принят трибуналом без доказательства. Господин Олдерман огласил это письмо и в настоящее время я хотел бы лишь привести некоторые замечания личного характера в конце письма. В этом письме Гитлер, изложив свою версию дела Дольфуса, выразил желание, чтобы австро-германские отношения пошли опять по дружественному пути. В третьем абзаце говорится следующее:

> «По этой причине я прошу вас, дорогой господин фон Папен, взять на себя важную задачу именно потому, что вы обладали и продолжаете обладать моим полным и безграничным доверием с начала нашей совместной работы в кабинете».
>
> Последний абзац письма:
>
> «Вновь благодарю вас за все, что вы когда-то сделали для координации правительства национальной революции и впоследствии совместно с нами для Германии».

Председатель: Сейчас подходящее время, чтобы прерваться на 10 минут.

---

[95] Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

[96] Курт Ритт (1881 – 1969) – немецкий дипломат. В 1931-1934 посланник Германии в Австрии.

[97] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 397.

[98] Там же; стр. 398

[*Объявлен перерыв*]

Баррингтон: Господа судьи, я только что зачитал отрывок из письма, которое Гитлер послал фон Папену 26 июля 1934 года, письма о назначении последнего послом в Вене. Это письмо, которое, конечно, было предано гласности, естественно, не раскрывало истинной цели назначения фон Папена. Суть настоящей миссии фон Папена была изложена откровенно вскоре после его приезда в Вену в ходе его частной беседы с американским послом господином Мессершмитом. Я цитирую из письменного показания господина Мессершмита, данного под присягой. Это документ PS-1760, USA-57, 22-я страница книги документов, приблизительно середина второго абзаца. Господин Мессершмит сказал:

> Когда же я, в конце концов, посетил фон Папена в германском посольстве, он приветствовал меня следующими словами: «Теперь вы в моем посольстве, и я могу контролировать нашу беседу».
>
> В самой неприкрытой и циничной форме он стал рассказывать мне о том, что вся Восточная Европа до границ Турции является внутренним пространством Германии и что его миссия заключалась в том, чтобы способствовать установлению германского экономического и политического контроля над всей этой областью. Затем он прямо заявил, что первым шагом должно было стать установление контроля над Австрией. Он с определенностью заметил, что в Австрии он находится для того, чтобы подорвать и ослабить австрийское правительство, и, находясь в Вене, стремится ослабить позиции других правительств Южной и Юго-Восточной Европы. Он сказал, что с этой целью намеревается использовать свою репутацию хорошего католика, чтобы установить влияние над некоторыми австрийцами, как, например, кардиналом Иннитцером[99].

В течение всего раннего периода его миссии в Австрии деятельность фон Папена характеризовалась тем, что он неуклонно избегал какой-либо видимости вмешательства в дела Австрии. Его настоящая миссия была вновь ясно подтверждена через несколько месяцев после ее начала, когда он был инструктирован о том, что «в течение последующих двух лет не следует предпринимать ничего такого, что могло бы привести к внешним политическим затруднениям для Германии», и что нужно избегать любого проявления германского вмешательства в австрийские дела, и сам фон Папен заявил Бергер-Вальденеггу[100], австрийскому министру иностранных дел: «Да, у вас есть сейчас английские и

[99] Теодор Иннитцер (1875 — 1955) — австрийский кардинал. Архиепископ Вены с 19 сентября 1932 по 9 октября 1955.

[100] Эгон Бергер-Вальденегг (1880 – 1960) – австрийский юрист и политик. В 1934-1936 министр иностранных дел Австрии.

французские друзья и вы можете сохранять вашу независимость немного дольше». Обо всем этом уже говорил в деталях господин Олдерман, неоднократно цитируя письменное показание под присягой Мессершмита, что имеется в стенограмме на страницах 492[101], 506-507[102].

В течение этого раннего периода нацистское движение набирало силу в Австрии без открытого допуска германского вмешательства, а Германии требовалось больше времени для того, чтобы укрепить свое дипломатическое положение. Об этих причинах, определявших германскую политику, было открыто заявлено германским министром иностранных дел фон Нейратом в беседе с американским послом во Франции, и это зачитывалось господином Олдерманом и имеется в стенограмме суда на странице 520[103] как часть документа L-150, USA-65.

Подсудимый фон Папен соответственно ограничил свою деятельность обычной функцией посла, которая заключалась в установлении контактов со всеми пользующимися уважением элементами австрийского общества и в завоевании симпатий в этих кругах. Несмотря на внешний вид строгого невмешательства, фон Папен оставался связанным с подрывными элементами в Австрии. Так, в своем отчете Гитлеру от 17 мая 1935 года он давал совет относительно стратегии австрийских нацистов, предложенной капитаном Леопольдом[104] — лидером нелегальных австрийских нацистов, целью которой было обманным путем заставить доктора Шушнига создать австрийское правительство в коалиции с нацистской партией. Это документ PS-2247, USA-64. Он помещен в стенограммах суда на страницах 516—518[105]. Это 34-я страница английской книги документов. Я не хочу зачитывать снова это письмо, но я хотел бы обратить внимание трибунала на его первую строчку, второй абзац в английском тексте, где фон Папен говорит в связи со стратегией капитана Леопольда: «Я предлагаю, чтобы мы приняли активное участие в этой игре».

Я упомянул также в связи с подрывными организациями в Австрии документ PS-812, USA-61, который, как помнит трибунал, представляет собой отчет Райнера[106] Бюркелю[107] и который уже имеется в стенограмме на страницах 498—505[108].

Переговоры о соглашении от 11 июля 1936 года между Германией и Австрией в конечном счете велись через фон Папена. Это уже было представлено

---

[101] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 398.

[102] Там же; стр. 404-406.

[103] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 424.

[104] Йозеф Леопольд (1889 – 1941) – нацистский политик. Ландесляйтер (глава) НСДАП в Австрии в 1935-1938 гг.

[105] Там же; стр. 421-422.

[106] Фридрих Райнер (1903 — 1947) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер, обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Казнён по приговору югославского суда.

[107] Йозеф Бюркель (1895 — 1944) — деятель нацистского режима, гауляйтер. В 1938-1938 занимал руководящие должности в Австрии.

[108] Там же; стр. 428.

документом ТС-22, GB-20. В официальном тексте этого соглашения говорится, что, хотя Австрия в своей политике будет рассматривать себя как германскую землю, все же Германия признает полный суверенитет Австрии, и не будет проводить прямого или косвенного влияния на внутреннее политическое устройство в Австрии. Более интересна секретная часть соглашения, раскрытая господином Мессершмитом, которая обеспечивает нацистское влияние на австрийский кабинет и участие их в политической жизни Австрии. Это уже было зачитано господином Олдерманом и находится на 522-й странице стенограммы суда[109].

После подписания соглашения подсудимый фон Папен продолжал проводить свою политику, поддерживая контакт с подпольными нацистами, пытаясь влиять на назначения на стратегически важные посты в кабинете и стремясь обеспечить официальное признание организаций нацистского фронта. Отчитываясь перед Гитлером 1 сентября 1936 года, он подводит итоги своей программы нормализации австро-германских отношений в соответствии с соглашением от 11 июля. Это документ PS-2246, USA-67, страница 33 английской книги документов.

Трибунал вспомнит, что он рекомендовал «как руководящий принцип — продолжительные и терпеливые психологические приемы с постепенно усиливающимся нажимом, направленным на изменение режима». Затем он упоминает о беседе с представителями нелегальной партии и говорит, что его целью является обеспечение «корпоративного представительства членов движения в Отечественном фронте[110], но, тем не менее, он на некоторое время, воздерживается от того, чтобы ставить национал-социалистов на ответственные посты».

Нет необходимости снова обращаться к событиям, которые привели к организованной фон Папеном встрече Шушнига с Гитлером в феврале 1938 года, на которой он сам присутствовал, и к окончательному вторжению в Австрию в марте 1938 года. Будет достаточным снова процитировать из биографии фон Папена на 66-й странице книги документов. Это приблизительно на второй половине страницы:

> «После мартовских событий 1938 года, в результате которых Австрия была присоединена к Германскому Рейху, фон Папен получил удовлетворение от предоставленной ему возможности находиться рядом с фюрером при вступлении в Вену после того, как 14 февраля 1938 года в порядке признания его ценного сотрудничества фюрер принял его в партию и вручил ему золотой партийный значок».

Далее в биографии:

> «Сначала фон Папен удалился в свое поместье Валлерфанген в Саарской области, но вскоре фюреру снова понадобились его услуги,

---

[109] Там же; стр. 426

[110] Отечественный фронт — ультраправая австрофашистская политическая партия, основанная в 1933 году Энгельбертом Дольфусом. После запрета всех других политических партий и ликвидация парламентской демократии, Отечественный фронт занимал монопольное положение в австрийской политике.

и 18 апреля 1939 года он назначил фон Папена германским послом в Анкаре».

Так, соблазн службы Гитлеру одержал верх и на этот раз в то время, как захват Чехословакии не мог уже оставить у Папена ни тени сомнения в том, что Гитлер был исполнен решимости проводить свою программу агрессии.

Еще одна цитата из биографии со страницы 66, последнее предложение предпоследнего абзаца:

«После возвращения в Рейх» — это было в 1944 году — «фон Папен был награжден Рыцарским крестом к Кресту за военные заслуги с мечами».

В заключение я прошу трибунал обратить внимание на те пышные похвалы, которыми Гитлер публично награждал фон Папена за его службу, особенно в ранний период. Я привел два примера, когда Гитлер в одном случае сказал: «Его сотрудничество было бесконечно ценным». И в другом случае: «Вы пользуетесь моим полным и безграничным доверием».

Папен — экс-канцлер, солдат, уважаемый католик. Папен — дипломат. Папен — культурный и воспитанный человек, который сумел преодолеть враждебность и антипатию тех влиятельных кругов, которые стояли преградой на пути Гитлера. Папен был, повторяя слова, сказанные сэром Шоукроссом в его вступительной речи, «одним из людей, чье сотрудничество и поддержка сделали возможным существование нацистского правительства в Германии».

Этим я заканчиваю свое выступление.

Максвелл-Файф: Господа судьи, представление дела против подсудимого фон Нейрата можно разделить на пять частей. Первая из них касается постов, которые он занимал, и наград, полученных им.

Нейрат был членом нацистской партии с 30 января 1937 года до 1945 года, награжден золотым партийным значком 30 января 1937 года. Он был генералом СС, назначен группенфюрером лично Гитлером в сентябре 1937 года, затем повышен в чине до обергруппенфюрера 21 июня 1943 года; был рейхсминистром иностранных дел при канцлерстве подсудимого фон Папена со 2 июня 1932 года и при канцлерстве Гитлера с 30 января 1933 года до тех пор, пока 4 февраля 1938 года его место занял подсудимый фон Риббентроп. Фон Нейрат был рейхсминистром с 4 февраля 1938 до мая 1945 года. Он занимал пост председателя тайного совета, на который он был назначен 4 февраля 1938 года, являлся членом совета обороны Рейха. Он был назначен рейхспротектором Богемии и Моравии[111] и занимал этот пост с 18 марта 1939 года до тех пор, пока 25 августа 1943 года его место не занял подсудимый Фрик.

Гитлер наградил его Орденом орла при назначении на пост

[111] Протекторат Богемии и Моравии — протекторат нацистской Германии, создан 16 марта 1939 после германской оккупации Чехословакии 15 марта 1939 года.

рейхспротектора. Подсудимый Риббентроп был единственным немцем, который получил эту награду до него.

Господа судьи, эти факты излагаются в документе PS-2973, USA-19, который подписан подсудимым и его защитником. В нем, он сам делает комментарий по некоторым из этих вопросов и к ним я сейчас хочу обратиться.

Фон Нейрат говорит, что награждение золотым партийным значком имело место 30 января 1937 года против его воли и без консультации с ним.

Я отмечаю, что подсудимый не только удержался от того, чтобы отвергнуть эту якобы нежелательную для него честь, но после получения награды он посещал те совещания, на которых планировались агрессивные войны, принимал активное участие в насильственном захвате Австрии и осуществлял тиранию в Богемии и Моравии.

Второй пункт заключается в том, что назначение его группенфюрером также было сделано помимо его воли и без консультации с ним. По этому пункту обвинение указывает, что при разборе аргументов подсудимого должно быть принято во внимание то, что он носил военную форму, получил дальнейшее повышение в чине до обергруппенфюрера, а также его действия против Богемии и Моравии.

Далее он заявляет, что назначение его министром иностранных дел было произведено рейхспрезидентом фон Гинденбургом. Мы полагаем, что нам следует лишь обратить внимание трибунала на личности подсудимого фон Нейрата и Гитлера и на тот факт, что президент фон Гинденбург умер в 1934 году. Подсудимый же продолжал оставаться на посту министра иностранных дел до 1938 года.

Он говорит затем о том, что с 4 февраля 1938 года до мая 1945 года был недействующим министром. В настоящее время мы обращаем внимание трибунала на деятельность, о которой мы будем говорить ниже, и на наводящие ужас доказательства, касающиеся Богемии и Моравии, которые будут скоро представлены нашим коллегой, советским обвинителем.

Следующий аргумент подсудимого заключается в том, что тайный совет никогда не совещался и не заседал.

Я должен указать трибуналу, что этот совет характеризуется как особый комитет кабинета, созданный для обсуждения вопросов внешней политики, и трибунал найдет это описание в документе PS-1774, который я представляю как доказательство GB-246.Это отрывок из книги хорошо известного автора, на 2-й странице книги документов. На первой странице этого документа, приблизительно на седьмой строчке снизу страницы, можно видеть, что среди учреждений, подчинявшихся фюреру для прямых консультаций и содействия, четвертым назван тайный совет кабинета. Председатель его — рейхсминистр барон фон Нейрат.

Если члены трибунала обратятся к 3-й странице, то приблизительно на

10-й строчке сверху они увидят абзац, начинающийся словами:

> «Тайный совет кабинета, назначением которого было консультировать фюрера по основным проблемам внешней политики, был создан декретом от 4 февраля 1938 года». И дальше имеется ссылка:
>
> «Тайный совет находится под руководством рейхсминистра фон Нейрата и включает в себя министра иностранных дел, министра авиации, заместителя фюрера, министра пропаганды, начальника рейхсканцелярии, главнокомандующих сухопутными силами и военно-морского флота и начальника штаба верховного командования вооруженных сил. Тайный совет кабинета представляет собой избранную группу сотрудников фюрера, состоящую исключительно из членов правительства Рейха. Таким образом, этот совет представляет собой особый комитет правительства Рейха для обсуждения вопросов внешней политики».

Формальное построение этого учреждения показано в документе PS-2031, GB-217. Мне кажется, он был уже представлен. Нет необходимости его снова зачитывать.

Следующий аргумент, который высказывал подсудимый в связи с теми постами, которые он занимал, заключается в том, что он не был членом совета обороны Рейха.

Если позволите, я очень коротко остановлюсь на этом вопросе в его развитии по стадиям, и я напомню трибуналу, что совет обороны Рейха был создан вскоре после прихода Гитлера к власти 4 апреля 1933 года, члены трибунала найдут доказательство этого в документе PS-2261, USA-24, и наверху 12-й страницы книги документов они увидят ссылку на дату создания совета обороны Рейха.

Вопрос о совете обороны Рейха также затрагивается в документе PS-2986, USA-409, представляющем собой письменное показание подсудимого Фрика, которое трибунал найдет на 14-й странице. В середине этого короткого письменного показания подсудимый Фрик говорит:

> «Мы были также членами совета обороны Рейха, назначением которого являлось планирование подготовительных мероприятий на случай войны, которые позднее были опубликованы министерским советом обороны Рейха».

То, что в число членов этого совета входил и министр иностранных дел, которым тогда был подсудимый фон Нейрат, показано в документе ЕС-177, USA-390. Если члены трибунала обратятся к 16-й странице книги документов, они найдут этот документ, и внизу страницы, где перечислены лица, входившие в состав совета обороны Рейха, в числе его постоянных членов назван министр иностранных дел. Этот документ датирован 22 мая 1933 года, то есть в то время, когда подсудимый занимал этот пост. Это первая стадия в моем рассмотрении вопроса.

Деятельность этого совета показана в протоколах 12-го совещания, которое имело место 14 мая 1936 года. Причем на этом совещании присутствовал представитель ведомства подсудимого — фон Бюлов. Это документ ЕС-407, который я представляю в качестве доказательства GB-247. Члены трибунала увидят на 21-й странице, что протокол совещания датирован 14 мая 1936 года и фактическая ссылка на выступление фон Бюлова имеется в середине страницы 22.

Следующий период относится ко времени после принятия секретного закона от 4 сентября 1938 года. Фон Нейрат был, согласно этому закону, членом совета обороны Рейха в силу его поста президента тайного совета. Это устанавливается документом PS-2194, USA-36, который трибунал найдет на 24-й странице, и если вы посмотрите на 24-ю страницу, то увидите, что та копия которая была представлена в качестве доказательства, была вложена в письмо, адресованное рейхспротектору Богемии и Моравии 6 сентября 1939 года.Довольно странно, что рейхспротектор Моравии и Богемии сейчас отрицает свое членство в этом совете, тогда как письмо с вложенной в него копией закона адресовано ему.

Если члены трибунала обратятся к 28-й странице документа, то в последних словах описываются задачи этого совета следующим образом:

> «Задача совета обороны Рейха состоит в мирное время в принятии решений по поводу всех мер, которые должны быть приняты для подготовки обороны Рейха и для объединения всех сил и средств нации, согласно указаниям фюрера и рейхсканцлера. Задачи совета в военное время будут особо определены фюрером и рейхсканцлером».

Если члены трибунала обратятся к следующей странице, они увидят список постоянных членов этого совета и седьмым в этом списке указано имя президента тайного совета, которым является, опять же, фон Нейрат.

Я утверждаю, что вышеизложенное мной опровергает для каждого соответствующего периода заявление подсудимого о том, что он не являлся членом совета обороны Рейха.

Второй общий пункт, который обвинение выдвигает против этого подсудимого, заключается в том, что, приняв пост министра иностранных дел в кабинете Гитлера, подсудимый взял на себя ответственность за внешнюю политику, проводившуюся в нарушение договоров.

Мы утверждаем, прежде всего, что нацистская партия неоднократно в течение многих лет заявляла о своем намерении отказаться от международных обязательств Германии, даже рискуя войной. Мы ссылаемся на 1-й и 2-й пункты партийной программы, которая, как трибунал слышал, издавалась каждый год. Это имеется на 32-й странице книги документов. Это документ PS-1708, USA-255.

Я лишь напомню трибуналу о 1-м и 2-м пунктах партийной программы:

> «1. Мы требуем объединения всех немцев в расширенных границах великой Германии на основе права народов на самоопределение.

2. Мы требуем равных прав для германского народа по отношению к другим народам; отмены Версальского[112] и Сен-Жерменского[113] мирных договоров».

Но, пожалуй, еще более ясным является заявление, содержащееся в речи Гитлера, произнесенной им в Мюнхене 15 марта 1939 года. Члены трибунала найдут ссылку на него на 40-й странице. Она начинается следующими словами:

«В моей внешней политике я преследовал такие же цели. Моя программа заключалась в отмене Версальского договора. Мир совершает вздорную глупость, заявляя сегодня, что я не раскрывал эту программу до 1933, или 1935, или 1937 года. Вместо того чтобы слушать глупую болтовню эмигрантов, эти господа поступили бы более мудро, если бы они прочитали то, что я писал, писал тысячу раз».

Иностранцы совершали вздорную глупость, поднимая этот вопрос. Но еще большим вздором является заявление нацистского министра иностранных дел о том, что он ничего не знал об агрессивном направлении политики. Я напомню трибуналу, что любому лицу, находящемуся в таком тесном соприкосновении с Гитлером, как подсудимый фон Нейрат, должно было быть известно о допущении силы как средства разрешения международных проблем и достижения целей нацистской внешней политики. Я напомню трибуналу об этом просто ссылкой на те отрывки из «Mein Kampf», которые были процитированы моим другом господином Элвином Джонсом , особенно те, которые помещаются в конце книги на страницах 552, 553 и 554.

Итак, обвинение заявляет, что принятием этой внешней политики подсудимый фон Нейрат помогал и содействовал приходу к власти нацистской партии.

Третий общий пункт нашего обвинения заключается в том, что, будучи министром иностранных дел, этот подсудимый руководил международной частью политики в течение первой фазы нацистского заговора — укрепления власти для подготовки войны.

Как я уже указывал, в связи с его тесным контактом с Гитлером этому подсудимому должны были быть известны основные положения политики Гитлера, которые привели к развязыванию мировой войны, как это было намечено Гитлером в его речи, обращенной к военным руководителям 23 ноября 1939 года.

Эта политика имела две стороны: внутренняя — учреждение сурового контроля; внешняя — программа освобождения Германии от ее международных

[112] Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов.

[113113] Сен-Жерменский мирный договор — мирный договор, подписанный в Сен-Жерменском дворце по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия (как одной из правопреемников Австро-Венгрии, потерпевшего в войне поражение в составе «Четверного союза»).

обязательств. Внешняя программа заключала в себе четыре пункта:1. Уход с конференции по разоружению[114]. 2. Приказ о перевооружении Германии. 3. Введение обязательной воинской повинности. 4. Ремилитаризация Рейнской области.

Если члены трибунала обратятся к странице 35 книги документов, то в конце первого абзаца они найдут эти пункты в очень кратком изложении и, я думаю, мне следует зачитать этот отрывок. Это документ PS-789, USA-23. Приблизительно за десять строчек до конца абзаца имеется следующая выдержка:

> «Мне пришлось реорганизовать все — сначала массы людей, а затем вооруженные силы. Первое — внутренняя реорганизация — уничтожение возможности проявления упаднических и пораженческих идей, воспитание в духе героизма. Проводя внутреннюю реорганизацию, я предпринял решение второй задачи — освобождение Германии от ее международных обязательств. Следует указать два особенно характерных пункта в этой задаче: выход из Лиги наций и уход с конференции по разоружению. Это было трудное решение. Число пророков, которые предвещали, что это приведет к оккупации Рейнской области, было велико; число верящих в меня было очень незначительно. Меня поддерживал народ, который твердо стоял за меня, когда я проводил в жизнь свои идеи. После этого настало время приказа о перевооружении. Снова появились бесчисленные пророки, которые предвещали несчастья, и только немногие верили. В 1935 году — введение обязательной воинской повинности. После этого — ремилитаризация Рейнской области, еще одно мероприятие, которое в то время считали невозможным. Число людей, которые верили в меня, было очень незначительным. Затем начало строительства укреплений по всей стране, особенно на западе».

Таково краткое содержание этих четырех пунктов. Подсудимый фон Нейрат непосредственно и лично принимал участие в проведении в жизнь каждого из этих четырех аспектов гитлеровской внешней политики, в то же время официально заявляя, что эти меры не являются шагами к агрессии.

Первый пункт — вопрос истории. Когда Германия покинула конференцию по разоружению, подсудимый послал телеграмму, датированную 14 октября 1933 года председателю этой конференции. Это имеется в «Dokumente Der Deutschen Politik[115]» на странице 94, том 1, 1933 года издания. Подсудимый таким же путем объявил о выходе Германии из Лиги наций 21 октября 1933 года. Это также может быть найдено в официальных документах. На них имеются ссылки в стенограммах

[114] Международная конференция по сокращению и ограничению вооружений, созванная по решению Совета Лиги Наций; начала работу после длительного подготовительного периода 2 февраля 1932 в Женеве при участии 63 государств;

[115] «Документы германской политики» (нем.)

суда и я напоминаю трибуналу о дополнительных документах о военной подготовке, которые несомненно зачитывались в суде. Это документы С-140, USA-51 от 25 октября 1933 года и С-153, USA-43 от 12 мая 1934 года.

Второй пункт — перевооружение Германии. Когда подсудимый был министром иностранных дел, 9 марта 1935 года германское правительство официально объявило о создании германских военно-воздушных сил. Это изложено в документе ТС-44, GB-11, на который уже ссылались. 21 мая 1935 года Гитлер объявил об одностороннем отказе от пунктов Версальского договора, касающихся военно-морских, наземных и воздушных сил, что, естественно, вызвало и односторонний отказ от тех же положений в договоре о восстановлении дружественных отношений с Соединенными Штатами. Это изложено в документе PS-2288, USA-38, который также уже был зачитан. В тот же день рейхскабинет, членом которого был подсудимый, принял секретный закон об обороне Рейха, согласно которому была создана должность чрезвычайного генерального уполномоченного по военной экономике, впоследствии охарактеризованная экспертом Вермахта по вооружению как «краеугольный камень германского перевооружения». Ссылка на этот закон имеется в документе PS-261, USA-24. Это письмо фон Бломберга[116], датированное 24 июня 1935 года, с приложением этого закона, которое уже представлено трибуналу. Ссылка на комментарии о важности этого закона имеется в документе PS-2353, USA-35. Частично они уже зачитывались, но если члены трибунала обратятся к 52-й странице, где находится этот документ, я зачитаю трибуналу лишь последнее предложение:

> «Новые положения изложены в законе об обороне Рейха от 21 мая 1935 года, который предполагалось опубликовать только в случае войны и который был уже объявлен действующим для проведения подготовки к войне. Поскольку этот закон… устанавливает обязанности вооруженных сил и других властей Рейха в случае войны, он также является основным руководством для развития и функционирования организации военной экономики».

Третий пункт — введение обязательной воинской повинности. 16 марта 1935 года фон Нейрат подписал закон об организации вооруженых сил, согласно которому вводилась всеобщая обязательная военная служба и предполагалось большое увеличение германской армии. Это было описано подсудимым Кейтелем как настоящее начало широкой программы по перевооружению, которая последовала за этим законом. Я делаю официальную ссылку на «Reichsgesetzblatt» за 1935 год, часть 1, страница 369; стенограмма суда — страницы, 411[117],454 и

[116] Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (20 апреля 1936 года), в 1933—1938 годах министр обороны (с 1935 — военного министерства) Германии.
[117] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 295.

455[118].

Четвертый пункт — ремилитаризация Рейнской области. Рейнская область была вторично оккупирована 7 марта 1936 года. Я напомню трибуналу о двух дополнительных документах: PS-2289, USA-56 — объявление Гитлера об этой акции и С-139, USA-53 — директива об операции «Schulung[119]», в которой предусматривается применение военных действий при необходимости. Я ссылаюсь на страницы 458 — 464 стенограммы суда[120]. Таковы были деяния, за которые подсудимый должен разделить ответственность в связи с тем положением, которое он занимал, и с теми шагами, которые он предпринимал. Несколько позднее фон Нейрат суммировал свои взгляды на изложенные выше действия в речи перед немцами, живущими за границей, которую он произнес 29 августа 1937 года и которую я прошу трибунал принять без доказательств, поскольку эта речь имеется в «Das Archiv» за 1937 год на странице 650. Я процитирую короткую выдержку из нее, которая находится на 72-й странице книги документов:

> «Единство расовой и национальной воли, созданное нацизмом с небывалой стремительностью, сделало возможной такую внешнюю политику, при которой путы Версальского договора были разорваны, была вновь достигнута свобода вооружаться и восстановлен суверенитет всей нации. Мы снова стали хозяевами в нашем собственном доме и произвели средства, на которых базируется наша мощь, для того чтобы отныне такое положение сохранялось на все времена. Мир должен был бы заметить из деяний и слов Гитлера, что его цели не являются агрессивными».

Мир тогда, конечно, не мог видеть эти различные дополнительные документы о военных приготовлениях, которые я имею возможность представить трибуналу.

Следующий раздел, следующий пункт обвинения против подсудимого фон Нейрата заключается в том, что, будучи министром иностранных дел, а также одним из членов тесного круга советников фюрера по вопросам внешней политики, он принимал участие в политическом планировании и подготовке актов агрессии против Австрии, Чехословакии и других стран.

Характеризуя политику подсудимого одной фразой, я бы сказал, что это было нарушение одного договора за другим. Он сам говорил несколько более напыщенно, но по существу о том же самом, в речи в Академии германского права 30 октября 1937 года. Это имеется в «Das Archiv» за октябрь 1937 года на 921-й странице и члены трибунала найдут это в книге документов на странице 73. Подчёркнуто (курсив) мною:

---

[118]Там же; стр. 381.
[119] «Учения» (нем.)
[120] Там же; стр. 382-387.

«Признавая эти элементарные факты, рейхскабинет всегда выступал в пользу того, *чтобы каждая конкретная международная проблема разрешалась методами, подходящими именно для данного случая, но не осложнялась без необходимости связью с другими проблемами. Если речь идет о проблемах, возникших между двумя державами, следует выбирать прямой путь для немедленного взаимопонимания между этими двумя державами. Мы в состоянии заявить, что этот метод полностью себя оправдал не только в интересах Германии, но также и в общих интересах*».

Нейрат полностью забывает при этом об интересах других стран, оказавшихся сторонами при подписании различных договоров, с которыми разделывались подобным образом. Настоящее проведение этой политики может быть показано на таблице действий подсудимого в то время, когда он был министром иностранных дел, и также во время деятельности его преемника, когда подсудимый все еще продолжал оказывать влияние.

В 1935 году предпринимается акция, направленная против западных держав. Этой акцией было перевооружение Германии. Когда оно проводилось, другая страна должна была быть разуверена в этом. В то время это была Австрия, которую поддерживала Италия. Этой поддержкой Австрия пользовалась до 1935 года. Итак, по этому поводу было дано обманное заверение. Суть приемов была изложена Гитлером 21 мая 1935 года. Что заверение было фальшивым, ясно доказывается документом, который представил господин Олдерман. Я позволю себе лишь общую ссылку на страницы 534—545 стенограммы суда[121]. Затем, в 1936 году, опять налицо необходимость в действиях, направленных против западных держав — оккупация Рейнской области. И вновь обманное заверение Австрии в договоре от 11 июля 1936 года, и то, что оно было обманным, доказывается письмами подсудимого Папена — доказательства USA-64 и -67, на одно из которых недавно ссылался мой друг майор Баррингтон.

Затем в 1937—1938 годах — обратитесь к следующему столбцу — акция была направлена против Австрии. Мы знаем, что это было. Это было поглощение страны, запланированное во всяком случае окончательно на совещании 5 ноября 1937 года, а сама акция имела место 11 марта 1938 года.

Нужно было успокоить западные державы. Итак, было дано заверение Бельгии 13 октября 1937 года, о чем говорил мой друг господин Робертс. Трибунал найдет ссылки на это на страницах 1100 — 1126 стенограммы суда[122].

Перейдем к следующему году, когда объектом агрессивного действия стала Чехословакия. Мне следовало бы сказать, что проводимые акции разделяют

---

[121] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 430-440.

[122] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том II Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 308 - 321.

периоды от 6 месяцев до 1 года. За это время произошел захват Судетской области в сентябре и поглощение всей Богемии и Моравии 15 марта 1939 года.

Тогда появилась необходимость успокоить Польшу, и поэтому Гитлер сделал по адресу Польши заверение 20 февраля 1938 года и повторил его 26 сентября 1938 года. Ложность этого заверения была неоднократно раскрыта в выступлении полковника Гриффит-Джонса по Польше, которое члены трибунала найдут на страницах 966 — 1016 стенограммы суда[123].

Затем, наконец, когда в следующем году акция была направлена против Польши с целью ее завоевания, заверение должно было быть дано России. Итак, 23 августа 1939 года был заключен пакт о ненападении, как это уже было показано трибуналу мистером Олдерменом, страницы 1160—1216 стенограммы суда[124].

Что касается представленной нами таблицы, о ней можно сказать: она говорит сама за себя. Но совершенно откровенное заявление подсудимого фон Нейрата, касающееся раннего периода, может быть найдено в записи беседы его с послом Соединенных Штатов господином Буллитом[125], которая имела место 18 мая 1936 года, страница 74 книги документов, документ L-159, USA-65. Я зачитаю первый абзац после введения, где говорится, что Буллит посетил подсудимого. Господин Буллит заявляет:

> «Нейрат сказал, что политика Германии заключалась в том, чтобы не проявлять никакой активности в вопросах внешней политики, пока не будет ремилитаризована Рейнская область,
> Он также пояснил, что пока не будет укреплена граница с Францией и Бельгией, Германия сделает все возможное, чтобы предотвратить, а не поощрить выступление нацистов в Австрии, и будет держаться спокойной линии поведения в отношении Чехословакии. Как только укрепления будут построены, а страны Центральной Европы осознают, что Франция не может напасть на Германию, когда она захочет, — все эти страны поймут необходимость пересмотра своих позиций во внешней политике и тогда образуются новые союзы»

Я напомню трибуналу, не цитируя ее, о беседе, на которую недавно ссылался мой друг, господин Баррингтон и которая имела место между подсудимым фон Папеном как послом и господином Мессершмитом. Она примерно такого же содержания.

Далее я перехожу к самой агрессии против Австрии и напоминаю трибуналу, что подсудимый фон Нейрат был в то время министром иностранных дел.

---

[123] Там же; стр. 211 – 279.

[124] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том II Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 347 - 380

[125] Уильям Буллит младший (1891 — 1967) — государственный и политический деятель США. Посол США в СССР в 1933-1936. Посол США во Франции в 1936-1940.

Во-первых, в течение раннего периода составления нацистских планов против Австрии в 1934 году. Трибунал найдет это в стенограмме суда на страницах 475 — 489[126]. Я напомню в общих чертах, что это касается убийства Дольфуса и других вспомогательных действий, которые впоследствии были так горячо одобрены.

Во-вторых, когда фальшивое заверение было дано Австрии 21 мая 1935 года, 11 июля 1936 года был заключен обманный договор с ней. Ссылка на эти действия имеется в документе ТС-26, GB-19, ТС-22, GB-20. Ссылка в стенограмме суда имеется на страницах 544 и 545[127].

В-третьих, когда подсудимый фон Папен проводил свои подпольные интриги в период с 1935 по 1937 год. Я снова ссылаюсь для сведения трибунала на документ PS-2247, USA-64, письмо, датированное 17 мая 1945 года, и документ PS-2246, USA-67, от 1 сентября 1936 года. Ссылки в стенограммах суда имеются на страницах 492[128], 516 — 518[129], 526 — 545[130] и 553 — 554[131].

Подсудимый фон Нейрат присутствовал тогда, когда Гитлер 5 ноября 1937 года заявил о том, что германский вопрос может быть разрешен только силой и что в его планы входит захват Австрии и Чехословакии. Это документ PS-386, USA-25, который трибунал найдет на 82-й странице книги документов. Если вы посмотрите на 6-ю строчку сверху на странице 82, после заголовка вы увидите, что одним из присутствовавших на этом сугубо секретном совещании был рейхсминистр иностранных дел барон фон Нейрат.

Не зачитывая этот документ, на который неоднократно ссылались перед трибуналом, я только напомню, что отрывок о захвате Австрии находится на странице 86, и, если члены трибунала посмотрят на нее, то после второго и третьего пункта следующее предложение гласит:

> «Для улучшения нашего военно-политического положения нашей первой целью при любой ситуации, связанной с военными действиями, было завоевать Чехословакию и Австрию одновременно для того, чтобы избежать любой угрозы с флангов в случае вероятного наступления на Запад».

Далее это положение развивается на следующей странице. Важный пункт заключается в том, что подсудимый присутствовал на этом совещании и поэтому после этого совещания он не может не согласиться с тем, что он действовал с

---

[126] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том II Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 394-406.

[127] Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 426.

[128] Там же; стр. 405.

[129] Там же; стр. 411- 412

[130] Там же; стр.420 – 431.

[131] Там же; стр. 438.

открытыми глазами и с полным пониманием того, что предполагалось осуществить.

Затем идет следующий пункт. Во время проведения аншлюса он получил ноту от британского посла, датированную 11 марта 1938 года. Это документ PS-3045, USA-127. Он послал ответ, который содержится в документе PS-3287, USA-128. Я очень коротко напомню трибуналу о нем, насколько это необходимо. На этот документ уже ссылались раньше. Я обращаю внимание трибунала на абзац в начале 93-й страницы.

Подсудимый фон Нейрат заявляет:

> «Неправда, что Рейх употребил насильственное давление для того, чтобы добиться нужного ей развития хода событий, особенно является неправдой утверждение, которое было распространено позднее бывшим канцлером Шушнигом о том, что германское правительство представило федеральному президенту ультиматум с рядом условий. Это является чистым измышлением».

Согласно этому ультиматуму, он должен был назначить канцлером предлагаемого кандидата для того, чтобы сформировать кабинет, отвечающий предложениям германского правительства. В противном случае предполагалось вторжение германских войск в Австрию.

> «Правда заключается в том, что вопрос о направлении военных или полицейских сил из Рейха возник только тогда, когда вновь сформированный австрийский кабинет дослал германскому правительству телеграмму, уже опубликованную прессой, настойчиво запрашивая о срочной посылке германских войск для восстановления мира и порядка. Тогда германское правительство, оказавшись перед лицом немедленной угрозы кровавой гражданской войны в Австрии, решило удовлетворить эту обращенную к нему просьбу».

Как я уже сказал, милорд, это два наиболее лживых утверждения, и любой скажет по этому поводу, что подсудимый должен был обладать мрачным юмором, чтобы писать подобное тогда, как правдой было то, что уже известно трибуналу на основании следующих данных: отчета гауляйтера Райнера Бюркелю, который был уже представлен трибуналу как документ PS-812, USA-61; полностью оглашенных перед трибуналом записей бесед по телефону Геринга с Австрией, которые имели место в тот день и которые изложены в документе PS-2949, USA-76; отрывков из дневника Йодля за 11, 13 и 14 февраля, которые имеются в документе PS-1780, USA-72.

При этом обилии доказательств лживости заявлений подсудимого трибунал, пожалуй, сочтет, что наиболее ясной и очевидной поправкой к его утверждениям являются стенографические записи бесед Геринга по телефону, содержание которых неоднократно подкреплялось другими документами.

Обвинение считает непостижимым, чтобы этот подсудимый который

согласно дневнику подсудимого Йодля, я прошу трибунал взглянуть на страницу 116 для того, чтобы уточнить этот вопрос? Это 116-я страница книги документов, запись в дневнике подсудимого Йодля от 10 марта. В третьем абзаце говорится:

> «В 13 часов генерал Кейтель информирует начальника штаба оперативного руководства и адмирала Канариса[132]. Риббентроп задерживается в Лондоне. Нейрат принимает на себя министерство иностранных дел».

Я заявляю, что нельзя представить себе, чтобы, приняв министерство иностранных дел и занимаясь этим вопросом и, как я покажу трибуналу через минуту, сотрудничая с подсудимым Герингом для того, чтобы приспособиться к обидчивости и восприимчивости чехов, этот подсудимый мог настолько не знать правду о событиях и о том, что происходило в действительности, чтобы честно и искренне написать такое письмо.

Его положение может быть также достаточно ясно охарактеризовано той оценкой, которая дается ему в письменном показании Мессершмита, в документе PS-2385, USA-68. Если члены трибунала обратятся к странице 107 книги документов, я напомню им об этой записи, в которой точно описываются действия и характер деятельности подсудимого во время этого кризиса. Опуская две трети страницы, читаю абзац внизу, который начинается словами:

> «Я должен подчеркнуть здесь в этих показаниях, что люди, которые давали эти обещания, были не только закоренелые нацисты, но и более консервативные немцы, которые уже начали по собственной доброй воле посвящать себя выполнению нацистской программы.
>
> В официальном сообщении в министерство иностранных дел США из Вены 10 октября 1935 года я писал следующее:
>
> «Европа не избавится от мифа о том, что Нейрат, Папен и Макензен не опасные люди и что они являются «дипломатами старой школы». На самом деле они являются орудием режима, рабски служат ему, и именно потому, что внешний мир расценивает их как безвредных, они могут проводить свою работу наиболее эффективно. Они способны посеять раздор именно потому, что распространяют миф о том, что они не сочувствуют режиму...».

Председатель: Трибунал откладывается.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 24 января 1946*]

---

[132] Вильгельм Канарис (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, адмирал, начальник службы военной разведки и контрразведки в нацистской Германии (1935—1944). Участник заговора против Гитлера. Казнён 9 апреля 1945 года.

День сорок второй

Четверг, 24 января 1946

Утренее заседание

Пристав: С позволения вашей чести, подсудимый Штрайхер и подсудимый Кальтенбруннер отсутствуют этим утром из-за болезни.

Максвелл-Файф: Господа судьи, до того, как состоялся перерыв, я остановился на роли подсудимого Нейрата в агрессии против Австрии. Прежде чем перейти к следующей стадии представления доказательств, я прошу трибунал соблаговолить обратить внимание на подлинник документа PS-3287, USA-128, из которого я буду зачитывать выдержки. Это письмо подсудимого, адресованное сэру Невилу Гендерсону[133], который в то время был английским послом в Германии. Я был бы благодарен господам судьям, если бы они взглянули на страницу 92 книги документов. Когда я говорю «подлинник», я имею в виду заверенную английским МИДом копию этого документа. Бланк озаглавлен: «Председатель тайного правительственного совета». Трибунал должен запомнить это обстоятельство. Было подвергнуто сомнению существование или деятельность этого органа, а заголовок на бланке показывает, что подсудимый занимал должность, указанную в заголовке.

На следующей стадии агрессии против Австрии, во время оккупации Австрии, этот подсудимый дал заверения господину Мастны[134], чехословацкому послу в Берлине, относительно того, что независимость Чехословакии будет уважаться. Этот документ находится на 123-й странице. Документ TC-27, GB-21, который уже был представлен в качестве доказательства. Это документ, направленный лорду Галифаксу[135], который тогда был британским министром иностранных дел. Я хотел бы зачитать второй абзац для того, чтобы напомнить трибуналу, при каких обстоятельствах он был написан. Господин Масарик[136] писал:

«В результате я получил поручение от моего правительства довести до

---

[133] Невил Гендерсон (1882 – 1942) – британский дипломат. Посол Великобритании в Германии в 1937-1939.

[134] Войцех Мастны (1874 – 1954) – чехословацкий дипломат. Посланник Чехословакии в Берлине в 1932 – 1939.

[135] Эдуард Фредерик Линдли Вуд (1881 — 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. В 1934 — виконт Галифакс, в 1944 — граф Галифакс. Министр иностранных дел Великобритании в 1938-1940.

[136] Ян Масарик (1886 — 1948) — чехословацкий дипломатический и государственный деятель. В 1940—1948 годах — министр иностранных дел Чехословакии. Сын первого президента Чехословакии Томаша Масарика. Посол Чехословакии в Великобритании в 1925 – 1935.

> сведения правительства Его Величества следующие факты: вчера вечером (11 марта) фельдмаршал Геринг сделал два отдельных заявления господину Мастному, чехословацкому послу в Берлине, и заверил его, что события в Австрии никоим образом отрицательно не отразятся на отношениях между Германским Рейхом и Чехословакией, и подчеркнул постоянное и искреннее стремление со стороны Германии улучшать эти взаимоотношения».

Затем приводятся подробности того, как это было подано подсудимому Герингу, о чем уже говорилось трибуналу, и я не буду еще раз их оглашать. Затем в 6-м абзаце говорится: «Господин Мастны имел возможность, со своей стороны, представить ему определенные заверения по этому вопросу, — то есть представить подсудимому Герингу данные по вопросу мобилизации чешской армии, и далее говорится:

> «…и сегодня говорил с бароном фон Нейратом, который, помимо прочих вопросов, заверил его от имени господина Гитлера, что Германия по-прежнему считает себя связанной с Чехословакией арбитражной конвенцией[137], которая была заключена в Локарно в октябре 1925 года».

Принимая во внимание тот факт, что подсудимый фон Нейрат 4 месяцами ранее присутствовал на совещании 5 ноября, на котором он слышал высказывания Гитлера относительно Чехословакии, а это было всего за шесть месяцев до того, как этот договор был нарушен, я утверждаю, что этот абзац является превосходным примером той тактики, первейшим мастером которой является подсудимый.

Теперь я перехожу к вопросу об агрессии против Чехословакии. 28 мая 1938 года Гитлер созвал совещание ответственных руководителей, на котором присутствовали Бек[138], фон Браухич[139], Рёдер, Кейтель, Геринг и Риббентроп. На этом совещании Гитлер вновь подтвердил необходимость завершения подготовки военных действий против Чехословакии к октябрю, существует предположение, хотя я могу открыто сказать, что это не подтверждено, что на этом совещании присутствовал также и подсудимый фон Нейрат. Об этом совещании говорилось на страницах 742 и 743 стенограммы суда[140].

Председатель: Сэр Дэвид, имеются ли какие-либо доказательства этого?

Максвелл-Файф: Нет. Ваша честь вспомнит эти документы, целый ряд

---

[137] Локарнские договоры 1925 года — семь договоров, ставших итогом переговоров, проходивших в швейцарском Локарно с 5 по 16 октября 1925 года и подписанных 1 декабря в Лондоне. Они вступили в действие 10 сентября 1926 года, когда Германия стала членом Лиги Наций.

[138] Людвиг Бек (1880 — 1944) — генерал-полковник германской армии (1938 год). Начальник генерального штаба сухопутных войск в 1935—1938 годах. Лидер выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Покончил жизнь самоубийством.

[139] Вальтер фон Браухич (1881 — 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-фельдмаршал немецкой армии (с 1940). Умер в госпитале для военнопленных.

[140] Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I Издание второе исправленное и дополненное / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2019.; стр. 46.

документов. Там ничего не было сказано о том, кто присутствовал на совещаниях. Поэтому я высказываю это предположение с оговоркой.

4 сентября 1938 года правительство, членом которого был фон Нейрат, приняло новый секретный закон об обороне Рейха, в котором возлагалась официальная ответственность на различных лиц в явном ожидании войны. Этот закон предусматривал так же, как и предыдущий секретный закон об обороне Рейха, создание «совета обороны Рейха», который должен был действовать как высший орган политического руководства подготовки войны. Трибунал вспомнит, что я уже ссылался на документ PS-2194, USA-36, где излагаются эти факты. Затем было заключено Мюнхенское соглашение 29 сентября 1938 года, но, несмотря на это, 14 марта 1939 года германские войска вступили в Чехословакию и было издано воззвание к германскому народу и отдан приказ Вермахту. Это содержится в документе ТС-50, GB-7, который трибунал найдет на странице 124 книги документов. Ввиду того что на этот документ уже ссылались прежде, я не буду оглашать его еще раз.

16 марта 1939 года германское правительство, членом которого фон Нейрат все еще оставался, опубликовало декрет фюрера и рейхсканцлера относительно учреждения протектората Богемия и Моравия. Это было 16 марта. Об этом говорится на странице 126 книги документов, документ ТС-51, GB-8.

Я хотел бы ненадолго отвлечься от этой темы с тем, чтобы вернуться к ней вновь, когда я буду рассматривать вопрос создания протектората. Я скоро вновь вернусь к этому вопросу и оглашу статью 5. Но в хронологическом порядке события разворачивались следующим образом: на следующей неделе подсудимый фон Риббентроп подписал договор со Словакией, который имеется на странице 129 книги документов, и трибунал вспомнит статью 2 этого договора, которая гласит:

> «С целью придания эффективности защите, предпринимаемой Германским Рейхом, германские вооруженные силы будут пользоваться правом в любое время воздвигать военные сооружения и держать в них гарнизоны такой численности, которая покажется им необходимой. Гарнизоны будут находиться в области, ограниченной с западной стороны государственной границей Словакии и с восточной стороны — линией, которая проходит по восточным склонам Нижних Карпат, Белых Карпат и Яворникских гор.
>
> Правительство Словакии примет необходимые меры для того, чтобы обеспечить передачу территорий, необходимых для этих сооружений, германским вооруженным силам. Более того, правительство Словакии согласится сделать исключение из таможенных правил для предметов импорта из Рейха, предназначенных для снабжения германских войск и строительства военных сооружений».

Трибунал согласится с тем, что основная цель политики Гитлера была

раскрыта на совещании, на котором присутствовал подсудимый, 5 ноября 1937 года. Это было возобновление «похода на Восток с целью завоевания жизненного пространства». Это явствует из разъяснения Гитлера относительно условий этого договора.

Теперь мы переходим к сути преступной деятельности подсудимого фон Нейрата. Он лично способствовал агрессии против Чехословакии и всего мира тем, что он согласился занять пост рейхспротектора Богемии и Моравии, и тем, что в действительности занимал этот пост. Он также активно участвовал в заговоре с целью мировой агрессии и занимал руководящее положение проведении в жизнь политики, обусловившей нарушение законов ведения войны и совершение преступлений против человечности.

Я надеюсь, что трибунал учтет, что я не намерен вновь касаться тех вопросов, которые были освещены моими коллегами, и не буду подробно останавливаться на преступлениях. Я хочу только показать совершенно отчетливо трибуналу, что основание для совершения этих преступлений было заложено теми законодательными положениями, которые принял подсудимый.

Во-первых, подсудимый фон Нейрат занял пост протектора, обладая самыми широкими правами. Законодательный акт, которым был создан протекторат, предусматривал – если трибунал будет любезен, вернуться на страницу 126 документальной книги (ТС-51, экземпляр GB-8) и посмотрит на статью V акта, она гласит следующее:

«1. Являясь попечителем интересов Рейха, фюрер и рейхсканцлер назначает рейхспротектора в Богемии и Моравии. Резиденция протектора будет в Праге.

2. На рейхспротектора как представителя фюрера и рейхсканцлера и как на уполномоченного правительства Рейха возлагается обязанность следить за соблюдением политических принципов, установленных фюрером и рейхсканцлером.

3. Рейхспротектор будет утверждать кандидатуры членов правительства протектората. Утверждение может быть отозвано.

4. Рейхспротектор пользуется правом получать информацию относительно всех мероприятий, проводимых правительством протектората, и может давать советы. Он может протестовать против мероприятий, которые могут причинить ущерб Рейху, и в случае, если промедление грозит опасностью, он может издавать декреты, необходимые в общих интересах.

5. Опубликование законов, декретов и других законодательных актов, равно как и исполнение административных мер и судебных постановлений, будет остановлено в случае протеста рейхспротектора».

С самого начала существования протектората верховная власть подсудимого фон Нейрата была закреплена путем издания целого ряда основополагающих декретов, которые я прошу трибунал принять без доказательства. Эти декреты составили фиктивную правовую базу для политики и программы, которые последовали за этим и которые были направлены к единой цели, а именно к систематическому разрушению национального единства чехов.

1. Декрет, которым «этнические немцы» в Чехословакии приобретали гражданство высшего разряда. Я сейчас ссылаюсь на декрет фюрера и рейхсканцлера относительно протектората, о котором я только что упоминал.

2. Акт относительно представительства в Рейхстаге Германии в расширенных границах лиц германской национальности, проживающих в протекторате. Этот акт был издан 13 апреля 1939 года.

3. Приказ от 20 апреля 1939 года относительно принятия в германское подданство бывших чехословацких граждан германского происхождения.

Затем был издан целый ряд декретов, которыми «этническим немцам» в Чехословакии предоставлялся статус, дающий предпочтение в вопросах, касающихся судебного разбирательства и других юридических вопросов:

1. Декрет от 14 апреля 1939 года относительно уголовного судопроизводства в протекторате Богемия и Моравия.

2. Декрет от 14 апреля 1939 года относительно судебного разбирательства гражданских дел.

3. Декрет от 8 мая 1939 года относительно судопроизводства в военных трибуналах.

Принятыми постановлениями протектору предоставлялись широкие полномочия изменять путем издания декртов национальные законы протектората. Об этом говорилось в постановлении по вопросу законодательства в протекторате от 7 июня 1939 года.

И, наконец, протектору предоставлялось право прибегать к помощи рейхсфюрера СС и главы германской полиции для того, чтобы принимать, в случае необходимости, такие полицейские меры, которые выходят за пределы обычных полицейских мер.

Ввиду характера этого декрета, опубликованного в «Reichsgesetzblatt», — если трибуналу угодно просмотреть его и принять без доказательств, он имеется в книге документов на странице 131, — трудно себе представить, каковы могли быть полицейские меры, даже выходящие за пределы обычных полицейских мер, особенно если при этом вспомнить, какие полицейские меры применялись в самой Германии между 1933 и 1939 годом. Но если такое превышение было возможным, а, по всей видимости, оно было возможным, то подсудимый фон Нейрат использовал их для принуждения чехов.

Объявленная политика протектора была направлена к единой цели, а

именно: к уничтожению независимости чехов как нации и присоединению их территории к Рейху. Я прошу трибунал соблаговолить взглянуть на страницу 132 книги документов, где имеется документ PS-862, USA-313. Я думаю, что этот документ уже оглашался в суде, однако я прошу трибунал быть настолько любезным, чтобы разрешить мне еще раз огласить его, с тем чтобы показать существо этого документа.

Этот меморандум подписан генерал-лейтенантом пехоты Фридериче[141]. Он написан на бланке, озаглавленном: «Заместитель командующего вооруженными силами при рейхспротекторе Богемии и Моравии». Он обозначен как совершенно секретный документ и датирован 15 октября 1940 года. Он был издан за год до того, как подсудимый покинул свой пост, как это он показал, 27 сентября 1941 года. Этот меморандум озаглавлен: «Основные принципы политики в протекторате» и был отпечатан в 4-х экземплярах. Он был направлен также подсудимому Кейтелю и подсудимому Йодлю и начинался следующими словами: «9-го октября этого года — то есть 1940 года:

> «9-го октября этого года — то есть 1940 года — в ведомстве рейхспротектора состоялось официальное совещание, на котором государственный секретарь, группенфюрер СС К.Г.Франк[142] — это не подсудимый Франк, а его однофамилец — говорил следующее:
>
> «После создания протектората Богемия и Моравия партийные органы, промышленные круги, а также органы центрального правительства в Берлине рассматривали пути разрешения чешской проблемы».
>
> После тщательного изучения вопроса рейхспротектор выразил в форме меморандума свое мнение относительно различных планов. В этом меморандуме указывались три возможности разрешения этой проблемы.
>
> a.Германское проникновение в Моравию и перевод населения чешской национальности в оставшуюся часть Богемии. Это решение считается неудовлетворительным. Чешская проблема, хотя и в меньшей степени, все равно продолжала бы существовать.
>
> b. Многочисленные возражения могут быть выдвинуты против наиболее радикального пути разрешения этой проблемы, а именно против насильственной депортации всех чехов. В меморандуме делается заключение, что эта акция не может быть проведена в разумных границах времени.
>
> c. Ассимиляция чехов, то есть поглощение примерно половины

---

[141] Эрих Фредеричи (1885 – 1967) – немецкий военачальник. В 1939 – 1941 представитель Вермахта в Протекторате Богемия и Моравия.

[142] Карл Герман Франк (1898 — 1946) — видный деятель нацистской Судетской партии, один из руководителей оккупационного режима в Богемии и Моравии, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Казнён поприговору чехословацкого суда.

чешского народа германской нацией, поскольку это имеет положительное значение с радикальной или других точек зрения. Она будет проводиться, помимо других путей, также увеличением числа чешских рабочих, используемых на территории Рейха, за исключением пограничного района Судетской области, или, говоря другими словами, путем распыления сосредоточенного сейчас в одном месте чешского народа. Другая половина чешской национальности должна быть всеми возможными способами лишена всяких прав, ликвидирована или вывезена из страны. Это относится, в особенности к той части населения, которая в расовом отношении представляет собой монголоидов, и к большей части интеллигенции. Интеллигенцию едва ли можно перевоспитать в идеологическом отношении и она всегда будет представлять собой обузу, постоянно претендуя на руководящую роль по отношению к другим классам чешского населения и препятствуя, таким образом, быстрой ассимиляции.

Те элементы, которые препятствуют задуманной германизации, должны подвергаться жестокому обращению и подлежат истреблению.

Вышеуказанное развитие (ассимиляция), естественно, предполагает усиленный приток немцев с территории Рейха в протекторат.

После обсуждения вопроса фюрер избрал решение «с» (ассимиляцию) в качестве директивной установки при решении чешской проблемы и приказал, что, наряду с внешним сохранением автономии протектората, в течение ближайших лет следует проводить германизацию единообразным путем под руководством ведомства рейхспротектора.

Из вышеуказанного никаких особых заключений не вытекает для вооруженных сил. Эта установка всегда существовала. В этой связи я ссылаюсь на мой меморандум, который был направлен начальнику штаба верховного командования вооруженными силами от 12 июля 1939 года и который был озаглавлен «Чешская проблема».

Этот меморандум подписан, как я уже сказал, генерал-лейтенантом, заместителем командующего вооруженными силами.

Таким образом, это мнение рейхспротектора было принято и стало основой проводимой им политики. Результатом была политика укрепления германского контроля над Богемией и Моравией путем систематического угнетения чехов посредством отмены гражданских свобод и систематического разрушения национальной, политической, экономической и культурной системы путем режима террора, о котором будут говорить мои советские коллеги. Я полагаю, что они ясно

докажут, что единственная защита, которую обеспечивал этот подсудимый, была защита исполнителей бесчисленных преступлений.

Я уже обращал внимание трибунала на многочисленные награды и почести, которые получал этот подсудимый за его заслуги, и можно с полным основанием сказать, что Гитлер оказывал больше почестей фон Нейрату, чем некоторым нацистским руководителям, которые состояли в партии с момента ее создания. Назначение Нейрата на пост председателя вновь учрежденного тайного правительственного совета в 1938 году было само по себе новым и уникальным знаком почести. 22 сентября 1940 года Гитлер наградил его Железным крестом первой степени как рейхспротектора Богемии и Моравии.

Он также был награжден золотым значком партии и лично сам Гитлер возвел его из ранга группенфюрера в ранг обергруппенфюрера СС 21 июля 1943 года. Я также хочу сообщить трибуналу, что фон Нейрат и Риббентроп были двумя единственными немцами, получившими Орден орла — награду, которая обычно предназначалась только для иностранцев. Когда ему исполнилось 70 лет, — 2 февраля 1943 года — большинство немецких газет всячески восхваляли его многолетнюю деятельность в интересах нацистского режима. Эта деятельность, как утверждает обвинение, проходила в следующих двух направлениях:

1. Он представлял внутреннюю 5-ю колонну в консервативных политических кругах Германии. Эти круги ранее были настроены антинацистски, но частично изменили свои взгляды после того, как они увидели, что один из них, а именно этот подсудимый, чистосердечно перешел на сторону нацистов.

2. Его прежняя репутация как дипломата заставила общественное мнение за границей с трудом верить, что он может быть членом такого правительства, которое не выполняет своих обязательств и заверений. Для Гитлера было весьма важно, чтобы его собственное намерение нарушать все договоры и обязательства было скрыто как можно дольше. И для этой цели он нашел в этом подсудимом свое самое ловкое орудие.

На этом мы заканчиваем представление обвинения против подсудимого фон Нейрата.

Председатель: В связи с ходатайством, которое вчера заявил защитник подсудимого Гесса, трибунал откладывает презентацию индивидуального дела в отношении Гесса и продолжает с презентацией дела представителя Франции.

Дюбост: Мои британские и американские коллеги предъявили доказательства того, что подсудимые замыслили и осуществили план заговора с целью господства над Европой. Они показали вам, какие преступления против мира они совершили, развязывая несправедливые войны. Они показали вам, что все подсудимые, будучи руководителями нацистской Германии, заранее выработали план ведения несправедливых войн и участвовали в заговоре против мира.

Затем мои друзья и коллеги из французской делегации, господин Герцог,

господин Фор и господин Жертоффер, представили документы устанавливающие, что подсудимые, которые находились на важных постах в числе руководителей нацистской Германии являются ответственными за непрерывные нарушения законов и обычаев войны совершённые гражданами Рейха в ходе военных операций. Теперь нам остается рассказать о зверствах, жертвами которых стали мужчины, женщины и дети в оккупированных странах.

Мы намереваемся предъявить доказательства того, что подсудимые, будучи руководителями гитлеровской Германии, систематически проводили политику уничтожения, жестокость которой усиливалась день ото дня, вплоть до поражения немцев; что эти жестокости подсудимые задумали и осуществляли, что это входило в систему, которая должна была способствовать выполнению политического замысла. Именно этот политический замысел связывает воедино все те факты, которые мы намерены вам представить. Преступления против отдельных лиц и собственности, изложенные здесь французскими коллегами, тесно связываются с войной. Таким образом, они обладали четкими признаками военных преступлений в строгом понимании. Те преступления, о которых я буду говорить далее, превосходят все известные по значению и масштабам. Они являются частью политики экспансии и стремления к господству.

Наилучшее определение этой политики было дано самим Гитлером в его речи 16 мая 1927 г. в Мюнхене. Он говорил своим слушателям об опасности, которой якобы подвергалась уже высокоиндустриальная и богатая Германия, с населением в 70 миллионов человек, со стороны Франции, страны сельскохозяйственной, с 40 миллионами жителей. В этот день Гитлер сказал:

> «Есть только одна возможность у Германии избежать окружения, эта возможность — уничтожение государства, которое по своей природе всегда будет смертельным врагом Германии. Этот враг — Франция. Когда народ видит, что его существованию угрожает враг, тогда он должен иметь одну цель, а именно: уничтожение своего врага».

В течение первых месяцев после победы немцы, казалось, оставили свое намерение уничтожать население, но это была лишь тактика. Они надеялись вовлечь в войну против Англии, Советского Союза порабощенные ими западные нации и попеременно прибегая то к хитрости, то к насилию, они пытались заставить население этих стран сотрудничать с ними. Народ сопротивлялся. Тогда подсудимые отказались от этой тактики и снова стали замышлять осуществление своего большого плана истребления побежденных народов, стремясь захватить в Европе необходимые пространства для 250 миллионов немцев будущих поколений.

«Истребление», «уничтожение», «ликвидация» — это термины, взятые мной из речи Гитлера, — осуществлялись под различными предлогами: истребление низшей расы, или негроидов, уничтожение большевизма, ликвидация еврейского и масонского влияния, враждебных формированию «нового европейского порядка».

В действительности уничтожение, истребление и ликвидация являлись просто убийствами всех тех, кто противился нацизму. Все эти действия были направлены на то, чтобы понизить жизненный потенциал порабощенных народов.

Я сейчас предъявляю доказательства того, что все это проводилось в осуществление продуманного плана, существование которого доказано наличием аналогичных фактов, повторяющихся во всех оккупированных странах.

При наличии такого повторения и постоянства невозможно более говорить о том, что только тот, кто совершал эти зверства, повинен в них. Это повторение и это постоянство доказывают, что одна преступная воля объединяла всех членов немецкого правительства, все руководство Германии.

Эта общая воля породила официальную политику террора и истребления, которая направляла удары палачей. Именно участием в формировании этой общей воли каждый подсудимый поставил себя в ряд главных военных преступников.

Я вернусь к этому, когда закончу свою презентацию о фактах, я квалифицирую преступление в соответствии с правовой традицией моей страны.

Позвольте мне, с вашего любезного разрешения, представить вам некоторые указания о том, как я планирую провести свою презентацию.

Факты которые я докажу, являются результатом многочисленных показаний. Мы могли бы вызвать бесчисленных свидетелей для дачи показаний. Их заявления собраны французским ведомством по расследованию военных преступлений. Нам кажется, что будет проще и короче если мы представим вам фрагменты из показаний, которые мы получили в письменном виде.

С вашего разрешения, я ограничу себя оглашением фрагментов из письменных показаний собранных во Франции официальной организацией уполномоченной расследовать военные преступления. Однако если в ходе презентации потребуется обратиться к отдельным свидетелям, мы сделаем это, постоянно исходя из того, чтобы это не задерживало заседания и доставляя их как можно быстрее, с единственно возможным итогом, тем которого ожидает наш народ.

Все совершенные зверства полностью объясняются германской террористической политикой. С этой точки зрения у нее имеется прецедент в немецкой практике ведения войны. Мы все сохранили в своей памяти казни заложников в Динане во время войны 1914 года, казни заложников в цитадели Лаон или в Сен-Ло. Но нацизм усовершенствовал эту политику террора. Для него террор есть способ порабощения. Для нацизма террор есть средство подчинить все порабощенные народы целям своей политики.

Все французы еще хорошо помнят первые признаки политики террора во время оккупации. Они увидели на стенах Парижа, так же как и всюду, вплоть до самых малых селений Франции, всего несколько месяцев спустя после подписания перемирия, красные плакаты, окаймленные черным, возвещавшие о первых казнях

заложников. Мы знаем матерей, которые таким образом узнали о казни своих сыновей. Эти казни проводились оккупантами в связи с антигерманскими инцидентами, которые были ответом французского народа на официальную политику коллаборационизма. Было оказано организованное сопротивление этой политике, и вместе с ним возрастали репрессивные меры вплоть до 1944 года — кульминационного пункта германского террора во Франции и в оккупированных странах Запада. К этому времени армия, полиция, СС перестали говорить об истреблении заложников, они организовали настоящие карательные экспедиции, во время которых сжигали целые деревни, тысячи людей из гражданского населения были убиты, арестованы или угнаны. Правители Германии пытались оправдать такие преступные действия в глазах мировой общественности. Они разработали и издали настоящий кодекс о заложниках и делали вид, что хотят лишь заставить уважать право всякий раз, когда проводили казни под видом репрессалий[143].

Гаагская конвенция в статье 50 запрещает взятие заложников. Я зачитаю вам текст. Он находится в четвёртой конвенции, статья 50:

> «Никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния отдельных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения».
> (Документ номер RF-265).

Какое вероломство! Германский генеральный штаб, германское правительство старались заставить забыть об этом законе. Систематическое нарушение Гаагской конвенции стало законом.

Я опишу вам, как генеральный штаб присвоил себе мнимое право брать заложников, что нашло окончательное выражение во Франции в «кодексе Штюльпнагеля[144] о заложниках». Я покажу вам в краткой выдержке из документа, кто из подсудимых является главным виновником этого преступления.

15 февраля 1940 г. в секретном указании, адресованном подсудимому Герингу, ОКВ мотивирует взятие заложников. Этот документ датирован 15 февраля 1940 г. и озаглавлен: «Верховное командование вооруженных сил. Секретно. Рейхсминистру авиации и главнокомандующему воздушных сил.

> «Тема: Взятие заложников.
> По мнению ОКВ, взятие заложников оправдывается во всех случаях, когда это требует безопасность войск, действующих во исполнение приказов. К этому нужно будет прибегать в случаях сопротивления или враждебных действий населения в оккупированных районах при условии, однако, что войска находятся в бою или в таком положении,

---

[143] Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

[144] Карл-Генрих фон Штюльпнагель (1886 — 1944) — немецкий военный деятель, генерал пехоты (1939 год). Участник военных преступлений. Участник антитигитлеровского заговора 20 июля 1944 года. Повешен 30 августа 1944 года.

когда нет никакого другого способа обеспечить безопасность.

При отборе заложников они будут арестовываться лишь в том случае, если враждебные группы населения заинтересованы в том, чтобы они не были казнены. Заложники будут отбираться из тех кругов населения, от которых можно ожидать враждебных выпадов. Арест заложников должен производиться из числа лиц, участь которых может повлиять на руководителей сопротивления».

Этот документ приобщён французской делегацией как экземпляр RF-267.

Против этого, насколько мне известно, Геринг никогда не возражал. Вот еще документ — F-508, RF-268. Это инструкция командующего сухопутными силами во Франции, административный отдел, она подписана «Штроккус» 12 сентября 1940 г., спустя три месяца после оккупации. О заложниках в ней говорится следующее:

«Заложниками являются граждане страны, которые гарантируют своей жизнью безупречное поведение населения. Ответственность за их судьбу несут их соотечественники. Поэтому население должно знать, что заложники отвечают за враждебный поступок каждого в отдельности. Только французские граждане могут быть взяты в качестве заложников. Заложники могут отвечать за действия, совершенные только после их ареста и после публикации соответствующих условий».

Это аннулирует пять предшествующих распоряжений, изданных до 12 сентября 1940 г. По этому вопросу было издано несколько приказов. У нас имеется два распоряжения генерального штаба. Даты их указаны в начале документа RF-269: 2 ноября 1940 г. и 13 февраля 1941 г.

«Если акты насилия совершены населением в отношении лиц, принадлежащих к оккупационным силам, или военным помещениям и оборудованию причинены повреждения, или они подверглись разрушению, или если другие действия угрожают безопасности немецких управлений и отдельных частей, и если, в зависимости от обстоятельств, население, проживающее в месте совершения преступления, считается ответственным за эти акты диверсий или соучастие в них, могут быть приняты превентивные меры искупления с тем, чтобы гражданское население впредь побоялось бы совершать, провоцировать или терпеть подобные поступки. Должны предписываться такие меры, которые могут быть приведены в исполнение. Угрозы же, не приведенные в исполнение, есть признак слабости».

Это документы RF-268 и RF-269. (Документы номер F-508 и F-510).

До сих пор мы не находим в этих немецких текстах утверждения, что

взятие и казни заложников составляют право оккупационных властей. Но вот немецкий документ, который очень ясно формулирует эту мысль. По нашим описям он числится под номером RF-270, F-507, датирован 18 апреля 1944 г., Брюссель. Он исходит от главного судьи при главнокомандующем в Бельгии и в северной Франции и адресован германской комиссии по перемирию в Висбадене. На полях документа — заголовок: «Совершенно секретно. Тема: Убийство 8 террористов в Лилле 22 декабря 1943 г. На ваше письмо от 16 марта 1944 документ Лилль». В середине второго абзаца вы прочтете:

> «...К тому же я подтверждаю свою точку зрения, а именно, что меры, принятые главной полевой комендатурой в городе Лилле в ответ на письмо моей полицейской группы от 2 марта 1944 г., вопреки мнению комиссии по перемирию достаточно обновлены и дальнейшие объяснения излишни. Как раз комиссия по перемирию должна объявить французам, если есть необходимость входить в такого рода детали, что казни были произведены в соответствии с основными принципами правил, действующих для заложников».

Таким образом, здесь речь идет о государственной доктрине. Невиновные становятся заложниками. Они своей жизнью отвечают за поведение своих сограждан по отношению к немецкой армии. Если совершено нарушение, к которому они даже непричастны, всё равно они подвергаются коллективному наказанию вплоть до смертной казни. Это положение официально установлено германским верховным командованием. Кейтель 16 сентября 1941 г. подписал общий приказ, который здесь уже зачитывался, документ PS-389, RF-271. Действие этого приказа распространялось на все оккупированные области, как на Востоке, так и на Западе. В приказе имеется перечень тех, кому он должен быть направлен; в числе других упоминаются имена всех главнокомандующих в странах, оккупированных Германией: во Франции, Бельгии, Норвегии, Голландии, Дании, на Украине, в Сербии, Салониках, южной Греции, Крите. Этот приказ действовал в течение всей войны; мы располагаем текстом 1944, который относится к этому, это приказ Кейтеля, начальника ОКВ носящий яркий характер антикоммунистических репрессий и, кроме того, имевший целью проведение репрессий в отношении гражданского населения.

Приказ должен был касаться также командования воинских частей, находившихся на Западе. Согласно этому приказу во всех случаях, когда совершено нападение на германскую армию, необходимо считать.

> «Речь идет о массовом движении, руководимом Москвой в соответствии с общим планом, к которому можно отнести и отдельные действия, не имеющие большой важности, отмеченные в районах, которые до сих пор оставались спокойными».

В связи с этим Кейтель приказал, наряду с прочим, казнить от 50 до 100

коммунистов за одного убитого германского солдата. Таков политический смысл, который мы непрестанно обнаруживали во всех террористических действиях немцев. Для гитлеровской пропаганды всякое сопротивление, оказываемое Германии, являлось инспирированным коммунистами, если не коммунистическим по своей сути. Таким путем немцы рассчитывали отделить от движения Сопротивления националистов, которые, по их предположениям, были враждебны коммунистам. Нацисты преследовали еще и другую цель: они надеялись также — и это основное — разделить Францию и другие побежденные страны Запада на два враждебных лагеря и использовать один из них для борьбы против другого под предлогом борьбы с коммунистами.

Председатель: Удобно ли будет прерваться на 10 минут?

[*Объявлен перерыв*]

Дюбост: Этот приказ, подтвержденный подсудимым Кейтелем 24 сентября 1941 г., мы представляем под номером RF-272. Вы найдете его в книге документов под номером F-554. Я оглашаю первый абзац:

> «Следуя директивам, изданным фюрером, верховное командование вооруженных сил опубликовало приказ от 16 сентября 1941 г. о борьбе с революционным коммунистическим движением в оккупированных странах. Этот приказ был направлен министерству иностранных дел для сведения посла Риттеру[145]. В этом приказе, говорится о смертной казне в военных трибуналах.
>
> Согласно приказу, в будущем, на оккупированных территориях должны проводиться самые суровые меры».

Об отборе заложников говорится также в ранее оглашавшемся, изданном до начала немецкой агрессии против России, документе PS-877, о котором следует напомнить потому, что он показывает решимость военного командования Германии и нацистского правительства разделить оккупированные территории, подменить патриотический характер партизанского движения политическим, которого оно не имело. На странице 2, в абзаце 4 документа PS-877, который был представлен под номером RF-273, вы найдете следующие фразы:

> «Можно считать установленным, что, помимо противников, с которыми обычно сражались наши войска, на этот раз мы столкнулись с чрезвычайно опасными элементами из гражданского населения, разрушающими всякий - установленный порядок и проводящими еврейско-большевистскую философию. Нет никакого сомнения в том, что повсюду, где возможно, они коварно и тайно используют свое

[145] Карл Риттер (1883 — 1968) — дипломат, руководящий сотрудник рейхсминистерства иностранных дел Германии. В 1940—1945 годах являлся офицером связи МИДа при Верховном командовании вермахта.

разрушительное оружие против германской армии, которая борется за освобождение данной страны».

Этот документ является официальным документом, исходящим из ставки главного командования сухопутных сил. Он выражает основной принцип всего германского штаба. Кейтель руководил разработкой этого принципа. Следовательно, он не только солдат подчинённый приказам своего правительства, но в то же время генерал, а также нацистский политик чьи действия как действия полководца так и политика служили гитлеровской политике. У вас имеются доказательства этого в документе, который я вам зачитал. Генерал, который является политиком, в нём политика и ведение войны смешались воедино. Это не удивительно для тех, кто знаком с немецким образом мысли, который никогда не разделял войну и политику. Разве не Клаузевиц[146] сказал о том, что война является продолжением политики другими средствами?

Это является прямым и тяжким обвинением против Кейтеля, но Кейтель — это германский генеральный штаб. Таким образом, обвинение направлено против этой организации. Вы видите из приводимого документа, что такое обвинение обоснованно потому, что генеральный штаб Германии замешан в преступной политике немецкого правительства.

В отношении Франции общие приказы Кейтеля были применены генералом Штюльпнагелем в его приказе от 30 сентября 1941 г., который известен во Франции под названием «кодекс о заложниках». Приказ от 30 сентября 1941 г. является существенным потому, что освещает обстоятельства, при которых расстреливались французские заложники. Я оглашаю этот документ, представляемый под номером PS-1588, RF-274.

«1. 22 августа 1941 г. я опубликовал следующее сообщение:

Утром 21 августа 1941 г. в Париже немецкий военнослужащий пал жертвой покушения. Поэтому я приказываю:

1) Чтобы французы, задержанные в настоящее время по любой причине немецкими властями или по их распоряжению, с 23 августа считались заложниками.

2) Некоторое число из этих заложников будет расстреляно в зависимости от серьезности совершенных действий.

2. 19 сентября 1941 г. я приказал послать ноту уполномоченному французского правительства при немецком командующем во Франции, чтобы с 19 сентября 1941 г. все французы мужского пола, которые арестованы французской администрацией по любому поводу либо находятся под арестом за коммунистическую или анархистскую деятельность, должны содержаться под арестом французской администрацией также и от имени военного командования во

---

[146] Карл фон Клаузевиц (1780 — 1831) — прусский военачальник, военный теоретик и историк.

Франции.

3. На основании моей ноты от 22 августа 1941 г. и моего приказа от 19 сентября 1941 г. следующие группы лиц или лица будут считаться заложниками:

a) французы, которые в настоящее время задержаны немецкими властями по любым причинам, например лица, арестованные полицией; лица, находящиеся в превентивном заключении; лица, отбывающие наказание;

b) французы, которые задерживаются во Франции французскими властями по требованию немецких властей; сюда относятся:

aa) французы, которые арестованы французскими властями за анархистскую или коммунистическую деятельность;

bb) французы, которые будут отбывать наказание — лишение свободы — под контролем французских властей по требованию немецких военных трибуналов;

cc) французы, которые по требованию немецких властей были арестованы французскими властями, или будут находиться под арестом, или будут передаваться французским властям немецкими властями для содержания их под арестом;

c) лица, не имеющие гражданства, которые достаточно долго живут во Франции, будут считаться французами в смысле моего объявления от 22 августа 1941 г.

III. Освобождение из-под стражи.

Лица, которые не находились под арестом к 22 августа и к 19 сентября 1941 г., но которые были арестованы позднее и все еще находятся под арестом, являются заложниками, начиная с даты ареста, если к ним применимы остальные изложенные условия.

Освобождение лиц, отбывающих наказание, по истечении срока или по всяким другим причинам не будет приостанавливаться моим объявлением от 22 августа 1941 г. Освобожденные лица более не являются заложниками.

Те, кто находится под арестом у французских властей за коммунистическую или анархистскую деятельность, могут освобождаться, как я уже сообщал французскому правительству, только с моего согласия…

VI. Списки заложников.

Если произойдет такое событие, которое в соответствии с моим объявлением от 22 августа 1941 г. вызовет необходимость расстрела заложников, то казнь должна быть произведена немедленно вслед за изданием соответствующего приказа. Таким образом, начальники

округов должны будут из общего количества заключенных заложников выбрать тех, которые по соображениям целесообразности могут быть казнены в первую очередь, и внести их в список заложников. Эти списки заложников являются основой для предложений, которые должны быть сделаны мне в каждом случае казни.

1. На основании наблюдений, сделанных до сих пор, надо сказать, что те, кто совершает покушения, большей частью принадлежат к коммунистическим или анархистским террористическим бандам. Таким образом, начальники округов должны отобрать из задержанных лиц тех, которые в прошлом являлись коммунистами или анархистами или участвовали в подобных организациях: они подлежат казни в первую очередь. При отборе необходимо учитывать, что воздействие казней заложников на тех, кто совершает террористические акты, и на тех лиц, которые во Франции или за границей несут моральную ответственность как издающие приказы или как пропагандирующие акты диверсий и террора, тем больше, чем большей известностью пользуются расстрелянные. Опыт показывает, что лица, издающие приказы, и политические круги, заинтересованные в совершении покушений, пренебрегают жизнью своих мелких сообщников и, напротив, стремятся максимально охранять жизнь своих старых и известных сотрудников. Поэтому в списки надо вносить в первую очередь:

a) бывших депутатов и деятелей коммунистических или анархистских организаций».

Господа, позвольте мне прокомментировать. В парламенте никогда не были представлены никакие анархистские организации ни в одной из наших палат, и данный параграф (а) мог относиться только к бывшим депутатам и сотрудникам коммунистических организаций о которых нам, более того известно, что некоторые были казнены немцами в качестве заложников.

«b) лиц умственного труда, которые содействовали распространению коммунистических идей устно или письменно;

c) лиц, которые своим поведением доказали свою опасную деятельность;

d) лиц, которые участвовали в распространении листовок».

При отборе руководствовались лишь одним стремлением парализовать деятельность или уничтожить наиболее выдающихся личностей. Мы увидим, что в соответствии с параграфом «b» немцы расстреляли в 1941 и 1942 гг. в Париже и в провинциальных городах большое число лиц из интеллигенции, среди которых

были такие, как Соломон[147] и Политцер[148].

Я еще возвращусь к этим казням, когда буду приводить вам примеры немецких жестокостей, совершенных по отношению к заложникам во Франции.

«2. Список заложников, взятых из числа французских заключенных — сторонников де Голля[149], должен быть составлен в соответствии с этими же директивами.

3. Этнические чистокровные немцы, состоящие во французском подданстве, которые арестованы за коммунистичекую или анархистскую деятельность, также могут включаться в эти списки. Их немецкое происхождение должно указываться в прилагаемой к списку анкете.

Лица, которые были осуждены к смерти и позднее помилованы, тоже могут заноситься в эти списки…

5. В списки по округам должно заноситься по 150 человек, а в районе большого Парижа — от 300 до 400 человек. По возможности надо казнить лиц, проживающих в районе, где совершено преступление. Поэтому начальники округов должны каждый раз заносить в списки тех лиц, последнее местожительство которых находилось в этом округе.

Списки должны быть всегда наготове. В них должны вноситься изменения в соответствии с новыми арестами и освобождениями.

VII. Предложения, касающиеся казней.

Если происходит какое-либо событие, вызывающее необходимость казни заложников, в соответствии с моим объявлением от 22 августа 1941 г. начальник округа, в котором это событие имело место, должен выбрать из списка заложников лиц, которых он хочет предложить для казни. По мере возможности он должен выбирать заложников, принадлежащих к той среде, из которой предположительно вышло лицо, совершившее данное преступление».

Я пропускаю абзац:

«Для казни следует отбирать только тех лиц, которые в момент покушения уже находились под арестом.

В этом предложении должны указываться фамилии и число людей, которых предполагают казнить, и порядок очередности их отбора».

В самом конце параграфа VIII, мы читаем:

---

[147] Жак Соломон (1908 – 1942) – французский физик. Деятель Французской коммунистической партии. Расстрелян как заложник за нападение на немецких солдат во Франции.

[148] Жорж Политцер (1903 – 1942) – французский философ. Деятель Французской коммунистической партии. Расстрелян как заложник за нападение на немецких солдат во Франции.

[149] Шарль де Голль (1890 — 1970) — французский военный и государственный деятель, генерал. Во время Второй мировой войны стал символом французского Сопротивления. Основатель и первый президент (1959—1969) Пятой республики.

«Следует избегать захоронения большого числа трупов в общей могиле в одном месте, чтобы не создавать места паломничества для значительного числа лиц, так как позднее эти места погребения могут быть использованы в интересах антинемецкой пропаганды. Вот почему, насколько возможно, погребение должно всегда производиться в различных местах».

Параллельно с этим документом, касающимся Франции, существует приказ Фалькенхаузена[150] от 19 сентября 1941 г. относительно Бельгии; вы найдете его на странице 6 официального доклада о Бельгии, документ F-683, RF-275.

Председатель: Бельгийский документ по существу сформулирован таким же образом как тот, что вы прочли?

Дюбост: Так точно.

Председатель: Тогда я думаю, не требуется читать его.

Дюбост: Как пожелаете. В таком случае также не потребуется полностью оглашать предупреждение Зейсс-Инкварта о Голландии.

Я думаю, что указывая на экземпляры в вашей документальной книге, вы сможете познакомиться с доказательствами которые подтверждают то, что я прочёл вам из приказа Штюльпнагеля.

Относительно Норвегии и Дании существует телеграфное распоряжение Кейтеля на имя главнокомандования военно-морским флотом, датированное 30 ноября 1944 г., которое вы найдете в книге документов под номером С-48, RF-280.

«Каждый рабочий верфи должен знать, что всякий акт диверсии, происходящий в районе его деятельности, повлечет самые серьезные последствия для него лично или для его близких, если он скроется».

Страница 2 документа PS-870, RF-281:

«4. Я только что получил по телеграфу распоряжение фельдмаршала Кейтеля, требующее издания приказа, согласно которому все причастные лица, а в случае необходимости также их ближайшие родственники будут подвергаться коллективной ответственности за акты саботажа, происходящие на предприятиях, где эти лица работают».

Автор этого документа, Тербовен, прибавляет следующую фразу, уличающую фельдмаршала Кейтеля:

«Это требование может быть выполнено успешно лишь в том случае, если я смогу действительно приступить к расстрелам».

Все эти документы будут представлены суду.

Председатель: Господин Дюбост, правильно ли я понимаю, что в Бельгии,

---

[150] Александр фон Фалькенхаузен (1878 — 1966) — генерал вермахта, в 1940—1944 годах — глава оккупационного правительства Бельгии. Бельгийским судом был приговорён к 12 годам лишения свободы. Помилован.

Голландии, Норвегии и Дании были изданы аналогичные распоряжения и приказы в отношении заложников?

Дюбост: Я именно собирался, господин председатель, зачитать те из них, которые касаются Бельгии, Голландии и Норвегии. Относительно Бельгии, например, на странице 6 документа F-683, который является официальным документом бельгийского министерства юстиции, в абзаце 5 вы найдете следующее:

> «Брюссель, 29 ноября 1945, I, рю де Турин. Распоряжение Фалькенхаузена от 19 сентября 1941.
>
> «В будущем население должно знать, что нападение на немецких военнослужащих или сотрудников немецкой полиции в тех случаях, когда виновные не могут быть арестованы, вызовет расстрел заложников, число которых будет определяться в соответствии с тяжестью совершенного и во всяком случае не менее пяти заложников, если нападение привело к смертельному исходу. Все политические заключенные в Бельгии будут отныне рассматриваться как заложники».

Председатель: Господин Дюбост, я бы не хотел, чтобы вы читали эти документы если они по существу имеют ту же форму, которую вы уже оглашали.

Дюбост: Ваша честь, они более или менее одинаковые. Я представляю их, потому что они образуют доказательство систематического повторения одинаковых методов для достижения одинаковых результатов. Но, если трибунал считает установленным, что данные методы систематически использовались в западных регионах, само собой, я избавлю вас от оглашения документов которые являются однообразными и которые по существу повторяют то, что было сказано в документе о Франции.

Председатель: Можете ли вы указать нам, какие документы относятся к Голландии, Норвегии, Бельгии и Дании?

Дюбост: Могу. Что касается Бельгии, то это документ F-683, страница 6, декрет Фалькенхаузена от 19 сентября 1941 г., представленный под номером RF-275. Документ является официальным докладом о злодеяниях главных немецких военных преступников в Бельгии.

Второй документ — С-46 от 24 ноября 1942 г., представленный под номером RF-276.

Относительно Голландии. Приказ Зейсс-Инкварта, документ F-224, который вы можете пожелать огласить, так как Зейсс-Инкварт является одним из подсудимых. Я приобщаю данный документ под номером экземпляра RF-279 и я цитирую:

> «За разрушения и нанесение ущерба железнодорожным постройкам, телефонной связи и отделениям почты вся ответственность возлагается на жителей территории данного объекта.

Проживающие в этих местах возмещают ущерб личным имуществом.

В иных случаях отдельные дома либо кварталы будут разрушены».

Председатель: Боюсь, я не знаю, где вы читаете. Какой параграф вы читаете?

Дюбост: Господин председатель, мне сказали, что данный документ не прилагается к голландскому докладу, я приобщу его в конце слушания, если получится.

Председатель: Очень хорошо.

Дюбост: Сейчас я процитирую другой документ, предупреждение Зейсс-Инкварта для Голландии.

Председатель: Какой номер?

Дюбост: Номер 152 в вашей документальной книге, о германском правосудии, который будет представлен завтра утром.

Относительно Норвегии и Дании мы имеем несколько документов, которые устанавливают, что такая же политика казней заложников проводилась и там. Эти документы представлены под номером С-48, RF-280.

Все эти специальные приказы, касающиеся каждой из оккупированных стран Запада, явились следствием основного приказа Кейтеля. Кейтель несет полную ответственность за развитие этой политики казней заложников. К нему поступали предупреждения, да и сами немецкие генералы признавали, что эта политика вышла за пределы той цели, которую она должна была преследовать, и могла стать опасной.

16 сентября 1942 г. генерал Фалькенхаузен написал письмо, из которого я процитирую один абзац. Это документ PS-1594, который я представляю под номером RF-283:

«При сем прилагаются данные о казнях заложников, проведенных до сего дня в моем секторе, и о событиях, послуживших причинами этих казней.

Во многих случаях, в особенности в наиболее важных, лица, производившие покушения, в последующем арестовывались и осуждались.

Эти результаты отнюдь не способствуют умиротворению. Такие меры являются не столь запугивающими, сколь разрушающими право и безопасность в глазах населения. Исчезает та пропасть, которая существовала между частью населения, находящейся под влиянием коммунистов, и остальным населением; все слои населения будут полны ненависти к оккупационным силам, что поможет вражеской пропаганде. Это опасно в военном отношении и неблагоприятно отразится на проведении общей политики. Подписано: Фалькенхаузен».

В документе PS-1587 (тот же немецкий генерал), высказывается ясная мысль:

«Кроме того я желаю вновь отметить следующее:

Во многих случаях лица, виновные в актах агрессии и диверсий, обнаруживались уже после того, как заложники в соответствии с полученными инструкциями были расстреляны непосредственно после того, как происходили эти акты саботажа. Настоящие же виновники зачастую принадлежали совершенно к другой среде, чем заложники. Без сомнения, в таких случаях казни заложников вызывают не страх, а, скорее, безразличное отношение населения к этим репрессиям и даже отрицательное отношение со стороны многих, кто раньше был пассивен. В этом случае казнь оказывает отрицательное действие с точки зрения интересов оккупационной власти и содействует стремлениям английских агентов, которые часто являются подстрекателями таких действий. Таким образом, необходимо осуществлять отсрочку казни в тех случаях, когда можно надеяться на арест настоящих виновников. Я прошу также дать мне право откладывать исполнение казни для того, чтобы достигнуть наибольшего успеха в борьбе против террористов».

Председатель: Известно, какая дата у документа?

Дюбост: Это после 16 сентября 1941. Мы не располагаем точной датой. Документ прилагается к другому документу, дата неразборчива, но это после приказа Кейтеля поскольку он приводит отчёт о казнях заложников проведённых в соотвествии с этим приказам. Он указывает на то, что после казни заложников обнаруживались виновники, что эффект был печальным и возникало негодование у части населения.

На второй странице документа PS-1587 вы найдете выдержку из ежемесячного отчета командующего немецкими вооруженными силами в Нидерландах за август 1942 года. Это новое предостережение Кейтелю:

«B) Особые происшествия и политическая ситуация.

При покушении на поезд с отпускниками, следовавший в Роттердам, был серьезно ранен голландский путевой сторож, который прикоснулся к металлическому проводу, присоединенному к взрывчатому веществу, и вызвал этим взрыв. Во всей голландской прессе было опубликовано о следующих мерах репрессии.

Крайний срок ареста лиц, совершивших эту акцию, был назначен на полночь 14 августа, причем населению было предложено содействовать аресту. Было назначено вознаграждение в сумме 100 тысяч флоринов за выдачу этих лиц, которая останется в тайне. В случае если лица, совершившие покушение, не будут за это время арестованы, будут казнены заложники. Железные дороги должны будут охраняться голландцами.

Несмотря на это предупреждение, виновник не появился и его никак

не могли найти, а нижеследующие лица, которые в течение нескольких недель находились под стражей в качестве, заложников, были расстреляны по приказу высшего руководителя СС и полиции».

Я перейду к перечислению имен. Я пропускаю следующий параграф.

Председатель: Не можете ли вы назвать их фамилии и титулы?

Дюбост: Рюйс, Виллем[151] — генеральный директор из Роттердама, граф ван Лимбург-Штирум[152] из Арнема, Роберт Бельде[153] — доктор юридических наук из Роттердама, Кристофель Бенненкерс[154] — бывший генеральный инспектор полиции, Роттердам; барон Александр Схиммельпеннинк ван дер Оие[155], Ноордгуве (Зеландия) Продолжаю оглашать выдержку из отчета:

«Общественное мнение было исключительно взволновано казнями заложников. Прилагаемые отчеты выражают то мнение, что с начала оккупации ни одно действие немцев не произвело большего впечатления. Многочисленные анонимные письма, так же как и письма подписанные, адресованные командующему вооруженными силами, которого все считали ответственным за эти неслыханные события, отражают различные чувства, овладевшие населением. В этих письмах, содержавших просьбы и убеждения не прибегать к чрезвычайным мерам, а также угрозы и осуждение, отражалось полное непонимание этих мер. Среди этой корреспонденции были письма, где содержались упреки в грубом нарушении международного права, упреки, несмотря ни на что, все же серьезно обоснованные и наводящие на размышления. В других же высказывались горькие жалобы идеалистов, которые, несмотря на все произошедшее, все еще считали, что существует какая-то возможность соглашения между Германией и Голландией, а сейчас потерпели разочарование. Кроме всего этого, напрашивается вывод, что такие методы на руку коммунистам, которые, будучи истинными заговорщиками, радуются тому, что таким образом для них сочетается приятное с полезным — казнят таких заложников.

Вкратце надо сказать, что такое возмущение, проникшее даже в ряды немногих голландцев-германофилов, раньше никогда не наблюдалось, такой ненависти раньше никогда не было. Подписано: Шнейдер, капитан».

Несмотря на эти предостережения подчиненных, ни Кейтель, ни

[151] Виллем Рюйс (1894 – 1942) – голландский предприниматель. Деятель движения Сопротивления. Директор верфи в Роттердаме. Расстрелян как заложник.
[152] Отто ван Лимбург-Штирум (1893 – 1942) – голландский аристократ.
[153] Роберт Бельде (1907 – 1942) – голландский юрист. Расстрелян в 1942 как заложник.
[154] Кристофель Беннекерс (1894 – 1942) – голландский деятель полиции. Расстрелян в 1942 как заложник.
[155] Александр Схиммельпенник ван дер Оие (1913 – 1942) – голландский аристократ. Расстрелян в 1942 как заложник.

генеральный штаб никогда не давали других приказов. Приказ от 16 сентября 1941 г. продолжал действовать. Когда я приведу примеры казней заложников во Франции, вы увидите, что многие из этих фактов относятся к 1942, 1943 и 1944 гг.
Председатель: Вероятно, лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения вашей чести, подсудимые Кальтенбруннер и Штрайхер отсутствуют во время вечернего заседания.
Председатель: Господин Дюбост, у трибунала была определённая трудность в следовании за документами которые вы цитировали, и кроме того трибунал понял, что переводчики имели определённую трудность, потому что документальные книги за исключением той которая есть у меня, не имеют никакого обозначения «PS» или других номеров, и сами по себе документы не пронумерованы по порядку. Поэтому членам трибунала очень трудно находить документы и переводчикам также крайне трудно находить какой-либо документ, который может быть у них.

Таким образом, эти вечером, будет уместно, чтобы вы были любезны указывать на документы и вручать их переводчикам и трибуналу с учётом достаточного времени которое требуется за которое можно найти документ, и также точно указывать какую часть документа вы хотите зачитать, то есть, начало ли это документа или первый абзац, или второй и тому подобное. Вы должны работать с нами если у нас будут трудности в следовании за вашими документами.
Дюбост: Хорошо, ваша честь.

Я предъявил вам доказательства, последовательно огласив ряд германских официальных документов, которые издавались высшими властями армии, партии и нацистского правительства, преднамеренно использовавшими эти документы в целях проведения преднамеренной террористической политики, заключающейся во взятии заложников.

Перед тем как перейти к исследованию нескольких конкретных примеров, мне кажется нужным ясно сказать, что, включала данная политика в виду текстов которые я процитировал.

Руководствуясь обстановкой, лиц, принадлежавших по выбору или этнически к побежденной нации или бывших ее сторонниками, хватали и содержали под стражей для обеспечения порядка в определенных районах или же после инцидентов, жертвами которых явились представители оккупационной армии. Этих лиц хватали и содержали под стражей для того, чтобы заставить население оккупированных территорий совершить ряд актов, предусмотренных

оккупационными властями, как-то: доносы, выплату коллективных штрафов, выдачу виновников покушений, совершенных против представителей германской армии, выдачу политических противников. Эти лица, арестованные на подобных основаниях, часто являлись в дальнейшем жертвами массовых убийств, совершавшихся в качестве репрессии.

Такие методы приводят к заключению, что заложник, человеческое существо являлся особым залогом, служившим гарантией безопасности врага. Это противоречит нормам свободы личности и человеческого достоинства. Все члены германского правительства несут общую ответственность за дачу подобного рода указаний и за то, что эти указания были проведены в жизнь в оккупированных странах. Ни один из членов германского правительства не может переложить эту ответственность на плечи своих подчиненных, сославшись на то, что последние проявили чрезмерное рвение, выполняя совершенно определенные приказы.

Мною было показано, что, напротив, неоднократно сами исполнители сообщали своим руководителям о последствиях морального порядка, которые возникали в результате проведения в жизнь террористической политики в отношении заложников, и мы знаем, что ни в одном изэтих случаев не было дано приказов, противоположных первоначальным. Нам известно, что при любых обстоятельствах первоначальный приказ всегда оставался в силе.

Я не буду перечислять всех казней заложников, за исключением нашей страны — Франции. В одной лишь Франции было казнено 29 660 человек. Это явствует из документа F-420, составленного в Париже 21 декабря 1945 г. Подлинник этого документа передается вам под номером RF-266. Этот документ находится в начале книги документов. Вы увидите точные данные в отношении каждого района, указывающие на число заложников, которые были там казнены:

> «Регион Лилля - 1143; Лаона – 222; Руана – 658; Анжера – 863; Орлеана – 501; Реймса – 353; Дижона – 1691; Пуатье – 82; Страсбурга – 211; Ренна – 974; Лиможа – 2863; Клермон-Феррана – 441; Лиона – 3674; Марселя – 1513; Монпелье – 785; Тулузы – 765; Бордо – 806; Нанси – 571; Меца – 220; Парижа – 11000; Ниццы – 324; Всего – 29600».

Я ограничусь в своей обвинительной речи несколькими типичными примерами казней, которые разоблачают политический план генерального штаба, предписывавшего их совершение, террористический план, заключавшийся в создании розни между французами и в усилении этой розни, если рассматривать вопрос в общих чертах. Это же относится к населению всех оккупированных стран. Я предъявляю документ, F-133, как экземпляр номер RF-288 который называется «Объявление для жителей Парижа» в заголовке вы увидите, что это дополнение к «Pariser Zeitung[156]». В этом документе воспроизведены некоторые из

[156] «Парижская газета» (нем.) – общенациональная ежедневная газета Франции во время оккупации. Издавалась с 1941

многочисленных объявлений, которые помещались в газетах с 1940 года по 1945 год и в которых сообщалось об арестах заложников в Париже, в районе Парижа и во Франции. Я оглашу лишь один из этих документов, который находится на второй странице, номер 6, от 19 сентября 1941 г. В этом документе вы обнаружите призыв к доносу, призыв к предательству. Вы увидите, как в нем используются средства коррупции, средства, систематически применявшиеся во всех странах Запада в течение оккупации, средства, с помощью которых стремились деморализовать население этих стран.

«Призыв к населению оккупированных стран.

21 августа трусливые убийцы напали на немецкого солдата и убили его. В связи с этим я приказал взять заложников. Я пригрозил расстрелять часть этих заложников в том случае, если подобные покушения повторятся.

Новые преступления заставили меня привести эту угрозу в исполнение. Несмотря на это, многочисленные покушения имели место и в дальнейшем.

Я признаю, что население в своем большинстве сознает свой долг, который заключается в оказании помощи оккупационным властям, в их усилиях, направленных на поддержание спокойствия и порядка в стране, что делается также и в интересах местного населения.

Имеется призыв к информаторам:

«Но среди вас имеются агенты, оплачиваемые державами-противниками Германии, преступные коммунистические элементы, которые имеют перед собой единственную цель — посеять раздор между оккупирующей державой и французским населением. Эти лица проявляют безразличие к тем последствиям, которые могут быть вызваны их деятельностью в отношении всего населения.

Я не хочу далее подвергать угрозе жизнь германских солдат. Для того чтобы выполнить свой долг, я не отступлю ни перед какими мерами, какими бы суровыми они ни были.

Но моим долгом также является признание ответственности всего населения, поскольку до настоящего времени не удалось схватить этих трусливых убийц и подвергнуть их наказанию, которого они достойны.

Я считаю себя вынужденным принять меры, и прежде всего в Париже, которые, к сожалению, создадут затруднения в обычной жизни населения. Французы, от вас самих зависит, усугублю ли я эти меры или же вновь откажусь от того, чтобы их использовать.

Я призываю вас всех, вашу администрацию и вашу полицию

по 1944.

содействовать путем проявления вами предельной бдительности и вашей личной активной помощи в аресте виновных. Необходимо предупреждать о преступных действиях и доносить на их участников в целях избежания критической ситуации, которая повергла бы всю страну в несчастье.

Тот, кто стреляет из засады в немецких солдат, которые выполняют здесь свой долг и которые обеспечивают поддержание нормальной жизни, не является патриотом, а трусливым убийцей и врагом всех достойных людей.

Французы! Я рассчитываю на ваше понимание данных мер, которые предприняты также и в ваших интересах. Подпись: Штюльпнагель».

Далее следуют многочисленные уведомления, в каждом из которых сообщается о казнях.

Под номером 8 на следующей странице вы обнаружите список, содержащий 12 имен, в числе которых фамилии трех наиболее видных парижских адвокатов, которые были расстреляны как якобы активные коммунисты: господин Питар[157], господин Хаджи[158], господин Рольникас[159].

В досье 21, предъявленном моим коллегой господином Жертоффером во время произнесения им обвинительной речи, касающейся экономики, вы обнаружите ряд аналогичных уведомлений, которые были опубликованы в официальном германском органе VOBIF.

Из этого уведомления от 16 сентября, в котором говорится о казни или, скорее, убийстве господина Питара и его товарищей, вы установите, что у убийц не было ни смелости, ни законных прав для того, чтобы признать, что они были парижскими адвокатами. Произошло ли это по ошибке? Я думаю, что это продуманная ложь, так как в то время требовался осторожный подход к наиболее видным деятелям: немцы еще надеялись отделить их от французского народа.

Я подробно опишу вам два случая, которые наполнили печалью сердца французов. Они имели место в октябре 1941 года, оба эти случая остались навсегда в памяти моих соотечественников. Они известны под названием «Казнь в Шатобриане и Бордо». Они приводятся в документе номер F-415 в вашей документальной книге, которую я представляю трибуналу как экземпляр номер RF-285.

После нападений на двух германских офицеров, нападений, имевших место в Нанте 20 октября 1941 г. и в Бордо спустя несколько дней, командование германской армии приняло решение использовать эти случаи для дачи

[157] Жорж Питар (1897 – 1941) – французский адвокат. Член Французской коммунистической партии. Расстрелян немцами.

[158] Антуан Хаджи (1904 – 1941) – французский юрист. Член Французской коммунистической партии. Расстрелян немцами.

[159] Мишель Рольникас (1908 – 1941) – французский юрист.

поучительного урока. 21 октября 1941 г. было опубликовано в газете «Le Phare[160]» следующее уведомление (страница 22 документа F-415):

«Уведомление. Трусливые преступники, оплачиваемые Англией и Москвой, утром 20 октября 1941 г. убили выстрелом в спину военного коменданта города Нанта. До настоящего времени убийцы еще не арестованы.

В качестве искупления за это преступление я предварительно приказал расстрелять 50 заложников. В связи с тяжестью преступления еще 50 заложников будут расстреляны в том случае, если преступники не будут арестованы к 24 часам 23 октября 1941 г.».

Условия, в которых были проведены меры репрессалий весьма подробно описаны. Штюльпнагель, который командовал германскими войсками во Франции, приказал министру внутренних дел сообщить имена заключенных. Их следовало отобрать из числа наиболее опасных коммунистов. Министр внутренних дел подготовил список, в который были включены имена 60 французов. Это был Пюшё[161]. Он был осуждён моими соотечественниками, приговорён к смерти и казнён.

Супрефект Шатобриана направил письмо в комендатуру Шатобриана в ответ на приказ полученный от министра внутренних дел:

«По результатам сегодняшней беседы, имею честь подтвердить вам, что министр внутренних дел сообщил сегодня генералу фон Штюльпнагелю в целях представления ему самых опасных коммунистических заключенных в числе которых содержащиеся в Шатобриане. В приложении находится список из 60 лиц которые были переданы».

На следующей странице германский приказ:

«В связи с убийством 20 октября 1941 г. военного коменданта города Нанта подполковника Хотца[162] и в соответствии с моим объявлением, опубликованным 22 августа 1941 г., а также в соответствии с приказом от 19 сентября 1941 г., отданным мной генеральному уполномоченному французского правительства, французы, имена которых далее следуют и которые находятся в настоящее время под стражей в качестве заложников, должны быть расстреляны».

На последующих страницах вы обнаружите перечень расстрелянных в тот же день лиц. Я не буду его оглашать, чтобы не перегружать предъявлением

[160] «Маяк» (фр.)

[161] Пьер Пюшё (1899 — 1944) — французский промышленник и фашистский политик, коллаборационист Второй мировой войны. Крупный предприниматель сталелитейного кластера. Член руководства Французской народной партии. Министр внутренних дел режима Виши в 1941—1942, организатор репрессий против движения Сопротивления. В 1943 бежал в Алжир. Казнён по приговору суда движения «Сражающаяся Франция».

[162] Карл Хотц (1877 – 1941) – офицер Вермахта. В 1940-1941 комендант Нанта. Убит коммунистическими активистами.

дополнительных материалов судебное разбирательство.

На 16 странице вы обнаружите список, который включает 48 имен. На 13-й странице вы обнаружите список лиц, расстрелянных в Нанте, а на 12-й странице список тех, кто был расстрелян в Шатобриане. И вы установите на основании этих списков, что тела расстрелянных были развезены для погребения по различным местам.

Опираясь на показания очевидцев, я сообщу вам сейчас, как происходило их погребение после того, как они были умерщвлены. На 3-й странице того же документа вы найдете письменное заявление господина Дюмениля[163] относительно казни 21 октября 1941 года. Это заявление было составлено на следующий день после казни. Второй абзац:

> «В 11 часов 30 минут в тюрьму Лафайет был вызван тюремный священник. Какой-то офицер передал, что ему поручено сообщить нескольким заключенным о том, что они будут расстреляны. После этого аббат остался наедине с 13-ю находившимися в тюрьме заложниками. Троих других заложников исповедовал в Ле Роше профессор колледжа Станислава аббат Тэон.
>
> Аббат Фонтэн сказал осужденным: «Господа, к сожалению, вы должны понять, что означает мое присутствие здесь». Затем он беседовал со всеми заключенными вместе и с каждым из них порознь в продолжение двух часов, которые, как сообщил офицер, им предоставили для приведения в порядок личных дел и сообщения последней воли семьям.
>
> Казнь была назначена на 14 часов. Полчаса предназначалось на путь к месту, где она должна была происходить. Но прошло два часа, еще час, потом еще один, пока, наконец, приехали за заключенными. Некоторые, оптимисты по натуре, как, например, господин Фурни[164], уже начали надеяться на новый приказ, отменяющий первоначальный, но аббат в это ни на минуту не верил.
>
> Все осужденные держали себя с исключительным мужеством, но более всех других его проявили молодые студенты Глу и Гролло, сказавшие, что лучше принять такую смерть, чем погибнуть при несчастном случае, не принеся пользы.
>
> В момент отправки заключенных к месту казни тюремному священнику, не объясняя причины, запретили их сопровождать. Он спустился с ними по тюремной лестнице к автомашине. Заключенные были скованы по двое. На третьем были наручники. Садясь в машину,

---

[163] Мишель Дюмениль де Грамон (1888 – 1953) – французский социалистический политик. Член масонского движения Франции.

[164] Александр Фурни (1898 – 1941) – французский юрист. Расстрелян немцами.

Глу и Гролло сделали последний прощальный жест, засмеявшись и помахав скованными вместе руками.

Подпись: Дюмениль, советник при кабинете».

16 человек было расстреляно в Нанте, 27 — в Шатобриане. Пятерых расстреляли в другом департаменте. Нам известны последние минуты жизни тех, кто был расстрелян в Шатобриане. Аббат Муайон, присутствовавший при этой казни, составил 22 октября отчет, в котором описал, как она происходила. Это 3-й абзац на 17-й странице предъявленного вам документа.

«Был прекрасный осенний день. Температура была очень мягкой. С утра приятно сияло солнце. Каждый в городе занимался обычными делами. В городе было большое движение, так как это была среда ярмарочный день. Население знало из газет и по пришедшим из Нанта сведениям, что на одной из улиц Нанта был убит немецкий офицер. Но оно не могло думать о том, что будет применена столь жестокая и столь массовая репрессивная мера. За несколько дней до этого в лагере Шуазель германские власти поместили в специальный барак группу заключенных, которых они намеревались использовать в качестве заложников в случае возникновения особых затруднений. Из их числа были взяты те, кого должны были расстрелять в этот вечер, 22 октября 1941 г.

Кюре из Бере завершал свой завтрак, когда пришел господин Моро, начальник лагеря в Шуазеле. Последний в нескольких словах объяснил ему причину своего прихода. Он явился по поручению господина Лекорна супрефекта Шатобриана, чтобы сообщить, что 27 человек, взятые из числа политических заключенных лагеря в Шуазеле, будут казнены во второй половине дня и господина ле Кюре просят поэтому немедленно прийти в лагерь, чтобы исповедать осужденных. Господин Кюре заявил, что готов выполнить эту свою тяжелую миссию, и отправился к заключенным, не задерживаясь ни минуты.

Когда священник явился туда, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей, господин супрефект находился среди заключенных. Он пришел сообщить им о том, какая ужасная участь их ожидает, и предложить незамедлительно написать прощальные письма семьям. В этот момент священник появился у входа в барак».

На странице 19-й вы обнаружите описание отправки к месту казни.

«Неожиданно раздался шум автомобилей. Дверь, которая была мною закрыта, чтобы я мог остаться наедине с заключенными, неожиданно отворилась. Появился германский офицер. Это был военный тюремный священник. Он произнес: «Господин ле Кюре, ваша миссия

окончена, вы должны немедленно удалиться».

Последние строки 4-го абзаца:

«Всем французам было строжайшим образом запрещено подходить к каменоломне — месту, где происходила казнь. Мне известно лишь то, что заключенных для совершения казни разбили на три группы по 9 человек, что все заключенные отказались завязать глаза, что юный Мокэ[165] был расстрелян уже после того, как упал, потеряв сознание, а также то, что последний пламенный возглас, который срывался с уст каждого, был: «Vive la France![166]»

На странице 21 того же документа — показание жандарма Русселя:

«22 октября 1941 г. около 15 ч. 30 м. я находился на улице 11 ноября в Шатобриане и увидел четыре или пять германских грузовиков (точное число я не могу указать), двигавшихся из лагеря Шуазель. Впереди ехала легковая автомашина, в которой находился германский офицер. Многочисленные гражданские лица в наручниках находились в грузовиках, они пели патриотические песни (Марсельезу[167], «Chant du Depart[168]» и т. д.). В одном из грузовиков ехали германские вооруженные солдаты.

Позже я узнал, что везли заложников, только что взятых в лагерь Шуазель, и их везли к каменоломне ла Саблиер, находившейся на пути в Суден, чтобы расстрелять в качестве заложников за убийство в Нанте германского полковника Хотца.

Примерно двумя часами позже те же грузовики возвратились из указанной каменоломни и въехали во двор замка в Шатобриане, где тела расстрелянных были перенесены в подземелье, и там они находились до тех пор, пока не были изготовлены гробы.

Во время возвращения из каменоломни грузовики были покрыты брезентом, с них не раздавалось никаких звуков, но из-под брезента струилась кровь, и на дороге от каменоломни до замка остался заметный узкий след крови.

На следующий день 23 октября тела расстрелянных были положены в гробы, которые увезли и погребли в 9-ти братских могилах, то есть по 3 тела в каждой. При этом не присутствовало ни одного француза, так как все входы в замок охранялись часовыми. Немцы позаботились о том, чтобы избрать места погребения в таких местах, с которыми полностью отсутствовало постоянное транспортное сообщение и,

---

[165] Ги Мокэ (1924 – 1941) – французский коммунист. Участник движения Сопротивления. Расстрелян немцами.

[166] «Да, здравствует Франция» (фр.)

[167] «Марсельеза» — гимн Французской Республики.

[168] «Походная песня» - во времена Первой Империи (1804—1814) применялась в качестве гимна Франции, сменив «Марсельезу», которая только после Июльской революции снова стала гимном страны.

вполне вероятно, это было сделано для того, чтобы значительное число их жителей не посещало могилы мучеников.

Я не присутствовал ни при отправке заложников из лагеря, ни при расстреле их в каменоломне ла Саблиер, так как подходы к этим местам охранялись германскими солдатами, вооруженными ручными пулеметами».

Почти в то же самое время, когда расстреляли 48 заложников, были расстреляны заложники в Бордо. Документ F-400 включает ряд документов, поступивших из префектуры Жиронды. Мы представляем его под номером RF-286.

Один из этих документов поступил из политического отдела Бордо и имеет номер F-400(b). Он датирован 22 октября 1941 года.

«В ходе происходившего вчера вечером в военной комендатуре Бордо совещания германские власти потребовали, чтобы я немедленно арестовал 100 человек, известных своими симпатиями к коммунистической партии или сторонников де Голля, которые будут рассматриваться в качестве заложников, а также, чтобы я произвел весьма значительное число обысков.

Эти мероприятия осуществляются, начиная с сегодняшнего утра; до настоящего времени мне не было сообщено никаких представляющих интерес сведений об их результатах. Кроме того, сегодня в 11 часов утра германские власти поставили меня в известность о мерах репрессалий, которые они решили предпринять в отношении местного населения».

Вот письмо, написанное генералом фон Фабером дю Фор[169], начальником районной администрации Бордо, префекту департамента Жиронды:

«Бордо, 23 октября 1941 г.

Префекту департамента Жиронды, Бордо.

В наказание за трусливое убийство военного советника Реймерса высшее военное командование во Франции отдало приказ о расстреле 50 заложников. Казнь состоится завтра утром.

В том случае, если убийцы не будут арестованы в наикратчайший срок, будут приняты дополнительно, как и во время событий в Нанте, самые суровые меры.

Имею честь сообщить вам об этом решении.

Начальник местной военной администрации – подписано - фон Фабер дю Фор».

И все упомянутые в письме лица были казнены. В предместье Парижа имеется пользующееся известностью место, ставшее для французов после освобождения местом паломничества. Это место — форт Роменвилль. В период

[169] Георг фон Фабер дю Фор (1886 – 1971) – немецкий генерал.

оккупации немцы превратили этот форт в место заключения заложников, откуда они брали свои жертвы в тех случаях, когда хотели осуществить репрессивные меры в связи с каким-либо патриотическим выступлением. Это оттуда были увезены профессора Жак Соломон, Декуртманш[170], Жорж Политцер, доктор Боэр[171] и шестеро других французов, которые были арестованы в марте 1942 года, подвергнуты пыткам в гестапо, а затем казнены без суда в мае 1942 года, за то, что не отказались от своих убеждений.

19 августа из этого форта было взято 27 заложников, среди них господин ле Галль, муниципальный советник в Париже. Все они были перевезены из форта Роменвилль на Мон-Валерьен и казнены.

В сентябре 1942 года было совершено покушение на германских солдат в кинотеатре «Rex[172]» в Париже. 20 сентября по указанию генерала Штюльпнагеля в газетах было опубликовано сообщение, в котором говорилось о том, что в наказание за это покушение он приказал расстрелять 116 заложников. В сообщении также указывалось о том, что будут приняты суровые меры по угону населения. Выдержка из газеты находится в документе F-402(b), RF-287.

В этом уведомлении говорится:

«В результате покушений, совершенных коммунистическими агентами и террористами, оплачиваемыми Англией, было убито и ранено несколько германских солдат и французских граждан.

В качестве меры репрессалии за эти покушения я приказал расстрелять 116 коммунистов, чье участие в террористических актах в качестве исполнителей или сообщников было установлено в результате признания.

Помимо этого был принят ряд других репрессивных мер в целях предупреждения инцидентов в связи с подготовляемыми коммунистами выступлениями днем 20 сентября 1942 г. Я приказываю следующее:

1. С субботы 19 сентября 1942 г. с 15 часов и до воскресенья 20 сентября 1942 г. до 24 часов все театры, кинематографы, кабаре и другие увеселительные заведения, предназначенные для французского населения департаментов Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, закрыть. Все публичные выступления, в том числе и спортивные, воспрещаются.

2. В воскресенье 20 сентября 1942 г. с 15 до 24 часов гражданам негерманского происхождения департаментов Сены, Сены и Уазы,

---

[170] Даниель Декуртманш (1910 – 1942) – французский писатель.Член Французской коммунистической партии. Расстрелян немцами.

[171] Жан-Клод Боэр (1910 – 1942) – французский врач. Член Французской коммунистической партии. Расстрелян немцами.

[172] «Владыка» (лат.) — самый крупный кинозал Парижа и Европы. Построен в 1932.

Сены и Марны, исключая лиц, которые представляют официальные органы, запрещается появляться на улицах и в публичных местах…».

В действительности 46 заложников из числа упомянутых 116 отобрали лишь днем 20 сентября. Немцы приказали передать заключенным форта Роменвилль газеты от 20 сентября, в которых сообщалось о решении верховного военного командования. Таким образом, заключенные форта Роменвилль узнали из газет, что во второй половине этого же дня часть из них будет отобрана и расстреляна.

Каждый из них находился весь день в ожидании того, что вечером он будет вызван, и те, кто были вызваны, знали заранее, какая участь их ожидает; все они умерли, будучи неповинными в тех преступлениях, за совершение которых они были казнены, так как ответственные за покушение в кинематографе «Rex» были задержаны спустя несколько дней.

В Бордо было казнено 70 других из общего числа 116 заложников, о которых сообщил генерал Штюльпнагель. В качестве репрессалии за убийство германского чиновника «Трудового фронта[173]» Риттера в Париже было расстреляно в конце сентября 1943 года еще 50 заложников. В воспроизведенной в том же документе газетной статье вы обнаружите уведомление, сделанное французскому населению об этой казни, документ F-402(c):

«Репрессалии за совершение террористических актов. За последнее время во Франции возросло число покушений и актов диверсий. В связи с этим по приказу германских властей 2 октября 1943 г. было расстреляно 50 террористов, так как было неопровержимо установлено их участие в террористических действиях и актах диверсий».

Все эти факты в отношении заложников, находившихся в форту Роменвилль, были сообщены нам одним из сотен французов, заключенных в этом форте, которому удалось спастись, господином Рабатэ[174], механиком, проживающим в Париже на улице Томб-Исуар, 69;

Он был допрошен в качестве свидетеля и дал следующие показания, документ F-402(a), RF-287:

«Нас было 70 человек, среди которых находились профессора Жак Соломон, Декуртманш, Жорж Политцер, доктор Боэр, господа Энгро[175], Дюдаш[176], Кадра[177], Далидэ[178], Голю и Пикан[179]. Все они, а

---

[173] «Германский трудовой фронт», DAF — в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей.

[174] Октав Рабатэ (1899 – 1964) – французский металлург. Член Французской коммунистической партии.

[175] Марсель Энгро (1917 - 1942) – французский моряк. Член Французской коммунистической партии. Расстрелян немцами.

[176] Жорж Дюдаш (1914 – 1942) – французский юрист. Член Французской коммунистической партии. Расстрелян немцами.

[177] Феликс Кадра (1914 – 1942) – французский ткач. Один из руководителей подполной коммунистической организации во Франции. Расстрелян немцами.

[178] Артур Далиде (1904 – 1942) – французский рабочий-металлург. Член Французской коммунистической партии.

также примерно такое же число женщин были расстреляны в мае 1942 года.

Некоторые из них были переведены немцами из парижской тюрьмы Сантэ, а большинство — из парижской тюрьмы Шерш-Миди в немецкий квартал, в дом в районе улицы де Соссэ, где нас поочередно допрашивал офицер Гестапо. Некоторых из нас, в частности, со слов жён, Политцера и Соломона, пытали вплоть до переломов рук и ног.

Офицер сделал мне следующее предупреждение во время допроса. Я повторяю его слова:

«Рабатэ, вам придется заговорить. Зять профессора Ланжевена[180] Жак Соломон пришел сюда с вызывающим видом, а вышел ползком».

После пятимесячного пребывания в тюрьме Шерш-Миди, во время которого мы узнали о казни в качестве заложников десяти заключенных, чьи имена уже были мною указаны, нас перевели 24 августа 1942 г. в форт Роменвилль.

Следует отметить, что, начиная с момента ареста, нам было запрещено вести переписку и получать письма, а также давать знать нашим семьям, где мы находимся. На дверях наших камер была надпись: «Все запрещается». Мы получали лишь тюремную пищу, состоявшую из 3/4 литра овощного супа и 200 граммов черного хлеба в день. Сухари, которые Красный Крест и квакерская[181] организация посылали в тюрьмы для политических заключенных, нам не передавали в связи с имевшимся запрещением.

В форте Роменвилль мы были отнесены к категории заключенных, «подвергнутых изоляции». Это слово соответствует сокращению «НН» (Nacht und Nebel[182]), о котором мы узнали в Германии».

Председатель: Господин Дюбост, трибунал считает, что если не имеется чего-либо специфического в том, что вы желаете прочесть в каком-либо документе, трибунал уже услышал о количестве заложников которых убили, и он считает, что это не является дополнением к таким сведениям – факты из данных документов.

Дюбост: Господин председатель, я думаю, что говорил вам о режиме которому подверглись эти люди, являясь заключёнными германской армии. Я считал своим долгом просветить трибунал о состоянии этих людей в германских тюрьмах.

Расстрелян немцами.

[179] Андре Пикан (1901 – 1942) – французский профсоюзный активист. Член Французской коммунистической партии. Расстрелян немцами.

[180] Поль Ланжевен (1872 — 1946) — французский физик и общественный деятель, создатель теории диамагнетизма и парамагнетизма.

[181] Квакеры - официальное самоназвание Религиозное общество Друзей — протестантское христианское движение.

[182] «Мрак и туман» (нем. «Nacht und Nebel») — директива Адольфа Гитлера от 7 декабря 1941 года, подписанная и приведенная в исполнение Главнокомандующим вооруженных сил Германии Вильгельмом Кейтелем. Директива разрешала похищение антинацистских политических активистов на всей территории, оккупированной Германией во время Второй мировой войны

Я считал своим долгом просветить трибунал по вопросу плохого обращения со стороны Гестапо, которое оставило зятя профессора Ланжевена со сломанными конечностями. Более того это имеется в показаниях.

Председатель: Конечно же, если есть вопросы такого рода которые, как вы считаете, требуют раскрытия, вы должны это делать, но мы думаем, что вы можете, в любом случае суммировать подробности отдельных расстрелов заложников. Но если имеются какие-либо конкретные жестокости, на которые вы хотите обратить наше внимание, конечно, делайте так.

Дюбост: Господин председатель, я привёл лишь два примера казней из многочисленных казней которые привели к 29660 смертям в моей стране.

Председатель: Продолжайте господин Дюбост.

Дюбост: В регионе Северная Франция, который в административном отношении был присоединен к Бельгии и находился под властью генерала Фалькенхаузена, осуществлялась та же политика истребления. Вы обнаружите в документе RF-133 репродукции многочисленных плакатов, в которых сообщается об арестах, казнях и депортации. В ряде объявлений имеется, помимо того, призыв к доносу, и они сходны с теми, которые я уже огласил, говоря о Франции. Тем не менее, вероятно следует обратить внимание на объявления, которые вы обнаружите на 3-й странице. В них говорится о казни 20 французов, которая, в соответствии с приказом, явилась наказанием за кражу. В объявлении, на 4-й странице, говорится о 15 французах, которые были казнены за то, что совершили нападение на железнодорожные сооружения. Наконец, в последнем объявлении, которое я упомяну и которое вы обнаружите на 8 и 9 страницах, сообщается о казнях, которые будут произведены; в нем же предлагается гражданскому населению, в том случае, если ему известны виновные, выдавать их германской армии.

В других странах Запада, помимо Франции, число подобных казней исключительно велико. В вашей документальной книге находится под документальным номером F-680, экземпляр номер RF-290, копия плаката военного главнокомандующего в Бельгии и Северной Франции, который объявляет об аресте в Турне 18 сентября 1941 25 жителей в качестве заложников и приводит условия при которых некоторые из них будут расстреляны если не будут найдены виновные. При этом есть важный документ F-680(a) — секретный отчет начальника германской полиции в Бельгии, датированный 13 декабря 1944 г. Он был составлен после полного освобождения Бельгии, и его автор, германский чиновник, хотел сообщить своему начальству общие итоги деятельности подведомственного ему учреждения в Бельгии.

На первой странице данного документа мы рассмотрим следующий отрывок:

> «Усиление подстрекательства населения с помощью вражеских радио и печати, акты терроризма и саботажа – это относится к

Бельгии, «пассивное отношение населения, в частности бельгийской администрации, полный провал работы прокуратуры, следственных судей и полиции по раскрытию и предотвращению террористических актов, в конце концов привели к превентивным и репрессивным мерам самого решительного характера, то есть, казням лиц связанных с виновниками.

Уже 19 октября 1941 г. после убийства в Турне двух полицейских, командующий сделал заявление, опубликованное в печати, относительно того, что все политические заключенные в Бельгии будут рассматриваться в качестве заложников с вытекающими отсюда последствиями. В северных департаментах Франции, которые подпадали под юрисдикцию того же военного главнокомандующего, предусмотренные этим приказом меры стали применяться еще раньше — с 26 августа 1941 г.

После убийства мэра Шарлеруа, члена партии рексистов[183] господина Теугеля[184], и после покушений на высших государственных чиновников военный главнокомандующий 27 ноября 1942 г. приказал казнить 8 террористов в Бельгии».

На следующей странице того же документа, номер F-680(b), вы обнаружите секретный приказ, датированный 22 апреля 1944 года, который исходит от военного губернатора в Бельгии и северной Франции. В нем говорится о репрессивных мерах за убийство двух валлонских[185] эсэсовцев которые сражались в Черкасах. В тот день было расстреляно пять заложников.

На следующей странице к именам этих заложников прибавлены имена еще 9-ти казненных; наконец, на другой странице — фамилия десятого. На следующей странице — еще 5 фамилий.

На предпоследней странице этого документа вы обнаружите предварительно составленный список лиц, которых должны были расстрелять за убийство эсэсовца. Сравните даты указанных списков и вы сможете судить о той жестокости, с которой было отомщено убийство двух эсэсовцев-валлонцев, предателей, добровольно вступивших в ряды СС.

Наконец, в документе под номером 7 вы обнаружите перечень имен 20-ти бельгийских патриотов, которые были убиты по тем же мотивам.

«Nouveau Journal[186]» за 25 апреля 1944 года.

---

[183] Рексизм (также «движение Рекс», Рексистская партия) — название фашистского движения в Бельгии. Основана в 1935. Распущена в 1944.

[184] Проспер Теугель (1889 – 1942) – бельгийский политик. В 1942 мэр г. Шарлеруа. Убит членом движения Сопротивления.

[185] Штурмовая бригада СС «Валлония» — образована 1 июня 1943 года на основе Валлонского легиона (валлонский пехотный батальон 373). На основе бригады 18 октября 1944 года была сформирована 28-я добровольческая танко-гренадерская дивизия СС «Валлония» (1-я валлонская).

[186] «Новый журнал» (бельг.) – бельгийская коллабрационисткая газета. Издавалась в 1940-1944.

Меры репрессалий за убийство солдат сражавшихся в Черкасах.

«Уведомление германских властей:

Губерт Штассен и Франсуа Муш, совершившие 6 апреля покушение на бойцов штурмовой бригады СС Валлония сражавшихся в Черкасах, не схвачены до сегодняшнего дня. В связи с этим в соответствии с заявлением, сделанным 10 апреля 1944 года, были расстреляны двадцать террористов»

«Ренатус Дирикс из Лувена; Франсуа Боэ из Лувена; Антуан Смец из Лувена; Жак ван Тильт из Хольсбека; Эмилиенс ван Тильт из Хольсбека; Францискус Эрц из Герента; Ян ван дер Эльст из Герента; Густав Моррен из Лувена; Ойген Хюпен из Шапель-лез-Эрлимон; Пьер Леруа из Буссе; Леон Герман из Монтиньи-сюр-Самбр; Феликс Труссон из Шофонтена; Йозеф Граб из Тирлемонта; Октавий Винтгенс из Белен-Хонтема; Станислав Мрозовски из Грац-Берлюра; Марсель Бор из Атю; Марсель Деон из Глена; Андре Крокелю из Пон де Брика, Болонья; Густав Хос из Монса; и еврей без гражданства Вальтер Крисс из Герента».

Председатель: Мы прервёмся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Дюбост: Что касается других стран, например Голландии, Норвегии, мы получили документы, которые мы представляем под номером RF-224(b), страница 2-я документа, экземпляры RF-291, 292 и 293.

Во французском тексте вы найдете длинный список казненных гражданских лиц вы также найдете отчет об этих казнях начальника уголовной полиции Мунта[187]. Заметьте, что он пытается снять с себя ответственность, но ему это, по-моему, не удается. Это документ номер RF-277 который уже представлен.

На странице 6-й вы найдете отчет о следствии, которое производилось в Голландии в результате обнаружения многочисленных трупов. Я не думаю, что требуется читать доклад. Он не приводит никакого нового фактического материала и просто иллюстрирует тезис, который я представил этим утром, о том, что во всех западных странах германские военные власти систематически проводили казни заложников в качестве репрессалии за акты сопротивления. В отчете о расследовании, проведенном в связи с массовыми казнями, которые производили немцы в Голландии, указывается, что 7 марта 1945 г. был отдан приказ расстрелять 80 заключенных. Власти, которые отдали этот приказ, заявили: «Все равно, откуда вы возьмете этих заключенных. Казнить без различия возраста, профессии, происхождения».

---

[187] Йоханнес Мунт (1906 - ?) – гауптштурмфюрер СС и криминалькомиссар. Сотрудник Гестапо в Гааге.

Трибунал увидит, что всего произошло 2080 казней. Следует отметить, что в качестве репрессалии за убийство эсэсовца, был уничтожен дом и казнены 10 голландцев и кроме этого было разрушено ещё два дома. В другом случае были казнены 10 голландцев. Всего 3 тысячи голландцев были расстреляны при тех же обстоятельствах, как это явствует из документа, составленного комиссией по расследованию военных преступлений и подписанного полковником бароном ван Тейл ван Сероскеркеном.

Документы приводят трибуналу приблизительное число жертв регион за регионом.

Хочу привлечь внимание трибунала к документу F-224, в котором приведен длинный список заложников, заключенных и погибших, которые были арестованы в Голландии. Трибунал уже, вероятно, отметил, что большинство этих заложников являются интеллигентами или очень крупными деятелями Голландии. В списке встречаются имена депутатов, сенаторов, адвокатов, священников, крупных чиновников; в список также включен бывший министр юстиции. Арестам систематически подвергалась избранная часть интеллигенции этой страны.

Что касается Норвегии, то в кратком отчете о казнях, которые совершали немцы в этой стране, говорится, документ F-240, RF-292:

> «26 апреля 1942 г. два германских полицейских, которые пытались арестовать двух норвежских патриотов, были убиты на одном острове у западного побережья Норвегии. В отместку за это четыре дня спустя 18 молодых людей были расстреляны без всякого суда. Эти 18 норвежцев находились в тюрьме с 22 февраля того же года и потому не принимали никакого участия в убийстве полицейских».

В первом абзаце французского перевода во французской документальной книге, что страница 22 норвежского оригинала говорится:

> «6 октября 1942, 10 норвежских граждан были казнены в качестве репрессалии за попытки саботажа.
>
> 20 июля 1944 неустановленное количество норвежцев было расстреляно без проведения суда. Их взяли из концентрационного лагеря. Причина ареста неизвестна.
>
> Наконец, после германской капитуляции, в могилах были обнаружены трупы 44 норвежских граждан. Все были застрелены и нам неизвестна причина их казни. О ней никогда не сообщалось, и мы не считаем, что их судили. Казни проводились посредством выстрела в шею или револьвером через ухо, руки жертв были связаны за спиной».

Эта информация предоставлена трибуналу норвежским правительством.

Я обращаю внимание трибунала на последний документ, номер R-134 (экземпляр RF-293), подписанный Тербовеном, который касается казни

18 норвежцев которых задержали при попытке нелегально выехать в Англию.

Тысячи и десятки тысяч граждан были казнены в западных странах без суда в качестве репрессалии за акты в которых они никогда не принимали участия. Мне не кажется нужным приводить больше таких примеров. Каждый из этих примеров включает индивидуальную ответственность которая не находится в компетенции данного трибунала. Примеры интересуют тем, что они демонстрируют то, что приказы подсудимых были выполнены, в частности, приказы Кейтеля.

Я полагаю, что я представил в этой связи уже много доказательств. Неоспоримо, что, во всяком случае, германская армия принимала участие в этих казнях, которые явились не только делом рук полиции или войск СС.

Кстати, они не дали ожидаемых результатов. Они не уменьшили число покушений, а, наоборот, увеличили их. Каждое покушение вызывало казнь заложников; каждый расстрел заложников вызывал в отместку новые покушения. Как общее правило, объявление о новых казнях заложников погружало страны в оцепенение и заставляло каждого гражданина осознавать судьбу своей родины, несмотря на усилия германской пропаганды. Можно было бы думать, что, ввиду провала этой политики террора, подсудимые изменили свое поведение. Однако они, наоборот, усугубляют свое поведение. Я постараюсь доказать вам это путем изложения материалов о деятельности полиции и правосудия, начиная с того момента, когда после провала политики казни заложников оставалось прибегнуть к германской полиции, чтобы продолжать держать оккупированные страны в порабощении. С самого начала оккупации германские власти все время осуществляли произвольные аресты, но со времени провала политики казни заложников (провал, который, как вы помните, в Бельгии констатировал генерал Фалькенхаузен) число произвольных арестов до того увеличилось, что этот вид арестов заменил аресты заложников.

Мы представляем трибуналу документ номер PS-715, экземпляр RF-294. Это документ об аресте высших офицеров, которые должны были быть перевезены в Германию для заключения в тюрьму на почетных условиях.

> «Тема: Меры, которые следует принять в отношении французских офицеров.
>
> По согласованию с германским посольством в Париже и с начальником полиции безопасности и СД главнокомандующий на Западе вносит следующие предложения:
>
> 1. Нижеперечисленные лица высшего командного состава будут арестованы и переведены в Германию для заключения в тюрьму на почетных условиях:
>
> Генералы армии: Фрер[188] который впоследствии умер в Германии

[188] Эбер Фрер (1881 – 1944) – французский генерал. В 1942 основал группу Сопротивления в армии. В 1943 г. арестован. Умер в концентрационном лагере.

после депортации, Жеродьяс[189], Картье[190], Ревер[191], де Латр де Тассиньи[192], Фернель де ля Лоуренси[193], Робер де Сен-Венсан[194], Лор[195], Дуайен[196], Пикендар, Миттелозер[197], Пакен.

Генералы воздушных сил: Бускат[198], Карэйон, де Грефье д`Аркур, Мушар[199], Меньдигаль, Разуа.

Полковники: Лорьо и Фонк[200]».

Речь идет в данном случае о генералах, имена которых имеют пропагандистское значение во Франции и за границей, или же взгляды и возможности которых представляют собой угрозу…

2.Кроме того, Arbeitsstab[201] во Франции выбрал из списка офицеров, приблизительно 120 офицеров, которые за последние годы проявили свои антигерманские взгляды. Со своей стороны служба безопасности (СД) представила список в 130 офицеров, которым были предварительно предъявлены различные обвинения. После составления обоих списков арест этих офицеров был подготовлен для более позднего периода, согласно обстановке.

В отношении всех офицеров французской армии времени заключения перемирия, начальник полиции безопасности в сотрудничестве с военным командованием западных территорий, назначил на один и тот же день проведение полицейской проверки квартир и профессий одновременно на всей территории».

На страницах 3, 7 и 8 я зачитаю самые значительные выдержки:

«В качестве мер репрессалий, семьи лиц, подозреваемых в том, что они уже присоединились к раскольникам или которые присоединятся к ним в будущем, будут перевезены для заключения в Германии или на восточной территории Франции. Но, прежде всего, следует

---

189 Поль Жеродьяс (1882 – 1956) – французский генерал. Начальник генерального секретариата национальной обороны Франции.

190 Жорж Картье (1877 – 1960) – французский генерал. Во время французской кампании командовал дивизией.

191 Жорж Ревер (1891 – 1970) – французский генерал. Руководитель подпольной армии Сопротивления во Франции.

192 Жан Жозеф Латр де Тассиньи (1889 — 1952) — Маршал Франции, участник Первой мировой войны, Второй мировой войны. С сентября 1941 года — командующий войсками вишистской Франции в Тунисе. С 1945 года до марта 1947 года — начальник Генерального штаба обороны Франции и генерал-инспектор Сухопутных войск.

193 Бенуа Фернель де ля Лоуренси (1879 – 1958) – французский генерал. В 1941-1942 сотрудничал с американской разведкой.

194 Пьер Робер де Сен-Венсан (1882 – 1954) – французский генерал. В 1942 отказался предоставить войска для проведения депортации евреев.

195 Эмиль Лор (1881 – 1957) – французский генерал. В 1940-1942 глава администрации президента в правительстве Виши.

196 Поль-Андре Дуайен (1881 – 1974) – французский генерал.

197 Эжен Миттельхойзер (1873 – 1949) – французский генерал. Командующий французскими войсками в Сирии и Ливане в 1940.

198 Рене Бускат (1891 – 1970) – французский генерал. Участник движения Сопротивления.

199 Анри Мушар (1885 – 1980) – французский генерал. В 1940 входил в состав комиссии по перемирию с Германией.

200 Рене Фонк (1894 — 1953) — французский лётчик-истребитель Первой мировой войны, с 75 официально сбитыми самолётами противника является асом № 1 Антанты. Участник движения Сопротивления.

201 «Рабочий штаб» (нем.)

разрешить самый трудный вопрос — вопрос о жилье и охране. В дальнейшем следует принять в качестве последующей меры лишение французского гражданства этих лиц и конфискацию их собственности, что уже практиковалось Лавалем в других случаях.

Полиция и армия принимали участие во всех этих арестах. Одна шифрованная телеграмма показывает, что само министерство иностранных дел принимало в них участие. Это явствует из документа PS-723, его порядковый номер зачисления на сегодняшнем заседании RF —295. Это — третий документ в вашей книге документов. Он адресован министерству иностранных дел и датирован 5 июня 1943 года, Париж.

«На совещании, которое состоялось вчера между представителями военного командования на Западе и службы безопасности, СД, было достигнуто следующее соглашение в отношении мер, которые следует принять.

1. Эти меры должны иметь своей целью, путем предварительных мер предосторожности, сделать невозможным побег из Франции других известных военных, а также помешать этим лицам, в случае высадки англо-саксонских войск во Франции, организовать движение Сопротивления.

Все эти лица, в отношении которых были приняты эти меры, принадлежат к офицерским кругам, которые в силу их ранга, опыта или имени могут оказать большое влияние на авторитет военного командования или политический авторитет раскольников, в том случае, если они решат присоединиться к раскольникам. В случае военных операций во Франции их следует рассматривать с этой же точки зрения их значения.

Список был составлен по согласованию с военным командованием на Западе, начальником полиции безопасности и генералом ВВС в Париже».

Я не буду зачитывать фамилии остальных лиц французского командного состава, которые подлежали аресту. Но мы перейдем к странице 4-й, на которой трибунал прочтет во 2-м абзаце, что германские власти предполагали предать той же судьбе французских офицеров, уже арестованных французским правительством, и поместить их под наблюдение французских властей, как, например, генерала де Латр де Тассиньи, генерала Лора и генерала Фернель де ля Лоуренси. Этих генералов должны были буквально отнять у французских властей для того, чтобы их сослать.

«Принимая во внимание общее положение в настоящее время и предполагаемые меры безопасности, все управления считают, что нецелесообразно продолжать содержать этих генералов во

французских тюрьмах, так как они могут, благодаря небрежности или при помощи персонала охраны тюрьмы, попытаться бежать из тюрьмы».

Наконец, страница 7-я, выдержка о репрессалиях против членов семей:

«Генерал Варлимонт[202] потребовал от командующего войсками на Западе поднять вопрос о мерах репрессалий против семей лиц, присоединившихся к сопротивлению, и внести по этому вопросу свои предложения.

Премьер Лаваль недавно объявил о своей готовности принять такие меры с французской стороны, но сказал, что ограничится этими мерами по отношению к семьям нескольких выдающихся лиц».

Перехожу к предпоследнему абзацу телеграфного отчета от 29 мая 1943 года:

«Следует подождать для того, чтобы проверить, действительно ли Лаваль готов принять на практике такие меры.

Между присутствовавшими на заседании была достигнута договоренность: во всяком случае, такие меры следовало принять, и в самом срочном порядке, в отношении семей известных лиц, перешедших к раскольникам, например: членов семей генерала Жиро[203], Жюэн[204], Жоржес[205], бывшего министра внутренних дел Пюшё, инспектора финансов Кув де Мюрвиль[206], Леруа-Болье и других лиц.

Эти меры также могут быть приняты немцами, так как лица, которые перешли в лагерь Сопротивления, должны рассматриваться как иностранцы, принадлежавшие к вражеской державе так же, как и члены их семей.

По нашему мнению, члены этих семей должны быть помещены в заключение. Надо тщательно проверить, как осуществить эти меры на практике.

Можно также рассмотреть вопрос о том, следует ли заключать эти семьи в тюрьмы, находящиеся в районах, особенно часто подвергающихся воздушным налетам, например, вблизи дамб или в

---

[202] Вальтер Варлимонт (1894 — 1976) — немецкий военный деятель, генерал артиллерии (1 апреля 1944), заместитель начальника штаба оперативного руководства в ОКВ (1939—1944). Осужден американским трибуналом к пожизненному заключению. В 1954 отпущен на свободу.

[203] Анри Жиро (1879 — 1949) — французский военачальник, армейский генерал, участник двух мировых войн.

[204] Альфонс Жюэн (1888 — 1967) — Маршал Франции, участник Первой и Второй мировых войн. В 1941-1942 командующий войсками Виши в Морокко.

[205] Альфонс Жоржес (1875-1951) – французский генерал. С 1940 присоединился к войскам «Сражающейся Франции».

[206] Морис Кув де Мюрвиль (1907 — 1999) — премьер-министр Франции в июле 1968—июне 1969, голлист. Служил в ведомстве финансов при Третьей республике, а затем при режиме Виши; в 1943 бежал из Франции в Алжир и присоединился к заграничному Сопротивлению — сперва комитету генерала Анри Жиро, а затем к Сражающейся Франции генерала де Голля

промышленных районах, особенно подвергающихся бомбежке.

Список семей, которые могут подвергнуться заключению, в настоящее время составляется при содействии посольства».

Из имеющихся документов мы узнаем, что в этих умышленных преступных арестах повинны подсудимый Риббентроп, подсудимый Геринг, подсудимый Кейтель, так как именно их управления вносили предложения, и мы знаем, что эти предложения были приняты. Документ PS-720, который представлен в качестве доказательства как документ RF-296, второй в вашей книге документов.

То, что эти аресты были произведены, является фактом. Члены семьи генерала Жиро были сосланы. Генерал Фрер был сослан и умер в концлагере. Таким образом, приказы были явно выполнены; они получили одобрение до их выполнения, а одобрение было дано подсудимыми, имена которых я упомянул. Но аресты коснулись не только высших офицерских чинов. Они распространились гораздо шире. Было арестовано большое число французов. У нас не имеется точных статистических данных об арестах.

Председатель: Господин Дюбост, скажите, пожалуйста, вы представили какие-нибудь доказательства для подтверждения вашего последнего заявления.

Дюбост: Об аресте и смерти генерала Фрер в концлагере я приведу доказательства, когда я буду излагать вопрос о концлагерях. Об аресте и смерти нескольких французских генералов в Дахау[207] трибунал еще помнит показания свидетеля Блаха[208]. Что касается семьи генерала Жиро, я постараюсь привести доказательства, но я не думал, что они необходимы. Общеизвестно, что дочь генерала Жиро была выслана.

Председатель: Мы не уверены, что мы можем принять без доказательства все факты, которые, может быть, общеизвестны во Франции.

Дюбост: Я представлю трибуналу дополнительные доказательства в отношении генералов, которые умерли в ссылке, когда я буду говорить о концлагерях.

Председатель: Очень хорошо.

Дюбост: Генерал Фрер умер в лагере Штрутгоф[209]. Мы расскажем, в каких условиях он был убит. С другой стороны, имеется документ в книге документов под номером F-417, RF-297, который был захвачен в архивах германской комиссии по перемирию. В нем устанавливается, что германские власти отказались освободить

---

[207] Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии. До начала Второй мировой войны в Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам «загрязняющими» арийскую расу, согласно расовой теории. Это были политические противники нацистского режима, прежде всего коммунисты, социалисты, оппозиционные режиму священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и др.

[208] Франтишек Блаха (1896 – 1977) – чешский и чехословацкий медик и политический деятель. Член центрального комитета коммунистической партии Чехословакии.

[209] Нацвейлер-Штрутгоф — нацистский концентрационный лагерь. Расположен в Вогезах поблизости от эльзасской деревни Нацвейлер (фр. Natzwiller, нем. Natzweiler), Франция, в 50 километрах к юго-востоку от Страсбурга. Представлял собой целую систему из более чем 50 лагерей, расположенных на границе между Францией и Германией (на территории Франции — Эльзас и Лотарингия, на территории Германии — Баден и Вюртемберг) и подчинённых главному лагерю. К концу 1944 года в главном лагере находилось около 7000 заключённых, в подчинённых лагерях — более 20000.

французских генералов-военнопленных, несмотря на то, что они были больны или в престарелом возрасте.

> «В этом вопросе фюрер всегда относился отрицательно как к их освобождению, так и их переводу в госпиталь в других или в нейтральных странах.
>
> Теперь, как никогда, не может быть и речи об освобождении или помещении в госпиталь, после того как фюрер недавно приказал перевести в Германию всех французских генералов, проживающих во Франции».

Примите в качестве доказательства лишь этот последний абзац: «После того, как фюрер недавно приказал перевезти в Германию всех французских генералов, проживающих во Франции». Но, как я вам указал, эти аресты значительно превзошли довольно ограниченное число генералов или семей лиц, о которых идет речь в документах, зачитанных трибуналу. «Будет арестовано очень большое число французов» У нас нет статистических данных, но мы представляем себе значительные масштабы этих арестов по числу французов, умерших лишь в одних французских тюрьмах, которые были переданы во время оккупации в ведение и под наблюдение немецкого персонала.

Мы знаем, что только в одних французских тюрьмах во Франции умерло 40 тысяч французов. Это официальная цифра, представленная министерством по делам военнопленных и депортированных. В тюремном перечне имеется «Schutzhaft» (преветивной заключение). Мои американские коллеги пояснили трибуналу, что означало превентивное заключение, когда зачитывали документ номер PS-1723, представленный под номером USA-206. Нет смысла возвращаться к этому документу. Достаточно напомнить трибуналу, что лишение свободы и превентивное заключение рассматривались немецкими властями в качестве сильнейшей меры принудительного воспитания любых иностранцев, которые умышленно пренебрегали своими обязанностями к немецкому обществу или посягали на безопасность германского государства, они должны были действовать в соответствии с общими интересами и адаптироваться к государственной дисциплине.

Превентивное заключение является чисто произвольным заключением в тюрьму. Лица, которые подверглись превентивному заключению, не имели никаких прав и не могли оправдаться. Для них не существовало судов, перед которыми они могли бы объясниться. Однако мы знаем по официальным документам, которые нам были переданы, в частности Люксембургом, что случаи превентивного заключения были очень многочисленны.

Трибунал прочитает документ номер F-229, уже представленный как экземпляр номер USA-243, документ L-215, список из 25 лиц арестованных и помещенных в различные концентрационные лагеря для превентивного заключения.

Трибунал вспомнит, что наши коллеги обращали его внимание, на причину ареста Людвига которого всего лишь сильно подозревали в помощи дезертирам.

О практике применения превентивного заключения во Франции свидетельствует документ, представленный в качестве доказательства под номером RF-300, F-278.

«Копия прилагается к VAAP-7236 (g) - Секретно. Министерство иностранных дел. Берлин. 18 сентября 1941 г.

Об отчете от 30 августа 1941 г.

Объяснения военного командования во Франции от 1 августа в общем рассматриваются как удовлетворительные и как ответ на французскую ноту.

Мы считаем также, что следует избегать какого-либо нового обсуждения с французами вопроса о превентивном заключении, так как это обсуждение может привести лишь к ограничению применения этой меры оккупирующей державой. А это нежелательно с точки зрения интересов свободы действия военных властей. По приказу, подпись (неразборчива).

Представителю министерства иностранных дел в германской комиссии по перемирию в Висбадене.

Представитель министерства иностранных дел – VAAP 7236(g), секретно, Висбаден, 23 сентября 1941. Копия.

Министерство иностранных дел принимало участие в вопросе превентивного заключения.

Это заключение, по признанию сотрудников министерства иностранных дел, как это явствует из этого документа, было очень плохо обосновано. Однако министерство иностранных дел аресты не запретило. Аресты производились под многочисленными предлогами, но все эти предлоги в общем шли по двум линиям: арестовывали по причинам или политического или расового порядка. Аресты были в том и другом случае как индивидуальными, так и групповыми.

Предлоги политического характера:

С 1941 французы заметили, что существует синхронизация между развитием политических событий и темпом арестом. Французский документ номер F-274 (i) (Экземпляр номер RF-301), который находится в конце вашей документальной книги демонстрирует это. Описание условий арестов приводится министерством по делам пленных и депортированных, начиная с 1941 – критический период в германской военной истории, так как с 1941 Германия воевала с Советским Союзом:

«Существовала синхронизация между развитием политических событий и темпом арестов. Перекрытие демаркационной линии,

создание групп сопротивления, формирование маков[210] в результате введения принудительного труда, высадки в Северной Африке и Нормандии, всё это имело незамедлительное влияние на цифры арестов, которые достигли максимума в период с мая по август 1944 в особенности в южной зоне и в частности регионе Лиона.

Аресты производились представителями всех видов репрессивной системы Германии: гестаповцами в форме и без формы, СД и жандармерией (особенно на демаркационной линии), Вермахтом, СС…

Аресты характеризовались коллективными операциями. В Париже, в результате покушения. 18-й округ был окружён полевой жандармерией. Его жители, мужчины, женщины и дети, не могли вернуться в свои дома и провели ночь под открытым небом. Прошла облава в округе.

Я не думаю, что требуется читать следующий параграф, который касается арестов в университете Клермона-Феррана, которые трибунал определённо помнит, а также аресты в Бретани в 1944, время высадки.

Последний абзац, внизу страницы 11:

«…под предлогом заговоров или покушений целые семьи подвергались каре. Немцы стали устраивать облавы, когда система трудовой повинности не представляла больше достаточной рабочей силы.

Облава в Гренобле, 24 декабря 1943, канун рождества.

Облава в Клуни, Саоне-на-Луаре, в марте 1944.

Облава в Фиго в мае 1944».

Последний абзац, внизу страницы 11:

Большинство французов, которые таким образом были захвачены, не были в действительности использованы на работе в Германии, а сосланы для того, чтобы быть заключенными в концлагеря.

Мы можем привести многочисленные примеры этих произвольных арестов вникая в официальные документы предоставленные Люксембургом, Данией, Норвегией, Голландией и Бельгией. Эти облавы никогда не имели юридических оснований. Они даже не были представлены в качестве действий, основывавшихся на мнимом праве прибегать к системе захвата заложников, о которой мы говорили. Они всегда были произвольными, всегда производились без видимой причины и во всяком случае никогда не обусловливались какой-либо репрессалией за действия французов. Другие массовые аресты производились по причинам расового порядка.

[210] Маки — часть движения Сопротивления во Франции нацистским оккупационным войскам и коллаборационистским формированиям во время Второй мировой войны, представлявшая собой по преимуществу вооружённые группы партизан, действовавших в сельской местности.

Они носили тот же подлый характер, как и аресты политического порядка.

На странице 5 официального документа от министерства по делам пленных и депортированных, трибунал может прочесть несколько одиозных подробностей связанных с расовыми арестами.

> «Некоторым германским полицейским было специально поручено обнаруживать евреев по внешнему облику. Эта группа полицейских называлась «бригадой физиогномистов». Проверка мужчин иногда происходила публично: например, на вокзале города Ниццы их заставляли раздеваться под угрозой револьвера.
>
> Парижане помнят об облавах, производимых по кварталам города, о громадных полицейских автобусах, которые возили вперемешку стариков, женщин и детей. Арестованных собирали на зимнем велодроме в ужасных условиях с точки зрения гигиены, а затем везли в Дранси, откуда их пересылали дальше. Облава, произведенная в августе 1941 года, приобрела плачевную славу: все выходы из станции метро 11-го округа города были закрыты, и все евреи этого округа были арестованы и заключены в тюрьму. Облавы в декабре 1941 года коснулись особенно интеллигенции. Затем были произведены облавы в июле 1942 года.
>
> После того как вся Франция была оккупирована, все города южной зоны, особенно Лион, Гренобль, Канны и Ницца, куда переехало большое количество евреев, подверглись облавам.
>
> Немцы искали всех еврейских детей, нашедших приют у частных лиц или в различных организациях. В мае 1944 года были арестованы дети колонии в Эйзье, а в июне-июле 1944 года также дети, стремившиеся найти себе приют в колонии U.G.I.F.[211]»

Я не думаю, чтобы эти дети были врагами германского народа и чтобы они могли представлять какую-либо угрозу германской армии во Франции.

Председатель: Вероятно, господин Дюбост нам лучше прерваться.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 25 января 1945*]

[211] Всеобщий еврейский союз Франции – организация при правительстве Виши созданная для обеспечения интересов евреев на неоккупированной территории Франции. Существовал в 1941-1944.

День сорок третий

Пятница, 25 января 1946

Утреннее заседание

Пристав: Уважаемый суд, подсудимые Кальтенбруннер и Штрайхер будут отсутствовать с утреннего заседания.

Дюбост: Уважаемый суд, вчера я читал из официального французского документа, который находится в нашей документальной книге под названием «Доклад министерства по делам военнопленных и депортированных». Он касается захвата немцами еврейских детей во Франции, которых забирали из частных домов или общественных учреждений в которых их размещали.

С вашего разрешения, я вернусь к выступлению, которое я ранее огласил об исполнении приказов отданных германским генеральным штабом с одобрения германского министерства иностранных дел, об аресте всех французских генералов, и в качестве репрессалий, арестах, также целых семей тех генералов которые могли оказать сопротивление, другими словами, которые находились на стороне наших союзников.

В соответствии со статьей 21 устава трибунал не требует доказывания фактов общественной известности. В огромном количестве фактов которые мы вам представим есть много тех которые известны, но не имеют общественной известности. Есть несколько, вместе с тем точных фактов, которые известны и также являются общественно известными во всех странах. Есть известное дело депортации семьи генерала Жиро, и я позволю себе напомнить трибуналу шесть принципиальных пунктов данного дела. Первый: Все мы помним, как узнали по союзному радио о том, что госпожа Жиро, жена генерала Жиро…

Председатель: О чём вы просите вынести судебное уведомление в связи с депортацией семьи генерала Жиро?

Дюбост: Господин председатель, я прошу трибунал, применить относительно данных фактов, статью 21 устава, а именно, норму определяющую, что трибунал не требует доказывания фактов, которые являются общественно известными.

Во-вторых, я прошу трибунал заслушать моё выступление о данных фактах, которые мы считаем имеющими общественную известность, так как они известны не только во Франции, но и в Америке, так как американская армия участвовала в этих событиях.

Председатель: Слова статьи 21 это «не общественные сведения», а «общеизвестные сведения». Это не одно и тоже.
Дюбост: У меня имеется французский перевод устава. Я перевожу согласно французскому переводу: «Трибунал не требует доказывания фактов общественной известности (notoriete publique)». Мы интерпретируем эти слова таким образом: не требуется предоставлять документальные или свидетельские подтверждения общеизвестных фактов.
Председатель: Вы говорите «общеизвестных фактов», но предположим, например, что члены трибунала не знают об этих фактах? Как можно рассматривать их как общеизвестные? Члены трибунала могут не знать о фактах. При этом для них трудно учитывать факты, если они о них не знают.
Дюбост: Это вопрос о факте, о котором будет решать трибунал. Трибунал выскажется о том известно ему или нет о шести пунктах, которые я напомню как верные.
Председатель: Трибунал удаляется на совещание.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал считает, что факты, относящиеся к депортации генерала Жиро и его семьи, будучи, по всей вероятности, общеизвестными или публично известными во Франции, не могут быть рассмотрены как общеизвестные или публично известные факты, признаваемые 21 статьей устава, которая относится ко всему миру.

Конечно, если французское обвинение имеет правительственные документы или отчеты из Франции, в которых излагаются факты, относящиеся к депортации генерала Жиро, — то этот вопрос предстанет в другом свете. Если такие документы имеются, то трибунал, конечно, рассмотрит их.
Дюбост: Я должен представить доказательства того, что преступления отдельных начальников немецкой полиции в каждом городе и каждом районе оккупированных западных стран были совершены во исполнение указаний из центра, указаний, исходивших от германского правительства. Это дает нам возможность коснуться одного за другим каждого из подсудимых. Я не смогу доказать это представив немецкие документы. Вы можете считать фактом, что вам необходимо принять как верные, доказательства которые я зачитаю. Представляю письменные свидетельские показания. Эти показания были собраны американской армией, французской армией и французской службой по выявлению военных преступников. Трибунал простит меня если мне потребуется зачитать многочисленные документы.

Такая систематичность может быть доказана только демонстрацией того, что повсеместно и в каждом случе германская политика использовала одинаковые методы в отношении патриотов которых они интернировали или задержали.

Интернированные и задержанные во Франции лица содержались в гражданских тюрьмах, которыми завладели немцы, или в некоторых отделениях французских тюрем, занятых немцами, доступ в которые был запрещен всем французским официальным чиновникам. Во всех этих местах лишения свободы заключенные подвергались одинаковому режиму. Этот режим был совершенно бесчеловечным и едва давал возможность заключенным выжить в этих тягчайших условиях.

В Лионе и крепости Монлюк женщины в качестве пищи получали только чашку настоя из трав в семь часов утра и маленькую миску супа с крошечным куском хлеба в пять часов вечера. Это установлено по документу F-555, который вы найдете одиннадцатым в вашей документальной книге, который мы представляем как экземпляр номер RF-302. Первая страница этого документа, второй абзац, это анализ показаний, которые были получены. Достаточно сослаться на этот анализ. Я рассмотрю несколько строчек из следующего показания. Свидетельница показывает:

> «…по прибытии в крепость Монлюк заключенные, захваченные Гестапо во время облавы 20 сентября, были лишены всего своего имущества. Они подвергались свирепому обращению. Питание было минимальным. Совершенно не принималась во внимание женская стыдливость».

Это свидетельское показание было дано в Сен-Женгольфе 9 октября 1943 г. Оно относится к арестам в Сен-Женгольфе, произведенным немцами в сентябре 1943 года. Свидетельница говорит:

> «У возвращавшихся с допроса молодых людей пальцы ног были обожжены ватными дисками смоченными в бензине, у других на икрах ног были ожоги от паяльника. Наконец, некоторые были искусаны полицейскими собаками…».

Меркель: Французское обвинение представляет документы, которые не представляют письменные показания под присягой. Это заявления, которые не показывают того, кто их взял. По принципиальным основаниям я формально протестую против этих обычных показаний лиц, которые не находились под присягой. Они не могут быть допущены в качестве доказательства на этом процессе.

Председатель: Это всё, что вы хотите сказать?

Меркель: Да, сэр.

Председатель: Мы выслушаем ответ господина Дюбоста.

Дюбост: Господин председатель, устав который признаёт доказательства публичной известности, не установил никаких правил в отношении того как такие доказательства, должны вам представлятся. Устав оставляет за трибуналом решение о том или ином документе. Устав оставляет на усмотрение трибунала решение о том, что такой-то и такой метод расследования является допустимым. Способ, согласно которому проводились эти расследования, является обычным и

привычным в моей стране. Фактически, он является обычным для всех официальных протоколов полиции и жандармерии принимающих свидетельства без присяги. Более того, согласно нормам устава, все расследования, проведённые для раскрытия военных преступлений должны являться аутентичным доказательством. Статья 21 говорит:

> «Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных факто и будет считать их доказанными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных Наций».

Председатель: Господин Дюбост, документ который вы нам прочли, является либо официальным правительственным документом или докладом, или же это акт или документ комитета созданного во Франции?

Дюбост: Господин председатель, этот доклад поступил из Surete Nationale[212]. Вы можете проверить это изучив второй лист копии, которая имеется у вас, вверху слева: Direction Generale de la Surete Nationale. Commissariat Special de Saint Gingolph[213]. Свидетельские показания.

Председатель: Мы можем увидеть оригинал документа?

Дюбост: Документ был представлен секретарю трибунала. Секретарь только, что принёс вам документ.

Председатель: Очень хорошо. Это заверенная копия?

Дюбост: Это копия заверенная директором кабинета в министерстве юстиции.

Председатель: Господин Дюбост, мне сказали, что у французских обвинителей имеются все оригиналы документов, и они не приобщили их таким же образом как сделали другие обвинители. Это так?

Дюбост: Французские обвинители представили оригиналы на вчерашнем заседании и они были переданы этим утром господину Мартину.

Председатель: Что же, мы желаем увидеть оригинал документа. Как мы поняли, он находится у французского секретаря. Нам нужно его увидеть.

Дюбост: Господин председатель, я послал за ним. Этот документ является заверенной копией оригинала, который храниться в архивах французского управления по расследованию военных преступлений. Эта удостоверяющая надпись с одной стороны была сделана французским делегатом обвинения – вы увидите подпись господина де Ментона на документе который есть вас – с другой стороны, директора кабинета министерства юстиции, господина Зомбю, с официальной печатью французского министерства юстиции.

---

[212] Национальная безопасность (фр.)

[213] Генеральная дирекция национальной безопасности. Специальный комиссариат Сен-Женгольфа (фр.)

Председатель: Должно быть это правительственный документ. Это документ комитета созданного во Франции для расследования военных преступлений, не так ли?

Дюбост: Господин председатель, это документ поступивший от управления национальной безопасности (Direction Generale de la Surete Nationale) которое было создано в связи с расследованием военных преступлений, что предусмотрено нашим французским управлением по расследованию военных преступлений. Оригинал остаётся в Париже в управлении военных преступлений, но заверенная копия которая имеется у вас подписана директором кабинета министерства юстиции в Париже.

Председатель: Да, господин Дюбост, я не говорю о вопросе подлинный это документ или нет, мой вопрос заключается в том является ли он в соответствии со статьей 21 правительственным документом или докладом Объединённых Наций, или документом комитета созданного во Франции по расследованию военных преступлений, и я спросил так ли это, и кажется это так. Это так?

Дюбост: Да, ваша честь.

Председатель: Вы желаете, что-то добавить к сказанному?

Дюбост: Нет, мне нечего добавить.

Председатель: Доктор Меркель, вы можете высказаться.

Меркель: Я хочу лишь кратко подчёркнуть, что заявления, которые представлены, не являются заявлениями официальной правительственной службы и не могут рассматриваться в качестве правительственных материалов. Скорее, это всего лишь протоколы, составленные в отделах полиции и таким образом, никоим образом не являются аутентичными заявлениями правительства или следственного комитета. Я вновь подчёркиваю, что эти заявления, которые, разумеется, составлены – в маленьких полицейских участках, не под присягой и не представляют собой показания под присягой, я решительно протестую против их рассмотрения в качестве доказательств.

Председатель: Вы желаете, что-то добавить?

Меркель: Нет.

Председатель: Кто такой господин Бино?

Дюбост: Он инспектор полиции в специальной полиции, который придан к специальному комиссариату Сен-Женгольфа.

Я должен поправить ошибку защитника, который сказал, что это небольшой полицейский участок. Это передовой пост. Специальные комиссариаты на передовых постах являются важными отделами даже при том, что расположены в небольших городах. Я думаю тоже самое и в других странах.

Председатель: Что же, господин Дюбост, вы поняли, в чём заключается проблема? Это вопрос интерпретации статьи 21.

Дюбост: Я понял.

Председатель: Трибуналу требуется ваше содействие в данной интерпретации, о том подпадает ли данный документ под условия статьи 21. Если у вас есть сказать, что-либо по данному предмету мы будем рады это выслушать.

Дюбост: Господин председатель, мне кажется невозможным, что трибунал должен отклонить этот и схожие документы которые я буду представлять, так как все эти документы имеют, в целях аутентификации, не только подпись французского представителя в данном трибунале, но и делегата министра юстиции в комиссии по военным преступлениям. Изучите штамп рядом со второй подписью. Это печать.

Председатель: Не спешите, расскажите нам, где находятся подписи.

Дюбост: [*Показывая документ*] Здесь, уважаемый суд, это пометка о выдаче документа управлением по расследованию военных преступлений французскому обвинителю в качестве доказательства и ниже подпись директора кабинета французского министерства юстиции, хранителя печатей и кроме того над этой подписью, печать министерства юстиции. Вы можете прочесть: «Управление по расследованию военных преступлений».

Председатель: Суть такова: это было расследование полиции о фактах, и расследование полиции было запротоколировано, и затем министр юстиции, для целей данного процесса, принял этот полицейский отчёт? Суть такова?

Дюбост: Верно, господин председатель. Я думаю, мы согласны. Управление по расследованию военных преступлений во Франции напрямую придано министерству юстиции. Оно проводит расследования. Эти расследования проводятся полицейскими властями, такими как господин Бино, инспектор специальной полиции, приданный к специальному комиссариату Сен-Женгольфа.

Председатель: Трибунал хочет знать, когда была создана служба расследования военных преступлений.

Дюбост: Я не могу сказать точно по памяти, но эта служба была создана во Франции после освобождения. Она начала функционировать в октябре 1944.

Председатель: Эта служба была создана после того как был подготовлен полицейский отчёт?

Дюбост: В сентябре или октябре.

Председатель: Сентябре, какого года?

Дюбост: Сентябре 1944. Во Франции было создано это управление по расследованию военных преступлений и эта служба функционировала с момента создания во Франции временного правительства.

Председатель: Значит, полицейское расследование проводилось этой службой? Поймите, полицейский отчёт датирован 9-м октября и поэтому полицейский отчёт кажется, был подготовлен после создания службы. Правильно?

Дюбост: Господин председатель, у вас имеется доказательство. Если вы взглянете на верхнюю часть второй страницы, она показывает начало протокола и вы прочтёте: «Цель: расследование жестокостей совершённых немцами против

гражданского населения». Эти расследования возложены на управление по расследованию военных преступлений.

Председатель: Да. Должно быть, эта служба была создана в сентябре и полицейское расследование датировано 9-м октября.

Трибунал рассмотрит данный вопрос во время перерыва.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал рассмотрел аргументы которые были ему представлены, и по его мнению документ, предъявленный французским обвинением, является документом комитета, учрежденного для расследования военных преступлений, как это указано в статье 21 устава. Тот факт, что этот документ не был составлен под присягой, не мешает ему быть таким документом, который согласно статье 21 трибунал должен принять без доказательств. Вопрос доказательственной ценности будет конечно же рассмотрен в соответствии со статьей 21 устава и поэтому, в соответствии со статьей 19 и статьей 21, документ будет допущен в качестве доказательства, возражение представителя Гестапо отклонено.

Трибунал желает, чтобы все оригиналы документов были вручены генеральному секретарю трибунала и чтобы они обсуждались в суде, оригиналы документов следует вовремя представлять суду.

Бабель: Меня проинформировали о том, что генерал Жиро и его семья, вероятно были депортированы в Германию по приказам Гиммлера[214], но с ними обращались очень хорошо и они проживали на вилле, их вернули во Францию в хорошем самочувствии, всё шло хорошо и с ними всё хорошо и сегодня. Я не понимаю…

Председатель: Представитель, простите, что вас прерываю, но трибунал не рассматривает сейчас дело генерала Жиро и его семьи. Вы не слышите?

Я говорил о том, что вы заявляете некое ходатайство в связи с депортацией генерала Жиро и заявляете о фактах – о том, что вы считаете фактами в связи с депортацией. Трибунал не рассматривает данный вопрос. Трибунал уже определил, что он не может вынести судебное уведомление о фактах, о депортации генерала Жиро.

Бабель: По моему мнению, то, что я был вынужден сказать, могло пояснить обвинение, и это бы ускорило процесс. Это было моей целью.

Председатель: Я лишь указал вам на то, что мы сейчас не рассматриваем дело генерала Жиро.

Дюбост: Трибунал позволит мне продолжить? Мне кажется необходимым вернуться к доказательствам, которые я предложил приобщить. Я должен

---

[214] Генрих Гиммлер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

продемонстрировать, что в результате одинаковых методов, пытки которые применялись в каждом отделе германской полиции…

Председатель: Вы закончили с документом, который был допущен?

Дюбост: Да, господин председатель, я закончил с ним, и сейчас я зачитаю из других документов. Но сперва я хочу подытожить доказательства, которые я представлю этим утром, оглашая эти документы.

Я говорил о том, что намереваюсь показать, как в единообразии жестокого обращения, которому подвергались допрашиваемые заключенные во всех немецких полицейских органах, обнаруживается проявление единой воли, о которой мы не можем представить вам прямых доказательств. Но мы докажем это убедительным образом потому, что идентичность методов предполагает единство той воли, которая, как мы утверждаем, могла исходить только от верхушки немецкой полиции, то есть от германского правительства, членами которого были подсудимые.

Документ F-555 экземпляр номер RF-302, который я оглашал, касается жестокого обращения с заключенными в крепости Монлюк в Лионе.

Я перехожу к документу F-556, который мы представляем как экземпляр номер RF-303, который касается тюремного режима в Марселе.

Это протокол, составленный органами военной безопасности в Воклюзе и касающийся зверств, совершенных немцами в отношении политических заключенных. Протокол включает письменное показание господина Муссона, являвшегося начальником разведывательной службы, арестованного 16 августа 1943 г. и 30 августа 1943 г. заключенного в тюрьму Сен-Пьер в Марселе. В последнем абзаце первой страницы документа мы читаем:

> «30 августа, будучи переведены в Марсель, в тюрьму Сен-Пьер, и заключены в камеру, имеющую 25 метров длины и 5 метров ширины, мы содержались там по 75, а зачастую и по 80 человек. У нас было по два матраца на троих; невероятная грязь; вши, блохи, клопы; отвратительная пища; безо всякой причины товарищей били и на 2 или 3 дня сажали в одиночные камеры без пищи».
>
> Следующая страница, четвёртый абзац:
>
> «15 мая я был вновь схвачен самым грубым образом – это четвёртый абзац и переброшен в тюрьму Сен-Анн и…»
>
> 5 абзац:
>
> «Жизнь в тюрьме Сен-Анн: тяжелые гигиенические условия, недостаточная пища, доставляемая организацией национальной помощи».
>
> Следующая страница, второй абзац:
>
> «Условия жизни в Пети-Боме: пищи давали ровно столько, чтобы не умереть с голоду; посылки не передавались; Красный Крест посылал

много, но до нас доходило очень мало».

Повторю, что это относится к тюрьмам, которые полностью находились под контролем немцев. По поводу условий в тюрьме Пуатье представляю документ F-558, RF-304. Отчет, поступивший от пресс-службы американской информационной службы в Париже 18 октября 1944. Трибунал должен знать о том, что все эти отчёты включены в документы, предоставленные французским управлением по расследованию военных преступлений. Мы читаем пункт два:

«Господин Клейс был арестован Гестапо 14 декабря 1943 и заключён в тюрьму Пьер Леви до 26 августа 1944…

Находясь в тюрьме, он просил матрас, так как он был ранен на войне. Ему сказали, что он его получит если признается. Он был вынужден спать на 1 дюйме соломы на полу. Семеро человек в комнате в одной камере, 4 метра длинной, 2 метра шириной и 2.8 метра высотой…За 20 дней не выходил из камеры. Туалет представлял собой большое неудобство из-за ранений. Немцы отказали как-нибудь решить проблему».

Абзац 4 (b):

«Другой заключённый весил 120 килограмм и потерял 30 килограмм за месяц. Находился в одиночной камере месяц. Там подвергался пыткам и умер от гангрены ног из-за ран полученных во время пыток. Умер через 10 дней агонии будучи один и безо всякой помощи».

Абзац 5:

«Способы пыток:

(a) «Жертву сгибали, руки привязывались к правой ноге, потом бросали на землю и в течение 30 минут били палкой. Если жертва теряла сознание, ей на лицо выливали ведро воды. Это все делалось для того, чтобы заставить говорить.

Господин Франшета подвергался таким избиениям в течение четырех дней из шести. Иногда заключенного не привязывали; если он падал, его поднимали за волосы и продолжали бить.

В других случаях жертву помещали в специальную исправительную камеру. Руки привязывали к железной решетке над головой. В таком положении били до тех пор, пока пытаемый не начинал говорить.

(b) Такие избиения не были общепринятыми, однако у господина Клейса есть друзья, которые видели пытки электричеством: один конец электрического провода прикрепляли к ногам жертвы, а другой — к другим частям тела.

Абзац 6.

«Пытки были тем более ужасны, что немцы зачастую сами точно не знали, какие сведения они хотели получить, и пытали людей наугад».

И в самом конце, последние пять строчек.

«Один из способов пытки заключался в том, что жертву вешали за руки, связанные за спиной, и держали в таком положении до тех пор, пока плечи совершенно не выворачивались. После этого бритвами резали кожу на ступнях ног и заставляли ходить по разбросанной соли».

Перехожу к вопросу о тюрьмах на севере и представляю документ F-560, RF-305. Это материалы, поступившие от американской комиссии по военным преступлениям. Страница 1, это отчет профессора Поко о зверствах, совершенных немцами на севере Франции и в Бельгии. Этот отчет касается деятельности немецкой полиции во Франции — в Аррасе, Бетюне, Лилле, Валансьенне, Мало-ле-Бэн, Ля-Мадлен, Кенси и Лосе; в Бельгии — в Сен-Жиле, в Фор де Юи, Кам де Бельвероо. К этому отчету приложено 73 письменных показания жертв. Из этих показаний явствует, что жестокости и варские методы, которые применялись во время допросов, были одинаково бесчеловечны в различных местах.

Эта подборка, которую я упомянул из американского отчёта. Мне кажется ненужным подчёркивать это, так как это подтверждается на первой странице. Трибунал может прочесть далее на страницах 4, 5, 6 и 7 подробное описание жестокостей, систематических и полностью идентичных, которые германская полиция применяла для принуждения к признанию.

На странице 5, пятый абзац, я цитирую:

«На заключенного, который пытался совершить побег и был снова пойман, были в его камере напущены полицейские собаки, разорвавшие его на части».

На странице 17, второй абзац, немецкий текст (страница 14 французского текста) есть отчёт господина Прулле, в качестве исключения, я зачитаю это в виду характера фактов. Я цитирую:

«Осуждённый германским трибуналом к 18 месяцам лишения свободы за владение оружием и после пребывания в тюрьмах Арраса, Бетюна и Лоса, меня направили в Германию.

В результате плохого обращения в Восточной Пруссии я был вынужден лечить свои глаза. Во время пребывания в лазарете, немецкий доктор дал мне капли для глаз. Несколько часов спустя, сильно мучаясь, я ослеп. Спустя несколько дней в тюрьме Фресне, меня направили в клинику Квинзе-Винт в Париже. Профессор Гиллемо, который обследовал меня, установил, что мои глаза были сожжены разъедающей жидкостью».

Документ F-561, я прочту документ от американской комиссии по военным преступлениям, который мы представляем как экземпляр RF-306. Трибунал установит на странице 2 доказательства того, что господин Эррера присутствовал при пытках, которым подвергались многие лица, и видел поляка по фамилии Рипц, которому жгли подошвы ног. Затем этому поляку разбили голову гаечным ключом, а после выздоровления он был расстрелян. Я цитирую:

«Командору Грандье, который имел раздробленную ногу после войны 1914, те кто проводил допросы угрожали тем, что сломают вторую ногу и на самом деле так сделали. Когда он почти поправился, с помощью подкожного укола, немцы устранили его».

Мы не хотим тратить больше вашего времени, чем требуется, однако трибунал должен знать, что эти американские официальные документы, показывают во всей полноте то, как осуществлялись эти пытки различными германскими полицейскими службами в многочисленных регионах Франции и показывают, что при пытках применялись одинаковые методы.

Следующий документ это номер F-571, который мы приобщаем как экземпляр номер RF-307, и из которого мы зачитаем только один абзац из четырёх строк:

«Господин Робер Ванасаш из Туркуа, заявляет: «Я был арестован 22 февраля 1944 в Мускроне в Бельгии сотрудником Гестапо, который был одет в гражданскую одежду. Во время допроса они одели форму…»

Я пропускаю абзац.

«Второй раз меня допрашивали в Канде в главной германской тюрьме в которой я находился 31 день. Там меня закрывали на 2 или 3 часа в некого рода деревянном гробу в котором можно было дышать только через три дырки».

Далее тот же самый документ:

«Господин Реми, проживающий в Арментире, заявляет: «Арестован 2 мая 1944 в Арментире, я прибыл в Гестапо, рю Франсуа Дебац, 18 в Ля-Мадлен около 3 часов того же дня. Меня подвергали допросу по двум разным поводам. Первый длился около часа. Я должен был лежать на животе и получил около 120 ударов плетью. Второй допрос длился немного дольше. Меня снова секли, лёжа на животе. Так как я не заговорил, они раздели меня и поместили в ванну. 5 мая меня подвергли новому допросу в Лосе. В тот день меня подвесили за ноги и били по всему телу. Так как я отказался говорить, они развязали меня и снова положили на живот. Когда боль заставила меня кричать, они стали бить меня ботинками по лицу. В результате я лишился 17 нижних зубов…»

Следуют имена двоих истязателей, но нас они волнуют. Мы стремимся показать, что истязатели повсюду применяли при пытках одинаковые методы и что они могли это делать только во исполнение тех приказов, которые давались им начальством.

Далее я цитирую показания господина Герина:

> «…так как я ничего не признавал, один из следователей засунул мне мой шарф в рот, чтобы приглушить мои крики. Другой германский полицейский зажал мою голову между ног, в то время как остальные с двух сторон, избивали меня дубинками по пояснице. Каждый ударил меня 25 раз…Это длилось более двух часов. На следующее утро они снова начали это и это длилось столько же как и днём ранее. Эти пытки применили ко мне, потому что, 11 ноября, я с товарищами из сопротивления принял участие в демонстрации возложив венок к памятнику погибшим в войне 1914-1918…».

Из показаний господина Альфреда Дьедоне видно, насколько жестоким было обращение, которому он подвергался:

> «18 августа наносились удары молотком по чувствительным частям тела. 19 августа я был погружен в воду. 20 августа моя голова была зажата в тиски. 21 и 24 августа я был закован в цепи на сутки. 26 августа я все еще оставался закованным в цепи день и ночь и подвешивался за руки».

Я прочту фрагмент из отчёта господина Дельтомбе арестованного Гестапо 14 июня 1944.

> «В четверг, 15 июня в 8 утра, меня забрали в пыточный подвал. Там они потребовали, чтобы я признался в саботаже, который я проводил вместе со своими группами, и выдал своих товарищей, а также назвал свои убежища. Так как я не ответил достаточно быстро, начались пытки. Они связали руки за спиной. Они надели специальные наручники и подвесили меня за запястья. Они били меня в основном по пояснице и по лицу. В тот день пытка длилась 3 часа.
>
> В пятницу, 16 июня, происходило тоже самое, но всего полтора часа, так как я уже не мог стоять, и они вернули меня в камеру.
>
> В субботу начались ещё более жестокие пытки. Тогда мне пришлось сознаться в саботаже, так как изверги втыкали иглы мне в руки. После этого они оставили меня в покое до 10 августа, затем они вызвали меня в кабинет и сказали мне о том, что я приговорён к смерти. Меня поместили в поезд депортированных идущий в Брюссель, из которого меня освободили 3 сентября брюссельские патриоты.

Женщины подвергались такому же обращению, как и мужчины. К физическим мучениям пытавшие их садисты добавляли моральные страдания, особенно мучительные для женщин или для молодых девушек, которых палачи раздевали догола. Беременность не избавляла от побоев и когда в результате истязаний происходили преждевременные роды, женщины оставались без всякого ухода и подвергались тем опасностям и осложнениям, к которым могли привести эти преступные аборты.

Это текст из сводки подготовленной американским офицером который проводил это расследование.

Здесь сообщение госпожи Синдеманс, которая была арестована в Париже 24 февраля 1944.

> «…четырьмя солдатами вооружёнными автоматами, и двумя немцами в гражданской одежде имевшими револьверы.
> Осмотрев мой багаж, они нашли три паспорта. Затем они обыскали мою комнату и нашли штампы комендатуры и германские пропуска и трудовые книжки, которые я смогла выкрасть у них днём ранее…
> Сразу же они надели на меня наручники и повели на допрос. Когда я не ответила, они дали мне пощечину с такой силой, что я упала со стула. Затем они били меня по лицу надувным кругом. Допрос начался в 10 часов утра и закончился в 11 часов ночи. Я должна сказать вам, что я находилась на 3 месяце беременности».

Представляю документы F-563 и 564, под одним номером RF-308. Это сообщение о жестокостях совершённых Гестапо в Бурже. Мы зачитаем фрагмент из сообщения.

Председатель: Господин Дюбост, как вы устанавливаете, чем являются эти документы? Это должно быть сообщение господина Марка Толедано.

Дюбост: Верно, господин председатель. Это сообщение, находящееся с остальными документами в сшиве, было включено в документ представленный французским управлением по расследованию военных преступлений, что очевидно из официальной подписи господи Зомбю на оригинале, который находится у секретаря суда. Я зачитаю первую страницу оригинала:

> «I. Я, нижеподписавшаяся госпожа Бонду, надзирательница тюрьмы в городе Бурж, удостоверяю, что 9 мужчин, большей частью молодых людей, подвергались ужасающему обращению и от 15 до 20 дней оставались со связанными за спиной руками и с кандалами на ногах. Находясь в совершенно ненормальных условиях, они не в состоянии были принимать пищу, кричали от голода. Многие из уголовных заключенных хотели им помочь и делали маленькие свертки из своего пайка, которые я по вечерам передавала. Один из немецких надсмотрщиков, по имени Михель, бросал им хлеб в угол камеры, а по

ночам приходил их бить. Все эти молодые люди были расстреляны 20 ноября 1943 г.»

«Тогда, женщина по имени Гартвиг, которая жила в Швани, сказала мне о том, что она 4 дня была прикована к стулу. Во всяком случае я могу свидетельствовать о том, что её тело полностью было покрыто синяками».

Вот заявление господина Лабюсьера, капитана в отставке и преподавателя в городе Марсель-лез-Обиньи. В заявлении сказано:

«…Одиннадцатого я дважды был избит плетью из воловьих жил. Перед тем, как бить, меня заставили согнуться над скамьей, так что мускулы бедер и икр были натянуты. Сначала мне нанесли 30 ударов довольно толстой плетью, потом избиение продолжалось, но уже при помощи другого предмета, имевшего на конце какую-то пряжку. Меня били по ягодицам, по бедрам, по икрам. Истязатель встал на скамью и заставил меня раздвинуть ноги и нанес мне еще двадцать ударов очень тонким хлыстом. Когда я выпрямился, голова у меня закружилась и я упал на землю. Меня заставили подниматься ударами сапога. Наручники все время оставались на моих руках…».

Я не решаюсь прочитать оставшуюся часть этого показания, но это необходимо, хотя подробности пыток ужасны.

«12-го числа в 10 часов, после того как он избил какую-то женщину, Паоли пришел ко мне и сказал: «Собака, у тебя нет сердца: это она, твоя жена, которую я только что избивал, и я это буду делать, пока ты не сознаешься». Он хотел, чтобы, я назвал места встреч и имена товарищей».

Следующая строка:

«…14-го в 6 часов меня вновь истязали в камере пыток. Я больше не мог двигаться. Перед тем, как меня ввести, Паоли сказал мне: «Я тебе даю пять минут для того, чтобы ты сказал мне все, что ты знаешь. Если через пять минут ты ничего не скажешь, то в три часа тебя расстреляют. Твою жену расстреляют в шесть часов, а твой сын будет угнан в Германию».

После подписания протокола допроса немец сказал ему:

«Посмотри на свое лицо, видишь, до чего можно довести человека за пять дней. С тобой мы еще не покончили». И добавил: «Теперь уходи отсюда. Ты вызываешь отвращение». Свидетель заканчивает показание словами: «Я, действительно, был покрыт грязью с головы до ног. Меня посадили в повозку и отвезли обратно в камеру… В течение этих 5 дней я, несомненно, получил больше чем 700 ударов хлыстом…».

На ягодицах у него образовалась обширная гематома. Врач должен был его оперировать, а товарищи по заключению сторонились его, так как от него неприятно пахло. В результате дурного обращения все его тело было покрыто нарывами. 20 ноября, когда его допрашивали, он еще не оправился от полученных ран.

Свидетельские показания заканчиваются общим изложением методов, которые применялись при пытках:

«1. Избиение хлыстом из воловьих жил.

2. Ванна. Жертву опускали вниз головой в ванну, наполненную холодной водой, и держали там до тех пор, пока не начиналось удушье. Потом несчастному делали искусственное дыхание. Если истязаемый не говорил, то это повторялось по нескольку раз подряд. В намокшей одежде он проводил ночь в холодной камере.

3. Пытки электрическим током. Провода прикреплялись сначала к рукам, потом к ногам, к ушам, а затем один провод прикреплялся к заднему проходу, а другой к концу мужского члена.

4. Половые органы зажимались в специальные тиски или скручивались.

5. Подвешивание. Руки сковывались за спиной. Крюком зацепляли за наручники и при помощи блока жертву поднимали. Сначала человека поднимали и опускали рывками. Потом его держали подвешенным довольно долгое время. Очень часто руки бывали вывихнуты. Я видел в лагере лейтенанта Лефевра, который не мог пользоваться обеими руками, потому что был подвешен таким образом в течение четырех часов.

6. Ожоги при помощи паяльной лампы или просто спичками.

2 июля в лагерь прибыл мой товарищ Лалу, учитель из департамента Шер, который перенес большую часть этих пыток в городе Бурж. У него была вывихнута рука, и в результате подвешивания он не мог двигать ни одним пальцем правой руки. Он перенес избиение хлыстом и пытки электричеством. Его жгли спичками. Ему загоняли обрезанные спички под все ногти на руках и ногах. Ему надевали кольца из ваты на руки и на ноги. Вата и спички поджигались. В то время как все горело, один немец неоднократно вонзал ему острие ножа в подошвы ног, а другой в это же самое время бил его плетью. Фосфором у него был сожжены некоторые пальцы вплоть до второго сустава. Образовавшиеся нарывы прорвались. Это спасло его от заражения крови».

За подписью господина Маньона, начальника штаба одной из частей французских сил внутреннего Сопротивления, освободивших департамент Шер, имеется следующий протокол допроса. Его подпись удостоверена официальными

французскими властями которые вам известны, мы читаем, что после освобождения города Бурж 6 сентября 1944 г. было произведено обследование застенков Гестапо. При этом было найдено орудие пыток: браслет, составленный из многочисленных твердых деревянных шариков со стальными наконечниками. К нему было приделано приспособление, позволяющее завинчивать его на кистях рук. Этот браслет видели многие солдаты и командиры отрядов Маков района Мапету-Салон. Он находился в руках адъютанта Нолли, сейчас находящимся в 1-м батальоне 34-й полубригады. Рисунок прилагается к заявлению. Командор Маньон удостоверил то, что видел вышеуказанный документ.

Мы представляем теперь под номером RF-309 документ F-565, полученный из управления военной безопасности департамента Воклюз. В этом документе говорится об описанных уже методах пыток. Поэтому мы считаем, что на нем нет надобности останавливаться.

Переходим к документу F-567, который мы представляем под номером RF-310. Он касается тех жестокостей, которые совершались органами немецкой полиции в Безансоне. Это показание господина Доммерга, профессора в Безансоне. Протокол составлен американской службой по расследованию военных преступлений. Я оглашаю резюме из показаний господина Доммерга:

> «Арестован 11 февраля 1944 г. и во время допроса жестоко избит плетью из воловьих жил. Женщина, которую пытали, испускала вопли. Заключенному сказали, что это его жена. Он видел, как его товарищ был подвешен с грузом в 50 килограммов на каждой ноге. Другому выкалывали иголками глаза. Один ребенок совершенно потерял голос».

Это от американской комиссии по военным преступлениям, суммирующий показания господина Домерга. Этот документ имеет вторую часть под тем же номером F-567 (b).

Председатель: У одного из членов трибунала документ не помечен, и я хочу знать на чьё заявление вы ссылаетесь. Это доктор Гоме?

Дюбост: Это не заявление, это письмо, которое доктор Гоме, секретарь совета Национального ордена врачей, направил главному врачу полевой комендатуры в Безансоне, датировано 11 сентября 1943 года. Я оглашаю несколько выдержек из него:

> «Дорогой доктор и коллега,
>
> Имею честь при сем препроводить вам письмо, которое я составил по вашему требованию и 1 сентября в виде циркуляра направил нашим коллегам в департаменте.
>
> Совесть побуждает меня обратиться к вам по другому вопросу.
>
> Недавно я должен был оказать помощь французу, лицо и тело которого были покрыты многочисленными ранениями и

кровоподтеками в результате пыток орудиями, которыми пользуется германская служба безопасности. Речь идет об исключительно честном человеке, высокопоставленном французском государственном служащем, арестованном из расчета на то, что он может дать некоторую информацию, при этом ему лично ничто не было поставлено в вину. Это доказывается тем фактом, что он был освобожден через несколько дней, когда закончился допрос, которому он был подвергнут.

Он был подвергнут пыткам не в качестве законной санкции или законной защиты, а только для того, чтобы заставить его под влиянием насилия и страданий заговорить.

Для меня, представляющего здесь французскую медицину, является долгом совести и прямой обязанностью сообщить вам о том, что я установил при выполнении своих обязанностей. Я обращаюсь к вашей совести, как врача, и спрашиваю вас, не обязаны ли мы вмешиваться, будучи призванными охранять здоровье наших ближних...»

Видимо он получил ответ от немецкого доктора, так как доктор Гоме написал ему второе письмо и здесь текст:

«Дорогой доктор и коллега,

Вы были весьма любезны рассмотрев факты которые я представил вам в письме от 11 сентября 1943 по поводу аппарата пыток используемого германской службой безопасности во время допроса французского чиновника, лечение которого я производил впоследствии. Вполне естественно, вы спросили меня, можно ли лично посетить это лицо. Я ответил на нашей недавней встрече, что заинтересованное лицо не знает о моих действиях, и я не знаю разрешит ли оно назвать его имя. Фактически, я хочу подчеркнуть, что я действую по собственной иницативе. Лицо у которого я узнал, в силу своей профессии о фактах, на которые я сослался не имело никакого отношения к этому сообщению. Вопрос является строго профессиональным. Моя совесть как доктора вынудила меня довести этот вопрос до вашего сведения. Я донёс только то, в чём абсолютно точно уверен, и я гарантирую подлинность своего заявления честью человека, врача и француза.

Мой пациент был дважды допрошен германской службой безопасности приблизительно в конце августа 1943. Я обследовал его 8 сентября 1943, то есть почти 10 дней спустя после того как он покинул тюрьму, в которой он безуспешно просил медицинского ухода. У него глазное воспаление на левой стороне и ссадины в районе правого виска, которые как он сказал, были нанесены

некого рода кругом, который они надевали на голову, по которому били небольшими дубинками. У него синяки на ладонях, они появились из-за тисков. На передней стороне ног у него были шрамы и поверхностные раны – результат, как он мне сказал, ударов нанесённых резиновой дубинкой с короткими шипами.

Очевидно, я не могу поклясться в том как возникли синяки, но их проявление полностью соответствует объяснению которое мне дали.

Господин, вам будет проще узнать, используется ли такой аппарат который я описал в германской службе безопасности».

Я пропускаю остальное.

Председатель: Представителям и всеми остальным будет уместно знать, что трибунал не будет заседать завтра в открытом режиме, так как у него имеется много административных вопросов требующих рассмотрения. Мы прервёмся до 2 часов.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения суда, подсудимые Кальтенбруннер и Штрайхер продолжают отсутствовать на вечернем заседании.

Дюбост: Сегодня утром мы остановились на перечислении пыток, которые применялись обычно в Гестапо в различных городах Франции, где производилось расследование. Зачитывая многочисленные документальные доказательства, мы показали вам, что везде на допросах обвиняемые и даже свидетели подвергались грубому и жестокому обращению, и почти всегда такое обращение было одинаковым. Систематическое повторение одних и тех же способов доказывает, как мы полагаем, существование общего плана, исходившего от самого германского правительства.

У нас имеется еще большое количество показаний; все они взяты из отчета американского управления и касаются тюрем в Дрё, Морле, Меце. Эти показания содержатся в документах F-689, 690, 691, которые мы представляем в качестве доказательств под номерами RF-311, 312, 313.

С вашего разрешения, ваша честь, я воздержусь от дальнейшего цитирования этих документов. Одинаковые факты применения пыток повторялись систематически в Меце, Каоре, Марселе, Кемперле. О них идет речь в документах F-692, 693, 565, 694, которые мы представляем в качестве доказательств под номерами RF-314, 314 (бис), 309, 315.

Мы подходим сейчас к описанию одного из самых мерзких преступлений Гестапо, о котором невозможно умолчать, несмотря на наше желание сократить слушание этого дела. Речь идет об убийстве одного французского офицера в отделении Гестапо в городе Клермон-Ферране, в южной зоне, рассматривавшейся согласно условиям перемирия в качестве свободной. Убийство было совершено самым подлым образом и в нарушение всех положений международного права, так как оно произошло в районе, где по условиям перемирия Гестапо не только не могло проявлять никакой деятельности, но даже находиться.

Этого французского офицера, майора, звали Анри Мадлин. Его дело описывается в документе F-575, который мы представляем под номером RF-316. Он был арестован 1 октября 1943 г. в городе Виши; его допрос начался в январе 1944 года, его избили так жестоко на этом первом допросе, что, когда он возвратился в свою камеру, у него была сломана рука.

27 января он снова дважды был подвергнут допросам, во время которых его били так сильно, что по возвращении в камеру его руки так распухли, что даже не было видно наручников. На следующий день германские полицейские снова пришли за ним в камеру, где он провел всю ночь в агонии, и схватили его, когда он был еще жив. Его бросили на дороге в одном километре от небольшой деревни центрального массива, Перинья-ле-Сарльев для того, чтобы создать впечатление несчастного случая. Позже его тело было подобрано. Вскрытие обнаружило, что грудная клетка была совершенно раздавлена, во многих местах сломаны ребра, было обнаружено прободение легких и перелом позвоночного столба; нижняя челюсть была разбита, ткани головы отделились.

Мы все знаем, что некоторые французы-предатели участвовали в арестах и помогали Гестапо вымогать показания, действуя по приказанию германских офицеров. Один из этих предателей, арестованный по освобождении нашей страны, описал, как жестоко обращались с майором Мадлином. Этого предателя зовут Вернье. Мы зачитаем вам выдержку из его показаний:

> «Его били резиновыми палками, плетьми из бычьих жил, били по ногтям, давили пальцы, заставляли ходить голыми ногами по кнопкам, обжигали папиросами. В конце концов, избитого его отвели в камеру. Он был при смерти».

Майор Мадлин не был единственной жертвой этого жестокого обращения, в котором участвовали многочисленные офицеры Гестапо. Следствие обнаружило, что:

> «…12 известных лиц умерли от пыток в Гестапо Клермон-Феррана, что женщин раздевали, били, а затем насиловали».

Я не намерен удлинять это разбирательство бесполезными цитатами. Мне кажется, трибунал рассмотрит как доказанные факты которые я представил. Они находятся в документе представленном вам и у трибунала также имеются

письменные показания, взятые на следующий день после освобождения. Это систематическое обращение к одним и. тем же преступным приемам для того, чтобы добиться единственной цели — терроризировать население, не является поступком какого-нибудь одного второстепенного начальника, распоряжавшегося только в нашей стране, о чем не знает его правительство или генеральный штаб армии. Обнаруживается, что те же самые ужасные пытки и зверства систематически повторялись во всех западных странах. Если ознакомиться со способами действия германской полиции в этих странах — идет ли речь о Дании, Бельгии, Голландии или Норвегии, — везде и всегда допросы в Гестапо проводились такими же зверскими приемами, с тем же нарушением прав самозащиты, с тем же презрением к человеческой личности.

О Дании мы приведем документ, уже представлявшийся под номером RF-317, который является официальным докладом датского правительства, составленным в октябре 1945 года. Мы зачитаем из него несколько строчек. Нам кажется, что эти строчки полностью освещают интересующий нас вопрос. Это документ F-666.

Выдержка из датского меморандума от октября 1945 года в отношении главных военных немецких преступников, дело которых разбирается Международным военным трибуналом. На странице 5 под заголовком «Пытки» имеется краткое резюме, в котором изложено все, что относится к этому вопросу по Дании:

> «В многочисленных случаях германская полиция и ее подручные прибегали к пыткам для того, чтобы заставить захваченных ими людей признаваться или давать сведения. В большинстве случаев пытки состояли в ударах кнутом, дубинками или резиновыми палками. Использовались также гораздо более жестокие формы пыток. Некоторые из них калечили людей на всю жизнь. Бовензипен[215] заявил, что приказ о применении пыток исходил в некоторых случаях от высших властей, даже, может быть, от Геринга, но, во всяком случае от Гейдриха[216]. В инструкциях указывалось, что к пыткам можно прибегать в тех случаях, когда нужно заставить подвергаемых пыткам лиц дать сведения, которые помогут обнаружить диверсионные организации, действующие против Германского Рейха, но не для того, чтобы заставить правонарушителя признаться в своих личных проступках».

[215] Отто Бовензипен (1905 — 1979) — немецкий юрист, штандартенфюрер СС, командир полиции безопасности и СД в Дании в 1944-1945, начальник Гестапо в Берлине. После войны был судим датским и немецким судами к различным срокам лишения свободы.

[216] Рейнхард Гейдрих (1904 — 1942) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха (1939—1942), заместитель (исполняющий обязанности) протектора Рейха Богемии и Моравии (1941—1942). Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит в результате покушения чешских подпольщиков.

Немного дальше:

«Предписываемые средства включали определенное количество ударов хлыстом. Бовензипен не помнит, какое было максимальное число ударов: десять или двадцать. При этих избиениях присутствовал офицер уголовной полиции, а также, когда этого требовали обстоятельства, офицер-врач».

Упомянутые выше инструкции несколько раз изменялись, и на них обращалось внимание всего состава уголовной полиции».

Датское правительство сообщает о двух особо отвратительных случаях пыток, примененных по отношению к датским патриотам — профессору Могенсу Фогу[217] и полковнику Эйнару Тимроту. Трибунал прочтет в тексте петитом заявление доктора Гофмана-Беста, что его официальные полномочия не разрешали ему мешать применению пыток.

В отношении Бельгии надо прежде всего напомнить о пытках, к которым прибегали в приобретшем дурную славу лагере в Бриндонке, куда были заключены сотни и тысячи бельгийских патриотов. Мы вернемся к вопросу о лагере в Бриндонке, когда будем представлять материал о концлагерях. Сегодня я зачитаю только выдержки из доклада бельгийской комиссии по расследованию военных преступлений. Это будут точные факты, подтверждающие наши утверждения о том, что все факты жестокого обращения, в которых обвиняется Гестапо во Франции, имели место также во всех оккупированных западных странах. Документ, который мы предъявляем под номерами F-942(a), F-942(b), RF-318, 319.

Отчёт состоит из протоколов допросов и заявлений. Я воздержусь от их оглашения, так как все они содержат показания, аналогичные тем, которые я уже огласил и которые были собраны в отношении Франции. На первой и второй страницах вы прочтете заявление господина Огюста Рамаля и заявление господина Поля Девомара, из которых явствует, что они подверглись исключительно ужасному обращению и что, когда они вышли из Гестапо, были изуродованы и не могли держаться на ногах.

В отношении Бельгии я предъявляю документы F-641(a) и F-641(b), которые будут иметь в качестве доказательства номера RF-320 и 321. Их я также не буду оглашать. Они содержат протоколы, описывающие пытки, аналогичные тем, о которых я уже говорил. Если трибунал примет без доказательств документы о жестокости пыток, к которым прибегало Гестапо, я не займу вашего времени чтением всех представленных доказательств.

В отношении Норвегии источником сведений, которыми мы располагаем, являются выдержки из заявления норвежского правительства по вопросу о наказании главных военных преступников. Документ UK-79. Французский перевод этого документа мы представляем под номером RF-323. В нем вы найдете сведения

---

[217] Могенс Фог (1904 – 1990) – датский врач и политик. Член Коммунистической партии Дании.

о большом числе погибших норвежских граждан. На второй странице документа трибунал прочтет заявление норвежского правительства о том, что большое число норвежских граждан умерло в результате жестокого обращения с ними на допросах. Только в Осло число известных случаев достигает 52, а в различных частях Норвегии их, без сомнения, гораздо больше. Общее число норвежцев, умерших во время оккупации в результате пыток, жестокого обращения, казней или самоубийств в политических тюрьмах и концлагерях, достигает приблизительно 2100.

В параграфе «В», на странице 2 этого же документа, имеется описание способов, к которым прибегало Гестапо в Норвегии. Это способы, подобные тем, которые я уже описал.

В отношении Голландии мы представляем документ F-224, который получает номер RF-324 и является выдержкой из заявления голландского правительства по вопросу о суде над главными немецкими военными преступниками. Документ датирован 11 января 1946 г. Трибунал найдет в этом документе большое количество показаний, собранных департаментом уголовного следствия. Во всех этих заявлениях речь идет о жестоком обращении, аналогичном тому, с которым вы уже ознакомились и которое вменяется в вину управлению Гестапо в Голландии.

В Голландии, как и в других странах, заключенных били хлыстами и палками до тех пор, пока у них не сходила кожа со спины, затем их возвращали в камеру. Иногда их обливали ледяной водой, иногда подвергали действию электрического тока. Один свидетель видел собственными глазами в Амерсфюрте, как заключенного священника забили до смерти резиновой палкой. Я полагаю, что систематический характер этих пыток, без сомнения, установлен.

Заявление датского правительства является первым из доказательств моего утверждения о том, что систематический характер пыток и истязаний был преднамеренным со стороны высших германских властей и что члены германского правительства за него ответственны. Во всяком случае эти систематические пытки были, конечно, им известны, так как из всех европейских стран поступали протесты против этих способов допросов, возвращавших нас к мраку средневековья. И ни одного приказа, который бы запрещал эти пытки, не было издано. Ни разу исполнители пыток не были призваны к ответу. Эти способы ведения следствия сами по себе являлись элементом усиления террористического характера политики, проводимой Германией в западных оккупированных странах. Об этом террористическом характере я уже говорил при изложении материала по вопросу о заложниках.

Я укажу вам, кто из подсудимых рассматривается Францией и другими западными странами как главные виновники создания этого преступного порядка деятельности Гестапо. Это—Борман и Кальтенбруннер, так как согласно своим функциям они более других должны были знать о преступных действиях

исполнителей. Хотя у нас нет документов, подписанных ими в отношении западных стран, однако сходство фактов, которые мы описали, более того, их идентичность, несмотря на то, что имели они место в разных странах, позволяют нам утверждать, что все приказы были преднамеренными. Все они явились результатом единой воли, и среди подсудимых Борман и Кальтенбруннер как раз и являлись выразителями этой единой воли.

То, что я изложил, относится к предварительной процедуре подготовки нацистами расправы со своими жертвами. Мы знаем, с какой жестокостью она проводилась. Нам известно, что эта жестокость была целенаправленной. Это было известно населению подвергшихся вторжению стран и её целью было создание атмосферы реальности террора вокруг Гестапо и всех германских полицейских служб.

После расследования следовал суд. По нашему мнению, он был пародией на суд. Судебное преследование основывалось на праве, которое мы отвергаем как совершенно бесчеловечное. Об этом будет говорить мой коллега господин Эдгар Фор во второй части изложения о германских зверствах в западных странах, преступлениях против духа.

Нам достаточно знать, что германские суды, которые действовали в отношении граждан западных оккупированных стран, не смирившихся с разгромом своих стран, признавали только одну кару — смертную казнь. Все это делалось по безжалостным приказам одного из этих людей — Кейтеля. Один из приказов содержится в оглашенном уже документе L-90, который представлялся под номером USA-503. Строчка 5:

> «За поступки такого рода кара, лишающая свободы, и даже пожизненное заключение считаются признаком слабости. Добиться эффективности можно только смертной казнью или такими мерами, которые обусловливают незнание населения о судьбе виновных. Депортация в Германию как раз достигает этой цели».

Нужно ли это комментировать? Следует ли удивляться тому, что этот военачальник отдает приказы юстиции? То, что мы знаем о нем со вчерашнего дня, позволяет нам сомневаться в том, что он представляет собой только военачальника. Мы процитировали вам его собственные слова. «Если суд не может приговаривать к смертной казни,— продолжает Кейтель, — тогда пусть депортируют!». Я думаю, господа судьи, вы разделяете мое мнение, что когда такие приказания отдаются суду, то о правосудии не может быть речи. Во исполнение этого приказа те из наших соотечественников, которые не были приговорены к смертной казни и немедленно казнены, были депортированы в Германию.

Ме переходим к третьей части моего выступления: вопрос депортаций.

Мне осталось пояснить вам, при каких обстоятельствах проводились депортации. Если трибунал может прерваться на несколько минут, я буду крайне

благодарен.

Председатель: На сколько нужно прерваться господин Дюбост?

Дюбост: Вероятно десять минут, ваша честь.

[*Объявлен перерыв*]

Нельте: Французский обвинитель, только что зачитал из документа L-90, так называемого указа «Nacht und Nebel». Он сослался на указ и процитировал слова:

> «Действенного и последовательного устрашения можно достичь только смертными казнями или мерами, которые оставляют родственников и население в неведении о судьбе преступника».

Французский обвинитель указал, что это были слова Кейтеля.

В связи с предыдущим случаем председатель и трибунал отмечали, что недопустимо цитировать только часть из документа, когда этим создаётся ошибочное представление. Французский обвинитель согласится со мной в том, что, указ L-90 ясно показывает, что это не слова начальника ОКВ, а Гитлера. В этом коротком фрагменте говорится:

> «Фюрер уже давно выразил желание, чтобы на оккупированных территориях в случаях выступлений против Рейха или оккупационных властей виновные лица подвергались бы иным наказаниям, нежели это было до сих пор. Фюрер считает: в случаях таких преступлений наказание лишением свободы, в том числе и пожизненное тюремное заключение, расценивалось бы как признак слабости. Действенного и последовательного устрашения можно достичь только смертными казнями и т.д.»

Далее указ говорит:

> «Прилагаемые директивы о преследовании преступлений соответствуют взглядам фюрера. Они им проверены и одобрены».

Я возьму смелость отметить данный факт, потому что именно это является указом, который печально известен как «Nacht und Nebel», которому при формулировании и исполнении возражал Кейтель. Вот почему я протестую.

Дюбост: Я в долгу за ваше объяснение. Я не зачитал указ полностью, потому что он известен трибуналу. В соответствии с обычной процедурой данного трибунала, его читали. Не требуется зачитывать его снова. Более того, я знал о том, что обвиняемый Кейтель подписал его, но Гитлер согласовал это. Таким образом, я обратился к военной чести этого генерала, который не побоялся стать лакеем Гитлера.

Председатель: Трибунал понял из вашего упоминания факта, что документы уже были представлены трибуналу и о не думает, что было, что-то вводящее в заблуждение в том, что вы сделали.

Дюбост: Если трибунал это устраивает, мы приступаем к заслушиванию свидетеля, француза.

[*Свидетель Ламп*[218] *занял место свидетеля*]

Председатель: Это ваш свидетель, не так ли? Это свидетель, которого вы хотите вызвать?
Дюбост: Да.
Председатель: [*Свидетелю*] Встаньте. Как ваше имя?
Ламп: Морис Ламп.
Председатель: Повторяйте за мной слова присяги. Вы клянётесь говорить без ненависти и страха, говорить правду, всю правду, только правду?

[*Свидетель повторил слова присяги по-французски*]

Председатель: Поднимите правую руку и скажите: «Я клянусь».
Ламп: Клянусь.
Председатель: Произнесите своё имя.
Ламп: Л-а-м-п.
Председатель: Благодарю.
Дюбост: Вы родились в городе Рубэ 23 августа 1900 г. Вы были высланы немцами?
Ламп: Да.
Председатель: Вы можете сесть.
Ламп: Благодарю господин председатель.
Дюбост: Вы были заключены в Маутхаузене[219]?
Ламп: Да.
Дюбост: Можете ли вы дать свидетельские показания о том, что вы знаете об этом лагере?
Ламп: Охотно.
Дюбост: Скажите, что вы знаете?
Ламп: Я был арестован 8 ноября 1941 г. После двух с половиной лет заключения во Франции я был выслан 22 марта 1944 г. в Маутхаузен, в Австрию. Дорога туда продолжалась три дня и три ночи в условиях, чрезвычайно мучительных, — 104 арестованных находились в душных вагонах для скота. Я не вижу необходимости более подробно описывать это путешествие. Но можно себе представить, в каких условиях при 12 градусах мороза мы добрались утром 26 марта 1944 г. в

[218] Морис Ламп (1900 – 1979) – французский коммунист. Участник гражданской войны в Испании. Деятель французского профсоюзного движения.
[219] Маутхаузен — немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938—1945 годах. Концлагерь представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии (Остмарка).

Маутхаузен. Я указываю, однако, что, начиная с французской границы, в вагонах мы ехали совершенно раздетыми.

Когда мы прибыли в Маутхаузен, офицер СС, который принимал этот эшелон, состоявший из 1200 французов, объявил нам в следующих выражениях, которые я повторяю на память почти дословно:

> «Германии нужны ваши руки. Следовательно, вы будете работать. Но я хочу вас предупредить, что никогда вы не увидите ваших семей. Когда попадают в этот лагерь, выходят только через трубу крематория».

Я оставался приблизительно три недели в карантине (изолированный блок) и затем был направлен для работы в бригаду в каменоломне. Каменоломня Маутхаузена, расположенная в углублении, находилась приблизительно в 800 метрах от лагеря. Чтобы спуститься туда, имелось 186 ступенек; предстоял тяжелый путь, поскольку эта лестница, где были неровные ступени, была построена таким образом, что, поднимаясь даже без ноши, люди приходили уже обессиленными.

В этот день, 15 апреля 1944 г., я был назначен в смену, состоявшую из 12 человек. Все мы, французы, были под командой немецкого «капо» — уголовника и одного эсэсовца.

Мы начали работу в 7 часов утра. В 8 часов, час спустя, двое из моих товарищей уже были убиты. Это были: почти старик, мсье Грегуар из Лиона, и совсем юноша, Лефевр из города Тур. Они были убиты потому, что не поняли команды на немецком языке, когда назначали этих людей на работу. Наше незнание немецкого языка давало очень часто повод нас избивать.

Вечером этого первого дня, 15 апреля 1944 г., нам было поручено принести эти два трупа. Тот, которого я и трое из моих товарищей несли, было тело старика Грегуара, человека тяжелого. Мы были несколько раз избиты, пока поднимались с трупом по лестнице в 186 ступенек.

Жизнь в Маутхаузене, а я хочу рассказать суду лишь только то, что я сам знал и видел, была длинной цепью страданий и пыток. Мне хотелось тем не менее напомнить некоторые сцены, особенно тяжелые, которые у меня особенно запечатлелись.

В течение сентября, мне кажется, 6 сентября 1944 г., прибыла в Маутхаузен небольшая партия: 47 английских, американских и голландских офицеров. Это были летчики, спустившиеся на парашютах. Они были задержаны во время попытки вернуться на свою сторону. Они были приговорены к смерти немецким судом. Они были взяты в плен полтора года тому назад. Их привезли в Маутхаузен, чтобы там казнить.

По приезде их поместили в бункер — лагерную тюрьму. Они были совсем раздеты, на них были лишь кальсоны и рубашки, и они были босы. Утром в 7 часов они были на перекличке. Лагерные бригады отправились на работу. Эти 47

офицеров были собраны около канцелярии, где услышали от коменданта лагеря свой смертный приговор.

Я должен сказать, что один американский офицер просил у коменданта СС, чтобы его казнили так, как подобает быть казненным солдату. В ответ последовали удары хлыстом. 47 человек должны были идти босиком к каменоломне.

Их казнь осталась у всех в памяти в Маутхаузене. Это была картина Дантова[220] ада. Внизу лестницы на плечи несчастных накладывали камни, которые они должны были нести наверх, от 25 до 35 килограммов. Первое путешествие заканчивалось под ударами палок. Затем следовал спуск бегом. При втором путешествии камни были более тяжелые и, по мере того, как ноша становилась все тяжелее, на несчастных сыпались удары сапогом, резиновых дубинок и даже камни, которые в них бросали.

Это длилось несколько дней. Вечером, когда я шел в бригаду, в которой я состоял, дорога, которая вела в лагерь, была дорогой крови. Я едва не наступил на нижнюю челюсть убитого — 21 труп лежал на дороге. 21 человек умер в первый день, а 26 остальных умерли на следующий день утром. Я попытался, по возможности кратко, изложить это ужасное зрелище. Мы не смогли, когда были в лагере, узнать имена этих офицеров, но я думаю, что их имена теперь уже известны.

В сентябре 1944 года к нам приехал Гиммлер. Ничего не изменилось в работе лагеря. Бригады, как обыкновенно, спускались, и мы имели печальный случай увидеть Гиммлера довольно близко. Но если я упоминаю о пребывании Гиммлера в лагере, что не было, в конце концов, большим событием, то лишь потому, что в этот день Гиммлеру представили зрелище казни 50 советских офицеров.

Я должен сказать, что я тогда работал в бригаде Мессершмидта и в этот день я был в ночной смене. Блок, где я находился, был как раз напротив крематория и того места, где происходили казни, и я видел этих советских офицеров, которые стояли по пять человек в ряд у блока в ожидании быть вызванными один за другим. Дорога, которая вела в комнату, где совершались казни, была относительно короткая; туда вела лестница, по которой можно было спуститься: комната казни была под крематорием.

Казнь, в начале которой присутствовал Гиммлер, длилась продолжительное время и была особенно тяжелым зрелищем. Я повторяю: советских офицеров вызывали одного за другим, и образовывалось нечто вроде конвейера между теми, которые ожидали своей очереди, и теми, которые слышали выстрел на лестнице. Казнь производилась выстрелом в затылок.

Дюбост: Вы лично присутствовали при этом?

Ламп: Я повторяю, я находился в этот день в послеобеденное время в блоке № 11,

---

[220] Данте Алигьери (1265 — 1321) — итальянский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка, политический деятель.

расположенном напротив крематория, и если мы не видели самой казни, то мы слышали каждый выстрел. Мы видели осужденных, они стояли напротив нас и обнимались перед тем, как расстаться и спуститься по лестнице.

Дюбост: Кто были эти осужденные?

Ламп: Это были в большинстве случаев советские офицеры, политические комиссары или члены большевистской партии. Они прибыли из лагерей для офицеров-военнопленных.

Дюбост: Скажите, были среди них офицеры?

Ламп: Да.

Дюбост: Вам было известно, откуда они прибыли?

Ламп: Нам трудно было знать, из какого лагеря они прибыли, потому что, в соответствии с правилами, их изолировали по прибытии в лагерь и отправляли или прямо в тюрьму, или в блок № 20, примыкавший к лагерю.

Дюбост: Откуда вы знали, что это были офицеры?

Ламп: Потому что мы имели возможность общаться с ними.

Дюбост: Все прибыли из лагеря военнопленных?

Ламп: Вероятно.

Дюбост; Вы точно не знали?

Ламп: Мы этого не знали, потому что главным образом интересовались национальностью, но не подробностями.

Дюбост: Английские, американские и голландские офицеры, о которых вы нам только что говорили, были казнены на лестнице в каменоломне. Знаете ли вы, откуда они все прибыли?

Ламп: Мне кажется, что они прибыли из Голландии, в частности, летчики, самолеты которых, вероятно, были сбиты, которые сбросились с парашютами и которые, скрываясь, пытались добраться до своей страны.

Дюбост: Было ли известно заключенным в Маутхаузене, что офицеров и унтер-офицеров казнили?

Ламп: Это было обычно.

Дюбост: Это было обычно?

Ламп: Это было очень обычно.

Дюбост: Знаете ли вы о некоторых массовых казнях заключенных в Маутхаузене?

Ламп: Мы знаем множество примеров.

Дюбост: Пожалуйста, расскажите о них.

Ламп: Наряду с теми казнями, которые я только что описал, надлежит напомнить казнь части партии, прибывшей из Заксенхаузена[221]. Это происходило 17 февраля 1945 г.

Под натиском союзных армий некоторые лагери эвакуировались по

[221] Заксенхаузен — нацистский концентрационный лагерь, расположенный в городе Ораниенбург в Германии. Освобождён советскими войсками 22 апреля 1945 года,

направлению к Австрии. Транспорт в 2,5 тысячи арестованных отбыл из Заксенхаузена и прибыл утром 17 февраля в Маутхаузен приблизительно в количестве 1700 человек; 800 человек погибли или были убиты во время пути.

Лагерь Маутхаузен был в это время, если я могу употребить такое выражение, набит до отказа. Поэтому из 1700 оставшихся в живых в этом составе комендант Дахмайер отобрал 400 человек больных, стариков и самых слабых, сказав, что они попадут в лазарет. Этих 400 человек, которые добровольно назвались, раздели догола при 18-градусном морозе, и в таком виде они оставались 18 часов. Их оставили в таком виде, и они находились между прачечной и стеной, окружавшей лагерь.

Дюбост: Вы при этом присутствовали лично?

Ламп: Лично.

Дюбост: Вы это можете засвидетельствовать, вы это видели сами непосредственно?

Ламп: Да.

Дюбост: Где вы были в это время в лагере?

Ламп: Эта сцена длилась, я повторяю, 18 часов, и когда мы входили и выходили из лагеря, это печальное зрелище стояло перед нашими глазами.

Дюбост: Хорошо, продолжайте. Вы нам только что говорили о посещении Гиммлером и о казнях советских офицеров. Вы часто видели высокопоставленных особ немцев?

Ламп: Да, но не могу их назвать.

Дюбост: Вы их не знали?

Ламп: Вряд ли можно ошибиться в Гиммлере.

Дюбост: Всем было известно, что это видные личности?

Ламп: Да. Мы это знали потому, что, во-первых, при посещении, этих людей всегда сопровождал весь штаб, и они в особенности осматривали примыкавшие к тюрьме блоки и саму тюрьму.

Если вы позволите, я продолжу давать объяснения по поводу убийства этих 400 несчастных. Я сказал, что после того, как допросили больных, самых слабых, стариков, комендант лагеря Дахмейер приказал, чтобы эти люди при 18-градусном морозе совершенно разделись. Очень быстро некоторые окоченели, но эсэсовцам казалось, что это недостаточно быстро. Трижды в эту ночь их заставляли спускаться в душ, их заставляли находиться по полчаса трижды под ледяной водой и вновь подниматься, не вытираясь. Утром, когда бригады вышли на работу, на земле лежали только трупы. Нужно добавить, что последних приканчивали ударом топора.

Я предъявляю здесь совершенно неоспоримое свидетельство, самое точное, факта, который легко можно проверить. Среди этих 400 людей был кавалерийский капитан французской арми Дедион, в настоящее время, мне кажется, он — майор во французском военном министерстве. Этот человек находился среди

400 и спасся только благодаря тому, что спрятался под трупами и, таким образом, избежал удара топором. Когда трупы унесли в крематорий, ему удалось спастись бегством через лагерь, но он получил выстрел в плечо, отчего у него останется шрам на всю жизнь.

Пойманный эсэсовцами, он снова спасся, так как эсэсовцам показалось забавным, что живой человек вышел из-под кучи трупов. Мы его лечили, поддержали и отправили обратно во Францию.

Дюбост: Вам известно, почему эта казнь была совершена?

Ламп: Потому, что в лагере было слишком много людей. В этот лагерь отовсюду пересылали заключенных из свернутых лагерей и их не успевали распределять по рабочим командам. Блоки были переполнены. Вот это единственное объяснение, которое можно дать.

Дюбост: Известно ли вам, кто дал приказ об убийстве английских, американских и голландских офицеров, казнь которых вы видели в каменоломне?

Ламп: Мне кажется, я сказал, что эти офицеры были приговорены к смерти немецким судом.

Дюбост: Да.

Ламп: Вероятно, некоторые из них были осуждены несколько месяцев тому назад. Они были отосланы в Маутхаузен, чтобы там приговор был приведен в исполнение. Вероятно, это был приказ и Берлина.

Дюбост: Известны ли вам условия, при которых был создан лазарет?

Ламп: Я со всей объективностью могу заявить, что лазарет был построен до моего прибытия в лагерь.

Дюбост: Значит, это не прямое показание?

Ламп: Показание, подтверждаемое группой заключенных, а также и самими эсэсовцами. Он был построен первыми советскими пленными, которые прибыли в Маутхаузен. 4 тысячи советских солдат были убиты, замучены во время постройки 8 блоков этого лазарета. Воспоминание об этих убийствах настолько живо осталось в памяти, что никогда в Маутхаузене лазарет не называли иначе, как «русским».

Дюбост: Сколько вас было французов в Маутхаузене?

Ламп: Приблизительно в Маутхаузене и в бригадах нас было 10 тысяч французов.

Дюбост: Сколько вас вернулось?

Ламп: 3 тысячи.

Дюбост: Были ли с вами и испанцы?

Ламп: 8 тысяч испанцев прибыли в Маутхаузен в 1941 году. Когда мы уехали в апреле 1945 года, их осталось 1600 человек, все остальные были уничтожены.

Дюбост: Откуда прибыли эти испанцы?

Ламп: В большинстве случаев эти испанцы прибыли из рабочих рот, организованных в 1939 и 1940 годах во Франции, или были непосредственно переданы правительством Виши германским властям.

Дюбост: Это все, что вы имеете сказать?

Ламп: С разрешения суда, я хочу рассказать об одном случае зверств, который остался у нас в памяти. Это также происходило в течение сентября 1944 года. Извините, если я неточно запомнил дату. Но я помню, что это было в субботу, потому что в субботу все наружные команды проходили вечернюю перекличку внутри лагеря. Так было только в субботу вечером и в воскресенье утром.

Перекличка в этот вечер длилась дольше, чем обычно. Кого-то не хватало. После долгого ожидания обысков, произведенных в различных блоках, нашли одного русского, советского заключённого, который, возможно, заснул и забыл о перекличке. Какова была причина, нам не известно, но он не присутствовал на перекличке. Немедленно эсэсовцы с собаками отправились к несчастному, и перед всем лагерем — я находился в первом ряду, не потому, что я этого хотел, но потому, что мы были так размещены, — разъяренные собаки бросились на этого несчастного советского пленного и разорвали его на глазах у всех. Я должен сказать, что, несмотря на мучения, этот пленный держался с особенным достоинством.

Дюбост: Какой был режим в лагере? Одинаково ли относились к заключенным всех национальностей? Или были различия по расовым признакам?

Ламп: Как общее правило, режим лагеря был одинаковым для заключенных всех национальностей, за исключением блоков карантина, блоков, примыкавших к тюрьме. Условия работы, выбор команды позволяли иногда некоторым изменить обычные условия. Например, те, кто работал в продовольственных магазинах и на кухне, имели гораздо большие возможности.

Дюбост: Например, на кухнях или в продуктовых магазинах могли работать евреи?

Ламп: Евреи в Маутхаузене составляли команды, где были самые тяжелые условия. Должен, впрочем, сказать, что в декабре 1943 года евреи не жили больше трех месяцев в Маутхаузене. Их было мало.

Дюбост: Что произошло в этом лагере после убийства Гейдриха?

Ламп: Произошел один очень трагический эпизод. В Маутхаузене насчитывалось 3 тысячи чехов, из которых 600 были людьми интеллигентного труда. После убийства Гейдриха чешский концлагерь был уничтожен, за исключением 300 человек из 3000 и 6 человек из 600 человек интеллигентного труда, которых мы нашли в лагере.

Дюбост: Не говорили ли вам о «научных» экспериментах?

Ламп: Да, они были часты в Маутхаузене так же, как и в других лагерях. У нас есть свидетельства, которые, мне кажется, вполне себя оправдывают. Это два черепа, которые служили вместо пресс-папье главному врачу СС. Это черепа двух молодых голландских евреев, которые были изъяты из эшелона в 800 человек и выбраны потому, что у них были прекрасные зубы.

Главный врач, отбирая их, сказал, что этих двух голландских евреев не постигнет судьба их товарищей по транспорту. Он им сказал: «Здесь евреи не

живут. Мне нужно двух здоровых людей для хирургических экспериментов, вы можете выбирать: или вы будете подвергнуты экспериментам, или будете убиты вместе с другими».

Этих евреев направили в лазарет, и они были подвергнуты операциям: одному удалили почки, другому — желудок, после этого им сделали укол в сердце бензином, затем их обезглавили. Как я вам уже говорил, два черепа с прекрасными зубами находились все время, до освобождения, на столе главного врача.

Дюбост: Я обращаюсь по поводу Гиммлера. Вы уверены, что вы его видели во время казни?

Ламп: Да.

Дюбост: Думаете ли вы, что то, что происходило в лагере, могло быть не известно членам германского правительства? Посещения, которые у вас были, были ли это посещения просто членов СС или других лиц?

Ламп: Что касается первого вопроса, то мы все знали Гиммлера, и даже если мы его не знали, то о его посещении говорили за несколько дней вперед, и эсэсовцы нам сообщили о его приезде. Об этом его посещении знали заранее. Он присутствовал при казни советских офицеров. Эта казнь происходила в послеобеденное время, и он не оставался до конца.

Дюбост: Возможно ли, что только эсэсовцы знали, что происходило в лагере? Посещали ли лагерь другие лица, кроме СС? Знакома ли вам форма СС?

Ламп: Те, которых мы видели в лагере, это были обычно солдаты или офицеры. Незадолго до освобождения лагерь посетил гауляйтер Верхнего Дуная. Нас часто также посещали сотрудники Гестапо, одетые в штатское. Но населению немецкому, в данном случае австрийскому, было известно абсолютно все, что происходило в Маутхаузене. Команды почти все были внешние. Я только что говорил, что я работал у Мессершмидта. Мастер был мобилизованный немец, который вечером возвращался в свою семью. Ему была известна наша жизнь, наши страдания, он часто видел, как приходили за людьми, которые должны были быть убиты. Он был свидетелем большинства избиений, о которых я говорил.

Я добавлю. Однажды в Маутхаузене произошло следующее: прибыла партия из 30 венских пожарных, арестованных за то, что они приняли участие в акте солидарности. Эти венские пожарные нам сказали, что в Вене, когда хотели напугать детей, говорили: «Если ты не будешь послушным, я тебя отправлю в Маутхаузен».

Вот еще более существенная подробность. Лагерь Маутхаузен расположен на плоскогорье, и каждую ночь трубы крематория дымились и наполняли чадом всю местность. Все знали, для чего служил крематорий.

Еще одна подробность: город Маутхаузен находился в пяти километрах от лагеря. Прибывавшие эшелоны разгружались на вокзале города, и все население могло видеть, как шли прибывавшие люди, и знало, в каких условиях эти люди

прибывали в лагерь.

Дюбост: Я благодарю вас.

Председатель: Какие будут вопросы у советского обвинителя?

Руденко: Скажите, свидетель, не известно ли вам, по чьему приказу были казнены 50 советских офицеров? За что их казнили?

Ламп: По этому отдельному случаю я не могу ответить... Я не знаю причин приговора и их казни, но, как общее правило, все советские офицеры, все политические комиссары или члены большевистской партии были казнены в Маутхаузене. И если некоторым из них удалось спастись, то это потому, что их служебное положение не было известно эсэсовцам.

Руденко: Вы утверждаете, что при казни 50 советских офицеров присутствовал Гиммлер?

Ламп: Я утверждаю, что я видел его собственными глазами.

Руденко: Не можете ли вы более подробно сообщить о казни 4000 советских военнопленных, о которых вы только что говорили?

Ламп: Я не смогу добавить многого, кроме разве того, что эти люди убиты во время работы, потому что, очевидно, недоедание, непосильная работа, которую они должны были выполнять, лишали их сил выполнить задание. Они были убиты на месте ударами палок. Иногда их убивали эсэсовцы или их заставляли идти к проволоке и в них стреляли. Я больше не могу ничего добавить, так как лично больше ничего не видел.

Руденко: Еще один вопрос. Не можете ли вы более детально сообщить об уничтожении чешской колонии узников?

Ламп: Я не был в лагере во время уничтожения 3 тысяч чехов, но оставшиеся в живых чехи, с которыми я встречался в 1944 году, мне все единогласно подтвердили этот факт, и, очевидно, они составили для своей страны список убитых людей.

Руденко: Значит, если я вас правильно понял, в лагере, где вы находились, происходили расправы без всякого суда и следствия. Каждый эсэсовец вправе был убить заключенного. Правильно ли я понял ваше сообщение?

Ламп: Это именно так. Жизнь человека в Маутхаузене ни во что не ставилась.

Руденко: Спасибо.

Председатель: Может быть, кто-либо из защитников хочет задать вопрос этому свидетелю?...Свидетель может идти. Минуточку свидетель.

Биддл: Какое количество охраны было в лагере?

Ламп: Количество охраны колебалось, но было, как общее правило, 1200 эсэсовцев и солдат фольксштурма[222]. Тем не менее, следует упомянуть, что только 50 — 60 членам СС разрешалось входить в лагерь.

Биддл: Это были эсэсовцы, которым разрешалось входить на территорию лагеря?

---

[222] Фольксштурм — отряды народного ополчения Третьего рейха, созданные в последние месяцы Второй мировой войны для отражения натиска антигитлеровской коалиции на его территорию.

Ламп: Да, это были эсэсовцы.
Биддл: Все ли они были эсэсовцами?
Ламп: Все были эсэсовцами.
Председатель: Свидетель может идти.
Дюбост: Спасибо. С вашего разрешения, мы будем продолжать представление доказательств о немецких зверствах в западных странах Европы с 1939 года по 1945 год, выделив из показаний те конкретные факты, которые в равной степени составляют преступления против общего права. Общая идея, вокруг которой мы строили всю свою работу, заключается в том, что нацистский террор был сознательно разработан как орудие управления всеми порабощенными народами.

Нам нужно запомнить показания этого французского свидетеля который сказал, что в Вене, желая напугать ребёнка ему говорили о Маутхаузене.

Люди, арестованные в странах Запада, отправлялись в Германию, где их заключали в лагеря или в тюрьмы. Информация которую мы имеем по вопросу тюрем взята из официального отчёта министерства по дела военнопленных который мы уже читали, он сшит с томом который был у вас этим утром. В нём вы найдете, на странице 35 и странице 36 по страницу 42, подробное заявление о том что представляли собой тюрьмы в Германии. Тюрьма в Кёльне находилась между пожарной станцией и главным вокзалом и прокурор Кёльна в отчёте…»
Председатель: F-274?
Дюбост: На странице 35 документа F-274, RF-301, Трибунал прочтет, что тюрьма в Кельне, где было заключено очень много французов, расположена между товарной станцией и главным вокзалом поэтому прокурор Кёльна написал в отчёте, который использовало министерство по делам военнопленных или депортированных при составлении книги находящейся у вас, о том, что расположение тюрьмы было настолько опасным, что нельзя было размещать никакое военное предприятие, ни поставлять дефицитные материалы на фабрику в этом районе. Во время бомбардировок заключенные тюрьмы не имели права выходить в бомбоубежище. Они оставались запертыми в своих камерах даже в случаях пожара.

Жертвы от бомбардировок в тюрьмах были весьма многочисленны. Майский налёт 1944 привёл к 200 жертвам в тюрьме на Александерплац в Берлине. В Аахене, помещения были грязные, сырые, арестованных было в 3 — 4 раза больше, чем позволяло помещение. В тюрьме Мюнстера женщины в ноябре 1943 года находились в полуподвале без воздуха. Во Франкфурте арестованные вместо камер имели нечто вроде железных клеток размером два на полтора метра. Все было лишено какой-либо гигиены. В Аахене, как и во многих тюрьмах, арестованные имели только одно ведро посреди комнаты, и было запрещено освобождать его в течение дня.

Питание было очень скудное. Как правило, эрзац-кофе утром с тонким кусочком хлеба, суп в обед, тонкий кусочек хлеба на ночь с небольшим количеством

маргарина или сосиской или джемом.

Заключенные привлекались к неимоверно трудным работам в военной промышленности, в промышленности по производству продуктов питания, на текстильных фабриках. Каковы бы ни были исполняемые работы, они длились по крайней мере 12 часов. В Кельне, например, работали с 7 часов утра до 21 или 22 часов вечера, то есть 14-15 часов подряд. Я цитирую материалы прокурора Кёльна, документ номер 87, направленный нам министерством пленных. Обувная фабрика давала работу заключённым 18 германских тюрем…Я цитирую из этого же документа.

> «Большинство французов твёрдо отказывались работать в военной промышленности, например, производстве противогазов, заполнении, литье стальных плит, тележек для снарядов, радио и телефонной аппаратуры предназначенной для армии. В таких случаях Берлин отдавал приказы направлять непокорных в штрафные лагеря. Примером этого является отправка женщин из Коттбуса в Равенсбрюк[223] 13 ноября 1944. Само собой речи не шло о Женевской конвенции[224].
>
> Политические заключенные должны были нередко собирать неразорвавшиеся бомбы.
>
> Это — официальный немецкий текст прокурора Кельна.

Санитарного контроля не существовало. Никаких профилактических мер в тюрьмах против эпидемий не принималось. Врач-эсэсовец применял противопоказанное лечение.

В тюрьме Диц-ан-дер-Лан начальник тюрьмы Гаммрад, бывший офицер медицинской службы германской армии, одобрительно смотрел на то, как охрана из отрядов СС била заключенных. Дизентерия, дифтерит, легочные заболевания, плевриты не освобождали больных от работы, и больные работали до изнеможения. Только в исключительных случаях они направлялись в госпиталь.

Бесконечные издевательства. В Аахене присутствие женщины еврейки в камере приводило к уменьшению пайка наполовину. В Амраше они должны были ходить в туалет только по команде. В Магдебурге тех, кто не подчинялся, заставляли сто раз становиться на колени перед охраной. Допросы проводились так же, как и во Франции, грубо, и допрашиваемых почти всегда морили голодом.

В Асперге врач заставлял делать уколы в сердце арестованным; эти уколы

---

[223] Равенсбрюк — концентрационный лагерь Третьего рейха, располагавшийся на северо-востоке Германии в 90 км к северу от Берлина около одноимённой деревни, сейчас ставшей частью города Фюрстенберг. Существовал с мая 1939 до конца апреля 1945 года. Был определён как «охраняемый лагерь заключения для женщин». Крупнейший женский концентрационный лагерь нацистов.

[224] Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

были смертельны. В Кельне осужденные на смерть всегда заковывались в цепи. В Зонненбурге умирающим давали выпить какую-то зеленоватую жидкость для того, чтобы они быстрее скончались. В Гамбурге больные евреи должны были сами себе рыть могилы, пока не падали туда изнуренными. Так было и с бельгийцами, и с французами, и с голландцами, гражданами Люксембурга, датчанами, норвежцами, заключенными в немецких тюрьмах. В Берлине, в тюрьме Борзе, еврейских детей убивали на глазах их матерей. Стерилизация мужчин подтверждается немецкими документами, в частности, досье прокурора Кельна. Это досье содержит документы, которые указывают также, какую роль играли заключенные дети. Они должны были работать внутри тюрьмы. Германские функционеры на тюремной службе запрашивали о решении в отношении 4-х месячного ребёнка, которого доставили в тюрьму вместе с отцом и матерью.

Что за люди работали в тюрьме? Их «набирали из числа НСКК[225] (Национал-социалистического моторизованного корпуса) и СА согласно их политическим взглядам и потому что они находились вне подозрений и привыкшими к жёсткой дисциплине». Это также имеется в материалах прокурора Кёльна, страница 39, последний абзац.

Немецкий официальный текст уточняет вопрос о казнях. Осужденных гильотинировали. Почти все обвиняемые, как гласят немецкие документы, протестовали против гильотинирования, а не расстрела за свои патриотические действия, вменяемые им в вину как преступные.

В Рейнбахе тех кого приговорили к смерти и должны были казнить в Кёльне избивали до смерти за нарушения дисциплины. Мы легко можем представить жестокость людей которые были ответственными за заключённых. Немецкий официальный текст уточняет вопрос о казнях. Осужденных гильотинировали. Почти все обвиняемые, как гласят немецкие документы, протестовали против гильотинирования, а не расстрела за свои патриотические действия, вменяемые им в вину как преступные. Они считали, что заслуживают солдатского обращения.

Среди убитых в Кельне находились молодые люди восемнадцати и девятнадцати лет и одна женщина. Нескольких французских женщин которые являлись политическими заключёнными, забрали из тюрьмы Любека для того, чтобы казнить в Гамбурге. Почти всегда их обвиняли в одном и том же «помощи врагу». Материалы дел неполны, однако у нас имеются материалы прокурора Кёльна. В каждом случае совершённые правонарушения имели одинаковый характер. Кейтель всегда отклонял ходатайства о помиловании, которые ему представляли.

Как бы тяжелы, а иногда ужасны ни были условия для людей,

---

[225] Национал-социалистический механизированный корпус (НСМК, НСКК) (нем. Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps (NSKK)) — полувоенная организация в составе НСДАП.

находившихся в тюрьмах, они все-таки были намного менее жестокими, чем условия для тех французов, которые имели несчастье находиться в концентрационных лагерях, о которых трибунал уже знает. Мои коллеги из союзных наций дали подробное изложение по этому поводу, и трибунал помнит карту, указывающую места расположения этих лагерей, существовавших в Германии, и оккупированных странах. Мы не будем возвращаться к географическому положению этих лагерей.

С разрешения трибунала на сегодняшнем вечернем заседании я изложу условия, в которых французы и люди других национальностей оккупированных стран доставлялись в эти лагеря. При отправлении заключенные, жертвы произвольных арестов, были собраны во Франции в тюрьмах или других сборных пунктах.

Главный сборный лагерь во Франции — Компьен, откуда увозили почти всех высылаемых в Германию. Были еще два других сборных лагеря — Бон-ля-Роланд и Питивьер, предназначавшиеся для евреев, и Дранси. Условия для людей, заключенных в эти лагеря, приближаются к тем, которые были в германских тюрьмах. Трибунал вынесет уведомление о заявлениях господина Блемана и госпожи Жакоб в документе номер F-457, который я приобщаю как экземпляр номер RF-328. Чтобы избежать возможности загромождения судебного заседания цитатами, которые походят друг на друга, мы ограничимся чтением трибуналу отрывка из показания госпожи Жакоб относительно немецкого Красного Креста.

> «Нас посетили несколько немецких видных лиц, таких, как Штюльпнагель, дю Пати де Клам[226], комиссар по еврейским делам, полковник барон фон Берг, вице-президент немецкого Красного Креста. Этот фон Берг любил держаться очень официально. Он всегда носил значок Красного Креста, что не мешало ему быть бесчеловечным и вором».

И на странице 6, предпоследний абзац, полковник фон Берг, как мы уже слышали ранее был очень помпезным. Я пропускаю две строки.

> «Несмотря на свой титул вице-президента Красного Креста Берг наугад выбирал моих товарищей, чтобы угнать их в Германию».

В документе F-274, РФ-301, трибунал найдет данные о судьбе заключенных, содержавшихся в Компьенском лагере. Я думаю, что мне не нужно это зачитывать.

В Норвегии, Голландии, Бельгии так же, как и во Франции, были свои сборные лагеря. Самый характерный и более всего известный это, конечно, бельгийский лагерь Бриндонк, о котором необходимо дать более точные сведения

[226] Шарль дю Пати де Клам (1895 – 1948) – французский государственный деятель. В 1920-1940 сотрудник французской колониальной администрации в Сирии. В марте-мае 1944 комиссар по еврейским вопросам правительства Виши. После войны был оправдан французским судом.

трибуналу, так как очень многие бельгийцы, которые были там заключены, умерли от лишений, всякого рода пыток, многие были там казнены: расстреляны или повешены.

Этот лагерь был расположен в крепости Бриндонк с 1940 года. Мы видим это из документа, который уже был представлен под номером F-231, RF-329. Уточним некоторые подробности о режиме этого лагеря. Это документ 4, который имеется в вашем досье. Он озаглавлен «Доклад о концентрационном лагере в Бриндонке».

Председатель: Как называется этот лагерь?

Дюбост: Бриндонк, Б-р-и-н-д-о-н-к.

Я прошу трибунал предоставить мне несколько минут. Наш долг доложить Трибуналу возможно больше подробностей об этом лагере по той причине, что в заключении там было очень много бельгийцев, содержавшихся в условиях особого режима.

Немцы заняли эту крепость в августе 1940 года. Начали собирать заключенных в сентябре. Это были евреи. Бельгийскому правительству не удалось установить, сколько их было заключено с сентября 1940 года по август 1944 года (время эвакуации лагеря и освобождения Бельгии). Тем не менее можно думать, что через лагерь Бриндонк прошло от 3000 до 3600 заключенных, из них приблизительно 250 умерли от лишений, 450 были расстреляны, 12 были повешены.

Большая часть заключенных Бриндонка была отослана в лагеря Германии в различное время, откуда большинство из них не вернулось. Поэтому к тем, кто умер в Бриндонке, следует добавить тех, которые умерли или которые не могли выжить во время своего заключения в Германии. В лагере находились различные категории арестованных. Находились евреи, для которых режим был строже, чем для других заключенных. О числе коммунистов, которые были заключены в довольно большом количестве, невозможно дать точные сведения. В лагере содержались лица, сопротивляющиеся немецкому режиму, а также заложники. Среди последних были господин Бушери, бывший министр, и господин ван Кесбек, депутат-либерал, содержавшиеся в течение десяти недель; оба умерли после своего освобождения вследствие того обращения, которому они подвергались в лагере.

Были еще в этом лагере дельцы «черного рынка», но об этих последних бельгийское правительство сообщает: «Обращение с ними было другое. Они пользовались благосклонностью». Это абзац (е) страницы 2.

В докладе далее сообщается, что заключенные должны были работать. Они подвергались самым разнообразным коллективным наказаниям по любому поводу. Одно из этих наказаний состояло в том, что надо было подползать под кровать и выпрямляться перед начальством, что сопровождалось ударом хлыста. Вы найдете это на странице 10.

На этой же странице имеется описание условий заключённых

изолированных от других и находившихся в одиночном заключении. Им надевали на голову капюшон каждый раз, когда они должны были выходить из камеры или если они должны были общаться с другими заключенными.

Председатель: Это длинный отчёт, не так ли?

Дюбост: Вот почему я подытожил его не читая, я не думаю, что можно сократить его сильнее, так как он был вручён мне бельгийским правительством, которое придаёт большое значение жестокостям, эксцессам, которые совершались немцами в лагере Бриндонк и от которых пострадало население в целом, в особенности бельгийская элита.

Председатель: Очень хорошо, я понял. Вы подытожите?

Дюбост: Я резюмирую этот документ, господин председатель. Я дошёл в своём резюме, описании жизни этих заключенных которых помещали в камеры и которые иногда носили наручники и оковы на ногах соединённые со стальным кольцом на стене. Они не могли выходить из своих камер не надев капюшон.

Один из заключённых господин Паке заявляет о том, что провёл восемь месяцев при таком режиме, и когда однажды, он попытался снять капюшон, чтобы увидеть свой путь, его жестоко ударили рукоятью пистолета сломав три позвонка на шее.

Страница 12 касается следующего: дисциплина, работа, акты жестокости, убийства. Мы знаем, что работа заключенных состояла в том, чтобы очистить форт от земли и вынести эту землю наружу. Эта работа делалась вручную, была тяжелой, опасной, и много людей умерло на этой работе. Иногда использовались вагонетки, пускавшиеся эсэсовцами с такой быстротой, что нередко ломали ноги заключенным, которые не были предупреждены об их приближении. Эсэсовцы из этого делали забаву и за малейшую задержку в работе избивали заключенных.

На этой же странице нам говорят, что часто вообще без причины, заключённых бросали в ров окружавший форт. Из доклада бельгийского правительства мы знаем, что десятки заключенных утонули. Некоторые заключенные были убиты после того, как их закопали живыми по горло: эсэсовцы приканчивали их ударом каблука или ударами палок. Продовольствие, одежда, переписка и медицинский уход – вся эта информация приводится в докладе и всех других похожих отчётах, которые я вам уже читал.

Вывод является важным и его следует зачитать:

> «Бывшие заключённые Бриндонка, многие из которых побывали в концентрационных лагерях в Германии – Бухенвальде[227], Нойенгамме[228], Ораниенбурге[229] – заявляют о том, что в целом,

[227] Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

[228] Нойенгамме — наиболее крупный концентрационный лагерь на северо-западе Германии, одноимённый с районом Гамбурга, на территории которого находился.

условия преобладавшие в Бриндонке в отношении дисциплины и питания были хуже. Они добавляют, что в лагерях в Германии, которые были переполнены, они ощущали меньшее доминирование своих охранников и чувствовали, что им жизням угрожают меньше».

Цифры привидённые в этом отчёте являются минимальными цифрами. Приведу предпоследний пример (последний абзац на последней странице), господин Верхейрстретен заявляет о том, что он положил 120 человек в гробы за два месяца в декабре 1942 и январе 1943. Если учитывать казни 6-го и 13-го января, каждая из которых насчитывала жизни 20 лиц, мы поймем, что в это время, то есть, за период двух месяцев, 80 лиц умерли от болезни и плохого обращения. Из этих лагерей заключённых перевозили в Германию конвоями, и их описание необходимо дать трибуналу.

Трибуналу должно быть известно, что из одной Франции, без районов Верхнего и Нижнего Рейна и Мозеля, с 1 января 1944 г. по 25 августа того же года было отправлено 326 эшелонов, что составляет в среднем 10 эшелонов в неделю. Каждый эшелон увозил от тысячи до двух тысяч человек. Нам известно теперь, что в каждый вагон сажали от 60 до 120 человек, в зависимости от обстоятельств. Видно, что из Франции убыли, не включая три вышеуказанных северных департамента, 3 конвоя в 1940, 19 конвоеев в 1941, 104 конвоя в 1942 и 257 конвоеев в 1943. Эти цифры приводятся в документах представленных под номером F-274, экземпляр номер RF-301, страница 14. Эти эшелоны почти всегда отбывали из лагеря Компьен, где находилось больше 50 тысяч заключенных и из них 78 конвоеев убыли в 1943 и 95 конвоеев в 1944.

Целью этих отправок было терроризовать население. Трибунал помнит о зачитанном уже документе, который представлялся. Семьи, оставаясь в неведении о судьбе заключенных, испытывали ужас, немцы пользовались этим, чтобы набрать побольше рабочей силы для Германии, которая испытывала в ней нехватку из-за войны с Россией:

Условия, в которых собирались эти эшелоны, указывают на отбор рабочей силы. Мы видим первую стадию новой немецкой политики: истребление расовое и истребление интеллектуальных сил, политическая деятельность которых казалась опасной нацистским руководителям.

Высылаемых помещали по 80— 120 человек в вагоне во всякое время года. В течение всего времени пути они не получали никакого питания и питья. В вагонах нельзя было ни сесть, ни прилечь. Мы можем предъявить в качестве доказательства показания доктора Штейнберга, записанные полковником Баденом из комиссии по

---

[229] Ораниенбург (нем. Oranienburg) — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

расследованию военных преступлений в Париже. Зачитаем только несколько абзацев.

> «Мы были погружены в вагоны для скота, по 70 человек в каждый, в ужасных антисанитарных условиях. Наше путешествие длилось два дня. Мы прибыли в Освенцим[230] 24 июня 1942 г. Нужно заметить, что при отъезде мы не получили никакого продовольствия и жили в течение двух дней теми продуктами, которые мы увезли из Дранси».

Члены немецкого Красного Креста им не давали пить. Об этом мы имеем свидетельства ведомства заключенных и высланных, которые содержатся на странице 18 документа RF-301. Здесь идет речь об эшелоне еврейских женщин, который был отправлен с вокзала Бобиньи 19 июня 1942 г.

Они были в дороге три дня и три ночи, умирая от жажды, В Бреслау они просили членов Красного Креста дать им немного воды, но напрасно.

Кроме того, лейтенант Женест и доктор Блох дали нам показания о том же и о других случаях, о которых сказано в документе F-321, RF-331. «На вокзале в Бремене нам было отказано немецким Красным Крестом в воде, нам заявили, что нет воды». Это показание лейтенанта Женеста из O.R.C.G. Чтобы дать представление, чем занимался немецкий Красный Крест, а также чтобы закончить этот вопрос, нужно добавить, что на странице 162 документа RF-331 имеется доказательство того, что машина скорой помощи с красным крестом перевозила железные контейнеры для газовых камер Освенцима

Председатель: Трибунал откладывается до понедельника.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 28 января 1946*]

[230] Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Биркенау: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц-Биркенау) — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим.

День сорок четвёртый

Понедельник, 28 января 1946

Утреннее заседание

Дюбост: С разрешения трибунала мы перейдем к той части французского обвинения, которая является допросом свидетеля, находившегося в продолжение более трех лет в концентрационных лагерях в Германии.

[*Свидетельница госпожа Вайян-Кутюрье*[231] *заняла место свидетеля*]

Председатель: Встаньте, пожалуйста. Вы желаете присягнуть по-французски? Скажите ваше имя?
Вайян-Кутюрье: Клод Вайян-Кутюрье.
Председатель: Повторяйте за мной присягу: «Я клянусь, что я буду говорить без ненависти или страха, что я буду говорить правду, всю правду, ничего кроме правды».

[*Свидетельница повторила клятву на французском языке*]

Председатель: Поднимите правую руку и скажите: «Я клянусь».
Вайян-Кутюрье: Клянусь.
Председатель: Пожалуйста, садитесь и говорите медленнее. Ваше имя?
Ваяйн-Кутюрье: Ваяйн-Кутюрье, Мари, Клод, Фогель.
Дюбост: Ваше имя госпожа Ваяйн-Кутюрье?
Вайян-Кутюрье: Да.
Дюбост: Вы вдова Вайян-Кутюрье?
Вайян-Кутюрье: Да.
Дюбост: Вы родились в Париже 3 ноября 1912 г.?
Вайян-Кутюрье: Да.
Дюбост: Вы француженка, француженка по родителям французской

[231] Мари Клод Вайян-Кутюрье (1912 — 1996) — французский политик, деятель Международного демократического женского движения, генеральный секретарь Международной демократической федерации женщин в 1945—1954 году, вице-президент МДФЖ с 1954 по 1975 год.

национальности?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вы депутат Учредительного собрания?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вы Рыцарь Почетного легиона

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Орден был вам вручен в «Доме инвалидов» генералом Лежентильомом[232]?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вы были арестованы и депортированы?

Вайян-Кутюрье: Я была арестована 9 февраля 1942 г. французской полицией Петэна, которая шесть недель спустя передала меня в руки германских властей. Я была привезена 20 марта в тюрьму Сантэ, находившуюся в немецкой части. 9 июня 1942 г. я была подвергнута допросу. В конце допроса меня хотели заставить подписать заявление, которое не соответствовало тому, что я показала. Я отказалась подписать это заявление потому, что оно не соответствовало тому, что я говорила. Когда я отказалась подписать, офицер, который меня допрашивал, начал угрожать мне, и после того как я сказала, что не боюсь смерти, не боюсь расстрела, он ответил: «В нашем распоряжении есть средства, куда более ужасные, чем расстрел». Переводчик же добавил: «Вы не представляете, что вы сказали. Вас отправят в концентрационный лагерь, оттуда же никогда не возвращаются».

Дюбост: После этого вас отправили в тюрьму?

Вайян-Кутюрье: Да, я была возвращена в тюрьму Сантэ и помещена в одиночную камеру. Тем не менее я смогла переговариваться со своими соседями по камерам через окно и перестукиваться по канализационной трубе. Я была в камере рядом с Жоржем Политцером, философом и Жаком Соломоном, физиком. Господин Соломон это зять профессора Ланжевена, ученика Кюри[233], одного из первых исследователей атомного распада.

Жорж Политцер сказал мне по трубам, что во время допроса, после пыток его спросили будет ли он писать теоретические брошюры о национал-социализме. Когда он отказался, ему сказали о том, что он будет в первой партии заложников для расстрела.

Что касается Жака Соломона, его страшно пытали и затем бросили в тёмную камеру и он вышел оттуда только в день казни, чтобы попрощаться со своей женой, которая также находилась под арестом в Сантэ. Элен Соломон-Ланжевен[234] рассказала мне в Роменвиле, где я её встретила после того как уехала из Сантэ, что

---

[232] Поль Лежентильом (1884 — 1975) — французский военный деятель, служивший в основном во французских колониях, участник Первой и Второй мировых войн. Во Второй мировой войне сражался в рядах Свободной Франции и был одним из видных деятелей кампаний во французских колониях против войск режима Виши.

[233] Пьер Кюри (1859 — 1906) — французский учёный-физик, один из первых исследователей радиоактивности, член Французской Академии наук, лауреат Нобелевской премии по физике за 1903 год.

[234] Элен Соломон-Ланжевен (1909 – 1995) – французский политик. Депутат Учредительного собрания. Член Французской коммунистической партии.

когда она подошла к мужу он застонал и сказал: «Я не могу взять тебя за руку, потому что не могу ими пошевелить».

Каждый раз, когда заключенные возвращались с допроса, через окна были слышны их стоны, и они говорили, что не в состоянии передвигаться.В продолжение пяти месяцев, которые я провела в тюрьме Сантэ, оттуда неоднократно увозили на расстрел заложников. После этого, 20 августа 1942 г. меня перевели в форт Роменвилль, который был местом заключения для заложников. Дважды за время своего пребывания там, 21 августа и 22 сентября, я присутствовала при взятии заложников. Среди заложников, которые были увезены, находились мужья женщин, которые были направлены вместе со мной в Освенцим, там погибла большая часть из них. Эти женщины в большинстве случаев были арестованы лишь за деятельность их мужей, сами же они ничего не совершали.

Дюбост: Когда вы были увезены в Освенцим?

Вайян-Кутюрье: В Освенцим меня отправили 23 января 1943 г., а прибыла я туда 27 января.

Дюбост: Вы были отправлены туда с партией заключенных?

Вайян-Кутюрье: Я входила в партию из 230 француженок. Среди нас находились Даниэль Казанова[235], которая погибла в Освенциме, Май Политцер[236], умершая в Освенциме, и Элен Соломон. Среди нас были женщины преклонного возраста...

Дюбост: Каково было их социальное положение?

Вайян-Кутюрье: Деятели науки, преподавательницы, люди самые различные по своему социальному положению. Май Политцер была врачом, она — жена Жоржа Политцера. Элен Соломон была женой физика Соломона, это дочь профессора Ланжевена. Даниэль Казанова была по специальности хирургом-дантистом. Это она возглавила движение Сопротивления среди женщин, находившихся в заключении.

Дюбост: Сколько из двухсот тридцати человек возвратилось?

Вайян-Кутюрье: 49. Среди заключенных, входивших в эту партию, были пожилые женщины; я вспоминаю одну из них, 67 лет, арестованную за то, что она хранила на кухне охотничье ружье в память о муже; она не сообщила о ружье, так как его у нее отобрали бы. Спустя две недели после прибытия в Освенцим она умерла.

Председатель: Когда вы сказали о вернувшихся 49, вы имеете в виду только то, что 49 прибыли в Освенцим.

Вайян-Кутюрье: Нет, только 49 вернулись во Францию.

Среди нас были калеки. Например, у одной певицы по профессии не было ноги. В Освенциме ее отделили от других женщин и отравили газом. Была молодая

---

[235] Даниель Казанова настоящие имя и фамилия — Винчентелла Перини (1909 — 1943) — французский политик, коммунистка, участница французского Движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. Основатель Союза девушек Франции, председательница молодежной секции Французской коммунистической партии. Умерла в концентрационном лагере Освенцим от тифа.

[236] Май (Мария) Политцер (1905 — 1943) — французская коммунистка, участница французского движения Сопротивления. Жена французского философа-коммуниста и теоретика марксизма еврейского происхождения Жоржа Политцера.

девушка 16 лет, студентка, Клодин Герин. Среди нас были две женщины, которых впоследствии оправдал германский военный трибунал. Их звали Мари Алонзо и Мари-Терез Флери. Они умерли в Освенциме.

Переезд происходил в исключительно тяжелых условиях. В каждом вагоне находились по 60 человек. В пути нам не давали ни еды, ни питья. Солдаты-лотарингцы, которые были мобилизованы в германскую армию и охраняли нас, говорили: «Если бы вы знали, куда вас везут, вы бы не торопились приехать туда».

Мы прибыли в Освенцим рано утром. Наши вагоны были распломбированы, и нас выгоняли наружу ударами прикладов, для того чтобы направить в лагерь Биркенау, который входил в систему лагеря Освенцима. Лагерь Биркенау находился на большой равнине; в январе там свирепствовал мороз. Мы совершили этот переход в лагерь, неся свой багаж. После того как мы миновали ворота лагеря, мы остро почувствовали, что мало надежды выйти отсюда живыми. Мы это поняли, так как на пути нам всретилась колонна живых скелетов, колонна людей, направляющихся на работу. Мы ощутили это столь остро, что, пройдя ворота, запели «Марсельезу», чтобы придать себе мужество.

Нас направили в большой барак, затем — дезинфекционную камеру. Там нам обрили головы и вытатуировали на левой руке порядковый номер. Затем нас перевели в большое помещение, где держали под паром, после чего окатили ледяной водой. Все это происходило в присутствии эсэсовцев — мужчин и женщин, хотя мы, женщины, были раздеты. После этого нам выдали разорванную, грязную одежду: платья из хлопчатобумажной ткани и такие же кофты.

Поскольку это заняло много времени, мы успели увидеть лагерь для мужчин через окно помещения, в котором мы находились. Под вечер мы увидели, что снаружи расположился оркестр. В это время шел снег, и мы спрашивали себя, почему оркестр играет. В это время появились «командо» — партии заключенных, которые возвращались с работы. Следом за каждой рабочей партией шли люди, несшие трупы. Так как люди и без того еле передвигались, их поднимали ударом сапога или приклада каждый раз, когда они падали от изнеможения.

Затем нас перевели в помещение, где мы должны были жить. Там не оыло кроватей. Нары были размером 2х2 метра, и мы без подстилок спали по девяти человек на каждых нарах; первую ночь мы провели без одеял. В таком помещении мы оставались в течение многих месяцев. Всю ночь нельзя было спать, так как каждый раз, когда один из девяти человек на нарах начинал двигаться, он беспокоил остальных, и так было постоянно, потому что все были больны и один человек беспокоил всех других, спавших на тех же нарах.

В половине четвертого раздавался грубый окрик охраны, которая нас будила и поднимала с жалкого ложа ударами дубинок на перекличку. Ничто на свете не могло освободить от переклички, даже умиравшие должны были ползком выходить на нее. По пять человек в ряду мы должны были оставаться на перекличке

до того, как светало, то есть до 7 или 8 часов утра, а когда стоял туман, то мы оставались там до полудня. После этого команды приходили в движение и направлялись на работу.

Дюбост: Простите, вы могли бы описать, как производилась перекличка?

Вайян-Кутюрье: Для переклички нас ставили по пять человек в ряд, и так мы стояли до тех пор, пока совершенно не рассветало и Aufseherinnen[237], то есть наша женская охрана в форме, начинали нас считать. У них были дубинки, и направо и налево щедро наносились удары.

В числе наших подруг находилась Жермен Рено — преподавательница из Азе-ле-Ридо во Франции. На моих глазах ей во время переклички проломили череп ударом дубинки.

Работа в лагере Освенцим состояла в разборке разрушенных зданий, строительстве дорог и прежде всего в осушении болот. Осушение болот было наиболее тяжелой работой, потому что в течение всего дня приходилось работать стоя в воде и под постоянной угрозой того, что увязнешь в болоте. Постоянно приходилось вытаскивать товарищей, которые иногда по пояс погружались в болото.

Во время работы нас охраняли эсэсовцы, мужчины и женщины, которые наносили удары дубинкой и натравливали на нас собак. У многих моих товарищей на ногах были следы от укусов собак. Мне пришлось видеть, как одна женщина была разорвана собаками. Она умерла на моих глазах, в то время как эсэсовец Таубер продолжал натравливать на нее свою собаку и глумился при виде этого зрелища.

Причины смертности были весьма различны. Прежде всего она была вызвана полным отсутствием элементарных гигиенических условий. Когда мы приехали в Освенцим, на 12 тысяч заключенных был лишь один кран с водой, непригодной для питья, и эта вода не всегда бывала. Так как этот кран находился в немецкой умывальне, немцы разрешали подходить к нему лишь мимо охраны из немецких заключенных-уголовников, которые при этом нас жестоко избивали. Таким образом, было почти невозможно вымыться или выстирать свое белье. В течение более трех месяцев мы не меняли белья. Когда шел снег, мы растапливали его для того, чтобы умыться. Позже, весной, идя на работу, мы поочередно мыли руки в лужах, которые образовывались по обочинам дороги от растаявшего снега. Мы умирали от жажды, потому что только два раза в день нам выдавали четверть литра похлебки.

Дюбост: Уточните, пожалуйста, в чем состояла перекличка в начале февраля?

Вайян-Кутюрье: 5 февраля было то, что называли общей перекличкой.

Дюбост: 5 февраля какого года?

Вайян-Кутюрье: В 1943 году. В половине четвертого весь лагерь...

---
[237] «Надзиратели» (нем.)

Дюбост: В половине четвертого утра?

Вайян-Кутюрье: В половине четвертого утра. Весь лагерь был разбужен и выведен на перекличку на равнину, тогда как обычно перекличка производилась в половине четвертого внутри лагеря. Мы оставались на этой равнине перед лагерем до пяти вечера, не получая пищи, стоя на снегу. После того как была отдана команда, мы должны были пройти через дверь, поочередно один за другим, и каждому заключенному наносили удар в спину дубинкой для того, чтобы заставить его бежать. Те, которые не могли бежать, потому что были слишком стары или больны, были схвачены и помещены в 25-й блок, в котором ожидали отравления газом. Десять француженок из нашей партии, прибывших в лагерь, были схвачены и помещены в тот же день в 25-й блок.

После этого все заключенные были приведены обратно в лагерь, была сформирована колонна заключенных, в которую входила и я. Эта колонна направилась на равнину, которая напоминала поле сражения, так как ее покрывали горы трупов. Мы перенесли во двор 25-го блока как мертвых, так и умирающих, которые находились там в обстановке большой скученности.

Блок 25, если можно так выразиться, был преддверием к смерти, он был мне хорошо известен, так как мы к тому времени были переведены в блок 26 и наши окна выходили во двор 25-го блока. Во дворе можно было видеть горы трупов, и время от времени голова или рука одного из сваленных в кучу тел приходила в движение: это была умирающая, которая стремилась выбраться из горы трупов, чтобы спастись. Смертность в этом блоке была еще более высокой, чем в других, так как обреченным на смерть давали пить и есть лишь в тех случаях, когда оставались остатки пищи в кухонных котлах, то есть часто в течение многих дней они оставались без капли воды.

Однажды одна их моих подруг — Аннет Эпо, красивая, молодая женщина 30 лет, проходила мимо блока. Ей стало жаль этих женщин, которые кричали с утра до вечера на всех языках: «Пить, пить, пить, воды». Она возвратилась в наш блок, чтобы принести им немного похлебки, но в тот момент, когда она протягивала ее через решетку окна, надсмотрщица заметила это и, схватив Аннет Эпо за ворот, швырнула ее в 25-й блок. Никогда в жизни я не забуду Аннет Эпо. Два дня спустя я видела ее в грузовике, который отправлялся к месту, где находилась газовая камера. Она поддерживала старуху-француженку Лин Поршэ и, когда грузовик тронулся, закричала нам: «Если вы возвратитесь во Францию, не забудьте о моем маленьком мальчике». Потом они начали петь «Марсельезу».

Можно было видеть, как по двору 25-го блока бегали громадные крысы, которые объедали трупы и даже набрасывались на умиравших, у которых не было сил с ними справиться.

Другой причиной смертности или эпидемий было то, что нам давали есть в больших красных котелках, которые каждый раз прополаскивали только холодной

водой. Так как все женщины были больны и не могли выйти ночью к месту, которое не поддается описанию, — к канаве, где они могли отправить свои естественные потребности, — они использовали эти котелки не по назначению.

На следующий день котелки собирали, выливали их содержимое в помойную яму, и днем их пускала в употребление следующая группа людей.

Другая причина смертности — положение с обувью. Кожаная обувь приходила в полную негодность через одну, две недели, так как ее носили здесь по грязи и снегу. В связи с этим ноги отмораживали, на них образовывались раны. Из страха, что обувь украдут, приходилось спать в грязных башмаках. Почти каждую ночь, в тот момент, когда нужно было выходить на перекличку, раздавался жалобный крик: «У меня украли туфли». Тогда приходилось ждать, пока все выйдут из помещения, чтобы найти что-нибудь под нарами. Иногда это были два ботинка на одну ногу или же башмак и сабо. Это могло позволить выйти на перекличку, но для работы это была дополнительная пытка, так как от этой обуви на ногах образовывались раны, которые быстро растравлялись из-за отсутствия ухода. Многие из моих подруг, у которых были раны на ногах, ложились в лазарет и более оттуда не возвращались.

Дюбост: Что делали с заключенными, которые выходили на перекличку без обуви?

Вайян-Кутюрье: Евреек, выходивших на перекличку без обуви, немедленно отправляли в 25-й блок.

Дюбост: Следовательно, их уничтожали с помощью газа?

Вайян-Кутюрье: Их уничтожали с помощью газа за что бы то ни было. Вообще их положение было совершенно ужасно. Нас собирали по 800 человек в блоке, и скученность была такой, что мы с трудом могли двигаться по помещению. Их же было в блоке такого же размера 1500 человек, то есть значительная часть из них не могла ни спать, ни даже улечься на ночь.

Дюбост: Не могли бы вы дать показания относительно лазарета?

Вайян-Кутюрье: Чтобы попасть в лазарет, нужно было сперва просить об этом, каково бы ни было состояние...

Дюбост: Могли бы вы уточнить, что за лазарет был в лагере?

Вайян-Кутюрье: Лазаретом был блок, в который помещали больных. В действительности это место не может быть названо лечебным заведением потому, что оно не соответствует тому, что принято подразумевать под этим словом.Чтобы туда попасть, надо было получить разрешение начальника блока, а это было чрезвычайно трудно.

Наконец, надо было выстоять в очереди перед лазаретом какая бы погода ни была, шел ли снег или дождь. Для того чтобы быть допущенным, приходилось выстаивать в очереди в течение многих часов даже с температурой 40. Часто больные умирали у входа в лазарет еще до того, как они могли туда попасть. К тому же собираться перед лазаретом было опасно: когда там было слишком много

народу, эсэсовцы хватали всех женщин, стоявших в очереди, и направляли их прямо в 25-й блок.

Дюбост: То есть они попадали в газовую камеру?

Вайян-Кутюрье: Да, в газовую камеру. Вот почему зачастую многие женщины предпочитали не ходить в лазарет и умирали на работе или во время переклички. После вечерней переклички зимой ежедневно поднимали трупы упавших в канавы.

Единственное преимущество, которое получали те, кто попадал в лазарет, заключалось в том, что пребывание в нем освобождало от выхода на перекличку, но там приходилось лежать в ужасных условиях, не менее четырех человек на одной кровати в метр шириной, людям, страдавшим различными заболеваниями, и это приводило к тому, что тот, кто попадал в лазарет из-за ран на ногах, заражался от соседа тифом или дизентерией. Подстилки были страшно грязны, и их меняли лишь тогда, когда они окончательно сгнивали. На одеялах было множество вшей, которые кишели, как муравьи. Одна из моих подруг, Маргарит Корренже, рассказывала мне, что в то время, когда она была больна тифом, она не могла спать всю ночь из-за вшей, которых она, отвернув одеяло, сбрасывала на бумагу и затем в стоявший около кровати ночной сосуд, и так ей приходилось делать целыми часами.

В лазарете не было медикаментов, больных оставляли лежать без присмотра, не создавали им гигиенических условий, не давали мыться. В продолжение многих часов живые лежали вместе с мертвыми. Когда же трупы обнаруживали, их просто вытаскивали из кроватей и сваливали перед помещением. Те, кто переносил трупы, приходили туда и перетаскивали их на небольших носилках, с которых свешивались голова и ноги трупа. С утра до вечера заключенные, перетаскивавшие трупы, курсировали между лазаретом и мертвецкой.

Во время сильных эпидемий зимой 1943/44 года, когда мертвецов было слишком много, носилки заменили повозками. Во время этих эпидемий ежедневно умирали от 200 до 350 человек.

Дюбост: Сколько людей умирало в это время?

Вайян-Кутюрье: Во время больших эпидемий тифа зимой 1943/44 года от 200 до 350 человек в день.

Дюбост: В лазарет допускали всех заключенных?

Вайян-Кутюрье: Нет. Когда мы были привезены в лагерь, евреям не разрешалось ложиться в лазарет, их прямо направляли в газовую камеру.

Дюбост: Не расскажете ли вы, как производилась в блоках дезинфекция?

Вайян-Кутюрье: Время от времени в связи с тем, что в помещении было невероятно грязно, а это приводило к распространению вшей, которые вызывали частые эпидемии, блоки дезинфицировали с помощью газа. Но и дезинфекция была причиной значительного числа смертных случаев, потому что в то время как блоки окуривали газом, заключенных отправляли в душевую, затем у них отбирали одежду, которую помещали в паровую дезинфекционную камеру. Заключенных

заставляли дожидаться под открытым небом совершенно раздетыми, пока одежду дезинфицировали, после чего ее возвращали насквозь промокшей. Даже больных, которые не могли держаться на ногах, подвергали этой процедуре, и, конечно, очень многие из них при этом умирали. Во время дезинфекции больных, которые не могли передвигаться, мыли в тех же ваннах, что и остальных заключенных.

Дюбост: Как вас кормили?

Вайян-Кутюрье: Мы получали ежедневно 200 граммов хлеба, 3/4 или 1/2 литра, в зависимости от случая, жидкой похлебки, а вечером несколько граммов маргарина или кусочек колбасы. Это было питанием на день.

Дюбост: И оно было таким вне зависимости от того, какую работу приказывали заключенному выполнять?

Вайян-Кутюрье: Вне зависимости от того, какую работу было приказано выполнять заключенному. Некоторые из заключенных работали на заводах, на которых производили снаряды и гранаты. Эти заключенные получали так называемый «Zulage[238]» — дополнительный паек в том случае, если они выполняли норму. Как и нас, этих заключенных вызывали утром и вечером на перекличку, и, кроме того, они работали по 12 часов на заводе. После работы они возвращались в лагерь и путь от лагеря на завод и обратно проделывали пешком.

Дюбост: Какой это был завод, «Union[239]»?

Вайян-Кутюрье: Это был завод, на котором производили боеприпасы. Я не знаю, какой компании он принадлежал.

Дюбост: Там был лишь один завод?

Вайян-Кутюрье: Нет, была еще большая фабрика Buna[240], но, поскольку я там не работала, я не знаю, что там производили. Заключенные, которых туда забирали, более не возвращались в лагерь.

Дюбост: Не могли бы вы дать показания о медицинских экспериментах, если вы были свидетелем их?

Вайян-Кутюрье: Говоря об опытах, я могу сказать, что видела в лазарете, в котором я работала, молодых евреек из Салоник, которые находились перед рентгеновским кабинетом, где их ожидала стерилизация. Кроме того, мне было известно, что в лагере для мужчин производили операции по кастрации. Я была в курсе медицинских экспериментов над женщинами, потому что моя подруга доктор Адэ Оваль из Монбельяра, которая возвратилась во Францию, работала в течение многих месяцев в этом блоке, ухаживала за больными, хотя всегда и отказывалась участвовать в проведении экспериментов. Женщин подвергали стерилизации, делая впрыскивания, а также путем облучения. Я видела и знала многих женщин, которые были стерилизованы. Среди подвергавшихся операции по стерилизации была

[238] «Добавка» (нем.)

[239] «Союз» (нем.)

[240] Buna Werke (Производство каучука) – немецкая фирма созданная в 1936 в целях производства искуственного каучука.

высокая смертность. Четырнадцать евреек из Франции, отказавшиеся подвергнуться стерилизации, были направлены в штрафную рабочую команду, то есть на них наложили наказание, назначив на работу.

Дюбост: Возвращались ли на родину те, кто работал в этих командах?

Вайян-Кутюрье: Редко, в виде совершенно исключительных случаев.

Дюбост: Какую цель преследовали эсэсовцы при совершении стерилизации?

Вайян-Кутюрье: Они не скрывали цели, которую преследовали, производя стерилизацию. Они говорили, что стремятся найти лучший метод стерилизации, чтобы заменить коренное население оккупированных стран немцами после того, как используют одно поколение местных жителей в качестве рабов, работающих на немцев.

Дюбост: Видели ли вы в лазарете беременных женщин?

Вайян-Кутюрье: Да. Если еврейские женщины, попадавшие в лагерь, находились на первых месяцах беременности, им делали аборт. Когда же они находились на одном из последних месяцев, то после того как они производили на свет ребенка, его топили в ведре с водой. Мне известно это, так как я работала в лазарете и знала, что этим руководила немка-акушерка, сидевшая по обвинению, в уголовном преступлении — совершении абортов. Спустя некоторое время приехал новый врач, и в продолжение двух месяцев новорожденных еврейских детей перестали убивать. Но однажды из Берлина пришел приказ, в котором говорилось, что их снова следует уничтожать. Тогда матерей с детьми вызвали в лазарет, посадили на грузовики и увезли в газовую камеру.

Дюбост: Откуда вы знаете о приказе, пришедшем из Берлина?

Вайян-Кутюрье: Я была знакома с заключенными, работавшими в секретариате СС. В частности, я знаю словацкую женщину, котрую звали Херта Рот и которая в настоящее время работает в отделении ЮНРРА[241] в Братиславе.

Дюбост: Это она сообщила вам о приказе?

Вайян-Кутюрье: Да. Кроме того, я знала людей, которые входили в команды, работавшие в газовых камерах.

Дюбост: Вы только что говорили о еврейских матерях. Были ли в лагере матери других национальностей?

Вайян-Кутюрье: Обычно, когда женщины нееврейской национальности производили на свет детей, их не отбирали у матерей, но в связи с тем, что условия в лагере были ужасны, новорожденные редко выживали более 4 — 5 недель.

В лагере был блок, в котором находились польские и русские матери. Однажды русских обвинили в том, что они производят слишком большой шум. Их вызвали на перекличку и заставили целый день стоять перед своим блоком с детьми

---

[241] Администрация помощи и восстановления Объединённых Наций (англ. United Nations Relief and Rehabilitation Administration UNRRA, ЮНРРА) была создана в 1943 году во время Второй мировой войны для оказания помощи в районах, освобожденных от держав «Оси».

на руках, совершенно раздетыми, в продолжение всего дня.
Дюбост: Какой дисциплинарный режим был установлен в лагере? Кто обеспечивал надзор и дисциплину? Каковы были меры наказания?
Вайян-Кутюрье: В целях ограничения своего персонала эсэсовцы использовали обычно заключенных для надзора в лагере. Сами же эсэсовцы осуществляли лишь верховный надзор. Эти заключенные были взяты из числа преступников или проституток-немок или иногда иной национальности. В большинстве случаев это были немки. С помощью коррупции и терроризирования их превратили в животные существа. Заключенные страдали от их действий не в меньшей степени, чем от действий самих эсэсовцев. Они били так же, как били эсэсовцы, мужчины вели себя так же, как женщины, а женщины были столь же жестоки, как и мужчины. Между ними не было разницы.

Используя изощренную систему для того, чтобы максимально унизить людей, эсэсовцы терроризировали их и с помощью террора принуждали совершать поступки, которые должны были заставить их краснеть за самих себя, эта система привела к тому, что они не являлись более человеческими существами. Вот к чему стремились эсэсовцы. И требовалось невероятное мужество, чтобы противостоять этой атмосфере коррупции и террора.
Дюбост: Кто налагал наказания?
Вайян-Кутюрье: Командиры СС - мужчины и женщины.
Дюбост: В чем состояло наказание?
Вайян-Кутюрье: В зверских телесных наказаниях. В частности, одним из наиболее употребительных наказаний было 50 ударов палкой по пояснице, которые производились специальной машиной. Эту машину я видела. Она состояла из системы балансов, приводимых в движение эсэсовцами. Кроме этого, были бесконечные вызовы днем и ночью на перекличку или гимнастические упражнения: ложиться плашмя — вставать, ложиться плашмя — вставать, и так в течение нескольких часов. Тех, кто падал, осыпали ударами и направляли в 25-й блок.
Дюбост: Как обращались эсэсовцы с женщинами? Я имею в виду также и женщин СС.
Вайян-Кутюрье: В лагере Освенцим был дом терпимости для эсэсовцев и также для заключенных, занимавших определенные должности. Таких заключенных называли «капо». Кроме того, когда эсэсовцам нужна была прислуга, они приходили в сопровождении Oberaufseherin[242], то есть комендантши лагеря, и в то время, когда производилась дезинфекция, указывали на молоденькую девушку, которую начальница вызывала из рядов. Они осматривали ее отпуская шутки по поводу её внешности, и если она была красивой и нравилась им, брали ее в качестве служанки и начальница лагеря говорила ей, чтобы она выполняла всё, что они потребуют.
Дюбост: Почему они приходили в то время, когда производилась дезинфекция?

---
[242] «Старшая надзиратель» (нем.)

Вайян-Кутюрье: Потому, что во время дезинфекции женщины были раздеты.
Дюбост: Эта система коррупции и морального разложения была исключением?
Вайян-Кутюрье: Нет, эта система была во всех лагерях, где я находилась. Та же система существовала и в тех лагерях, в которые меня не помещали. Об этом я узнала из разговора с прибывшими из этих лагерей. Система была совершенно одинакова во всех лагерях. Я думала, что Освенцим был одним из лагерей с наиболее суровым режимом, но затем меня направили в Равенсбрюк, и там также был дом терпимости, в который также набирали женщин из числа заключенных.
Дюбост: Из того, что вы сказали, следует, что были использованы все возможные средства для того, чтобы принизить заключенных в их собственных глазах?
Вайян-Кутюрье: Да.
Дюбост: Вы знаете, что было с партией евреев, которая почти одновременно с вами прибыла из форта Роменвилль?
Вайян-Кутюрье: Когда мы выехали из форта Роменвилль, находившиеся там еврейки продолжали там оставаться. Затем их отправили в направлении Дранси, и мы вновь встретились с ними в Освенциме спустя три недели после нашего приезда туда. Из общего их числа в 1200 человек в лагерь попали 125 человек, остальных немедленно по прибытии отравили газом. Месяц спустя ни одна из этих 125 евреек не осталась в живых.

Прием прибывающих в лагерь производился следующим образом.

Вначале, когда мы только попали в лагерь, когда прибывала партия евреев, прежде всего производился отбор стариков и старух, матерей и детей, а также больных и слабых на вид. Их погружали на грузовики. Оставляли только молодых женщин, девушек и молодых людей. Последних отправляли в лагерь для мужчин.

Обычно из прибывавших партий от 1000 до 1500 человек в лагерь попадало не более 250 человек. Остальных тут же отправляли в газовую камеру.

Так же производился отбор здоровых женщин 20—30 лет, которых отправляли в блок, где производились медицинские эксперименты, а женщин более старшего возраста, а также тех девушек, которых не использовали в указанных целях, все же направляли в лагерь, предварительно обрив и вытатуировав клеймо.

Весной 1944 года был организован блок для близнецов. Это было в то время, когда прибыла колоссальная партия венгерских евреев, приблизительно 700 тысяч. Доктор Менгеле[243], который производил эксперименты, отбирал во всех прибывших партиях близнецов. Он руководствовался желанием получить обоих близнецов, вне зависимости от того, какого они были возраста. Поэтому в этом блоке находились и маленькие дети и подростки. Я не знаю, что с ними делали, помимо того, что у них брали кровь и производили их измерение.

---

[243] Йозеф Менгеле (1911 — 1979) — немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Освенцим во время Второй мировой войны. Менгеле лично занимался отбором узников, прибывающих в лагерь, проводил преступные эксперименты над заключёнными. Его жертвами стали десятки тысяч человек. После войны Менгеле бежал из Германии в Латинскую Америку, опасаясь преследований.

Дюбост: Были ли вы очевидцем отбора, который производился по прибытии партии заключенных?

Вайян-Кутюрье: Да, так как в то время, когда мы работали в блоке, который был пошивочной мастерской. Блок, в котором мы тогда жили, был перед тем местом, куда прибывали составы. В систему приема прибывающих партий было внесено усовершенствование: вместо того чтобы производить отбор на платформе, состав подводили по запасному пути почти к самой газовой камере. Он останавливался в 100 метрах от газовой камеры, как раз перед нашим блоком, который, конечно, отделяли два ряда колючей проволоки. Таким образом, мы видели, как распломбировывали вагоны, как солдаты выводили из них женщин, детей и мужчин. Мы присутствовали при душераздирающих сценах, видя, как разъединяли пожилые супружеские пары, как матерей понуждали оставлять своих юных дочерей, так как те попадали в лагерь, в то время как матерей и маленьких детей направляли в газовую камеру. Все эти люди не знали, какая участь им была уготована. Они находились в состоянии растерянности, потому что их отделяли друг от друга, но они не знали, что их ведут на смерть. Чтобы разрядить атмосферу приема, в ту пору, то есть в июне-июле 1944 года, во время отбора после прибытия состава оркестр из молодых красивых заключенных, одетых в белые блузки и синие матросские юбки, играл веселые арии из оперетты «Веселая вдова[244]», «Баркаролу» из «Сказок Гофмана[245]» и т. д. Прибывшим говорили, поскольку они не попадали внутрь лагеря и видели лишь небольшую, окруженную зеленью платформу, на которой играл оркестр, что это — трудовой лагерь. Конечно, они не могли представить себе, что их ожидает. Тех, кто был отобран для отравления газом, то есть стариков, детей и матерей, направляли в здание из красного кирпича.

Дюбост: Производили ли перепись этих людей?

Вайян-Кутюрье: Нет.

Дюбост: На них не ставили клейма?

Вайян-Кутюрье: Нет, их даже не считали.

Дюбост: На вас было сделано клеймо?

Вайян-Кутюрье: Да. [*Свидетель показывает суду клеймо на руке*] Отобранных направляли в здание из красного кирпича, на котором имелась надпись «баня». Там их вначале заставляли раздеться и прежде, чем направить в так называемую душевую, им выдавали полотенца. Но в дальнейшем, когда стали прибывать большие партии из Венгрии, более не было времени для того, чтобы разыгрывать представление и мистифицировать заключенных. С них безжалостно срывали одежду. Мне известны эти подробности потому, что я была знакома с молоденькой французской еврейкой, которая жила со своей семьей во Франции в округе

---

[244] Весёлая вдова — оперетта в трёх актах австро-венгерского композитора Франца Легара.

[245] «Сказки Гофмана» — опера французского композитора Жака Оффенбаха, основанная на произведениях Эрнеста Теодора Амадея Гофмана и его биографии.

Республики.

Дюбост: В Париже?

Ваяйн-Кутюрье: Маленькая Мари была единственной в семье из девяти человек, которая выжила. По прибытии в лагерь ее мать и семь братьев и сестер были отравлены газом. Когда я с ней познакомилась, ей было приказано раздевать детей перед тем, как они попадали в газовую камеру. После того как люди раздевались, их заставляли пройти в помещение, которое внешне напоминало душевую. Через отверстие в потолке в это помещение кидали капсулы с газом. Один из эсэсовцев наблюдал через глазок за тем действием, которое оказывал газ. Спустя пять-шесть минут после того как газ сделал свое дело, этот эсэсовец подавал знак для того, чтобы открыли двери, и люди в газовых масках (это были заключенные) проникали в помещение и вытаскивали тела. Они нам рассказывали, что заключенные испытывали перед смертью сильные мучения, о чем свидетельствует то, насколько тела были сцеплены друг с другом, и стоило большого труда их разъединить.

После этого приходила команда, которая занималась тем, что вырывала золотые коронки и снимала искусственные челюсти, и уже после того, как тела были превращены в пепел, его просеивали снова в поисках золота.

В Освенциме было восемь кремационных печей. Но с 1944 года этого количества стало недостаточно. Эсэсовцы заставили заключенных вырыть колоссальные рвы, в которых устанавливали перекрестные перекрытия. Их обливали бензином и поджигали. Трупы сбрасывали в эти рвы. Мы видели из нашего блока, как спустя примерно 3/4 часа или час после прибытия партии заключенных из печей крематория начинали вырываться большие языки пламени и на небе возникало зарево от огня, поднимавшегося над рвами.

Однажды ночью мы были разбужены страшными криками. На следующее утро мы узнали от людей, работавших при газовой камере, что накануне было недостаточно газа и еще живых детей бросали в топки кремационных печей.

Дюбост: Не могли бы вы сообщить об отборе, который производился перед наступлением зимы?

Вайян-Кутюрье: Ежегодно, в конце осени в лазарете производили большой отбор. Видимо, это протекало в соответствии с определенной системой. Я говорю это потому, что могу делать выводы за тот период, который я находилась в Освенциме, и такие же выводы были сделаны теми, кто находился в лагере более длительный срок, чем я.

Весной во всей Европе производили облавы на мужчин и женщин, которых отправляли в Освенцим, В живых оставляли лишь тех, у которых было достаточно сил для того, чтобы работать в течение лета. Конечно, в течение этого периода люди умирали ежедневно, но наиболее сильные, которым удавалось продержаться шесть месяцев, как, например я, настолько ослабевали, что в конце концов попадали в лазарет. Тогда-то осенью и производили большой отбор, чтобы

не кормить зимой лишние рты. Всех женщин, которые были наиболее истощены, отправляли в газовую камеру, как и тех, кто болел довольно продолжительный срок. Евреек травили газом почти без всякого повода. Так, отравили евреек, находившихся в блоке для чесоточных, хотя каждому известно, что от чесотки можно вылечить при достаточном уходе за три дня. Я вспоминаю, что из 500 больных тифом, находившихся в блоке для выздоравливающих, 450 было отправлено в газовую камеру.

На рождество 1943 года, когда мы находились в карантине, помещавшемся перед блоком 25, мы видели, как совершенно раздетых женщин привозили в этот блок. Затем прибывали грузовики, которые не были покрыты брезентом, и на них погружали этих совершенно раздетых женщин в таком количестве, в каком грузовики могли их вместить. Затем каждый раз, когда грузовик трогался с места, заслуживший известность Хесслер[246], осужденный впоследствии к смерти на Люнебургском процессе[247], бежал за грузовиком и наносил этим раздетым, идущим на смерть женщинам двойной удар своей дубинкой. Женщины знали, что их везут в газовую камеру, и пытались вырваться. Их избивали жесточайшим образом. Они пытались выпрыгнуть из грузовика, и из нашего блока мы видели, как проезжали грузовики, и слышали страшные крики этих раздетых женщин, которые ехали, зная, что они будут отравлены газом. Многие из них могли бы свободно выжить, так как у них была лишь чесотка или небольшое истощение.

Дюбост: Госпожа Вайян-Кутюрье, вы сообщили нам, что стоило угоняемым сойти с поезда, как их, даже не пересчитав, отправляли в газовую камеру. Что делали с их одеждой и их багажом?

Вайян-Кутюрье: Что касается евреев, то вопрос о них должен быть рассмотрен отдельно, потому что лица нееврейского происхождения сами должны были нести свой багаж в блоки, где его сортировали. Евреи должны были по прибытии оставлять все свои вещи на перроне. До того как их пропускали, им приказывали раздеться, и их одежда и прочие вещи, которые они с собой привозили, — все это оставалось на перроне, а затем направлялось в большие бараки, где производила разборку вещей команда, которую называли «Канада». В бараках вещи сортировали и отправляли в Германию. Там были всевозможные предметы: драгоценности, меховые манто и т. д.

Так как в Освенцим евреев отправляли целыми семьями, говоря им, что это нечто вроде гетто и поэтому они должны брать с собой все, что у них имеется, они привозили с собой значительные драгоценности. Я вспоминаю, что когда прибывали

---

[246] Франц Хёсслер (1906 — 1945) — оберштурмфюрер СС и начальник лагерной охраны в концентрационных лагерях Освенцим, Дора-Миттельбау и Берген-Бельзен при нацистской Германии во времена Второй мировой войны. Британским трибуналом приговорён к повешению и казнён.

[247] Бельзенский процесс, также известен как Бельзенский суд или Бельзенский военный трибунал — один из судебных процессов, который был проведен оккупационными силами союзников против бывших чиновников и функционеров нацистской Германии после окончания Второй мировой войны. Бельзенский Процесс проходил в Люнебурге, Нижняя Саксония, Германия с 17 сентября по 17 ноября 1945 года.

евреи из Салоник, им выдавали почтовые открытки, внизу на этих открытках указывалось, что адрес отправителя — Вальдзее, хотя такого пункта не существовало. Им выдавали также печатный текст с тем, чтобы они написали своим родным: «Здесь мы хорошо устроились: у нас есть работа, с нами хорошо обращаются и хорошо кормят. Ждем вашего приезда». Я лично видела такие почтовые открытки, и писари в каждом блоке получали приказ раздавать их заключенным, чтобы те отправляли их своим семьям.

Мне известно, что такие случаи имели место в Греции, и я не знаю, применяли ли этот метод в других местах, но в Греции (как и в Чехословакии) целые семьи приходили в бюро по вербовке в Салониках, изъявляя желание присоединиться к своим родным. Я вспоминаю профессора-филолога из Салоник, который с ужасом узнал в приехавшем родного отца.

Дюбост: Могли бы вы дать показания о лагерях для цыган?

Вайян-Кутюрье: Рядом с нашим лагерем находились на расстоянии трех метров два лагеря, отделенные колючей проволокой. В одном из этих лагерей находились цыгане, которые в 1944 году, примерно в августе, были все отравлены газом. Там были цыгане из всех европейских государств, в том числе и из Германии. По другую сторону от нашего лагеря находился так называемый лагерь для семей. В него были помещены евреи из гетто в Терезиенштадте[248], которые в отличие от нас не были выбриты, не носили вытатуированные клейма. У них оставили их одежду, они не работали. Так они прожили шесть месяцев, а спустя шесть месяцев все обитатели этого лагеря были отравлены газом. В лагере было около 6 — 7 тысяч евреев. Через несколько дней из Терезиенштадта прибыли новые значительные партии евреев, они также были привезены целыми семьями, и шесть месяцев спустя их всех, как и первую партию, отравили газом.

Дюбост: Госпожа Вайян-Кутюрье, не могли бы вы дополнительно рассказать о том, что вы увидели перед самой отправкой из этого лагеря и при каких обстоятельствах вас из него увезли?

Вайян-Кутюрье: В 1943 году перед тем, как мы были увезены из Освенцима, нас поместили в карантин.

Дюбост: Когда это было?

Вайян-Кутюрье: Мы пробыли в карантине в течение 10 месяцев: с 15 июля 1943 г. по май 1944 года. Затем мы были возвращены на два месяца в лагерь, после чего нас отправили в Равенсбрюк.

Дюбост: Среди вас были только француженки из вашей партии, которые остались в живых?

Вайян-Кутюрье: Да, это были только француженки, оставшиеся в живых из нашей

---

[248] Терезиенштадт (Терезинское гетто) — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. Создан в ноябре 1941 года на базе тюрьмы гестапо.

партии. От прибывших из Франции примерно в июле 1944 года евреек мы узнали, что лондонское радио сообщило о нашей партии заключенных, причем были упомянуты Май Политцер, Даниэль Казанова, Элен Соломон и я. Мы узнали, что после этого из Берлина был отдан приказ поместить француженок, входивших в эту партию заключенных, в лучшие условия, нежели остальных заключенных.

Так мы попали в карантин. Это был блок, находившийся перед лагерем по другую сторону колючей проволки. Я должна сказать, что мы, которые остались в живых, обязаны жизнью этому карантину, так как через четыре месяца после нашего прибытия в лагерь нас осталось лишь 49 человек. Поэтому, несомненно, мы не смогли бы перенести 18 месяцев лагерной жизни, если бы десять месяцев не провели в карантине.

Карантин этот был создан в связи с тем, что в Освенциме свирепствовал сыпной тиф. Поэтому для того чтобы выйти на свободу или быть переведенным в другой лагерь или же для того чтобы предстать перед судом, надо было предварительно пробыть в течение двух недель в карантине, так как две недели длится инкубационный период при заболевании сыпным тифом. Также в тех случаях, когда приходили бумаги, в которых говорилось о возможном освобождении какого-либо заключенного, его отправляли в карантин, где он находился до тех пор, пока приказ о его освобождении не был подписан. Иногда это длилось в течение многих месяцев. Минимальный срок пребывания там был две недели.

Кроме того, периодически освобождали антиобщественные германские элементы в целях направления их в качестве рабочей силы на германские заводы. Поэтому невозможно себе представить, чтобы во всей Германии могло быть неизвестно, что существуют концлагеря и что в этих лагерях происходит, потому что трудно предположить, что все женщины, возвращавшиеся из этих лагерей, никогда о них не рассказывали. На заводах, на которых работали заключенные, были Vorarbeiterinnen (женщины-мастера) — гражданские лица, которые общались с заключенными и могли с ними разговаривать. Женщины-мастера, работавшие в Освенциме, приехали на заводы Siemens [249] в Равенсбрюке в качестве Aufseherinnen, чтобы работать на той же должности. Они работали прежде в качестве работниц по вольному найму на заводах Siemens в Берлине, и в Равенсбрюке они встретились с мастерами-немками, которых знали по Берлину. При нас они рассказывали последним о том, что увидели в Освенциме. Поэтому нельзя предположить, что в Германии не знали о том, что происходит в концлагерях.

Когда мы оставляли лагерь Освенцим, мы не верили самим себе, и у нас

[249] Siemens AG (Акционерное общество Сименса) — немецкий конгломерат, работающий в области электротехники, электроники, энергетического оборудования, транспорта, медицинского оборудования и светотехники, а также специализированных услуг в различных областях промышленности, транспорта и связи. Штаб-квартиры находятся в Берлине и Мюнхене. Основано в 1847.

сжимались сердца при виде того, что из всех нас, то есть из общего числа 230, когда мы прибыли туда 18 месяцами ранее, осталась маленькая группа в 49 человек. Мы испытывали такое чувство, как будто мы оставляем ад, и впервые у нас зародилась надежда на то, что мы выживем и вновь увидим мир.

Дюбост: Госпожа Вайян-Кутюрье, куда вас затем отправили?

Вайян-Кутюрье: Из Освенцима нас отправили в лагерь Равенсбрюк. Там нас поместили в блок «НН», то есть «Nacht und Nebel». В этом блоке вместе с нами находились польские женщины; некоторых называли «кроликами», потому что их использовали в качестве подопытных существ. Из партий польских женщин отбирали здоровых девушек со стройными ногами и производили над ними операции: у одних удаляли из ноги часть кости, другим делали впрыскивания, для чего именно, я не знаю. Среди подвергавшихся операциям была большая смертность. Тех, кто отказывался идти в лазарет, где им должны были производить операцию, силой отправляли в карцер, где их оперировал приехавший из Берлина профессор. Он производил операции в военной форме, не принимая никаких антисептических предосторожностей, не надевая халата и не вымыв рук. Среди этих «кроликов» были такие, которым удалось выжить, и они испытывают страшные страдания до настоящего времени.

Дюбост: Ставили ли на заключенных по их прибытии в лагерь клеймо?

Вайян-Кутюрье: Нет. В лагере Равенсбрюк клейма не вытатуировывали, но подвергали гинекологическому осмотру, и так как при этом не принимали никаких предосторожностей, пользовались одними и теми же инструментами, это приводило к распространению заболеваний. Причем следует учесть, что уголовные и политические заключенные находились вместе.

В блоке 32, в котором мы находились, были также русские военнопленные, которые отказались работать добровольно на заводах по производству боеприпасов. В связи с этим они были помещены в лагерь. Поскольку они продолжали отказываться работать, их подвергали всяческим издевательствам: заставляли стоять целый день перед бараком, не давая пищи. Часть из них потом была отправлена в Барт, другая была использована при переноске помойных ведер. В «штрафблоке» и «бункере» также были помещены заключенные, которые отказались работать на военных предприятиях.

Дюбост: Вы имеете в виду тюрьмы лагеря?

Вайян-Кутюрье: Да, тюрьмы лагеря. Впрочем, тюрьма лагеря, я ее посетила, была гражданской тюрьмой, настоящей тюрьмой.

Дюбост: Сколько французов было в лагере?

Вайян-Кутюрье: От 8 до 10 тысяч.

Дюбост: Каково общее число женщин, которые там находились?

Вайян-Кутюрье: К моменту освобождения, в соответствии со списками, общее число равнялось 105 тысячам, может больше.

В лагере производили и казни. Утром на перекличке вызывали по номерам, после этого женщин направляли в комендатуру, и их больше не видели. Спустя несколько дней их одежду помещали в вещевой склад, где хранили вещи заключенных. Спустя некоторое время их карточки исчезали из картотек лагеря.

Дюбост: Вся система содержания в лагере была такой же, как в Освенциме?

Вайян-Кутюрье: В Освенциме преследовалась совершенно определенная цель — уничтожение. Производительность труда заключенных не представляла интереса.

Их убивали без всякой причины. Было достаточно заставить их стоять на ногах с утра до вечера. Что же касается того, носят заключенные один или десять кирпичей, этому не придавали значения. Там полностью отдавали себе отчет в том, что людей — человеческий материал — использовали как рабов, чтобы заставить их умереть. В Равенсбрюке вопрос о производительности труда играл большую роль. Это был распределительный лагерь. Когда в лагерь прибывали партии заключенных, их спешно направляли либо на предприятия по производству боеприпасов, либо на пороховые заводы, либо на строительство аэродромов, а в последнее время на рытье окопов.

Отправка на заводы производилась следующим образом: промышленники, или мастера, или же уполномоченные ими лица сами приходили в лагерь в сопровождении эсэсовцев, чтобы поизвести отбор. Создавалось впечатление невольничьего рынка: щупали мускулы, изучали выражение лица, после чего останавливались в своем выборе на ком-либо. Затем отобранные проходили в раздетом виде перед врачом, и тот принимал решение, могут или не могут они работать на заводе. В последнее время врачебный осмотр был только профой, так как брали кого бы то ни было. Работа была непосильная, особенно потому, что не хватало пищи и было мало времени для сна, то есть приходилось напряженно работать по 12 часов и утром и вечером выходить на перекличку. В самом Равенсбрюке был завод Siemens, где производилось телефонное оборудование и радиоаппаратура для самолетов. Кроме того, внутри самого лагеря находились мастерские по производству камуфляжа, военного обмундирования и всевозможных вещей, используемых солдатами.

Председатель: Думаю нам лучше прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Дюбост: Госпожа, вы видели каких-либо начальников СС и военнослужащих Вермахта посещавших лагеря Равенсбрюк и Аушвиц, когда вы были там?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вам известно, чтобы кто-либо из германского правительства приезжал в эти лагеря?

Ваяйн-Кутюрье: Я знаю это только по поводу Гиммлера. Кроме Гиммлера я никого

не знаю.

Дюбост: Кто был охранниками в этих лагерях?

Ваяйн-Кутюрье: Сначала это были исключительно охранники СС.

Дюбост: Пожалуйста, говорите медленнее, чтобы переводчик мог следовать за вами?

Ваяйн-Кутюрье: Сначала это были только эсэсовцы, но с весны 1944 молодых эсэсовцев из многих рот заменили старыми людьми из Вермахта как в Освенциме так и в Равенсбрюке. Нас охраняли солдаты Вермахта уже с 1944.

Дюбост: Следовательно, вы можете свидетельствовать о приказе германского генерального штаба германской армии который был вовлечен в жестокости, которые вы описали?

Ваяйн-Кутюрье: Очевидно, поскольку нас охранял Вермахт, это не могло происходить без получения приказа.

Дюбост: Ваши показания являются окончательными и включают СС и армию.

Вайян-Кутюрье: Абсолютно.

Дюбост: Вы расскажете нам о прибытии в Равенсбрюк зимой 1944 венгерских евреек, которых массово арестовали? Вы находились в Равенсбрюке – вы можете дать показания по данному факту?

Ваяйн-Кутюрье: Да, конечно я была там. Там совершенно не было никакого места в блоках и заключённые спали вчетвером на кроватях, поэтому в центре лагеря был натянут большой тент. Под тентом была разложена солома и венгерских женщин приводили в этот тент. Их состояние было ужасным. Было много случаев обморожения ног, потому что их эвакуировали из Будапешта и они прошли часть дороги по снегу. Многие из них умерли по дороге. Тех кто прибывал в Освенцим вели под этот тент и там многие из них умерли. Каждый день прибывал отряд для выноса трупов в тенте. Однажды, вернувшись в свой блок, который был рядом с тентом, во время очистки…

Дюбост: Госпожа вы говорите о Равенсбрюке или Освенциме?

Ваяйн-Кутюрье: [*По-английски*] Сейчас я говорю о Равенсбрюке. [*По-французски*] Это было зимой 1944, приблизительно ноябрь или декабрь, мне кажется, хотя я не могу сказать точно какой это был месяц. Сложно говорить о точных датах в концентрационных лагерях, поскольку дни пыток шли друг за другом и учитывая их монотонность трудно установить день.

Как я говорила, однажды, я проходила мимо тента, когда его чистили и увидела перед ним кучу дымящегося навоза. Я внезапно поняла, что этот навоз был из человеческих экскрементов, поскольку у несчастных женщин не было сил доползти до уборных. Им приходилось заживо гнить в этой грязи.

Дюбост: Какими были условия в мастерских в которых шилась форма…

Вайян-Кутюрье: В мастерских в которых шили форму…

Дюбост: Это была мастерская в лагере?

Ваяйн-Кутюрье: Это была мастерская в лагере, известная как «Schneiderei[250] I». Двести френчей или пар брюк вышивались за день. Было две смены, дневная и ночная смена работавшие по 12 часов. Ночная смена, начинала работать в полночь, выполнив план – только после этого – получала кусочек хлеба. Позже это прекратили. Работа шла бешеным темпом, заключённые не могли даже выйти в уборную. Днями и ночами их нещадно били, эсэсовцы и эсэсовки, если ломалась игла из-за плохого качества материала, если останавливалась машина, или если этим «дамам» и «господам» не нравился их взгляд. Ближе к концу ночи можно было видеть, что рабочие настолько истощены, что каждое движение делалось с усилием. Пот бисером выступал у них на лбу. Они не могли ясно видеть. Если не выполнялась обычная норма бригадир Биндер[251] набрасывался и избивал их со всей силой, одну женщину за другой друг за другом, с таким результатом, что последняя в ряду каменела от ужаса. Если кто-то хотел попасть в ревир нужно было получить разрешение от эсэсовца который очень редко давал такое разрешение, и даже тогда, если доктор разрешал женщине получить освобождение от работы на несколько дней, эсэсовские охранники часто приходили, вытаскивали её из кровати для того, чтобы вернуть её к машинке. Атмосфера была пугающей, поскольку по причине «затемнения» нельзя было ночью открывать окна. Шестьсот женщин работали по 12 часов безо всякой вентиляции. Все кто работал в Schneiderei спустя несколько месяцев становились похожими на ходячие скелеты. Они начинали кашлять, нарушалось зрение, возникало нервное дрожание лица от страха избиений.

Я хорошо знаю об условиях в мастерской так как моя младшая подруга, Мари Рубиано, маленькая француженка которая провела 3 года в тюрьме Коттбуса, была направлена после прибытия в Равенсбрюк в Schneiderei и каждый вечер она рассказывала мне о своих муках. Однажды, когда она была совершенно истощена, она получила разрешение пойти в ревир и в тот день германская Schwester (медсестра), Эрика, была не такой злой как обычно, ей сделали рентген. Лёгкие были сильно инфицированы и она была направлена в ужасный блок 10, блок тубёркулёзных больных. Этот блок был особенно ужасным, так как туберкулёзные пациенты не считались «ценным материалом», они не получали никакого лечения и ввиду нехватки персонала, их даже не мыли. Можно сказать там не было никаких лекарств.

Малышку Мари поселили в палате с инфекционными пациентами, другими словами, такие пациенты считались неизлечимыми. Она провела там несколько недель и не смогла найти отваги, чтобы сражаться за жизнь. Я должна сказать, что атмосфера в этой палате была в особенности подавляющей. Там было много пациентов – несколько на одной койке – ярусные койки – при душном

[250] «Швейная мастерская» (нем.)

[251] Густав Биндер (1910 – 1947) – унтершарфюрер СС. Заместитель руководителя швейных мастерских лагеря Равенсбрюк. Казнён по приговору британского суда.

воздухе, лёжа между заключёнными разных национальностей, таким образом они даже не могли говорить друг с другом. Тишина в этой приёмной смерти нарушалась только выкриками немецкого асоциального медперсонала, и время от времени приглушёнными рыданиями маленькой француженки которая думала о своей матери и своей стране которые она никогда уже не увидит.

При этом, Мари Рубиано не умерла достаточно быстро, чтобы порадовать СС. Однажды доктор Винкельман, специалист по отбору в Равенсбрюке включил её имя в чёрный список и 9 февраля 1945 её вместе с остальными 72 туберкулёзными женщинами, 6 из которых были француженками, погрузили в грузовик и направили в газовую камеру.

В течение этого периода, во всех ревирах проводились отборы и все пациенты непригодные к работе направлялись в газовую камеру. Газовая камера Равенсбрюка располагалась прямо за стеной лагеря, рядом с крематорием. Когда за пациентами приезжали грузовики мы слышали шум мотора в лагере и щум прекращался у крематория дымоход которого был выше стены лагеря.

После освобождения я вернулась в эти места. Я посетила газовую камеру которая представляла собой герметично запечатанное здание построенное из досок, внутри можно было всё ещё почувствовать отвратительный запах газа. Я знаю, что в Освенциме использовали такой же газ, которым травят вшей и от него остаётся мало следов, тёмно-зелёные кристаллы, которые испаряются, когда открывают окна. Я знаю эти подробности, потому что мужчины работавшие в блоках борьбы со вшами были на связи с сотрудниками которые травили газом жертв и рассказывали им, что используется одинаковый газ.

Дюбост: Только этим способом уничтожали заключённых в Равенсбрюке?

Вайян-Кутюрье: В блоке 10 они также проводили опыты с белым порошком. Однажды немецкая Schwester, Марта, пришла в блок и роздала порошок 20 пациентам. Пациенты впали в глубокий сон. У четверых или пятерых возникли сильные приступы рвоты и это спасло их жизни. За ночь койки опустели и пациенты умерли. Я знаю это, потому что я каждый день ходила к француженке в блоке. Двое медсестёр были француженками и доктор Луиза ле Порц из Бордо которая вернулась тоже может рассказать об этом.

Дюбост: Это часто случалось?

Вайян-Кутюрье: Во время моего пребывания был только один такой же случай в ревире, но такая система применялась и в югендлагере, который назывался так, потому что это была бывшая исправительная школа для немецких подростков правонарушителей.

В начале 1945 доктора Винкельмана, уже не удовлетворяли отборы в ревире, и он приступил к отборам в блоках. Все заключённые должны были отвечать на перекличку, показываю босую ногу и грудь и ноги. Все кто были больными, слишком старыми или худыми или тех у кого ноги гноились, отделяли и

направляли в югендлагер, в четверти часа от лагеря Равенсбрюк. Я посетила его при освобождении.

В блоках распространялся приказ о том, чтобы старые женщины и пациенты которые не могут работать в письменном виде попросили о переводе в югендлагерь, где им не нужно будет работать и где не будет переклички. Мы узнали об этом позже от некоторых людей которые работали в югендлагере – начальником которого была австриячка Бетти Венц, которую я знала по Освенциму – и от немногих выживших, одна из них это Ирен Оттияр, француженка проживающая в Дранси, Рю де ла Либерте, 17, которая была репатриирована вместе со мной и за которой я ходила после освобождения. От неё мы узнали подробности о югендлагере.

Дюбост: Госпожа, можете ли вы ответить на этот вопрос? Доктора СС которые проводили отбор действовали по своему усмотрению или подчинялись приказам?

Ваяйн-Кутюрье: Они действовали по приказам, поскольку один из них доктор Лукаш[252], отказался участвовать в отборах и был отозван из лагеря и доктор Винкельман был направлен из Берлина для того, чтобы заменить его.

Дюбост: Вы являетесь очевидцем этих фактов?

Ваяйн-Кутюрье: Он лично говорил начальнику блока 10 и доктору Луизе ле Порц, когда он уходил…

Дюбост: Могли бы вы предоставить нам сведения об условиях в которых находились мужчины в соседнем с Равенсбрюком лагере через день после освобождения, когда вы смогли их увидеть?

Ваяйн-Кутюрье: Я думаю уместно рассказать о югендлагере, так как хронологически он был первым.

Дюбост: Если хотите.

Ваяйн-Кутюрье: В югендлагере старые женщины и пациенты которые покинули наш лагерь находились в блоках где не было еды и удобств, они лежали на соломенных матрасах на земле, настолько тесно друг с другом, что нельзя было пройти между ними. Ночью нельзя было уснуть из-за постоянных хождений и заключённые толкали друг друга, проходя мимо. Соломенные матрасы сгнили и кишели вшами, те кто мог, часами стояли на перекличке пока не падали замертво. В феврале у них забрали плащи, но оставляли стоять на перекличке и смертность значительно возросла.

Из питания они получали только тонкий кусочек хлеба и половину от четверти брюквенного супа и всё питье которое было у них на сутки состояло из половины четверти травяного чая. У них не было воды, чтобы попить, чтобы обмыться и постирать свои грязные вещи.

---

[252] Франц Лукаш (1911 – 1994) – немецкий доктор. Служил врачом в ряде немецких концентрационных лагерей. После войны был оправдан немецким судом.

В югендлагере также был ревир для тех, кто больше не мог стоять. Периодически, во время перекличек, Aufseherin выбирала некоторых заключённых которых раздевали и оставляли без ничего кроме сорочек. Их плащи потом им возвращали. Их грузили в машину и везли в газовую камеру. Несколько дней спустя плащи возвращали в Kammer (вещевой склад) и вешали ярлыки «Mittwerda». Заключённые работавшие с ярлыками рассказали нам о том, что слово «Mittwerda» не существует и это было особый термин для газа.

В ревире переодически роздавали белый порошок и больные умирали также как в блоке 10, который я недавно упоминала. Они…

Председатель: Подробности показаний свидетеля о Равенсбрюке, весьма похожи, если не такие же, как и об Освенциме. Нельзя ли, после того как выслушаны подробности рассмотреть вопрос более общим образом, если не имеется существенной разницы между Равенсбрюком и Освенцимом.

Дюбост: Я думаю разница есть, так как свидетельница отметила, что в Освенциме заключённых просто уничтожали. Это был просто лагерь уничтожения, в то время как Равенсбрюк предназначался для работы и ослабшие от работы там умирали.

Председатель: Если имеются какие-либо другие различия, несомненно, вы сможете поправить свидетеля, я имеют в виду, спросите свидетеля о других различиях.

Дюбост: Я постараюсь так сделать.

[*Свидетельнице*]: Сможете ли вы сообщить суду, в каком состоянии находился в момент освобождения лагерь, в котором содержались мужчины, и сколько осталось в живых?

Вайян-Кутюрье: Когда немцы покинули лагерь, они оставили в нем 2 тысячи больных и некоторое число добровольцев, в том числе и меня, для того, чтобы ухаживать за больными. Нас оставили без воды и без света. К счастью, на другой день прибыли русские. Таким образом, мы смогли отправиться в лагерь, где помещались мужчины, и там мы увидели неописуемое зрелище. В течение пяти дней у заключенных не было воды. В лагере находились 800 человек тяжелобольных, три врача и семь медсестер, которые не успевали выносить мертвых из помещений, в которых лежали больные. Благодаря Красной Армии мы смогли перевезти этих больных в чистые блоки, оказать им необходимую помощь и накормить их. К сожалению, я могу назвать лишь число французов. Когда мы прибыли в лагерь, в нем находились 400 французов, но только 150 вернулись во Францию. Что касается остальных, то было слишком поздно, несмотря на оказанную им помощь.

Дюбост: Присутствовали ли вы при казнях, и при каких обстоятельствах они совершались в лагере?

Вайян-Кутюрье: Я не присутствовала при казнях. Я знаю лишь, что последняя казнь имела место 22 апреля, за 8 дней до прихода Красной Армии. Как я уже говорила, заключенных отправляли в комендатуру, затем возвращалась только их

одежда, а их карточки вынимали из картотеки.

Дюбост: Являлось ли положение в этом лагере исключением, или вы полагаете, что такова была система?

Вайян-Кутюрье: Трудно дать точное представление о концентрационных лагерях, когда лично сам в них не побываешь, так как можно только привести примеры зверского обращения, но невозможно дать почувствовать эту убийственную рутину существования. Когда спрашивают, что являлось самым ужасным, невозможно на это ответить, так как все было ужасным: ужасно умирать от голода, от жажды, быть больным, видеть, как умирают вокруг товарищи и не иметь возможности что-либо сделать. Ужасно думать о своих детях, о своей стране, которых никогда больше не увидишь. Иногда наступали такие моменты, когда мы сомневались, не кошмар ли это, так эта жизнь по своему ужасу казалась нам нереальной.

В течение месяцев и лет у нас было одно желание: чтобы несколько из нас осталось в живых чтобы рассказать всему миру о том, что такое нацистская каторга. Так было всюду: В Освенциме и в Равенсбрюке. А те, которые были в других лагерях, рассказывают то же самое: всюду систематически проявлялась беспощадная воля к тому, чтобы использовать людей в качестве рабов и, когда они больше не в состоянии работать, убивать их.

Дюбост: Вы больше не можете ничего рассказать?

Вайян-Кутюрье: Нет.

Дюбост: Если трибунал желает опросить свидетеля, то я закончил допрос.

Руденко: Я вопросов не имею.

Маркс: [*Выступает в интересах доктора Бабеля, защитника СС*). Доктор Бабель не может присутствовать на сегодняшнем утреннем заседания, так как ему предложено явиться на совещание к генералу Митчеллу.

Милорды! Я позволю себе задать свидетелю несколько вопросов.

Госпожа Кутюрье, Вы заявили, что вы были арестованы французской полицией?

Вайян-Кутюрье: Да.

Маркс: На каком основании вы были арестованы?

Вайян-Кутюрье: За участие в движении Сопротивления.

Маркс: Теперь следующий вопрос, какие должности у вас были? Я имею в виду какие должности вы занимали?

Вайян-Кутюрье: Где?

Маркс: Например, были ли вы учительницей?

Вайян-Кутюрье: До войны? Я не могу понять, что имеет общего ваш вопрос с настоящей темой. Я была журналисткой.

Маркс: Да. Фактически в своём выступлении вы продемонстрировали умение в стиле и выражении, и я хочу узнать занимали ли вы такую должность как учитель или лектор.

Ваяйн-Кутюрье: Нет. Я фотожурналист.

Маркс: Как же можно объяснить то, что вы сами так легко отделались и что ваше состояние здоровья настолько хорошее?

Вайян-Кутюрье: Во-первых, я была освобождена год тому назад, а год — достаточный срок для восстановления своих сил. Затем я была в течение 10 месяцев, как я об этом уже говорила, в карантине и мне посчастливилось не умереть от сыпного тифа, хотя я и болела им три с половиной месяца. С другой стороны, так как я знаю немецкий язык, в Равенсбрюке я в последнее время работала на перекличке в лазарете, и поэтому мне не пришлось страдать от непогоды. С другой стороны из 230 из нас в конвое вернулись только 49, и последние четыре месяца нас было 52. Мне крупно повезло вернуться.

Маркс: Вы здесь сообщали только свои личные наблюдения или же и сообщения из других источников?

Вайян-Кутюрье: Каждый раз я указывала в моем заявлении, о чем идет речь; я ничего не сказала кроме того, что было проверено по первоисточникам, причем несколькими лицами, но большинство моих показаний основывается на личных наблюдениях.

Маркс: Как можно объяснить тот факт, что у вас есть точные статистические сведения, например, что 700 000 евреев прибыло из Венгрии?

Вайян-Кутюрье: Я вам сказала, что работала в канцелярии, а что касается Освенцима, то я сказала, что была знакома с секретарем, фамилию и адрес которой я называла суду.

Маркс: Утверждают, что только 350 000 тысяч евреев прибыло из Венгрии, по данным начальника Гестапо Эйхмана[253].

Вайян-Кутюрье: Я не желаю спорить с Гестапо. У меня есть веские основания считать, что то, что заявляет Гестапо, не всегда бывает точно

Маркс: Как с вами лично обращались, с вами хорошо обращались?

Вайян-Кутюрье: Как и с другими.

Маркс: Как и с другими. Вы ранее сказали, что немецкий народ должен был знать о происходящем в Освенциме? На чем вы основываетесь, утверждая это?

Вайян-Кутюрье: Во-первых, на том факте, что когда мы направлялись в лагерь, солдаты германской армии, уроженцы Лотарингии, говорили нам в вагоне, что если бы мы знали, куда мы едем, мы не спешили бы туда прибыть. Во-вторых, на том факте, что немки, которые выходили из карантина и направлялись на работу на заводы, знали об этих фактах, и все они заявляли, что расскажут об этом вне лагеря.

И, в-третьих, на том факте, что на всех заводах, где работали заключенные,

---

[253] Адольф Эйхман (1906 — 1962) — немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев. Заведовал отделом Гестапо IV B 4, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса». Оберштурмбаннфюрер СС. После войны скрылся от суда в Южной Америке. Здесь агенты израильской разведки «Моссад» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где он был судим, приговорён к высшей мере наказания и казнён.

они общались с немецким гражданским населением. Кроме того, Aufseherinnen также общались со своими семьями и друзьями и часто говорили о том, что они видели.

Маркс: Еще один вопрос. До 1942 года вы могли наблюдать поведение немецких солдат в Париже. Разве немецкие солдаты вели себя там непристойно, и разве они не платили за все, что они отбирали?

Вайян-Кутюрье: Я не имею об этом ни малейшего представления. Я не знаю, платили ли они за то, что отбирали. Что касается достойного обращения, то слишком много из моих было убито или истреблено, чтобы мое мнение не отличалось от вашего по этому вопросу.

Маркс: У меня нет больше вопросов к свидетельнице.

[*Доктор Маркс начал отходить от трибуны и затем вернулся*]

Председатель: Если у вас больше нет вопросов, это значит, что сказать больше нечего. [*Смех в зале*] В зале слишком много смеха, я уже говорил об этом. [*Доктору Марксу*] Я думал, вы сказали, что у вас больше нет вопросов.

Маркс: Да. Пожалуйста, извините. Я хотел оказать услугу адвокату Бабелю, для того, чтобы он смог допросить свидетельницу позже, если это возможно.

Председатель: Вы сказали, Бабель?

Маркс: Да.

Председатель: Я прошу прощения, да, разумеется. Когда доктор Бабель будет на месте?

Маркс: Я предполагаю, что он вернётся вечером. Он в здании. Однако, сначала ему нужно прочесть стенограмму.

Председатель: Мы рассмотрим вопрос. Если доктор Бабель будет здесь вечером, мы рассмотрим вопрос, если у доктора Бабеля будет ходатайство.

Кто-нибудь из других подсудимых желает задать какие-либо вопросы свидетельнице?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Господин Дюбост у вас есть какие-либо вопросы в повторном допросе?

Дюбост: У меня нет вопросов.

Преседатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетельница покинула место свидетеля*]

Дюбост: С разрешения трибунала, мы перейдем к заслушиванию показаний

свидетеля Вейта.

Председатель: Вы вызываете этого свидетеля с тем, чтобы он дал показания об обращении с заключенными в концлагерях?

Дюбост: Да, господин председатель, а также потому, что этот свидетель может сообщить нам сведения о жестоком обращении с некоторыми военнопленными в лагерях. Речь идет не только о концлагерях и о гражданских лицах, подвергавшихся жестокому обращению, но и о военных, направленных в эти концентрационные лагеря, где они подвергались такому же жестокому обращению, как и гражданские лица.

Председатель: Что же, не упускайте из вида тот факт, что практически не было перекрёстного допроса свидетельницы которую вы вызвали по вопросу обращения в концентрационных лагерях? Трибунал как я думаю, считает, что вы можете рассмотреть обращение в концентрационных лагерях более общо, чем с последней свидетельницей. Вы слышите, что я говорю?

Дюбост: Да, ваша честь.

[*Свидетель Вейт занял место свидетеля*]

Дюбост: Трибунал намерен заслушать свидетеля?

Председатель: Да.

[*Обращаясь к свидетелю*] Как ваше имя?

Вейт: Жан-Фредерик Вейт.

Председатель: Повторите слова присяги: «Я клянусь, что я говорю без ненависти и страха, что я говорю правду, всю правду, ничего кроме правды.

[*Свидетель повторяет слова присяги*]

Председатель: Поднимите правую руку и скажите: «Я клянусь».

Вейт: Я клянусь.

Председатель: Не хотите ли сесть и произнести своё имя и фамилию?

Дюбост: Пожалуйста, назовите свою имя и фамилию?

Вейт: Ж-а-н Ф-р-е-д-е-р-и-к В-е-й-т. Я родился 28 апреля 1903 г. в Москве.

Дюбост: Вы француз по национальности?

Вейт: Я по национальности француз, мои родители французы.

Дюбост: В какой лагерь вы были заключены?

Вейт: Я находился в Маутхаузене с 22 апреля 1943 г. по 22 апреля 1945 г.

Дюбост: Вам известно о работе на фабриках поставлявших материалы Люфтваффе. Кто контролировал фабрики?

Вейт: Я находился в Arbeitseinsatz[254] Маутхаузена с июня 1943 и поэтому хорошо

[254] «Распределении рабочей силы» (нем.)

знаком со всеми вопросами работы.

Дюбост: Кто контролировал фабрики работавшие на Люфтваффе?

Вейт: Во внешних лагерях Маутхаузена работали Heinkel[255], Messerschmidt[256], Alfa-Vienne[257] и Saurer[258] и кроме того, Alpine Montan[259] велось строительство туннеля Либль.

Дюбост: Кто контролировал работу, надзиратели или инженеры?

Вейт: Надзор был только у СС. Сама работа контролировалась инженерами самих фирм.

Дюбост: Эти инженеры относились к Люфтваффе?

Вейт: В отдельные дни я видел офицеров Люфтваффе которые посещали мастерские Messerschmidt в карьере.

Дюбост: Они могли видеть сами условия, в которых жили заключённые?

Вейт: Да, разумеется.

Дюбост: Вы видели каких-либо высокопоставленных нацистских чиновников посещавших лагерь?

Вейт: Я видел много высокопоставленных чиновников, в их числе Гиммлера, Кальтенбруннера, Поля[260], Маурера[261], начальник трудового управления, управления D II, из Рейха и многих других посетителей чьи имена я не знаю.

Дюбост: Кто сказал вам, что приезжал Кальтенбруннер?

Вейт: Что же, наши кабинеты выходили на фасад комендатуры, поэтому мы видели приезжавших высокопоставленных чиновников и сами эсэсовцы говорили нам: «Приехал такой-то».

Дюбост: Могло ли гражданское население знать, и знало ли о положении заключённых?

Вейт: Да, население могло знать, поскольку в Маутхаузене была дорога рядом с карьером и те, кто проезжал по дороге могли видеть всё, что происходило. Кроме того, заключенные работали на фабриках. Их отделяли от других рабочих, но у них был контакт с ними и другие рабочие весьма легко могли понять их состояние.

Дюбост: Можете ли вы сказать то, что вы знаете относительно поездки в неизвестный замок автобуса с интернированными, которых больше никто никогда

---

[255] Самолётостроительное предприятие Хейнкель — немецкая авиастроительная компания, основанная Эрнстом Хейнкелем, существовавшая в 1920-е—1960-е годы. Компания занималась производством бомбардировщиков для Люфтваффе во Второй мировой войне и внесла важный вклад в развитие высокоскоростных самолётов.

[256] Акционерное общество Мессершмит — самолётостроительная фирма Германии (в 1938—1945 годах) и ФРГ (в 1956—1968 годах). Вела начало от фирмы Messerschmitt-Flugzeugbau Gesellschaft, основанной в 1923 году Вилли Мессершмиттом. Создавала истребители и бомбардировщики для военно-воздушных сил нацистской Германии.

[257] «Альфа-Вена» (нем.)

[258] «Акционерное общество Адольфа Заурера» - швейцарский производитель грузовиков и автобусов под марками «Заурер» и «Берна». Существовало в 1903 – 1982.

[259] «Альпийские горы» - дочернее предприятие концерна «Герман Геринг» в Австрии.

[260] Освальд Поль (1892 — 1951) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (20 апреля 1942), начальник Главного административно-хозяйственного управления СС (1 февраля 1942 — 8 мая 1945). Казнён по приговору американского военного трибунала в Нюрнберге.

[261] Герхард Маурер (1907 – 1953) – немецкий сотрудник СС. Заместитель начальника управления D Главного административно-хозяйственного управления СС. Оберштурмбаннфюрер. Казнён по приговору польского суда.

не видел?

Вейт: Одно время в Маутхаузене уничтожали больных посредством уколов. Этим занимался особенно доктор Кребсбах[262], которого заключенные называли доктором Шприцбахом, так как он ввел систему уколов. Затем больше не стали применять уколы, а в этот период очень тяжело больных и обессиленных людей стали отправлять в замок, название которого, как мы впоследствии обнаружили, было Хартхайн, но который носил официальное название «Genesungslager», то есть лагерь для выздоравливающих. Все те, кто туда были отправлены, никогда не возвращались, и мы получали непосредственно из политического отдела лагеря извещения об их смерти. Эти извещения были секретными. Все те, кого направляли в замок Хартхайн, умирали. Число умерших достигло приблизительно 5тысяч человек.

Дюбост: Видели ли вы прибытие военнопленных в Маутхаузен?

Вейт: Разумеется, я видел военнопленных. Прибывающие в Маутхаузен в первую очередь проходили мимо здания, где помещался политический отдел. Так как я работал на «Холлерите[263]», то я имел возможность их видеть, потому что окна конторы выходили на площадку, на которой находился политический отдел и по которой проходили эшелоны. Эти эшелоны немедленно сортировались: одну часть отправляли в лагерь для регистрации, и очень часто некоторых лиц, одетых в форму, отделяли. Этих последних подвергали особым издевательствам в политическом отделе и передавали прямо тюремной охране. Они попадали в тюрьму и пропадали без вести. Их не регистрировали в лагере. Единственную регистрацию, которую они проходили, это в политическом отделе у Мюллера, который специально занимался этими заключенными.

Дюбост: Это были военнопленные?

Вейт: Это были военнопленные, они очень часто были одеты в военную форму.

Дюбост: Какой национальности?

Вейт: Главным образом русские и поляки.

Дюбост: Их привозили в ваш лагерь для истребления?

Вейт: Их привозили в наш лагерь для того, чтобы подвергнуть их мероприятию «К[264]».

Дюбост: Что вы знаете о мероприятии «К» и каким образом вы это узнали?

Вейт: Сведениями о мероприятии «К» я располагаю благодаря тому, что я руководил отделом «Холлерит» в Маутхаузене, вследствие чего я получал все пересылочные путевки из различных лагерей, и когда к нам по ошибке присылали

---

[262] Эдуард Кребсбах (1894 – 1947) – немецкий доктор. Работал в концентрационном лагере Маутхаузен с июля 1941 по август 1943. Казнён по приговору американского трибунала.

[263] Табулятор — электромеханическая машина, предназначенная для автоматической обработки (суммирования и категоризации) числовой и буквенной информации, записанной на перфокартах, с выдачей результатов на бумажную ленту или специальные бланки.

[264] Kugel-Erlass (приказ Пуля) – приказ действововавший в нацистской Германии о казни офицеров и сержантов которые предприняли попытки к бегству. Действовал с марта 1944.

так называемых обычных пленных, мы их заносили в списки как лиц, подлежащих пересылке, которых мы должны были отправлять в центральное управление в Берлине, нет, вернее, мы не нумеровали их, так как не могли это делать; политический отдел не давал нам никаких указаний и даже уничтожал списки фамилий, если они к нам случайно попадали.

Из разговоров с моими сослуживцами по политотделу я узнал, что это мероприятие «К» применялось прежде всего по отношению к военнопленным, пойманным при попытке к бегству. В дальнейшем это мероприятие распространилось на других. Оно продолжало применяться к пойманным при побеге военным, и в особенности к офицерам, которым удалось бежать, но которые были схвачены в странах, находящихся под властью немцев.

Кроме того, всякий, кто проявлял какую-либо активность, рассматривавшуюся как не соответствовавшую желаниям нацистских руководителей, мог также быть подвергнут мероприятию «К». Эти заключенные прибывали в Маутхаузен и исчезали, то есть их отправляли в тюрьму, где некоторых из них немедленно уничтожали, а других помещали в филиал тюрьмы, ставшей слишком тесной, в знаменитый блок № 20 Маутхаузена.

Дюбост: Скажите, речь идет именно о военнопленных?

Вейт: Речь идет главным образом о военнопленных.

Дюбост: Знаете ли вы о казни военнопленных офицеров, привезенных в Маутхаузен?

Вейт: Я не могу вам назвать фамилий, но такие случаи были.

Дюбост: Видели ли вы, как казнили союзных офицеров, которые были убиты в течение 48 часов с момента их прибытия в лагерь?

Вейт: 6 сентября я видел прибытие эшелона. Я думаю, что вы имеете в виду именно этот эшелон. Я видел, как прибыл этот эшелон, и в тот же день после полудня эти 47 человек, в одних рубашках и кальсонах, были отведены в каменоломню. Вскоре послышалась стрельба из ручных пулеметов. Я вышел из своей конторы и, сделав вид, что задворками несу документы в другую контору, прошел мимо того места и видел собственными глазами, что этих несчастных расстреливали. 19 были расстреляны в тот же день, а остальные были казнены на другой день утром. Об их смерти на карточках впоследствии было сказано: «убиты при попытке к бегству».

Дюбост: Вы имеете список фамилий?

Вейт: Да, у меня имеется копия

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения суда, необходимо сообщить о том, что подсудимый Кальтенбруннер будет отсутствовать на вечернем заседании из-за болезни.
Председатель: Вы можете продолжать господин Дюбост.
Дюбост: Мы заканчиваем допрос свидетеля Вейта, которому мне осталось задать лишь один вопрос.
Председатель: Введите его.

[*Свидетель Вейт занял место свидетеля*]

Дюбост: Вы продолжаете давать показания под присягой о том, о чём говорили этим утром.

Сделайте некоторые дополнительные уточнения о казни 47 союзных офицеров, которая, как вы наблюдали, произошла в лагере Маутхаузен в течение 48 часов.
Вейт: Эти офицеры, эти парашютисты, были умерщвлены теми методами, которыми обычно устранялись заключенные, то есть их заставляли выполнять самые тяжелые работы. Они носили камни, их били и заставляли брать самые тяжелые камни. Таким образом, это продолжалось до тех пор, пока доведенные до крайности они подходили к колючей проволоке. Если они сами не шли к этой проволоке, то их избивали до тех пор, пока они этого не делали. Когда они приближались к проволоке на расстояние одного метра, их убивали часовые эсэсовцы очередью из автомата. Это была обычная система, известная под названием «убийство при попытке к бегству».

Эти 47 человек были убиты после полудня 6 сентября и утром 7 сентября.
Дюбост: Откуда вам известны их имена?
Вейт: Эти имена я узнал из официального лагерного списка, в котором они были зарегистрированы, а так как я занимался передачей всех изменений, которые происходили в списках по отделу Холлерит, в Берлин, то я видел все списки прибывших и все списки умерших.
Дюбост; Вы передали эти списки в какое-либо официальное ведомство?
Вейт: Да. Этот список был взят американскими властями, когда я был в Маутхаузене. После моего освобождения я немедленно вернулся в Маутхаузен, потому что я был осведомлен о документах, и в это время американские власти получили все списки, которые мы смогли обнаружить.
Дюбост: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.
Председатель: Британский обвинитель хочет задать какие-либо вопросы?

Британский обвинитель: Нет.

Председатель: Обвинитель Соединённых Штатов?

Обвинитель Соединённых Штатов: Нет.

Председатель: Кто-либо из защитников желает задать какие-либо вопросы?

Бабель: Я защитник СС и СД. Господин председатель, я побывал в лагере Дахау в субботу и вчера в лагере Аугсбург-Гённинген. Я выявил разные вещи, которые позволят мне опрашивать отдельных свидетелей. Я не мог сделать это ранее, так как я не был знаком с местными условиями. Я хочу задать один вопрос. Я не смог присутствовать этим утром из-за совещания, на которое меня вызвал генерал Митчелл. Соответственно я не смог перекрёстно допросить свидетельницу этим утром. У меня имеется только один вопрос к свидетелю. Я хочу спросить могу ли я перекрёстно допросить свидетеля позже или лучше отозвать опрос?

Председатель: Вы можете сейчас перекрёстно допросить свидетеля, но трибунал проинформирован о том, что вы уедете к генералу Митчеллу в 15 минут третьего.

Бабель: Да, но в результате совещания мне пришлось направить телеграмму и решать другие неотложные деловые вопросы, поэтому я не могу присутствовать на заседании.

Председатель: Вы, конечно же, можете перекрёстно допросить свидетеля сейчас.

Бабель: У меня имеется только один вопрос, а именно: свидетель заявил о том, что данных офицеров гнали к проволочной ограде. Кто их гнал?

Вейт: Их гнали к колючей проволоке эсэсовские охранники, которые сопровождали их и весь персонал Маутхаузена присутствовал. Их также били эсэсовцы и один или два «зелёных» заключённых, которые были с ними и которые являлись «капо». В лагерях эти «зелёные» заключённые часто были хуже, чем сами эсэсовцы.

Бабель: Таким образом, в лагере Дахау, внутри самого лагеря, в границах ограждения, почти не было охраны СС и также обстояло дело в случае Маутхаузена? Однако…

Вейт: Внутри лагеря было только ограниченное количество эсэсовцев, но оно менялось и никто из тех кто относился к войскам, охранявшим лагерь не мог не знать о том что в нём происходит, даже если они не входили в лагерь, они наблюдали за ним со сторожевых вышек снаружи и видели абсолютно всё.

Бабель: Охранники, которые расстреливали заключенных, находились внутри или снаружи проволочного ограждения?

Вейт: Они находились на сторожевых вышках на одной линии с колючей проволокой.

Бабель: Они могли видеть, что офицеров гнали к проволочному ограждению ударами? Они могли видеть, что их гнали и били?

Вейт: Они могли это видеть настолько хорошо, что раз или два охранники отказывались стрелять, говоря о том, что это не попытка побега, и они не стреляли. Их немедленно освободили от должности, и они исчезли.

Бабель: Вы это лично видели?

Вейт: Я лично не видел, но слышал об этом, помимо прочего командофюрер сказал мне: «Часовой отказался стрелять».

Бабель: Кем был этот командофюрер? Начальником группы?

Вейт: Командофюрером был Вилеман. Я не помню его звание. Он не был унтершарфюрером, а званием ниже унтершарфюрера и он был ответственным за отдел Холлерита в Маутхаузене.

Бабель: Спасибо.

У меня больше нет вопросов. Однако, я хочу заявить ходатайство о повторном вызове свидетеля и тогда я воспользуюсь возможностью спросить про остальное, задать другие вопросы которые я сочту необходимыми. Я прошу вас оставить его для этого здесь в Нюрнберге. Я не в состоянии перекрёстно допрашивать свидетеля этим вечером, так как не слышал его заявлений этим утром, и я прошу о том, чтобы свидетель…

Председатель: Вам следует находиться здесь. Если вас отпустили с беседы с генералом Митчеллом в 1015, трибуналу кажется, во всяком случае, мне, что нет причины, почему вы не можете допросить этого свидетеля.

Бабель: Господин председатель, этим утром я обсудил с генералом Митчеллом некоторые вопросы которыми я занимаюсь длительное время. Генерал Митчелл согласился в ходе нашей беседы с тем, что мои обязанности и деятельность настолько обширные, что необходимо назначить второго защитника СС, моё присутствие на заседаниях занимает столько рабочего времени и настолько изматывает и настолько обременительно, что я часто вынужден отсутствовать в суде. Извиняюсь, но в таких обстоятельствах я не могу помочь.

Далее, я хочу сказать это: до настоящего времени более 40000 членов СС заявили ходатайства трибуналу и хотя многие из них являются коллективными, а не индивидуальными, вы можете представить насколько широка эта сфера.

Председатель: Да, несомненно ваша работа является обширной, но этим утром, как я уже сказал вам, генерал Митчелл проинформировал трибунал о том, что беседа закончилась в 10 часов 15 минут, и трибуналу кажется, что вам следует знать о том, что свидетели, которые давали показания эти утром давали показания о концентрационных лагерях.

Кроме того, вы получили содействие от другого защитника, я думаю, доктора Маркса выступавшего в ваших интересах и он обратился от вашего имени, и ему предоставять возможность перекрёстного допроса, если он это пожелает. Трибунал считает, что вы должны завершить свой перекрёстный допрос данного свидетеля. Я имею в виду, вы можете задать свидетелю любые другие вопросы которые пожелаете.

Бабель: Всё зависит от того могу ли я задать вопрос, а я не могу сейчас это сделать, поэтому я прошу отменить перекрёстный допрос свидетеля.

Председатель: Есть ли какие-либо другие вопросы у господина Дюбоста? Может быть есть немецкий защитник который хочет перекрёстно допросить этого свидетеля?

Господин Дюбост, вы желаете обратиться к трибуналу?

Дюбост: Ваша честь, я хочу заявить трибуналу о том, что у нас нет никакой причины опасаться перекрёстного допроса наших свидетелей или утреннего свидетеля в любое время, и мы готовы попросить наших свидетелей остаться в Нюрнберге столько сколько требуется для ответа на любые вопросы защиты.

Председатель: Доктор Бабель, в виду предложения французского обвинителя о пребывании свидетелей в Нюрнберге, трибунал позволит вам задать любые вопросы которые вы желаете в течение следующих 2-х дней. Вам понятно?

Бабель: Да.

Кауффман: Перед тем как спросить свидетеля, я позволю себе затронуть один момент, который как мне кажется, имеет важное влияние на положительное развитие разбирательства. Момент, о котором я хочу сказать следующий, и я также выступаю от имени своих коллег. Нельзя ли обвинению и защите придти к соглашению о том, чтобы за день до предъявления свидетеля сообщалось о том, какого свидетеля будут заслушивать? Материалы дела уже настолько значительны, что обстоятельства не позволяют задавать уместные вопросы, вопросы которые крайне необходимы в интересах всех сторон.

Что касается защиты, мы готовы информировать трибунал и обвинение о тех свидетелях которых мы планируем вызвать для допроса, как минимум за один день до заслушивания.

Председатель: Трибунал уже выражал своё пожелание о том, чтобы его заранее информировали о вызванных свидетелях и о предмете. Я надеюсь, что представители обвинения обратили внимание на это пожелание.

Кауффман: Да, благодарю вас.

Особо важное значение имеют заявления свидетеля, которого мы заслушивали этим утром, также как и заявления данного свидетеля; и данное положение имеет отношение к тому, что может иметь решающее значение для процесса в целом. Обвинение…

Председатель: Вы здесь не для того, чтобы произносить речи. Вы задаёте вопросы свидетелю.

Кауффман: Да. Это вопрос ответственности немецкого народа. Свидетель заявил о том, что гражданское население могло знать о происходящем. Я попытаюсь установить правду посредством серии вопросов.

Гражданские видели, когда проводились казни? Вы ответите?

Вейт: Они могли видеть трупы, лежащие вдоль дорог, когда пленных убивали во время конвоирования, и трупы даже выбрасывали из поездов. И они всегда могли замечать истощенный вид пленных, которые работали снаружи, потому что могли

их видеть.

Кауффман: Вам известно, что под страхом смерти было запрещено говорить о чём-либо вне лагеря, что касалось жестокостей, чего-либо жестокого, пытках, и т.д., о том, что происходило внутри?

Вейт: Так как я провёл 2 года в лагере, я видел это. Что-то я видел лично, остальное описывали мне очевидцы.

Кауффман: Вы можете снова повторить? Вы видели секретный приказ? Что вы видели?

Вейт: Не приказ, я видел казни и это ещё хуже.

Кауффман: Мой вопрос был таким: Вам известно, что личному составу СС были отданы строжайшие приказы, палачам, и т.д., не говорить даже внутри лагеря, и более того вне его, о жестокостях которые происходили и их очевидцы которые говорили о них подвергали себя самым тяжким наказаниям, включая смертную казнь? Вам, что-либо известно об этом, о такой практике в лагерях? Вероятно, вы расскажете мне о том, позволяли ли вам говорить о чём-либо таком?

Вейт: Я знаю о том, что освобождаемые пленные, должны были подписывать заявление о том, что они никогда не раскроют того, что происходило в лагере и что они должны забыть о том, что происходило; но те у кого был контакт с населением, и было много таких, не упускали случая говорить об этом. Более того, Маутхаузен располагался на холме. Там был крематорий, который извергал пламя на три фута в высоту. Когда вы видите трёхфутовое пламя, волей неволей заинтересуешся, что это такое, и каждый должен был знать о том, что это крематорий.

Кауффман: У меня больше нет вопросов. Спасибо.

Председатель: Другие защитники подсудимых желают задать вопросы? Вы скажите нам о том, кем были «зелёные заключённые»? Вы говорили о «зелёных заключённых».

Вейт: Да, эти «зелёные заключённые» были заключёнными осуждёнными в соответствие с обычным правом. СС их использовали как полицию в лагерях. Как я уже говорил, они часто были ещё большими зверьми, чем сами СС и действовали как их палачи. Они делали работу, которой СС не хотело запятнать свои руки, они выполняли всю грязную работу, но всегда по приказу командофюрера.

Этот контакт с «зелёными немцами» был ужасен для заключённых, в частности политических заключенных. Их раздражало просто видеть их, потому что они понимали, что они не их сорта, и только за это они нас преследовали. Тоже самое было во всех лагерях. Во всех лагерях над нами издевались немецкие уголовники служившие СС.

Председатель: Господин Дюбост, вы желаете задать какие-нибудь другие вопросы?

Дюбост: Ваша честь, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Дюбост: Я прошу трибунал разрешиь нам заслушать французского свидетеля, доктора Дюпона.

[*Свидетель Дюпон занял место свидетеля*]

Председатель: Ваше имя доктор Дюпон?
Дюпон: Дюпон, Виктор.
Председатель: Повторите за мной слова присяги: «Я клянусь, что я говорю без ненависти и страха, что я говорю правду, всю правду, ничего кроме правды».

[*Свидетель повторяет слова присяги*]

Председатель: Поднимите свою правую руку и скажите: «Я клянусь».
Дюпон: Я клянусь.
Председатель: Вы можете сесть.
Дюбост: Ваше имя Виктор Дюпон?
Дюпон: Да, я Виктор Дюпон.
Дюбост: Вы родились 12 декабря 1909 г.?
Дюпон: Да.
Дюбост: В Шарме, в Вогезах?
Дюпон: Да.
Дюбост: По национальности вы француз, родители у вас французы?
Дюпон: Да.
Дюбост: Вы имеете почетные награды?
Дюпон: Я награжден орденом Почетного легиона, я кавалер Почётного легиона, имею две цитаты по армии и награжден медалью движения Сопротивления.
Дюбост: Вы были заключены в лагерь Бухенвальд?
Дюпон: Я был заключен в Бухенвальд 24 января 1944 года.
Дюбост: Вы пробыли там ...
Дюпон: Я пробыл там 15 месяцев.
Дюбост: До 20 мая 1945 года?
Дюпон: Нет, до 20 апреля 1945 года.
Дюбост: Дайте, пожалуйста, показания относительно режима в концентрационном лагере, в котором вы были заключены, а также скажите о тех целях, которые преследовались лицами, установившими этот режим.
Дюпон: Когда я приехал в Бухенвальд, я скоро убедился в том, как тяжелы были условия жизни в нем. Основой режима, которому подвергались заключенные, не являлась справедливость. Все подчинялось принципу чистки. Я сейчас поясню свою

мысль.

Мы, находившиеся в Бухенвальде,— я говорю о французах, которые почти все были вместе, — не были осуждены никакими трибуналами. В 1942, 1943, 1944 и 1945 годах были очень редки случаи осуждения судебными органами. Большинство из нас было допрошено и после этого высланы в лагерь. У других в ходе допросов была установлена их невиновность и все же их сослали в лагерь. Третьи совсем не были допрошены. Я приведу три примера:

11 ноября 1943 года были арестованы сотни людей в Гренобле во время демонстрации по поводу дня перемирия. Их привезли в Бухенвальд, где многие из них умерли. То же самое произошло в местечке Вершени, в Дроме, в октябре 1943 года. Я также видел этих людей в Бухенвальде. Наконец, это же произошло в Сен-Клоде в апреле 1944 года. Я увидел этих товарищей, которых привезли в августе 1944 года.

Таким образом, в Бухенвальде были собраны люди, подпавшие под действие законов военного времени, но одновременно там находились и многие другие, из которых часть, бесспорно, была совершенно невиновна. Их невиновность зачастую была уже установлена при допросах, другие совсем не были допрошены. И, наконец, там были политические заключенные. Они были сосланы за принадлежность к партиям, которые преследовались во Франции.

Это не значит, что допросы здесь были лишь шуткой. Я вызывался на такие допросы и видел, как других допрашивали. Как вам известно, они велись особенно бесчеловечными методами. Я назову вам некоторые из этих методов:

Все виды побоев, опускание в ванну с холодной водой, зажимание в различные тиски, подвешивание и различные другие истязания — всему этому подвергались заключенные. Я сам видел, как истязали женщину на глазах у ее мужа. Я видел детей, которых мучили в присутствии матерей. Я могу назвать даже одно из имен — Франсис Горэ, живший раньше в Париже, рю де Бургонь. Его истязали в присутствии его матери. Для всех, кто попадал в лагеря, условия были одинаковы.

Дюбост: Вы говорили о расовой чистке как о социальной политике. Что служило критерием?

Дюпон: В Бухенвальде в одних и тех же условиях были собраны различные элементы: так называемые, политические; те, кто были заключены по расовым признакам, главным образом евреи и цыгане; а также асоциальные элементы — уголовные преступники всех национальностей — немцы, чехи, французы, и т. д. Жили все вместе и режим для всех был одинаков. Хотя слово «чистка» не обязательно подразумевает истребление, в данном случае она осуществлялась путем истребления, о чем я уже говорил. Зачастую это было предрешено заранее. Я вам сейчас приведу примеры. В 1944 году прибыл в Бухенвальд транспорт с цыганскими детьми. Их было там несколько сотен. Какой административный расчет привел к этому — мы так и не узнали. Их собирали зимой 1944 года и собирались отправить в

Освенцим для умерщвления в газовых камерах. Одним из самых трагических впечатлений, пережитых мною за время моего заключения, являлось зрелище этих детей, отлично понимавших, что их ожидало, кричавших и плакавших, когда их заталкивали в вагоны. В тот же день они были отправлены в Освенцим.

В других случаях уничтожение производилось постепенно и начиналось с момента прибытия заключенных. Например; 24 января из Компьена выехал эшелон французов и 26-го прибыл в Бухенвальд. В вагоне, где находилось 100 человек и которых я лично видел, было 12 мертвецов и 8 сошедших с ума. За время моего заключения я много раз видел прибытие новых транспортов. В основном каждый раз картина была одна и та же, только количество умерших бывало различно. Таким образом, к моменту прибытия заключенных в Бухенвальд начиналось их постепенное уничтожение. Далее они проходили карантин. Часами приходилось бывать на холоде во время перекличек. Наиболее слабые умирали. После этого начиналось уничтожение заключенных путем непосильной работы. Многие отбирались и направлялись в такие команды, как Дора[265], С-3[266] и Лора[267]. Я наблюдал, что каждый месяц новые контингенты заключенных, направлялись для пополнения в эти команды, а в Бухенвальд возвращались грузовики с мертвецами. Мне пришлось присутствовать при вскрытии этих трупов. Вскрытия показывали всегда признаки крайнего истощения, а у тех, кто продержались два-три месяца, часто обнаруживались признаки последней стадии туберкулеза. В самом Бухенвальде нужно было работать и, как и повсюду, это было единственным шансом остаться в живых. Отбор заключенных для уничтожения осуществлялся в лагере Бухенвальд главным врачом Шидловски[268]. Этот отбор...

Дюбост: Простите, я должен вас перебить. Скажите, какой национальности был этот главный врач?

Дюпон: Это был немецкий врач СС.

Дюбост: Вы в этом вполне уверены?

Дюпон: Вполне уверен.

Дюбост: Вы свидетельствуете как очевидец?

Дюпон: Да.

Дюбост: Продолжайте, пожалуйста.

Дюпон: Отбор производился Шидловски, который отбирал инвалидов и больных. До января 1945 года они пересылались в Освенцим, а затем в Берген-Бельзен[269],

---

[265] Дора-Миттельбау (известные названия: Дора, Нордхаузен) — нацистский концентрационный лагерь, образован 28 августа 1943 года, в 5 км от города Нордхаузена в Тюрингии, Германия, как подразделение уже существовавшего лагеря Бухенвальд (в перечне внешних подразделений Бухенвальда именовался как Команда Дора).

[266] Швальбе-3 – вспомогательный лагерь в системе Бухенвальда. Производство ракетного топлива.

[267] Лора – вспомогательный лагерь в системе Бухенвальда. Производство реактивных двигателей для ракет Фау-2

[268] Герхард Шидловски (1906-1947) – немецкий врач. В 1941-1943 врач концентрационного лагеря Равенсбрюк. В 1947 году казнён по приговору британского военного трибунала.

[269] Берген-Бельзен — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся в провинции Ганновер (сегодня — на территории земли Нижняя Саксония) в миле от деревни Бельзен и в нескольких километрах к юго-западу от города Берген.

откуда ни один человек больше не возвратился.

Я знаю один случай с рабочей командой евреев, которые были отосланы в Освенцим, где они пробыли несколько месяцев. По возвращении они были совершенно нетрудоспособны, их еще раз отобрали и вновь отправили в Освенцим. Я был очевидцем этих фактов. Я присутствовал при их отборе и отправке.

Позже в Бухенвальде казни проводились в самом лагере. Они начались, насколько я знаю, с сентября 1944 года. В маленьком зале, в седьмой комнате, люди умерщвлялись путем уколов в область сердца. Пропускаемость была слабая, не больше нескольких десятков человек в день.

Приходили новые транспорты, увеличивалось количество обессилевших людей. Нужно было ускорить уничтожение. Сначала стали производить отбор непосредственно в момент прибытия транспорта. Затем, с января 1945 года, отбор стали производить в специальном бараке, 61-м. К этому времени в этом бараке были собраны все те люди, которых мы за их внешний вид называли «мусульманами», так как они всегда были закутаны в одеяла. Они не могли выполнять никакой работы и неизбежно должны были попасть в барак 61. Количество погибавших в 61-м бараке колебалось от 10 минимум до 200 человек в день. Для умерщвления производилось вспрыскивание фенола в область сердца, причем это делалось самым жестоким образом. Трупы перевозились на ручных тележках в крематорий, обычно в часы поверки или ночью. Наконец, за последнее время заключенные уничтожались целыми транспортами, которые вывозились из Бухенвальда, особенно по мере приближения союзных армий.

Я приведу пример. В конце марта 1945 года в Бухенвальд прибыли заключенные, работавшие в команде С-3. Они были совершенно обессилены и не могли работать. Они первые и были предназначены к дальнейшей отправке через два дня после их прибытия. В конце территории лагеря находилась площадка, откуда они должны были отправляться. Она находилась на расстоянии 500 метров от места поверки, где они должны были собраться перед отъездом. Чтобы дать представление о том, насколько эти люди были слабы, я скажу только, что на протяжении тех 500 метров, которые им надо было пройти, я видел примерно 60 человек, которые упали и больше не поднялись. Кроме того, многие из этой партии умерли в ближайшие часы или на следующий день. Вот какие методы систематического уничтожения заключенных я видел своими глазами в лагере Бухенвальд…

Дюбост: А в отношении тех, кто оставался?

Дюпон: О тех, кто оставался после последнего эшелона? Это довольно сложная история. Мы пережили страшную тревогу за этих людей. 1 апреля, хотя я не могу гарантировать, что называю точную дату,— комендант лагеря Пистер[270] собрал

[270] Герман Пистер (1888-1948) – оберфюрер СС и комендант концентрационного лагеря Бухенвальд в 1942-1945. Приговорён к смертной казни, умер в ожидании исполнения приговора.

большое количество заключенных и сказал им следующее:

> «Союзные силы приближаются к самому лагерю Бухенвальд. Я намерен передать союзникам ключи от лагеря. Я не хочу жестокостей.
> Я хочу, чтобы весь лагерь целиком был им передан».

А в действительности, когда приближение союзных армий немного замедлилось, — по крайней мере, происходило медленнее, чем нам хотелось, — началась эвакуация лагеря. Делегация от нас, заключенных, отправилась к коменданту, чтобы напомнить данное им «слово солдата», как он тогда сказал. Он казался очень смущенным и дал такое объяснение: губернатор Тюрингии Заукель дал приказ, чтобы ни один заключенный не оставался в Бухенвальде, потому что это будет представлять большую опасность для данной провинции.

С другой стороны, мы знали, что все, кто в Бухенвальде стали свидетелями секретов администрации лагеря, должны исчезнуть. За несколько дней до освобождения нас союзниками, 43 наших товарища различных национальностей были вызваны; их хотели ликвидировать. Тогда произошло удивительное явление: лагерь взбунтовался, эти 43 человека были спрятаны и не были выданы администрации. Мы знали, что все те, кто работал в бараке, где производились эксперименты, или в больнице, ни в коем случае не выйдут из лагеря. Вот то, что я мог сказать о последних днях.

Дюбост: Этот офицер, командовавший лагерем, и который, как вы сказали, дал вам честное слово солдата, был действительно военным?

Дюпон: По отношению к заключенным он был неумолимым, правда, он в свою очередь получал приказы. О нем можно сказать, что он был солдатом особого рода. Но тот режим, которому подвергались заключенные, не был установлен им самим.

Дюбост: К какому роду войск он принадлежал?

Дюпон: Он принадлежал к дивизии СС «Totenkopf[271]».

Дюбост: Он был эсэсовцем?

Дюпон: Да, он был эсэсовцем.

Дюбост: Вы сказали, что он выполнял приказы, которые получал?

Дюпон: Да, он, конечно, выполнял приказы, которые получал.

Дюбост: Для чего использовались заключенные?

Дюпон: Заключенные использовались таким образом, что никто не считался с их человеческим достоинством. Прежде всего, они использовались для различных экспериментов. В Бухенвальде эксперименты производились в бараке 46. Для этих экспериментов люди отбирались путем медицинского осмотра, который производился — во всяком случае, я это видел несколько раз — врачом Шидловски, о котором я раньше говорил.

Дюбост: Это был врач?

---

[271] Отряды «Мёртвая голова» (нем. SS-Totenkopfverbände, SS-TV) — подразделение СС, отвечавшее за охрану концентрационных лагерей Третьего Рейха

Дюпон: Да, врач. Заключенные использовались на самых тяжелых работах: бурение шахтных галерей в Лоре. Они работали на соляных копях, например, команда Манслебен-ам-Зее, производили расчистки после бомбежек. Надо отметить, что для команд, применявшихся на самых тяжелых работах, применялся наиболее жесткий режим охраны.

В Бухенвальде заключенные применялись для самых разнообразных работ: на земляных работах, в каменоломнях и на заводах. Приведу конкретный пример: Бухенвальду были приданы два завода — Густлоф[272] и Мюльбах, производившие вооружение, которыми руководил технический, а не военный, персонал. В этом частном случае существовало как бы некое соперничество между эсэсовцами и техническим руководством завода. Техническая дирекция, в интересах повышения производительности труда, защищала заключенных в том смысле, что она получала для них иногда дополнительное питание. Применение труда заключенных было выгодно, так как он ничего не стоил и, с другой стороны, имелась максимальная гарантия того, что секрет предприятия будет сохранен, так как заключенные не общались с внешним миром и утечка информации была невозможна.

Дюбост: Утечка информации военного характера?

Дюпон: Да.

Дюбост: Видно ли было со стороны, что заключенные подвергались плохому обращению и были в очень плохом состоянии?

Дюпон: Это другой вопрос, разумеется.

Дюбост: Вы ответите на него позднее?

Дюпон: Да. Я упустил одну подробность. Заключенные в некоторой степени использовались даже после их смерти. Пепел из крематория вместе с содержимым выгребных ям служил для удобрения полей по соседству с Бухенвальдом. Я привожу эту деталь потому, что она меня очень поразила в свое время.

Наконец, работа, какова бы она ни была, являлась для заключенных единственным шансом остаться в живых, потому что с того момента, как они ничего не могли делать,— они были обречены.

Дюбост: Скажите, использовали ли заключенных, как «доноров крови», разумеется, не по их собственному желанию?

Дюпон: Я забыл об этом сказать. Заключенные, которые употреблялись на легких работах и производительность труда которых была низкой, использовались как доноры. Представители из армии неоднократно приезжали в лагерь, и я видел два раза, как они брали кровь у заключенных. Это делалось в помещении, которое называлось СР-2, операционная 2.

Дюбост: Это, безусловно, делалось по приказу свыше?

Дюпон: Я думаю, что иначе это не могло быть.

---

[272] Предприятия Вильгельма Густлофа – государственный концерн нацистской Германии, который был основан в 1936 за счёт средств конфискованных у евреев.

Дюбост: Может быть, по их собственной инициативе?

Дюпон: Это происходило не по инициативе лагерной администрации. Эти элементы не имели никакого отношения к лагерю. Я повторяю, те, кого я видел, были представители вооруженных сил, а нас охраняли эсэсовцы, принадлежавшие к дивизии «Мертвая голова». Наконец, в самое последнее время их использовали самым необычным способом.

В начале 1945 года в Бухенвальд приехали гестаповцы, забрали все документы умерших для того, чтобы использовать их для других людей, изготовив подложные документы. Один еврей специально занимался ретушированием фотографии и переделкой документов мертвецов для кого-то, кто для нас остался, конечно, неизвестным. Потом этот еврей исчез, и я не знаю, что с ним случилось. Мы его больше не видели.

Но использование этих документов не ограничивалось документами умерших. Несколько сот заключенных французов были вызваны в учреждение, называемое «Fliegerverwaltung[273]», и их подвергли подробному допросу для установления их личности, связей, убеждений и биографии. Затем им было сказано, что они ни в коем случае не должны получать никакой корреспонденции и посылок. Они были вычеркнуты из списков, и всякий контакт с внешним миром для этих заключенных был исключен еще в большей степени, чем для всех остальных. Их дальнейшая судьба нас очень беспокоила. Вскоре после этого мы были освобождены, и поэтому я не могу просто сказать, как использовали заключенных, отбирая у них удостоверение для изготовления фальшивых документов.

Дюбост: Каковы были последствия такой жизни в лагере?

Дюпон: Последствия такой жизни для человеческой личности?

Дюбост: Для человеческой личности.

Дюпон: Результатом такой жизни являлась человеческая деградация, вызванная ужасными условиями жизни, о которых я говорил. Эта деградация происходила систематически. Казалось, что действует какая-то неумолимая воля, преследующая цель низведения всех этих людей до самого низкого уровня.

Первым методом для осуществления этой деградации служило смешивание. То, что все нации смешивались — было вполне допустимым, но недопустимым было произвольно смешивать различные типы заключенных — политических заключенных; тех, кого я назвал бы военными, так как участники движения Сопротивления были военными; тех, кто был арестован по расовым признакам и обыкновенных уголовных преступников.

Уголовные преступники всех национальностей содержались вместе со своими соотечественниками, и все нации перемешивались вместе, это создавало чрезвычайно тяжелые условия для существования. Кроме того, люди жили скученно, в антисанитарных условиях, работа была чрезвычайно тяжелой. Здесь я

---

[273] «Авиационное управление» (нем.)

приведу еще несколько примеров, указывающих на такое смешение различных категорий заключенных.

Я видел, как в марте 1944 года умер французский генерал Дюваль. Весь день он был со мною вместе на земляных работах. К вечеру он совершенно обессилел, весь был покрыт грязью и умер через несколько часов после возвращения с работы.

Французский генерал Верно[274] умер в 6-м бараке, куда помещали умирающих. Он умер на соломенном тюфяке, покрытом экскрементами, окруженный другими умирающими.

Я видел, как умер господин Тессан[275]...

Дюбост: Можете ли вы пояснить трибуналу, кто был господин Тессан?

Дюпон: Это бывший французский министр, женатый на американке. Он умер точно так же на соломенной подстилке, покрытой гноем, от болезни, называемой септикопиоэмией.

Я также был свидетелем смерти графа Липковского[276], который в течение войны показал себя блестящим военным. Ему были оказаны воинские почести от немецкой армии. Характерная деталь — его пригласил в Париж генерал Роммель[277], чтобы показать, как он его ценит с военной точки зрения. Зимой 1944 года он умер в лагере.

Еще одно имя — бельгийский министр Янсон[278], который находился в лагере в таких же условиях, которые я вам обрисовал и о которых вы, несомненно, уже много слышали. Он умер самым жалким образом, он был физически и морально совершенно угнетен и даже частично утратил разум.

Я привожу вам наиболее разительные примеры, в частности, говорю о генералах, для которых, как утверждали, были якобы созданы особые условия, чего я не наблюдал.

Наконец, укажу последний способ, каким людей доводили до потери человеческого облика. Заключенных восстанавливали друг против друга.

Дюбост: Пожалуйста, скажите нам, прежде чем перейти к этой теме, о тех условиях, в которых Вы встретили вашего бывшего преподавателя, профессора медицины Леона Киндберга?

Дюпон: Я был учеником профессора медицины Мориса Леона Киндберга, работавшего в госпитале Божон.

---

[274] Жан-Эдуард Верно (1890 – 1944) – французский генерал. После капитуляции Франции тайно организовал сокрытие оружия в целях использования движением Сопротивления. Умер в концентрационном лагере.

[275] Франсуа де Тессан (1883 – 1944) – французский политик. Находился на различных должностях в правительстве Франции в 1928-1940. Масон. Участник движения Сопротивления. Умер в концентрационном лагере.

[276] Анри-Жозеф де Липковски (1891 – 1944) – герой Первой мировой войны. Умер в концентрационном лагере.

[277] Э́рвин Роммель (1891 — 1944) — немецкий генерал-фельдмаршал (1942) и командующий войсками Оси в Северной Африке. Покончил жизнь самоубийством после неудачного покушения на Гитлера.

[278] Поль-Эмиль Янсон (1872 — 1944) — бельгийский либеральный политический деятель. Премьер-министр Бельгии в 1937-1938. Умер в концентрационном лагере.

Дюбост: В Париже?

Дюпон: В Париже. Это был человек очень высокой культуры и блестящего интеллекта. В январе 1945, я узнал о том, что он прибыл из Моновица. Я нашёл его блоке 58, блоке в котором в обычных обстоятельствах содержали 300 человек и в котором было набито 1200 – венгров, поляков, русских чехов и многими евреями находившимися в ужасающем состоянии. Я не узнал профессора Леона Киндберга, настолько он был похож на типичных обитателей этих бараков. Уже не заметен был его интеллект и просто трудно было узнать в нем черты человека, которого я раньше знал. Нам удалось добиться его перевода из этого барака, но, к несчастью, его здоровье так пострадало, что он умер вскоре после освобождения.

Дюбост: Скажите, если вам известно, какие преступления совершил этот человек?

Дюпон: Профессор Леон Киндберг после перемирия поселился в Тулузе, где он занимался лечением легочных заболеваний. Я знаю точно, что он не участвовал ни в какой деятельности, направленной против немецких оккупационных властей. И вдруг однажды немцы узнали, что он еврей, и по этой причине его арестовали и заключили в лагерь. Сначала он был в Освенциме, потом в Моновитце и, наконец, попал в Бухенвальд.

Дюбост: Какое преступление совершил генерал Дюваль, который содержался в одном бараке с сутенерами, моральными дегенератами и убийцами? Что совершил генерал Верно?

Дюпон: Я ничего не знаю о деятельности генерала Дюваля и генерала Верно во время оккупации, но единственно, что я могу утверждать, это то, что они наверняка не были асоциальными элементами.

Дюбост: А граф Липковски и господин де Тессан?

Дюпон: Граф Липковски и господин де Тессан также не совершили никаких антиобщественных или уголовных поступков.

Дюбост: Продолжайте, пожалуйста.

Дюпон: Как я уже сказал, для того, чтобы достигнуть наибольшей деградации человеческой личности, заключенных заставляли издеваться над заключенными. Я приведу наиболее показательный пример. В Манслебене-ам-Зее, в 70 километрах от Бухенвальда, работала команда АС-6. В ней были заключенные всех национальностей, с преобладанием французов. Там находились два моих друга: Антуан д Эмери, сын генерала д`Эмери, и Тибо, готовившийся стать миссионером.

Дюбост: Католическим?

Дюпон: Католическим. В Манслебене-ам-Зее казни через повешение производились публично в помещении завода, примыкавшего к соляным копям. Эсэсовцы присутствовали при этих казнях в полной парадной форме, украшенные всеми своими отличиями.

Заключенные под угрозой самых жестоких избиений и с применением насилия также были вынуждены присутствовать при этих повешениях. В тот

момент, когда несчастного вешали, заключенные должны были приветствовать его нацистским приветствием. Еще хуже было то, что одного из заключенных заставляли выталкивать табурет из-под ног обреченного. Отказаться он не мог, так как это было сопряжено с большой опасностью для него самого. Наконец, когда уже произошло повешение, заключенные должны были дефилировать, проходя между эсэсовцами, мимо повешенного, прикасаться к нему— и мрачная деталь,— смотреть ему в глаза. Таким образом, я думаю, что те люди, которых заставляли участвовать в этих церемониалах, не могли сохранить своего человеческого достоинства.

В самом Бухенвальде казни также производились при участии заключенных. Обязанность палача при повешении исполнял немецкий заключенный при помощи других заключенных. Лагерная полиция также составлялась из заключенных. Когда кого-либо приговаривали к смерти, именно они обязаны были разыскать этого человека.

Отбор заключенных в команды для работы в Дора, Лора и С-3 производился также заключенными, которые решали, кто из нас попадет в такую команду. Мы уже слышали, что люди там неизбежно погибали. Вот какими путями человека доводили до предела падения, превращая его в палача своих братьев.

Я говорил вам о бараке 61, где происходило истребление физически немощных заключенных, неспособных к труду. Это истребление также осуществлялось заключенными под надзором эсэсовцев. Пожалуй, с человеческой точки зрения это самое тяжкое преступление, потому что люди, которых заставляли таким образом мучить своих ближних, сейчас возвращены к жизни, но они уже не те люди, какими были раньше.

Дюбост: Кто именно является ответственным за эти преступления, насколько вам известно?

Дюпон: Вот что поразительно. Те методы, которые я наблюдал в Бухенвальде, может быть, с небольшой разницей, применялись во всех лагерях. В обращении с заключенными в различных лагерях существовало то однообразие, которое ясно показывает на наличие приказов свыше. В данном случае в Бухенвальде персонал был очень жестоким, однако не по своей инициативе проводил подобные акты, и, кроме того, сам начальник лагеря и эсэсовец-врач всегда ссылались на приказы, исходившие свыше, хотя зачастую в туманной форме. Большей частью упоминалось имя Гиммлера. Другое имя, которое часто упоминалось в связи с бараком 61, бараком для уничтожения, это было имя главного врача всех лагерей Лоллинга[279]. Оно произносилось много раз, в частности, эсэсовским врачом лагеря Бендером[280]. В связи с отбором инвалидов и евреев, которые отсылались в Освенцим или в Берген-Бельзен для уничтожения в газовых камерах, как я слышал, произносилось имя

[279] Энно Лоллинг (1888-1945) – немецкий врач. В 1942-1945 начальник медицинского управления в главном административно-хозяйственном управлении СС. Покончил жизнь самоубийством.

[280] Август Бендер (1909 – 2005) – немецкий врач. В 1944-1945 лагерный врач Бухенвальда. После войны осужден американским трибуналом к 10 годам лишения свободы. Досрочно освобождён.

Поля.

Дюбост: Каковы были функции Поля?

Дюпон: Он был начальником эсэсовской администрации в Берлине, отдел D-2.

Дюбост: Мог ли немецкий народ в целом не знать об этих жестокостях?

Дюпон: Немецкий народ не мог оставаться в неведении относительно лагерей, которые существовали несколько лет. Во время перевозки нас в лагерь мы остановились в Треве. В некоторых вагонах заключенные были совершенно голыми, а в других одетыми. На перроне была толпа людей и она видела этот транспорт. Некоторые лица даже подзадоривали против нас эсэсовских солдат, охранявших платформу. Кроме того, существововали другие каналы, через которые население, могло узнать правду. Это, во-первых, те команды, которые работали вне лагеря. В Бухенвальде были команды, которые направлялись на работы в Веймар, Эрфурт, Иены. Они отправлялись утром и возвращались вечером. Целый день они находились среди гражданского населения. Технический персонал на заводах состоял не из военных. «Meister[281]» тоже не были эсэсовцами. Эти люди возвращались к себе по вечерам, целый день они руководили работой заключенных. Кроме того, на некоторых заводах в качестве рабочих работали обыкновенные гражданские лица. Это было, например, на заводе Густлоф в Веймаре.

Наконец, снабжение лагеря производилось гражданскими учреждениями. Я видел сам, как на территорию лагеря приезжали грузовики с гражданскими лицами.

Далее, администрация железных дорог неизбежно была в курсе дела, потому что многочисленные поезда каждый день перевозили заключенных из одного лагеря в другой или из Франции в Германию, эти поезда обслуживались железнодорожниками. Наконец, в Бухенвальд как на конечную станцию каждый день приходил поезд, который циркулировал постоянно. Поэтому персонал железнодорожной администрации, конечно, тоже был хорошо осведомлен.

Наконец, заводы выполняли определенные заказы, и в промышленных кругах не могли не знать, из кого состояла рабочая сила, которая использовалась для выполнения заказов. Кроме того, в лагере иногда бывали посетители. Надо сказать, что немецких заключенных иногда навещали посетители. Я был знаком с некоторыми заключенными немцами и знал, что их навещают члены их семей, которые, несомненно, рассказывали кое-что окружающим. Таким образом, нельзя отрицать, что немецкое население знало о лагерях.

Дюбост: А армия?

Дюпон: Армия знала о лагерях. По крайней мере я видел, что каждую неделю в Бухенвальде появлялась так называемая комиссия, то есть группа офицеров, которые приезжали в лагерь. Среди этих офицеров были эсэсовцы. Но я видел много раз офицеров, принадлежавших к вооруженным силам и ВВС. Иногда мы узнавали

[281] «Мастера» (нем.)

лиц, приезжавших в лагерь, хотя со мною это бывало редко. 22 марта 1945 года генерал Мруговски[282] посетил лагерь и особенно долго оставался в 61-м бараке. Его сопровождали генерал СС и главный врач лагеря Шидловски.

Наконец, еще одно обстоятельство. В последнее время охрана лагеря, плюс эсэсовцы…

Дюбост: Простите, что я вас прерываю. Можете ли вы нам напомнить, что это был за барак 61?

Дюпон: Это был барак для уничтожения тех, кто доходил до состояния полного изнеможения и совершенно не мог работать.

Дюбост: Вы были очевидцем этого посещения барака 61?

Дюпон: Да, я был очевидцем.

Дюбост: Кого Вы при этом видели?

Дюпон: Генерала Мруговски.

Дюбост: Из армии?

Дюпон: Врача, а также генерала СС, имени которого я не знаю.

Дюбост: Знали ли университетские круги о работах, которые производились в лагере?

Дюпон: В Бухенвальде, в Институте патологии, изготовлялись препараты, из которых некоторые были совершенно необычными, — я говорю как врач, — потому что сталкивался со случаями, которые современной медицине не приходится наблюдать. Такие случаи описаны в медицинской литературе прошлых столетий. Изготовлялись очень интересные препараты, которые отправлялись в университеты, в частности, в университет Иены. Кроме того, бывали препараты, которые, собственно, нельзя назвать анатомическими. В университеты посылалась кожа с татуировкой.

Дюбост: Вы это видели сами?

Дюпон: Я видел, как препарировалась кожа с татуировками.

Дюбост: Как же получали эту кожу с татуировкой? При наступлении естественной смерти, конечно?

Дюпон: В тех случаях, которые я наблюдал, это была кожа умерших или казненных. До нашего приезда, как я слышал от свидетелей, специально убивали человека, чтобы взять его татуированную кожу. Этого я сам не видел, я повторяю, я не был еще в Бухенвальде, но я все знаю от свидетелей, имена которых я могу назвать. В то время, когда комендантом лагеря был Кох[283], специально умерщвлявший людей, у которых была особенно интересная татуировка. Свидетель, на которого я могу

[282] Иоахим Мруговски (1905 — 1948) — нацистский врач, оберфюрер СС (20 апреля 1944), руководитель института гигиены СС, обвиняемый на Нюрнбергском процессе по делу врачей. Казнён по приговору американского военного трибунала.

[283] Карл Кох (1897 — 1945) — штандартенфюрер СС, комендант Заксенхаузена (июль 1936—июль 1937), первый комендант нацистского концентрационного лагеря Бухенвальд (с 1937 по 1941 годы), а позже комендант лагеря Майданек в Люблине. Казнён по приговору суда СС.

сослаться, это люксембургский гражданин Никола Симон, который провел шесть лет в Бухенвальде и благодаря особым условиям располагал исключительными возможностями для наблюдения.

Дюбост: Но нам говорили, что Кох был осужден к смертной казни именно за эти действия?

Дюпон: Насколько я знаю, Кох обвинялся в мошенничестве. Кроме того, он в чем-то противился руководству СС. Несомненно то, что он был арестован.

Председатель: Нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Дюбост: Мы остановились на том, что свидетель показал трибуналу, что Кох был наказан не за то, что совершал преступления по отношению к заключенным, а потому, что его обвиняли в многочисленных бесчестных поступках при исполнении служебных обязанностей.

Так я понял показания свидетеля?

Дюпон: Да. Я не могу говорить обо всех обвинениях, которые ему были предъявлены. Я не могу утверждать, что он был наказан только за это. Я знаю, что в этом его обвиняли, у меня нет никаких других сведений по этому вопросу.

Дюбост: Вам нечего больше добавить?

Дюпон: Я могу только сказать, что я получил эти сведения от врача Овена[284], который был арестован в то же время, что и Кох, был освобожден и в последнее время, то есть в первые месяцы 1945 года, возвратился в Бухенвальд.

Дюбост: Какой национальности этот врач?

Дюпон: Немец. Он был эсэсовец. Он был подвергнут заключению в лагере. Он был арестован в то же самое время, что и Кох. Овен был освобожден и возвратился в Бухенвальд в начале 1945 года в своем прежнем чине и звании. Он охотно разговаривал с заключенными и эти сведения получены от него.

Дюбост: У меня нет больше вопросов к свидетелю, господин председатель.

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать вопросы?

Меркель: Я защитник Гестапо.

Господин свидетель, вы сказали, что методы обращения с заключенными в Бухенвальде не были характерными лишь для лагеря Бухенвальда, но эти методы явились следствием общего приказа. Вы обосновываете это тем, что и во всех других лагерях вы видели то же самое. Как следует понимать в данном случае выражение: «во всех других лагерях»?

Дюпон: Я говорю о концентрационных лагерях. Я уточняю — о некоторых из этих лагерей: Маутхаузене, Дахау, Заксенхаузен, рабочих командах Дора, Лора, С-3,

---

[284] Вальдемар Ховен (1903 — 1948) — гауптштурмфюрер СС, главный врач концлагеря Бухенвальд. Приговорён на Нюрнбергском процессе над врачами к смертной казни.

Манслебен, Эбензее. И на этом ограничусь.

Меркель: Вы сами были в этих лагерях?

Дюпон: Я лично был направлен в Бухенвальд и имею точные свидетельские показания в отношении других лагерей. Я их собрал от моих друзей, которые находились в этих лагерях. С другой стороны, само количество моих погибших товарищей достаточно красноречиво, чтобы показать, что и в этих лагерях уничтожение происходило подобным же образом.

Бабель: Я хотел бы получить сведения о том, в каком блоке вы были. И вы, может быть, скажете суду о том, вы уже упомянули об этом, как распределялись заключенные? Мне кажется, что у них же были внешние отличительные знаки. У одних на одежде была красная, у других зеленая нашивка и т. д.?

Дюпон: В действительности самые различные заключенные находились в одних и тех же командах. Я уточняю. В так называемой «terrasse-kommando», «Entwasserung» (дренажной) команде, в которой был я, мы работали бок о бок с уголовными преступниками — немцами, носившими отличительный знак зеленого цвета. Что касается национальностей, то в этой команде были русские, чехи, бельгийцы, французы. Отличительные знаки были разные, но обращение было одинаковым со всеми, и здесь, в частности, мы находились под надзором уголовных преступников.

Бабель: Я не совсем верно понял начало вашего ответа. Я спросил — делились ли заключенные на определенные категории, которые отмечались с внешней стороны какими-нибудь звездами или знаками зеленого, голубого и т. д. цветов?

Дюпон: Я сказал, что в лагере имелись различные значки, — треугольники, по которым определяли к каким категориям относятся заключенные. Но все эти люди находились вместе и подвергались одному и тому же режиму.

Бабель: Я спрашиваю вас не об обращении, а об отличительных знаках.

Дюпон: Что касается французов нашивка имела форму щита.

Бабель: Не только для французов, а для всех?

Дюпон: Я отвечаю. Для французов, которых я лучше всего знал, знаки были следующие: красные треугольники, значки политических заключенных, давались всем без исключения, даже тем заключенным, которые были привезены из форта Барро, т. е. уголовные преступники. То же я наблюдал и у чехов, и у русских. Действительно, было предусмотрено ношение отличительных знаков. Но на самом деле порядка в этом не существовало.

Наконец, я снова повторяю то, что сказал несколько минут тому назад: даже если и были различные отличительные знаки, все равно заключенные были все вместе и подвергались одному и тому же режиму, одинаковому обращению.

Бабель: Мы уже слышали неоднократно о том, что они были перемешаны между собой. Но я вас спрашивал не об этом. Вы все-таки так долго были в лагере, что вы можете ответить на мой вопрос, как делились эти заключенные? Насколько мне известно, они делились на группы уголовных и политических преступников, а также

и на другие группы. Каждая группа была отмечена особым знаком. Носили ли они на одежде значки зеленого цвета, голубого или красного цвета, или еще какие-либо?

Дюпон: Для различных категорий предусмотрены были различные знаки, но все категории были перемешаны. Например, лица, принадлежащие к категории уголовных преступников, были вместе с лицами, принадлежащими к категории политических. Однако в некоторых блоках та или иная категория преобладала, но не существовало подразделения блоков в соответствии со знаками, которые носили заключенные в них.

Бабель: Мне было сказано, что политические заключенные, например, носили голубой знак, уголовные — зеленый. Мы уже опрашивали здесь одного свидетеля, который в определенном отношении подтвердил, что без труда можно было определить по значку, к какой категории принадлежит тот или иной заключенный.

Дюпон: Правильно то, что существовали различные знаки, правильно то, что эти знаки были предусмотрены для различных категорий, но для того, чтобы показать истинное положение вещей, следует уточнить, что эти знаки не были использованы. Для французов, в частности, были только знаки категорий политических, что приводило к путанице, так как повсюду уголовные преступники, прибывшие из тюрем для уголовников, рассматривались, как политические. Отличительные знаки существовали для того, чтобы не смешивать различные категории заключенных, но такие знаки систематически не применялись. В отношении французов они вообще не применялись.

Бабель: Если я вас верно понял, то вы сказали, что все французские заключенные имели отличительные знаки политических заключенных?

Дюпон: Это правильно.

Бабель: И среди этих французских заключенных были, однако, не только политические заключенные, но также в большей своей части другие преступники, да?

Дюпон: Среди них…

Бабель: По крайней мере, я так понял ваши прежние показания. Вы это сказали довольно определенно.

Дюпон: Я уже сказал, что имелись уголовные преступники, которых привозили из специальных тюрем и которые имели не зеленые знаки с буквой «F», которые они должны были бы носить, а носили знаки политических заключенных.

Бабель: Что вы делали в лагере, вы же были врачом?

Дюпон: Я приехал в январе и в течение трех месяцев работал сначала в каменоломне, затем на земляных работах, а затем я был использован в полевом госпитале.

Бабель: Каковы были ваши функции?

Дюпон: Я работал в амбулатории по лечению внутренних заболеваний.

Бабель: Вы могли действовать самостоятельно? Какие были указания относительно

лечения?

Дюпон: Мы работали под контролем врача СС. У нас было небольшое количество мест в лазарете и мы могли производить госпитализацию некоторых больных. Примерно на 20 нуждающихся больных одно место. Медикаментов у нас почти не было. Я работал в этом госпитале до момента освобождения из лагеря.

Бабель: Получали ли вы указания относительно обращения с больными? Было ли вам сказано, что вы должны лечить и ухаживать за больными или же, что вы должны были применять медицинские средства, от которых больные умирали бы?

Дюпон: Я получил приказ отбирать неизлечимых больных и отправлять их для уничтожения. Этот приказ я ни разу не выполнил.

Бабель: Было ли вам сказано, что вы должны произвести отбор лиц, которые должны быть уничтожены? Я не понял вашего ответа. Пожалуйста, повторите.

Дюпон: Я получил приказ отбирать наиболее серьезных больных и направлять их в 61-й барак, где их должны были уничтожить. Это был единственный приказ, который я получил в отношении больных.

Бабель: Вы сказали: «где их должны были уничтожить»? Я спрашиваю, говорили ли вам, что отобранные должны были быть уничтожены?

И было ли вам сказано, что они посылались в 61-й барак? Сообщали ли вам о том, что с ними там должно было произойти?

Дюпон: 61-й барак находился под контролем германского унтер-офицера, которого звали Вильгельмом, он сам руководил казнями. Это он отдавал приказ — кого из больных отбирать для того, чтобы направлять их в этот барак. Мне кажется, что положение достаточно ясно.

Бабель: Прошу прощения. Категорического указания вы не получали?

Дюпон: Указания направлять неизлечимых больных...

Бабель: Господин свидетель! Мне бросается в глаза, что на мои вопросы вы не отвечаете коротко «да» или «нет», а всегда как-то обходите их.

Дюпон: Было сказано, что эти больные должны были направляться в 61-й барак. Больше ничего не разъяснили, но все больные, попадавшие в 61-й барак, уничтожались.

Бабель: Но вы этого не наблюдали сами, об этом вы узнали или слышали. То есть, вы узнали о том, что те, кто туда направлялся, уже не возвращался обратно?

Дюпон: Это неправильно. Я сам мог наблюдать это, так как я был единственным врачом, который мог входить в 61-й барак, находившийся под контролем заключенного Луи Куних (или Ремиш). Я смог извлечь оттуда некоторых больных. Остальные умерли.

Бабель: Если вам приказали это, почему вы не заявили, что не будете делать этого?

Дюпон: Если я правильно понял, вы меня спросили, почему, когда мне приказывали посылать самых тяжелых больных...

Бабель: Я спрашиваю вас, почему, получив инструкции отбирать для 61-го барака

вы не заявили, что знаете, что происходит в этом бараке, а поэтому не будете делать этого?

Дюпон: Потому, что для меня это означало бы смерть.

Бабель: Я понимаю, а для немцев, которые бы уклонялись от выполнения подобного приказа, что означало бы это для них?

Дюпон: О каких немцах идет речь? О немцах — заключенных?

Бабель: О каком-нибудь немце, например, о немецком враче или каком-либо другом человеке, который работал там. Что бы случилось с ним, если бы он отказался выполнять такой приказ?

Дюпон: Если какой-либо заключенный категорически отказывался от выполнения такого приказа — это означало смерть. На практике мы могли иногда и не выполнять его. Я уточняю, что я лично никого никогда не направлял в 61-й барак.

Бабель: Я хотел задать общий вопрос относительно условий в лагере. Тому, кто никогда не видел лагеря, трудно себе представить действительное положение вещей. Может быть, вы могли бы коротко описать суду, как был организован подобный лагерь?

Дюпон: Я считаю, что я достаточно подробно рассказал об организации лагеря. Я позволяю себе спросить председателя, стоит ли возвращаться к этому вопросу?

Председатель: Полагаю, в этом нет надобности. Господин Бабель если вы хотите предъявить конкретный перекрёстный допрос, чтобы показать, что он говорит неправду, вы можете это сделать, но не спрашивать у него общее описание.

Бабель: Лагерь состоял из внутренней площадки охраняемой и окружённой колючей проволокой. Бараки, в которых размещались заключенные, находились внутри этого лагеря. Как охранялся этот внутренний лагерь?

Председатель: Будьте любезны задавать один вопрос за раз? Вопрос который вы задали включает в себя три или четыре разных предмета.

Бабель: Каким образом та часть, в которой были жилые помещения отделялась от остальных? Какие меры безопасности предпринимались?

Дюпон: Лагерь был единым целым, отрезанным от остального мира электрической колючей проволокой.

Бабель: Где находилась охрана?

Дюпон: Лагерная охрана находилась на башнях окружавших лагерь, она находилась у ворот и она патрулировала сам лагерь.

Бабель: Внутри лагеря? За колючей проволокой?

Дюпон: Очевидно, внутри лагеря и внутри бараков, конечно же. Они имели право ходить везде.

Бабель: Меня проинформировали о том, что каждый отдельный барак находился под надзором лишь одного человека, немецкого эсэсовца или члена другой организации, о том, что другой охраны не было, о том, что охранники предназначались для поддержания порядка, а не для охраны, и о том, что так

называемые капо, которых выбирали из рядов заключённых, имели такие же права, что и охрана, и несли обязанности охраны. В Бухенвальде могло быть по-другому. Мои сведения поступили из Дахау.

Дюпон: Я уже ответил на все эти вопросы сказав, что лагеря управлялись СС тем способом который был общеизвестен и кроме того СС использовали заключённых в качестве посредников во многих случаях. Так обстояло дело в Бухенвальде, и я полагаю, во всех других концентрационных лагерях.

Бабель: Ответ на вопрос снова весьма уклончивый. Однако, я более не развиваю этот предмет, так как во всяком случае я не получу чёткий ответ.

Но, я хочу задать следующий вопрос: в связи с теми фактами которые вы описали о профессоре, чье имя я не смог понять в наушниках и который был, как мне кажется, вашим профессором, и находился в блоке 58. В связи с этим вы заявили по вопросу деградации о том, что там сначала было 300 человек, как я думаю, и позднее 1200. Это верно?

Дюпон: В блоке 58 было 1200 мужчин, когда я нашёл там доктора Киндберга.

Бабель: Да. Если я правильно вас понял, вы сказали о том, что в этом блоке были не только французы, но также русские, поляки, чехи и евреи и о том, что состояние деградации было вызвано не только из-за скученности 1200 человек, но также из-за перемешивания многих национальностей.

Дюпон: Я хочу разъяснить, что перемешивание элементов говорящих на разных языках, мужчин которые не могут понять друг друга, не является преступлением, но это являлось предопределяющим фактором, который способствовал всем другим мерам ведущим к состоянию человеческой деградации среди заключенных.

Бабель: Значит, вы считаете, что перемешивание французов, русских, поляков, чехов и евреев это деградация?

Дюпон: Я не вижу смысла в этом вопросе. Факт перемешивания…

Бабель: Вам не нужно видеть в нём смысла, я знаю, зачем я задал вопрос.

Дюпон: То, что мужчин говорящих на разных языках помещают вместе, не является деградацией. Я не думал и не говорил о таком, но скучивание вместе элементов которые отличаются друг от друга во всех отношениях и в особенности в языке, само по себе усложняет условия проживания, и открывает путь для применения других мер, которые я уже долго описывал и чьей окончательной целью являлась деградация человека.

Бабель: Я не могу понять, почему взаимодействие с людьми, чей язык не понимаешь это деградация.

Председатель: Доктор Бабель, он дал ответ, он считал, что это приводило к деградации. Не важно, понимаете вы или нет.

Бабель: Господин председатель, передача в наушниках иногда неточная, и как минимум, я часто не слышу, что говорит свидетель и по этой причине я вынужден время от времени повторять вопрос.

Дюбост: Я не хочу, чтобы трибунал принимал это прерывание как помеху для перекрестного допроса, но я думаю, что есть некоторая путаница в уме защитника вследствие ошибки переводчика.

Он задал моему свидетелю подспудный вопрос, а именно, являлись ли французские депортированные, по большей части уголовниками, и вопрос был переведён следующим образом, являлись ли французские депортированные уголовниками. Свидетель ответил на вопрос как было переведено на французский, но не говорилось по-немецки. Поэтому я прошу, чтобы вопрос был задан снова и правильно переведён.

Председатель: Доктор Бабель, вы поняли, что сказал господин Дюбост?

Бабель: Думаю, я понял суть. Думаю, я понял, что была ошибка в переводе. Я не могу судить, я не могу следить одновременно и за немецким и за французским текстом.

Председатель: Думаю, лучше всего будет, чтобы вы продолжали перекрестный допрос, если у вас больше нет вопросов, и господин Дюбост может разъяснить это в повторном допросе.

Бабель: Господин председатель, защитник Кальтенбруннера уже пояснил сегодня, что защите очень трудно перекрёстно допрашивать свидетеля, не будучи информированной хотя бы за день о предметах по которым заслушивают свидетеля. Показания, которые сегодня дал свидетель были настолько объёмными, что мне невозможно следовать за ними без предварительной подготовки и вести дело по коротким записям обширных перекрёстных допросов.

По моим сведениям, председатель уже информировал защиту организаций о том, что у нас будет возможность повторно допросить свидетелей позднее вызвав их самим.

Председатель: Я уже говорил об этом от лица трибунала, но так как защитник должен был ожидать, что будут вызваны свидетели об условиях в концентрационных лагерях, я подумал, что он подготовился к перекрёстному допросу за 40 или более дней, сколько идёт процесс.

Бабель: Господин председатель, я не думаю, что мне сейчас уместно спорить об этом с трибуналом, но наверно мне предоставят такую возможность при закрытии заседания. Я считаю это необходимым в интересах скорого и беспрепятственного продвижения процесса.

У меня нет никакого желания затягивать разбирательство. У меня величайший интерес к его ускорению, но я не стремлюсь к этому за счёт ограничения защиты организаций.

Председатель: Доктор Бабель, я уже заметил вам, что вы должны были ожидать того, что могут быть вызваны свидетели об условиях в концентрационных лагерях. Поэтому вы имели полную возможность за время процесса подготовиться к тому о чём вы хотели допрашивать, и я не вижу причин обсуждать этот вопрос сейчас.

Бабель: Благодарю за информацию. Но естественно, я не могу знать заранее, что точно скажет свидетель, и я не могу перекрёстно допрашивать его до тех пор пока не услышу его. Конечно же, я знаю, что свидетель собирался выступить по концентрационным лагерям, но я заранее не мог знать, что конкретно он будет обсуждать.
Дюбост: Я прошу трибунал заметить, что опрашивая французского свидетеля защита использовала отдельные слова буквальный перевод которых «по большей части». Это применялось к характеру французских депортированных. Вопрос был: «Они по большей части были уголовниками?». Свидетель понял это как и я: «Вы говорите, что они были уголовниками?», но не как «что конвои по большей части состояли из уголовников». Его ответо был совершенно естественный. Трибунал позволит мне попросить у свидетеля о подробностях. Какой была пропорция уголовников и патриотов среди депортированных? Сам он уголовник или патриот? Генералы и другие личности, чьи имена приводил он нам, были уголовниками или патриотами?
Дюпон: Пропорция французских уголовников была очень небольшой. Уголовники поступили из форта Барро в конвое. Я не могу дать точные цифры, но было несколько сотен из всех заключённых. В других поступавших конвоях пропорция уголовников включала только 2 или 3 на тысячу.
Дюбост: Спасибо.
Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Председатель: Господин Дюбост, вы предлагаете вызвать ещё одного свидетеля о концентрационных лагерях? Из-за того, как я уже отмечал, что доказательства, за исключением перекрестного допроса доктора Бабеля практически не оспаривались, и они поддерживаются фильмом. Мы связаны статьей 18 устава о проведении как можно скорого процесса, и я отмечаю вам, что согласно статье 24 устава, у вас будет возможность представить опровергающие доказательства, при необходимости, поэтому если доказательства были полностью исследованы по предмету концентрационных лагерей…
Дюбост: Свидетель, показания которого я попрошу трибунал выслушать, должен уточнить один важный момент, который оставался невыясненным в течение нескольких недель. Трибунал помнит, что во время представления доказательств моими американскими коллегами встал вопрос, приезжал ли Кальтенбруннер в лагерь Маутхаузен? В качестве доказательства я представляю свидетельские показания господина Буа[285], который должен показать трибуналу, что Кальтенбруннер был в Маутхаузене. У свидетеля есть фотографии, на которых

[285] Франциско Буа (1920 – 1950) – испанский журналист. Участник Гражданской войны в Испании. Республиканец.

зафиксирован этот визит и трибунал ознакомится с ними.
Председатель: Очень хорошо.

[*Свидетель занял место свидетеля*]

Председатель: Ваше имя?
Буа: Франсуа Буа.
Председатель: Вы француз?
Буа: Я испанский беженец.
Председатель: Повторяйте за мною слова присяги: «Я клянусь говорить без ненависти и страха, говорить правду, всю правду, только правду».

[*Свидетель повторяет слова присяги*]

Председатель: Поднимите свою правую руку и скажите: «Клянусь».
Буа: Клянусь.
Председатель: Можете сесть.
Господин Дюбост, произнесите имя.
Дюбост: Б-у-а. [*Обращаясь к свидетелю*] Вы родились 14 августа 1920 г. в Барселоне?
Буа: Да.
Дюбост: Вы фоторепортер? И вы были заключены в лагерь Маутхаузен с...
Буа: С 27 января 1941 года.
Дюбост: Вы представили следователям некоторое количество фотографий?
Буа: Да.
Дюбост: Они будут демонстрироваться на экране и вы покажете под присягой, в каких условиях и где вы сделали эти фотографии?
Буа: Да.
Дюбост: Как вы достали эти фотографии?
Буа: В связи со своей профессией я попал в Маутхаузен в отдел по установлению личности заключенных в лагере. Там имелся фотоотдел. Разрешалось фотографировать все, что происходило в лагере, для отправки этих фото верховному командованию в Берлин.

[*Демонстрируются фотографии*]

Дюбост: Это общий вид каменоломни. Здесь работали заключенные?
Буа: Большинство заключенных.
Дюбост: Где находится лестница?
Буа: Внизу.

Дюбост: Сколько там ступенек?

Буа: Сначала было 160, а затем 186 ступенек.

Дюбост: Можем перейти к следующей фотографии.

Буа: Это двор каменоломни во время приезда рейхсфюрера Гиммлера, Кальтенбруннера, губернатора Линца и других, имена которых мне неизвестны. Ниже вы видите труп человека, упавшего сверху (70 метров) в каменоломню. Такие случаи бывали каждый день.

Дюбост: Можно переходить к следующей фотографии

Буа: Снимок сделан в апреле 1941 года. Мои товарищи испанцы тянут вагонетку, наполненную землей. Это работа, которую нас заставляли делать.

Дюбост: Кто сделал этот снимок?

Буа: На этот раз это был Пауль Риккен, профессор из Эссена.

Дюбост: Можно переходить к следующей.

Буа: Это эпизод с одним сбежавшим австрийцем. Он был столяром в гараже. Он сделал ящик, в который можно было спрятаться и таким образом выйти из лагеря. Но через некоторое время его поймали. Его поместили в тележку, в которой перевозили трупы в крематорий, и сделали там надпись на немецком языке: «Все пташки возвратились». Его приговорили к смерти. Провели перед строем из 10 тысяч заключенных под музыку «J'attendrai[286]» оркестра цыган. Когда его повесили, тело его качалось на ветру, а оркестр играл мелодию известной песни «Полька Билла Блэка».

Дюбост: Следующая.

Буа: Эта сцена, на этой фотографии мы видим справа и слева ряд депортированных, слева испанцы, они меньше. Человек впереди в берете – это уголовник из Берлина по имени Шульц, которого использовали для этих случаев. Сзади вы можете видеть человека которого должны повесить.

Дюбост: Следующая. Кто делал эти снимки?

Буа: Фриц Корнатц, обершарфюрер СС. Он был расстрелян в Голландии американскими войсками в 1944 году. Этот человек на снимке, русский военнопленный. Его повесили, чтобы заставить нас думать, будто он самоубийца и пытался броситься на колючую проволоку.

На второй фотографии видны голландские евреи. Это в карантинных бараках. В день своего прибытия евреи были доведены до того, что бросались на колючую проволоку, потому что они хорошо отдавали себе отчет в том, что им все равно не оставалось никакой надежды выйти отсюда.

Дюбост: Кто делал эти снимки?

Буа: Обершарфюрер СС Пауль Риккен, профессор из Эссена.

---

[286] «J'attendrai» («Я буду ждать») — французская песня 1938 года (точнее, французская версия итальянской песни 1936 года), одна из трёх знаменитых в Западной Европе лирических песен времён войны.

Дюбост: Следующая.
Буа: Это два голландских еврея. Можно рассмотреть красную звезду, которую они носили. Это, так называемая, попытка к бегству Fluchtversuch.
Дюбост: А что это на самом деле?
Буа: Эсэсовцы послали их за камнями за колючей проволокой. Эсэсовцы, которые находились в охране за второй оградой колючей проволоки, стали стрелять в них, так как им выдавали премию за каждого человека, который ими был застрелен.
На другой фотографии снят еврей в период постройки в 1941 году так называемого «русского лагеря», который стал затем санитарным лагерем. Он висит на веревке, которой он подвязывал свои брюки.
Дюбост: Это самоубийство?
Буа: Как будто бы. Это человек, который полностью потерял надежду выжить. Его довели до отчаяния, заставляя выполнять непосильные работы и подвергая пыткам.
Дюбост: Что это за фотография?
Буа: Это еврей, я не знаю, из какой страны. Его посадили в бочку с водой и держали там до изнеможения. Его избили до полусмерти, а затем дали ему 10 минут с тем, чтобы он повесился. Он это сделал, употребив собственный пояс, так как знал, что его ждет в противном случае.
Дюбост: Кто делал этот снимок?
Буа: Обершарфюрер СС Пауль Риккен.
Дюбост: Что это за снимок?
Буа: Это посещение каменоломни венской полицией. Это было в июне или июле 1941 года. Эти двое заключенных, которые видны на снимке,— мои товарищи, испанцы.
Дюбост: Что они делают?
Буа: Они показывают господам из полиции, каким способом они поднимают камни, так как не было инструментов, при помощи которых это надо делать.
Дюбост: Знали ли вы кого-либо из представителей полиции, которые пришли сюда?
Буа: Нет, потому что они приходили всего один раз. Мы еле успели взглянуть на них.

Этот снимок сделан в 1943 году по случаю дня рождения оберштурмбаннфюрера СС Франца Цирайса[287]. Его окружает персонал администрации лагеря Маутхаузен. Я могу назвать их всех.
Дюбост: Давайте следующую фотографию.
Буа: Этот снимок сделан в тот же день, в день рождения оберштурмбаннфюрера Франца Цирайса. Второй — его адъютант, я не помню его фамилию. Следует отметить, что этот адъютант был из Вермахта, но по прибытии в лагерь он стал носить форму СС.

---
[287] Франц Цирайс (1905 — 1945) — немецкий военный, комендант концентрационного лагеря Маутхаузен в 1939-1945 гг. Убит заключёнными после освобождения лагеря.

Дюбост: А это что?

Буа: Это то же самое посещение Маутхаузена полицией в июне-июле 1941 г. Это дверь в кухню. Здесь стоят заключенные, которые были направлены в дисциплинарную роту. У них на спинах приспособления, которые служили для переноски камней весом до 80 кг. И так до изнеможения. Очень немногим удавалось вернуться из дисциплинарных рот.

На этом снимке запечатлено посещение Гиммлером в апреле 1941 года лагеря Маутхаузен. Видны Гиммлер, позади губернатор Линца, а сбоку налево Франц Цирайс, комендант лагеря Маутхаузен.

Эта фотография сделана в каменоломне. В глубине, налево, видна группа работающих заключенных. На переднем плане — Франц Цирайс, Гиммлер, затем обергруппенфюрер Кальтенбруннер. У него золотой партийный значок.

Дюбост: Этот снимок сделан в каменоломне? Кем?

Буа: Обершарфюрером СС Паулем Риккеном. Это было в апреле-мае 1941 г. В это время этот господин посещал лагерь достаточно часто для того, чтобы решить, как лучше организовать аналогичные лагеря во всей Германии и в оккупированных странах.

Дюбост: Достаточно. Итак, вы утверждаете, что это действительно Кальтенбруннер?

Буа: Да, я это утверждаю.

Дюбост: И, что фотография сделана в лагере?

Буа: Да, я утверждаю это.

Дюбост: Вы были военнопленный или политический заключенный?

Буа: Военнопленный.

Дюбост: Вы сражались во французской армии в качестве добровольца?

Буа: Я сражался в 5-й армии в Вогезах, в пехотном батальоне, затем в иностранном легионе[288], в саперном подразделении. Мы попали в плен, когда отступая дошли до Бельфора, где я был взят в ночь с 20 на 21 июня 1940 г. Я был вместе с другими испанскими товарищами направлен в Мюлузу. Узнав, что мы испанские республиканцы-антифашисты, немцы нас поместили вместе с евреями, которых причисляли к людям низшей расы. В течение шести месяцев мы были военнопленными и в это время мы узнали, что министр иностранных дел Франции был у Гитлера, чтобы обсудить вопрос об иностранцах и другие вопросы. Мы узнали, что, наряду с другими вопросами, речь шла о нашем положении. Рассказывали, что немцы спросили, как поступать с испанцами, военнопленными, сражавшимися во французской армии, с теми, кто раньше были республиканцами, сражались в республиканской армии. В ответ...

---

[288] Иностранный легион — войсковое соединение, входящее в состав сухопутных войск Франции и комплектуемое преимущественно из иностранцев. Образован в 1831.

Дюбост: Неважно. Таким образом, несмотря на то, что вы военнопленный, вы были направлены в лагерь, который не находился под контролем армии?

Буа: Да. Мы были военнопленные группы «А». Нам сказали, что нас переведут в ведение части, как всех других французов, затем мы были направлены в Маутхаузен, где мы впервые увидели, что там нас ждали не солдаты Вермахта, и мы, наконец, поняли, что попали в лагерь уничтожения.

Дюбост: Сколько вас всего было?

Буа: К концу нас было 1500, а всего — 8000 испанцев.

Дюбост: Сколько вас осталось после освобождения?

Буа: Около 1600....

Дюбост: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Хотите задать какие-либо вопросы?

Руденко: У меня есть некоторые вопросы. Если председатель разрешит, я представлю их на завтрашнем заседании.

Председатель: Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 29 января 1946*]

День сорок пятый

Вторник, 29 января 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения суда, я хочу сказать, что подсудимый Кальтенбруннер будет отсутствовать с утреннего заседания по болезни.
Дюбост: В качестве представителя французского обвинения, я желаю попросить трибунал рассмотреть просьбу. Свидетели которых допрашивали вчера должны быть перекрёстно допрошены защитой. Условия, в которых они здесь находятся весьма скудные, так как для них потребуется 30 часов, чтобы вернуться в Париж. Мы бы хотели знать, следует ли нам оставить их здесь, и если защита действительно намерена перекрестно допросить их, мы хотим приступить к этому как можно скорее для того, чтобы обеспечить их возвращение во Францию.
Председатель: В виду сказанного вами вчера, господин Дюбост, от имени трибунала, я сказал о том, что господин Бабель имеет возможность перекрестно допросить одного из ваших свидетелей в течение двух последующих дней. Господин Бабель готов перекрёстно допросить этого свидетеля?
Бабель: Нет, господин председатель, я пока не получил копию его допроса и соответственно не смог подготовить свой перекрёстный допрос. Времени с вчера, естественно очень мало. Поэтому, я не могу дать чёткий ответ о том хочу ли я перекрёстно допрашивать свидетеля. Если бы мне предоставили возможность в течение дня получить протокол…
Председатель: [*Прерывая*] Что же, данный свидетель должен остаться здесь до завтрашнего вечера, господин Дюбост, но остальные свидетели могут уехать. Господин Дюбост, понимаете, если можно, быстрее вручите копию стенографических записей господину Бабелю?
Дюбост: Да, господин председатель.

[*Свидетель Буа занимает место свидетеля*]

Дюбост: Я сделаю это милорд. Мы продолжаем. Трибунал помнит, что вчера вечером мы показали шесть фотографий из Маутхаузена которые предоставил нам свидетель, который перед вами и которые он прокомментировал. Данный свидетель

конкретно заявил при каких обстоятельствах была сделана фотография с Кальтенбруннером посещающим карьер Маутхаузена. Мы приобщаем эти фотографии как французский документ RF-332.

Позвольте мне сформулировать ещё один вопрос к свидетелю? На этом я закончу с ним, по крайней мере, с важной частью показаний.

Свидетель! Узнаете ли вы среди подсудимых некоторых из тех, которые посещали лагерь Маутхаузен и которых Вы видели во время Вашего заключения в лагере?

Буа: Шпеера.

Дюбост: Когда вы видели его?

Буа: Он посетил в 1943 г. лагерь Гузен по вопросу о строительных работах. Он также был в каменоломне Маутхаузена. Я сам его не видел, так как находился в отделе регистрации лагеря и не мог выходить. Но во время этих посещений руководитель отдела Пауль Риккен отснял аппаратом «Leica[289]» целую пленку, которую я сам проявлял. На этой фотопленке я узнал Шпеера и других начальников СС, которые с ним приехали. Он был одет в костюм светлого цвета.

Дюбост: Вы увидели это на пленке, которую проявляли?

Буа: Я его узнал на фото. Кроме того, нам приходилось надписывать фамилии и даты на фотографиях, так как многие эсэсовцы желали иметь для своих коллекций все фотографии, сделанные при посещении лагеря.

Я узнал Шпеера на 36 фотографиях, которые сделал обершарфюрер Пауль Риккен в 1943, в ходе визита в лагерь Гузен и карьер Маутхаузена. Он всегда выглядел крайне довольным на этих фотографиях. Есть даже фотографии показываюшие его поздравляющего оберштурмбаннфюрера Франца Цирайса, коменданта лагеря Маутхаузен сердечным рукопожатием.

Дюбост: Последний вопрос: существовали ли священники для совершения религиозных обрядов? Как умирали заключенные, которые желали умереть согласно своей религии?

Буа: Да, было несколько священников, насколько я мог заметить, это был немецкий католический орден под названием «Bibelforscher[290]». Но официально...

Дюбост: Но официально, позволяла ли администрация лагеря заключенным отправлять свои религиозные обряды?

Буа: Нет, они ничего не могли делать. Это было запрещено. Им было запрещено даже жить.

Дюбост: Даже жить?

Буа: Даже жить...

Дюбост: Там были какие-нибудь католические капелланы или протестантские

---

[289] Leica — фотоаппараты, выпускаемые одноимённой немецкой компанией Leica Camera AG.

[290] Свидетели Иеговы — международная религиозная организация. До 1931 года назывались «Исследователями Библии»

пасторы?

Буа: Bibelforscher были почти все протестантами. Я не знаю об этом много.

Дюбост: Как обращались с монахами, со священниками, с пасторами?

Буа: В обращении с ними или с нами не делалось никакой разницы. Они умирали так же, как и мы. Их также иногда посылали в газовую камеру, иногда расстреливали, иногда сажали в ледяную воду. Все средства были хороши. Эсэсовцы особо жестоко обращались с ними, так как они знали, что эти люди не могли работать так, как обычные рабочие. Они обращались так с интеллигентами всех стран.

Дюбост: Им не давали возможности служить?

Буа: Нет, никакой.

Дюбост: Приходили ли священники к людям, которых должны были казнить?

Буа: Совсем нет, наоборот, иногда, вместо того, чтобы, как вы говорите, допустить к ним человека одной с ними веры, который принес бы им утешение, приговоренным давали по 25—75 ударов плетьми из бычьих жил даже лично оберштурмбаннфюрером. Я отметил, что так было по отношению к нескольким офицерам, русским военнопленным, политкомиссарам.

Дюбост: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Генерал Руденко.

Руденко: Свидетель, будьте любезны, сообщите, что вам известно об истреблении советских военнопленных?

Буа: Я не могу рассказать все, что я знаю, потому что я знаю так много, что мне не хватило бы месяца, чтобы все рассказать.

Руденко: В таком случае я бы просил вас, свидетель, кратко изложить основное известное вам об истреблении советских военнопленных в том лагере, где вы находились.

Буа: Первые военнопленные прибыли в 1941 году. Было объявлено о прибытии двух тысяч русских военнопленных. По отношению к ним были приняты такие же меры предосторожности, как и по прибытии военнопленных испанцев-республиканцев. Везде вокруг бараков были поставлены пулеметы, так как от новоприбывших ожидали самого худшего. Как только русские военнопленные вошли в лагерь, стало ясно, что они находятся в ужасном состоянии. Они даже ничего не могли понять. Они были так обессилены, что не держались на ногах. Их тогда поместили в бараки по 1600 человек в каждом. Следует отметить, что эти бараки имели семь метров в ширину и 50 метров в длину. У них была отобрана почти вся одежда, которой у них и без этого было очень мало. Им было разрешено сохранить только брюки и рубаху, а дело было в ноябре месяце. В Маутхаузене было более 10 градусов мороза.

По прибытии оказалось, что 24 человека из них умерло в то время, как они шли 4 километра, отделявшие лагерь Маутхаузен от станции. Сначала к ним была применена та же система обращения как к нам, испанцам-республиканцам. Нам

сначала не дали никакой работы, но почти ничего не давали есть.

Через несколько недель они были совершенно без сил и тогда к ним стали применять систему истребления. Их заставляли работать в самых ужасных условиях, избивали, били палками, над ними издевались. Через три месяца из 7000 русских военнопленных, которые поступали отовсюду остались в живых только 30. Эти 30 выживших были сфотографированы отделом Пауля Риккена для документирования. У меня есть эти фотографии, я их покажу, если господа судьи пожелают этого.

Руденко: У вас есть эти фотографии?

Буа: Господин Дюбост знает, да, они у господина Дюбоста.

Руденко: Вы можете предъявить эти фотографии?

Буа: Они у господина Дюбоста.

Руденко: Благодарю. Что вам известно о югославах и поляках?

Буа: Первые поляки прибыли в лагерь в 1939 году, после разгрома Польши. С ними обращались так же, как со всеми другими. Немцы начали их истреблять. Десятки тысяч поляков погибли в ужасных условиях.

Но надо особо отметить положение югославов. Югославы стали прибывать эшелонами, в гражданском платье, и их расстреливали, якобы согласно закону. Эсэсовцы даже надевали для совершения этих казней стальные шлемы. Их расстреливали по двое. С первым эшелоном прибыло 165 человек, со вторым — 180 человек, а затем они прибывали небольшими группами — по 15, 50, 60, 30 человек. Среди них были даже женщины.

Однажды расстреливали четырех женщин и — это был единственный такой случай в лагере — некоторые прежде, чем их расстреляли, плевали в лицо коменданту лагеря. Югославы так пострадали, как мало кто пострадал. Их положение могло сравниться только с положением русских. Их убивали различными способами до самого последнего времени. Я хотел бы еще рассказать о русских, так как они многое испытали.

Руденко: Правильно ли я заключил из ваших показаний, что этот концентрационный лагерь по существу являлся комбинатом смерти?

Буа: Лагерь был отнесен к последней, третьей категории. Это был лагерь, из которого никто не должен был выйти живым.

Руденко: Я больше вопросов не имею.

Председатель: Хочет ли представитель Великобритании произвести перекрестный допрос?

Филлимор: Нет.

Председатель: Обвинение США?

Додд: Нет.

Председатель: Хочет ли кто из представителей защиты произвести перекрестный допрос?

Бабель: Свидетель, какие опознавательные знаки вы носили в лагере?

Буа: Какой номер? Какой опознавательный знак?

Бабель: Заключенные различались по цветам звезд, они носили звезды красные, желтые, зеленые и т. д. Было ли это так же и в Маутхаузене? Что Вы носили?

Буа: Это были не звезды. Это были треугольники и буквы указывавшие национальность. Евреи носили желтые и красные звездочки, шестиконечные звездочки с красными и желтыми концами, два наложенные друг на друга треугольника.

Бабель: Какой цвет носили вы?

Буа: Синий треугольник с буквой «S», то есть «испанский политический эмигрант».

Бабель: Были ли вы «капо»?

Буа: Нет. Я был вначале переводчиком,

Бабель: Каковы были ваши обязанности?

Буа: Надо было переводить на испанский язык все дикие вещи, которые немцы хотели сказать испанским заключенным. Затем я занимался фотографией: проявлял фотопленки, которые снимали в лагере для того, чтобы зафиксировать все, что происходило в лагере.

Бабель: Какова была практика организации визитов? Посетители приходили только во внутренний лагерь или же и на места работы?

Буа: Посетители обычно осматривали весь лагерь и невозможно, чтобы они не знали, что происходило. Исключения делались только в случае, когда прибывали крупные чиновники или высокопоставленные лица из Польши, Австрии или Словакии. Им давали осматривать только лучшие места. Франц Цирайс говорил им: «Смотрите сами». Он посылал за поварами, отбывавшими наказание бандитами, жирными, хорошо питавшимися преступниками. Цирайс выбирал их для того, чтобы показать, будто все заключенные так же выглядят.

Бабель: Было ли запрещено заключенным говорить между собой о положении в лагере? С людьми не из лагеря такие разговоры были, очевидно, едва ли возможны?

Буа: Да, это было так строго запрещено, что если, кого-нибудь заставали за такими разговорами, то не только ему самому грозила смерть, Это означало ужасные репрессии для всех его соотечественников.

Бабель: Как вы можете охарактеризовать «капо»? Как они вели себя по отношению к другим заключенным?

Буа: Иногда они были достойны быть эсэсовцами. Чтобы быть «капо», надо было быть арийцем. Это значило, что у них был воинственный вид и, наравне с эсэсовцами, они имели на нас все права. Они имели право обращаться с нами, как звери. Эсэсовцы предоставляли им право делать с нами все, что они хотели, поэтому, после освобождения, пленные убили всех «капо», которых они смогли обнаружить.

Незадолго до освобождения, «капо» попросили разрешения вступить

добровольно в части СС. И они ушли с частями СС, так как они знали, что их ожидает. Несмотря это, мы везде искали их и уничтожали на месте.

Бабель: Вы говорите, что они вели себя как звери. На основании чего вы заключаете, что они могли это делать?

Буа: Нужно было быть слепым, чтобы не видеть этого. Можно было видеть, как они себя держали. Мы предпочитали, умирать как люди, чем жить как звери, а они предпочитали жить, как звери, как дикари, как преступники. Такова их природа. Я прожил там четыре с половиной года и очень хорошо знаю, что они делали. Среди нас были многие, которые могли быть назначены «капо» за свою работу, так как они были специалистами в какой-либо области, но они предпочитали, чтобы их били или даже убивали, чем стать «капо».

Бабель: Спасибо.

Председатель: Хочет ли еще кто-нибудь из защитников задать вопросы свидетелю? Господин Дюбост, может быть, вы хотите задать еще несколько вопросов?

Дюбост: Нет, у меня больше нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Очень хорошо.

Руденко: Господин председатель, свидетель сообщил о том, что в его распоряжении есть фотодокумент 30 советских военнопленных, оставшихся в живых из нескольких тысяч, заключенных в этот лагерь. Я бы просил, господин председатель, предъявить этот фотодокумент, чтобы он подтвердил суду, что на фото именно та группа советских военнопленных, о которой он говорил.

Председатель: Конечно, вы можете показать фотографию свидетелю если она доступна.

Руденко: Господин свидетель, Вы можете показать эту фотографию?

[*Свидетель показывает фотографию членам трибунала*]

Председатель: Эту фотографию вы имеете в виду?

Буа: Я могу утверждать, что эти 30 человек из группы военнопленных были еще живы в 1942 году, но, имея в виду условия лагеря, очень трудно сказать, жив ли кто-либо из них сейчас.

Председатель: Скажите нам, когда была снята это фотография?

Буа: Это было в конце зимы 41 — 42 года. В это время было еще 10 градусов мороза, и можно видеть на фотографии, как они выглядели от холода

Председатель: Её пока не приобщали к доказательствам?

Дюбост: Данная книга представлена в качестве доказательства, ваша честь, как официальное доказательство.

Председатель: У подсудимых есть её копии?

Дюбост: Она представлена как экземпляр номер RF-331 (документ F-321). Защита также получила копию этой книги на немецком языке, но фотографий нет в

немецкой версии, ваша честь.
Председатель: Что же, пусть фотографию отметят. Лучше отметить её французским номером экземпляра. Какой он будет?
Дюбост: Мы присваиваем, номер экземпляра RF-333.
Председатель: Пусть будет отмечено так, и вручите её господину Бабелю.
Руденко: Спасибо, сэр. У меня больше нет вопросов.
Председатель: Вручите фотографию доктору Бабелю.

[*Фотографию передали господину Бабелю*]

Председатель: Думаю нужно вручить её другим защитникам подсудимых в том случае если они захотят спросить о ней. Господин Дюбост, я думаю, что допущенная копию этой книги, включая фотографии, должна быть направлена в информационный центр подсудимых.
Дюбост: Вся книга, кроме фотографий.
Председатель: А почему не фотографии?
Дюбост: Сейчас мы не представляем их. В нашем сборнике мы не упоминаем эти фотографии.
Председатель: Немецкий защитник вправе иметь те же самые документы, что представляются трибуналу. Фотографии представлены трибуналу, следовательно, они должны быть направлены в информационный центр.
Дюбост: Господин председатель, французский текст, включая фотографии, был направлен в информационный центр защиты, и кроме того, несколько немецких текстов, к которым не приложены фотографии, потому что мы подготовили перевод для использования защитой. Но есть французские копии книги, которые включают фотографии.
Председатель: Очень хорошо.
Дюбост: У нас есть четыре копии фотографии которую показывали вчера вечером, которые показывали вам. Она показывает Кальтенбруннера и Гиммлера в карьере Маутхаузена, согласуясь с показаниями Буа. Одна из этих фотографий была предоставлена защите, то есть адвокату подсудимого Кальтенбруннера.
Председатель: Фотографию передали защитникам подсудимых. Кто-либо из защитников подсудимых желает задать вопросы свидетелю об этой фотографии? Нет вопросов? Свидетель может удалиться.
Буа: Я бы хотел заметить, что были случаи, когда совершались массовые убийства советских офицеров, надо это особо отметить, так как речь идет о военнопленных. Мне хочется, чтобы меня внимательно выслушал трибунал.
Председатель: Что именно вы хотите сказать относительно массовых убийств русских военнопленных?
Буа: В 1943 году пришел эшелон с офицерами. В самый день прибытия их начали

истреблять всякими способами. Но потом, по-видимому, сверху был получен приказ об этих офицерах. В нем говорилось, что с ними следует поступать по-особому. Их поместили в лучший блок в лагере. Им дали надеть новую одежду русских военнопленных, им даже выдали сигареты. На их постели постелили простыни. Им давали есть все, что они хотели. Их осмотрел офицер медицинской службы, штурмбаннфюрер — доктор Бресбах.

Они спустились в каменоломню, но переносили только небольшие камни, причем по 4 человека. А в это время начальник документального отдела обершарфюрер Пауль Риккен беспрестанно фотографировал все это своей «Leica» Он снял приблизительно 48 кадров. Они были проявлены мною и пять экземпляров каждой, размером 13 x 18, с негативами, были посланы в Берлин. Жаль, что я не украл эти негативы, как другие.

Когда все было окончено, у русских была отнята одежда и все остальное. Потом их повели в газовую камеру. Комедия была закончена. Все могли видеть на фотографиях, что с русскими военнопленными офицерами, и особенно с политкомиссарами, обращались хорошо, что за ними ухаживали, что они почти не работали и что они были в хорошем состоянии. Это надо отметить, потому что, как мне кажется, это необходимо.

Есть еще один вопрос. Был один так называемый 20-й барак. Этот барак находился внутри лагеря и, несмотря на электрифицированные проволочные заграждения вокруг всего лагеря, вокруг этого барака была дополнительная стена, по которой проходила проволока с электрическим током. В этом бараке находились русские военнопленные — офицеры и комиссары, несколько славян, французов и даже, как говорили, несколько англичан. Никто не мог входить в этот барак, кроме двух начальников — коменданта внутреннего лагеря и коменданта внешних лагерей. Эти заключенные были одеты как мы, каторжники, но они не имели никаких номеров и никаких знаков.

Служба Erkennungsdienst[291] их, наверное, сфотографировала. На грудь им вешалась бляха с номером. Номера начинались с 3000 с чем-то. Был один номер, который напоминал номер 11 (две синие черточки). Итак, номера начинались с 3000 и кончались приблизительно около 7000. Фотографом в это время был унтершарфюрер СС Герман Шинлауер. Он был родом из района севернее Берлина, не помню названия местности. Ему было приказано проявить фотопленку и сделать все остальное самому. Но, как все эсэсовцы из внутренних отделов лагеря, этот человек ничего не умел делать. Таким людям всегда нужны были заключенные, чтобы последние выполняли их работу. Поэтому я ему был нужен для проявления фотопленки. Я увеличивал фотографии до формата 5 x 7. Их передавали оберштурмфюреру Карлу Шульцу[292] из Кельна, руководителю политотдела. Он

---

[291] «Служба опознания» (нем.)

[292] Карл Шульц (1902 – 1984) – гауптштурмфюрер СС. Руководитель политического отдела концлагеря Маутхаузен.

сказал мне, чтобы я никому ни о чем не говорил о том, что мы проявляли фото сами, иначе с нами бы немедленно расправились. Но, не боясь последствий, я обо всем рассказал товарищам для того, чтобы, если одному из нас удалось выйти из лагеря, он бы рассказал об этом всем.

Председатель: Я думаю, мы услышали достаточно подробностей. Но вернувшись к случаю о котором вы говорили. Я хочу повторить дело о русских военнопленных в 1943. Вы сказали, что офицеров забрали в карьер, чтобы носить самые тяжёлые камни.

Буа: Нет, только небольшие, весившие не более 20 килограмм, и они носили их вчетвером, чтобы показать на фотографиях, что русские офицеры не делают тяжёлую работу, а напротив лёгкую. Это было только для фотографий, на самом деле было по-другому.

Председатель: Я думал, вы сказали они носили большие, тяжёлые камни.

Буа: Нет.

Председатель: Фотографии делали, когда на них была форма с этими небольшими камнями?

Буа: Да, сэр, они надели чистую форму, опрятную, чтобы показать, что русские военнопленные живут хорошо и с ними хорошо обращаются.

Председатель: Очень хорошо. Есть какой-либо конкретный инцидент на который вы хотите сослаться?

Буа: Да о блоке 20. Благодаря моим знаниям в фотографии я мог видеть это, я должен был держать свет, когда мой начальник делал фотографии. Поэтому я знаю подробно, что происходило в этом бараке. Это был как бы внутренний лагерь. Размеры этого барака были, как размеры других — 7 метров в ширину и 50 — в длину. В нем находилось 1800 человек, которые получали менее одной четвертой того рациона пищи, который получали мы. У них не было ни ложек, ни тарелок. Из котлов им выбрасывали испорченную пищу прямо на снег и мы ждали, когда она начинала леденеть. Тогда русским приказывали бросаться на пищу. Русские были так голодны, что дрались, чтобы поесть, а эсэсовцы этим пользовались как предлогом, чтобы избивать их резиновыми палками.

Председатель: Вы хотите сказать, что русских помещали в блок 20?

Буа: Русские не попадали непосредственно в лагерь. Тех, которых немедленно не отправляли в газовую камеру, прямо отправляли в блок 20. Даже блокфюрер не мог туда входить. Несколько раз в неделю прибывали транспорты по 50 — 60 чел. Из барака все время доносился шум борьбы.

В январе 1945 года, когда русские узнали, что советские армии приближаются к Югославии, они испробовали последнюю возможность: они взяли огнетушители, перебили солдат охранного поста, захватили ручные пулеметы и все, что они могли использовать в качестве оружия. Из 700 человек только 62 смогли убежать в Югославию.

В тот день Франц Цирайс, комендант лагеря, дал по радио приказ всем гражданам, чтобы они помогли «ликвидировать русских преступников», убежавших из концлагеря. Он объявил, что тот, кто докажет, что он убил кого-нибудь из этих людей, получит крупную сумму в марках. Поэтому все сочувствующие нацистам в Маутхаузене занялись этой поимкой и им удалось убить более 600 убежавших, что было, между прочим, нетрудно, так как некоторые из русских не могли проползти более десяти метров.

После освобождения один русский, выживший после этого случая, посетил лагерь Маутхаузен, чтобы вспомнить, как все это было. Он рассказал нам подробности своего трудного побега.

Председатель: Я не думаю, что Трибунал изъявит желание слушать дальнейшие подробности того, что вы не видели собственными глазами. Хочет ли кто-нибудь - из защитников задать какие-нибудь вопросы свидетелю в связи с теми эпизодами, в которых он лично участвовал?

Бабель: Только один вопрос: вы в течение своих показаний называли цифры 165, 180, 700. Вы были в состоянии сами сосчитать?

Буа: Почти всегда эти эшелоны прибывали в лагерь колоннами по 5 человек. Сосчитать было не трудно. Эти транспорты всегда направлялись от Вермахта, из тюрем Вермахта где-то в Германии. Их направляли из всех тюрем Германии, из Вермахта, Люфтваффе, СД или СС.

Председатель: Просто ответьте на вопрос и не произносите речь. Вы сказали, что их доставляли в колоннах по пять и было легко их сосчитать.

Буа: Очень просто сосчитать их, особенно для тех, кто хотел рассказать, когда-нибудь эту историю.

Бабель: У вас было так много времени, что вы могли наблюдать за всем этим?

Буа: Эшелоны всегда прибывали вечером, после возвращения заключенных с работы в лагерь. После этого было всегда два-три часа до вечернего колокола, который подавал сигнал отбоя.

Председатель: Свидетель может уйти.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Дюбост: С разрешения трибунала, мы хотели бы сейчас допросить в качестве свидетеля господина Каппелена[293], который ограничится показаниями об условиях обращения с норвежскими гражданами в лагерях и тюрьмах Норвегии.

Председатель: Хорошо, пожалуйста.

[*Свидетель занимает место свидетеля*]

---

[293] Ганс Каппелен (1903-1979) – норвежский юрист и предприниматель. Участник движения Сопротивления.

Председатель: Я понял, что вы говорите по-английски.
Каппелен: Да, я говорю по-английски.
Председатель: Вы примите английскую форму присяги?
Каппелен: Да, я предпочтаю говорить по-английски.
Председатель: Как ваше имя?
Каппелен: Меня зовут Ганс Каппелен.
Председатель: Повторите за мной слова присяги: «Я клянусь, что показания которые я дам будут правдой, всей правдой и ничем кроме правды, и да поможет мне бог».

[*Свидетель повторил присягу на английском языке*]

Председатель: Поднимите правую руку и скажите «Я клянусь».
Каппелен: Я клянусь.
Дюбост: Господин Каппелен, вы родились 18 декабря 1903 г.?
Каппелен: Да.
Дюбост: В каком городе?
Каппелен: Я родился в городе Квитсейд, провинция Телемарк, Норвегия.
Дюбост: Ваша профессия?
Каппелен: Я был юристом, а теперь я коммерсант.
Дюбост: Расскажите, пожалуйста, что вы знаете о зверствах гестаповцев в Норвегии?
Каппелен: Я был арестован 29 ноября 1941 г. и заключен в тюрьму Гестапо в Осло. Через десять дней я был допрошен двумя агентами норвежской НС, или нацистской полиции. Они почти сразу начали избивать меня дубинками. Я не помню точно, сколько времени продолжался этот допрос, но он ни к чему не привел. Через несколько дней меня перевели на Виктория-Террас, 32. Это был главный штаб Гестапо в Норвегии. Это было примерно в 8 часов вечера. Меня привели в большую комнату и потребовали, чтобы я разделся. Я должен был раздеться догола. Я несколько распух после первой «обработки» норвежскими полицейскими, но это было еще не самое худшее.

Там были шесть или восемь гестаповцев и их руководитель, Фемер[294] криминальрат. Он был очень зол. Они начали засыпать меня вопросами, на которые я не мог ответить. Тогда ко мне подбежал Фемер и стал вырывать волосы на моей голове. Он вырвал их все, и они валялись в крови на полу около меня. После этого они начали бросаться на меня, избивать резиновыми дубинками и железными прутьями. Мне было очень больно, и я потерял сознание. Но меня привели в себя: они вылили на меня вёдро холодной воды. Меня начало рвать, потому что я чувствовал себя очень плохо, но это только разозлило их. И они сказали мне:

[294] Зигфрид Фемер (1911 – 1948) – сотрудник Гестапо. Гауптштурмфюрер СС. Казнён по приговору норвежского суда.

«Убери за собой, грязная собака». И я должен был попытаться убрать за собой все голыми руками.

Таким образом, они продолжали допрашивать меня очень долго. Но этот допрос ни к чему не привел, потому что они засыпали меня вопросами о людях, которых я не знал или с которыми был едва знаком.

Утром меня снова перевели в тюрьму и поместили в камеру. Я чувствовал себя очень плохо, был слаб. В течение всего дня я просил охрану позвать ко мне врача, если это возможно. Мне отказали в этом. Это было 19-го числа. Через несколько дней, я полагаю, что это было за день до рождества 1941 года, меня снова ночью привезли на Виктория-Террас. Случилось то же, что и в прошлый раз, только теперь мне было очень просто раздеться, потому что на мне было только пальто. Я весь распух после первого избиения. Опять, как и в первый раз, было шесть, семь или восемь гестаповцев.

Председатель: Это были немецкие гестаповцы?

Каппелен: Да. Фемер тоже присутствовал, как и в тот раз. Он был эсэсовцем. Они вновь начали избивать меня. Но было совершенно бесполезно избивать человека, который находился в таком состоянии, как я. Я уже весь распух от прежних побоев. Они начали выкручивать и ломать мне руки и ноги. Правая рука была вывернута из суставов. От страшной боли я потерял сознание. Тогда случилось то же самое, что и в прошлый раз: они вылили на меня ледяную воду, и я пришел в себя.

Немцы просто озверели, они рычали как звери, и снова задавали мне множество вопросов, но я был так слаб, что не мог отвечать на них.

Затем они надели что-то самодельное, она выглядела как самодельная деревянная штука, с винтовой нарезкой на мою левую ногу, и они начали закручивать эту штуку, так, что кожа стала слезать с костей. Я почувствовал ужасную боль и снова потерял сознание. Я пришёл в сознание и четыре года спустя у меня до сих пор остались отметки на ноге от этого сдирающего устройства.

Но это тоже ни к чему не привело. Тогда они что-то надели мне на шею. От этого тоже остались следы (*Показывает*). И снова начали сдирать кожу и мясо. Со мной случился удар, и я внезапно почувствовал, что правая сторона моего тела парализована. Потом было установлено, что у меня произошло кровоизлияние в мозг. У меня стало двоиться в глазах, мне казалось, что каждый гестаповец — это два человека. Все кружилось передо мной. Это раздвоение зрения продолжалось у меня в течение четырех лет. И теперь, когда я устаю, у меня снова начинает двоиться в глазах. Теперь я чувствую себя все-таки лучше, паралич прошел, но до сих пор некоторые анормальные явления с правой стороны тела у меня продолжаются.

Больше я ничего не помню о событиях этой ночи. Но другие заключенные, которые должны были убирать коридоры тюрьмы, видели, как меня утром принесли в мою камеру. Это было примерно в 6 часов утра. Они думали, что я мертв, потому

что на мне не было наручников. Сколько времени я пробыл в таком состоянии — день или два, не могу сказать. Но однажды я пришел в себя и начал чуточку двигаться. Немедленно ко мне в камеру, где я лежал в собственной рвотной массе и крови, вошел охранник и врач.

По-моему, это был очень высокопоставленный врач. Он был в высоком звании, но я не могу сказать точно, в каком именно. Он сказал мне, что, по всей вероятности, я умру. Я спросил его: «Можете ли вы перевести меня в больницу?» Он сказал: «Нет, дураков не переводят ни в какие больницы до тех пор, пока, — сказал он, — вы не сделаете то, что мы требуем от вас. Как и все норвежцы, вы — дурак».

Они вправили мне руку. Это было очень больно, но меня держали два солдата, и это было сделано. Я снова потерял сознание. Так проходило время, и я немного оправился. Я не мог ходить, потому что все кружилось передо мной. И я лежал на нарах. Однажды — я думаю, что это было в конце февраля, а может быть, в середине февраля 1942 года — ночью они снова пришли ко мне. По-моему, это было часов в 10 вечера, потому что свет в моей камере уже давно был потушен. Они потребовали, чтобы я встал. Я попытался встать, но, конечно, упал опять, потому что был парализован. Тогда они стали пинать меня, и я сказал: «Не лучше ли убить меня, потому что я не могу двигаться».

Тогда они меня вытащили из камеры и снова привезли на Виктория-Террас, в штаб-квартиру, где проводили свои допросы. На этот раз допрос проводил эсэсовец Штеер. Я не мог стоять и поэтому лежал на полу, нагой. У Штеера было несколько, четыре или пять, помощников из Гестапо. Они начали топтать и бить меня, внезапно они снова поставили меня на ноги и подтащили к столу, за которым сидел Штеер. Он взял мою левую руку и вот так (*Показывает*) вогнал несколько булавок мне под ногти. Мне было очень больно, и все завертелось передо мною, и опять началось двойное зрение. Но боль была так сильна, что я выдернул у него свою руку. Я не должен был делать этого, потому что это привело их в ярость. Я снова потерял сознание. Не знаю, в течение какого времени я был без сознания, но пришел в себя от запаха горящего мяса. И тогда я увидел, что один из гестаповцев держит какую-то лампу и поджигает мне ноги. Мне было не особенно больно, потому что я был так слаб, что не чувствовал боли. Я был парализован, язык мой не двигался и я не мог говорить, а просто стонал.

Я не помню больше подробностей этого вечера. Но это был один из самых ужасных допросов, которые мне пришлось пережить. Меня снова привезли обратно в тюрьму. Время шло. Я пытался немного есть, но у меня сразу же начиналась рвота. Постепенно я поправился, но был все еще парализован и поэтому не мог стоять.

Меня все же часто брали на допросы, и устраивали очную ставку с другими норвежцами, с людьми, которых я знал и которых не знал. Большинство из них подвергалось ужасному обращению. Они распухли. Особенно хорошо я помню

двух моих друзей, очень хороших людей. Мне устроили с ними очную ставку. Они после пыток выглядели ужасно. Когда я вышел из тюрьмы, то узнал, что оба они умерли от истязаний и пыток.

Другой пример, который я собираюсь привести, если милорд мне разрешит, касается человека, которого звали Сверре Эмиль Хальворсен. Его взяли осенью, в августе или в октябре 1943 года. Он распух и был очень подавлен. Он рассказал, что с ним обращались ужасно, что он и некоторые из его друзей были приведены на своего рода суд, где им сказали, что на следующий день их расстреляют. Им огласили какой-то приговор и сказали, что этот приговор будет приведен в исполнение для того, чтобы их дело послужило примером для других.

Хальворсен, конечно, чувствовал себя очень плохо, у него сильно болела голова, и я попросил охранника вызвать главного охранника, некоего Гетца. Тот пришел и спросил меня, что, черт возьми, мне нужно. Я сказал: «Моему товарищу очень плохо, не можете ли вы дать ему аспирин или другое лекарство?» «Нет, конечно, — сказал он, — зачем тратить на него аспирин. Его утром расстреляют».

На следующее утро его забрали из камеры и после окончания войны его нашли вместе с другими норвежцами в Тронхейме, в могиле, с пулей в затылке.

Тюрьма в Осло, где я находился в течение 25 месяцев, была домом ужасов. Почти каждую ночь я слышал крики и стоны. Однажды, это было, наверное, в декабре 1943 года, думаю, примерно 8 декабря, они вошли в мою камеру и приказали одеться. Это было ночью. Я надел на себя изорванную в клочья одежду. Я хромал, не мог хорошо ходить, но все-таки уже поправился и мог двигаться. Я пошел по коридору. Они меня прислонили к стене, и я ожидал, что меня выведут и расстреляют. Но они не расстреляли меня. Они увезли меня в Германию вместе с массой других норвежцев. После я узнал, что некоторые из моих друзей и я — я имею в виду норвежцев, когда говорю о моих друзьях, — были заключенными, арестованными при проведении операции под названием «Nacht und Nebel». Нас привезли в лагерь в Эльзасе, который назывался «Нацвейлер». Осмелюсь сказать, что это был очень плохой лагерь.

Мы должны были работать в каменоломне. Одним словом, мы должны были выбирать камни с гор. Я не буду приводить деталей, не буду задерживать этим суд. Я хочу только сказать, что здесь были люди и из других стран: французы, русские, голландцы, бельгийцы. Норвежцев было, примерно, 500. Из этих 500 норвежцев 60 или 70 процентов умерли там или в других лагерях, куда их потом перевезли. Было также там два датчанина.

Мы испытали там много ужасов. О них не стоит говорить, они хорошо известны. Этот лагерь должны были эвакуировать в сентябре 1944 года. Нас перевели в Дахау, около Мюнхена. Но мы недолго оставались там, по крайней мере, я недолго оставался там. Меня отправили в распоряжение команды, которая называлась «Аурих в Восточной Фризии. Это была какая-то вспомогательная

команда в Нойенгамме, около Гамбурга. Нас было там, примерно, 1500 заключенных. Мы должны были рыть там противотанковые рвы. Что же, нам приходилось каждый день проходить по 3 или 4 часа, и ехать на поезде 1 час к противотанковому рву где мы работали. Работа была настолько тяжелая и изнуряющая и с нами настолько плохо обращались, что большая часть из нас умерла. Я полагаю, что половина заключённых умерла от дизентирии или плохого обращения за те пять или шесть недель, что мы там находились. Это было слишком даже для СС, которые занимались лагерем, поэтому они от нас отказались, как я думаю, и меня направили из Нойенгамме, возле Гамбурга, в лагерь Гросс-Розен в Силезии, возле Бреслау. Это тоже был очень плохой лагерь. Нас было там около 40 норвежцев и из этих 40 норвежцев через 4-5 недель остались 10.
Председатель: Вы еще продолжите, поэтому я думаю лучше прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Дюбост: Господин Каппелен, прошу рассказать нам о том, что вы знаете о лагере Нацвейлер и о деятельности в лагере доктора Хирта[295], Хирча или Хирца с немецкого медицинского факультета в Страсбурге.
Каппелен: В Нацвейлере производились эксперименты. Недалеко от лагеря была ферма, которая называлась Штрутгоф. Она была фактически частью лагеря, и некоторые из заключенных должны были там работать — убирать помещения. Иногда их уводили туда во время поверки. Например, я помню, что однажды все цыгане были сняты с поверки и увезены в Штрутгоф. Они очень боялись этого.

Один мой знакомый-норвежец по фамилии Видинг работал в так называемой лагерной больнице. Он потом сказал мне, через день после того, как цыгане были увезены в Штрутгоф: «Я тебе кое-что расскажу. Насколько я понимаю, они испытывали на них какой-то газ».

«Откуда ты знаешь?» — спросил я его.

«Пойдем со мной», — ответил он.

Через окно больницы я увидел четырех цыган, которые лежали на кроватях. Они плохо выглядели. Через окно было плохо видно, но у них была какая-то слизь вокруг рта. И он, Видинг, сказал мне, что цыгане мало что могли рассказать, так как они были очень больны. Но, насколько он понял, этот газ был испытан на двенадцати из них, и восемь из двенадцати цыган умерли в Штрутгофе. Кроме того, Видинг спросил меня: «Ты видел того высокого человека, который иногда гуляет по лагерю с другими?»

[295] Август Хирт (1898 — 1945) — немецкий антрополог и анатом, гауптштурмфюрер СС, глава анатомического института СС в Страсбурге, руководящий сотрудник «Аненербе», военный преступник. Покончил жизнь самоубийством.

Я ответил: «Да, я его видел».

«Это профессор Хирц из немецкого университета в Страсбурге».

Я вполне уверен, что Видинг назвал этого человека Хирт или Хирц. Он чуть ли не каждый день приезжал к нам с так называемой комиссией для того, чтобы осмотреть тех, которые возвращались из Штрутгофа, и наблюдать за результатами. Это все, что я помню об этом.

Дюбост: Сколько норвежцев умерло в Гросс-Розене?

Каппелен: В Гросс-Розене? Я не могу назвать точной цифры, но я знаю, что из 40 норвежцев, которые там были, вернулось, приблизительно, 10. Гросс-Розен был ужасным лагерем. Но самой ужасной была эвакуация Гросс-Розена. По-видимому, это произошло в середине февраля этого года. Русские армии приближались все ближе и ближе к Бреслау.

Председатель: Вы хотите сказать 1945 года?

Каппелен: Да, простите, 1945 года. Однажды нас выстроили на так называемом «Appellplatz[296]». Все мы были очень слабы. Мы выполняли тяжелую работу, получали мало пищи, и с нами очень плохо обращались. Мы пошли маршем, группами в две-три тысячи. В той группе, где я находился, было от двух с половиной до 2800 человек. Мы слышали, как охрана называла цифры.

Мы начали двигаться, эсэсовцы находились с обеих сторон. Они очень нервничали и вели себя, как сумасшедшие. Мы видели, что некоторые из них пьяны. Мы были истощены и не могли идти достаточно быстро. Тогда они взяли первых пять человек, разбили им головы прикладами и сказали: «Так будет со всяким, кто не может идти». Мы шли как можно быстрее. Некоторые пытались помочь тем, кто был более слаб. Но все мы были настолько истощены, что мало чем могли помочь друг другу. Наконец, через шесть или восемь часов мы дошли до железнодорожной станции. Было очень холодно, а мы были одеты только в полосатую тюремную одежду и плохую обувь. Но мы радовались, что дошли до железнодорожной станции. Лучше быть в вагонах для перевозки скота, чем идти по морозу. Было очень холодно, наверное, 10 — 12 градусов мороза. Там, на железнодорожной станции, стоял длинный состав открытых платформ. В Норвегии их называли вагонами для перевозки песка. Нас ударами заставили забраться на эти платформы по 80 человек на каждую. Мы должны были сидеть рядом. Мы пробыли на этой платформе пять дней, не получая пищи, воды, замерзая. Когда шел снег, мы открывали рот, чтобы утолить жажду. Через много времени, мне казалось, что прошел год, мы достигли места, которое, как я после узнал, называлось Дора. Это недалеко от Бухенвальда.

Когда мы доехали до этого места, нас пинками и ударами заставили сойти с платформ. Многие были мертвы. Человек, который сидел рядом со мной, умер, но я не мог отодвинуться. Я должен был в течение последнего дня оставаться рядом с

[296] «Площадь для переклички» (нем.)

ним. Сам я, конечно, не слышал цифр, но около половины из наших были мертвы. Позже, в Дора, я узнал, что умерших в нашем поезде было 1447 человек.

О Дора я мало что помню, потому что был в полумертвом состоянии. Я всегда был жизнерадостным человеком и пытался помочь себе и своим друзьям, но теперь я потерял почти всякую надежду.

Я мало что помню. Потом мне повезло: началась акция Бернадота[297], нас спасли и доставили в Ноейенгамме, рядом с Гамбургом. Там я встретил некоторых своих старых друзей: норвежского студента, который был угнан в Германию, заключенных из Заксенхаузена и других лагерей. Небольшое, сравнительно небольшое, количество оставшихся в живых норвежских НН заключенных было в очень тяжелом состоянии. Многие из моих друзей все еще находятся в госпитале в Норвегии. Некоторые умерли уже после освобождения.

Вот что произошло со мной и моими товарищами в те три и три четверти года, которые я провел в заключении. Я вполне понимаю, что невозможно рассказать о всех деталях, но я надеюсь, что то, что я рассказал, дает представление о том, как немецкая служба СС действовала в отношении норвежцев и в Норвегии.

Дюбост: По какой причине вы были арестованы?

Каппелен: Я был арестован 29 ноября 1941 в месте называемом Хойстли. Это был горнолыжный санаторий.

Дюбост: Что вы совершили? Какое вам предъявлялось обвинение?

Каппелен: Я, как и большинство норвежцев, считал, что мы тем или иным путем воюем с Германией и, естественно, большинство из нас было настроено против немцев. Я помню, когда в Гестапо спросили меня: «Что вы думаете о господине Квислинге[298]», я ответил: «Что бы вы сделали, если бы немецкий офицер, когда ваша страна воевала и правительство дало приказ о мобилизации, пришел бы и сказал: «Забудьте о мобилизации». Такого человека нельзя было бы уважать...»

Дюбост: В целом, немецкое население знало, или не знало о том, что происходило в лагерях?

Каппелен: Естественно, мне на это очень трудно ответить. Но как минимум в Норвегии, даже, когда меня арестовали, мы весьма много знали о том как немцы обращаются с заключёнными.

Есть кое-что, что я помню о Мюнхене где я работал. Я не работал, я был недолго в Дахау. Вместе с остальными, однажды меня привезли в город Мюнхен для осмотра развалин и поиска людей и бомб и подобного. Я полагаю, в этом заключался смысл. Они нам никогда ничего не говорили, но мы знали, что

[297] Фольке Бернадот (1895 — 1948) — шведский дипломат, общественный деятель, один из руководителей Международного комитета Красного Креста. В марте-мае 1945 организовал акцию вывоза заключенных из концентрационных лагерей. Убит еврейскими боевиками в Израиле.

[298] Видкун Квислинг (1887 — 1945) — норвежский политический и государственный деятель, офицер, дипломат, национал-социалист, глава норвежского правительства после оккупации Норвегии германскими войсками в период Второй мировой войны. Казнён по приговору норвежского суда.

происходит. Нас было приблизительно сто человек, заключённых. Мы искали мёртвых людей, все мы выглядели очень плохо. Мы шли по улицам и люди видели нас, и они также могли видеть, что нам нужно делать, такую работу которая считается очень опасной и которая помогает им, но они не была рады нас видеть. Некоторые из них кричали нам: «Это из-за вас нас бомбят».
Дюбост: Какие-либо каппеланы были в лагере? Вам разрешали молиться?
Каппелен: Что же, среди заключённых «НН» в Нацвейлере был священник из Норвегии. Как я думаю, он был тем кого по-английски называют декан. У него было довольно высокий сан. В Норвегии мы называем это «Прост» С западного побережья Норвегии. Его также доставили в Нацвейлер как заключённого «НН» и некоторые из моих товарищей спрашивали его можно иногда с ним видиться и молиться. Он сказал: «Нет. Я не посмею это сделать. У меня была Библия. Они забрали её у меня и похожие вещи…». Поэтому, поймите мы ничего такого не делали.
Дюбост: Тех, кто умирал, отпевали в соответствии с религией?
Каппелен: Нет.
Дюбост: С мертвыми обращались достойно?
Каппелен: Нет.
Дюбост: Проводились религиозные обряды?
Каппелен: Нет.
Дюбост: У меня нет больше вопросов.
Председатель: Представитель СССР желает провести перекрёстный допрос?
Руденко: Господин председатель, у меня нет вопросов.
Председатель: У Соединённых Штатов?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Кто-нибудь из защитников подсудимых желает задать свидетелю вопросы?
Меркель: Свидетель, на ваших первых допросах которые, как правило, проходили спустя десять дней после ареста, вас допрашивали немецкие или норвежские сотрудники Гестапо?
Каппелен: Они проводились двумя норвежцами которые относились, как я узнал позже к так называемой государственной полиции. Это не была полиция Норвегии. Они работали вместе с Гестапо, фактически были тем же самым. Они допрашивали меня спустя 10 дней. Они, как я слышал позднее, обычно делали это так, потому что было проще проводить их на норвежском языке, а некоторые немцы не говорили по-норвежски. Большинство из них не могли. Думаю, поэтому они брали норвежцев, и практически можно называть их Гестапо. Им давали сперва поработать с людьми.
Меркель: Значит на Виктория-Террас, которую вы назвали для обозначения штаб-

квартиры Гестапо в Осло, имелись немецкие и норвежские сотрудники во время вашего допроса?

Каппелен: Я осмелюсь сказать, что там был один норвежец как переводчик, но я говорил по-немецки, я не могу, со стопроцентной уверенностью сказать о том, был ли там один или два норвежских полицейских. Это сложно. Но так как Виктория-Террас являлась штаб-квартирой Гестапо, естественно у них были норвежские нацисты в помощь. Большинство из них были немцами.

Меркель: Лица, которые допрашивали вас, были в форме или гражданской одежде?

Каппелен: Во время моего допроса, я иногда видел в форме. Но, когда они меня пытали, они в основном были в гражданской одежде. Насколько я помню, был только один человек в форме, когда проводили допросы с пыткой.

Меркель: Вы заявили о том, что вас лечил врач. Врач пришёл сам или его попросили придти?

Каппелен: Первый раз я попросил доктора, но тогда мне никого не дали. Но, когда я пришёл в сознание, когда подумали, что я умер, охранник наверное осмотрел меня, потому что он побежал за врачом, и потом он пришёл с доктором.

Меркель: Вам известно, что в германских концентрационных лагерях существовал абсолютный запрет на разговоры об условиях в лагерях – среди заключённых и посторонних, и о том, что любое нарушение приказа не говорить наказывалось очень строго?

Каппелен: Что же, в лагерях так и было. Более менее понятно, что естественно запрещалось говорить о пытках, которые мы прошли, но при этом в лагерях Nacht und Nebel где я был, положение было настолько плохим, что даже пытки казались лучше чем медленная смерть, поэтому почти единственное о чем мы говорили было: «Когда закончится война, как помочь нашим товарищам, и как достать еды на вечер?

Меркель: Спасибо.

Председатель: Кто-нибудь из защитников подсудимых желает задать вопросы? Господин Дюбост вы хотите ещё, что-то спросить?

Дюбост: Мне не о чем спрашивать господин председатель. Я благодарю вас.

Председатель: Свидетель может идти.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Дюбост: С разрешения трибунала, мы можем сейчас заслушать свидетеля Розера, который сообщит некоторые подробности об условиях, в которых находились французские военнопленные в немецких штрафных лагерях.

[*Свидетель Поль Розер занимает место свидетеля*]

Председатель: Как ваше имя?
Розер: Розер, Поль.
Председатель: Вы клянетесь говорить без ненависти и страха, говорить правду, всю правду, и только правду? Поднимите правую руку и скажите: «Клянусь».

[*Свидетель поднял правую руку и повторил присягу на французском языке*]

Председатель: Вы можете сесть.
Дюбост: Ваше имя Поль Розер, Р-о-з-е-р?
Розер: Р-о-з-е-р.
Дюбост: Вы родились 8 мая 1907? Вы француз?
Розер: Француз.
Дюбост: Вы родились у французов?
Розер: У меня французские родители.
Дюбост: Вы были военнопленным?
Розер; Да.
Дюбост: Вы были взяты в плен в бою?
Розер: Да.
Дюбост: Когда это произошло?
Розер: 14 июня 1940 года.
Дюбост: Вы пытались бежать?
Розер: Да, несколько раз.
Дюбост: Сколько?
Розер: Пять раз.
Дюбост: Вы были переведены, в конце концов, в дисциплинарный лагерь?
Розер: Да.
Дюбост: Можете ли вы рассказать нам, какой распорядок был в этом дисциплинарном лагере. Назовите свое звание и укажите нам, какому обращению подвергались французы вашего звания в этих дисциплинарных лагерях и по каким причинам.
Розер: Охотно. Я был «аспирантом». Это звание французской армии между старшиной и младшим лейтенантом. Я был в различных дисциплинарных лагерях. Сначала в небольшом лагере близ Линцбурга в провинции Ганновер, который немцы называли «Штрафкоммандо». Это произошло в 1941 году. Нас было человек 30.

Летом 1941 года во время пребывания в этом лагере мы вновь пытались бежать. Охрана обнаружила нас как раз в момент выхода из лагеря. Мы, конечно, были без оружия. Немцы — наши охранники, — схватив одного из нас, хотели заставить его сказать, кто хотел совершить побег вместе с ним. Этот человек молчал. Тогда охранники на него набросились. Били его рукоятками револьверов по

лицу, штыками и прикладами ружей. В этот момент, не желая подвергать нашего товарища смертельной опасности, многие из нас добровольно признались. Меня начали бить штыками по голове, и я упал без сознания. Когда я пришел в себя, один из немцев прижал мою ногу коленом и продолжал меня бить, а другой, подняв свое ружье, хотел попасть мне в голову. Я спасся на этот раз только потому, что вмешались мои товарищи, которые бросились между немцами и мною. В эту ночь нас били в течение 3 часов прикладами ружей, штыками и рукоятками револьверов по лицу. Я три раза терял сознание.

Тем не менее, утром нас повели на работу. Мы копали рвы для осушения болот. Это была очень тяжелая работа, которая начиналась в 6 ч. 30 м. утра и заканчивалась в 6 часов вечера. Мы имели два перерыва, каждый по полчаса, и целый день нам ничего не давали есть. Вечером получали только суп, кусок хлеба, маленький кусок сосиски или два кубических сантиметра маргарина. Это было все.

После нашей попытки к бегству наша охрана оставила у себя абсолютно все вещи, которые в течение месяца нам присылали наши семьи. Мы не имели права писать и получать письма.

Через три с половиной месяца, в сентябре 1941 года, мы были включены в обычные «команды». Лично я в это время был очень сильно болен и вернулся в лагерь X-B в Зандбостеле.

Дюбост: Почему вы были подвергнуты особому обращению, несмотря на то, что вы были «аспирантом»?

Розер; Конечно, потому, что я пытался бежать.

Дюбост: Вы согласились работать?

Розер: Нет. Я, как и все мои товарищи «аспиранты» и как большинство младших офицеров, отказался работать, ссылаясь на положение Женевской конвенции, которую Германия подписала и которая предусматривает, что младшие офицеры-военнопленные не могут привлекаться к какой-либо работе без их согласия. Немецкая армия, в руках которой мы находились, можно сказать, никогда не соблюдала этого обязательства, взятого Германией.

Дюбост: Вы знаете о казнях, которые происходили в офлаге XI-B?

Розер: Я знаю о смерти многих французских и союзных военнопленных, в частности, в офицерском лагере XI-B, в Гроссборне, Померания. Французский лейтенант Робен, который с несколькими товарищами подготовил побег и прорыл для этого тоннель, был убит следующим образом: немцы узнали о том, что подготовлен тоннель. Капитан Бухман, который служил в лагерной администрации, с несколькими немецкими охранниками подстерегал бегущих у выхода. Лейтенант Робен, который выходил первым, был убит выстрелом в то время, когда он, несомненно, не мог ни на кого напасть и не мог защищаться.

Имели место и другие случаи такого же рода. Один из моих друзей, французский лейтенант Леду, который был послан в крепость Грауденц, где он был

в заключении в ужасных условиях, видел, как в их камере старший фельдфебель Острейх выстрелом из револьвера в затылок убил его лучшего друга — английского лейтенанта Энтони Томпсона. Лейтенант Томпсон как раз пытался совершить побег и был схвачен немцами на аэродроме. Лейтенант Томпсон служил в английских военно-воздушных силах.

Я хочу также сказать о том, что в лагере Раве-Русской в Галиции, где я провёл 5 месяцев, несколько из наших товарищей…

Дюбост: Скажите, почему вы были в Раве-Русской?

Розер: В течение зимы 1941/42 годов немцы хотели запугать, во-первых, младших офицеров, отказывавшихся работать, во-вторых, пытавшихся бежать и, в-третьих, заключенных из трудовых команд, которых уличали в саботаже. Немцы предупредили нас, что начиная с 1 апреля 1942 г. все пойманные беглецы будут направлены в специальный лагерь — в так называемый штрафной лагерь в Раве-Русской, в Польше.

После новой попытки к бегству я, приблизительно с двумя тысячами французов, был переведен в Польшу. Я оказался в лагере для военнопленных 12-А, где мы были разбиты на группы и помещены в вагоны. У нас отобрали шинели, ботинки и все те продукты, которые некоторым из нас удалось сохранить. Нас было от 53 до 56 человек в каждом вагоне. Путешествие длилось 6 дней. Вагоны обычно открывались только на несколько минут во время остановки в открытом поле. За 6 дней нам только 2 раза дали суп. Один раз в Оппельне — и этот суп был совершенно несъедобным — и второй раз — в Ярославе. В течение 36 часов мы ничего не пили, так как у нас не было посуды и нам негде было набирать воду.

Когда утром 1 июня 1941 г. мы прибыли в Раву-Русскую, мы встретили других французских военнопленных, большинство из которых находилось там несколько недель, и были совершенно обескуражены. Питание было значительно хуже, чем то, которое мы получали раньше. Никто не получал посылок из дому или от Международного Красного Креста.

В это время нас было в этом лагере приблизительно 12 или 13 тысяч человек. На все это количество людей был один кран, из которого в течение нескольких часов в день текла непригодная для питья вода. Это положение вещей продолжалось до тех пор, пока, кажется, в сентябре лагерь не посетили два швейцарских врача. Мы размещались в четырех казармах до 600 человек в каждой. Нары были расположены в три ряда, на каждого приходилось от 35 до 40 сантиметров.

Во время нашего пребывания в Раве-Русской были совершены многочисленные попытки к бегству: более 500 случаев за 6 месяцев. Многие из наших товарищей были убиты. Некоторые были убиты в тот момент, когда их замечал часовой. Несмотря на нашу скорбь, никто из нас не оспаривал права охраны в таких случаях, но часто происходили прямые убийства. В частности, 12 августа

1942 г. в «Коммандо Тарнополь» нашли солдата по фамилии Ловек со следами многочисленных и больших штыковых ран.

14 августа в «Коммандо Версинек» 93 француза прорыли подземный ход и совершили побег. Утром следующего дня трое из них, Конан, Ван ден Бош и Путрель, были настигнуты искавшими их немецкими солдатами. Немцы — капрал и двое рядовых — проверили личность этих трех французов и очень спокойно, без криков, заявили им: «Теперь мы вынуждены вас убить». Трое несчастных говорили о своих семьях, просили пощады. Немецкий капрал дал им ответ, который мы слышали очень часто: «Приказ есть приказ». Они немедленно убили двух из французских военнопленных — Ван ден Боша и Конана. Путрель, как сумасшедший, ринулся прочь, и случайно его не догнали. Через несколько дней он, тем не менее, был пойман в районе Кракова и привезен обратно в Раву-Русскую, где мы видели его в состоянии, близком к умопомешательству.

14 августа в «Коммандо Стрый» группа примерно в 20 военнопленных, сопровождаемых многими охранниками, шла на работу.

Дюбост: Прошу прощения. Речь идет о французских военнопленных?

Розер: В данном случае о французских военнопленных.

Идя вдоль леса, немецкий унтер-офицер, в течение некоторого времени сопровождавший двух военнопленных — Пьереля и Ондивьеля, отвел их в лес. Через несколько минут остальные услышали выстрелы. Пьерель и Ондивель были убиты.

20 сентября 1942 г. опять в «Стрые» еще одна бригада работала под надзором немецких солдат и немецких гражданских мастеров. Одному из французов удалось бежать. Немецкий унтер-офицер немедленно выбрал двух солдат из военнопленных, если я не ошибаюсь, их звали Саладен и Дюбеф, и расстрелял их на месте. Факты такого рода происходили и при других обстоятельствах. Их перечисление заняло бы очень много времени.

Дюбост: Можете ли вы рассказать об условиях, в которых пребывали отказавшиеся работать младшие офицеры, которые находились с вами в Раве-Русской?

Розер: Младшие офицеры, которые отказывались работать, находились в одной части лагеря, в двух огромных конюшнях, которые служили бараками. Они подвергались очень суровому режиму: частые переклички, поверки и упражнения, во время которых приходилось ложиться и вставать и которые очень изнурительны, если их часто повторять.

Однажды сержант Корбиян не подчинился немецкому капитану Фурнье. Тогда немецкий капитан сделал жест, и один из немецких солдат, которые были с ним, проткнул Корбияна штыком. Корбиян чудом избежал смерти.

Дюбост: Сколько из вас исчезло?

Розер: В Раве-Русской за 5 месяцев, которые я там пробыл, было похоронено приблизительно 60 товарищей, погибших от болезней или убитых при попытках к

бегству. Но до сих пор человек 100 из тех, которые были с нами и которые пытались бежать, не обнаружены.

Дюбост: Это все, чему вы были свидетелем?

Розер: Нет.

Я должен сказать, что пребывание в штрафном лагере Рава-Русская было связано с явлением еще более ужасным, чем то, что мы, военнопленные, видели или пережили. Мы были подавлены тем, что, как мы узнали, происходило вокруг нас. Немцы превратили район Львов — Рава-Русская во что-то похожее на огромное гетто. В этот район, где и так было много евреев, они привезли евреев из всех стран Европы. Каждый день, в течение пяти месяцев, за исключением перерыва около шести недель, приблизительно в августе и сентябре 1942 года мы видели, как в 150 метрах от нашего лагеря проходили 1 — 2, а иногда и 3 поезда, состоящих из товарных вагонов, в которых были скучены мужчины, женщины и дети. Однажды из этих вагонов раздался голос. Этот голос кричал: «Я из Парижа. Нас везут на бойню». Очень часто товарищи, которые выходили из лагеря на работу, находили трупы вдоль железной дороги. Мы туманно знали в то время, что эти поезда останавливались в Белжеце — местечке, расположенном приблизительно в 17 километрах от нашего лагеря, и что там происходили казни этих несчастных. Какими именно средствами, я не знаю.

Однажды, в июле 1942 года, мы всю ночь слышали очереди из ручных пулеметов и вопли женщин и детей. Наутро группы немецких солдат прочесывали ржаные поля рядом с нашим лагерем с винтовками наперевес в поисках спрятавшихся людей. Те из наших товарищей, которые в этот день вышли на работу, рассказывали нам, что они видели мертвых повсюду: в городе, в ручьях, в амбарах, в домах. Позднее некоторые из нашей охраны, которые участвовали в этом мероприятии, охотно объяснили нам, что в эту ночь было казнено и убито 2 тысячи евреев под предлогом, что двое эсэсовцев были убиты где-то в районе.

Позднее, в 1943 году, в первую неделю июня произошел погром во Львове, во время которого было убито 30 тысяч евреев. Я лично в это время не был во Львове, но несколько французских военнопленных врачей, например военный врач Гиге, врач-лейтенант Леван, рассказали мне о случившемся.

Председатель: Кажется, свидетель не закончит, и поэтому я думаю, что нам лучше прерваться до 2 часов.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: Я хочу объявить, что подсудимый Кальтенбруннер будет отсутствовать с вечернего заседания по причине болезни.

Дюбост: С разрешения трибунала, мы продолжаем допрос свидетеля Розера.

Господин Розер, вы нам давали сегодня утром показания, касающиеся погрома в районе Рава-Русская, при котором вы присутствовали, и хотели дать показания о другом погроме; вы нам объяснили, что один солдат, участвовавший в нем, рассказывал вам об этом. Не так ли?

Розер: Да.

Дюбост: Вы хотите рассказать о том, что слышали от него?

Розер: К концу 1942 года я был привезен в Германию и случайно вместе с одним французским врачом встретил шофера главного врача лазарета, где в то время я находился. Этот солдат, имя которого я забыл, сказал мне следующее:

> «В Польше, в одном из городов, название которого я также забыл, одного унтер-офицера из моего полка видели гуляющим с еврейкой; несколько часов спустя его нашли мертвым. Тогда, — рассказывал германский солдат, — вывели мой батальон. Часть батальона оцепила гетто. Остальные — две роты, куда входил и я, — ворвались в дома и стали выбрасывать через окна и имущество и жителей». Германский солдат закончил свой рассказ такими словами: «О, мой бедный друг, это было бесчеловечно, чудовищно». Мы спросили у него: «Как вы могли делать подобные вещи?» Он нам ответил обычными словами: «Приказ есть приказ».

Вот пример, о котором я хотел рассказать.

Дюбост: Вы стали рассказывать об обращении, которому подвергались русские заключенные, находившиеся до вас в лагере Рава-Русская, насколько я помню?

Розер: Да. Первый эшелон французов, который прибыл 14 или 15 апреля 1942 г. в Раву-Русскую, заменил собой там 400 русских военнопленных, которые остались в живых из 6 тысяч человек, умерших от тифа. Немногие из медикаментов, которые были обнаружены французскими врачами по прибытии в Раву-Русскую, остались от лазарета русских военнопленных. Там было лишь несколько порошков аспирина и немного других медикаментов; ничего не было для лечения тифозных больных. После пребывания в лагере русских больных там не было сделано никакой дезинфекции.

Я не могу рассказывать здесь обо всех этих несчастных русских, выживших в Раве-Русской, не испросив разрешения трибунала воспроизвести здесь страшное зрелище, представшее перед всеми нами, французами, которые находились осенью — зимой 1942 года в шталагах в Германии, обо всем, что мы увидели, когда стали прибывать первые партии русских пленных. Что касается меня, то я присутствовал при этом зрелище однажды в воскресенье; все это казалось мне неправдоподобным. Русские шли в колонне по 5 человек, держась за руки, так

как никто из них не в состоянии был передвигаться самостоятельно. Они были очень похожи на бродячие скелеты. Мы видели много фотографий депортационных лагерей и лагерей смерти, наши несчастные русские товарищи были точно в таком же положении с 1941 года. Их лица были даже не желтые, а зеленые, у них не было сил двигаться, они падали на ходу целыми рядами. Немцы бросались на них, били их прикладами ружей, избивали кнутом. Так как это происходило в воскресенье, в полдень, то заключенные в общем пользовались некоторой свободой, внутри лагеря, разумеется. При виде всего этого французы стали кричать, и немцы заставили нас возвратиться в бараки. В лагере русских тотчас же распространился тиф, из 10 тысяч прибывших в ноябре к началу февраля осталось 2500.

Это точные цифры. Они у меня из двух источников. Первое, от полуофициального источника, которым была лагерная кухня. На кухне висела таблица на которой немцы записывали смехотворно малые пайки и количество людей в лагере. Это число ежедневно уменьшалось на 80-100 в русском лагере. С другой стороны, французские товарищи работавшие в регистрационном отделе лагеря «Aufnahme», также знали цифры, и от них я узнал о цифре 2500 выживших в феврале. Позже, в особенности в Раве-Русской у меня была возможность видеть французских заключённых из всех частей Германии. Все те кто был в шталагах, то есть центральных лагерях, видели тоже самое. Русские военнопленные, еще не будучи мертвыми, были брошены в общую могилу. Мертвых и умирающих собирали между бараками и бросали в тележки. Первые дни мы еще видели трупы в тележках, но так как германскому коменданту было не очень приятно видеть, как французские солдаты приветствовали своих павших русских товарищей, впоследствии трупы покрыли брезентом.

Дюбост: Ваши лагеря охраняла германская армия или СС?

Розер: Вермахт.

Дюбост: Только германская армия?

Розер: Меня не охранял никто кроме германской армии и однажды Schutzpolizei,[299] после попытки побега.

Дюбост: И вас поймали?

Розер: Да.

Дюбост: Последний вопрос. Вас держали в ряде лагерей военнопленных в Германии, не так ли?

Розер: Да.

Дюбост: Во всех этих лагерях у вас имелась возможность исповедовать свою религию?

Розер: В лагерях…

Дюбост: Какова ваша религия?

Розер: Я протестант. В лагерях где меня содержали, протестантам и католикам в

[299] «Охранная полиция» - в Германии местная региональная полиция.

целом позволяли исповедовать свою религию. Но меня направляли в рабочие взводы, в частности в сельскохозяйственную группу в районе Бремена под названием «Майбург», я думаю, там был католический священник. В этой группе было шестьдесят человек. Католический священник не мог проводить мессу, ему не разрешалось.

Дюбост: Кем?

Розер: Охраной - Posten.

Дюбост: Которая являлась германской армией?

Розер: Да, всегда.

Дюбост: У меня к вам нет больше вопросов.

Председатель: Британский обвинитель желает задать какие-либо вопросы?

Британский обвинитель: Нет.

Председатель: Или Соединённые Штаты?

Американский обвинитель: Нет.

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать вопросы?

Нельте: Свидетель, когда вас взяли в плен?

Розер: Меня взяли в плен 14 июня 1940.

Нельте: В какой лагерь для военнопленных вас направили?

Розер: Меня сразу же направили в офлаг XI D, в Гроссборн-Вестфаленхоф в Померании.

Нельте: Офлаг?

Розер: Да.

Нельте: Какие правила довели до вас в лагере военнопленных по поводу попытки к побегу?

Розер: Нас предупредили о том, что нас застрелят и чтобы мы не пытались бежать.

Нельте: Вы думаете, что такое предупреждение согласуется с Женевской конвенцией?

Розер: Это, точно.

Нельте: Вы упоминали, если правильно расслышал, случай Робина из офлага XI D. Вы сказали, что там был офицер, который прорыл тоннель для того, чтобы сбежать из лагеря, и как только он выбрался из тоннеля, его застрелили. Верно?

Розер: Да, я так говорил.

Нельте: Вы пытались сбежать вместе с этими офицерами?

Розер: Я ранее говорил, что это относилось ко мне через лейтенанта Леду, который находился офлаге XI D, когда это случилось.

Нельте: Я лишь хотел установить, что этот офицер, Робин, встретил свою смерть при попытке побега.

Розер: Да, но здесь я кратко хочу указать на одну вещь, а именно, все военнопленные которые бежали, знали, что рискуют своими жизнями. Каждый кто пытался бежать, знал, что он рискует пулей. Но, одно дело, когда убивают при

попытке перелезть колючую проволоку, например, и другой дело, когда караулят и убивают в момент, когда ничего нельзя сделать, когда он невооружен и находится в чьей-то милости, как лейтенант Робин. Тоннель был маленьким, он полз на животе и был убит. Это не соответствует международным правилам.

Нельте: Я понимаю, о чем вы говорите, и вы можете быть уверены в том, что я уважаю всякого военнопленного который пытается выполнить свой долг как патриот. Однако в данном случае, свидетелем которого вы не были, я хочу отметить, что этот отважный офицер который покинул тоннель мог не ответить на запрос охраны и был застрелен.

Розер: Нет.

Нельте: Хотя вы привели яркое описание инцидента, я думаю это было плодом вашего воображения, потому что по вашим показаниям, вы не видели этого лично, это верно?

Розер: Не существует 36 разных способов выбраться из тоннеля, вы лежите на животе, вы ползёте и вас убивают до того как вы выбрались из тоннеля. Я называю это убийством.

Нельте: И затем вы видели офицера…

Председатель: Доктор Нельте, нам не нужны споры в перекрёстном допросе. Свидетель уже заявил о том, что он там не был и не видел этого, и он пояснил факты.

Нельте: Благодарю. Инцидент в отношении лейтенанта Томпсона мне не совсем понятен. В этом случае, мне кажется, вы сказали о том, что у вас не первоначальные сведения, а информация от друга. Верно?

Розер: Я не могу, но повторяю то, что говорил ранее. Я ссылался на историю французского лейтенанта Леду, который рассказал мне о том, что он был в крепосте Грауденц вместе с лейтенантом РАФ Энтони Томпсоном. Этот английский офицер сбежал из крепости. Его поймали на лётном поле, доставили в крепость, посадили в ту же камеру, что и лейтенанта Леду, и Леду видел как его убили выстрелом из револьвера в затылок. Леду назвал мне имя убийцы. Я думаю, я его называл, гауптфельдфебель Остерейх. Эту историю рассказал мне очевидец.

Нельте: Гауптфельдфебель Остерейх был охранником в лагере или к какому он принадлежал подразделению?

Розер: Я не знаю.

Нельте: Вам известно, что вы как военнопленный были вправе жаловаться?

Розер: Конечно, лично я знал о Женевской конвенции которую Германия подписала в 1934.

Нельте: Зная эти правила, вы также знали, не так ли, о том, что вы можете жаловаться командиру лагеря? Вы избегали этого?

Розер: Я пытался, но безуспешно.

Нельте: Могу я спросить у вас имя командира лагеря, который отказался вас

выслушать?

Розер: Я не знаю имя, но я скажу вам, когда я попытался жаловаться. Это было, когда я был в печально известной линцбургской штрафной команде в провинции Ганновер. Этот взвод относился к шталагу XC. Утром после ночи, которую я описывал, когда после безуспешной попытке бегства, нас били 3 часа подряд, некоторых из нас держали в бараках. Затем мы увидели непосредственного начальника командира взвода. Это был оберлейтенант, чье имя я не знаю, который видел наши увечья, в частности на голове, и он посчитал, что всё в порядке. Вечером мы пошли на работу. Когда мы вернулись в 7 часов мы пошли к майору, выглядившим очень достойно человеку, который также подумал, что если мы пытались сбежать, то было нормально то, что нас наказали. Что касается нашей жалобы, она не пошла дальше.

Нельте: Вам известно, что германское правительство имело с правительством Виши соглашение по вопросу военнопленных?

Розер: Да, я слышал о нём, но они не инспектировали такие взводы.

Нельте: Вы имеете в виду, что инспектировались только лагеря, но не рабочие взводы?

Розер: Были инспекции в рабочих взводах, но не в штрафных взводах в которых был я. В этом разница.

Нельте: Вы не всегда находились в дисциплинарном взводе, не так ли?

Розер: Нет.

Нельте: Когда вас направили в дисциплинарный взвод?

Розер: В апреле 1941, впервые. Это был взвод в который только кадеты и священники направлялись без видимой причины. Это был взвод штрафной команды Линцбург, в который не было визитов. В Раве-Русской был визит двух швейцарских докторов, я думаю, это был сентябрь 1942.

Нельте: В сентябре 1942?

Розер: Да, в сентябре 1942.

Нельте: Вы жаловались швейцарским докторам?

Розер: Лично я нет, но наш делегат смог поговорить с ними.

Нельте: И были какие-то результаты?

Розер: Да, конечно.

Нельте: Вы не думаете, что жалоба, поданная через командира лагеря могла быть успешной, если бы вы пожелали её подать?

Розер: У нас не было дружеских отношений с немецким штабом в Раве-Русской.

Нельте: Я не совсем вас понял.

Розер: Я сказал, что мы не дружили с немецким командиром в лагере Рава-Русская.

Нельте: Это не вопрос хороших отношений, а жалобы, которую можно подать официально. Вы так не думаете?

[*Свидетель пожимает плечами*]

Нельте: Когда вы покинули Рава-Русскую?
Розер: В конце октября 1942.
Нельте: Если я правильно помню, вы называли число жертв, которое наблюдали, не так ли?
Розер: Да.
Нельте: Сколько было жертв?
Розер: Эту цифру дал мне доктор Левин, французский доктор в Раве-Русской. Как я говорил, было около шестидесяти смертей в самом лагере, с добавлением сотни тех кто исчез.
Нельте: Вы говорите о французских жертвах или жертвах в целом?
Розер: Когда я был в Раве-Русской там были только французы, немного поляков и немного бельгийцев.
Нельте: Я задал вопрос, потому что официальный французский отчёт, который есть у меня, от 14 июня 1945 говорит о том, что жертвы насчитывали к концу июля, 14 французов и поэтому за период с августа по сентябрь количество показалось мне слишком высоким. Спасибо.
Председатель: Кто-либо из немецких защитников хочет задать вопросы свидетелю?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Господин Дюбост.
Дюбост: Я закончил с этим свидетелем, господин председатель. Если трибунал разрешит, я вызову ещё одного свидетеля, последнего.
Председатель: Минуточку, господин Дюбост, свидетель может удалиться.

[*Свидетель покидает место свидетеля*]

Председатель: Господин Дюбост, вы могли бы сказать трибуналу, собирается ли свидетель которого вы вызываете дать нам какие-либо показания иного рода нежели те которые нам уже дали? Вы должны помнить, что у нас имеется французский документ, о котором мы вынесли судебное уведомление – очень большой французский документ, я забыл номер, кажется 321, документ номер RF-321, у нас есть очень большой том доказательств об условиях в концентрационных лагерях. Этот свидетель собирается подтвердить что-нибудь новое?
Дюбост: Уважаемый суд, свидетель которого мы собираемся вызвать должен дать показания о ряде экспериментов очевидцем которых он был. Он даже предъявил некоторые документы.

Председатель: Эти эксперименты, о которых свидетель намерен рассказать есть в документе номер RF-321?
Дюбост: На них ссылаются, но подробно не сообщается. Более того, в виду важности придаваемой заявлениям свидетелей во французской презентации о лагерях, я значительно сокращу свою работу и откажусь от оглашения документальных доказательств, большое количество которых я просто приобщу после заслушивания свидетелей.
Председатель: Вызывайте свидетеля, но будьте с ним покороче.
Дюбост: Я постараюсь, господин председатель.

[*Свидетель доктор Альфред Балаховский*[300] *занимает место свидетеля*]

Председатель: Ваша фамилия, имя?
Балаховский: Альфред Балаховский.
Председатель: Вы француз?
Балаховский: Француз.
Председатель: Повторите слова присяги? Вы клянетесь говорить без ненависти или страха, говорить правду, всю правду и только правду?

[*Свидетель повторил присягу на французском языке*]

Председатель: Поднимите правую руку и поклянитесь.
Балаховский: Клянусь.
Председатель: Если желаете, можете сесть.
Дюбост: Ваша фамилия Балаховский, Альфред Б-а-л-а-х-о-в-с-к-и-й?
Балаховский: Так.
Дюбост: Вы — начальник одной из лабораторий института Пастера[301] в Париже?
Балаховский: Да.
Дюбост: Вы живете в Вирофлэ? Родились 15 августа 1909 г. в Короче, в России?
Балаховский: Да.
Дюбост: Вы — француз?
Балаховский: Да, фрацуз.
Дюбост: От рождения.
Балаховский: От рождения русский, француз по натурализации.

---

[300] Альфред Балаховский (1901 — 1983) — французский энтомолог русского происхождения, академик Французской академии наук (1967), ветеран Второй мировой войны, узник Бухенвальда, президент (с 1948) Французского энтомологического общества. В оккупированном Париже вёл агентурную работу в интересах британской разведки.
[301] Пастеровский институт, или Институт Пастера — французский частный некоммерческий научный институт в Париже, занимающийся исследованиями в области биологии, микроорганизмов, инфекционных заболеваний и вакцин. Назван в честь знаменитого французского учёного-микробиолога Луи Пастера, основателя и первого директора института. Институт был основан 4 июня 1887 года и открыт 14 ноября 1888 года.

Дюбост: В каком году?
Балаховский: в 1932 году.
Дюбост: Вы были угнаны 16 января 1944 г. после того, как вас арестовали в 1943 году, 2 июля, и вы пробыли 6 месяцев в тюрьме в Фресне, затем в Компьене? Затем вы были переправлены в лагерь Дора?
Балаховский: Да.
Дюбост: Вы можете нам коротко рассказать, что вы знаете о лагере Дора?
Балаховский: Лагерь Дора расположен в пяти километрах на север от города Нордхаузен на юге Германии. Этот лагерь рассматривался немцами как «секретная команда», откуда заключенные не могли больше выйти.

Эта секретная команда занималась изготовлением V-1[302] и V-2[303], летающие торпеды, которые немцы использовали против Англии. Поэтому Дора и был секретной командой. Этот лагерь подразделялся на две части: внешняя часть, которая включала 1/3 всего состава, находившегося а лагере, и 2/3 от числа заключенных находились на работах в подземном заводе. Следовательно, Дора был подземным заводом, где изготовлялись V-1 и V-2. В Дора я прибыл из Бухенвальда 10 февраля 1944 г.
Дюбост: Говорите немного медленнее. Когда вы прибыли в Дора из Бухенвальда…?
Балаховский: Я прибыл из Бухенвальда 10 февраля 1944 г., то есть в период, когда жизнь в лагере Дора была особенно тяжелой.

10 февраля нас, 76 мужчин, посадили на большой грузовик, заставив сидеть на корточках. 4 стражника из СС охраняли нас. Так как мы не могли все разместиться на грузовике, то всякий раз, когда кто-нибудь поднимал голову, он получал удар прикладом. Таким образом, за время этой поездки, которая длилась 4 часа, у нас оказалось несколько раненых.

Прибыв в лагерь, мы приблизительно сутки провели без пищи, на холоде, в снегу во время прохождения всех формальностей регистрации в лагере: заполнение карточек, фамилия, имя и т. д.

По сравнению с Бухенвальдом в Дора было много отличий, так как общее управление в лагере Дора было поручено особой категории заключенных, которые были уголовниками. Эти уголовники были у нас начальниками блоков. Они раздавали нам суп и надзирали за нами. Эти уголовники имели отличительный знак, зеленые треугольники, на котором была буква «С» черного цвета. Мы называли их Sicherheitsverband[304]. Эти преступники были осуждены германскими судами задолго до войны за различные преступления. Но вместо того, чтобы по истечении срока

---

[302] «Фау-1» (V-1 (Vergeltungswaffe Eins), А-2, Fi-103, «Физелер-103», FZG 76) — самолёт-снаряд (крылатая ракета), состоявшая на вооружении армии Германии в середине Второй мировой войны. Это название происходит от нем. Vergeltungswaffe-1 («оружие возмездия-1»).
[303] «Фау-2» (от нем. V-2 — Vergeltungswaffe-2, оружие возмездия; другое название — нем. A-4 — Aggregat-4, агрегат) — первая в мире баллистическая ракета дальнего действия, разработанная немецким конструктором Вернером фон Брауном и принятая на вооружение вермахта в конце Второй мировой войны.
[304] Группа безопасности (нем.)

наказания отсылать их домой, их оставляли в концентрационных лагерях с тем, чтобы осуществлять надзор за заключенными. Пробыв в тюрьме 5, 10 и даже 20 лет, проведя затем 5—10 лет в концлагерях, эти изгои не могли иметь надежду когда-либо выйти на свободу, но благодаря поддержке и сотрудничеству, которое им предлагало управление лагеря, они имели возможность сделать карьеру, если можно так выразиться. Эта карьера состояла в том, чтобы грабить, издеваться над другими заключенными и заставлять их давать возможно большую производительность труда. Они нас избивали с утра до вечера. Поднимали нас с 4 часов утра и требовали, чтобы в 5 минут мы были готовы. Спали мы в подземных помещениях, скученно, без вентиляции и свежего воздуха, в ужасной атмосфере, в бараках приблизительно такого размера, как этот зал, в котором мы находимся сейчас. В таком бараке содержалось от 3 до 3,5 тыс. заключенных, на нарах в пять этажей с гнилыми матрацами, которые никогда не менялись. Мы вставали и были готовы в 5 минут, так как мы спали не раздеваясь. С другой стороны, мы не могли спать потому, что ночью беспрестанно продолжались хождения взад и вперед. Также ночью совершались различного рода кражи у заключенных. Мы не могли спать и потому, что нас осаждали насекомые. Вообще в лагере Дора насекомых было страшно много. Было совершенно невозможно избавиться от вшей. В 5 минут мы выстраивались в туннеле и шли в том направлении, которое нам было указано.

Председатель: [*Свидетелю*] Пожалуйста, минуточку, господин Дюбост, вы сказали, что собираетесь вызвать данного свидетеля об экспериментах. Сейчас он приводит нам все те подробности о лагерной жизни, которые мы уже слышали по нескольким поводам.

Дюбост: До сих пор никто не говорил о лагере Дора, господин председатель.

Председатель: Да, но каждый лагерь о котором мы слышали, имел схожие жестокости, не так ли, судя по свидетелям которых вызывали?

Вы собирались вызвать свидетеля, потому что он собирался рассмотреть эксперименты.

Дюбост: Если трибунал убеждён в том, что все лагеря имели одинаковый режим, тогда моя мысль доказана, и свидетель сейчас даст показания об экспериментах в лагере Бухенвальд. Однако, я хотел показать, что все германские лагеря были одинаковыми. Я думаю это доказано.

Председатель: Если бы вы собирались доказать это, вам бы пришлось вызывать свидетелей из каждого лагеря, а их были сотни.

Дюбост: Вопрос, должно быть, доказан в силу единообразия системы которая образует вину этих подсудимых. В каждом лагере имелось одно ответственное лицо, которым был командир лагеря. Но мы не судим командира лагеря, а подсудимых находящихся на скамье подсудимых и мы судим их за умышленное…

Председатель: Я уже отмечал вам, что практически перекрёстного допроса не было, и я попросил вас ограничить данного свидетеля, насколько возможно, вопросом

экспериментов.

Дюбост: Свидетель ограничит себя экспериментами в Бухенвальде как того желает трибунал. Трибунал рассмотрит единообразие обращения во всех германских лагерях как доказанное.

[*Обращаясь к свидетелю*] Перейдите к изложению преступной практики, которую проводили немецкие врачи СС в концентрационных лагерях, преступной практики, проводившейся под предлогом научных экспериментов.

Балаховский: 1 мая 1944 г. я был вновь отправлен в Бухенвальд, где меня поместили в блоке номер 50, который в действительности был заводом по изготовлению вакцин против сыпного тифа. Перевод из Дора в Бухенвальд объясняется тем, что управление лагеря узнало о том, что я был специалистом по этим исследованиям, и хотело использовать мои знания для изготовления вакцин. Впрочем, я ничего не знал об этом до последнего момента.

Итак, начиная с 1 мая 1944 г., я находился в блоке номер 50 и оставался там до освобождения лагеря 11 апреля 1945 г.

Блок номер 50 находился под управлением врача штурмбаннфюрера Шулера[305]. Он осуществлял руководство этим блоком и нес ответственность за работы по изготовлению вакцин. Шулер руководил и другим блоком в лагере Бухенвальд. Другой блок, номер 46 — известный блок экспериментов, куда заключали людей для того, чтобы использовать их в качестве подопытных.

Секретариат был общим для обоих блоков. Поэтому все архивы, карточки для регистрации опытов, корреспонденция и все решения, которые относятсяк блоку номер 46, находились в одном секретариате блока номер 50.

Секретарем блока номер 50 был политзаключенный австриец Ойген Когон[306] — мой друг. Он и другие товарищи имели возможность рыться во всех архивах, за которые они несли ответственность, и могли таким образом знать изо дня в день, что происходило в блоках. Мне лично удалось захватить большую часть архива 46-го блока и сохранить даже журнал, в котором регистрировались эксперименты. Мы передали его психологической службе американских сил.

В этом журнале отражены все эксперименты, которые производились в 46-м блоке. Этот блок был создан в октябре 1941 г. комиссией, которая подчинялась отделу медицинской службы войск СС. И мы видели в качестве членов этого административного совета, ряд имен, таким образом, этот блок 46 находился в подчинении исследовательского отдела номер 5 (Versuchsabteilung номер 5 Лейпцига) верховного командования Ваффен-СС. Инспектор Мруговски, обергруппенфюрер Ваффен-СС был ответственным за данный отдел. Административный совет который создал блок 46 состоял из следующих членов:

---

[305] Эрвин Динг-Шулер (1912 — 1945) — немецкий врач и штурмбаннфюрер СС, проводивший эксперименты с тифом над людьми в концентрационном лагере Бухенвальд. Покончил жизнь самоубийством после ареста.

[306] Ойген Когон (1903 — 1987) — немецкий публицист, социолог, политолог. В 1939-1945 заключённый концентрационного лагеря Бухенвальд.

Доктор Генцкен[307] обергруппенфюрер (высшее звание в Ваффен-СС); доктор Поппендик[308], группенфюрер Ваффен-СС и наконец, мы видели в их числе доктора Хандлозера[309] из Вермахта и военной академии Берлина, который также был связан с началом экспериментов на людях.

Таким образом, в административном совете были члены СС и также доктор Хандлозер. Сами эксперименты проводились штурмбаннфюрером Шулером, но все приказы и директивы о разных типах экспериментов, о которых я вам расскажу отдавались Лейпцигом, то есть исследовательским отделом (Versuchsabteilung) Ваффен-СС. Таким образом, в этом не было никакой личной инициативы со стороны Шулера или руководства лагеря.

В отношении производства опытов все приказы приходили прямо от верховного командования из Берлина. Мы можем поэтапно проследить за проводившимися экспериментами, во всяком случае за некоторыми из них, с помощью карточек, записей о результатах, регистрационному номеру людей. Во-первых, проводились многочисленные опыты с сыпным тифом. Во-вторых, проводилось множество опытов с ожогами от фосфора. В-третьих, опыты с половыми гормонами. В-четвертых, опыты с авитаминозом. Наконец, в-пятых, надо отметить опыты судебно-медицинского характера. Итак, там было пять определенных типов опытов.

Дюбост: Люди, над которыми производились опыты, подвергались им добровольно?

Балаховский: Люди, над которыми производились опыты, набирались не только в лагере Бухенвальд, но и за его пределами. Они не были добровольцами, впрочем, до тех пор, пока они не входили в 46-й блок, в большинстве случаев они не подозревали, что над ними будут производиться опыты. Отбирали также из уголовников, число которых таким образом надеялись сократить; использовали и политзаключенных. Более того, производили отбор и среди русских военнопленных. Я должен сказать, что из числа политических и военнопленных, использовавшихся для экспериментов русских было большинство. Это объясняется тем, что организм русских по сравнению с другими заключенными, оказывал самую высокую сопротивляемость.

Русские могли хорошо выносить физические лишения, они лучше, чем другие, переносили голод, плохое обращение и всякие другие лишения. В силу этого

---

[307] Карл Генцкен (1885 — 1957) — один из руководителей медицины Третьего рейха, группенфюрер СС (30 января 1943) и руководитель санитарной службы войск СС. Американским трибуналом был приговорён к пожизненному заключению. Освобождён досрочно.

[308] Гельмут Поппендик (1902 — 1994) — нацистский врач, начальник штаба главного врача СС и полиции Рейха. Оберфюрер СС (1 сентября 1944). Американским трибуналом осуждён к 10 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[309] Зигфрид Хандлозер (1885 — 1954) — руководитель санитарной службы Вермахта. Один из подсудимых на Нюрнбергском процессе над врачами. Нацистский военный преступник. Американским трибуналом был приговорён к пожизнённому заключению. Освобождён досрочно.

русских политзаключенных набирали для опытов больше, чем западноевропейцев. Однако, среди подопытных было много лиц других национальностей, в частности, французов. Возвращаюсь теперь к вопросу проведения самих опытов.

Дюбост: Вы не излагайте, пожалуйста, слишком подробно, потому что мы не специалисты. Нам достаточно знать, что там производились бесчеловечные опыты над людьми, без их согласия. Покажите нам, какой жестокий характер они носили и к каким результатам приводили?

Балаховский: Эксперименты, которые производились в блоке номер 46, вне сомнения служили какой-то медицинской цели; но большинство из них никоим образом не могли служить делу науки, поэтому их невозможно даже называть экспериментами. Люди служили в большинстве случаев только объектами на которых наблюдалось действие медикаментов, ядов и т. д. Например, я хочу рассказать о вакцинах против сыпного тифа, для их изготовления нужны были бактериальные культуры тифа. Это не является необходимым для проведения научных опытов, которые проводятся в институте Пастера или в других научных институтах мира. Всегда можно найти больных тифом для того, чтобы взять у них кровь. Здесь же все было по-иному. Из таблиц и материалов которые у вас есть видно, что в блоке номер 46 мы смогли обнаружить 12 различных культур бактерий тифа, отмеченных буквами «Bu», что значит Бухенвальд, причем эти знаки шли от одного до двенадцати. Постоянный запас этих культур обеспечивался посредством передачи крови от больного к здоровому, то есть искусственной прививкой — уколом в вену вводилось от половины до одного $см^3$ зараженной крови, взятой у больного в разгар кризиса. Хорошо известно, что такая форма искусственной прививки тифа посредством укола в вену неизбежно вызывает смерть. Следовательно, все лица, которые использовались для получения бактериальной культуры, на протяжении всего периода с октября 1942 г. до освобождения лагеря, умерли, и мы смогли насчитать около 600 жертв, погибших только ради того, чтобы обеспечить запас бактерий тифа

Дюбост: Значит, их буквально умертвили, чтобы поддержать жизнь бактерий?

Балаховский: Да. Кроме того, здесь производились опыты по определению силы вакцин.

Дюбост: Это документ, который вы называли?

Балаховский: Этот документ представляет собой записи о культуре бактерий тифа.

Дюбост: Вы взяли его в лагере?

Балаховский: Да. Его содержание кратко записано мною в журнале регистрации экспериментов 46-го блока.

Дюбост: Этот документ вы передали нам?

Балаховский: В действительности мы подготовили более полный документ который находится у американской психологической службы так как у нас были все материалы, а здесь представлена только одна страница.

Дюбост: Я прошу трибунал отметить, что французское обвинение приобщает этот документ, документ номер RF-334, в качестве приложения к показаниям доктора Балаховского.

Балаховский: [*Продолжая*] Кроме того, в 1944 г. проводились эксперименты по определению силы вакцин. При этих экспериментах погибло 150 чел. Для германской армии использовались не только те вакцины, которые изготавливались в нашем блоке, но применялись и итальянские, датские и польские вакцины: Немцы хотели сравнить силу воздействия различных вакцин. С этой целью они в августе 1944 г. начали производить опыты над 150 чел., заключенными в 46-м блоке.

Я хотел бы вам рассказать, как функционировал 46-й блок. Этот блок был целиком изолирован и обнесен колючей проволокой. У заключенных не было перекличек и возможности проникнуть наружу, все окна были закрыты, рамы застеклены матовыми стеклами. Никто не мог пройти в блок без разрешения. Управление этим блоком было поручено заключенному — немцу, капо Дитчу[310]. Дитч был страшным человеком. Он отбыл 20-летнее заключение в тюрьме и работал на СС. Именно он делал уколы, прививки, казнил людей по приказу. Как это ни странно, в блоке имелось оружие: пистолеты, автоматы, гранаты. Они предназначались для того, чтобы подавить всякое неповиновение, которое могло возникнуть как внутри, так и вне блока.

Могу также сообщить, что в январе 1945 г. в список, который направили в Geschaftszimmer[311] где помечались различные заказы для блока, были включены 3 смирительных рубашки, предназначавшиеся для тех, кто оказывал сопротивление при производстве прививок.

Итак, я возвращаюсь к опытам с тифом и вакцинами. Вы увидите, в каких условиях проводились эти опыты.

150 заключенных разделили на 3 группы. С одной стороны — контрольная группа, с другой — те, над кем непосредственно проводились опыты. Только последним делали инъекции различных типов вакцин, которые нужно было испытать. Контрольной группе инъекций не делали. После вакцинации второй группы обеим группам делали прививки путем внутривенных инъекций. 15 дней спустя подопытные первой группы умирали. Что касается других лиц, которым ввели различные вакцины, они умирали по истечении определенного срока, в зависимости от силы вакцин. Некоторые вакцины давали прекрасные результаты с очень низким процентом фатальных исходов. Это были польские вакцины. Наоборот, другие вакцины приводили к более высокой смертности. После завершения экспериментов никому из выживших не позволи жить, согласно порядкам заведённым в блоке 46. Все выжившие в экспериментах были

---

[310] Артур Дитч (1901-1974) – капо и медбрат в блоке 46 концентрационного лагеря Бухенвальд. После войны был приговорён к тюремному заключению. Вышел на свободу в 1950.

[311] «Кладовку» (нем.)

«ликвидированы» и убиты в блоке 46, обычными способами которые вам уже описывали некоторые мои товарищи, то есть путём внутрисердечной инъекции фенола. Внутрисердечные инъекции 10 см^3 фенола являлись обычным методом уничтожения в Бухенвальде.

Председатель: Мы не рассматриваем здесь количество конкретных инъекций.

Балаховский: Повторите, пожалуйста?

Председатель: Как я сказал, мы не занимаемся здесь пропроциями в которых вводили инъекции и будьте любезны не рассматривать эти подробности.

Дюбост: Попытайтесь ограничиться, свидетель.

Балаховский: [*Продолжая*] Проводились также опыты психотерапевтического характера. Использовались химические средства для излечения тифа и все это в условиях 46-го олока. К этим опытам привлекалась германская промышленность, а именно в этих опытах принимала участие «I. G. Farbenindustrie[312]», которая предоставляла для опытов определенное количество медикаментов. Среди профессоров, которые поставляли эти медикаменты, зная, что они будут использованы в 46-м блоке, фигурировал профессор Лаутеншлегер[313] из Франкфурта.

Таким образом, я рассказал об опытах с сыпным тифом. Теперь я перехожу к опытам с фосфором, которые проделывались преимущественно над русскими заключенными. Ожоги фосфором делались по следующим причинам: некоторые бомбы, которые сбрасывала союзная авиация в Германии, вызывали много ожогов среди гражданского населения и военных, ожоги заживали плохо. Поэтому немцы хотели найти ряд медицинских средств, которые могли бы облегчить и ускорить лечение ран от ожогов. Стали производить опыты такого рода в 46-м блоке над русскими заключенными, которых специально обжигали веществами, содержащими фосфор, а затем лечили, применяя различные медикаменты, поставляемые германской химической промышленностью.

Что касается экспериментов с половыми гормонами…

Дюбост: Каковы были последствия этих опытов?

Балаховский: Все опыты кончались смертью людей, над которыми они производились.

Дюбост: Все опыты кончались смертью? Значит, каждый опыт можно приравнять к убийству, в котором повинны СС в целом?

Балаховский: Повинны те, кто создал это учреждение.

Дюбост: То есть эсэсовцы в целом и германская медицинская служба в частности?

Балаховский: Конечно, так как все приказы поступали из исследовательского

---

[312] И. Г. Фарбен, также И. Г. Фарбениндустри (нем. Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie AG — Объединение капиталов промышленности красильных материалов) — конгломерат германских концернов, созданных в 1925 году и ранее во время Первой мировой войны.

[313] Карл-Людвиг Лаутеншлегер (1888-1962) – член правления И.Г. Фарбен. Директор предприятия Хёст. В 1948 был оправдан американским трибуналом в Нюрнберге.

отдела номер 5, который находился в Лейпциге и соответственно от верховного командования Ваффен-СС.

Дюбост: Благодарю вас, Каковы последствия этих опытов с половыми гормонами?

Балаховский: Они менее серьезны. Впрочем, с научной точки зрения это нелепые опыты. В Бухенвальде было некоторое число гомосексуалистов, то есть людей, которые были осуждены за свой порок немецкими судами. Гомосексуалистов направляли в концентрационные лагеря, в частности, в Бухенвальд; они находились вместе с другими заключенными.

Дюбост: То есть вместе с так называемыми политзаключенными, которые в действительности были патриотами?

Балаховский: С различными категориями заключенных.

Дюбост: И все соприкасались с этими немцами, склонными к половым извращениям?

Балаховский: Конечно. Они носили треугольник розового цвета, который был их опознавательным знаком.

Дюбост: Соответствовало ли ношение треугольников установленному порядку или, наоборот, существовала неразбериха в классификации заключенных?

Балаховский: Сначала, судя по тому, что мне рассказывали, существовал определенный порядок в ношении треугольников; когда же я попал в Бухенвальд, с января 1944 г., здесь царил совершенный хаос, многие вообще не носили треугольников.

Дюбост: Либо носили треугольники цвета, принадлежащего другой категории заключенных?

Балаховский: Совершенно верно. В частности, так было со многими французами. Те французы, которые были присланы в Бухенвальд как уголовники, стали носить треугольники красного цвета, как политические.

Дюбост: Какого цвета треугольники носили германские уголовники?

Балаховский: У них был зеленый цвет.

Дюбост: А им в конце не были выданы красные треугольники?

Балаховский: Нет. Так как они обладали большими привилегиями, то они носили свой четко различимый зелёный знак.

Дюбост: И в рабочих группах?

Председатель: Мы слышали о том, что они все перемешались.

Дюбост: Трибунал не упустит тот факт, что эти вопросы поставлены для того, чтобы возразить вопросам которые задавал этим утром защитник с намерением запутать не трибунал, а свидетелей.

Балаховский: Я повторяю, что у нас был целый конгломерат национальностей и категорий заключённых.

Председатель: Это именно то, что он сказал, о том, что эти треугольники были перемешаны.

Дюбост: Я думаю, что заявление второго свидетеля определённо проливает свет на этот момент для трибунала, какие бы усилия защиты не были направлены на то, чтобы увести нас в сторону.

[*Обращаясь к свидетелю*] Можете ли вы нам рассказать о татуированных людях?

Балаховский: Да, в самом деле.

Дюбост: Пожалуйста, расскажите нам, что вам известно о них?

Балаховский: Татуированные человеческие кожи складывались во 2-м блоке, который назывался в Бухенвальде патологическим.

Дюбост: Много ли было татуированных человеческих кож в блоке?

Балаховский: В блоке всегда были человеческие татуированные кожи. Я не могу сказать точно, сколько их там было, так как они все время то поступали, то вывозились. Здесь были не только татуированные человеческие кожи, а также и дубленые кожи, которые были без татуировки.

Дюбост: Значит, кожу сдирали с людей?

Балаховский: Кожу снимали, а затем дубили.

Дюбост: Продолжайте ваши показания по этому вопросу.

Балаховский: Я видел эсэсовцев, которые выходили из блока (патологического блока) с дублеными кожами в руках; я знаю по рассказам моих товарищей, которые работали в патологическом блоке, что туда поступали заказы на кожи и эти дубленые кожи выдавались в качестве подарка некоторым охранникам и посетителям, которые использовали их для переплетов книг.

Дюбост: Нам известно, что Кох, который был начальником в это время, понес наказание за такую практику.

Балаховский: Я не был свидетелем действий Коха, это было до моего прибытия.

Дюбост: Следовательно, даже после его ухода все еще были татуированные и дубленые кожи?

Балаховский: Татуированные и дубленые кожи там находились постоянно, поэтому, когда американцы 11 апреля 1945 г. освободили лагерь, они обнаружили в блоке номер 2 татуированные и дубленые кожи.

Дюбост: Где дубили эти кожи?

Балаховский: Кожи дубили в блоке номер 2 и, возможно, в здании крематория, который был расположен недалеко от блока.

Дюбост: Согласно вашим показаниям, эта практика продолжалась и после Коха?

Балаховский: Да, но я не могу сказать, в каких размерах.

Дюбост: Видели ли вы кого-нибудь из крупных германских деятелей, которые приезжали в лагерь для его осмотра?

Балаховский: Я могу рассказать кое-что в отношении посещений, которые были в лагере Дора.

Дюбост: Простите, я должен задать вам еще один вопрос о кожах. Известно ли вам

об осуждении Коха?

Балаховский: Я знаю об осуждении Коха из рассказов моих товарищей, которые находились в лагере при Кохе, но лично я не был свидетелем по этому делу.

Дюбост: Неважно, нам достаточно знать, что после вынесения ему приговора продолжалось дубление кож.

Балаховский: Совершенно точно.

Дюбост: Вы утверждаете это?

Балаховский: Да. Даже после его осуждения можно было обнаружить татуированные и дубленые кожи.

Дюбост: Можете ли вы нам рассказать теперь, кто из видных германских деятелей приезжал в лагерь?

Балаховский: Связь между внешним миром, то есть германскими гражданскими и даже военными лицами, и концлагерем постоянно существовала. Некоторые политзаключенные получали отпуск и разрешение от СС провести некоторое время в своих семьях. С другой стороны, иногда в лагерь приходили представители германской армии. В 50-й блок приходили курсанты летного училища. Эти курсанты, и представители германской армии, могли видеть все, что там происходило.

Дюбост: Что они делали в 50-м блоке?

Балаховский: Они приезжали по приглашению штурмбаннфюрера Шулера, осматривали оборудование. В лагерь было сделано несколько таких визитов.

Дюбост: Какое оборудование?

Балаховский: Оборудование для приготовления вакцин, лаборатории и др.

Дюбост: Благодарю вас.

Балаховский: Были и другие посетители, например, в октябре 1944 года в наш блок приезжали медсестры из германского Красного Креста.

Дюбост: Знаете ли вы фамилии известных германских личностей, приезжавших в лагерь?

Балаховский: Известная личность, если хотите, принц Вальдек унд Пирмонт[314], который был обергруппенфюрером СС и высшим руководителем СС и полиции в Гессене и Тюрингии. Он несколько раз приезжал в лагерь и был в 46-м и 50-м блоках. Он особенно интересовался опытами.

Дюбост: Известно ли вам, каково было состояние заключенных незадолго до освобождения лагеря американскими войсками?

Балаховский: Заключенные в Бухенвальде предчувствовали, что они должны быть очень скоро освобождены. 11 апреля с утра в лагере был образцовый порядок. Несмотря на крайние трудности, удалось тайно спрятать оружие — ящики с

---

[314] Йозиас Георг Вильгельм Адольф, наследный принц Вальдек-Пирмонтский (1896 — 1967) — наследный принц Вальдек-Пирмонта, один из высших офицеров СС (6 октября 1938 года — 8 мая 1945 года), высший руководитель СС и полиции «Фульда-Верра» (Кассель).

гранатами и приблизительно 250 винтовок. Все это было разделено на две партии: в госпитале приблизительно 100 винтовок и в моем блоке — около 150 винтовок и ящики с гранатами. Как только американцы стали приближаться к Бухенвальду, 11 апреля, в 3 часа дня, политические заключенные, разбившись на отряды, схватили, а частью расстреляли сопротивлявшихся охранников СС лагеря. Этим охранникам было очень трудно бежать, так как они уносили тяжелые рюкзаки с добычей, то есть украденные вещи, то, что они украли у заключенных во время пребывания их в лагере.

Дюбост: Благодарю вас. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

Председатель: Мы прервёмся на десять минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать вопросы свидетелю?

Кауффман: Вы — специалист в области исследований по получению вакцин?

Балаховский: Да, я являюсь специалистом по проведению этих исследований.

Кауффман: Скажите, по вашему мнению, имело ли все то, что производилось там с людьми, какой-то смысл?

Балаховский: Это не имело никакого научного значения и имело лишь практическое значение: с помощью экспериментов проверяли эффективность действия ряда производимых веществ.

Кауффман: Но вы должны иметь свое собственное суждение относительно этого, так как вы сами видели этих людей; вы действительно видели этих людей?

Балаховский: Я очень близко соприкасался с этими людьми, потому что в 50-м блоке мне была поручена часть работы по производству вакцины, и в связи с этим мне хорошо известно, какого рода эксперименты производили в 46-м блоке и почему их производили. Я знаю также, что врачи СС были почти полным ничтожеством, и мы, поэтому могли без труда саботировать производство вакцины для германской армии.

Кауффман: Тогда это были действительно очень большие страдания, которые должны были испытывать люди перед смертью?

Балаховский: Конечно, эти люди невероятно страдали, особенно при ряде экспериментов.

Кауффман: Скажите, вы это также знаете только понаслышке, или вы это говорите на основании своего собственного опыта?

Балаховский: В 50-м блоке я видел фотографии ожогов, вызванных действием фосфора, и не нужно быть специалистом-врачом для того, чтобы представлять, что должны были испытывать люди, над которыми производили опыты, когда их тело прожигали до костей.

Кауффман: Так что ваша совесть была возмущена?

Балаховский: Совершенно верно.

Кауффман: Я спрашиваю вас, как же ваша совесть позволяла вам выполнять этот приказ, который не соответствовал вашему внутреннему убеждению, почему вы не помогали этим страдальцам?

Балаховский: Это объясняется исключительно просто. Когда я прибыл в лагерь Бухенвальд в качестве депортированного, я не скрыл своей профессии, я сказал только, что я «лаборант», то есть человек, знакомый с аппаратурой лабораторий, человек, не являющийся специалистом; я был направлен в Дора, там я потерял из-за режима, установленного СС, 30 килограммов за два месяца...

Кауффман: Господин свидетель! Я сейчас говорю только о Бухенвальде и ничего не хочу знать о Доре. Я спрашиваю...

Балаховский: Именно то, что заключенные Бухенвальда общались между собой, привело к тому, что меня заставили возвратиться в Бухенвальд. Господин Жюльен Кэн[315], директор французской Национальной библиотеки, сообщил обо мне германскому политическому заключенному Вальтеру Кюммельсхейму, который был секретарем в 50-м блоке. Кэн без моего ведома, привлек внимание к тому, что в Дора находится французский специалист, хотя сам я этого не говорил. Вот почему я был отозван СС из Дора, чтобы работать в 50-м блоке.

Кауффман: Простите, что я вас прерываю. Не будем слишком вдаваться в детали. Я думаю, что все рассказанное вами сейчас — правда, то есть то, почему вы попали в лагерь Дора и почему вернулись оттуда обратно. Но я хотел бы спросить о другом. Я еще раз поэтому спрашиваю. Вы же знали, что эти люди, говоря человеческим языком, просто были мучениками, правда это или нет?

Балаховский: Отвечаю на заданный вопрос. Когда я прибыл в 50-й блок, я ничего не знал ни об этом блоке ни о том, какие эксперименты там производили. Лишь в дальнейшем, когда я уже находился в 50-м блоке, я узнал со временем, после того, как я познакомился с рядом лиц, работавших там, подробности относительно экспериментов.

Кауффман: Хорошо. И после того, как вы узнали о всех деталях этих экспериментов постольку, поскольку вы являетесь врачом, неужели в вашем сердце не родилось чувства глубокой жалости к этим несчастным?

Балаховский: Я испытывал к ним большую жалость, но речь шла не о том, жалеть их или нет, так как надо было пунктуально выполнять данные приказы или в противном случае погибнуть.

Кауффман: Хорошо. Итак, вы говорите, что если бы вы в какой-то степени попытались не выполнить те приказы, которые давались, то вас бы убили? Верно это?

Балаховский: Это не вызывает ни малейшего сомнения. С другой стороны, моя

---

[315] Жюльен Кэн (1887 — 1974) — французский библиотечный деятель, искусствовед и историк. В 1944-1945 находился в концентрационном лагере Бухенвальд.

работа состояла в производстве вакцины и никогда ни я, ни какой-либо другой заключенный из 50-го блока не бывали в 46-м блоке и не были свидетелями экспериментов. О фактах, касающихся экспериментов, нам было известно лишь на основании регистрационных карточек, которые исходили из 46-го блока и проходили официальную регистрацию в 50-м блоке.

Кауффман: Да, но я думаю, что для совести человека нет большой разницы между тем, что вы являетесь свидетелем страданий или непосредственно знаете об этих страданиях. Я хочу задать другой вопрос.

Председатель: Вы сейчас задали вопрос? Не будете ли вы любезны сформулировать вопрос?

Балаховский: Простите, но я хотел бы ответить на последний вопрос.

Кауффман: Это не было вопросом. Я хочу задать другой вопрос.

Балаховский: В таком случае я хотел бы ответить на сделанные вами замечания.

Кауффман: Ваш ответ меня не интересует.

Балаховский: Но я настаиваю на том, чтобы мне разрешили ответить.

Председатель: Отвечайте на вопрос, пожалуйста.

Балаховский: Страдания в лагере имели место повсюду, а не только в блоке, где производили эксперименты. Они были в карантинных блоках, эти страдания испытывали все, кто находился в лагере. Эти люди умирали ежедневно по несколько сот человек. Царством мук и страданий были все концентрационные лагеря.

Кауффман: Скажите, существовали какие-либо инструкции относительно того, что об этих экспериментах вообще нельзя говорить?

Балаховский: В принципе эти эксперименты были совершенно секретными. Всякое неосторожное упоминание об экспериментах, могло быть немедленно наказано смертной казнью. И я должен добавить, что очень немногие знали подробности относительно экспериментов.

Кауффман: Господин свидетель, вы говорили об осмотрах лагеря, которые имели место, а также и о том, что медсестры от немецкого Красного Креста посещали лагерь, а также военнослужащие и что также имели место отпуска для некоторых политических заключенных. Скажите, вы когда-либо присутствовали при таком осмотре лагеря?

Балаховский: Я присутствовал при всех посещениях лагеря, которые были мною упомянуты.

Кауффман: Скажите, посетители этого лагеря видели, что производились инъекции в область сердца, или видели ли они, что дубились куски человеческой кожи? Скажите, присутствовали ли эти посетители при издевательствах?

Балаховский: Я не могу утвердительно ответить на этот вопрос. Могу указать лишь на то, что посетители проходили через мой блок. Чтобы попасть в него, нужно было пройти почти через весь лагерь. Я не знаю, куда могли пройти посетители до или после того, как они попадали в блок, в котором я находился.

Кауффман: Скажите, кто-либо из ваших товарищей, может быть, говорил вам о том, что эти посетители лично присутствовали при этих эксцессах? Да или нет?

Балаховский: Я не понимаю вопроса. Будьте добры, повторите его, пожалуйста.

Кауффман: Может быть, кто-либо из ваших товарищей говорил вам о том, что посетители лагеря сами присутствовали при подобных эксцессах?

Балаховский: Я ни разу не слышал о том, чтобы посетители присутствовали при совершении экспериментов или при подобного рода действиях. Единственное, что я могу сказать, говоря о дубленой коже, это то, что я своими глазами видел унтер-офицеров или офицеров СС, точно я не помню, были ли это унтер-офицеры или офицеры, которые выходили из 2-го блока с дубленой кожей в руках, но это были эсэсовцы, а не какие-либо другие посетители лагеря.

Кауффман: Скажите, эти посетители, особенно медсестры из Красного Креста, знали о том, что эти эксперименты с точки зрения медицины были совершенно бессмысленными, или они только хотели посетить лаборатории, осмотреть оборудование и т. п.?

Балаховский: Я еще раз говорю, что посетители входили в мой отдел лаборатории, где они видели то, чем там занимались, то есть заполнение пробирок в условиях стерильности, но я не могу сказать, что видели они до и после этого. Мне лишь известно, что посетители, о которых я говорю, — курсанты люфтваффе и представители из Красного Креста — осматривали все оборудование блока. Однако, они вне сомнения знали, каково происхождение этой культуры и могли предполагать, что эксперименты производились на людях, так как там имелись таблицы, графические изображения, которые отражали различные стадии развития культур. Правда, можно было подумать, что кровь брали у обычных больных тифом, а не больных, которые были заражены тифом искусственным путем.

Я искренне полагаю, что основной массе посетителей не были известны все жестокости, которые происходили в 46-м блоке. Но невозможно было для посетителей, которые проходили в лагерь, не увидеть того, в каком плачевном и ужасном состоянии находилась основная масса заключенных лагеря.

Кауффман: Наверное, вам известны люди, которые получали отпуск, то есть заключенные которым временно позволяли покидать лагерь, им позволялось говорить о своём опыте внутри лагеря и ссылаться на этот опыт во внешнем мире?

Балаховский: Все концентрационные лагеря, в конце концов, являлись транзитными лагерями. Заключённые постоянно менялись, переезжая из одного лагеря в другой, приезжали и уезжали. Соответственно всегда были новые лица. Но большую часть времени, кроме тех, кого мы знали до своего ареста, или немногих товарищей, мы ничего не знали о тех, кто приезжал и уезжал.

Кауффман: Наверное, я выразился непонятно. Я имею в виду следующее: вы говорили о том, что политические заключенные могли временно покидать лагерь. Знали ли эти заключенные о тех эксцессах, которые имели место в лагере, и если они

об этом знали, имели ли они право говорить об этом в Германии?
Балаховский: Очень немногим политическим заключенным, причем исключительно немцам, разрешали отлучаться из лагеря. Это были заключенные, которым эсэсовцы доверили ответственные должности в лагере и которые находились в лагере не менее десяти лет. Это, например, был «капо» Карл, начальник столовой войск СС, который отвечал за эту столовую. Он получил двухнедельный отпуск для того, чтобы посетить свою семью в Цейтц. Этот «капо» находился на свободе в течение десяти дней и мог рассказать своей семье все, что знал, но я абсолютно не знаю, делал он это или нет.
Кауффман: И последний вопрос. Если считать, что люди, о которых вы здесь говорили, все-таки говорили что-либо своим семьям, даже пусть с условием хранить все в тайне, но руководство лагеря узнало бы об этом, не думаете ли вы, что в результате этого могли последовать даже смертные казни?
Балаховский: Безусловно, если семьи не хранили это в тайне (так как такие рассказы могли повторить при знакомых) и об этом узнали бы эсэсовцы, в данном случае, безусловно, заключенным грозила смертная казнь.
Кауффман: Благодарю вас.
Председатель: Кто-либо из защитников желает задать какие-либо вопросы?
Бабель: Я протестую против заявления обвинителя о том, что я пытался запутать свидетелей своими вопросами. Меня здесь не волнует хорошее мнение или же пресса, а моя обязанность в качестве адвоката…
Председатель: Вы говорите слишком быстро.
Бабель: [*Продолжая*] …по моему мнению, никому нельзя усложнять процесс – даже прессе.

Эта война принесла столько несчастья и горя, что у меня нет никакой причины обелять кого-либо кто являлся ответственным за эти личные страдания или за несчастья павшие на наш народ. Я не пытаюсь предотвратить наказание такого человека. Меня интересует лишь помощь трибуналу в установлении правды, чтобы были вынесены справедливые приговоры и чтобы невиновных не осудили.
Председатель: Будьте любезны занять своё место. Вам не уместно произносить речь. Вы произносите речь, как я это понимаю, сейчас не время для этого.
Бабель: Я посчитал это нужным, потому что я не защищен от упреков обвинения.

[*Господин Бабель отходит от трибуны к своему месту*]

Председатель: Минуточку, вернитесь. Я не знаю, что вы имеете в виду в связи с защитой. Ну же! Послушайте. Я не знаю, что вы имеете в виду под защитой от обвинения. Обвинение вызвало данного свидетеля и подсудимые имеют полнейшую возможность проводить перекрёстный допрос и мы понимаем, что вы пришли в трибунал для цели перекрёстного допроса свидетеля. Я не понял ваш протест.
Бабель: Ваша честь, к сожалению, я не знаком с судебной процедурой заведённой в

Англии, Америке и других странах. В соответствии с германским уголовным кодексом и германскими процессуальными нормами, заведено, что неоправданные и необоснованные нападки такого рода против участника процесса пресекаются председательствующим. Поэтому я ожидал, что наверное это же будет сделано и здесь, но этого не случилось, я воспользовался…Если я это сделал, я нарушил правила судопроизводства, я прошу прощения.

Председатель: О каких несправедливых обвинениях вы говорите?

Бабель: Обвинитель, заявил о том, что я, задавая вопросы свидетелям, рассчитывал их запутать, для того, чтобы не позволить дать им правильные показания. Это обвинение против защиты является оскорблением для нас, по крайней мере, для меня – я не знаю об отношении других защитников.

Председатель: Боюсь, я не понял, о чём вы говорите.

Бабель: Ваша честь, извиняюсь. Я думаю, я не смогу убедить вас, так как, наверное, вам не известны аспекты германского менталитета, так как наши германские правила совершенно другие. Я никоим образом не желаю упрекать нашего председателя. Я лишь хотел отметить, что считаю такое обвинение несправедливым и отвергаю его.

Председатель: Доктор Бабель, я понял, что вы сказали о том, что обвинитель что-то вам сказал? Итак, что вам сказал обвинитель?

Бабель: Обвинитель сказал о том, что я хотел запутать свидетелей своими вопросами, что по моему мнению означает, что я делаю что-то неправильно. Я здесь не для того, чтобы путать свидетелей, а для того, чтобы содействовать суду в установлении правды, и этого не сделаешь, запутывая свидетелей.

Председатель: Теперь я понял. Я не думаю, что обвинитель хотел обвинить ваше профессионально поведение. Если это всё, что вы хотели сказать, я понял, о чем вы хотели высказаться. Вы хотите задать свидетелю какие-либо вопросы?

Бабель: Да, у меня есть один вопрос. (*Обращаясь к свидетелю*] Вы свидетельствовали о том, что оружие, 50 ружей, если я правильно понял, были доставлены в блоки 46 и 50. Кто принёс это оружие?

Балаховский: Мы, заключённые, принесли их и спрятали.

Бабель: С какой целью?

Балаховский: Чтобы спасти свою шкуру.

Бабель: Я вас не понимаю.

Балаховский: Я сказал, что мы спрятали эти ружья, потому что мы надеялись продать свои души подороже в последний момент – то есть, защищаться до смерти нежели быть уничтоженными, как и большинство наших товарищей в лагерях, огнемётами и пулемётами. В таком случае мы бы защищали себя спрятанными ружьями.

Бабель: Вы сказали «мы заключённые», кто были эти заключённые?

Балаховский: Интернированные внутри лагеря.

Бабель: Какие интернированные?

Балаховский: Мы, политические заключённые.
Бабель: В основном это были немецкие заключенные концентрационного лагеря?
Балаховский: Они были всех национальностей. В тайне от СС, внутри лагеря существовала тайная оборонительная организация с ударными батальонами.
Бабель: Были немецкие заключённые концентрационного лагеря которые хотели вам помочь?
Балаховский: Немецкие заключённые также находились в этих ударных батальонах – немецкие политические заключённые, и в особенности бывшие немецкие коммунисты которых посадили на 10 лет и которые в конце оказывали большую помощь.
Бабель: Что же, это я и хотел знать. Значит за исключением уголовников которые носили зелёный треугольник, вы и другие заключённые, даже немецкого происхождения, находились в дружеских отношениях и помогали друг другу, верно?
Балаховский: Вопрос «зелёных» не возник, потому что СС эвакуировало «зелёных» в последние несколько дней перед освобождением лагеря. Они уничтожили большую их часть, во всяком случае, они покинули лагерь, и мы не знаем, что с ними стало. Несомненно, они всё ещё прячутся среди немецкого населения.
Бабель: Мой вопрос не относится к лицам с зелёными нашивками, а к вашим отношения с немецкими политическими заключёнными.
Балаховский: Политические заключённые, были они немцы, французы, русские, голландцы, бельгийцы или люксембуржцы, сформировали внутри лагеря тайные ударные батальоны которые подняли оружие в последнюю минуту, и приняли участие в освобождении лагеря. Оружие которое спрятали пришло с фабрики вооружений Густлофа, которая находилась рядом с лагерем. Это оружие было украдено рабочими с фабрики, которые каждый день приносили либо приклад в одежде, или ствол, или казённик. И в тайне, еще труднее, оружие собирали в разных местах и прятали. Это оружие мы использовали в последние дни в лагере.
Бабель: Спасибо. У меня больше нет вопросов.
Председатель: Кто-нибудь из других немецких защитников желает задать какие-либо вопросы? У вас есть вопросы господин Дюбост?
Дюбост: Ваша честь, у меня больше нет вопросов.
Председатель: Тогда свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Дюбост: Эти два дня показаний избавили меня от дальнейшего оглашения документов, поскольку выглядит установленным в глазах трибунала, что эксцессы, плохое обращение и преступления которые наши свидетели описали вам, происходили постоянно и являлись одинаковыми во всех лагерях, и поэтому имеются доказательства высшей воли исходившей от самого правительства,

систематической воли к уничтожению и террору от которых пострадала вся оккупированная Европа.

Поэтому я приобщаю для вас, не оглашаю их, документы которые мы собрали, и ограничиваюсь кратким анализом того, что они вам дают…

Председатель: Господин Дюбост, вы конечно же понимаете, что трибунал удовлетворён доказательства которые были заслушаны к настоящему моменту, но конечно же он ожидает заслушивания доказательств, или может быть заслушивания доказательства подсудимых, и естественно он воздержится от своего приговора до того как он заслушает эти доказательства, как я отмечал вам вчера, я думаю, согласно статье 24 е устава, у вас будет возможность обратиться к трибуналу, если вы считаете, что необходимо представить доказательства в опровержение в ответ на любые доказательства подсудимых. Все о чём я говорю, это то, что трибунал в настоящее время не выносит решение. Он ожидает заслушивания доказательств защиты.

Дюбост: Господин председатель, я вас понял, но я думаю, что доказательства представленные нами в форме показаний в ходе этих двух дней составляют значительную часть обвинения. Они позволят нам сократить презентацию наших документов из которой мы просто представим анализ или самые короткие фрагменты.

Мы остановились на рассмотрении того, как производилась переброска угоняемых в Германию.

Для установления, кто именно из подсудимых несет личную ответственность за этот угон, я предъявляю документ, подписанный Йодлем, в котором он приказывает депортировать евреев из Дании. Среди наших документов этот документ фигурирует под номером RF-335.

Это телеграмма, переданная обычным путем с грифом «секретно». Второй абзац этого документа гласит:

«Угон евреев должен быть произведен по распоряжению рейхсфюрера СС, который для этого отправит в Данию два батальона.

Подпись: Иодль».

В этом случае незаконный акт был совершен лицом, представлявшим военное командование и германский генеральный штаб. Следовательно, ответственность за эти преступления ложится на генеральный штаб и Йодля.

Мы предъявляли на заседании в пятницу вечером выдержку из доклада голландского правительства под номером RF-324, в которой говорится о голландских евреях, помещённых в лагерь в Вестерборке. В докладе говорится:

«Все голландские евреи, которых захватили немцы… были собраны в лагере в Вестерборке... Постепенно все заключенные лагеря в Вестерборхе были вывезены в Польшу».

Следует ли напоминать, каковы были последствия транспортировки,

производившейся в условиях, которые были вам описаны свидетелями, если уже трое свидетелей показали, что каждый раз, когда открывали вагоны, из них прежде всего вытаскивали многочисленные трупы, для того чтобы обнаружить за ними нескольких человек, оставшихся еще в живых.

Французский документ F-115, RF-336, является отчетом профессора Рише. В нём профессор Рише подтверждает сказанное свидетелями о том, что заключенные находились от 75 до 120 человек в вагоне и что в каждой перегоняемой партии умирали находившиеся в ней люди. В Бухенвальде, как правило, обнаруживали, что по меньшей мере 25 процентов людей погибали в пути между Компьеном и лагерем, то есть во время переезда, длившегося около 60 часов. Это свидетельское показание находится в соответствии с показаниями о положении заключенных в других лагерях (показания Блаха, госпожи Вайян-Кутюрье и профессора Дюпона).

Показания Блаха также фигурируют в предъявленной вам книге документов под номером PS-3249.

Получила печальную известность переброска заключенных в Дахау и другие лагеря, производившаяся в августе-сентябре 1944 года, главным образом из лагерей в Бретани, когда из каждой партии в 2 тысячи человек умирали в пути от 400 до 500 человек. Эти сведения почерпнуты нами из документа F-140. На первой странице этого документа говорится об Освенциме следующее: «Около 4 миллионов человек умерли в этом лагере». В документе F-174 на странице 15 указывается, что в эшелоне, который отбыл из Компьена 2 июня 1944 г., некоторые заключенные сошли с ума и между ними началась драка; здесь указано также, что более 600 человек умерли во время переезда из Компьена в Дахау. Об этой партии заключенных говорится и в следующем документе, F-83, который мы предъявляем под номером RF-337. Это отчет доктора Бувье из Реймса от 20 февраля 1945 года. В документе говорится, что к моменту, когда они доехали до Реймса, заключенные были уже полумертвыми от жажды: «Восемь человек находившихся при смерти, один из которых был церковнослужителем, уже в Реймсе были вынесены из вагона». Этот состав направлялся в Дахау. К моменту, когда состав находился в нескольких километрах от Компьена, в каждом вагоне уже умерло много людей.

Документ F-32, экземпляр номер RF-331, страница 21, содержит много других примеров жестоких условий в которых наши сограждане перевозились из Франции в Германию.

> «На вокзале в Бремене представители германского Красного Креста отказались выдать нам воду...
>
> Мы умирали от жажды. В Бреслау заключенные вновь умоляли сестер из германского Красного Креста выдать немного воды. Они не вняли нашим мольбам».

Для того чтобы воспрепятствовать попыткам к бегству, принимали самые

постыдные меры: заключенных очень многих партий заставляли снимать с себя всю одежду, они совершенно раздетыми совершали длительный переезд из Франции в Германию. Свидетельством этого является уже предъявленный трибуналу документ под номером RF-301. Это — брошюра, на странице 17 которой говорится:

> «Одно из средств, которое использовали для того, чтобы воспрепятствовать бегству, или к которому прибегали в качестве карательной меры по отношению к заключенным, состояло в том, что заключенных заставляли полностью раздеваться». И далее автор брошюры добавляет:
>
> «Эта репрессалия вызвана также стремлением нацистов добиться моральной деградации личности заключенных».

В наиболее сдержанных свидетельских показаниях говорится о том, что зрелище, которое представляли собой голые мужчины, находившиеся в обстановке такой скученности, что они едва могли дышать, было ужасным. Когда, несмотря на предостережения происходили побеги, заложников выводили из вагонов и расстреливали. Показания об этом имеются в этом же документе – пятеро депортированных были казнены:

> «Таким образом, пять депортируемых из поезда, который следовал 15 августа 1944 г., было захоронено близ Монморанси. В Домпреми немецкие полицейские и офицеры из Вермахта застрелили пятерых других депортируемых из той же партии».

В дополнение к оглашенной цитате следует привести уже предъявленный вам другой официальный документ под номером F-321, RF-331.

> «Было спешно отобрано несколько молодых людей. Когда они подходили ко рву, каждый полицейский хватал одного заключенного, ставил его лицом к стенке рва и стрелял в затылок из пистолета».

То же происходило в отношении лиц, которых угоняли из Дании. Датских евреев подвергали особенно жестоким избиениям. Часть из них была вовремя предупреждена и смогла бежать в Швецию, причем им была оказана помощь датскими патриотами, но, к несчастью, от 8 до 9 тысяч человек было захвачено немцами и вывезено. 475 человек из их числа было вывезено в бесчеловечных условиях на судах и грузовиках в Богемию, Моравию и в Терезиенштадт. Это явствует из датского документа, предъявленного под номером F-666, RF-388.

В связи с этой страной необходимо проинформировать трибунал о депортации пограничной охраны:

> «Однако в большинстве мест, полицейских увольняли как только они разоружались. Только в Копенгагене и крупных провинциальных городах в которых они оставались, и частично по морю, частично в товарных вагонах их увозили на юг Германии.
>
> Полицейских через Нойенгамме забирали в концентрационный лагерь

Бухенвальд. Они размещались в неописуемой антисанитарии, многие из них заболели, около сотни полицейских и пограничников умерли, у многих остались следы от пребывания там».

В связи с угоном населения все жители порабощенных стран Западной Европы оказались вместе со своими товарищами по несчастью с Востока в концентрационных лагерях Германии. Эти лагеря были средством реализации политики уничтожения, которую проводила Германия после того, как власть в ней захватили национал-социалисты. Употребляя слова Гитлера, эта политика истребления проводилась в целях предоставления для 250 миллионов немцев места в Европе на соседних с Германией территориях, которые составляют «жизненное пространство» Германии.

В последующее время полиция и германская армия не расстреливали более заложников, как в первый период оккупации, но тем не менее ни армия, ни полиция не щадили их. С 1943 года их угоняли все в большем и большем количестве в концлагеря Германии, где предпринималось все возможное, чтобы истребить их, используя на непосильных работах и уничтожая в газовых камерах.

Перепись, которая была нами произведена, позволяет утверждать, что из Франции было вывезено более 250 тысяч человек и только 35 тысяч человек возвратилось. В документе F-497, предъявленном под номером RF-339, указывается, что на 600 тысяч арестов, которые были произведены немцами во Франции, 350 тысяч имели целью заключение под стражу во Франции и в Германии.

«Общее число угнанных —250 тысяч. Число депортированных, которые возвратились, —35 тысяч».

На следующей странице указаны имена ряда видных французских деятелей, которые были угнаны.

«Префекты: господин Буссьер, господин Боннефэ[316], пропал в Кап Арконе, генералы: де Лестранж[317], казнён в Дахау; Жоб, казнён в Аушвице; Фрер, умер в Штрутгофе; Барди де Форту[318], умер в Нойенгамме; полковник Роже Масс, умер в Аушвице.

«Высокопоставленные чиновники: маркиз Мустьер[319], умер в Нойенгамме; Булош, генеральный инспектор дорог и мостов, умер в Бухенвальде; его жена умерла в Равенсбрюке, один из его сыновей умер в ходе депортации, второй сын единственный вернулся из

---

[316] Эдуард Боннефэ (1899 – 1945) – французский политик. Занимал должности префекта ряда французских департаментов. В 1944 был арестован за сотрудничество с движением Сопротивления. Убит в ходе налёта английской авиации.

[317] Шарль де Лестранж (1879 – 1945) – французский генерал. С 1940 в отставке. За контакты с движением Сопротивления был арестован. Убит в концентрационном лагере Дахау.

[318] Альбер Барди де Форту (1866-1945) – французский генерал. Руководитель одной из ячеек движения Сопротивления.

[319] Леонель де Мустьер (1882 – 1945) – французский политик и предприниматель. Участник движения Сопротивления. Умер после освобождения из концентрационного лагеря.

Флоссенбурга[320]; Жан Хевез, инженер по мостам и дорогам, пропал в Нордхаузене; Пьер Блок, инженер по мостам и дорогам, умер в Аушвице; госпожа Геттин, основательница социальной службы во Франции, пропала в Аушвице.

В числе профессоров университетов, имена известные во Франции, такие как: Анри Масперо[321], профессор College de France[322], умер в Бухенвальде, Жорж Бруа[323], директор Ecole Normale Superieure[324], умер в Ораниенбурге, профессор Виль умер в Бухенвальде…»

Невозможно перечислить имена всех деятелей французской науки, которые явились жертвами нацистской ярости. Тем не менее мы должны указать среди деятелей медицины на пропавших без вести директора госпиталя Ротшильда и профессора Флоренса, один из которых был убит в Освенциме, а другой — в Нойенгамме.

В Голландии было арестовано 110 тысяч граждан из числа евреев, из них только 5 тысяч человек возвратились. Из 16 тысяч арестованных патриотов голландцев возвратились лишь 6 тысяч человек. Из общего числа угнанных, 126 тысяч человек, возвратились на родину после освобождения страны 11 тысяч человек.

Из Бельгии было угнано 197 150 человек, а включая военнопленных —250 тысяч.

Из Люксембурга было угнано 7 тысяч человек, в том числе более 700 евреев и 4 тысячи люксембуржцев, из них 500 человек умерли.

В Дании (экземпляр номер RF-338, документ номер F-666, которые уже представлены) было арестовано 6104 человека, из которых умерли 583 человека.

Лагеря находились как в Германии, так и за ее пределами. Большинство лагерей вне Германии служило, как уже это было мною указано, для отбора заключенных. Тем не менее, ряд таких лагерей действовал подобно лагерям в Германии. Среди них следует указать на лагерь в Вестерборке, в Голландии, о

---

[320] Флоссенбург — концентрационный лагерь СС в Баварии возле города Флоссенбюрг на границе с Чехией. Был создан в мае 1938 года. Располагался на небольшом горном плато на высоте 800 метров над уровнем моря. За время существования лагеря через него прошли около 96 000 заключённых, из них более 30 000 скончались.

[321] Анри Масперо (1883 года — 1945 года) — французский синолог, профессор. Внёс вклад в различные темы научных исследований Восточной Азии. Наиболее известен как первый европейский исследователь даосизма.

[322] Коллеж де Франс — парижское учебно-исследовательское учреждение на площади Марсуля-Бертло в Латинском квартале 5-го округа французской столицы, предлагающее бездипломные курсы высшего образования по научным, литературным и художественным дисциплинам.

[323] Жорж Бруа (1887 – 1945) – французский физик. Был арестован за участие в движении Сопротивления. Умер в концентрационном лагере.

[324] Высшая нормальная (педагогическая) школа (фр. École normale supérieure; другие названия: «ENS Ulm», «ENS de Paris», «Normale Sup» или просто «Ulm») — французское государственное учреждение в сфере высшего образования во Франции в подчинении министерства высшего образования и научных исследований Франции. Высшая нормальная школа — одно из самых престижных высших учебных заведений Франции, для поступления в которое необходимо по окончании лицея проучиться несколько лет в специальных подготовительных классах («les classes préparatoires»), чтобы затем пройти строгий конкурсный отбор.

котором говорится в документе F-224, RF-324. Этот документ является докладом голландского правительства. О находившемся также в Голландии лагере в Амерсфюрте говорится в документе F-677, который будет предъявлен под номером RF-344. Это документ 11 в книге документов.

Нам уже известно на основании свидетельских показаний очевидцев, каков был режим в нацистских концентрационных лагерях, и это освобождает нас от необходимости оглашать полностью этот доклад, который к тому же довольно объемист и не дает каких-либо новых примечательных данных по вопросу о режиме, установленном в лагерях.

В Голландии имелся также лагерь в Вугте, в Норвегии — лагеря в Грини, Фальстаде, Вльвене, Эспеланде и Сидсписсене, описание которых дается норвежским правительством в представленной вам первой книге документов F-240, RF-292.

Лагеря как внутри, так и вне Германии, если они не являлись пересыльными, были разделены на три категории, в соответствии с германскими инструкциями, которые попали в наше распоряжение. Вы обнаружите эти инструкции на 11-й странице предъявленной вам второй книги документов, страницы которой размечены в последовательном порядке, для того, чтобы облегчить вам ваши поиски. Это документ PS-1063, USA-462. Он находится на 11-й странице предъявленной второй книги документов. Читаю:

> «Рейхсфюрер СС и глава германской полиции дал согласие подразделить концлагеря на категории в зависимости от того, кем являются лица, находящиеся в заключении, и опасности, которую они представляют для государства».
>
> Категория 1: Для всех заключённых обвинённых в незначительных правонарушениях…
>
> Категория Ia: Для пожилых заключённых и тех кто способен работать в особых условиях.
>
> Категория 2: Для заключённых с более тяжкими обвинениями, пригодными для перевоспитания и исправления.
>
> Категория 3: Для злостных правонарушителей обвиняемых в особенно тяжких преступлениях…».

2 января 1941, день этого документа, германская администрация, разделив лагеря на три категории, отнесла германские лагеря во всей Германии к каждой категории. Мне кажется излишним обращаться к географическому положению этих лагерей в Германии, поскольку мои американские коллеги, при помощи географических карт уже полностью рассмотрели данный вопрос.

Организация и деятельность этих лагерей были определены в соответствии с двумя задачами, которые преследовались. Первая заключалась в восполнении недостающей рабочей силы для получения максимальной производительности труда

с минимальными затратами. Это видно из документа, который будет предъявлен под номером F-285, RF-346. Я не зачитываю его полностью, а только со страницы 14 вашей второй документальной книги, я оглашу первый абзац:

«В силу военных соображений, - он датирован 17 декабря 1942 и совпадает с трудностями которые возникли в ходе русской кампании» - в результате серьезных затруднений военного характера которые не могут быть приведены, рейхсфюрер СС и глава германской полиции 14 декабря 1942 г. приказал, чтобы не позднее конца января 1943 года не менее 35 тысяч трудоспособных заключенных было отправлено в концлагеря.

Для получения требуемого числа заключенных предписываются следующие меры:

Начиная со дня издания настоящего приказа и до 1 февраля 1943 г., все восточные рабочие, и все рабочие иностранного происхождения, которые бежали или нарушали трудовые договоры, а также все другие рабочие, не являющиеся подданными союзных дружественных или нейтральных государств, должны быть как можно скорее заключены в концентрационные лагеря».

Это произвольное интернирование производилось в целях получения с минимальными затратами максимальной рабочей силы, которая хотя и была угнана ранее в Германию, но должна была оплачиваться в соответствии с положениями трудовых договоров.

Организация концлагерей также имела целью уничтожение всех тех, кто был нетрудоспособным, тех, кого нельзя было использовать в интересах германской промышленности, а также вообще всех лиц, которые могли препятствовать нацистской экспансии. Бесспорным доказательством этого является документ R-91, RF-347. Это телеграмма начальника штаба рейхсфюрера СС, которая получена в 2 ч. 10 м. 16 декабря 1942 г. из Берлина.

«В связи с увеличением количества рабочей силы, распределяемой в концлагеря, что должно быть закончено к 30 января 1943 г., в отношении евреев это мероприятие можно осуществить следующим образом:

1. Общее число — 45 тысяч евреев.

2. Начало транспортировки—11 января 1943 года, окончание транспортировки — 31 января 1943 г.

3. Это наиболее важная часть документа - из 45 тысяч евреев 30 тысяч из района Белостока, 10 тысяч из гетто в Терезиенштадте, из них 5 тысяч трудоспособных, которых вплоть до настоящего времени использовали на легких работах в гетто, а остальные 5 тысяч нетрудоспособных, и в это число должны быть включены евреи

старше 60 лет. В целях использования возможности уменьшить число заключенных, достигающее в настоящее время 48 тысяч человек, что исключительно велико для гетто, я требую предоставления специальных полномочий с тем, чтобы я мог заняться этим вопросом».

В самом конце этого абзаца:

«В 45 тысяч включены и *нетрудоспособные* – выделено курсивом (в том числе пожилые евреи и дети). Использование рациональной системы отбора прибывающих в Освенцим должно предоставить по меньшей мере *10-15 тысяч трудоспособных лиц».*

В тексте это подчёркнуто.

Этот официальный документ подкрепляется показаниями госпожи Вайян-Кутюрье, а также многочисленными другими показаниями по тому же вопросу, в соответствии с которыми из каждой партии, прибывавшей в Освенцим, производился тщательный отбор, и это не только было связано с желанием начальника лагеря в Освенциме, но и предписывалось приказаниями сверху, исходившими от самого правительства Рейха.

С позволения трибунала, мой отчёт завершается этим вечером, и он будет продолжен завтра, рассмотрением использования рабочей силы, который я рассмотрю как можно быстрее в виду показаний которые уже заслушивались.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 30 января 1946*]

День сорок шестой

Среда, 30 января 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения суда, я хочу объявить, что подсудимые Кальтенбруннер и Зейсс-Инкварт будут отсутствовать на утреннем заседании по болезни.
Председатель: Доктор Бабель, как я понял, вы не желаете перекрёстно допрашивать французских свидетелей.
Бабель: Это так.
Председатель: Значит, французские свидетели могут ехать домой.
Дюбост: Благодарю, господин председатель.
Председатель: Господин Дюбост, наверное, есть одна причина, почему французским свидетелям не надо уезжать. Я думаю, что видел, как она выходила из суда. Пожалуйста, вы можете её остановить? Боюсь, она должна остаться сегодня.

Господин Дюбост, этим утром вы будете рассматривать документы?
Дюбост: Да, господин председатель.
Председатель: Будете ли вы так любезны внимательно и медленно приводить нам сначала номера документов, потому что нам довольно трудно искать их.
Дюбост: Да, господин председатель.
Председатель: И указывать, если можно, книгу, в которой они находятся.
Дюбост: С разрешения трибунала мы продолжим представление материалов обвинения относительно организации и деятельности лагерей, о чем нами было сообщено на вечернем заседании, когда был представлен трибуналу документ R-91, частично оглашавшийся. Документ подтверждает, что нацисты преследовали двойную цель: 1) восполнить нехватку рабочей силы и 2) уничтожить тех, кто не был пригоден для использования на работах.

После документа R-91, который был представлен как экземпляр номер RF-347, мы зачитаем документ номер F-285, RF-346, во второй документальной книге, датированный 17 декабря 1942 г. и имеющий связь с тем документом, который был оглашен вчера. Первый абзац:

> «В силу военных соображений, которые не могут быть приведены, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции…»

Председатель: Вы это читали вчера.
Дюбост: Верно, господин председатель, страница 18, шестой абзац, вверху страницы.

«Поляки достойные германского гражданства и заключённые о которых имеются особые запросы, не подлежат переводу в…»

Последний абзац, страница 19:

«Иные документы не требуются для восточных рабочих».

Это показывает, что аресты носили всеобщий характер для того, чтобы получить рабочую силу и эта рабочая сила имела настолько большое значение, что считалось достаточным присваивать ей серийные номера.

Итак, мы покажем, как использовалась эта рабочая сила. Как вчера рассказал свидетель Балаховский, мужчин заселяли, рядом с фабриками в Доре в подземных убежищах, которые они сами рыли и в которых они жили в таких условиях которые нарушали всевозможные правила гигиены. В Ордурфе рядом с Готой, заключённые строили фабрики боеприпасов. Бухенвальд снабжал рабочей силой фабрики Холлерита и Доры и солевые копи Ной-Штасфурта. Трибунал прочёт в документе RF-301, внизу страницы 45:

«Равенсбрюк поставлял рабочую силу заводам Siemens, в Чехословакии и мастерским в Ганновере».

Этот специально предпринятый маневр, как указал свидетель, позволял немцам сохранять в тайне производство некоторых видов вооружения, например, V-1 и V-2, о которых господин Балаховский показал нам следующее:

«Заключенные не имели никакой связи с внешним миром. Использование насильственно угнанных в качестве рабочей силы позволило достигать такой производительности труда, которой не могли бы достигнуть, даже используя иностранных рабочих».

Французское обвинение представит теперь документ R-129, RF-348:

«Управление в концентрационном лагере всеми производственными работами осуществляется комендантом лагеря».

Пятый абзац, цифра IV:

«Комендант лагеря является единственным ответственным лицом за работы, выполняемые рабочими. Эта «работа» - я подчеркиваю слово работа - должна быть в буквальном смысле слова изнурительной, для того чтобы можно было достигнуть максимальной производительности труда».

Двумя абзацами ниже:

«Рабочее время не должно ограничиваться. Продолжительность рабочего дня зависит от технической оснащенности лагеря, от количества подлежащей выполнению работы и устанавливается исключительно комендантом лагеря».

Наконец, последний абзац на странице 23:

«Комендант должен сочетать специальные познания в военной и хозяйственной областях с умением руководить человеческой массой,

которую он должен держать в руках, чтобы добиться высокой производительности труда».

Этот документ подписан Полем и датирован 30 апреля 1942 г.

Я хочу вновь сослаться на документ который мы уже цитировал в связи с лагерем Ордурф, и который был представлен под номером RF-140.

Переходим к оглашению документа PS-1584, RF-349. Этот документ подписан Герингом и адресован Гиммлеру. Из второго абзаца этого документа неоспоримо вытекает ответственность Геринга за преступное использование в качестве рабочей силы насильственно угнанных. Оглашаю второй абзац на второй странице:

«Дорогой Гиммлер,

…прошу вас также предоставить в мое распоряжение для производства авиационного вооружения максимально возможное количество заключенных КЗ, - буквы КЗ означает концентрационные лагеря.

Поскольку вплоть до настоящего времени опыт показывает, что эта рабочая сила может быть использована весьма успешно. Обстановка, вызванная воздушной войной, делает необходимым создание подземных промышленных предприятий. Учитывая условия труда и проживания на таких предприятиях, следует считать, что они особенно хорошо приспособлены для заключенных».

Итак, мы знаем теперь, кто несет ответственность за те ужасающие условия, в которых находились заключенные в лагере Дора. Виновник этого сидит на скамье подсудимых.

Председатель: Вы не сказали нам дату, не так ли? Это 19 февраля 1944?

Дюбост: На первой странице вы увидите, что 19 февраля 1944 письмо было направлено доктору Брандту[325], по поводу телетайпов которые были направлены фельдмаршалом.

Председатель: Это второе письмо, письмо которое вы прочли? У него дата 19.2.44?

Дюбост: Это 15 апреля 1944 на оригинале, фотокопия которого имеется.

Председатель: Могли бы вы сказать, что значит КЗ, две буквы КЗ?

Дюбост: 15.4.44 на оригинале телетайпа, это означает концентрационный лагерь.

Председатель: Господин Дюбост, для точности протокола, кажется, что письмо на второй странице это не 15 апреля 1944, а 14 февраля. Это не так?

Дюбост: Да. 14 февраля 1944 года, 20 часов 30 минут. Это телетайп который был сдан на хранение 15 апреля 1944. В этом моя ошибка.

Председатель: Господин Дюбост, вы полагаете или предполагаете, что это письмо

---

[325] Рудольф Брандт (1909 — 1948) — немецкий военный преступник, личный референт Генриха Гиммлера, начальник канцелярии Министерства внутренних дел Германии, штандартенфюрер СС. Казнён по приговору американского трибунала.

показывает, что подсудимый Геринг являлся участником экспериментов которые проводились, или же того факта, что заключённых использовали для работы?

Дюбост: Я не ссылаюсь на эксперименты. Я ссылаюсь на заключение в подземных лагерях, таких как лагерь Дора о котором вчера рассказывал свидетель Балаховский в первой части своих показаний. Что касается стремления уничтожить заключенных, о чем мы говорили в начале сегодняшнего заседания, то это устанавливается прежде всего документом за номером R-91, RF-347. Мы считаем, что это доказывается также и показаниями свидетелей, подтвердивших, что во всех лагерях, где они находились в заключении, проводилась одна и та же политика уничтожения заключенных посредством непосильного труда.

Что касается зверского уничтожения при помощи газа, то это доказывается, кроме всего прочего, также счетами за поставки удушливых газов в лагеря Ораниенбург и Освенцим. Эти документы мы представляем трибуналу за номером RF-350, PS-1553.

Я должен отметить, чтобы быть честным, что французский перевод этих счётов не совсем согласуется с немецким текстом. Таким образом, в пятой строке, вместо «уничтожения», должно быть «очищение».

Свидетельница госпожа Вайян-Кутюрье сообщила нам, что газы, которые должны были использоваться для уничтожения вшей и других паразитов, использовались также для уничтожения людей. Кроме того, количество газа который был направлен и частота с которой его направляли, как вы можете видеть по большому количеству счетов, которые мы приобщаем в качестве доказательств, доказывают, что газ имел двойное назначение. У нас имеются счета за 14 февраля, 16 февраля, 8 марта, 13 марта, 20 марта, 11 апреля, 27 апреля, 12 мая, 26 мая и 31 мая, которые мы приобщаем под номером RF-350.

Председатель: Что за документ вы приобщили?

Дюбост: 30 апреля 1944, но я рассмотрел их вразброс.

Председатель: Я не спрашивал о дате. Я хочу знать о происхождении данного документа? Он исходит, не так ли, от одного из комитетов созданных Французской республикой?

Дюбост: Нет, господин председатель. Документ является американским документом, который находился в американских архивах, под номером PS-1553.

Председатель: Господин Дюбост, есть пометка внизу документа PS-1553, её не было на оригинале приобщённом Соединёнными Штатами, не так ли?

Дюбост: Нет, господин председатель, но перед вами имеются оригиналы под номерами которые сотрудник суда вручил вам.

Председатель: Пока у вас нет письменных показаний удостоверяющих оригиналы, оригиналы не подтверждают сами себя. Вы должны подтвердить эти документы, которые нам передали, либо свидетелем либо письменными показаниями. Документы это документы, но они не подтверждают сами себя.

Дюбост: Эти документы были обнаружены американской армией и сданы на хранение архива нюрнбергского процесса. Я взял их из архивов американской делегации, и считаю, что они являются аутентичными как и другие документы которые были сданы в архивы моими американскими коллегами. Они несомненно были захвачены американской армией.

Председатель: Господин Дюбост, есть два момента. Первый заключается в том, что в случае оригинала, PS-1553, он был удостоверен, как мы думаем офицером Соединённых Штатов. Эти документы, на которые вы обратили наше внимание, не удостоверены, насколько мы видим. Разумеется, мы не можем вынести судебное уведомление об этих документах, которые являются частными документами, и поэтому, пока они не будут зачитаны в суде, они не могут быть приобщены в качестве доказательств. Все это решается очень просто таким удостоверением или письменными показаниями, которые покажут, что эти документы аналогичны документу который является экземпляром Соединённых Штатов.

Дюбост: Всё это документы Соединённых Штатов, и все они были сданы в архивы Соединённых Штатов в американской делегации под номером PS-1553.

Председатель: Американский документ PS-1553 пока не был представлен трибуналу и по мнению трибунала он не может вынести судебное уведомление об этом экземпляре без какого-либо удостоверения, и он считает, что следует приложить удостоверяющие письменные показания.

Дюбост: Я попрошу своих коллег из американского обвинения подготовить такие письменные показания. Я не думаю, что можно отказать в приобщении документа который был учтён в их архивах.

Более того, данная цель уничтожения, не требует доказывания данным документом. Это уже достаточно установлено из показаний которые мы представили трибуналу. Свидетель Буа сказал такие слова: «Никому не позволяли выйти из лагеря живым…Есть только один выход через трубу крематория».

В документе F-321, RF-331, страница 49 говорится:

> «Единственное объяснение, которое эсэсовцы давали заключенным, это то, что ни один узник никогда не должен выйти из этого места живым».

Страница 179:

> «Эсэсовцы нам говорили: «Единственным выходом из лагеря является труба крематория».

На странице 174, последний абзац перед заголовком: «Умерщвление газом и кремация».

> «Главной задачей этого лагеря являлось уничтожение возможно большего числа людей; он назывался... «лагерем уничтожения».

Уничтожение, истребление заключенных производилось двумя различными способами. Один способ — постепенное умерщвление, другой —

быстрое и более зверское.

Во второй книге докуметов мы находим отчет британской парламентской делегации от апреля 1945 года, из которого огласим следующую выдержку на странице 30 документа RF-351 (третий абзац на странице 29):

«При том, что работа по очистке лагеря началась за неделю до нашего визита…нашим постоянным и очевидным впечатлением было то, что здесь полный хаос…».

Страница 30, предпоследний абзац:

«Мы, тем не менее, в заключение намереваемся заявить, что, по нашему единодушному и глубокому убеждению, основанному на веских доказательствах, в лагере Бухенвальд в течение длительного времени проводилась политика, направленная на создание обстановки систематического голода и бесчеловечной жестокости, а также что подобные лагеря свидетельствуют о том, что в данном случае был достигнут наивысший предел человеческой деградации».

Также, в докладе комитета созданного генералом Эйзенхауэром[326], документ L-159, который мы приобщаем под номером экземпляра RF-352, страницы 31, 32 и 33 той же самой документальной книги, мы читаем:

«Целью, которая преследовалась в этом лагере, было уничтожение…»

Страница 31:

«В докладе комитета, созданного генералом Эйзенхауэром под руководством руководителя комитета начальников штабов Джорджа Маршалла[327], Конгрессу[328] Соединенных Штатов по вопросу о зверствах и условиях существования в концентрационных лагерях в Германии».

Страница 32:

«Миссией данного лагеря было уничтожение путём голода, побоев, пыток, скученности, болезней. Все это усугублялось тем, что заключенных принуждали работать на военном заводе, который был расположен поблизости от лагеря и на котором производили легкое оружие, винтовки».

Для достижения систематического уничтожения применялись разнообразные средства. Мы представляем документы, доведенные до защиты, которые являются печатными инструкциями, изданными в Освенциме. Они

---

[326] Дуайт Эйзенхауэр (1890 — 1969) — американский государственный и военный деятель, генерал армии (1944), 34-й президент США (20 января 1953 — 20 января 1961).

[327] Джордж Маршалл-мл. (1880 — 1959) — государственный и военный деятель США, генерал армии (18 декабря 1944), инициатор плана Маршалла, лауреат Нобелевской премии мира. Занимал посты начальника Генштаба, государственного секретаря и министра обороны.

[328] Конгресс США — законодательный орган, один из трёх высших федеральных органов государственной власти США. Полномочия определены Конституцией США. Конгресс является двухпалатным, состоящим из Сената и Палаты представителей.

устанавливают, какое количество ударов можно было наносить заключенным.

Эти документы будут переданы защите для её рассмотрения. Их нам только, что передали. Я не смогу сейчас удостоверить их происхождение. Как мне кажется они являются подлинными. Фотокопии этих документов переданы защите.

Председатель: Господин Дюбост, трибунал считает, что он не может допустить эти документы в настоящее время. Может быть после того как у вас будет время изучить вопрос, вы сможете предъявить доказательства аутентичности данных документов, но пока мы не можем допустить данные документы лишь в силу вашего заявления о том, что они являются подлинными.

Дюбост: Вся лагерная система вела к тому, чтобы осуществлять непрерывное уничтожение находившихся там в заключении людей. Все лагеря были расположены в местностях с суровым климатом. Во многих из них люди работали под землей. В свидетельских показаниях, которые были заслушаны вами, освещены условия жизни в этих лагерях, начиная с момента прибытия заключенных, когда их целыми часами оставляли совершенно раздетыми в ожидании составления списков или вытатуирования номеров.

Все это содействовало быстрой смерти людей, попадавших в лагеря. Значительное число заключенных подвергалось еще более тяжелому режиму, описание которого уже было дано трибуналу американским обвинением при представлении документов USA-243 и последующих, относящихся к бесчеловечному режиму «Nacht und Nebel».

Мы не считаем необходимым снова возвращаться к описанию этого режима. Мы лишь представляем новый документ, который показывает, насколько суров был так называемый режим «НН», применяемый по отношению к нашим соотечественникам. Это второй документ первой книги документов под номером F-278 (b), RF-326. Он исходит от немецкой комиссии по перемирию в Висбадене и показывает, что, несмотря на повторные протесты со стороны французского населения и даже со стороны вишистских властей против той тайны, которая окружала заключенных «НН», никаких мер принято не было.

В этом документе, абзаце 2 объясняется, почему не следует давать ответа на запросы со стороны встревоженных семей заключенных.

> «Такой результат предвидел и желал фюрер. По его мнению, усмирение населения и прекращение преступных действий против оккупационных властей могло быть достигнуто казнями или такими мерами, при которых родственники заключенного и все население будут оставаться в полном неведении относительно участи заключенных».

Мы не будем дальше задерживаться на описании лагерных бараков и санитарных условий в бараках. Четыре свидетеля, которые содержались в различных лагерях, сообщили вам, что в различных лагерях были одинаковые

антисанитарные условия и что повсюду в бараках была чрезвычайная скученность. Мы знаем, что повсюду не хватало воды, что повсюду заключенные спали по два-три человека на нарах шириной в 75—80 см. Нам известно, что никогда не сменялось белье и что оно находилось в очень плохом состоянии. Нам известно также, какова была медицинская помощь в лагерях. Несколько свидетелей-врачей давали показания трибуналу. Подтверждение их показаниям трибунал найдет в документе F-121, RF-354. Огласим последнюю строку страницы 100 вашей книги документов:

> «Из-за отсутствия воды заключенным, чтобы утолить жажду, приходилось пить гнилую воду из уборных».
>
> О медицинской помощи свидетельствует документ F-321, RF-331:
>
> «Хирургическая помощь оказывалась немцем, который выдавал себя за берлинского врача. Он отбывал наказание за уголовное преступление. При каждой операции он убивал пациентов».
>
> И далее, через два абзаца:
>
> «Бараком заведовали два немца, которые выполняли функции санитаров; эти лишенные совести люди тут же производили хирургические операции с помощью некоего Хаша, по профессии каменщика».

После показаний, данных нашими свидетелями, которые, будучи медицинскими работниками, могли оказывать медицинскую помощь в лазаретах лагеря, представляется излишним продолжать цитирование этих документов.

Когда люди доходили до полного изнеможения от работы и не могли уже восстановить свои силы, производился отбор, и тех, кого нельзя было дальше использовать, уничтожали в газовых камерах, о чем говорила здесь первая свидетельница госпожа Вайян-Кутюрье, или же путем уколов в сердце, как показывали два французских свидетеля — врачи Дюпон и Балаховский. Эта система отбора практиковалась во всех лагерях и проводилась на основании общих инструкций, что доказано нами с помощью документа R-91, RF-347.

В первой книге документов трибунал обнаружит письменное свидетельское показание доктора Блаха, который, как вероятно помнит трибунал, был допрошен здесь 9 января, PS-3249.

Председатель: Вы уже приводили это в качестве доказательства, не так ли?

Дюбост: Я не собираюсь их читать. Я просто хочу напомнить трибуналу, потому что это находится в сборнике моих доказательств.

Председатель: Нам не нужны письменные показания свидетелей, которые уже дали показания. Эти письменные показания, PS-3249, ещё не приобщали, не так ли?

Дюбост: Нет, я просто напоминаю показания, которые давались на заседании. Мы не приобщаем данный документ, господин председатель. Мы просто используем данный документ, чтобы напомнить трибуналу о том, что в ходе заседания Блаха

отмечал условия существовавшие в лазарете.

Ко всем этим жалким условиям существования прибавлялась еще изнурительная работа заключенных, используемых на самых тяжелых работах. Мы знаем, что они работали в рабочих партиях и на заводах. Мы знаем также из показаний свидетелей, что продолжительность рабочего дня достигала 12 часов как минимум и она могла увеличиваться комендантом лагеря.

Документ R-129 (экземпляр номер RF-348), из которого я уже зачитывал, исходящий от Поля и адресованный Гиммлеру, страницы 22 и 23 второй документальной книги, говорит о том, что рабочее время было практически неограниченным.

Свидетели говорили нам о том, что люди работали в воде, в грязи, на подземных заводах, например, в Дора или в каменоломнях в Маутхаузене. Помимо этой изнурительной работы, заключенные подвергались зверскому обращению со стороны эсэсовцев и «капо», которые их избивали, травили собаками.

Наш документ F-274, RF-301, страницы 74 и 75 дает нам официальное подтверждение этим фактам. Не требуется зачитывать трибуналу из этого документа, который является официальным документом на который мы постоянно ссылаемся и который был переведён на немецкий и английский языки?

Председатель: Не думаю, что вам нужно его зачитывать.

Дюбост: Благодарю, господин председатель. На страницах 77 и 78 этого документа говорится о том, что все заключенные, будучи в самых антисанитарных условиях и независимо от состояния здоровья, принуждались к выполнению работ. Для заключенных не существовало карантина даже во время больших эпидемий.

Французский документ F-392, RF-330, является свидетельским показанием доктора Штейнберга, которое подтверждает показание Вайян-Кутюрье. Это двенадцатый документ в вашей первой документальной книге. Мы ссылаемся на страницу 4:

> «Утром мы получали пол-литра жидкой похлебки. Во время умывания надзиратель, стоявший у дверей, подгонял нас дубинкой. Отсутствие элементарных санитарных условий вызвало эпидемию тифа».

В конце третьего абзаца вы увидите, в каких условиях заключённых направляли на фабрики; в пятом абзаце описание обуви:

> «Нас снабдили деревянными башмаками, и через несколько дней ноги покрылись ранами, которые вызывали флегмону. Во многих случаях это кончалось смертью».

Сейчас я зачитаю документ R-129, страницы 22, 23 и 24 во второй документальной книге, и который мы приобщили под номером…

Председатель: Минуточку, трибунал прерывается на пятнадцать минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Господин Дюбост! Трибунал рассмотрел вопрос о доказательствах, которые вы представили о концлагерях, и придерживается такого мнения, что на данной стадии вы представили достаточно доказательств вины подсудимых. Если подсудимые будут пытаться опровергать эти доказательства, то вы, согласно пункту «е» статьи 24 устава, имеете право представить дополнительные подтверждающие обвинение доказательства, если трибунал найдет возможным принять их. Поэтому трибунал считает, что не в интересах процесса, который по уставу должен вестись так быстро, как это возможно, представлять дальнейшие доказательства по вопросу о концентрационных лагерях на данной стадии процесса, если подобные доказательства не являются какими-либо особо новыми материалами, на которые вы еще не обращали нашего внимания. Если такие материалы имеются, то мы хотели бы, чтобы вы их подробно охарактеризовали, прежде чем представить их суду.
Дюбост: Я благодарю трибунал за вынесенное им решение. Я не скрою, что прежде чем я уточню, на каких именно вопросах следует особо остановиться, мне потребуется несколько минут. Я не ожидал такого решения.

С разрешения трибунала, я перейду к исследованию положения военнопленных.
Председатель: Господин Дюбост, возможно вы могли бы в течение перерыва решить, имеются ли какие-либо особые новые пункты по вопросу о концентрационных лагерях, а пока перейти к другому вопросу?
Дюбост: Полуденного перерыва?
Председатель: Да, я говорю о нём.
Дюбост: Я считаю предварительно доказанным, что Германия в лагерях для интернированных и в концлагерях проводила политику, преследующую цель уничтожения своих противников и в то же самое время создания режима террора, который она использовала для того, чтобы содействовать достижению своих политических целей.

Другая сторона вопроса в этой политике террора и уничтожения выявляется при рассмотрении военных преступлений, совершенных Германией в отношении военнопленных. Эти преступления, как вам будет доказано, преследовали, в частности, две цели. Первая из них — максимально унизить узников, чтобы подорвать в них энергию, деморализовать их, заставить сомневаться в самих себе, правоте дела, за которое они воевали, и вызвать у них разочарование в будущем, которое ожидает их родину. Вторая цель заключалась в уничтожении тех военнопленных, которые своими предшествующими действиями или тем, как они себя проявили, находясь в плену, показали, что они являются неприемлемыми для нового порядка, который нацисты хотели установить.

С этой целью Германия усугубила бесчеловечность обращения, стремясь максимально унизить людей, находившихся в ее руках, это были солдаты, верившие

при сдаче в плен в чувство военной чести у армии, которой они сдавались.

Военнопленных перевозили в самых бесчеловечных условиях. Солдат плохо кормили, заставляли проходить пешком очень большие расстояния, подвергали при этом всякого рода наказаниям; убивали, когда они уставали и не были в состоянии следовать в колонне. Во время этих переходов по этапу не предусматривалось никакого места для ночлега и никакого снабжения. Доказательством этого служит отчет о перегоне партии военнопленных, которая отправилась из Сагана 28 января 1945 года в 12 ч. 30 м. дня.

Председатель: Где нам это найти?

Дюбост: Это в документальной книге представленной моим коллегой господином Герцогом. Это отчёт об эвакуации колонны которая вышла из Сагана 28 января 1945. Это документ номер UK-78, представленный как экземпляр номер RF-46. Колонна из 1357 британских солдат, включающая солдат всех званий, выступила 28 января в Шпремберг.

Председатель: Наверное, это первый документ в вашей документальной книге которая была нам передана.

Дюбост: Правильно, господин председатель, я зачитаю вам документ об эвакуации лагеря Саган с 28 января по 4 февраля 1945. Так как у трибунала нет копии, я перехожу к документу номер UK-170, экземпляру номер RF-355.

Председатель: Я лишь сказал вам, что, как я думаю, это может быть документ, который начинается со слов: «1, 357 английских военнопленных…» Он так начинается?

Дюбост: Да. Документ, который перед вами, господин председатель, касается перевода британских военнопленных. Тот о котором я хотел поговорить и из которого я хотел зачитать, касался перевода французских военнопленных. Я думаю, что мне не требуется задерживать заседание, показывая трибуналу, что с британскими и французскими военнопленными обращались одинаково. Таким образом, я ограничусь вашим документом.

> «1357 английских военнопленных всех званий, которые двигались колоннами, вышли 28 января 1945 г. пешком из шталага авиации III. Они проходили в этапном порядке до Шпремберга от 27 до 31 км в день. Из Шпремберга их направили в Лукенвальде. Во время перехода продуктов питания, воды, медикаментов, а также соответствующего ухода в большинстве случаев совершенно не было. По меньшей мере трое военнопленных должны были остаться в Мускау».
>
> В конце страницы, третья строка снизу:
>
> «31-го числа они покрыли расстояние в 31 км, отделявшее их от Мускау. Во время этого перехода выбыли из строя три человека: лейтенанты Килли, Уайз и сержант Бэртон, которых пришлось оставить в госпитале».

Страница 2, в самом конце документа:

«Во время перехода, кроме посылок Красного Креста, о которых речь шла ранее, единственным питанием, которое выдавали военнопленным, были ячменная похлебка и полбулки на каждого. Снабжение водой было предоставлено воле случая. Пятнадцать человек во время перехода сбежали.

Теперь заявление господина Бондо:

«Колонна французских и бельгийских военнопленных была поставлена в еще более тяжелые условия. Лагеря находились в состоянии, нарушающем все правила гигиены; военнопленные были согнаны в очень небольшом пространстве, им не хватало воды и топлива; в Шталаге-III-С они были размещены по 30 — 40 человек в одной комнате».

Показания господина Бондо фигурируют в отчете, который был также вручен вам ранее господином Герцогом. Мне кажется, что трибунал имеет документы от прошлого четверга…

Председатель: У нас остались эти документы, но если бы они были у нас за столом, вы бы нас не увидели.

Дюбост: Аналогичные выводы вытекают из отчетов Красного Креста. Бергер[329], назначенный по указанию Гиммлера с 1 октября 1944 г. уполномоченным по делам военнопленных, признал на допросе, что питание военнопленных было абсолютно недостаточным. Трибунал найдёт на странице 3 документальной книги, фрагмент допроса Бергера. Второй абзац:

«Я посетил лагерь к югу от Берлина, названия которого я не помню; быть может, я вспомню его позднее. Тогда я понял, что снабжение продовольствием совершенно неудовлетворительно, и это вызвало очень резкий разговор между Гиммлером и мной. Гиммлер был решительно против того, чтобы посылки Красного Креста продолжали роздавать в лагерях военнопленных в том же количестве, что и до сих пор. Со своей стороны я считал, что в таком случае возникнут серьезные трудности в связи со здоровьем лиц, о которых идет речь».

Мы представляем документ PS-826, RF-356. Этот документ исходит из ставки Гитлера и представляет собой отчет о посещении Норвегии и Дании. Вы найдете его на странице 7 предъявленной вам книги документов. Читаю третий абзац:

---

[329] Готтлоб Бергер (1896 — 1975) — один из руководителей СС, начальник Главного управления СС (1 апреля 1940 года — 8 мая 1945 года), государственный секретарь рейхсминистерства восточных оккупированных территорий (20 августа 1943 года — 20 января 1945 года), командующий резервными войсками и руководитель службы по делам военнопленных в Германии 31 октября 1944 года — 8 мая 1945 года, начальник штаба германского фольксштурма 25 сентября 1944 года — 8 мая 1945 года, обергруппенфюрер СС (15 августа 1940 года) и генерал войск СС (21 июня 1943 года). Американским трибуналом был приговорён к 25 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

«Все военнопленные в Норвегии получают продовольствие, позволяющее им лишь существовать, не работая. Однако лесоповал требует от военнопленных такой затраты энергии, что в случае, если снабжение продовольствием не улучшится, следует ожидать в ближайшее время значительного снижения производительности труда».

Эта заметка касается положения, в котором находились 82 тысячи военнопленных, содержавшихся в заключении в Норвегии, из которых 30 тысяч использовались на тяжелых строительных работах, проводимых организацией Тодта[330]. Это вытекает из первого абзаца на странице 7.

Мы предъявляем теперь трибуналу документ PS-820 на девятой странице книги документов. В нем говорится о создании лагерей военнопленных в районах, подвергающихся бомбардировкам с воздуха. Этот документ исходит из ставки и датирован 18 августа 1943 г. Он был направлен главнокомандующим воздушных сил верховному главнокомандованию Вермахта. Мы представляем его под номером RF-358 и огласим перед трибуналом третий абзац:

«Главнокомандующий воздушных сил предложил создать лагери для военнопленных в жилых районах городов, чтобы таким путем добиться некоторой защиты».

Я пропускаю абзац и читаю:

«Исходя из вышеизложенных рассуждений, возникает вопрос о немедленном создании таких лагерей в городах, находящихся под угрозой воздушных налетов; как это было установлено при обсуждении вопроса в городе Франкфурте, в этих городах будут приложены все усилия для ускорения строительства лагерей».

Наконец, последний абзац:

«К настоящему времени в Германии находится около 8 тысяч военнопленных английских и американских летчиков, не считая помещенных в госпиталь. Эвакуировав существующие лагеря в другие места, можно предоставить эти последние для размещения лиц, чьи жилища были разрушены. Таким образом, это дало бы нам число военнопленных, достаточное для заселения значительного числа указанных лагерей».

Здесь имеются в виду лагеря, создаваемые в районах, подвергающихся бомбардировкам и в районах наибольшей их угрозы.

На странице 10 трибунал обнаружит документ от 3 сентября 1943 г., исходящий из ставки фюрера. Он касается создания новых лагерей военнопленных для английских и американских летчиков. Это документ PS-823, RF-359.

---

[330] Организация Тодта — военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего Рейха. Организация названа А. Гитлером по имени возглавившего её Фрица Тодта с 18 июля 1938 года.

> «1. Главнокомандующий и генеральный штаб воздушных сил намечают создание новых лагерей для военнопленных летчиков, поскольку число их достигает более тысячи человек в месяц, а имеющихся в настоящее время мест, куда они могут быть помещены, недостаточно. Верховный главнокомандующий воздушных сил предлагает создать новые лагеря внутри жилых кварталов городов, что явится в то же время мерой защиты городского населения, а также предлагает перевести существующие в настоящее время лагеря, в которых находится около 8 тысяч английских и американских летчиков-военнопленных, в более крупные города, подвергающееся угрозе нападения со стороны авиации противника…
>
> 2. Верховное главнокомандование германской армии и начальник управления по делам военнопленных в принципе одобрили этот проект…».

На первой странице книги документов находится документ F-551, RF-360. В этом документе, являющемся приказом, говорится о наказаниях, налагаемых на военнопленных в нарушение 60-й и последующих статей Женевской конвенции. Женевская конвенция предусматривает, что при возбуждении судебного преследования против военнопленных следует уведомлять государство, представляющее интересы воюющих стран, и что это государство имеет право быть представленным на суде. Из документа RF-360, который мы представляем, явствует, что эти положения были нарушены.

> «На практике проведение в жизнь положений статей 60 и 66 и, в частности, — параграфа 2 статьи 66 Конвенции 1929 года относительно обращения с военнопленными сталкивается с серьезными трудностями. Для сурового уголовного преследования за особенно тяжкие преступления, как, например, за убийство охраны, неприемлемо положение, согласно которому смертный приговор может быть приведен в исполнение лишь по истечении трехмесячного срока после уведомления о приговоре государства, защищающего интересы воюющих стран. От этого должна будет страдать дисциплина среди военнопленных».
>
> Я перехожу к странице 12:
>
> «Предлагается следующее решение вопроса:
>
> a) Французы могут быть уверены, что процессы в германских военных трибуналах будут проводиться столь же тщательно, как и раньше.
>
> b) Германией назначается защитник и устный переводчик.
>
> c) В случае вынесения смертного приговора для его приведения в исполнение будет дан соответствующий срок».
>
> В начале страницы 13:

«Однако в отношении неотложных дел Германия сохраняет за собой право, даже если оно четко не сформулировано, привести приговор в исполнение немедленно».

В абзаце третьем говорится:

«Не может быть и речи о предоставлении разрешения Франции, которая может сослаться на третий параграф статьи 62 Женевской конвенции, посылать своего представителя на наиболее важные процессы германских военных трибуналов».

В нашем распоряжении имеется пример нарушения шестидесятой и последующих статей Женевской конвенции, содержащийся в отчете голландского правительства, который трибунал обнаружит на странице 14 переданной ему книги документов.

Председатель: Думаю нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения суда, я хочу объявить, что подсудимые Кальтенбруннер и Зейсс-Инкварт будут отсутствовать на вечернем заседании по болезни.

Председатель: У меня есть объявление.

Когда подсудимый Гесс обратил внимание трибунала на отсутствие своего защитника, трибунал распорядился о том, чтобы представление индивидуального дела против Гесса было отложено, для того, чтобы представитель присутствовал, когда его будут представлять. Что касается перекрёстного допроса свидетелей, которые давали показания по общим вопросам, а не конкретно против Гесса, трибунал считает, что перекрёстный допрос проводившийся защитниками представлявшими подсудимых равным образом учитывает интересы Гесса в данном деле и поэтому свидетелей нельзя будет вызвать повторно.

30 января 1946, трибунал получил письмо от подсудимого Гесса, о том, что он неудовлетворен услугами защитника который его представляет, и он не желает, чтобы он далее его представлял, а желает представлять себя сам.

По мнению трибунала, выбрав, в соответствии со статьей 16 устава защитника для представления интересов, подсудимый Гесс не вправе, на данной стадии процесса отказаться от услуг представителя и защищаться лично. Данный вопрос имеет значение и для трибунала и для подсудимого, и, по мнению трибунала, интересам подсудимого не отвечает то, чтобы его никто не представлял.

Таким образом, трибунал назначил доктора Штамера представлять подсудимого Гесса, вместо доктора фон Роршейдта.

[*Обращаясь к господину Дюбосту*] Да, господин Дюбост.

Дюбост: Я прошу трибунал меня извинить, я завершил работу, о которой он попросил меня в связи с концентрационными лагерями. За несколько минут, после завершения мною раскрытия вопроса о военнопленных, я представлю трибуналу конец французской презентации о концентрационных лагерях. Это недолго, так как у нас осталось мало документов для цитирования. При рассмотрении защитой, систематическое повторение одинаковых методов кажется достаточно установленным.

Мы остановились на оглашении документа голландского правительства, F-224, RF-324, из которого явствует, что был заявлен протест против тайного приговора к смертной казни трех офицеров: лейтенантов Ван-Боша, Браата и Тибо.

Далее, документ, на который я уже ссылался этим утром, это отчет французского правительства по вопросу о военнопленных, находящийся у трибунала. Это документ представленный господином Герцогом под номером экземпляра RF-46, документ номер UK-78. Я прошу трибунал меня извинить, так как я не могу снова представить документ. У меня больше нет копий.

Из этого документа явствует, что нацисты, проводя систематическую политику устрашения, постарались сохранить, возможно большее количество военнопленных для того, чтобы в случае необходимости оказывать эффективное давление на страны, из которых происходили эти военнопленные. Эта политика проводилась путем незаконного захвата военнопленных или систематического отказа репатриировать пленных, плохое состояние здоровья которых могло бы оправдать эту меру.

В качестве примера незаконного захвата военнопленных мы можем упомянуть о том, что произошло во Франции после подписания перемирия.

Отчет министерства по делам военнопленных и депортированных, на который мы ссылаемся, указывает на странице 4:

> «В 1940 году некоторые французские военные части сложили оружие в момент перемирия, когда германские военные власти заверили их, что войска, которые таким образом прекратят военные действия, не будут уведены в плен. Однако эти войска были захвачены в плен. Альпийская армия, перешедшая Рону для демобилизации, находилась на западе от города Вьен. Эту армию захватили в плен и увели в Германию, где она пробыла до конца июля 1940 года.
>
> Кроме того, небоевые части, состоящие из гражданских лиц особых категорий, были уведены в плен во исполнение приказа Гиммлера, которым предписывался захват всех без исключения французов призывного возраста. Только благодаря индивидуальным нарушениям этих приказов и личной инициативе отдельных командиров частей не все французы были уведены в Германию.

Ввиду трудностей увода в Германию огромной массы военнопленных в 1940 году было решено создать концлагеря для военнопленных в германских военных частях (фронт-шталаг).

Правительству, образованному во Франции после перемирия, было дано обещание, что военные, которые будут содержаться в лагерях фронт-шталаг, будут находиться во Франции. Однако заключенных этих лагерей начали пересылать в Германию с октября 1940 года».

В дополнительном отчете, приложенном к книге документов, министерство по делам военнопленных и депортированных обращает внимание на незаконный захват в плен войск укрепленного сектора Агню, 22-го пехотного полка и 81-го батальона, а также 51-го и 58-го пехотных полков и одной североафриканской дивизии. Это документ F-668, RF-361. Цитирую документ:

«Войска укрепленного сектора Агню: 22-й R.I.F и 81-й B.C.P.

Эти части сражались по 25 июня до 1 ч. 30 м. Они прекратили огонь только после соглашения между полковником, командующим укрепленным сектором Агню, и германскими генералами. По этому соглашению французским военнослужащим обеспечивались почетные условия сдачи, в частности, они не должны были быть взяты в плен. 51-й и 58-й пехотные полки, а также североафриканская дивизия отошли к городу Тюль только после соглашения, подписанного 22 июня 1940 г. французским генералом Дюбуиссоном[331] и немецким генералом Андреасом в местечке Тюйльо-Грозейль (департамент Мерт и Мозель). По условиям этого соглашения французским частям обеспечивались военные почести и подтверждалось, что они не будут захвачены в плен».

Председатель: В каком официальном документе имеется этот документ?

Дюбост: От министерства пленных и депортированных. Это дополнительный отчёт, который подготовлен французским правительством. Мы приобщаем его как экземпляр номер RF-361.

Председатель: Кажется, это приложение 2 к отчёту о пленных, для сведения французской делегации при суде в Нюрнберге.

Дюбост: Верно, господин председатель. Информация, которую я только, что огласил трибуналу, является выдержкой из письма Дарлана[332] послу Скапини[333] от 22 апреля 1941 г.

Председатель: Но, господин Дюбост, есть, что-то, что указывает на то, что это официальный документ, такой как эта книга?

---

[331] Рене-Поль Дюбуиссон (1879 – 1964) – французский генерал. В 1940 командующий войсками Французской восточной Африки.

[332] Жан Дарлан (1881 — 1942) — французский адмирал флота, один из лидеров вишистского режима в 1940—1942 годах. Убит в результате покушения.

[333] Жорж Скапини (1893 – 1976) – французский адвокат и политик.

Дюбост: Господин председатель, данный документ не имеет отношения к тому, что я цитировал.

Председатель: Нет, я не знаю, но это официальный документ, подготовленный Французской республикой, не так ли?

Дюбост: Да.

Председатель: Как видно, что приложение 2 к отчёту о пленных равнозначно официальному документу, как и этот? Вот, что мы хотим знать.

Дюбост: Господин председатель, это отчёт который был представлен от имени правительства Французской республики делегацией, которую я имею честь представлять.

Председатель: Что же, поймите, здесь есть заголовок «информационная служба по военным преступлениям, официальное французское издание». Итак, нам кажется, что это отличается от простой печатной копии, которая является «приложением 2 к отчёту о пленных». Мы не знаем где этот отчёт о пленных.

Дюбост: Господин председатель, перед вами официальная сопроводительная нота от нашего правительства. Сотрудник суда только, что его вам вручил.

Председатель: У нас есть этот документ, который выглядит как официальный документ, но это приложение не имеет такой же печати.

Дюбост: Есть указание на приложение к данному документу.

Председатель: Другой отмечен: приложение. Он должен быть заверен печатью.

Дюбост: Сопроводительное письмо имеет печать и того факта, что оно ссылается на документ достаточно, по моему мнению, для удостоверения пересылаемого документа. Могу я продолжать?

Председатель: Нет. Данный документ имеет приложенное к нему письмо. Данный документ не ссылается на письмо. Поэтому, ничего не связывает два документа.

Дюбост: Я думаю, есть рукописная пометка на оригинале. У меня нет перед собой документа, и я не могу быть уверен, но думаю, что есть рукописная пометка на оригинале.

Председатель: Трибунал желает, чтобы вы предъявили это как один документ. Я вижу, что есть рукописная пометка здесь сбоку, которая ссылается на приложение. Если вы приобщите всё вместе…

Дюбост: Он приобщён как один материал.

Теперь я зачитаю трибуналу фрагменты из двух писем Скапини германской комиссии по перемирию в Висбадене от 4 апреля 1941. Трибунал найдёт их в документальной книге, страницы 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22:

«4 апреля 1941 г.

Господин Жорж Скапини, французский посол,

его превосходительству господину Абецу, германскому послу в Париже.

Тема: «Солдаты, захваченные после вступления в силу соглашения о

перемирии, с которыми обращаются как с военнопленными».

Внизу страницы:

Женевская конвенция. Женевская конвенция может применяться в отношении захвата военнопленных только во время войны. Однако перемирие прекращает военные действия. Таким образом, захват в плен всякого солдата после вступления в силу соглашения о перемирии и обращение с ним как с военнопленным неправильно».

Третий абзац страницы 17:

Во втором параграфе соглашения о перемирии лишь говорится о том, что французские вооруженные силы, расположенные в районах, подлежащих германской оккунации, должны быть срочно возвращены на неоккупированную территорию и демобилизованы. Однако в этой статье не говорится (что нарушило бы Женевскую конвенцию) о том, что их захватят в плен».

Пятый абзац той же страницы:

«1. Гражданские лица. Если признается, что с гражданскими лицами нельзя обращаться как с военнопленными, взяв их в плен до заключения перемирия, о чем говорилось в моем предыдущем письме, то тем более можно ли допустить это при их захвате в плен после заключения перемирия? Я должен заметить по этому вопросу, что захват, иногда массового характера, производился еще в течение нескольких месяцев после окончания военных действий».

Страница 18, вначале страницы:

«К категориям гражданских лиц, которые я определил в моем первом письме, прибавляется еще одна категория — категория демобилизованных, которые возвращались домой в оккупированную зону после заключения перемирия и которых чаще всего в результате инициативы местных военных властей захватывали по дороге домой и посылали в плен.

2. Солдаты. Я так условно называю тех людей, которые, хотя они и были освобождены после перемирия, по некоторым обстоятельствам того трудного времени не смогли получить оформленных демобилизационных документов. Многие из них были захвачены и уведены в плен при таких же обстоятельствах, как и предыдущие».

Я думаю, трибуналу не требуется зачитывать пример, но если председатель желает, я могу огласить его.

Председатель: Нет.

Дюбост: Перейдем к странице 19, ко второй части страницы:

«А. Гражданские лица, не подлежащие военной службе.

Само собой разумеется, их нельзя рассматривать как военных

согласно французским законам; их можно разделить по возрасту на три группы:

a) мужчины, не достигшие 21 года, не призывавшиеся в армию, — например: Фланкар Александр —18 лет, захваченный германскими войсками в Курьере, департамент Па-де-Кале, по вступлении германских войск в этот район.

Фланкар был направлен в плен в Шталаг - II B.

b) мужчины, в возрасте от 21 года до 48 лет, немобилизованные, демобилизованные или освобожденные от военной службы».

Следует довольно длинный список примеров, который трибунал, может быть, примет как доказательство без его оглашения. В нем значатся одни фамилии. В середине страницы:

c) мужчины, подлежащие призыву в армию. Я подразделяю их на две группы:

1. мужчины, мобилизованные в специальные корпуса, являющиеся военными частями и созданные путем мобилизации в различных министерствах, по следующей таблице».

В начале страницы 21:

«мужчины, оставленные на военных предприятиях в качестве мобилизованных на той же работе, которую они выполняли в мирное время. Например, рабочие артиллерийских парков.

Гражданские специалисты. В отличие от предыдущих, гражданские специалисты не входили в военные части и не находились в ведении военных властей. Однако их захватывали в плен. Например (я пропускаю несколько строчек), Муиссе Анри, работавший в качестве специалиста на заводе Марэ-Вонен (я пропускаю еще несколько строк), он был взят в плен и направлен в Шталаг - II A.

Не всегда эти люди были освобождены. Некоторые оставались в плену до конца войны».

Я цитирую документ RF-362, F-224. Этот текст можно изложить в нескольких словах. В нем говорится о голландских офицерах, освобожденных по капитуляции голландской армии и снова захваченных некоторое время спустя для того, чтобы отправить их в плен в Германию. Абзац третий этого документа:

«9 мая 1942 г. в голландских газетах было опубликовано уведомление для всех кадровых офицеров бывшей голландской армии, находившихся на действительной службе 10 мая 1940 г., о явке их в пятницу 15 мая 1942 г. в казарму Шоссе в Бреда».

Абзац пятый:

«Более тысячи кадровых офицеров явились в казарму Шоссе 15 мая 1942 г. За ними заперлись двери».

Теперь я перехожу к седьмому абзацу:

> «Один германский офицер из высших чинов явился в казарму и заявил, что офицеры не сдержали своего слова — ничего не предпринимать против фюрера, в связи с чем с этого момента они находятся в плену».

Следующий абзац: «Их отправили с охраной из Бреда в Нюрнберг, в Германию».

Множество препятствий существовало для освобождения французских военнопленных, которые вследствие своего плохого здоровья должны были возвратиться домой. Я цитирую документ RF-297, F-417:

> «...Вопрос об освобождении французских генералов, военнопленных Германии, по возрасту или плохому здоровью несколько раз поднимался французскими властями».

Второй абзац:

> «Фюрер всегда относился отрицательно к этому вопросу как с точки зрения их освобождения, так и помещения в госпиталь в нейтральных странах».

Третий абзац:

> «Освобождение или помещение в госпиталь теперь тем более исключено».

От руки приписано на этом документе: «На эту французскую ноту ответа не последует».

Это письмо было послано верховным командованием Вермахта германской комиссии по перемирию, обратившейся в штаб за консультацией по вопросу, следует ли отвечать на требования об освобождении больных французских генералов, поступавшие от правительства Виши.

Гораздо более серьезные меры были приняты германскими властями в отношении наших военнопленных, когда по причинам патриотического характера некоторые из наших соотечественников-военнопленных дали понять немцам, что они не намерены сотрудничать с Германией. Германские власти считали их неспособными к ассимиляции и опасными, что вызывало беспокойство и применявшиеся к ним меры сводились к уничтожению. Нам известны многочисленные примеры убийства военнопленных. В основном жертвами являлись: 1) лица принимавшие участие в акциях коммандос[334]; 2) летчики; 3) сбежавшие пленные. Эти убийства осуществлялись посредством заключения военнопленных в концлагеря.

Здесь к ним применялся режим, о котором вам уже известно и который

---

[334] Британские коммандос — специальные подразделения британской армии, сформированные в июне 1940 года по распоряжению премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля с целью проведения рейдов на оккупированной немцами территории континентальной Европы.

приводил их к смерти. Или же их убивали еще проще: выстрелом в затылок, по способу, описанному вам моими американскими коллегами, на котором я не буду останавливаться. В других случаях их линчевали местные жители согласно отданным приказам или же в силу попустительства германского правительства. В некоторых случаях их передавали в Гестапо или СД. В конце моего выступления я докажу, что в последние годы оккупации эти организации имели право производить казни.

С разрешения трибунала мы рассмотрим два случая уничтожения состава боевых частей, захваченных в результате военных действий: случаи с коммандос и с летчиками.

Как трибуналу уже известно, коммандос почти всегда были добровольцами. Во всяком случае, их набирали из самых отважных бойцов, физически наиболее боеспособных. Таким образом, можно рассматривать их как лучших из лучших; поэтому приказы об уничтожении их имели своей целью уничтожение лучших бойцов союзных армий и посеять ужас в их рядах. С точки зрения юридической, казни коммандос оправдать нельзя. Кстати, немцы сами очень широко применяли коммандос. Но если в отношении своих собственных коммандос после захвата их в плен немцы всегда требовали признания за ними статуса представителей воюющей стороны, то они отказывали в этом качестве нашим коммандос и коммандос союзных армий.

По этому вопросу приказ о смертной казни был подписан Гитлером 18 октября 1942 г., и этот приказ выполнялся очень энергично. Ему, кстати, предшествовали другие приказы ОКВ. Это является доказательством тщательного рассмотрения этого вопроса генштабом до издания окончательного приказа за подписью руководителя германского правительства.

Документ PS-553, RF-363 — приказ, предусматривающий уничтожение всех отдельных парашютистов или небольших групп парашютистов, имеющих определенное задание. Он датирован 4 августа 1942 г. и подписан Кейтелем. Этот приказ был представлен в качестве доказательства.

Председатель: Не читайте его.

Дюбост: Я благодарю трибунал за избавление меня от необходимости оглашать его.

7 октября 1942 г. в коммюнике ОКВ, напечатанном прессой и переданном по радио, было объявлено о решении верховного командования уничтожать диверсантов. На странице 26 своей книги документов трибунал найдет выдержку из «Volkischer Beobachter» от 8 октября 1942 г.:

> «В будущем все отряды террористов и диверсантов англичан и их сообщников, которые поведут себя не как солдаты, а как бандиты, будут подвергнуты германской армией соответственному обращению: их будут безжалостно убивать на месте, где бы это ни было».

Документ PS-1263, RF-363 — запись заседания генерального штаба

сухопутных сил, которая датирована 14 октября 1942 г. Третий абзац:

> «В эру тотальной войны диверсия стала одним из важнейших элементов ведения войны. В этой связи достаточно указать наше собственное отношение к этому вопросу. Враги могут найти доказательства тому в отчетах наших собственных отделов пропаганды…».
>
> На странице 29, в конце третьего абзаца, сказано, что:
>
> «диверсия является важным элементом…мы сами сильно развили этот вид боя».
>
> Затем шестой абзац:
>
> «О намерении ликвидировать впредь все террористические и диверсионные группы, которые ведут себя как бандиты, уже передавалось по радио... Таким образом, надо считать, что задачи WFSt[335] заключаются единственно в том, чтобы давать директивы практического выполнения, чтобы войска знали, как им следует поступать в отношении таких групп».

На странице 30 трибунал увидит, какие приказы отдавались в отношении таких групп, которые германский генеральный штаб называл группами английских террористов и диверсантов. Конечно, германский генеральный штаб своих коммандос никогда не называл «группами террористов и диверсантов».

Параграф «А», относится к группам британской армии, одетым в гражданское платье или в немецкую военную форму. Я читаю:

> «Их надо истреблять беспощадно во время боя и в то время, как они спасаются бегством».
>
> Параграф «В»:
>
> «Члены группы террористов и диверсантов британской армии, которые в военной форме повели себя в военном отношении недостойным образом или нарушили международное право, должны быть изолированы.
>
> Инструкции об обращении, с ними будут даны оперативным штабом Вермахта по согласованию с юридической службой армии и отделом «Заграница» управления разведки и контрразведки».
>
> Наконец, страница 31, параграф 2:
>
> «Нарушение законов войны террористическими и саботажными войсками в будущем следует понимать как совершение нападение лиц, будь то диверсанты или агенты, несовместимое с правилами ведения войны, которые ставят себя вне законов ведения войны, независимо от того, являются ли они солдатами и какая на них форма».

---

[335] Аббр. с нем. Wehrmacht Fuhrungsstab- «оперативный штаб Вермахта»

Третий абзац:

«В этом случае такие группы будут уничтожены до последнего человека как во время боя, так и при попытке к бегству.

Абзац 4:

«Таких лиц заключать даже временно в лагерь для военнопленных запрещается».

Таким образом, во исполнение этих приказов, если британские солдаты в военной форме были захвачены во время операции коммандос, германским войскам предоставлялось судить, вели ли себя коммандос в соответствии с законами ведения войны. Принимаемые в отношении них решения не подлежат обжалованию и даже нижестоящие чины могли подвергать их уничтожению до последнего человека, включая и случаи, когда они не вели активных боевых действий. Эти приказы применялись в отношении британских коммандос.

Мы процитируем документ номер PS-498, который был представлен моим американским коллегой как экземпляр USA-501, в нем подтверждаются сведения, сообщенные нами трибуналу путем оглашения предыдущих документов. Мне кажется, этот документ оглашать нецелесообразно.

Председатель: Господин Дюбост, есть два момента на которые я хочу обратить ваше внимание. Первое, говорилось о том, что вы не приобщаете эти документы, вы просто зачитываете их, и они должны быть приобщены в качестве доказательства для того, чтобы документы сами по себе были приобщены как доказательства. Вы не приобщили ни один из этих документов, вы просто прочли из них или присвоили им номера.

Дюбост: Господин председатель, я приобщил абсолютно все из них, за исключением тех, которые уже приобщались моими коллегами, и всем им был присвоен номер, и они могут быть незамедлительно вам вручены. Я попрошу французского секретаря вручить их вам с теми номерами экземпляров, которые я зачитывал.

Председатель: Все они уже приобщались в качестве доказательств?

Дюбост: Господин председатель, некоторые приобщались в качестве доказательств и я цитировал их вместе с номерами экземпляров, а тем которые не приобщались, я присвою французские номера, когда буду их приобщать.

Председатель: Вы говорили: «приобщались кем-то другим из обвинения». Верно?

Дюбост: Правильно, господин председатель. Когда я цитирую их, я привожу номер который ему присвоили мои американские коллеги.

Председатель: Этот был присвоен американским обвинением, не так ли? 498?

Дюбост: PS-498 на странице 32 уже присваивался моими американскими коллегами под номером USA-501, как я говорил ранее, сэр. Я его не читаю. Я просто кратко прокомментирую.

Председатель: Очень хорошо. Относительно документа, который предшествовал ему на страницах 27, 29, 30 и 31…

Дюбост: Я попрошу французского секретаря дать его вам с номерами, которые мы присвоили.

Председатель: Американский обвинитель также их приобщал?

Дюбост: Вовсе нет, господин председатель. Некоторые приобщались американским обвинителем, другие приобщались мною.

Председатель: Трибунал хочет от вас, когда вы приобщаете документ, если его ещё не приобщали, приводить его номер и объявлять о номере экземпляра, для полноты протокола. Ясно?

Дюбост: Ясно, господин председатель, но мне кажется, что я так и делал с самого начала, поскольку французский секретарь давал вам номера.

Председатель: Может вы, и давали номера документам, но иногда вы их не объявляли.

Есть ещё один вопрос, о котором я хочу сказать. Как я уже ранее говорил, я просил вас ограничить себя новыми положениями, и вы сейчас приводите нам доказательства о коммандос и о британских коммандос, что уже было сделано на более ранних стадиях процесса, и это выглядит излишним.

Дюбост: Трибунал извинит меня, но я не читал ни один из упомянутых документов. Документы, которые я читал, это документы которые ранее не цитировали. Я дошёл до документа который упоминали ранее, и попросил трибунал избавить меня даже от его комментирования, поскольку документ уже хорошо знаком трибуналу.

Председатель: Что же, у нас уже есть много доказательств об обращении с коммандос и саботажными группами, если я правильно помню, которые пытались провести некоторое разграничение между войсками десантированными с воздуха, например близко к полю боя и войсками которые десантируются вдали от поля боя. У вас имеется весьма много доказательств по данному предмету. Если имеется, что нибудь имеющее особый интерес для дела Франции, мы охотно выслушаем это, но мы не желаем заслушивать кумулятивные доказательства по тем предметам, о которых слышали.

Дюбост: Я не думаю, что я предъявляю кумулятивное доказательство трибуналу, зачитывая документы которые ранее не читали, но раз так, то я продолжу, однако, не упуская ответственности Кейтеля за эти приказы и их исполнение.

Документ PS-510 (страница 48), который ещё не читали. Мы представляем его как экземпляр RF-367 и мы просим трибунал вынести о нём судебное уведомление. В нем говорится о выполнении упомянутых выше приказов в связи с высадкой английских войск в Патмосе.

Циркулярное письмо генерального штаба, адресованное командованию различных частей (PS-532), является приложением к книге документов трибунала. Этот документ снова упоминает и уточняет инструкции, уже известные трибуналу, и не содержит ничего нового. Мы представляем его под номером RF-368 и просим трибунал принять его без доказательства.

Сейчас мы будем говорить о казни союзных летчиков, захваченных в плен. Из изложения этого вопроса трибуналу стало известно, что некоторые воздушные операции рассматривались немецким правительством как преступные действия, что косвенно содействовало линчеванию населением летчиков или непосредственному умерщвлению их путем применения к ним «особого обращения», на котором нет надобности останавливаться, так как о нем уже говорилось в документе USA-333, который уже оглашался, так же как и документ USA-334.

В соответствии с этими инструкциями письмом от 4 июня 1944 г. министру юстиции были отданы приказы о том, чтобы он запретил возбуждение уголовных дел против германских гражданских лиц в связи с убийством союзных летчиков. Об этом говорится в документе PS-365, который трибунал найдет в приложении к книге документов. Этот документ получит номер RF-370 в связи с передачей его трибуналу.

Рейхсминистр и начальник рейхсканцелярии

4 июня 1944

«Рейхсминистру юстиции, доктору Тираку[336].

Содержание: Суд Линча над англо-американскими убийцами.

Дорогой доктор Тирак:

Начальник партийной канцелярии сообщил мне о своем секретном меморандуме, копия которого прилагается. Я осмеливаюсь сделать это настоящим письмом и прошу вас решить, в какой степени вы ознакомите с этим вопросом трибуналы и прокуратуры».

6 июня на двух важных заседаниях присутствовали Кальтенбруннер, Риббентроп, Геринг (эти трое являются подсудимыми в настоящем процессе), Гиммлер, фон Браухич[337], офицеры воздушных сил и войск СС. Было решено установить точный список воздушных операций, которые являются террористическими действиями.

Оригинал отчета, составленного Варлимонтом, на котором имеются сделанные от руки замечания Йодля и Кейтеля, содержится в документе PS-735, RF-371. На этом заседании было решено, что суд Линча будет наилучшим наказанием за некоторые воздушные нападения на гражданское население. Кальтенбруннер обещал, со своей стороны, активное содействие частей СД…

Председатель: Его уже читали?

Дюбост: Насколько мне известно, данный документ никогда не читали.

Экснер: Я протестую против представления документа PS-532, от 24 июня 1944. Это проект приказа, представленный Йодлю и зачёркнутый им, и таким образом

[336] Отто Тирак (1889 — 1946) — немецкий нацистский государственный деятель, группенфюрер СА (1942). Президент Народной судебной палаты (1936—1942), рейхсминистр юстиции Германии (1942—1945). Покончил жизнь самоубийством находясь под арестом.

[337] Бернд фон Браухич (1911 – 1974) – немецкий лётчик. С 1941 главный адъютант Г. Геринга как командующего воздушными силами.

аннулированный.

Пользуясь случаем, я также хочу обратить внимание суда на тот факт, что мы защитники, не получили документальной книги, которую представили трибуналу и поэтому нам очень трудно проверять и следовать за презентациями обвинения. Каждое утро мы получаем гору документов, некоторые из них относятся к будущим заседаниями, некоторые к прошедшим. Но я не видел документальной книги в хронологическом порядке недели. Более того, для нас было бы желательно, получать эти документы за день. В данном случае, когда представляют показания, мы могли бы оказать содействие обеим сторонам.

Председатель: Доктор Экснер, вы говорите, что не получили документальную книгу или не получили досье?

Экснер: Я не получил документальную книгу.

Председатель: Что же, я представляю, что вы только, что слышали – я говорил господину Дюбосту, о том, что он должен объявлять номер который французский обвинитель присваивает любому документу, который он приобщает в качестве доказательства. Как я понял, он присваивал номера документам, но в некоторых случаях он не объявлял номер в открытом заседании. Документ, как вам известно, который представляют, как я понимаю, имеет вверху номер, но он не во всех случаях объявлял номер, и трибунал сказал господину Дюбосту о том, что он желает и распоряжается о том, чтобы каждый документ, приобщаемый французским обвинителем имел номер экземпляра объявляемый в суде. Это удовлетворяет тому вопросу который вы подняли.

Что касается отсутствия документальной книги, это конечно же, нарушение распоряжения трибунала о том, чтобы определённое количество копий документов направлялось в информационный центр подсудимых или иным образом вручалось защитникам.

Что касается документа PS-532…

[*Была пауза в заседании пока судьи совещались*]

Председатель: Доктор Экснер, есть ещё то, что вы хотите сказать по этому поводу, потому что мы уже подошли к перерыву. Мы хотим услышать, что вы хотите нам сказать до перерыва.

Экснер: Мне нечего добавить к сказанному, но если мне позволят сделать замечание, нас уведомили о том, что уважаемый суд желает, чтобы мы слышали о том, что будет предметом заседаний завтра, что, конечно же было бы большим подспорьем в нашей подготовке. До сих пор, такого не было. Лично я, никогда не слышал о том, что будут рассматривать на следующий день.

Председатель: Благодарю господин Дюбост, трибунал хочет услышать, что вы можете сказать по поводу сказанного доктором Экснером. Прежде всего, о

документе PS-532, во-вторых, почему он не получил документальную книгу, и наконец, почему он не получил программу о том, что будет рассматриваться на следующий день.

Дюбост: По вопросу программы, как отметил доктор Экснер, установлено, порядок не был установлен обвинением. Никто никогда не представлял её, ни французское обвинение, ни какое-либо другое. Наверное, меня не было на заседании, когда трибунал попросил, чтобы программу вручали. Во всяком случае, я не помню, чтобы обвинение когда-либо просили об этом.

Что касается документальной книги, возможно, что документальную книгу не передали защите в той же форме, как и трибуналу, то есть, со страницами пронумерованными в определённом порядке. Однако, я уверен в том, что вчера я направил в комнаты защиты текст на немецком языке и несколько текстов на французском всех документов которые я представил сегодня. Я не могу заверить трибунал в том, что их всех вручили в том порядке, в котором они у вас, но я уверен в том, что их направили.

Председатель: А по поводу документа PS-532?

Дюбост: Я не начинал зачитывать PS-532, господин председатель, поэтому я не скрыл факт, что имеется рукописная пометка на оригинале.

Председатель: Ранее этот документ представляли?

Дюбост: Я так не думаю, господин председатель. В моём досье есть ряд номеров документов, которые я не читал, насколько я знаю, трибунал пожелал, чтобы я сократил свою презентацию, и документ PS-532, который я представил под номером экземпляра RF-368 один из них.

Председатель: Документ, согласно доктору Экснеру, это проект распоряжения, которое было представлено Йодлю, но которое не было им разрешено. Такими были его слова в переводе, и поэтому он полагает, что не следует его рассматривать, и он не показывает больше того, что это был проект.

Если это так, понятно, что он не должен быть приобщён как доказательство?

Дюбост: Это вопрос, о котором решать трибуналу, после заслушивания пояснения доктора Экснера. Данный документ не кажется мне имеющим большое значение в презентации, поскольку я не читал из него. Во всяком случае, так как я не читал его, я не мог утаить от трибунала то, что имеется рукописная пометка на оригинале. Разумеется, данную рукописную пометку следует учитывать, и трибунал может принять своё решение о допуске данного экземпляра номер RF-368 на основании этого, после заслушивания пояснений защиты.

[*Объявлен перерыв*]

Нельте: Господин председатель, во время перерыва мне удалось поговорить со

своим клиентом, Кейтелем. До перерыва, французское обвинение представило в качестве доказательства документ номер F-668, экземпляр номер RF-361, фрагмент из ноты адмирала Дарлана, адресованной французскому послу Скапини. Французский обвинитель верит в то, как я понял из его слов, что он доказал этим, что соглашение между германскими генералами и французскими войсками, которые сложили своё оружие, не соблюдалось. В виду тяжести этих обвинений, я буду обязан французскому обвинению, если оно сможет сказать, в отношении данного документа, первое, доводились ли эти серьёзные обвинения французского правительства до сведения германского правительства? Французский обвинитель сделал из данного документа вывод о том, что информация, содержащаяся в нём также доказана. Я хочу отметить, что это является фрагментом из ноты адмирала Дарлана французскому послу Скапини. Из данного документа непонятно предпринял ли посол Скапини необходимые шаги совместно с германским правительством и более того, какой ответ дало германское правительство на данную ноту. По этой причине я прошу французского обвинителя сказать о том, сможет ли он установить из документов которые у него имеются, доводились ли эти серьёзные обвинения до сведения германского правительства, и во-вторых, какой ответ был дан германским правительством. Поскольку эти документы комиссии по перемирию находятся у победивших держав, ни защита, ни подсудимые не могут их представить.

[*Господин Дюбост подходит к трибуне*]

Председатель: [*Обращаясь к господину Дюбосту*] Вероятно наиболее уместно будет, если вы пожелаете сказать, что-нибудь по возражению доктора Нельте. Как я его понял, возражение заключается в том, что данный документ F-668 (RF-361), является нотой адмирала Дарлана с жалобой на то, что отдельные французские войска сдались на том условии, что они не будут военнопленными, но потом их направили в Германию как военнопленных. Доктор Нельте сказал о том, поднимался ли данный вопрос перед германским правительством и если так, какой ответ дало германское правительство? Трибуналу кажется, что данная просьба доктора Нельте является разумной.

Дюбост: Господин председатель, ответ был дан, послом Скапини послу Абецу.

Председатель: Моё внимание обратили на тот факт, что два документа на которые вы ссылаетесь датированы 4 апреля. Документ, на который ссылается доктор Нельте это следующий документ, а именно от 22 апреля. Таким образом, из документов которые предшествуют документу от 22 апреля, не видно, что случилось потом.

Дюбост: Господин председатель, лично я, об этом не знаю. Эти документы передало мне управление по делам военнопленных. Частично это фрагменты архивов переданных французским официальным ведомством, о которых я должен

проинформировать трибунал.

Председатель: Наверное, лучше это выяснить и понять, поднимался ли вопрос перед германским правительством и каким был ответ германского правительства.

Дюбост: Я это сделаю, господин председатель.

Председатель: Не сейчас, а со временем.

Дюбост: Я обращусь к французскому правительству для того, чтобы установить имеется ли в наших архивах какой-либо след сообщения от французского правительства германскому правительству датированный после 26 апреля.

Председатель: В том случае если вы не можете дать удовлетворительное пояснение, трибунал примет возражение доктора Нельте, или даже критику данного документа.

Мне также указали, на тот факт, что два более ранних документа на которые вы ссылались, являются документами адресованными послом Франции господину Абецу, послу Германии; и может быть, существует похожая переписка в связи с документом номер F-668 (экземпляр номер RF-361) в этом же материале, копии которой имеются или есть у французского правительства.

Дюбост: Возможно, но только гипотетически, этого я не хочу формулировать перед трибуналом. Я предпочту представить документы.

Председатель: Я полностью согласен. Вы не можете их рассматривать сейчас. Что касается вопроса затронутого доктором Экснером, трибунал считает, что документ номер PS-532, который был представлен как экземпляр номер RF-368, должен быть исключён из протокола. Если Соединённые Штаты и французские обвинители желают приобщить документ в качестве доказательства позднее, они могут ходатайствовать об этом. Похожим образом, защитник доктор Экснер, если пожелает использовать документ вправе так сделать.

В связи с другими вопросами, которые затронул доктор Экснер, трибунал желает, чтобы защитникам оказывалось всяческое содействие в их работе, и поэтому он категорически настаивает на том, чтобы правило установленное им в отношении документов строго выполнялось и он думает, что копии оригиналов, разумеется, должны содержать всё, что имеют оригиналы.

Данный документ, номер PS-532, копия, я думаю, могу сказать, не имеет рукописной пометки, которую имеет оригинал. Во всяком случае, важно, чтобы копии содержали всё, что имеется в оригинале.

Есть ещё один вопрос, на который я хочу сослаться. Я уже говорил о том, что очень важно, чтобы документы, когда они приобщаются в качестве доказательств, не только нумеровались как экземпляры, но и чтобы номера вовремя назывались. И, что ещё более важно, или настолько же важно, чтобы удостоверяющий сертификат о том, откуда поступил документ, представляли трибуналу. Каждый документ приобщённый Соединёнными Штатами имеет сертификат, говорящий о том, где его обнаружили или откуда он возник, и важно то,

чтобы такой практике следовали в каждом случае.

Ещё об одной вещи будет уместно сказать, и защита, и трибунал должны быть проинформированы, по крайней мере, за вечер, о программе которую предлагает представитель на следующий день. Как говорилось, это правда, что наверное этого не делалось обвинением во всех случаях, но по моим воспоминаниям это делали несколько раз, и во всяком случае такая практика является наиболее удобной, которую желает трибунал, и он будет рад знать обо всём, что вы, господин Дюбост, предлагаете сообщить завтра, и трибунал был бы крайне благодарен знать о том, сколько французское обвинение планирует представлять своё дело. Он бы хотел до завершения вашего выступления этим вечером, знать какая программа будет завтра.

Максвелл-Файф: С позволения вашей чести, меня интересует, могу ли я сказать одно слово в отношении документов, потому как у меня во время перерыва была возможность проконсультироваться с моим другом господином Доддом, а также с моим другом господином Дюбостом. Все документы PS составляют серию захваченных документов, чьё происхождение и обработка, были удостоверены 22 ноября письменными показаниями майора Кугана, которые приобщил мой друг полковник Стори. Обвинение полагает, что трибуналу можно проверить в подходящее время, что все такие документы были захвачены и удостоверены таким образом, что являются допустимыми. Я подчёркиваю слово допустимые, однако весомость которую трибунал придаст любому документу является вопросом к которому трибунал придет, судя по содержанию документов и обстоятельствам при которых они возникли. Я боюсь, есть единственная причина вмешаться сейчас, так как может быть определённая путаница между общим удостоверением документов как захваченных, что было сделано в письменных показаниях майора Кугана, и отдельными удостоверениями переводов, которые имеются в конце каждого отдельного американского документа. Я и мой друг, господин Додд стремимся к тому, чтобы данный вопрос был доведен до трибунала и мы с готовностью предоставим трибуналу любую информацию которую он пожелает.

Председатель: Эти письменные показания майора Кугана применимы ко всем прочим сериям документов приобщённым Соединёнными Штатами?

Максвелл-Файф: Они применимы к PS, и я думаю D, C, L, R и EC.

Председатель: Такой сертификат имеется на конкретном листе бумаги, который отмечен как PS-532, и не имеет других идентифицирующих отметок?

Максвелл-Файф: Да. Письменные показания доказывают, что документ был захвачен в немецких источниках, они приводят весь процесс, который происходил потом. Я не затрудняю трибунал его чтением, потому что как мы полагаем, что он допустим. Конечно же, вопрос весомости может различаться. Я не хочу вводить трибунал в заблуждение относительно того, что каждый документ был удостоверен по отдельности, то, что удостоверено, это конечно не захваченный документ. Если

документ поступил из какого-либо источники указанного в статье 21, тогда соответствующий орган удостоверяет его как поступивший от одного из источников и это делается индивидуально. Но относительно захваченных документов, мы не делали никакого отдельного удостоверения, мы полагаемся на письменные показания майора Кугана.

Председатель: Да, но минуточку, сэр Дэвид, наверное, правильно будет сказать, в отношении конкретного документа PS-532, или его части которая была представлена, прежде всего то, что копия представленная нам не имеет рукописной пометки, и поэтому неправильная. Мы согласны с вашим подходом о том, что она удостоверена как вы говорите письменными показаниями майора Кугана, которые допустимы, но, конечно же, это не имеет никакого отношения к весомости. Об этом говорил доктор Экснер обращаясь к нам.

Максвелл-Файф: Ваша честь, я это учёл.

Председатель: Этот документ, будучи частным документом, а не документом о котором мы можем принять судебное уведомление, который не оглашался в суде Соединёнными Штатами или другими обвинителями, и он не является доказательством, потому что господин Дюбост его не огласил.

Максвелл-Файф: Ваша честь, конечно же, по поводу него я не желаю развивать тему. Существует решение трибунала. Я хочу подчёркнуть лишь то, что PS как таковые удостоверены, и при оглашении могут приобщаться.

Председатель: Благодарю. Мы всё поняли.

От имени трибунала, я должен сказать, что мы извиняемся перед французскими обвинителями и сотрудниками, потому что нам указали на то, что эта рукописная пометка имеется в переводе и поэтому, господин Дюбост, я прошу принять мои извинения.

Дюбост: Благодарю вас, господин председатель. Трибунал разумеется помнит, что этим утром был отклонен документ номер PS-1553, который включал в себя счета за газ направляемый из Ораниенбурга в Аушвиц. Мне кажется, что после пояснений сэра Дэвида, данный документ PS-1553 может быть допущен трибуналом, поскольку он уже удостоверен.

Председатель: Господин Дюбост, его зачитывали?

Дюбост: Да, господин председатель. Я зачитывал его этим утром. Это 27 документ во второй документальной книге этого утра, но трибунал отклонил его, потребовав, чтобы я подготовил письменные показания. Вмешательство сэра Дэвида составляет письменные показания. Я прошу трибунал простить меня за данную просьбу, но я был бы благодарен, если он примет документ, который был отклонён этим утром.

Председатель: Очень хорошо.

Дюбост: Благодарю вас, господин председатель.

Председатель: Господин Дюбост, это вопрос газа, не так ли?

Дюбост: Верно.

Председатель: Был один счёт на погрузку и был ряд других счётов на погрузку на которые ссылались.
Дюбост: Да. И всё вместе составляет документ номер PS-1553 представленный как экземпляр номер RF-350. Данный документ включён в серию охваченную письменными показаниями о которых говорил вам сэр Дэвид.
Председатель: Господин Дюбост, если вы придаете им значение, могли бы вы назвать нам цифры из других счетов на погрузку? Я имею в виду количество газа.
Дюбост: Разумеется, господин председатель.
Председатель: Только для стенографической записи.
Дюбост: 14 февраля 1944, брутто вес 832 килограмма, нетто 555 килограмм (назначение Аушвиц); 16 февраля 1944, брутто 832 килограмма, нетто 555 килограмма (назначение Ораниенбург); 13 марта 1944, брутто 896 килограмм, нетто 598 килограмм (назначение Аушвиц); 13 марта 1944, брутто 896 килограмм, нетто 598 килограмм (назначение Ораниенбург); 30 апреля 1944, брутто 832 килограмма, нетто 555 килограмм (назначение Ораниенбург); 18 мая 1944, брутто 832 килограмма, нетто 555 килограмма (назначение Ораниенбург); 31 мая 1944, брутто 832 килограмма, нетто 555 килограмм (назначение Аушвиц). Мне кажется это всё.

К документу PS-1553 добавлено заявление Герштейна[338], и также заявление начальника американской службы который составил данный документ.

С разрешения трибунала, я продолжу презентацию о преступлениях в которых мы обвиняем подсудимых против союзных военнопленных, которых интернировали в Германии. Документ номер PS-732, страница 68 документальной книги, который мы недавно представили под номером экземпляра RF-371, это отчёт о важных встречах, которые состоялись между Кальтенбруннером, Риббентропом и Герингом, в ходе которых был составлен список воздушных операций образующих акты терроризма.

На этих встречах было решено о том, что линчевание будет идеальным наказанием за все действия направленные против гражданского населения, которые германское правительство назвало террористическими.

На странице 68 участвует Риббентроп. Мы читаем в одной из трёх копий записей о встрече проходившей в тот день, в первом абзаце, 11 строка:

> «Вопреки первоначальным предложениям министр иностранных дел, который хотел включить все террористические атаки против гражданского населения и соответственно воздушные атаки на города…»

Предложения сделанные Риббентропом выходили далеко за рамки тех, что были приняты на данной встрече. Три строки которые идут далее заслуживают внимания трибунала:

---

[338] Курт Герштейн (1905 — 1945) — офицер СС. Участник акций эвтаназии и уничтожения евреев. Предположительно покончил жизнь самоубийством во французской тюрьме.

«Линчевание должно быть правилом. С другой стороны, не стоит вопрос вынесения приговора трибуналом или передачи полиции».

В параграфе b, внизу страницы:

«…следует различать между вражеским лётчиком которого подозревают в преступных деяниях такого рода и готовят к высылке в лагерь лётчиков в Оберрурзеле, и тех кого следует передавать СД для особого обращения, когда подозрения подтвердились».

Трибунал разумеется, вспомнит описание, которое дало «особому обращению» американское обвинение. Имелось в виду простое уничтожение союзных летчиков, которые попали в руки германской армии.

На странице 69, трибунал может прочесть, под цифрой 3 описание и перечисление актов которые должны были считать террористическими атаками и оправдывать линчевание.

«(a) Расстрел из оружия гражданского населения и собраний гражданских лиц.

«(b) Расстрел немецких лётчиков выбросившихся на парашютах из самолета.

«(c) Расстрел из оружия пассажиров поездов и публичных собраний.

«(d) Расстрел из оружия госпиталей или госпитальных поездов явно обозначенных красным крестом».

Три строки ниже:

«Такие акты следует расследовать в ходе допроса, пленные должны передаваться СД».

Документ исходил из штаб-квартиры фюрера. Он был подготовлен 6 июня 1944, и имеет штамп заместителя начальника штаба Вермахта.

Председатель: Я думаю, всё зачитывали господин Дюбост. Я думаю, документ зачитывали ранее.

Дюбост: Господин председатель, мне сказали, что нет, не зачитывали.

Председатель: Я не проверял это.

Дюбост: Мы представляем документ номер PS-729, как экземпляр номер RF-372. Данный документ подтверждает предыдущий. Он исходит из штаб-квартиры фюрера, датирован 15 июня 1944 и повторяет оглашенные мною приказы. Но данный документ подписан генералом Кейтелем, в то время как предыдущий был подписан «Й». Мы не смогли установить автора этого инициала.

Документ номер PS-730, который мы далее представляем как экземпляр номер RF-373, он также из штаб-квартиры фюрера, и также датирован 15 июня 1944. Он адресован в министерство иностранных дел для сведения посла Риттера. Трибунал обнаружит его на странице 71 документальной книги. Данный документ содержит инструкции за подписью «Кейтеля» в предыдущем документе, и он также подписан Кейтелем.

Мы представляем как экземпляр RF-374, документ PS-733, который касается обращения которое ожидало лётчиков попавших в руки германской армии. Это телефонограмма от адъютанта рейхсмаршала, капитана Бройера.

Нельте: Я полагаю, что вы закончили с вопросом линчевания. В презентации данного дела постоянно используются слова «Приказы Кейтеля». Обвинитель не читал эти документы. Я был бы обязан, если бы обвинитель представил документ который содержит приказ, который поднимает линчевание до уровня приказа, как заявило обвинение.

Председатель: Документы говорят сами за себя.

Дюбост: Трибунал желает заслушать полностью эти документы, которые подписаны Кейтелем? Это не приказы, это проекты. Более того, я подчеркнул, данный момент, когда объявлял о них трибуналу. На странице 80 нашей документальной книги, вы найдете, от 30 июня 1944, визу Кейтеля:

> «Заметка о встрече.
>
> «Предмет: Обращение с вражескими лётчиками-террористами.
>
> «I. Приложение, проект письменного ответа рейхсминистра иностранных дел начальнику ОКВ для оперативного штаба Вермахта».
>
> Я пропускаю абзац:
>
> «II. Рейхсмаршал одобрил определение лётчиков-террористов о котором сообщило ОКВ, а также предлагаемую процедуру.

Данный документ представлен как экземпляр номер RF-75. Я не представил трибуналу обычный приказ, а предъявил три документа которые по моему мнению, равнозначны приказу, потому что, с визой Кейтеля, есть записка, подписанная Варлимонтом, которая гласит: «Рейхсмаршал одобрил определение лётчиков-террористов о котором сообщило ОКВ, а также предлагаемую процедуру». Данный документ имеет визу Кейтеля.

Сейчас мы приобщаем документ номер L-154, который уже был представлен нашими американскими коллегами под номером экземпляра USA-335. Мой коллега обширно читал текст. Я просто сошлюсь на три строчки для того, чтобы не затягивать слушания: «Принципиально, никаких пилотов штурмовиков не нужно спасать от народного гнева». Данный текст исходит от ведомства Альберта Гоффмана[339], гауляйтера и рейхскомиссара обороны, гау Южная Вестфалия.

Под номером экземпляра RF-376, мы приобщаем документ номер F-686, на странице 82 нашей документальной книги. Это протокол допроса Хуго Грюнера[340] от 29 декабря 1945. Он являлся подчинённым Роберта Вагнера[341], гауляйтера Бадена

---

[339] Альберт Гофман (1907 – 1972) – немецкий нацистский политик. В 1943-1944 гауляйтер Южной Вестфалии. После войны осуждён к 5 годам лишения свободы.

[340] Хуго Грюнер (1895 – 1971) – немецкий политик. Крейсляйтер. Лично убил пленных американских лётчиков. Приговорён к смертной казни и совершил побег. Объявлен умершим в 1971.

[341] Роберт Вагнер (1895 — 1946), партийный и государственный деятель эпохи «Третьего Рейха», гауляйтер (25 марта

и Эльзаса. В последних строчках данного документа, страница 82, Грюнер заявляет:

«Вагнер отдал формальный приказ убивать всех союзных лётчиков которых мы можем захватить. В этой связи Вагнер пояснил нам, что союзные лётчики причиняют немецкой территории большие разрушения, что он считал бесчеловечной войной и поэтому, с учётом обстоятельств, любой захваченный лётчик не должен был считаться в качестве военнопленного и не заслуживал никакой пощады».

Страница 83, вверху страницы:

Он заявил крейсляйтерам, что если представиться возможность, нельзя упускать возможность поймать и расстрелять союзного лётчика. Как я вам говорил, Рём был помощником Вагнера, но сам Вагнер не выступал. Я могу заявить о том, что генерал СС Хофман[342], который являлся начальником СС и полиции юго-западного региона, присутствовал, когда Вагнер отдал нам приказ убивать союзных лётчиков».

Данный свидетель Хуго Грюнер, признался, что он участвовал в казни союзных летчиков в октябре или ноябре 1944.

Проезжая через Рейнвейлер, он (Грюнер) заметил, что каких-то английских или американских лётчиков достали из Рейна солдаты. Четверо лётчиков были одеты в форму хаки, были босыми и были среднего роста. Он не мог поговорить с ними, так как не знал английского языка. Вермахт отказался забирать их себе.

Есть третий абзац внизу страницы и свидетель заявляет. Я читаю:

«Я сказал жандармам о том, что я получил приказ от Вагнера о казни любого союзного лётчика взятого в плен. Жандармы ответили, что это единственное, что можно сделать. Тогда я решил казнить четырёх союзных лётчиков и один из жандармов посоветовал берег Рейна в качестве места для казни.

На странице 84, абзац 1, Грюнер описывает как он совершил убийство этих лётчиков и признает, что убил их из пулемета в спину. В третьем абзаце он приводит имя одного из своих сообщников, Эриха Мейснера, который являлся агентом Гестапо из Лорраха, и затем он заявляет о Мейснере как убийце летчиков, так как он вышел из машины и пошёл к Рейну. Я читаю:

«Он убил их выстрелами из пулемета в спину, после этого каждого лётчика протащили за ноги и бросили в Рейн».

Данные письменные показания получены полицейским магистратом

1925 — 8 мая 1945) и рейхсштатгальтер (5 мая 1933 года — 8 мая 1945) Бадена, начальник гражданского управления оккупированного Эльзаса (2 августа 1940 года — 8 мая 1945). Казнён по приговору французского суда.

[342] О́тто Хофман (1896 — 1982) — высокопоставленный офицер СС времён Третьего рейха, начальник Главного управления СС по вопросам расы и поселения, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (21 июня 1943 года), генерал войск СС (1 июля 1944 года). После войны осуждён американским трибуналом к 25 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Страсбурга. Документ который мы представляем был подписан сотрудником магистратского суда как заверенная копия. Так приказы отданные германским правительством исполнялись немецким народом.

Председатель: Господин Дюбост, уже 5 часов и наверное вы сможете сказать нам, какова ваша программа на завтра.

Дюбост: Завтра мы завершим презентацию по вопросу военнопленных. Мы представим вам в сокращённой форме документы которые нам кажутся незаменимыми, несмотря на заслушивание свидетелей по вопросу лагерей. Есть немного документов, но они все прямо уличают того или иного подсудимого. Затем мы покажем о том как приказы отданные руководителями германской армии приводили к совершению актов терроризма и бандитизма подчинёнными, а также против патриотов с которыми не обращались как с фран-тирерами, а как с обычными уголовниками.

Мы ожидаем закончить завтра утром. Вечером, мой коллега, господин Фор, сможет начать презентацию последней части французских обвинений относительно преступлений против человечности.

Председатель: Могли бы вы оценить продолжительность французского обвинения?

Дюбост: Мне кажется трёх дней будет достаточно для господина Фора. Индвидуальные обвинения будут подытожены за полтора дня нашим коллегой господином Мунье, и это будет конец.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 31 января 1946*]

День сорок седьмой

Четверг, 31 января 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения суда, я хочу объявить, что подсудимые Кальтенбруннер и Зейсс-Инкварт отсутствуют на утреннем заседании по болезни.

Дюбост: Господа, перед тем как закончить, я должен прочесть ещё несколько документов о военнопленных.

Прежде всего, это будет документ номер L-166, который мы представляем как экземпляр номер RF-377, страница 65 вашей документальной книги. Он касается записи которая суммирует беседу с рейхсмаршалом 15 и 16 мая 1944, по предмету преследования самолётов. Страница 8, абзац номер 20:

> «Рейхсмаршал предложит фюреру, чтобы американские и английские экипажи которые умышленно обстреливают города, гражданские поезда находящиеся в движении или солдат выбросившихся с парашютом, немедленно расстреливали на месте».

Можно не подчёркивать значение данного документа. Он показавает вину подсудимого Геринга в репрессалиях против союзных лётчиков сбитых над Германией.

Сейчас мы огласим документ R-117, который мы представляем как экземпляр номер RF-378. Два «Liberators[343]» сбитые 21 июня 1944 в округе Мекленбург, приземлились целыми вместе с экипажами, всего 15 человек. Все были расстреляны под предлогом попытки к бегству. Документы обнаруженные в штаб-квартире 11-го Luftgaukommando[344] говорят о том, что девять членов одного экипажа были переданы местной полиции. В следующем предпоследнем абзаце, третья строка, мы читаем о том, что они стали военнопленными и были переданы полиции Варена. Лейтенанты Хелтон и Людка были переданы 21 июню 1944 охранной полицией унтерштурмфюреру СС Штемпелю из полиции безопасности и бывшему комиссару криминальной полиции, в Фюрстенберге:

> «Эти семеро пленных были застрелены в пути, при попытке побега.
> Лейтенанты Хелтон и Людка также были застрелены в тот же день при попытке побега».

---

[343] Консолидэйтед B-24 «Либерейтор» (англ. Consolidated B-24 Liberator) — американский тяжёлый бомбардировщик времён Второй мировой войны, разработанный фирмой Consolidated Aircraft Corporation.

[344] «Командование воздушного округа» (нем.)

По поводу второго «Liberator», на странице 91 мы читаем:

«Предмет: Крушение «Liberator» 21 июня 1944 в 11 ч 40 мин…шесть членов экипажа застрелены при попытке побега; один, серьезно раненый, доставлен в гарнизонный госпиталь в Шверине».

Сейчас мы представляем как экземпляр номер RF-379, документ F-553, который трибунал найдёт на странице 101 документальной книги. Данный документ касается интернирования военнопленных в концентрационных лагерях и лагерях уничтожения. Среди бежавших пленных проводилось разграничение. Если они являлись рядовыми и сержантами, которые соглашались работать, их в целом возвращали в лагерь и наказывали в соответствии со статьями 47 и последующими Женевской конвенции. Если под вопросом были офицеры и сержанты – это я прокомментирую в документе который зачитаю трибуналу – если стоял вопрос офицеров и сержантов, которые отказывались работать, их передавали полиции и в целом убивали безо всякого суда.

Можно понять цель такого разграничения. Те французские сержанты, которые, несмотря на давление германских властей, отказывались работать на германскую военную промышленность, имели очень ясную концепцию о своём патриотическом долге. Их попытка к бегству, таким образом, создавала предубеждённость об их непримиримости к нацистскому порядку, и они должны были устраняться. Уничтожение этой элиты предполагало систематический характер с начала 1944 и ответственность Кейтеля безоговорочно имеется в этом уничтожении, которое он одобрял, если и не отдавал конкретный приказ.

Документ, который ранее имелся у трибунала это письмо с протестом генерала Берара, главы французской делегации в германскую комиссию по перемирию, адресованное немецкому генералу Фогелю[345], председателю указанной комиссии. Оно касается информации доходившей до Франции относительно уничтожения бежавших пленных.

Первый абзац, четвёртая строка:

«Настоящая нота раскрывает существование германской организации, независимой от армии, в ведение которой попадают бежавшие пленные».

Нота была адресована 29 апреля 1944 комендантом офлага X-C. Я читаю со страницы 102:

«Капитан Люзес» - заявляет генерал Берар германской комиссии по перемирию» - из офлага X-C, и лейтенант Гиро, из этого же офлага, которые предприняли попытку побега 27 апреля 1944, были захвачены в непосредственной близости от лагеря охраной лагеря.

23 июня 1944 старший французский офицер офлага X-C получил две

[345] Оскар Фогель (1881 – 1954) – немецкий генерал артиллерии. Председатель немецкой комиссии по перемирию в 1941-1942.

погребальные урны содержащие прах двух этих офицеров…»

Этому французскому офицеру не сказали подробностей о причине смертей капитана Люзеса и лейтенанта Гиро. Генерал Берар в то же время отметил перед германской комиссией по перемирию, что нота – которая имеется у трибунала на странице 104 – была доведена комендантом офлага X-C старшему французскому офицеру этого офлага:

> «Доведите до сведения ваших товарищей о том, что существует контроль за людьми передвигающимися незаконно, со стороны германской организации чьим полем деятельности являются регионы находящиеся в состоянии войны от Польши до испанской границы. Каждый бежавший пленный который захвачен в гражданской одежде, с поддельными документами и паспортами, поддельными фотографиями, попадает в поле деятельности данной организации. Что с ними происходит, я не могу сказать. Предупредите своих товарищей о том, что данный вопрос является особенно серьёзным».

Последние две строчки данной ноты имеют особое значение, когда урны содержащие прах двух бежавших французских офицеров были переданы старшему офицеру лагеря.

Наши советские коллеги по обвинению представят условия при которых репрессировались офицеры, бежавшие из лагеря Саган.

Председатель: Был ли какой-нибудь ответ на эту жалобу? То, что вы зачитали, как я понял, это жалоба французского генерала Берара, германскому главе комиссии по перемирию, правильно?

Дюбост: Господин председатель, я не знаю, был ли ответ. Я знаю лишь только, что архивы Виши ко времени освобождения были частично разграблены и частично уничтожены ввиду военных действий. Если бы ответ был, он бы находился в архивах Виши, так как документы которые мы сейчас представляем это докменты из немецких архивов германской комиссии по перемирию. Что касается французских архивов, я не знаю, что с ними стало. Во всяком случае, возможно, что они исчезли в результате боевых действий.

Я сообщил трибуналу о том, что мои советские коллеги изложат условия при которых осуществлялись репрессивные меры в лагере Саган при попытке побега.

Мы представляем экземпляр номер RF-380, документ номер F-762, который трибунал обнаружит на странице 115 документальной книги. Это отчёт из службы по делам военнопленных и депортированных от 9 января 1946, который ссылается на депортацию в Бухенвальд 20 французских военнопленных. Данный отчёт следует считать аутентичным документом, также как отчёты о военнопленных которые к нему прилагаются. На странице 116 отчет Клода Пети, бывшего представителя пленных в шталаге VI-G:

> «В сентябре 1943 французские гражданские рабочие в Германии и французские военнопленные которых заменили» - это означает превратили в рабочих – «были лишены всякой духовной помощи, среди них не было ни одного священника. Лейтенант Пьяр, главный каппелан шталага VI-G, после беседы с военнопленным капелланом аббатом Роденом, решил задействовать шесть священников военнопленных которые вызвались проповедовать среди французских гражданских лиц.
>
> Такое изменение в классификации священников сложно было выполнить, так как Гестапо не разрешало капелланам присутствовать среди гражданских рабочих…»

Эти священники и несколько скаутов организовали скаутскую группу и группу Католического действия[346].

На странице 117:

> «С начала 1944 священники почувствовали себя под надзором Гестапо в своей деятельности…
>
> В конце июля 1944 шестеро священников были арестованы почти одновременно и направлены в тюрьму Браувейлер, рядом с Кёльном…».

Страница 118, тоже самое произошло со скаутами:

> «Вопреки этому вопиющему нарушению Женевской конвенции, я предпринял многочисленные шаги и заявил несколько протестов, по поводу военнопленных арестованных Гестапо, я даже запрашивал о причине ареста…
>
> Ввиду быстрого продвижения союзников, которые приближались к Аахену, все пленные из Браувейлера были вывезены в Кёльн…»

[*Доктор Штамер подходит к трибуне*]

Дюбост: Господин председатель, перед тем как позволить защитнику прервать меня, разрешите мне закончить оглашение данного документа.

Председатель: Продолжайте.

Дюбост: Благодарю, господин председатель. Из конца абзаца трибунал узнает о том, что германские военные власти сами предпринимали шаги для того, чтобы узнать о судьбе этих пленных:

> «Военные власти не имея о них сведений, незамедлительно начали переписку с Бухенвальдом, переписку которая осталась без ответа».

И снова:

> «В начале марта, майору Брамкамп, начальнику группы Абвера,

[346] Католическая акция - организация мирянского движения в Католической Церкви, основанная в 1922 году.

пришлось лично ехать в Бухенвальд…»

На страницах 120-121 трибунал найдет список пленных которые исчезли таким образом.

На странице 122 есть подтверждение данных показаний господином Суше, представителем пленных в команде 624, который пишет:

> «…некоторые военнопленные, превращённые в рабочих, и французские гражданские рабочие организовали в Кёльне группу Католического действия под руководством заменённых военнопленных священников Панье и Клетона…»

Наконец, страница 123:

> «…аресты начались с членов Католического действия» - и обвинениями были – «антигерманские уловки…».

Штамер: Мы не в состоянии следить за презентацией французского обвинителя. Прежде всего, перевод не очень хороший. Некоторые предложения пропадают. В особенности указываются неправильные номера. Например, указывался 612. У меня он есть. Это совершенно другой документ. У нас нет документальных книг, и поэтому мы не можем следовать за цитированием страниц. Также мои коллеги жалуются на то, что они не в состоянии следить за разбирательством при такой манере презентации.

Председатель: Могу я посмотреть ваш документ?

[*Документ передан председателю*]

Штамер: Этот номер только, что упоминался, что могут подтвердить остальные господа.

Председатель: Документ, который читал господин Дюбост был 672. Документ который у вас здесь, имеет другой номер.

Штамер: Но этот номер дошёл до нас, 612, и не только я, но и другие господа слышали этот же номер. И не только этот номер, но и все номера приводятся неправильно.

Другая трудность заключается в том, что у нас нет документальных книг. Указывалась страница 118, но номер страницы нам ничего не говорит. Мы не можем следить так быстро.

Председатель: Господин Дюбост я думаю, действительно есть затруднение ввиду того, что вы слишком быстро называете номера, и номера очень часто неправильно переводят, не только на немецкий язык, но иногда и на английский. Для переводчиков очень трудно понимать все эти номера. Прежде всего, вы приводите номер документа, затем номер экземпляра, затем страницу документальной книги – и это означает, что переводчикам приходится переводить слишком много номеров, говоря очень быстро.

Важно то, чтобы подсудимые могли следовать за документом; как я понял, у них не имеется документальных книг в том же виде как у нас. Это единственный способ, чтобы следить. Однако у нас они есть в конкретной документальной книге постранично, и поэтому абсолютно необходимо, что бы говорили медленнее.

Дюбост: Господин председатель, документальные книги, все документы, переданы защите.

Председатель: Вы говорите о документальных книгах переданных защите в том же виде как их передали нам, скажем, со страницами? Говоря за себя, только так я могу следовать за документом. Вы упоминали страницу 115 и она показывает где находится документ. Если бы у меня не было страницы, я бы не смог найти документ.

Дюбост: Господин председатель, я объявил одновременно RF-380, который номер экземпляра, F-672 это классификационный номер. Все наши документы имеют классификационный номер. Защите невозможно вручить документальную книгу пронумерованную также как у трибунала, так как она не представляется на том же языке. Она представлена на немецком языке и страницы не на тех же местах. Не существует абсолютной идентичности в нумерации между немецкой документальной книгой и вашими.

Председатель: Я говорю вам о трудностях, в которых работают защитники, и если бы у нас просто были номера документов без нумерации, у нас были бы похожие трудности. И это очень трудно. Поэтому вы должны говорить медленнее, приводя идентификацию документа.

Дюбост: Я выполню пожелания трибунала, господин председатель.

Председатель: Доктор Штамер, документ который читали был F-672.

Штамер: Мы не можем найти документ 672. У нас есть 673. У нас нет ничего кроме закладок, и нам приходится рыскать в них в поисках номера. У нас есть 673, но мы пока не нашли номер 672 в числе наших документов. Нам очень трудно следовать за цитатой, потому что тратится много времени, чтобы найти номер даже если его правильно назвали.

Председатель: Я могу понять сложность. Господин Дюбост, вы продолжите, и делайте, как я сказал, говорите очень медленно, чтобы предоставить защитникам, насколько возможно, возможность найти документ. И я думаю, вы должны, чтобы удовлетворить, при возможности, что позволит им искать документ – сделать нумерацию или буквы. Индекс, например, приводящий порядок документов.

Дюбост: Три дня назад, две документальные книги на французском языке, пронумерованные как книги, имеющиеся у трибунала, были переданы защите. Мы смогли передать только две из них, по причинам технического характера. Но одновременно мы передали защите достаточное количество документов на немецком языке, чтобы позволить каждому защитнику иметь свои материалы на немецком языке. Трибунал просит меня сличить страницы французской

документальной книги, которую мы представили защите со страницами документальной книги, которую мы собрали, когда у защиты было на это время? Три дня назад две французские документальные книги были переданы защите. У неё имелась возможность сравнить французские тексты с немецкими текстами, чтобы убедиться в том, что наши переводы правильные, и подготовиться к заседаниям.

Председатель: Продолжайте, господин Дюбост. Как я сказал, помедленнее.

Штамер: Неправильно, что мы получили их 3 дня назад. Мы обнаружили эту кучу в нашей комнате вчера вечером. У нас просто не было времени пронумеровать эти страницы. Как я сказал, она оказалась у нас в комнате вчера вечером.

Председатель: Продолжайте, господин Дюбост, и говорите, медленно описывая идентификацию документа.

Дюбост: Мы переходим к документу F-357, который будет представлен как экземпляр номер RF-381. Этот документ касается осуществления общих приказов о казне военнопленных. Он содержит показания германского жандарма который стал пленным 25 мая 1945, и который заявил (страница 127):

> «Все военнопленные, которые попадали в наши руки при любых обстоятельствах, убивались вместо передачи Вермахту, как делалось до этого».

Это касается приказа, который был отдан в середине августа 1944. Свидетель продолжает:

> «Казнь проводилась в пустынном месте».

На странице 128, этот же свидетель приводит имена немцев которые казнили военнопленных.

Сейчас мы представим документ PS-1634, который станет экземпляром номер RF-382. Трибунал найдет его на странице 129 в документальной книге. Это документ который ещё не оглашался. Он относится к убийству 129 американских военнопленных которое было совершено германской армией на поле в юго-западе и западе от Байне в Бельгии, 17 декабря 1944 в ходе германского наступления.

Автор данного доклада суммирует факты. Американские пленные были доставлены к перекрёстку. Несколько солдат, чьи имена указаны, бросились через поле на запад, прячась среди деревьев в высокой траве, в зарослях и канавах, и таким образом избежали резни своих соратников. Другие, которые в момент бойни находились поблизости от сарая, спрятались в нём. Они также выжили.

Страница 129:

> «…артиллерийский и пулемётный огонь по колонне американских машин продолжался от 10 до 15 минут, и затем два немецких танка и несколько бронемашин появились на дороге от Вема. Доехав до перекрёстка, эти машины повернули на юг, на дорогу к Сен-Виту. Танки направили пулемётный огонь на канаву вдоль дороги в которой спрятались американские солдаты, увидев это, другие американские

солдаты бросили своё оружие и подняли руки над головой. Сдавшиеся американские солдаты двинулись к перекрёстку, и проходя мимо немецких машин на шоссе N-23, немецкие солдаты из этих машин забрали у американских военнопленных личные вещи, такие как наручные часы, кольца и перчатки. Американские солдаты затем были собраны на дороге Сен-Вита перед домом расположенным на юго-западном повороте перекрёстка. Другие немецкие солдаты, на танках и бронемашинах, остановились на перекрёстке и также обыскали захваченных американцев и забрали их ценности…»

Вверху страницы 131:

«…американский пленный был допрошен и выведен на указанный перекрёсток.

…приблизительно в это же время немецкий лёгкий танк попытался стать на дороге так, чтобы его орудие было направлено на группу американских пленных собранных на поле приблизительно 20-25 ярдов у дороги…

Я снова пропускаю несколько строк.

«…несколько танков остановились напротив поля на котором стояла группа безоружных американских пленных, с поднятыми руками или сжатыми за головой. Немецкий солдат, либо офицер, либо унтер-офицер, в одной из машин остановился, вышел, достал свой револьвер, прицелился и выстрелил в группу американских пленных. Один из американских солдат упал. Это повторилось второй раз и другой американский солдат упал на землю. В это же время, из двух машин на дороге был открыт огонь по группе американских пленных на поле. Все, или большинство из американских солдат упали на землю и оставались лежать пока велся огонь, 2 или 3 минуты. Большинство солдат на поле были ранены пулемётным огнем. Немецкие машины поехали на юг в сопровождении других машин которые приехали со стороны Вема. По прибытию новых машин, они стали напротив поля, на котором лежали американские солдаты, и начали стрелять из лёгкого оружия из проезжавших машин по лежащим на поле телам…»

Страница 132:

«Несколько немецких солдат, очевидно из группы тех кто охранял перекрёсток, подошли к группе раненых американских пленных которые всё ещё лежали на земле в поле…и стреляли из пистолета или винтовки, избивали прикладом или другим тяжелым предметом, любого из американских солдат которые проявляли признаки жизни. В некоторых случаях, американские пленные были застрелены в упор,

в лоб, в висок или затылок…».

Это деяние образует акт чистого терроризма, позор, который останется с германской армией, так как ничто не может это оправдать. Эти пленные были безоружными и сдались.

Трибунал вчера разрешил мне представить документы на которых французское обвинение основывает обоснование виновности Геринга, Кейтеля, Йодля, Бормана, Франка, Розенберга, Штрайхера, Шираха, Гесса, Фрика, ОКВ, ОКХ[347], ОКЛ[348] и рейхскабинета и нацистского руководящего состава, а также СС и Гестапо, за жестокости совершённые в лагерях. Я буду очень краток. У меня есть несколько новых документов.

Первый касается Кальтенбруннера. Это американский документ L-35, который трибунал найдёт на странице 246 документальной книги о концентрационных лагерях, то есть второй книги. Этот документ ещё не представляли. Это показания Рудольфа Мильднера[349], доктора права, полковника полиции, который заявил:

> «Приказы об интернировании подписывались начальником Зипо и СД, доктором Кальтенбруннером или в качестве заместителя главой управления IV, группенфюрером СС Мюллером[350]».

Он станет экземпляром номер RF-383 (бис).

Касательно Геринга мы представим американский документ PS-343, экземпляр номер RF-384. Это письмо от фельдмаршала Мильха[351] Вольфу[352]. Это письмо завершается фразой:

> «Я выражаю СС особую благодарность от главнокомандующего Люфтваффе за оказанную помощь».

Из того, чтобы было ранее, можно сделать вывод о том, что благодарность относится к биологическим экспериментам доктора Рашера[353]. Таким образом, Геринг причастен к ним.

Медицинский корпус германских СС причастен. Это можно понять из документа PS-1635, который ещё не вручали трибуналу, который станет

---

[347] ОКХ от нем. OKH (нем. Oberkommando des Heeres) — верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год. Находилось в Вюнсдорфе под Цоссеном.

[348] ОКЛ (нем. Oberkommando der Luftwaffe, нем. OKL) — Верховное командование люфтваффе, верховный орган управления ВВС Германии до и во время Второй мировой войны.

[349] Рудольф Мильднер (1902 — после 1949) — австрийский юрист, штандартенфюрер СС, руководитель гестапо в Катовице и командир полиции безопасности и СД в Дании.

[350] Генрих Мюллер (1900 — предположительно между 1 и 2 мая 1945) — начальник секретной государственной полиции (IV управление РСХА) Германии (1939—1945), группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Предположительно был убит во время попытки выйти из Берлина.

[351] Эрхард Мильх (1892 — 1972) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (19 июля 1940). Заместитель Германа Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению, был досрочно освобождён в 1955 году.

[352] Карл Вольф (1900 — 1984) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. Главный адъютант Г. Гиммлера в 1935-1945.

[353] Зигмунд Рашер (1909 — 1945) — немецкий медик, сотрудник Аненербе, врач в концентрационном лагере Дахау, гауптштурмфюрер СС. Казнён по приказу Г. Гиммлера.

экземпляром номер RF-385 и который трибунал найдёт в приложении к второй документальной книге. Это фрагменты из обзоров микроскопического и анатомического исследования. Они касаются экспериментов проведённых на лицах которые скоропостижно скончались, имея хорошее здоровье. Обстоятельства их смерти описываются экспериментаторами таким образом, что ни у какого читателя не может быть сомнения в том как они умерли.

С разрешения трибунала, я зачитаю короткие отрывки. Страница 132 документа который мы представили трибуналу:

> «Изучалась щитовидная железа 21 лица от 20 до 40 лет, которые имея хорошее здоровье скоропостижно скончались.
>
> Настоящие лица, 19 мужчин и 2 женщины, до смерти несколько месяцев проживали в схожих условиях, в том числе по пище. Последняя принятая пища в основном содержала углеводы.
>
> Заменители продуктов и методы исследования» - заголовок.
>
> Значительный период, образцы для экспериментов брали из печени 24 взрослого в хорошем состоянии здоровья, которые внезапно скончались между 5 и 6 часами утра».

Изучив эти документы, а также оригиналы, трибунал увидит, что германская медицинская литература весьма богата на эксперименты проводимые на «взрослых в хорошем состоянии здоровья которые скоропостижно скончались между 5 и 6 часами утра».

Никого в Германии не могли обмануть условия, при которых произошли эти смерти, поскольку отчёты эсэсовских докторов об экспериментах в лагерях печатали и публиковали.

Один из последних документов F-185(b) и (a), относится к эксперименту с отравленными пулями который прошёл 11 августа 1944, в присутствии штурмбаннфюрера СС доктора Динга и доктора Видманна[354] – страница 187 второй документальной книги. Эти два документа представлены как экземпляры RF-386 и RF-387. Трибунал найдёт описание эксперимента в котором жертвы описаны как лица приговорённые к смерти.

Председатель: Думаю, документ уже зачитывали.

Дюбост: Это документ из французских архивов. Однако, господин председатель, я сомневаюсь, чтобы трибунал заслушивал документ F-185 (b), экземпляр RF-386, который является мнением французского профессора, господина Мэя, доктора хирургии, которому представили псевдонаучные документы, на которые я ссылаюсь – отчёты о научных наблюдениях экспериментов. Он писал, страница 222:

> «Озлобленность и глупость экспериментаторов нас поразила. Симптомы отравления нитратом аконитина известны с незапамятных

---

[354] Альберт Видманн (1912 – 1986) – немецкий химик и штурмбаннфюрер СС. Участник программы эвтаназии и испытания ядов.

> времен. Этот яд иногда использовался некоторыми дикими племенами для отравления своих стрел. Но никто, никогда не слышал об их письменных наблюдениях в претенциозной стилистике, с ожидаемым результатом их опытов – наблюдениях которые являлись совершенно неадекватными и бессмысленными – как и не подписывались «Doz.», то есть профессор».

Сейчас мы представляем документ F-278 (а) как экземпляр номер RF-388. Он уличает Кейтеля. Это письмо подписанное: «По приказу высшего командования Вермахта, доктор Леман[355]». Оно датировано 17 февраля 1942 и адресовано министру иностранных дел и уличает его. Оно касается режима в лагерях интернированных:

> «Правонарушители доставляемые в Германию во исполнение указа фюрера не имеют никакой связи с внешним миром. Таким образом, они не могут писать, получать письма, посылки или принимать посетителей. В письмах, посылках и посетителях отказывают, замечая, что любая связь с внешним миром запрещается».

Высшее командование выразило свою точку зрения в письме от 31 января 1942, согласно которому не может быть вопроса бельгийских адвокатов допускаемых к бельгийским пленным.

Сейчас мы представляем документ PS-682, который будет экземпляром номер RF-389, страница 134 второй документальной книги. Этот документ уличает германское правительство и рейхскабинет. Это протокол беседы между доктором Геббельсом и Тираком, министром юстиции в Берлине, 14 сентября 1942, с 13 часов до 14 ч 15 мин.

> «В отношении уничтожения асоциальной жизни, доктор Геббельс имеет мнение о том, что должны быть уничтожены следующие: все евреи и цыгане, поляки имеющие наказание 3-4 года, чехи и немцы приговорённые к смерти, пожизненному заключению или превентивному аресту (Sicherungsverwahrung). Идея их уничтожения работой является наилучшей…»

Мы подчёркиваем последнюю фразу, которая показывает, даже в сердце германского правительства, волю к «уничтожению работой».

Последний документ который мы представляем в отношении концентрационных лагерей это документ F-662, который станет экземпляром номер RF-390, страницы 77 и 78, вторая документальная книга. Этот документ является показаниями господина Путье, проживающего в Париже, Пляс де Бретель, который отмечает, что интернированные в отделениях Маутхаузен-Эбенс работали под

---

[355] Рудольф Леман (1890-1955) — немецкий военный юрист, начальник юридического отдела Верховного главнокомандования Вермахта, генерал-обер-штабс-рихтер. Осуждён на одном из Нюрнбергских процессов как нацистский преступник. Американским трибуналом осуждён к 7 годам лишения свободы.

непосредственным контролем гражданских лиц, СС выступало только в качестве охраны заключённых. Данный свидетель, который находился в многочисленных рабочих отрядах, заявляет о том, что все приказы и контроль исходили от гражданских лиц, а СС только надзирало и о том, что жители деревни, так как интернированные приходили и уходили оттуда с работы, могли наблюдать их несчастье, что подтверждает показания, которые уже были даны трибуналу в течение последних нескольких дней.

Мы подытоживаем нарастающую преступную германскую политику на Западе: в начале оккупации, нарушение статьи 50 Гаагской конвенции, казнь заложников, но при этом создание псевдо «закона о заложниках» для легализации этих казней в глазах оккупированных стран.

В последующие годы, посягательства на права отдельных лиц нарастали, и наконец в последние месяцы оккупации они достигли апогея. К этому времени произвольное лишение свободы, пародийные суды или казни без суда стали ежедневной практикой.

Приговоры, как помнит трибунал, не вступали в силу если были оправдательными или мягкими, людей оправданных германскими трибуналами, которых должны были освободить, депортировали и они умирали в концентрационных лагерях.

В то же время нарастала сила организации французов, которые остались на французской земле и отказались позволить своей стране умереть. На этой стадии германский терроризм стал нарастать ещё сильнее. Последовало то, что для описания террористических репрессий проводимых немцами против патриотов Западной Европы ввели слово «Сопротивление», не давая этому слову никакого иного смысла как самого общего.

С того времени как Германия поняла, что её политика коллабрационизма обречена на поражение, что её политика заложников только распаляет ярость народа который она пытается подчинить, вместо изменения своей политики в отношении граждан оккупированных стран, она усилила террор, который уже правил там и попыталась оправдывать его, говоря о том, что это является антикоммунистической кампанией.

Трибунал вспомнит приказ Кейтеля и поймет, какая мысль скрывалась за этим предлогом. Все французы, все граждане Европы без различия, без разницы в партиях, профессиях, религии или расах, участвовали в сопротивлении против Германии и их герои были погребены в могилах и моргах в которые их бросали немцы после уничтожения.

Но такая путаница была умышленной, она была расчётливой, в некоторой мере она оправдывала произвольные репрессивные меры о которых у нас уже имеются доказательства в документе F-278, который мы представляем под номером RF-391. Он датирован 12 января 1943 и подписан «фон Фалькенхаузеном».

> «Лица у которых обнаружены, без соответствующего разрешения, взрывчатка и военное оружие, пистолеты всех видов, автоматы, винтовки, и т.д., с боеприпасами подлежат немедленному расстрелу без суда».

Этот приказ и другие похожие исполнялись даже после высадки союзников в Западной Европе. Эти приказы исполнялись против организованных сил в Бельгии и во Франции, хотя сами немцы считали эти силы в некоторой степени войсками. Это можно понять из документа F-673, представляемого как экземпляр номер RF-392, под названием «Террористические акции против патриотов».

Председатель: Наверное, лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Да, господин Дюбост.

Дюбост: Документ, который я только, что представил под номером экземпляра RF-392 это меморандум Висбаденской комиссии. Мы читаем следующее:

> «Акция германских войск, даже если признать правдивость фактов представленных французами, происходила в форме боестолкновения выходящего за рамки чисто полицейской акции против отдельных преступников. С точки зрения противника мы имеем организации которые абсолютно отказываются принять суверенитет французского правительства Виши и которые с точки зрения количества, а также вооружения и командования почти всегда обозначаются как войска. Утверждается, что эти революционные подразделения считают себя частью сил сражающихся против Германии.
>
> Генерал Эйзенхауэр описал террористов сражающихся во Франции как войска находящиеся под его командованием. В отношении таких войск – в оригинале написано красной ручкой «к сожалению не только» - «направлены репрессивные меры».

Этот документ показывает нам, что в бою французские внутренние силы, а также все французские силы в западных оккупированных странах рассматривались германской армией как войска.

Председатель: Я вижу, что тут может быть польза для протокола. В документальной книге в связи с уничтожением невиновного населения, на странице 167.

Дюбост: Благодарю вас, господин председатель. С этими патриотами, которых германская армия считала регулярными войсками обращались как с солдатами? Нет.

Об этом приказ Фалькенхаузена. Их либо убивали на месте – и, в конце

концов, это судьба комбатанта[356] – или же доставляли в Зипо, СД и пытали до смерти эти существа, которые отменяли любые законные формальности, как показывает документ PS-835, который уже представлен под номером USA-527, и также документом F-673, страница 6 в вашей документальной книге, который мы приобщаем как экземпляр номер RF-392.

Документ номер RF-673 является большой сшивкой бумаг которые поступили из архивов германской комиссии в Висбадене, и мы представляем их полностью как экземпляр номер RF-362. Ссылаясь на документ F-673, бы обращаемся к одному из документов в этой большой немецкой книге.

> «Письмо из штаб-квартиры фюрера, 18 августа 1944, 30 копий, 26 копия, совершенно секретно.
>
> Предмет: Борьба с террористами и саботажниками на оккупированных территориях…2. Юрисдикция в отношении ненемецких граждан на оккупированных территориях.
>
> 1) Приложение – говорит автор письма – «мы направляем копию приказа фюрера от 30 июля 1944…».

Данный приказ фюрера находится на странице 9 вашей документальной книги. Абзац 3.

> «Настоящим приказываю войскам и всем военнослужащим Вермахта, СС и полиции незамедлительно расстреливать на месте террористов и саботажников которые пойманы на месте…
>
> 2) Любой кто захвачен позднее должен передаваться в ближайшее отделение полиции безопасности и СД.
>
> 3) Сторонники, в частности женщины, которые не принимают действительного участия во враждебной деятельности, подлежат направлению на работу».

Нам известно, что это означало. Нам известен режим труда в концентрационных лагерях. Но я продолжу оглашать текст сопроводительного письма к этому приказу фюрера, абзац 4. Данный абзац сам по себе является комментарием:

> «Проводимые юридические разбирательства в связи с любым актом террора или саботажа или иным преступлением совершённым не-немецкими гражданскими лицами на оккупированных территориях, которые угрожают безопасности или боеготовности оккупирующей державы прекращаются. Обвинительные заключения отменяются. Исполнение приговоров не производится. Обвиняемые и материалы дел передаются в ближайшее отделение полиции безопасности и СД».

---

[356] Комбата́нт (от фр. Combatant — сражающийся) — лицо, принимающее непосредственное участие в боевых действиях в составе вооружённых сил одной из сторон международного вооружённого конфликта и имеющее в этом качестве особый юридический статус

Данный приказ, подлежал передаче всем командирам, что указано на странице 7, и сопровождался последним комментарием, страница 8, предпоследний абзац:

> «Ненемецкие гражданские лица на оккупированных территориях которые угрожают безопасности или боеготовности оккупирующей державы способом иным нежели акты терроризма и саботажа подлежат передаче СД».

Этот приказ подписан Кейтелем.

Этим комментарием, Кейтель связал себя с духом приказа фюрера. Он добился казни многочисленных людей, так как приказ убивать безо всякого контроля любого подозреваемого в терроризме влияет не только на террористов, но и невиновных и даже сильнее затрагивает невиновных. Более того, комментарий Кейтеля выходил за рамки самого приказа Гитлера. Кейтель применил указание Гитлера – на странице 9 вашей документальной книги – для гипотетического случая который нельзя предвидеть:

> «Акты совершенные ненемецкими гражданскими лицами на оккупированных территориях которые угрожают безопасности или боеготовности оккупирующей державы».

Это собственная инициатива генерала. Это политический акт, который не имеет никакого отношения к ведению войны. Это политический акт который уличает его. Он делает его соучастником распространения и развития гитлеровской политики, так как это интерпретация приказа Гитлера, наверное в духе приказа, но за его рамками.

Зипо и СД были даны инструкции казнить безо всякого приговора. Эти инструкции выполнялись. Документ F-574 на странице 10 вашей документальной книги, представленный как экземпляр номер RF-393, это показания некоего Голдберга, адъютанта Sicherheitspolizei[357] в Шалон-сюр-Сане до освобождения этого города. Он был захвачен патриотами и допрошен дивизионным комиссаром, который являлся главой региональной судебной полиции в Дижоне. Защита разумеется не обвинит нас в его обыске подчинённым офицером полиции. Свидетеля допрашивал начальник судебной полиции Дижона. Свидетель заявил. Страница 12:

> «В конце мая 1944, не видя какого-либо письменного приказа, Sicherheitspolizei Шалона дали право применять смертную казнь и исполнять приговор без участия заинтересованных лиц в трибунале и без утверждения дела у командира в Дижоне. Начальник СД в Шалоне, то есть Крюгер[358], имел все необходимые полномочия для

[357] «Полиции безопасности» (нем.)

[358] Ганс Крюгер (1909 — 1988) — немецкий сельскохозяйственный инспектор, гауптштурмфюрер СС, военный преступник, начальник полиции безопасности в Станиславе, а затем в департаменте Франции. Немецким судом в 1968 году был приговорён к пожизненному заключению. Вышел на свободу в 1986.

принятия таких решений. Не существовало никакой оппозиции, насколько мне известно со стороны СД Дижона. Поэтому я сделал вывод о том, что такая процедура являлась обычной и соответствовала инструкциям, которые не были официально доведены до меня, но при этом исходили от высших властей».

Казни осуществлялись сотрудниками СД. Их имена приводит свидетель, но они не имеют особого интереса для трибунала, который рассматривает наказание главных преступников – тех кто отдавал приказы и от кого они исходили.

Как же исполнялись эти приказы в различных странах Запада? В Голландии, согласно показаниям находящимся в докладе голландского правительства, страница 15, я цитирую:

«Приблизительно тремя днями спустя после покушения на Раутера[359] – около 10 марта 1945 – я стал очевидцем казни нескольких голландских патриотов германской «зелёной» полицией, пока я работал в полях в Вальтропе».

Этот голландский документ классифицирован как французский номер F-224 (документ F-224 (a), экземпляр RF-277) и представлен вам полностью, но отдельный отрывок на который я ссылаюсь, не читали. Свидетель продолжает, на странице 16 вашей документальной книги:

«Я говорил с обервахмистром «зелёной» полиции чьё имя мне неизвестно, и он сказал мне о том, что эта казнь была местью за покушение на Раутера. Он сказал мне о том, что сотни голландских «террористов» были казнены по схожим причинам».

Другой свидетель заявил:

«Около 6 вечера» - это немец который отдавал приказы казнить голландских патриотов – «когда я зашел в свой кабинет, я получил приказ расстрелять 40 заключённых».

На странице 19, следователи, канадские офицеры, заявляют об условиях при которых были обнаружены трупы. Мне кажется трибунал не захочет чтения этого отрывка.

На странице 21 трибунал найдет отчёт Мунта, завершающий и поясняющий его отчёт от 4 июня о казни голландцев после покушения на Раутера.

Казнь проводилась по приказу Колица; 198 заключённых были вывезены. Мунт отрицает разрешение казни этих голландских патриотов, но говорит, что вместе с тем для него было невозможно помешать этому, в виду вышестоящих приказов которые он получил.

На странице 22, предпоследний абзац, тот же Мунт заявляет:

[359] Ганс Раутер (1895 — 1949) — один из руководителей нацистского оккупационного режима в Нидерландах, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (21 июня 1943 года), генерал войск СС (1 июня 1944 года). Казнён по приговору голландского суда.

> «После нападения на двух военнослужащих Вермахта в течение двух последующих дней, в которых оба были ранены, а винтовки похищены, мой начальник настоял на том, чтобы 15 голландских граждан были расстреляны; 12 были расстреляны».

Важный документ находится на странице 30 в вашей документальной книге. Он включён в F-224, который включает документы относящиеся к расследованиям голландского правительства. Это указ о введении чрезвычайной полицейской юстиции на территории оккупированных Нидерландов. Он подписан подсудимым Зейсс-Инквартом. Таким образом, можно идти к нему в поисках основной ответственности за эти чрезвычайные казни патриотов Голландии.

Из указа мы рассмотрим абзац 1:

> «…Объявляю на всей территории оккупированных Нидерландов, о незамедлительном введении чрезвычайной полицейской юстиции.
>
> Одновременно, я приказываю о том, чтобы всякий воздерживался от любой агитации, которая может нарушить общественный порядок и спокойствие общественной жизни.
>
> Я пропускаю абзац:
>
> «Старший руководитель СС и полиции предпримет все необходимые шаги которые являются необходимыми для поддержания или восстановления общественного порядка и спокойствия общественной жизни.
>
> При исполнении своих задач старший руководитель СС и полиции может отступать от действующего законодательства».

Чрезвычайная полицейская юстиция! Этими словами нас не обмануть. Это всего лишь вопрос убийства, в котором полиции разрешалось при осуществлении своих функций отходить от действующего законодательства. Эта фраза, которую подписал Зейсс-Инкварт и которая защищала его подчиненных, которые убивали голландских патриотов, что касалось германского права, сама по себе является осуждением Зейсс-Инкварта.

При исполнении данного указа трибунал увидит, что 2 мая – и это страница 32 вашей документальной книги – чрезвычайный полицейский трибунал вынес смертный приговор десяти голландским патриотам. На странице 34, ещё один чрезвычайный полицейский трибунал вынес смертный приговор десяти другим голландским патриотам. Все они были казнены. На следующей странице, применение этого же указа, чрезвычайный полицейский суд вынес смертный приговор патриоту и он был казнён.

Этот документ, документ F-224 (а), экземпляр RF-277, включает очень длинный список похожих текстов, которые как мне кажется излишне цитировать. Трибунал может обратиться только к последнему, который является особо интересным. Мы сейчас его рассмотрим, он на странице 46 вашей документальной

книги. Это отчёт следственной службы Нидерландов, согласно которому, пока невозможно установить количество голландских граждан расстрелянных военными подразделениями оккупирующей державы, мы можем сейчас говорить в целом о более чем 4000 казнённых. Подробности казней, места обнаружения тел следуют далее.

Это составляет самый частичный аспект страданий и человеческих жертв которые перенесла Голландия. Об этом следует сказать, потому что это следствие преступных приказов подсудимого Зейсс-Инкварта.

В случае Бельгии, главный документ это французский документ F-685, представленный как экземпляр номер RF-394, и вы обнаружите его на странице 48 вашей документальной книги. Это отчет, подготовленный бельгийской комиссией по военным преступлениям, который касается только преступлений совершенных германскими войсками ко времени освобождения бельгийской территории, сентябрь 1944. Все эти преступления были совершены против бельгийских патриотов, которые сражались против германской армии. Это не просто вопрос казней, но и пыток и плохого обращения. Страница 50:

> «В Греде был атакован лагерь тайной армии. Было обнаружено 15 изуродованных трупов. Немцы использовали пули с насечками. Некоторые тела были проколоты штыками. Двоих пленных избили палками перед тем быть застреленными».

Пленные являлись солдатами, державшими оружие в руках в бою, принадлежали к этим частям официально, в соответствии с показаниями в документах ранее цитированных вам, они считались германским генеральным штабом комбатантами.

> «У Форе, 6 сентября, несколько сотен человек из сопротивления проживали в Шато-де-Форе. Немцы были предупреждены об их готовности к акции, и решили провести репрессивную операцию. Ряд безоружных членов сопротивления попытался бежать. Некоторые были убиты, другие смогли отступить в замок, не в силах преодолеть кордон германских войск, другие стали пленными.
>
> Немцы продвигались, ставя перед собой пленных из сопротивления. Спустя 2 часа бой прекратился из-за нехватки боеприпасов. Немцы пообещали сохранить жизнь тех кто сдастся. Некоторых пленных погрузили в грузовик, других несмотря на данное обещание убили после пытки. Замок и трупы были облиты бензином и подожжены: 20 человек погибло в этой бойне. 15 были убиты в бою».

Примеры многочисленны. Показания героической Бельгии были необходимы. Они были нужны, чтобы мы помнили сколько ей должны, сколько мы должны бойцам её тайной армии, и насколько велика их жертва.

В отношении Люксембурга, у нас имеется документ министерства

юстиции Великого Герцогства Люксембург, который является документом UK-77, уже представленный как экземпляр номер RF-322, который трибунал найдёт на странице 53 документальной книги.

Трибунал заметит, что специальный чрезвычайный трибунал, похожий на тот, что действовал в Голландии, был создан в Люксембурге, тот, что действовал в этой стране вынес ряд смертных приговоров – 21 – все они произвольные, в виду произвольного характера трибунала вынесшего их.

Документ содержит официальное обвинительное заключение Великого Герцогства Люксембург против всех членов рейхскабинета, в особенности министров внутренних дел, юстиции и партийной канцелярии и против руководителей СС и полиции и в особенности против рейхскомиссара по сохранению германской нации.

В случае Норвегии, документ UK-79 уже приобщённый как экземпляр номер RF-323, страница 55 документальной книги, показывает, что трибуналы схожие со специальным трибуналом созданным в Голландии полицией, действовали в Норвегии. Они назывались трибуналы СС. Более чем 150 норвежцев были приговорены к смерти. Кроме этого трибунал вспомнит, показания господина Каппелена, который дал отчёт о том, что пережила его страна и его соотечественники.

Относительно Дании, на странице 57 вашей документальной книги, документ номер F-666, уже представленный как экземпляр номер RF-338, трибунал заметит, что согласно этому официальному докладу датского правительства полицейские военно-полевые суды схожие с теми, что действовали в Люксембурге, Норвегии и Голландии, действовали против датских патриотов. Эти чрезвычайные полицейские трибуналы, состоявшие из СС или полиции, в действительности маскировали произвольные меры полиции и СС, меры не только допускаемые, но и желаемые правительством, что видно из документов которые мы предоставили вам в начале этой речи.

Таким образом, мы утверждаем, что жертвы этих трибуналов были убиты без возможности оправдать или защитить себя.

В случае Франции вопрос при необходимости тщательно исследовался. Трибуналу известно, что с момента высадки, ответив на призыв генерального штаба, тайная французская армия восстала и вступила в бой. Несомненно, несмотря на предупреждение сделанное союзным генеральным штабом, эти комбатанты, которые несколько дней спустя официально были признаны немецкой стороной в качестве комбатантов, сначала оказались в неясной ситуации. Мы не оспариваем, что во многих случаях они являлись фран-тирерами[360]; мы признаем, что они могли быть приговорены к смерти, но мы протестуем, потому что они не были

[360] Фран-тирёр — («Вольный стрелок») — патриотическая организация движения Сопротивления во Франции, боровшаяся за национальную независимость государства в 1940—1943 годах.

приговорены к смерти, а были убиты и жестоко пытались. Мы дадим вам доказательства этого.

Документ F-577, который представлен как экземпляр номер RF-395, находится на странице 62 вашей документальной книги, говорит о том, что 17 августа, за день до освобождения Родеза, немцы расстреляли из пулемётов 30 патриотов. Затем, чтобы добить их, они бросили крупные камни со стены в ров в котором они лежали и присыпали их тела землей. Грудные клетки и черепа были проломлены.

Документ F-580, страница 79 вашей документальной книги, который представлен как экземпляр номер RF-396, показывает, что пять облатов[361] ордена Марии – насколько мне известно эти братья не были коммунистами – были убиты после пыток, потому что они принадлежали к группе тайной армии. Всего, 36 трупов были обнаружены после казни, «карательное мероприятие» было проведено германской армией.

На странице 85 трибунал прочтёт результат расследования и увидит, в каких условиях эти 5 монахов были убиты после пыток и в каком состоянии штаб группы сопротивления, который предали, был арестован и депортирован, вместе с несколькими членами этого религиозного ордена.

Представлены доказательства того, что Маки в лесу Ашери были арестованы и подвергнуты пыткам после заключения в тюрьму Фонтенбло. Нам даже известно имя немецкого сотрудника Гестапо, который пытал этих патриотов. Его имя не имеет значения – этот немец, Корф, исполнял приказы отданные Кейтелем и другими подсудимыми которых я назвал.

Документ F-584, представленный как экземпляр номер RF-397, страницы 87 и 88, показывает трибуналу, что, когда тела были найдены, было установлено, что 10 из них были ослеплены перед расстрелом, что у 8 были сломаны руки от травм или пыток, и у многих были раны нижних конечностей в результате сильного связывания. Это отчёт комиссара полиции в Пау, подготовленный 28 августа 1944, на следующий день после освобождения Пау.

Сейчас мы представляем документ F-585, как экземпляр RF-398. Трибунал найдет его на странице 96 документальной книги. Я подытожу.

Через день после освобождения, 38 трупов были найдены в двух могилах рядом с Синь на горе Вар. Один из лидеров сопротивления Лазурного берега, Вальми, и с ним двое парашютистов Пэжо и Манюэль, были опознаны. Был обнаружен свидетель этого убийства – его имя Тюро – чьи заявления приводятся на страницах 105, 106 и 107 вашей документальной книги.

Тюро пытали, вместе с его товарищами, не дав возможности

[361] Облаты — в христианском монашестве (особенно в католичестве, православии и англиканстве) это частные лица или сообщества людей, которые посвящают свою жизнь служению Богу, следуя определенной монашеской традиции, но не становясь при этом монахами

воспользоваться помощью адвоката или каппелана. 38 человек вывезли в лес. Они предстали перед пародией на трибунал составленный эсэсовцами. Их приговорили к смерти и приговор был привиден в исполнение.

Сейчас мы представляем трибуналу документ F-586, как экземпляр номер RF-399. Трибунал найдет его на странице 110 документальной книги. Он касается казни в Сен-Назере и Руане, 37 патриотов, членов тайной французской армии, которых пытали перед казнью. Здесь заявление о фактах от очевидца:

«Я прошел через развалины и пришёл к Шато госпожи Лорен, вдовы. Там была ужасающая картина. Замок, который Гестапо использовало в качестве пыточной для молодых маков, был сожжен. В подвале был высохший скелет, чьи запястья и ступни были вырваны и он очевидно был похоронен заживо».

Однако, продолжу. Везде где действовало Гестапо везде были одинаковые методы.

Сейчас мы передаём трибуналу документ F-699, который относится к убийству в Гренобле 48 членов тайной армии, всех из них пытали. Этот документ представлен как экземпляр номер RF-400.

Я перехожу к документу F-587, который мы представляем как экземпляр номер RF-401. Трибунал найдет этот документ на странице 115 документальной книги. Он касается казни через повешение 12 патриотов в Ниме, двоих из них вытащили из госпиталя где их лечили от ран полученных в бою. Эти молоды люди были захвачены в бою у Сен-Ипполит-дю-Форт. Тела этих несчастных людей были осквернены. На их груди был плакат: «Так наказывают французских террористов». Когда французские власти пожелали провести похоронный ритуал для этих несчастных, тела исчезли. Германская армия увезла их. Их так и не нашли. Фактически этих двоих вытащили из госпиталя. Документ F-587 содержит отчёт свидетеля который видел как мужчин забирали из госпиталя, в котором за ними ухаживали.

Я представляю документ F-561, как экземпляр номер RF-402 – страница 118 вашей книги. Он касается казни в Лионе 109 патриотов которых расстреляли в бесчеловечных условиях. Их убили в конце тяжелого дня. 14 августа союзные самолеты разбомбили аэродром Брон. С 16 по 22 августа немецкие власти использовали реквизированных гражданских лиц и заключённых из форта Монлюк в Лионе для засыпки воронок от бомб. В конце дня, когда работа была закончена, гражданские рабочие ушли, но заключённых расстреляли на месте после более или менее плохого обращения. Их тела сбросили в полузарытые воронки.

Документ F-591, который мы представляем как экземпляр номер RF-403, страница 119 документальной книги, это отчёт о жестокостях совершённых германской армией к 30 августа 1944 в Таво (Эзне):

«В течение вечера этого дня солдаты дивизии Адольф Гитлер[362] прибыли в Таво, они появились у дома господина Можена, который являлся лидером сопротивления. Его жена открыла дверь. Без объяснений они выстрелили в неё, ранили её в колено и также в нижнюю челюсть. Они оттащили её на кухню и сломали одну руку и одну ногу в присутствии её детей, в возрасте 9, 8, 7 и 6 лет, и 8 месяцев. Они облили госпожу Можен горючей жидкостью и подожгли её на глазах детей. Старший сын держал на руках свою младшую восьмимесячную сестру. Затем они сказали детям, что застрелят их, если они не скажут где их отец. Дети ничего не сказали, хотя знали где их отец. Перед тем как уйти они закрыли детей в подвале. Затем немцы облили бензином дом и подожгли его. Огонь затух и дети спаслись. Эти факты были рассказаны господину Можену его старшим сыном. Никто не был свидетелем этих фактов, так как жители напуганные поджогами первых домов, вынуждены были бежать либо в канавы или в соседние поля и леса.

В тот же вечер 21 человек был убит в Таво и 83 дома сожжено.

Далее идет отчёт жандарма, Карлье, о событиях следующего дня.

Документ F-589, который мы представляем как экземпляр номер RF-404, показывает количество убийств патриотов совершённых в регионе Лион. Он датирован 29 сентября 1944: 713 жертв были обнаружены в 8 департаментах; 217 были опознаны. Эти цифры приблизительные, явно это меньше чем количество людей которые пропали в 8 департаментах Эн, Ардеш, Дроме, Изер, Луара, Рона, Савойя и Верхняя Савойя.

Германский генерал фон Бродовски[363], признался в своём дневнике, который попал в наши руки, что он стал причиной убийства множества патриотов, и что Вермахт, полиция и СС действовали совместно и являются ответственными за эти убийства. Эти войска убивали раненых людей в госпитальных лагерях французских внутренних сил. Этот документ, который под номером F-257, представлен как экземпляр номер RF-405 и он находится на странице 123 вашей документальной книги. В последних четырёх абзацах полиция и армия едины:

«Мне поручили восстановление авторитета оккупационной армии в департаменте Канталь и соседних регионах».

Дата 6 июня 1944:

«Генералу Йессеру[364] поручено тактическое руководство мероприятием. Все доступные для операции войска будут подчиняться ему, как и другие силы.

[362] (Охрана штаба (нем.) или 1-й штандарт общих СС – отряд личной охраны руководства НСДАП созданный в 1928. В 1934 был переименован в «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер».

[363] Фриц фон Бродовски (1886 – 1944) – немецкий генерал. Убит при попытке побега из французского плена.

[364] Курт фон Йессер (1890 – 1950) – немецкий генерал. В 1943-1944 командовал рядом частей на территории Франции.

Командир Зипо и СД, гауптштурмфюрер Гейсслер[365], остается в моём непосредственном распоряжении, он представит мне предложения по возможностям использования» - и так далее.

Штаб и два батальона танковой дивизии СС «Das Reich[366]» дополнительно остаются доступны для операции в Кантале».

Генерал Бродовски передал СД (что равносильно казни без суда) французских пленных которых ранили 15 июня 1944. Префект ле Пюи запросил связного штаба о том можно ли доставить через Красный Крест в Пюи людей раненых в бою у Монмуше. Этот германский генерал, исполняющий приказы германского высшего командования – в частности Кейтеля и Йодля – сказал о том, что с ранеными людьми будут обращаться как с фран-тирерами и они будут доставлены в СД или Абвер. Раненые люди были переданы германской полиции, их пытали и убили без суда.

Согласно заявлению Голдберга, которое я представил, любого мужчину переданного СД казнили. События происходившие 21 июня 1944 отмечены Голдбергом: «Двенадцать подозреваемых арестованы и переданы СД».

К 16 августа 1944, страница 133, этот генерал германской армии убил 40 человек после боя в Бур-Ластик и Косне:

«В ходе операции Йессера, 15 июля 1944 в регионе Бур-Ластик, казнены 23 человека. Военный закон. Нападение на Косне; 3 километра к востоку от Сен-Илер, в течение ночи 17 июля, 40 террористов расстреляны».

На странице 136, этот германский генерал признает в своём собственном дневнике, что наши товарищи сражались как солдаты, а не убийцы. Этот генерал германской армии признает, что французские внутренние силы берут пленных:

«Юго-восток от Аргентона, 30 километров к юго-западу от Шатору, «Жако» обнаружил террористический центр; 16 германских солдат освобождены; оружие и боеприпасы захвачены; 7 террористов убито, 2 были капитанами. Один немецкий солдат серьезно ранен».

Еще один похожий инцидент далее:

«Обнаружение двух террористических лагерей в регионе Аргентон. Девять врагов убиты, двое из них были офицерами; 16 немецких солдат освобождено».

Внизу страницы он говорит: «Мы освободили двух эсэсовцев».

Эти французские солдаты были вправе на уважение со стороны своих противников. Они вели себя как солдаты, их убили.

---

[365] Хуго Гейсслер (1908 – 1944) – Гауптштурмфюрер СС. Командир полиции безопасности и СД в Виши. Убит в результате нападения партизан во Франции.

[366] 2-я танковая дивизия СС «Рейх», до 25 февраля 1941 года называлась Дивизия усиления СС (нем. SS-Verfügungsdivision)) — была образована 10 октября 1938 года путём объединения «частей усиления СС» (нем. SS-Verfügungstruppen) с частью соединений СС «Мёртвая голова». Род войск — мотопехота (нем. Panzergrenadier).

Председатель: Мы прервемся до 2 часов.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения суда, я хочу объявить, что подсудимые Кальтенбруннер и Зейсс-Инкварт будут отсутствовать на вечернем заседании по болезни.

Дюбост: Господа, мы дошли, до презентации террористической политики проводившейся германской армией, полицией и СС в неразрывной связи, в реализации своей зловещей задачи против французских патриотов. Сражавшиеся патриоты не были единственными жертвами этой террористической политики, даже их семьи подвергались преследованиям. Репрессиями угрожали их родственникам, и эти угрозы приводились в исполнение.

Мы предъявляем документ PS-719, RF-406. Этот документ трибунал обнаружит на странице 147 представленной нами книги документов. Это копия телеграммы из германского посольства в МИД Германии, в которой посол сообщает о разговоре представителей Виши с Лавалем.

Автор этой записки (вероятно, Абец) объясняет, что Буске[367], с которым был Лаваль во время этого разговора, заявил, что ему совершенно ничего не известно о недавнем побеге брата Жиро.

> «Госпожа Жиро, трое его дочерей, другой брат генерала и его невестка, кажется, находятся в лагере Вальс-ле-Бен. Я ответил, что эта мера является недостаточной и что ему не следовало бы удивляться, если в один прекрасный день полиция примет более строгие меры, учитывая, что французская полиция проявила несостоятельность в ряде случаев».

Угроза была приведена в исполнение. Мы уже говорили, что семья генерала Жиро была депортирована.

Мы представляем документ F-717 как экземпляр номер RF-407, страница 149 вашей документальной книги: «Париж, 10 часов 30 минут, 101, официальная правительственная телеграмма, Париж, французской делегации при МВТ Нюрнберг».

Из данной телеграммы, очевидно, что 17 человек, члены семьи генерала Жиро были депортированы в Германию. Госпожа Жиро, дочка генерала Жиро, 32 лет, была арестована без повода в Тунисе в апреле 1943, вместе с четырьмя детьми, в возрасте от 2 до 11 лет, совместно с молодой няней и её сводным братом,

---

[367] Рене Буске (1909 – 1993) – французский политик. Государственный секретарь полиции в правительстве Виши в 1942-1943. Убит в результате покушения.

господином Гранже. Семья генерала Жиро, также была арестована 9 октября 1943. Сначала их депортировали в Берлин, затем в Тюрингию.

Могу я попросить снисхождения трибунала, телеграфный стиль не располагает к пересказу: «Сначала направлена в Берлин, а затем в Тюрингию, женщины и дети господина Гранже в Дахау». (Я полагаю, что мы должны понимать это как то, что жена господина Гранже и няня которая сопровождала её).

Председатель: Господин Дюбост, что это за документ?

Дюбост: Это французская официальная телеграмма, господин председатель, перед вами подлинник, «101-официальная правительственная телеграмма Париж», напечатано в самом тексте телеграммы.

Председатель: Мы можем получать телеграммы от кого-либо, которые адресованы трибуналу?

Дюбост: Господин председатель, оно не адресовано трибуналу, оно адресовано французской делегации. Это официальная телеграмма от французского правительства в Париже, «Официальная правительственная Париж» и она была направлена как официальная телеграмма.

Председатель: Что означает МВТ Париж?

Дюбост: Международный военный трибунала в Париже. Это наше отделение в Париже на Вандомской площади, это ведомство французского министерства юстиции. Телеграмма начинается: «Генерал Жиро». Это телеграфное сообщение. Буквы «OFF» в начале телеграммы означают «официальная правительственная» из Парижа. Никакое французское телеграфное отделение не могло передать такую телеграмму если бы она не исходила от официального органа. Этот официальный орган это французская делегация МВТ в Париже, которая получила заявление генерала Жиро и переслала его нам: «Генерал Жиро французской делегации МВТ».

Председатель: Очень хорошо, трибунал принимает документ в соответствии со статьей 21 устава.

Дюбост: Я благодарю трибунал. Я читаю далее на странице 150:

> «С другой стороны, смерть госпожи Гранже 24 сентября 1943 несомненна ввиду недостаточного лечения, несмотря на постоянные просьбы о её оказании. После вскрытия тела, которое производилось в присутствии французского доктора, специально вызванного из Парижа после смерти, доктору Клаке разрешили вывезти четырёх детей обратно во Францию, а затем в Испанию, где их должны были передать отцу. Гестапо в Париже в этом отказало и детей вернули в Германию в качестве заложников, где их нашла бабушка, спустя только 6 месяцев».
>
> Последние четыре строчки:
>
> «Здоровье госпожи Гранже, её дочери Марии-Терезы, и двух её внуков сильно пострадали от физических, и в особенности моральных

тягот их депортации».

В качестве репрессалии за побег генерала Жиро, 17 человек были арестованы. Все они были невиновны и не принимали участия в организации побега Жиро.

Я уже неоднократно показывал, что в стремлении создать царство террора немцы использовали средства, которые возмущают сознание честных людей. Одним из этих отталкивающих средств был призыв к доносу.

В документе F-278(b) на странице 152, предъявляемом под номером RF-408, воспроизводится приказ от 20 сентября 1941 г., который являлся столь откровенным нарушением международного права, что это даже привело в беспокойство рейхсминистерство иностранных дел. Этот приказ от 27 декабря предписывает:

> «Если кому-либо станет известно, что оружие находится во владении или хранится лицами, не имеющими на то разрешения, следует в обязательном порядке делать заявления об этом в ближайшее отделение полиции».

Министерство иностранных дел, 29 июня 1942 г., выступило против проекта ответа на французскую ноту, которой в настоящее время в нашем распоряжении нет, но которая является протестом в ответ на упомянутый приказ от 27 декабря 1941 г. Трибуналу известно, что при проведении военных операций, которые сопровождали освобождение нашей страны многие архивы исчезли, и поэтому мы не можем довести трибуналу сведения о протесте, на который ссылается нота германского министерства иностранных дел от 29 июня 1942.

Во втором абзаце проекта немецкой ноты вкратце изложены аргументы французского протеста. Французы, видимо, писали, что если бы французы оккупировали какую-либо германскую территорию, они, безусловно, сочли бы бесчестным любого немца, который выдал бы оккупационным властям нарушителя изданных ими приказов, причем эта позиция была принята германским министерством иностранных дел. Далее в проекте ноты говорится:

> «Основываясь на упомянутых соображениях, министерство иностранных дел считает спорным указание наказывать лиц, не заявивших о владельцах оружия. Предписание о наложении наказания, сделанное в столь общей форме, тем более нецелесообразно, что дало бы возможность французам заявить, что германская армия требует от них действий, которые сама расценивала бы как преступные в том случае, если бы они были совершены немцами»

Я повторяю, что этот проект ноты подготовлен в германском министерстве иностранных дел и подписан Штраком. Не существует более сурового осуждения германской армии, чем то, которое исходило от самого министерства иностранных

дел Германии. Представители гитлеровской армии выразили свое отношение к ноте так: «Берлин. 8 декабря 1942 г. Верховное командование германских вооруженных сил. Верховное командование германских вооруженных сил считает:

> «…не представляется необходимым открывать дискуссии с французским правительством по вопросу о праве, на которое оно ссылается. Вследствие этого мы также считаем, что не следует отвечать на французскую ноту».

Этот ответ к тому же начинается с утверждения, что любое смягчение отданных приказов будет рассматриваться во Франции и Бельгии как признак слабости.

То, что германская армия причинила оккупированным странам Западной Европы, не явилось признаком ее слабости. Она показала себя как армия, осуществлявшая террор, она создала царство террора во всех наших странах, и это она делала для того, чтобы представить возможность развиваться политике уничтожения побежденных народов, что по представлению всех нацистских руководителей, оставалось главной, вернее, единственной целью настоящей войны.

Эта террористическая политика, с примерами которой трибунал только что ознакомился, в частности, в вопросе о репрессиях в связи с нападением наших внутренних сил на силы противника, эта политика проводилась без всякой военной необходимости во всех странах Запада. Совершенные врагом опустошения весьма многочисленны. Мы ограничиваем изложение наших материалов описанием разрушения Роттердама, которое было произведено уже после того, как город капитулировал и оставалось лишь определить условия капитуляции. Во-вторых, мы хотим дать описание затопления, произведенного германской армией без какой бы то ни было военной необходимости, в 1945 году, накануне краха, когда уже стало ясно, что игра окончательно проиграна.

Мы избрали в качестве примера разрушение Роттердама потому, что это был первый террористический акт, совершенный Германией на Западе. Мы останавливаемся на искусственно созданном наводнении потому, что без своих дамб, без пресной воды Голландия перестанет быть Голландией и прекращает существование в тот день, когда ее дамбы уничтожены. Вот какова была реализация планов уничтожения противника, планов, которые были подготовлены Германией задолго до их проведения в жизнь, о чем свидетельствуют слова Гитлера, которые я процитировал в начале изложения материалов по этому вопросу, планов, которые Германия осуществляла до самого последнего момента, свидетельством чего являются бессмысленные наводнения.

Мы предъявляем документ F-719, который трибунал обнаружит на странице 38 находящейся перед нами второй книги документов, являющийся голландским отчетом относительно бомбардировки Роттердама и капитуляции голландской армии. На страницах 38 — 39 находятся копии перевода документов,

которыми обменялись командующий германскими войсками, осаждавшими Роттердам, и полковник, командовавший голландскими войсками, защищавшими город.

Капитан Беккер говорит о событиях, произошедших в тот вечер, и последовавшем за ними пожаре в городе. В 10.30 германский парламентер явился с ультиматумом, который не был подписан и в котором не было никаких указаний на отправителя ультиматума, предлагавшего голландцам капитулировать до 12 часов 30 минут. Этот документ был отослан обратно полковником голландской армии, который потребовал, чтобы ему сообщили фамилию и воинское звание офицера, обратившегося с этим ультиматумом.

В 12 часов 15 минут на линию германских войск явился капитан Беккер, который был принят германским офицером. В 12.35 он вел с ним переговоры на молочной кухне. Германский генерал написал условия капитуляции в ответе на письмо, которое представитель голландского генерального штаба доставил ему.

В 13.20 капитан Беккер отбыл из пункта, где происходили переговоры, с условиями капитуляции, на которые следовало дать ответ. Его сопровождали два германских офицера, охранявшиеся германским самолётом, они выстрелили красные ракеты в 13.22 и в 13.25. В 13.30 первые бомбы начали падать на Роттердам, и город был полностью сожжен. Вступление германских войск должно было состояться в 18 ч. 50 м., оно произошло раньше назначенного срока, а именно в 18 ч. 20 м. Позднее немцы заявили капитану Беккеру, что красные ракеты предназначались для того, чтобы избежать бомбардировки. Между тем управление самолетами по радио было бесперебойным. Капитан Беккер выразил свое удивление, что сигнал для предотвращения бомбардировки был передан с помощью ракет.

Затопление польдера[368] в Вирингермер началось 9 и 10 апреля 1945 г. трибунал обнаружит на странице 4 книги документов доказательство этого: В тот день германские военнослужащие появились на территории польдера, они отдавали приказания и выставили охрану у плотины.

> «17 апреля 1945 г. в 12 часов 15 минут они взорвали плотину так, что две части ее были разрушены таким образом, что они лишь едва возвышались над поверхностью Эйссельмер…
>
> «О населении. Оно было поднято по тревоге ночью с 16 на 17 апреля» — то есть в тот момент, когда вода начала заливать польдер... Сообщение, полученное мэром, о том, что в полдень, возможно, будет разрушена плотина, передавали в Вирингермере из дома в дом. Для эвакуации большого польдера, занимавшего около 20 тысяч гектаров,

[368] Польдер — осушенный и возделанный низменный участок побережья. Польдеры обычно располагаются на месте низменных заболоченных морских побережий — маршей, часто ниже уровня моря, защищены от моря или других окружающих водоёмов валами, дамбами и другими гидротехническими сооружениями от затопления морскими и речными водами.

было предоставлено времени всего с 8 ч. 30 м. до 9 часов. Телефонная связь полностью прервана, использовать автомобили было невозможно. Это означало, что некоторые люди не получили никакого предупреждения до 8 часов утра...

Срок, предоставленный населению для эвакуации, следовательно, был слишком коротким...

Утром 17 апреля, в день, когда произошла эта катастрофа, группы германских солдат начали грабежи… Эти солдаты прибыли из Вирингена. Все, что они не хотели грабить, они уничтожали...»

Этот польдер занимает площадь, равную половине всей затопленной территории Северной Голландии. Он был затоплен 17 апреля, то есть тогда, когда германская армия уже потерпела поражение. Голландия прилагает усилия к тому, чтобы отвоевать этот польдер у воды. Ее мужество, усердие и энергия являются предметом нашего восхищения, но, тем не менее, ущерб, причиненный ей германской армией 17 апреля, колоссален.

Во всех странах Запада политика террора и политика уничтожения переплетались теснейшим образом.

Мы предъявляем документ С-45, RF-410. Это приказ от 10 февраля 1944 года, который показывает нам, что, по мнению руководителей германской армии, карательные меры должны были осуществляться без учета каких бы то ни было соображений:

«Ответный огонь открывать немедленно, если при этом и погибнут невиновные, хотя это и вызывает сожаление, но виновниками в данном случае являются только террористы».

Эти строки подписаны офицером штаба германского военного командования в Бельгии и Северной Франции, и начальство ни разу не выразило ему своего неодобрения.

Предъявляемый под номером RF-411 документ F-665 свидетельствует о том же:

«Производство розыска в находящихся под подозрением деревнях требует опыта. Следует обращаться к помощи СД или ГФП[369] (секретной полевой полиции).

Сообщников партизан следует разоблачать и хватать без всякой жалости. Коллективные меры против жителей всех деревень (это включает сожжение деревень) должны проводиться в исключительных случаях и могут быть приказаны только командованием дивизий или начальниками СС и полиции».

[369] Тайная полевая полиция (нем. Geheime Feldpolizei Geheime Feldpolizei (инф.) — GFP — ГФП; другой вариант перевода — тайная военная полиция) — секретная военная полиция Третьего рейха. Группы и команды ГФП являлись исполнительными органами полевых и местных комендатур.

Этот документ датирован 6 мая 1944 г. и исходит от верховного командования германских вооруженных сил.

Он изобличает не только генеральный штаб армии, но и Трудовую службу[370], то есть Заукеля, а также организацию Тодта, то есть Шпеера. Действительно, в предпоследнем абзаце мы читаем:

> «Настоящее указание…имеет силу не только в отношении всего состава германских вооруженных сил, но и в отношении всех органов, действующих на оккупированных территориях, Трудовой службы Рейха, организации Тодта и т.д».

Эти приказы по замыслу были направлены на истребление невинного гражданского населения и проводились в жизнь со всей жестокостью путем постоянного сотрудничества германской армии, СС, СД и ЗИПО, действия которых вызывали у населения всех стран Запада одинаковое отвращение и осуждение.

В дневнике боевых действий генерала Бродовски, уже предъявленном трибуналу сегодня утром под номером RF-405, Во фрагменте на страницах 3, 4 и 5 документальной книги, вы найдете слова о том, что были проведены карательные операции.

> «Одна из них была предпринята в юго-западном районе департамента Дордонь у Лалинда, в ней приняла участие грузинская рота полевой полиции и сотрудники СД…»

И далее в записи от 14 июня 1944 г. говорится о разрушении Орадур-сюр-Глан. В дальнейшем я возвращусь к вопросу о разрушении этого французского города, а сейчас цитирую: «Было расстреляно 600 человек. — Пишет генерал Бродовски.

> «Все мужское население Орадура было расстреляно. Женщины и дети укрылись в церкви. Церковь была подожжена. В церкви были сложены снаряды. Все женщины и дети погибли».

Мы предоставим вам результаты французского расследования. Трибунал увидит в какой мере генерал фон Бродовски лгал, описывая уничтожение Орадура такими словами.

Тюль:

> «9 июля 1944 г., террористы совершили нападения на казармы, занимаемые 13-й ротой 95-го полка безопасности. Сражение закончилось благодаря прибытию подкрепления — танковой дивизии «Das Reich». 120 мужчин Тюля были повешены, 1000 — переданы в руки СД в Лиможе для производства расследования».

---

[370] Трудовая служба Рейха (нем. Reichsarbeitsdienst, RAD) — национал-социалистическая организация, существовавшая в Третьем рейхе в 1933—1945 годах. С июня 1935 года каждый немецкий юноша должен был проходить шестимесячную трудовую повинность, предшествовавшую военной службе. С начала Второй мировой войны деятельность RAD распространялась также на девушек. Трудовая служба Рейха была составной частью экономики Третьего рейха и частью воспитания в духе национал-социализма.

Председатель: Господин Дюбост, могли бы мы увидеть подлинник документа?
Дюбост: Я показывал его вам этим утром, господин председатель. Это весьма большой документ, если вы помните, сэр.
Председатель: Да. Мы хотим его увидеть.
Серватиус: Я хочу кратко разъяснить ошибку, чтобы её не повторять.

Французский обвинитель упомянул, что некие люди передавались в распоряжение Arbeitsdienst[371]. Я хочу отметить, что Arbeitsdienst нельзя путать с Arbeitseinsatz. Arbeitseinsatz непосредственного подчинялась Заукелю, в то время как Arbeitsdienst вообще ни имела никакого отношения к Заукелю. Я прошу трибунал отметить эту разницу.
Председатель: По техническим причинам трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Адвокат Заукеля, как я думаю, обратился к трибуналу.
Серватиус: Я заметил разницу между Arbeitsdienst и Arbeitseinsatz. Французский прокурор видимо перепутал Arbeitsdienst с Arbeitseinsatz, так как он сказал, что Arbeitsdienst была связана с Заукелем. Это не так. Arbeitsdienst являлась организацией по допризывной подготовке, которая существовала до войны и в которой молодые люди несли трудовую службу. Эти молодые люди в некоторой степени использовались для военных целей. Arbeitseinsatz занималась исключительно вербовкой рабочей силы для использования на фабриках и других местах. Таким образом, Заукеля нельзя связывать с обвинениями предъявляемыми в данной связи. Вот, что я хотел сказать.
Дюбост: Два немецких слова были одинаково переведены на французский. Была проведена проверка, замечания защитника правильные и Заукель здесь не участвовал, только армия.
Председатель: Очень хорошо.
Дюбост: Мы приведем примеры террористической политики истребления в Голландии, Бельгии и других оккупированных странах Запада.

Вот еще один из тысячи примеров по Голландии: массовая казнь в Путтене 30 сентября 1944 г. О ней говорится в документе F-224, RF-324, он находится на странице 46 документальной книги. 30 сентября 1944 г. участниками голландского движения Сопротивления в Путтене было совершено нападение на немецкий легковой автомобиль. Немцы решили, что деревня является пристанищем партизан, и отправили туда карательный отряд. Они обыскали дома и собрали население деревни в церкви.

Один немецкий офицер был ранен и взят в плен участниками Сопротивления. Немцы потребовали, чтобы офицера выдали в ближайшие 24 часа, и

[371] «Трудовой службы» (нем.)

обещали, что в этом случае не будет предпринято никаких мер. Офицер был освобожден после того, как ему была оказана медицинская помощь солдатами голландского движения Сопротивления, которыми он был захвачен. Тем не менее, несмотря на данное обещание, в отношении невиновного населения деревни Путтен были предприняты карательные меры.

Я цитирую второй абзац голландского отчёта:

«Собранному в церкви населению было сообщено, что все мужчины будут депортированы, а все женщины должны будут покинуть деревню, деревня же будет разрушена.

Было сожжено 150 домов. (Всего на территории было около 2000 домов).

Восемь человек, которые пытались спастись, в том числе и одна женщина, были убиты выстрелами из винтовок.

Мужчины были увезены в концентрационный лагерь в Амерсфюрте. Среди них находилось много людей, которые случайно оказались в блокированной деревне, но уйти им не позволили.

Из лагеря в Амерсфюрте было отобрано около 50 человек, 12 — выпрыгнули в пути из поезда, и, наконец, 622 человека перегнали в лагерь Освенцим. Большинство из них умерло за первые два месяца пребывания там.

Из 662 человек, которые были угнаны, после освобождения лагеря возвратилось лишь 32 человека из деревни Путтен и 10 человек из других мест».

Относительно Бельгии мы сообщим лишь несколько фактов, о которых говорится в документе F-685, RF-394. В двух последних абзацах на странице 48 описывается убийство немцами, разыскивавшими солдат бельгийской подпольной армии, молодого человека, который спрятался в укрытии.

В Гервэ немцы стреляли в автомобиль, переполненный молодыми людьми, и убили двоих из них. В этот же день немцы, ехавшие в танке, убили нескольких лиц гражданского населения.

Далее описываются массовые казни представителей подпольной армии. Цитирую:

«У Ане по немцам стреляли. Тогда они форсировали Маас, сожгли 58 домов и убили 13 человек. У Анневуа, 4-го немцы форсировали реку и сожгли 58 домов».

В пяти следующих абзацах говорится о разрушениях, бессмысленных с военной точки зрения.

«…3-го числа в Арендонке было убито 80 человек, 5 домов было сожжено. В Сен-Юбере 6-го числа было убито 3 человека и 4 дома сожжено. В Оди была планомерно разрушена деревня: 40 домов было

разрушено и 16 человек было убито, в Маркуре 10 человек было расстреляно и 36 домов сожжено, в Неротерене было расстреляно 9-го числа 9 человек, в Ост-Хаме 10-го числа было расстреляно 5 человек, в Белен-Нете 11-го числа было расстреляно 10 человек».

На странице 50 дается описание незаконных изъятий, произведенных немцами в то время, когда фронт временно стабилизировался. В предпоследнем абзаце говорится о том, что:

«Когда немцы отступали перед английским авангардом из Эштеля, население вывесило флаги. Свежие германские части вынудили отойти английский авангард и провели карательные действия: расстреляли 31 жителя, сожгли 80 домов и произвели массовый грабеж. В Эльштерне при таких же обстоятельствах было сожжено 34 дома и 10 человек было расстреляно. В Эренту имели место подобные же действия.

Обстоятельства, при которых эти люди были казнены, идентичны: немцы обыскивали подвалы, заставляли выходить оттуда людей, выстраивали их в ряд на дороге и, приказав бежать, стреляли по ним. В то же время они бросали в подвалы гранаты, раня женщин и детей, которые в них находились».

Еще один пример:

«Неожиданно возвратившись в деревню Ломель, немцы установили, что она разукрашена флагами. Один из немцев обнаружил 17 человек, спрятавшихся в укрытии. Он дал сигнал об этом экипажу танка, танк двинулся на укрытие и производил на укрытии развороты до тех пор, пока оно не обрушилось и не погребло под собой 12 человек».

О Норвегии мы предъявляем выдержки из представленного документа RF-323, страницы 51 и 52 вашей документальной книги:

«…13 апреля 1940 г. две женщины в возрасте шестидесяти лет были расстреляны в Рингерике. 15 апреля четыре гражданских лица, из которых двое — подростки по 15—16 лет, были расстреляны в Аадале. Один из них был убит выстрелом в голову и ударами штыка в живот. 19 апреля четыре гражданских лица, среди которых две женщины и маленький мальчик трех лет, были расстреляны в Рингсакере.

В качестве мести за смерть двух германских полицейских, которые были убиты 26 апреля 1942 г. в Телеваге, этот населенный пункт, то есть более девяносто хозяйств с 334 постройками, был полностью разрушен. Был причинен ущерб зданиям и движимому имуществу (мебели и рыболовным снастям) в 4200 тысяч крон».

В данном документе, трибунал обнаружит продолжение описания

германских злодеяний, совершенных в Норвегии без всякой военной необходимости и вызванных одним лишь стремлением поддерживать атмосферу террора.

Массовые расправы и разрушения во Франции были весьма многочисленны и не вызывались никакой военной необходимостью. Все они тесно переплетались между собой. Мы предъявляем под номером RF-412 документ F-243. Трибунал обнаружит его на страницах 178-193 предъявленной ему книги документов. Это длинный перечень, составленный французским управлением по расследованию военных преступлений во Франции, в котором указаны разрушенные и ограбленные без всякой военной необходимости населенные пункты. Чтение этого документа является достаточным для того, чтобы трибунал составил себе ясное представление о происходившем. Мы дадим лишь несколько примеров. Предъявив документ F-909, RF-413, мы рассчитываем с его помощью изложить обстоятельства, при которых был разрушен в Марселе целый жилой квартал. Это сообщается на страницах 56, 57, 58 книги документов, которая лежит перед трибуналом.

Считают, что около 20 тысяч человек было эвакуировано. Эта эвакуация проводилась на основании приказа от 23 января и имел место ночью с 23-го по 24-е число без предварительного уведомления. Я цитирую:

> «Считают, что было угнано около 20 тысяч человек. Некоторые лица, проживающие в Фрежюсе, были доставлены в концентрационный лагерь в Компьене...
>
> Операции по разрушению начались около 9 часов утра 1 февраля. Они осуществлялись германскими инженерными войсками.
>
> Площадь разрушенной территории равняется 14 гектарам, и на ней было около 1200 строений».

Было произведено расследование для установления виновников этих разрушений. После освобождения Марселя был допрошен фон Шпигель[372], германский консул в Марселе. Его показания включены в документ F-908, RF-414. Шпигель показал:

> «Мне известно, что спустя некоторое время после эвакуации жителей старого порта пронесся слух, что это мероприятие было вызвано интересами финансового порядка. Я могу утверждать перед вами, что, по моему мнению, это предложение ошибочно. Приказ пришел из высших органов правительства Рейха, в нем указывались следующие мотивы: обеспечение безопасности войск и ликвидация угрозы эпидемии».

Мы не намереваемся давать полное описание деяний, совершенных немцами. Мы дадим лишь несколько показательных примеров. Документ F-600,

[372] Эдгар фон Шпигель (1885 – 1965) – немецкий подводник, позднее дипломат. В 1942-1944 немецкий консул в Марселе.

который мы предъявляем под номером RF-415.

> «В городе Ои (Эн) один гражданин хотел дать выпить сидра американскому солдату. Возвратились немцы. Американский солдат и господин Эннебер были замечены немцами в месте, которое называлось «Черная гора», находящееся в деревне Ориньи-ан-Тьераш, где и был впоследствии обнаружен труп господина Эннебера, который был спрятан в куче хвороста. На трупе были следы от двух ударов штыком в спину...»

В Ланье, находящемся в департаменте Эн, документ F-604, RF-416, «один гражданин был убит в своем винограднике. Молодые люди и девушки были убиты на дороге». Основанием для убийств послужило якобы «...наличие «маков» в этом районе». Все жертвы ни в чем не были повинны.

В Кюло, документ F-904, который мы предъявляем под номером RF-417, «...двое молодых людей были арестованы потому, что побежали, завидев немцев... Ни один из них не принадлежал к движению Сопротивления».

В Сен-Жан-де-Морьенн, это документ F-906, представленный как экземпляр номер RF-418, страница 63 вашей документальной книги:

> «23 августа одетые в гражданское платье жандармы Шаван и Эмперер и господин Альбер Таравель были арестованы германскими солдатами без каких-либо законных оснований. Начальник комендатуры — лейтенант — обещал офицеру из жандармерии освободить этих людей. Этот германский комендант приказал своим людям позднее тайно расстрелять арестованных.
>
> 1 сентября госпожа Люси Перо, 21 года, служанка в кафе Дентру, была изнасилована германским солдатом, угрожавшим ей револьвером».

Я больше не стану перечислять зверства, которые излагаются в данном документе.

Я подошел к событиям в Веркоре. Бесспорно, в этом районе были собраны значительные силы армии Сопротивления. Но в документе F-611, который мы предъявляем под номером RF-419, перечисляются жестокости в отношении невиновного населения этого района, совершенные в качестве репрессалии за то, что в этом районе находились «маки». Данный документ находится в вашей книге на странице 69 и последующих. В абзаце 3 перечисление полицейских операций в районе Веркоре.

15 июля, в районе Сен-Дона: изнасилования, грабежи; 8 июля казнь в Порт-ле-Валанс 30 заложников, взятых из числа политических заключенных из форте Монлюк в Лионе; с 25 июля по 5 августа 1944 г. операции полиции против «маки», находившихся в Веркоре; изнасилования и грабежи в районе Креста, Сайана и Ди. Бомбардировка с воздуха многочисленных деревень в Веркоре, особенно

деревень Ля-Шапель и Васьё-ан-Веркор. Военно-полевые казни жителей этих населенных пунктов. Грабежи. После военно-полевого суда в Сен-Назер-ан-Руаян было казнено 100 молодых людей, 300 других было угнано из этого района в Германию, умерщвлено 50 тяжело раненных в гроте Ля Люир... 15 июня 1944 г. при налете германских войск на деревню Сен-Дона я цитирую: «Маки эвакуировали город несколькими днями ранее…54 женщины и девушки в возрасте от 13 до 50 лет были изнасилованы разнузданными солдатами...»

Трибунал извинит меня если опущу следующие подробности жестокостей Бомбардировки деревень Комбовин, Ла-Бом-Корнийан, Урше, и т.д:

> «В большинстве случаев количество жертв из числа гражданского населения в результате этих бомбардировок было довольно велико, так как население, захваченное врасплох, не имело времени для того, чтобы укрыться... В Кресте две женщины были изнасилованы... В Сайане три женщины были изнасилованы.
>
> Девочка двенадцати лет была ранена. Ей привязали обе ноги к балке и в течение шести дней она ожидала смерти, не имея возможности ни сесть, ни встать и не получая никакой пищи. Все это происходило на глазах немцев, которые заняли деревню» - медицинская справка доктора Николаидиса, который обследовал женщин которых изнасиловали в этом регионе.
>
> Я перехожу.

Я представляю документ F-612, как экземпляр RF-420. Для того чтобы терроризировать население Требордена в Бретани, были повешены невинные люди, а для того чтобы трупы кровоточили, они были искромсаны ножом».

В документе F-912, RF-421, описано умерщвление 35 евреев в Сент-Аман-Монроне: «Эти люди были арестованы и убиты гестаповцами и военнослужащими германских вооруженных сил выстрелами из револьверов в спину. Они не были виновны ни в одном преступлении».

А вот еще документ F-913, RF-422:

> «8 апреля 1944 г. германские военные из Гестапо арестовали юношу Андре Безилона, 18 лет, проживавшего в Ойонне (Эн). Его брат, был «маки». Зверски изуродованный труп этого молодого человека был обнаружен в Сиеже (Юра) 11 апреля 1944 г.: нос и язык были отрезаны, на всем теле были следы ударов ножом и порезы на ногах. Одновременно с Бессидоном в Сьеже было обнаружено еще четверо других молодых людей, которые были так изуродованы, что их невозможно было опознать. На них не было следов пуль, что ясно указывает на то, что они умерли в результате зверского обращения».

Я перехожу к документу F-615, RF-423, — описанию разрушения деревни Серизе (Де-Севр).

> «Пожар не вызвал несчастных случаев, но в это время сгорели трупы двоих людей, убитых германским отрядом, а также трупы двух жертв бомбардировки».

Деревня была разрушена огнем из орудий: 172 строения и 559 повреждено...». Сейчас мы приобщаем другой документ, документ F-919, как экземпляр RF-424, страница 103. Он касается убийства молодого человека Турше из Финистера. Убийцы заставили мать накормить их. После еды, они раздели жертву. Они обыскали его и нашли у трупа удостоверение личности с тем же именем и адресом, что и у матери, братьев и сестёр которые были там в слезах. Один из солдат, уходя, не найдя оправдания этому преступлению, сухо сказал: «Он не террорист! Как жаль!» и тело закопали. В документе F-616, RF-425, описываются операции германской армии в районе Ниццы, начиная примерно с 20 июля 1944 г.:

> «После того, как монгольский отряд, находившийся под постоянным командованием эсэсовцев, подвергся нападению нескольких местных отрядов «маки», этот отряд направился к ферме, на которой укрывались двое французов — участников движения Сопротивления, и предпринял там карательные действия: были схвачены муж и жена владельцы указанной фермы, и после многочисленных зверских пыток, ударов, изнасилованию и т. д. они были застрелены выстрелами из автомата, затем был схвачен их сын, которому было только три года. После жесточайших пыток он был распят на двери фермы...»

Я перехожу к документу F-914, RF-426. Это пространное описание убийств, совершенных немцами без всяких на то оснований на улице Тронше в Лионе:

> «Без предварительного уведомления, не попытавшись проверить действительное положение вещей и при удобной возможности захватить действительных виновников совершенного акта, солдаты открыли огонь; ряд лиц из гражданского населения — мужчин, женщин и детей — остались на земле, а легко раненные поспешно рассеялись».

Трибунал найдёт официальный отчёт, который был составлен в связи с этими убийствами.

Мы приобщаем не цитируя, с просьбой вынести судебное уведомление, отчёт о преступлениях германской армии совершённых в регионе Лоше (Эндр-и-Луара), документ F-617, представлен как экземпляр номер RF-427, страница 115 вашей документальной книги.

В документе F-607, RF-428, говорится о грабежах, изнасилованиях и поджогах, которые были совершены в Сайане в июле и августе 1944 года. Я цитирую: «В ходе пребывания в регионе – относится к немцам – «совершены три

изнасилования женщин в данном районе». Перехожу, далее, к документу F-608, RF-429: один человек был сожжен заживо во время карательной экспедиции. Он был невиновен.

Я предъявляю документ F-610, RF-430, в котором говорилось, что весь район Васьё в Веркоре опустошен. Этот документ является отчетом Красного Креста, составленным перед освобождением.

> «Мы обнаружили на одной ферме раненого восемью пулями при следующих обстоятельствах: немцы заставили его поджечь собственный дом и хотели помешать ему выйти из огня, стреляя в него из револьвера. Но, несмотря на ранения, ему чудом удалось спастись».

Далее, документ F-618, RF-431, страница 124 документальной книги. Я цитирую о казнённых людях:

> «Прежде чем эти лица были расстреляны, их подвергли пыткам. Одному из них — господину Франциску Дюперье — сломали руку и разбили в кровь лицо, другому — господину Ферро-Плате — воткнули в живот кол, кроме того, ему раздробили челюсть».

Мы предъявляем документ F-605, RF-432. В этом документе говорится о поджоге поселка Плен близ Мутье (Савойя): «Две женщины: госпожа Ив Романе, 72 лет, и ее дочь Марта, 41 года, сгорели в небольшом помещении, где они укрылись. Один мужчина, господин Шарва, после того как был ранен в ногу пулей, укрылся в том же помещении, он также сгорел».

Мы предъявляем теперь документ F-298, RF-433. В этом документе говорится о разрушении Майе (департамент Эндр-и-Луара). Эта местность была полностью разрушена 25 августа 1944 г., и значительное число жителей было убито или тяжело ранено. Эти разрушения и эти преступления не были мотивированы никакими террористическими действиями, никакими действиями французских вооруженных сил.

Я обращусь к документу F-907, RF-434. В этом документе описываются события, которые происходили при совершении немцами преступлений в Монпеза-де-Кэрси. Это письмо французской делегации от епископа Монтальбана, господина Теоса, 11 декабря 1945. Этот документ поясняет документ F-673, который уже приобщили как экземпляр номер RF-392 из которого я читал. Первая часть документа — письмо, адресованное французской комиссией по перемирию и взятое из архивов германской комиссии по перемирию в Висбадене:

> «В ночь с 6 на 7 июня, в связи с операцией в районе Монпеза-де-Кэрси, германские войска сожгли четыре фермы, составлявшие поселок Пэрш, Трое мужчин, две женщины и двое детей в возрасте 4 и 14 лет заживо сгорели, а две женщины и ребенок 10 лет бесследно исчезли; вероятно, их постигла та же участь.

В субботу 10 июня двое непокорившихся открыли стрельбу по германским солдатам, последние застрелили этих людей и, кроме того, без всяких причин истребили всех жителей деревни, которых смогли обнаружить.

Всего было убито таким образом 7 мужчин, 6 женщин и 14 детей. Большая часть из них была убита в постели, поскольку все это происходило ранним утром.

10 июня около 19 часов пять германских военных самолетов в течение 30 минут подвергали атакам деревню Тарб, сбрасывая бомбы и ведя огонь из пулеметов. Были разрушены многие постройки, в том числе здание управления мостов и дорог и здание академической инспекции. Было убито 7 и ранено 12 жителей этой деревни. В связи с этим командир VS-659 в Тарбе незамедлительно проинформировал префекта департамента Нижние Пиринеи о том, что операция не была им приказана.

После этих событий региональный префект Тулузы обратился к командиру HVS-564 с письмами, в которых достойным образом заявил протест этим действиям, в результате которых были умышленно убиты невинные женщины и дети. Он совершенно верно утверждал, что не при каких обстоятельствах грудные младенцы не могу рассматриваться как сообщники террористов. Он запросил о том, чтобы была принята инструкция, для того, чтобы впредь избегать таких болезненных событий.

В ответе от 19 июня на три письма регионального префекта Тулузы, начальник штаба главнокомандования штаба связи 564 объявил о принципах которые разделяет его начальник, который оправдывает акты репрессалий в связи со следующими обстоятельствами:

«Обязанность французского населения заключается в том, чтобы не только избегать террористов, но и мешать проведению их операций, что позволит избежать любых репрессалий против невиновных людей.

В борьбе с терроризмом германская армия должна и будет использовать все средства и даже методы борьбы новые для Западной Европы.

Террористические налёты англо-американцев истребляют тысячи и тысячи немецких детей. И в этом случае в результате действий противника проливается кровь невинных, их поддержка терроризма вынуждает немецкого солдата использовать своё оружие на юге Франции.

Я прошу вас запросить – сделал вывод генерал Бриду[373], в письме

[373] Эжен Бриду (1888 – 1955) – французский генерал. В 1942-1944 занимал в правительстве Виши должности

германской комиссии – «рассматривается ли вышеуказанная цитата французским правительством как отражающая позицию германского высшего командования, в виду тех фактов которые изложены в первой части настоящего письма».

Мы предъявляем теперь документ F-190, RF-435, в котором говорится о преступлениях, совершенных в Аске германской войсковой частью, которая в качестве репрессий за разрушение железной дороги убила 77 человек, самых различных по положению и возрасту, среди которых находились 22 работника французских государственных железных дорог, коммерсанты, промышленники и рабочие. Я цитирую:

«Самой пожилой жертве, господину Бриё, пенсионеру, было 74 года; он родился 3 октября 1869 в Аске. Самому молодому, Жану Роке, студенту и сыну управляющего почтой, было 15 лет, родился 4 января 1929 в Сен-Квентин. Отец Жильерон, священник в Аске, и его два усыновленных, господин Аверлон и его сын, который бежал с побережья, также были расстреляны».

Это массовое убийство явилось основанием для возбуждения французским правительством протеста, на который бывший в то время главнокомандующим Рунштедт[374] ответил 3 мая 1944 г. Документ F-673, который уже был нами предъявлен под номером RF-392, является ответом этого высокопоставленного офицера германской армии:

«Население Аска несет ответственность в результате своего предательского поведения, за которое я могу лишь сурово осуждать».

Генерал Берар, глава французской делегации при германской комиссии по перемирию, не счел себя удовлетворенным ответом Рунштедта и 21 июня 1944 г. повторно возбудил французский протест, направив его на этот раз главе германской комиссии по перемирию генералу Фогелю. Это документ F-673, экземпляр номер RF-392, я цитирую:

«В общей сложности с 10 октября 1943 г. по 1 мая 1944 г. более 1200 человек явились жертвами репрессивных мер...

Эти репрессивные меры, направленные против невинных, внушают ужас французскому населению...

Значительное число указанных действий было совершено в ходе репрессивных операций, направленных против населения, которое обвиняли в связи с «маками». В этих операциях никогда не проявлялось стремления установить, были ли лица, подозреваемые в

государственного секретаря по военным делам и обороне. Французским судом был приговорён к смертной казни. Совершил побег из тюрьмы в Испанию.

[374] Герд фон Рундштедт (1875 — 1953) — немецкий генерал-фельдмаршал времён Второй мировой войны. Командовал крупными соединениями в европейских кампаниях. В начальной фазе операции «Барбаросса» командовал группой армий «Юг».

оказании помощи нарушителям, действительно виновны и, тем более, не проявлялось стремления установить, участвовали эти лица по принуждению или по собственной воле, и, в связи с этим, сделать разграничение. Поэтому неизбежно, что общее число ни в чем не повинных лиц, которых казнили, было исключительно велико...

Репрессивная операция в Дордони с 26 марта по 3 апреля 1944 г. и особенно скорбное происшествие в Аске, которые вызвали вмешательство французского правительства, являются наиболее мрачными примерами. В частности, в Аске 86 ни в чем не повинных людей заплатили жизнью за покушение, которое, судя по полученным мною сведениям, не привело к смерти ни одного германского солдата…

Подобные акты могут лишь способствовать развитию бунтарских настроений, в которых заинтересованы только враги Германии».

Ответ комиссии по перемирию находится в документе F-707, RF-436. В нем отклоняется протест генерала Берара. Этот документ лежит перед трибуналом, и я не считаю необходимым его оглашать.

Генерал, 3 августа 1944, повторил свой протест. Это документ F-673, экземпляр RF-392, который уже приобщили. В конце своего протеста он писал:

«Противник, который сдается, не может быть убит, даже если он является «фран-тирером» или шпионом. Последние должны понести заслуженное наказание на основании решения судов».

Однако это лишь нормы применимые внутри в Германии.

Мы предъявляем документ F-706, RF-437, который является французской нотой государственного секретаря обороны германскому генералу. В ней выражен протест против разрушений, произведенных немецкими войсками в Шодебоне и Шаврoше. Я не оглашаю этого документа. Трибунал может принять его без доказывания.

Это событие в Тюле, где было повешено 120 французов. Страница 169, документ F-673, RF-392. Я цитирую:

«7 июня, крупная группа фран-тиреров атаковала французские силы используемые для поддержания порядка и заняла большую часть города Тюле, после сражения которое шло до рассвета…

В этот же день, около 20 часов, крупные германские бронетанковые силы прибыли на помощь гарнизону и вошли в город из которого стремительно отступили террористы…»

Войска которые захватили Тюле, решили провести репрессалии. Французские внутренние силы захватившие город отступили. Немцы не взяли пленных. Репрессаллии проводились в отношении гражданских лиц. Без разбора их арестовали.

«Жертвы были избраны без проведения расследования, даже без допроса, как попало: рабочие, студенты, профессора, промышленники, среди них были даже лица, симпатизировавшие фашистской милиции, и даже кандидаты в войска СС. 120 трупов, висевших на протяжении 500 метров на балконах и фонарях авеню Де-ля-Гар, представляли страшное зрелище, которое надолго останется в памяти несчастного населения города Тюля».

Мы подошли к вершине, которой достигли немцы в своих зверствах — к разрушению Орадур-сюр-Глан в июне 1944 года. Мы надеемся, что трибунал примет предъявляемый документ F-236, RF-438. Имеется в виду официальный текст, изданный французским правительством, в котором полностью излагаются события. Я дам общий анализ доклада, который существовавшее в то время правительство де-факто адресовало германскому генералу — главнокомандующему районов Запада:

«В субботу, 10 июня, в начале второй половины дня, соединение СС, принадлежавшее, по всей вероятности, к дивизии «Das Reich», появилось в указанном районе, и, предварительно полностью окружив деревню, ворвалось в нее. Населению было приказано собраться на центральной площади. Затем было сообщено, что в доносе было указано, что в деревне спрятаны взрывчатые вещества, и в связи с этим будут произведены обыски и проверка удостоверений личности. Мужчинам было предложено собраться по 4—5 человек, после чего каждую группу заперли в сарае. Женщин и детей отвели в церковь и заперли. Было около 14 часов. Немного спустя стали раздаваться выстрелы из автоматов, и вся деревня, а также прилежащие к ней фермы были подожжены. Дома поджигали один за другим. Эта операция длилась несколько часов.

В это время женщины и дети, находившиеся в церкви, были охвачены страхом, слыша шум пламени и стрельбу. В 17 часов германские солдаты проникли в церковь и оставили на алтаре прибор, вырабатывающий удушающее вещество. Этот прибор имел форму коробки, из которой выходили наружу подожженные фитили. Немного спустя воздух стал таким, что невозможно было дышать. Тогда кому-то удалось выломать дверь в молельню, что позволило прийти в себя женщинам и детям, которые находились на грани отравления. После этого германские солдаты начали стрелять через окна церкви. Затем они вошли внутрь, чтобы прикончить из автоматов последних, остававшихся в живых людей... Лишь одной женщине удалось ускользнуть. Она взобралась на окно, чтобы бежать через него. Крики одной из матерей, которая хотела передать ей своего

ребенка, привлекли внимание часового, он выстрелил в беглянку и тяжело ранил ее. Ей удалось спастись лишь благодаря тому, что она притворилась мертвой. Впоследствии ее вылечили в госпитале в Лиможе.

Около 18 часов германские солдаты остановили проходивший поблизости поезд и, высадив из него всех пассажиров, ехавших в Орадур-сюр-Глан, расстреляли их, после чего бросили их трупы в огонь. Поздно вечером и на следующий день, в воскресенье утром, жители соседних поселков, встревоженные пожаром или испуганные отсутствием своих детей, ушедших в школу в Орадур-сюр-Глан, пытались приблизиться к нему, но они были либо расстреляны, либо отогнаны германскими часовыми, охраняющими выходы из деревни. Тем не менее, во второй половине дня в воскресенье нескольким людям удалось проникнуть в руины и установить, что церковь была наполнена скорчившимися и обугленными телами женщин и детей.

Одному свидетелю, которому можно полностью доверять, удалось увидеть у входа в церковь труп матери, державшей на руках ребенка, коленопреклоненный труп маленького ребенка у алтаря и два соединившихся вместе трупа детей около исповедальни.

В ночь с воскресенья на понедельник немцы возвратились и попытались уничтожить следы акции, приступив к массовому захоронению женщин и детей около церкви.

Известие об этой традегии начало распространяться в Лиможе днем 11 июня.

Вечером начальник штаба связи отказался удовлетворить ходатайство местного префекта выдать ему пропуск, чтобы он смог совершить поездку по вверенному ему району. Только супрефекту Рошешуара удалось отправиться в Орадур и на следующий день представить отчет своему начальнику, в котором было указано, что от деревни в 85 домов остались руины, а большая часть населения, в том числе женщины и дети, погибли.

Во вторник, 13 июня, региональный префект получил, наконец, разрешение передвигаться по своему району и отправиться на место происшествия в сопровождении супрефекта и епископа Лиможа. Большая часть церкви была разрушена, и в ней находились еще обугленные останки детских трупов. Остатки костей были смешаны с древесным пеплом. По полу были рассыпаны гильзы с фабричным знаком «STKAM», и на стенах остались на высоте человеческого роста многочисленные следы от пуль.

Снаружи была свежевырытая земля и лежали собранные, наполовину

сгоревшие остатки детской одежды. В том месте, где находились сараи, валялась груда совершенно обуглившихся человеческих тел. Она была частично прикрыта различными предметами и создавала зрелище чудовищной бойни.

…хотя и нельзя точно определить число жертв, по приблизительным подсчетам его можно считать равным 800— 1000 погибших, в том числе и большого количества детей, многие из которых были эвакуированы сюда из районов, подвергавшихся бомбардировкам. Полагают, что из всех жителей деревни, находившихся в ней в начале второй половины дня 10 июня, в живых осталось не более десяти человек».

Таковы факты.

«Генерал, имею честь, просить вас – заключает генерал Бриду в обращении к противнику – «быть любезным сообщить о данных фактах германскому высшему командованию во Франции. Я крайне надеюсь, что они будут доведены до сведения правительства Рейха, ввиду политического значения, которые они будут иметь в умах французского населения».

Позже было произведено расследование. Результаты его вкратце изложены в только что предъявленной нами книге. Им было установлено, что ни один из представителей французских внутренних вооруженных сил не находился в деревне, как не находился и в районе её на расстоянии многих километров. Было установлено также, что действия, явившиеся причиной массовой казни в Орадур-сюр- Глан, были совершены далеко от него. Было установлено, что часть, совершившая это преступление, мстила за покушение, совершенное более чем в 50 километрах от Орадура.

Командованием германской армии был отдан приказ произвести судебное следствие. Это подтверждается документом F-673, уже представленном как RF-392, страницы 175 и 176. Из этого документа, датированного 4 января 1945 г., явствует, что к тому времени в этой местности или, по крайней мере, в районе Орадур-сюр-Глан не оставалось ни одного немца. Согласно версии, выдвинутой германскими властями, репрессалии представляются полностью оправданными соображениями военного порядка, к тому же военные командиры, ответственные за эти действия, пали во время боев в Нормандии.

Мы запомним эту фразу: «Репрессии представляются полностью оправданными соображениями военного порядка» — так, с точки зрения германской армии, было полностью оправдано преступление, изложение которого было мною дано в самых сдержанных тонах.

Ответственность Кейтеля за все эти действия безусловна.

В документе F-673, экземпляре номер RF-392 имеется указание за

подписью Кейтеля, датированное 5 марта 1945 г., о казнях французских граждан без суда и следствия. Вы найдете это на странице 177. Из этого указания трибуналу станет ясно, как германская армия производила следствие после столь серьезных событий, которые имели место в Орадур-сюр-Глан, событий, которые необходимо было оправдать любой ценой. В этом документе, который необходимо процитировать полностью, я хочу взглянуть только на предпоследний абзац. В немецких интересах было отвечать на эти упреки как можно скорее.

Председатель: Это не такой документ, о котором мы можем вынести судебное уведомление, если вы хотите приобщить весь документ, вам следует его приобщить.

Дюбост: Я удивлён, ваша честь, вы его уже приняли. Это документ F-673, RF-392, — сборник документов, находившихся у германской комиссии в Висбадене.

Председатель: Да, это публичный документ? Это не публичный документ, не так ли?

Дюбост: Я понял, что трибунал хочет, чтобы я прочёл его полностью.

Председатель: Что же, F-673, кажется очень большой сшив документов. Эта конкретная часть, документ, подписанный Кейтелем, это частный документ.

Дюбост: Это документ, который поступил из германской комиссии по перемирию в Висбадене, который был представлен несколько часов назад как экземпляр номер RF-392, и вы его приняли.

Председатель: Я знаю, что мы приняли его при поступлении, однако это не означает, что весь документ приобщён в качестве доказательства. Я имею в виду, что мы вновь и вновь устанавливали, что документы, о которых мы не принимаем судебное уведомление следует зачитывать, для того, чтобы они проходили через систему перевода и переводились на немецкий язык немецким представителям.

Дюбост: Таким образом, я зачитаю вам весь документ.

Председатель: Очень хорошо.

Дюбост:

> «Верховное командование германских вооруженных сил. Штаб-квартира фюрера, 5 марта 1945 г. WFST Qu[375] 2(I), номер 01487145-g; капитан Картельери. Секретно. Тема: Предполагаемые казни французских граждан без суда.
>
> 1. Германской комиссии по перемирию.
>
> 2. Командованию на Западе.
>
> В августе 1944 года французская комиссия при германской комиссии по перемирию адресовала последней ноту, в которой дана полная картина событий, связанных с так называемыми произвольными казнями французов, имевшими место с 9 по 23 июня 1944 г.
>
> Сведения, которые даются во французской ноте, в большинстве случаев столь точны, что проверка их с германской стороны,

[375] Аббр. от нем. квартирмейстер оперативного штаба Вермахта.

безусловно, возможна.

26 сентября 1944 г. верховное командование германских вооруженных сил поручило германской комиссии по перемирию ознакомиться с указанным происшествием. В связи с этим упомянутая комиссия потребовала у командования на Западе расследования событий и занятия определенной позиции в отношении фактов, изложенных во французской ноте.

12 февраля 1945 г. германская комиссия по перемирию получила от группы армий «В» (от председателя военного трибунала этой группы) сообщение о том, что документы по этому делу находятся с ноября 1944 года у судьи при в командовании 6-й танковой армии и что 2-я танковая дивизия СС «Das Reich» и командование 6-й танковой армии вышли за это время из состава группы армий «В».

В связи с тем, как было произведено расследование по настоящему делу, необходимо сделать следующие замечания:

Французы, а именно делегация правительства Виши предъявила германскому командованию серьезное обвинение в том, что осуществление ими многочисленных казней не было оправдано законом, а потому являлось убийством. В германских интересах ответить как можно скорее на это обвинение. После того, как прошло значительное время с момента вручения французской ноты, было бы возможно даже в ходе военных действий и при передвижениях войск, которые имеют отношение к указанным событиям, вычленить хотя бы часть этих обвинений и опровергнуть их с помощью рассмотренных фактов. Если хотя бы часть их была бы опровергнута, можно было бы показать французам, что вся совокупность их протестов основывается на данных, достоверность которых сомнительна. В связи с фактом, что с германской стороны не было ничего предпринято в отношении этого дела, у противной стороны сложится впечатление, что мы не в состоянии ответить на эти обвинения.

Изучение этого вопроса доказывает, что часто серьезно недооценивается важность противопоставления вражеской пропаганде и обвинениям в адрес германской армии незамедлительных опровержений совершавшихся якобы немцами жестокостей.

Настоящим германской комиссии по выполнению условий перемирия поручается продолжать расследование дел со всей необходимой для этого энергией. Мы просим всех тех, кто имеет к нему отношение, оказать всю необходимую помощь. Особенно в том, что касается ускорения расследования. Тот факт, что командование 6-й танковой армии не входит более в ведение командования на Западе, не может

явиться препятствием для получения необходимых сведений в целях освещения дела и опровержения французских упреков.

Председатель: Господин Дюбост, как я думаю, вы заявили, что данный документ уличает Кейтеля.

Дюбост: Он подписан Кейтелем, сэр.

Председатель: Да, он им подписан, но как он уличает его по вопросу Орадур?

Дюбост: Французская комиссия и правительство Виши, являвшееся в то время правительством де-факто, неоднократно указывали германскому правительству не только на злодеяния в Орадур-сюр-Глан, но и на многочисленные другие жестокости. Кейтель отдал приказы о том, чтобы эти факты, которые были реальными не просто в глазах французов, но и в глазах тех, кто объективно и беспристрастно расследовал дело, следовало изучить с целью опровержения этих обвинений. В настоящем письме делается ссылка на предшествовавшие этой ноте французские протесты, которые были частично оглашены перед трибуналом в ходе рассмотрения излагаемого вопроса, в частности о фактах отмеченных письмом генерала Бриду, в котором отмечалось убийство французов в Марсуласе в департаменте Верхняя Гаронна, среди них четырнадцать детей.

Председатель: Я думаю, вы сказали, что это последний документ, на который вы собирались сослаться?

Дюбост: Это последний документ.

Председатель: Десять минут пятого. Нам откладываться? Господин Дюбост, могли бы вы дать нам знать о предметах рассматриваемых завтра?

Дюбост: Преступления против человечности, мой коллега господин Фор. Если вы позволите представить свои выводы этим вечером, это долго не займет. Наша работа немного задержалась – этим вечером.

Председатель: Господин Дюбост, сколько займет ваше заключительное слово?

Дюбост: Думаю в пять тридцать.

Председатель: Думаю, что для вас удобнее, чтобы мы заслушали вас утром. Вас устраивает?

Дюбост: Я в распоряжении трибунала.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 1 февраля 1946*]

День сорок восьмой

Пятница, 1 февраля 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения суда, я хочу объявить о том, что подсудимые Кальтенбруннер и Зейсс-Инкварт отсутствуют на утреннем заседании по болезни.

Дюбост: Я закончил презентацию о фактах. Данная презентация включала в себя сухие преступления, жестокости, злоупотребления всех видов, которые я намеренно представил вам без какого-либо ораторского украшательства. Факты красноречивее. Как мне кажется, эти факты чётко установлены. Мне не кажется, что защита, или история – даже немецкая история – способны отодвинуть в сторону их существенные аспекты. Без сомнения они будут подвергаться критике.

Наши доказательства были поспешно собраны в разрушенной стране, средства связи которой были разрушены бегущим противником, в стране где отдельный человек больше занят устройством своего будущего, нежели оглядываясь в прошлое, даже за возмездием, так как будущее это жизнь наших детей, а прошлое это смерть и разрушение.

Для всей Франции, для каждой страны на Западе, тяготы повседневной жизни, трудности подготовки к лучшему будущему снова придают смысл словам Писания, Sinite mortuos sepelire mortuos (Пусть мертвые похоронят своих мертвецов); вот почему, несмотря на все наши усилия, все наши стремления, подготовку работы юстиции, которой требуют Франция и универсальная совесть, мы не можем быть более тщательными. Вот почему, ошибки в деталях могут вкрасться в нашу работу, однако разъяснения, которые сделают время и защита будут полезными. Это не устраняет того факта, что миллионы людей были депортированы, голодали, истощены в результате работы и лишений перед тем как умереть, как скот; бесчисленных невинных людей пытали перед тем как передать их палачу. Разъяснения могут повлиять на обстоятельства времени, иногда места; но они не отменяют этих существенных фактов, даже если детали могут изменяться.

Однако эти факты, установлены в целом, и нам остается завершить нашу задачу придав им юридическую суть, проанализировав их с учётом закона нарушение которого они составляют, и прояснив причастность, другими словами, зафиксировав ответственность каждого подсудимого в отношении права.

Какое право мы должны применять? Рассматривая по отдельности и

отделяя их от систематической политики, о которой сговорились, настаивали и приказывали как о средстве достижения доминирования путём террора и помимо этого в качестве простого и легкого средства уничтожения, эти факты образуют преступления против общего права, также как нарушения законов и обычаев войны и международного права. Таким образом, все они могут быть определены по-отдельности как нарушения международного соглашения и тех или иных уголовных норм установленных во внутренних законах. Скорее, даже всё можно квалифицировать как нарушение нормы общего права, которое исходит из собственных внутренних законов, что продемонстрировал господин де Ментон в своём выступлении, того общего права, которое в окончательном анализе, было обозначено им как основа, как почва международных обычаев, которые помимо самого устава, существуют и остаются главным и единственным путеводителем для ваших решений.

Будет уместным знать, что это общее право исходит из наших установленных законов, и подобно им, принципиально наказывает за проступки. Итак, все наши подсудимые оставались физически оторванными от тех преступных фактов которые ввиду вездесущности своей власти они распространяли по миру. Руководила этим их воля, но как напомнил господин судья Джексон, они никогда не марали руки кровью своих жертв. Таким образом, если мы обратимся исключительно к нашим принятым законам и в особенности к французскому внутреннему праву, подсудимых нельзя никоим образом считать, организаторами, а всего лишь пособниками «которые способствовали деянию посредством злоупотребления полномочиями или властью». Всё это, на самом деле противоречит концепции о главных военных преступниках, чью вину мы утверждаем. Таким образом, для решения следует обратиться к сфере ответственности каждого подсудимого. Эта ответственность кажется субсидиарной, в то время как на самом деле является приниципальной ответственностью, она кажется фрагментарной, при том, что для того, чтобы быть по настоящему установленной она должна быть представлена в совокупности, вместе с мыслями, планами и действиями в качестве глав нацистского правительства, которое замышляло, желало, приказывало или допускало развитие этой систематической политики террора и уничтожения, в которых каждый факт взятый по отдельности, является ничем иным как конкретным аспектом, всего лишь составным элементом. Таким образом, простая ссылка на общее право не приближает нас к реальности. Если оно не опускает, как таковое, любой из фактов которые определяют вину, оно оставляет в стороне психологический фактор и не даёт нам полной концепции вины обвиняемого по форме отражающей всю реальность. Вот, почему общее право выражает определённый статус общей моральности, которая приемлима цивилизованными нациями в качестве закона для взаимоотношений граждан. Глубоко пронизанное концепцией индивидуализма, это общее право не удовлетворяет потребностям

коллективной жизни, которыми управляет международная мораль. Кроме того, это общее право которое является основой нашей традиции становится статичным в картезианском[376] смысле, при том, что наши обычаи остаются обогащёнными всей динамикой международного уголовного права. Устав не установил способ которым мы должны квалифицировать юридический смысл фактов, которые я вам представил. Создавая ваш трибунал, авторы устава ограничили себя установлением границ вашей юрисдикции: военные преступления, преступления против человечности, преступления против мира, они даже не привели исчерпывающего определения каждого из этих преступлений. Трибунал может обратиться к статье 6, параграфам b и с устава трибунала. Данная статья даёт только лишь показательное перечисление. Это вызвано тем, что авторы устава имели в виду, что международное уголовное право находится на этапе зарождения из обычая, в котором право возникает в виде реакции на поступок и в котором судья вмешивается только для того, чтобы спасти преступников от индивидуальной мести или же там где право применяется только судьей и наказание назначается в соответствии с его суждением. Таким образом, авторы устава воздержались от того, чтобы дать нам установленный метод квалификации сославшись на общее право или же, напротив на обычай. Они не говорят нам:

> «Рассматривайте друг за другом преступные факты представленные вам, и каждый факт по-отдельности должен быть изолирован от остальных для определения связи с нормой какого-либо внутреннего закона или совокупности внутренних законов, таким образом, избегая общего права».
>
> Они также не говорят:
>
> «Возьмите эти разрозненные преступные факты, сгруппируйте их вместе, чтобы сделать из них единое преступление, определение которого, учитывая основной смысл общего права, будет достаточно определено единым умыслом или целью, при отсутствии попытки искать аналогию в каком-либо прецеденте внутренних законов, которые, более того применяются к совершенно другому предмету».

Авторы устава оставили вам свободу, полную свободу, в рамках обычая, и соответственно мы, сами в этих же границах свободны, предлагать вам такую квалификацию, которая кажется нам наиболее практичной, которая кажется нам самой подходящей к изменяющейся фактической реальности в её соотношении к общим принципам права и широким нормам морали, которые кажутся нам наиболее отвечающими человеческой совести выраженной в международном общественном мнении соответствующем образом осведомлённом о гитлеровских жестокостях,

---

[376] Картезианство (от лат. Cartesius, латинизированного имени Декарта) — направление в истории философии, идеи которого восходят к Декарту. Для картезианства характерны скептицизм, рационализм, критика предшествующей схоластической философской традиции.

которые фактически, остаются в границах международного уголовного обычая. Этот обычай, в самом деле, находится на стадии становления, но хотя у данного процесса не имеется прецедента, проблемы подлежащие исследованию в данном суде возникли ранее, и юристы которые предшествовали нам уже предлагали свои решения. Эти решения образуют прецеденты, и как таковые, они образуют первые элементы вашего обычая. В своём меморандуме комиссии об ответственности виновников войны и санкциях на мирной конференции 1919-1920, французские юристы, господин Лерно[377] и господин де Лапрадель[378] писали:

> «Уголовное право не может предвидеть, что в результате решительного пренебрежения основополагающими законами гуманизма, цивилизации, чести, армия, по инструкциям своего суверена, может систематически позволять себе совершать такие поступки, на которые не решится противник для достижения успеха и победы. Таким образом, внутреннее уголовное право никогда заранее не в состоянии разработать нормы, которые разрешают репрессию за такие акты. И следует, при интепретации каждого закона, ухватывать намерение законотворца…Если, в отдельных случаях которые рассматриваются особенно подходящими, можно добиться выявления лиц несущих ответственность в которой императора можно считать пособником, то можно добиться, безо всякой сложности, определения сферы его ответственности путём её ограничения несколькими точными случаями…Это весьма ограниченный подход к проблеме Вильгельма II[379], приуменьшающий её до пропорций уголовного или военно-полевого дела…Высшая справедливость к которой стремится мир не будет удовлетворена, если германский император будет осуждён только как пособник или даже со-автор уголовного преступления. Его действия в качестве главы государства следует рассматривать в совокупности с их подлинным юридическим характером…»

За исключением небольших деталей всё это явно содержится в последнем параграфе статьи 6 устава вашего трибунала:

> «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана».

Фундаментально, все это находится в строгом соответствии с изначальной

[377] Фернан Лерно (1853 – 1942) – французский юрист. Специалист по международному праву.
[378] Альбер де Лапрадель (1871 – 1955) – французский юрист. Специалист по международному праву.
[379] Вильгельм II (1859 — 1941) — последний германский император и король Пруссии с 15 июня 1888 года по 9 ноября 1918 года.

немецкой концепцией фюрерства, которая возлагает всю ответственность на лидера и тех, кто вместе с лидером с самого начала. Таким образом, мы способны как можно сильнее приблизившись к реальности, применить устав от 8 августа и статью 6 устава вашего трибунала, уважая нормы общего права определённые главой нашей делегации, господином де Ментоном и следующим обычаем, который наметился в сфере международного уголовного права, потребовав от вашего трибунала объявить всех подсудимых виновными с учётом их роли в качестве основных гитлеровских лидеров немецкого народа, замысливших, согласных, приказывавших или просто допускавших своим молчанием, чтобы убийства и другие бесчеловечные акты совершались систематически, чтобы жестокое обращение систематически применялось к военнопленным или гражданским лицам, чтобы неоправданные разрушения систематически применялись в качестве умышленного инструмента для выполнения их задачи доминирования в Европе и мире посредством терроризма и уничтожения всего населения для того, чтобы расширить жизненное пространство немецкого народа.

Более конкретно, мы просим объявить Геринга, Кейтеля и Йодля виновными в участии в осуществлении этого плана, приказывавших о захвате и казне заложников в нарушении статьи 50 Гаагской конвенции, которая запрещает коллективные санкции и репрессалии.

Мы просим вас признать Кейтеля, Йодля, Кальтенбруннера, Зейсс-Инкварта, Бормана и Риббентропа виновными в участии в осуществлении данного плана: 1. Приказывая о террористических убийствах невиновных гражданских лиц; 2. Приказывая о казне без суда и пытках до смерти членов Сопротивления; 3. Приказывая о неоправданных разрушениях.

Объявить Геринга, Кейтеля, Йодля, Шпеера и Заукеля виновными в участии в осуществлении данного плана путём ухудшения здоровья и жизней военнопленных, значительно подвергая их лишениям и тяжёлому обращению, подвергая их, или пытаясь подвергать их бомбардировкам или другим опасностям войны;

Объявить Геринга, Кейтеля, Йодля, Кальтенбруннера и Бормана виновными в участии в осуществлении данного плана, путём личных приказов или формулировке приказов приводивших к террористическим убийствам или линчеванию населением отдельных комбатантов, более конкретно, лётчиков и членов групп коммандос, а также террористическим убийствам или медленному уничтожению отдельных категорий военнопленных.

Объявить Кейтеля виновным в участии в осуществлении данного плана путём введения депортации невиновных гражданских лиц и применения к некоторым из них режима НН (Nacht und Nebel), который клеймил их для уничтожения.

Объявить Йодля виновным в участии в осуществлении данного плана

приказывая об аресте, ввиду депортации евреев Дании.

Объявить Франка, Розенберга, Штрайхера, фон Шираха, Заукеля, Фрика и Гесса виновными в участии в осуществлении данного плана путём оправдания уничтожения евреев разработкой закона с целью их уничтожения.

Объявить Геринга виновным в участии в осуществлении данного плана: 1. Путём создания концентрационных лагерей и путём передачи их под контроль государственной полиции в целях освобождения национал-социализма от всякой оппозиции. 2. Путём допущения и затем одобрения смертельных физиологических экспериментов по влиянию холода, увеличения и снижения давления, которые проводились – на материале предоставленном Люфтваффе и под контролем доктора Рашера, медицинского офицера Люфтваффе командированного в концентрационный лагерь Дахау для этой цели – на здоровых депортированных, которые недобровольно были подвергнуты указанным экспериментам с которыми он (Геринг), в качестве начальника, связал себя; 3. Путём использования больших количеств интернированных в истощающей работе при бесчеловечных условиях на фабриках вооружений Люфтваффе.

Признать Шпеера принимавшим участие в осуществлении данного плана путем использования больших количеств интернированных в истощающей работе при бесчеловечных условиях на фабриках вооружений (документ номер PS-1584).

Признать Бормана виновным в участии в осуществлении данного плана путём участия в уничтожении интернированных в концентрационных лагерях (документ номер PS-654).

В отношении Дёница, Рёдера, фон Папена, фон Нейрата, Фриче, Функа и Шахта, мы связываем себя с выводом наших британских и американских коллег. И в связи с вышеуказанными деяниями, мы также просим, в соответствии с нормой статьи 9 устава вашего трибунала, признать ОКВ и ОКХ виновными в осуществлении данного плана в приказах и участии в депортации невиновных гражданских лиц из оккупированных территорий Запада.

Признать ОКВ, ОКХ и ОКЛ виновными в осуществлении данного плана путём разработки доктрины заложников в качестве средств терроризации и введением захвата и казни заложников в странах Запада, путём снижения до деградации уровня материальных жизненных условий военнопленных, путём лишения последних, гарантий предоставленных им международным обычаем и позитивным международным правом, приказывая или допуская использование военнопленных в опасной работе или в работе непосредственно связанной с военными действиями, приказывая о казне сбежавших пленных или пленных предпринявших попытку к побегу, и казни многочисленных групп коммандос и отдавая СС и СД директивы об уничтожении лётчиков.

Признать ОКЛ виновным в участии в осуществлении данного плана: 1. Путём использования больших количеств интернированных в концентрационных

лагерях для истощающей работы при бесчеловечных условиях на фабриках вооружений Люфтваффе; 2. Путём участия в смертельных физиологических экспериментах по влиянию холода, увеличения или снижения давления, которые проводились в пользу Люфтваффе, и проводились доктором Рашером, медицинским офицером Люфтваффе, командированным в концентрационный лагерь Дахау (документ PS-343, PS-1610, PS-669, L-90, PS-668, UK-56, PS-835, PS-834, F-278 (B):

Признать СС и СД виновными в осуществлении данного плана путём депортации и участия в депортации невиновных гражданских лиц из оккупированных стран Запада и примении к ним пыток и уничтожении их всеми средствами в концентрационных лагерях.

Признать виновными СС, СД и Гестапо в осуществлении данного плана путём отдачи прямых приказов по казням или депортациям, с целью их медленного уничтожения, членов групп коммандос, лётчиков, сбежавших пленных, тех кто отказывался от принудительного труда, или тех кто являлся враждебным нацистскому порядку, путём запрета репрессий за акты линчевания совершённые немецким населением к сбитым лётчикам.

Признать СС, СД и Гестапо виновными в осуществлении пыток и казней без суда членов Сопротивления.

Признать эти же организации и дополнительно ОКВ и ОКХ в совокупности с СС, СД и Гестапо виновными в совершении или приказах о казнях и неоправданных разрушениях (документы PS-1063, F-285, R-91, R-129, PS-1553, L-7, F-185 (A).

Признать Гестапо виновной в участии в осуществлении данного плана путём депортации невиновных гражданских лиц из оккупированных страна Запада путём пыток и убийств которые им причиняли.

Признать правительство Рейха (Reichsregierung) и руководящий состав национал-социалистической партии виновными в замысле, с целью доминирования в Европе и мире, и подготовке систематического уничтожения невиновных гражданских лиц из оккупированных стран Запада посредством их депортации и их убийства в концентрационных лагерях.

Признать руководящий состав национал-социалистической партии и правительство Рейха виновными в умысле с целью доминирования в Европе и мире, посредством терроризма, систематически замышляя и провоцируя пытки, военно-полевые казни, убийства и неоправданные разрушения.

Признать правительство Рейха и руководящий состав нацистской партии виновными в умысле с целью доминирования в Европе и мире, замысле и подготовке уничтожения комбатантов, которые сдались, и деморализации, обширной эксплуатации и уничтожении военнопленных и участия в них.

Таковы юридические квалификации фактов, которые я имею честь вам представить. Однако факты порождают несколько уроков. Трибунал позволит мне

сказать о них в заключение.

Сотни лет человечество отвергало депортацию в неизвестность, порабощение, и уничтожение в результате нищеты, голода, огня и стали. Послание братства было дано миру, и мир не может полностью забыть это послание даже в разгар ужасов войны. Из поколения в поколение мы наблюдали нарастающие усилия ещё до того как было дано послание. Мы убеждены в том, что без всякой мысли регресса человек разделяет взгляд морального прогресса, что формирует частицу общего наследия цивилизованных наций. Все нации, одинаково разделяют веру в отношения между личностями. Все они пришли к принятию веры в качестве закона во взаимоотношениях. Международная мораль понемногу проявляется, и международные отношения, также как между личностями, всё больше и больше совпадают с тремя составляющими классических римских юристов «Honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere» (Живи достойно, не вреди другому, каждому своё).

Все цивилизованные нации вынашивали общий гуманизм, произрастающий из долгой традиции, христианской и либеральной. Основываясь на этом общем наследии и получив определённый опыт, каждая нация, просвещаемая благородными интересами человека, поняла или пришла к пониманию того, что в общественных, как и в частных делах верность, умеренность и взаимопомощь являются золотыми правилами, которые никто не может нарушать безнаказанно.

Поражение, катастрофа, обрушившаяся на Германию подтверждает нам, эту мысль и ещё сильнее и яснее торжественное предупреждение американскому народу президента Рузвельта в его обращении от 27 мая 1940:

> «Хотя наш флот, наши пушки и наши самолёты являются первой линией обороны, явно то, что за ними стоят дух и мораль свободного народа, которые дают материальной обороне мощь, поддержку и эффективность…».

И в этой борьбе, эхо которой звучит в наших ушах, именно те, кто поставил свою силу на службу закону, укрепил свою силу справедливостью, те выиграли. Но, ввиду того, что мы имели пошаговое развитие преступного безумия подсудимых и последствия этого безумия все эти последние годы, мы должны сделать вывод о том, что патримония человека, которой мы добились, на самом деле хрупка, что возможны все виды регресса, и мы должны с вниманием следить за их наследием. Не существует нации, которая при плохом образовании, при плохом водительстве зловещих владык, в отдалённой перспективе не вернется к варварству ранних лет.

Немецкий народ чьи военную доблесть мы признаем, чьих поэтов и музыкантов мы любим, чьим стремлением к работе мы восхищаемся, который преуспел в примерах неподкупности духа, этот немецкий народ, который довольно поздно пришёл к цивилизации, начиная только с восьмого столетия, медленно

возвел себя в ряды наций обладающих старейшей культурой. Вклад в современненность или сравнительную мысль кажется, доказывает, что это завоевание духа было окончательным: Кант[380], Гёте[381], Йоганн Себастьян Бах[382] принадлежат человечеству не менее чем Кальвин[383], Данте[384] или Шекспир[385], вместе с тем, мы придерживаемся того факта, что миллионы невиновных людей уничтожены на этой самой земле этого народа, людьми из этого народа, при осуществлении общего плана замысленного их лидерами, и этот народ не сделал ни малейшей попытки восстать.

Вот, что происходит, из-за уничтожения политической свободы, гражданского равенства, человеческого братства. Вот что происходит, из-за того, что он забыл о том, что все люди рождаются свободными и равными перед законом, что важное деяние государства заключается в углублении проникновения уважения духовной свободы и братской солидарности в социальных отношениях и в международных учреждениях.

Он позволил украсть у себя совесть и душу. Пришли зловещие хозяева, которые пробудили его примитивные страсти и сделали возможными жестокости описанные вам. По правде, преступление этих людей заключается в том, что они отбросили немецкий народ более чем на 12 веков.

Их преступление заключается в том, что они замыслили и достигли в качестве инструмента правления, политики терроризма к населению целых покорённых наций и к своему собственному народу; их преступление заключается в том, что они преследовали, в качестве конечной цели, политику уничтожения всех категорий невиновных граждан. Лишь этого достаточно для смертной казни. И французское обвинение, также представляемое господином Фором, намерено представить доказательства ещё большего преступления, преступления посягавшего на «стирание из мира тех идей которые называются свободой, независимостью, безопасностью наций, которые также называются верой в данное слово и уважением к человеку», преступлением покушения на убийство всякой души, духа Франции и других оккупированных наций на Западе. Мы считаем это тяжким преступлением совершённым этими людьми, тяжким, потому что оно записано в Писании, Матфей, XII, 31-32:

> «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; 32 если кто скажет слово на Сына

---

[380] Иммануил Кант (1724 — 1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, стоящий на грани эпох Просвещения и романтизма.

[381] Иоганн Вольфганг Гёте (1749 — 1832) — немецкий писатель, мыслитель, философ и естествоиспытатель, государственный деятель.

[382] Иоганн Себастьян Бах (1685 — 1750) — немецкий композитор, органист, капельмейстер, музыкальный педагог.

[383] Жан Ковен, Жан Кальвин (1509 — 1564) — французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма.

[384] Данте Алигьери (1265 — 1321) — итальянский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка, политический деятель.

[385] Уильям Шекспир (1564 — 1616) — английский поэт и драматург, зачастую считается величайшим англоязычным писателем и одним из лучших драматургов мира

Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем…
Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду…»

Председатель: [*господину Фору от французской делегации*] Да, господин Фор.

Фор: Господин председатель, господа судьи! Я имею честь представить трибуналу заключительную часть доказательств французского обвинения, относящуюся к разделам «I» и «J» пункта III обвинительного заключения — присяга на верность и германизация и разделу «B» пункту IV — преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам».

Я хотел бы, прежде всего, изложить в кратком вступлении основные идеи, которые определяют план представления мною доказательств обвинения. Понятие «германизация» рассматривалось в выступлении господина де Ментона. В основном оно заключалось в том, что жителям оккупированных территорий старались навязать такие условия социальной и политической жизни, которые соответствовали бы доктрине нацистов и их интересам. Совокупность всех действий, направленных к осуществлению целей германизации и являющихся незаконными, расценивается нами как преступление против человечности. Процесс германизации осуществлялся на территориях, которые нацисты собирались присоединить к Германии. Немцы намеревались еще до окончания войны включить эти территории в состав своего Рейха. На западе территориями, подлежавшими аннексии и германизации, были Люксембург, бельгийские кантоны: Эйпен, Мальмеди и Моресне и три французских департамента: департаменты Верхнего Рейна, Нижнего Рейна и Мозеля.

Эти территории по сравнению с теми землями, которые были оккупированы Германией, относительно невелики, но это никоим образом не умаляет преступного характера захвата их. Кроме того, я хочу отметить еще два положения:

1. Немцы составили план и подготовили проведение аннексий в более широких размерах, чем те, которые были осуществлены официально. За то время, которое оказалось в их распоряжении, немцы не успели приступить к намечавшейся аннексии.

2. Аннексии не были единственным и обязательным приемом германизации. Нацисты поняли, что они могут использовать различные средства для того, чтобы достичь своей цели — мирового господства. Такое варьирование средств в зависимости от обстоятельств для достижения определенных целей характеризует коварство нацистов и именуется «нацистским макиавеллизмом[386]». Их концепция — более гибкая, более хитрая и опасная по сравнению с классической доктриной территориальных захватов. В этом смысле самый жестокий завоеватель

[386] Макиавеллизм — термин в политологии, обозначающий государственную политику, основанную на культе грубой силы, пренебрежении нормами морали и тому подобном

имеет перед ними то преимущество, что он, по крайней мере, откровенен.

Немцы вначале рассчитывали произвести аннексии более обширных территорий. На это указывают многочисленные свидетельства. В этой связи я хочу огласить лишь два документа.

Первый из них, взят из документации собранной нашими коллегами из американсого обвинения, это американский документ, который еще не был представлен трибуналу. Кроме этого, нужно сказать, что в своём заключительном выступлении я всего дважды обращусь к важным американским документам. Все другие документы которые я представлю, являются новыми и относящимися к французскому обвинению. Документ о котором я говорю это PS-1155, из американских документов, и он находится в сшиве документов представленном вам как RF-601, который будет иметь, с позволения трибунала, такой номер французской документации.

Документ датирован 20 июня 1940 г. На нем имеется надпись: «Секретный документ штаба». Он озаглавлен: «Запись беседы, состоявшейся 19 июня 1940 г. в ставке генерал-фельдмаршала Геринга».

Таким образом, запись, приведенная в документе, отражает позиции руководства, и отнюдь не является толкованием отдельных лиц. Я хочу зачитать трибуналу только абзац 6 этого документа, который находится на странице 3. Это первый документ имеющий номер RF-601 (документ номер PS-1155). Я приступаю к чтению абзаца 6, страница 3:

> «Общий план политического развития.
>
> Люксембург должен быть присоединен к Рейху. Норвегия должна стать немецкой, Эльзас-Лотарингия снова возвращены Рейху, должно быть создано автономное государство Бретань; составляются некоторые проекты в отношении Бельгии и особого положения фламандцев, проживающих в этой стране, а также создания бургундского государства».

Вторая цитата, которую я хотел бы привести по этому поводу трибуналу, взята из документа, который я представляю под номером RF-602. Это протокол допроса доктора Глобке[387], бывшего помощника государственного секретаря министерства внутренних дел доктора Штуккарта[388]. Допрос датирован 25 сентября 1945 года. Допрос провёл майор Графф из французской следственной группы.

---

[387] Ганс Глобке (1898 — 1973) — германский юрист и государственный деятель. Занимал пост государственного секретаря канцелярии федерального канцлера ФРГ с 1953 по 1963 год. Официальный комментатор расовых законов в Германии (Нюрнбергские законы о гражданстве и расе).

[388] Вильгельм Штуккарт (1902 — 1953) — государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь министерства науки, искусств и народного образования (3 июля 1934 года — 14 ноября 1934 года), государственный секретарь германского и прусского министерств внутренних дел (30 июня 1936 года — 30 апреля 1945 года), исполняющий обязанности министра внутренних дел Рейха и министра науки, воспитания и народного образования (3 мая — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1944 года), доктор права (1928). Осуждён американским трибуналом к 3 годам лишения свободы.

К стенограмме допроса прилагается меморандум, который был предоставлен после допроса доктора Глобке. Оглашаю выдержку из этого документа:

> «Вопрос: Знали ли вы о планах, которые предусматривали присоединение других французских территорий после заключения мира между Германией и Францией (Бельфор, Нанси, Бассен-де-Бриё, угольных районов севера, так называемой «Красной зоны»), а также территорий генерал-губернаторства Бельгии?
>
> Ответ: Да, такие планы существовали, они были разработаны доктором Штуккартом по личному приказу фюрера, и я их видел. О них было сообщено министерству иностранных дел, ОКВ и комиссии по перемирию в Висбадене. Все эти документы были уничтожены. (Утверждает доктор Глобке). Государственный секретарь Штуккарт составил предварительный проект для ставки фюрера в конце 1940 года до начала кампании в России.
>
> После рассмотрения, фюрер нашел этот проект слишком умеренным, и приказал разработать предложения по присоединению дополнительных территорий, в частности на побережье Ла-Манша.
>
> Доктор Штуккарт подготовил вторую редакцию. Была изготовлена даже карта, на которой была проведена приблизительная граница. Я ее видел и могу вам показать в общих чертах на карте Франции в крупном масштабе. Я не знаю, был ли одобрен этот второй проект Гитлером».

Председатель: Не скажете ли вы, кем был этот доктор Глобке?

Фор: Доктор Глобке был помощником доктора Штуккарта, государственного секретаря министерства внутренних дел. Из допроса следует, что он был в министерстве внутренних дел с 1940 года экспертом по делам Эльзас-Лотарингии и Люксембурга.

Я оглашу выдержку из приложенного меморандума. Он идет в вашей документальной книге сразу после отрывка который я зачитал. Это документ номер RF-602, я читаю шестой абзац. Это начало документа находящегося перед вами.

> «Проект передвинуть франко-германскую границу был разработан в министерстве внутренних дел государственный секретарем, доктором Штуккартом согласно личному приказу Гитлера. В этом проекте утверждалось, что северные и восточные области Франции в силу исторических, политических, расовых, географических и других причин якобы относятся не к Западной, а к Центральной Европе, поэтому должны быть возвращены Германии. Первый проект был представлен Гитлеру в его ставке и он был им полностью одобрен. При этом Гитлер хотел…».

Штамер: Защита не получила этих документов. Соответственно, даже сегодня мы не можем следовать за презентацией. Прежде всего, мы не можем по-отдельности проверять верность этих документов.

Председатель: Господин Фор, это правда, что ни один из этих документов не был доставлен в информационный центр защиты?

Фор: Они были доставлены в центр защиты подсудимых с двумя фотокопиями. Более того, перед тем как завершить своё выступление, я думаю, что у защиты будет полная возможность изучить этот очень короткий документ и сделать замечания которые она пожелает, но я могу заверить вас в том, что эти документы были доставлены.

Председатель: Какую гарантию вы мне даёте в том, что приказы трибунала выполняются?

Фор: Документы доставлены защите согласно инструкции и две фотокопии доставлены в документальную комнату защиты. Более того, эти документы на немецком языке, что значительно упрощает задачу защиты, так как допрос проводился на немецком языке офицером французской следственной группы.

Председатель: Доктор Штамер, вы услышали то, что сказал господин Фор?

Штамер: Я бы точно не заявил никаких возражений, если бы эти документы были доставлены в нашу документальную комнату и предоставлены в наше распоряжение. Этим утром, я и несколько других изучили вопрос и попытались установить действительно ли документы там. Мы это не выяснили. Доктор Штейнбауэр и я пошли туда, мы не смогли найти документы. Я пойду туда снова и попытаюсь понять, не пришли ли они туда.

Председатель: Трибунал заявлял по разным поводам о том, что он придает большое значение тому, чтобы документы направлялись в информационный центр подсудимых в соответствии с правилами которые он установил. То, что так было сделано, оспаривается доктором Штамером. Следовательно, трибунал предлагает исследовать данный вопрос как можно скорее, и разобраться с тем, чтобы точно понять были ли выполнены инструкции. И в будущем он надеется, на то, что они будут выполняться строжайшим образом. Между тем, я думаю, что будет наиболее уместно, чтобы вы продолжали.

Фор: Защитник сказал мне, что документы находятся в комнате защиты, но они пока не розданы. Таким образом, видно, что приказы полностью уважаются, но из-за объема работы, может быть так, что защита не получила эти документы по отдельности. В любом случае, я готов незамедлительно предоставить защите, озабоченной этим, фотокопии которые позволят ей следовать за чтением документов, которые вместе с тем, очень короткие.

Председатель: Что же, трибунал исследует вопрос при помощи пристава. А пока, продолжайте. Пристав незамедлительно выяснит и сообщит трибуналу о фактах направления документов и времени, когда их направили. Сейчас вы можете

продолжать, и мы будем рады, если вы окажете защитникам содействие, вручив им копии которые вы имеете.

Фор: Я читал, документ RF-602, приложенный меморандум. Если трибунал желает следить за чтением данного документа, он может взять книгу под названием «Expose» или «Презентация» и перейти к странице 6. Отрывок на котором я остановился это последний абзац страницы 6. «Introduction-Expose», страница 6, третий и последний абзац, я продолжаю:

> «Первая редакция проекта была вручена Гитлеру в его ставке. В целом она была им одобрена. Однако Гитлер выразил желание, чтобы к Германии были присоединены более обширные территории и, в частности, территории на побережье Ла-Манша. Окончательный проект должен был послужить предметом последующего обсуждения заинтересованных ведомств, однако это обсуждение так и не состоялось. Граница приблизительно должна была проходить от устья Соммы на восток по северной границе Парижского бассейна и Шампани до Аргонн, затем отклонялась на юг, пересекала Бургундию, шла вокруг Франш-Комте и кончалась у Женевского озера. В отношении некоторых провинций предлагались альтернативные решения».

Об этих германских планах в ряде случаев свидетельствовали конкретные меры, принимавшиеся в отношении данных территорий, меры, которые можно было бы назвать преданнексионными.

Перейду ко второму предложению, о котором уже упоминал. С помощью ли аннексий или без них нацисты предполагали добиться господства во всех оккупированных странах. Они выражали твердое намерение германизировать и нацифицировать всю Западную Европу и даже африканский континент. Это намерение вытекает из самого факта заговора, который столь полно был раскрыт перед трибуналом моими коллегами из американского обвинения. Об этом же свидетельствует и осуществление заговора, основные этапы которого будут прослежены в заключительном выступлении.

Я хочу привлечь внимание трибунала к той общей позиции, что план германского господства формулируется в соответствии с тем толкованием, которое сама Германия давала официальному дипломатическому документу. Этим документом является Тройственный пакт[389] от 27 сентября 1940 года, заключенный между Германией, Италией и Японией. В этой связи я хотел бы процитировать перед трибуналом несколько фраз из официального комментария этого договора, принадлежащего перу немецкого автора фон Фрейтаг-Лорингхофена[390]. Он был

---

[389] Берлинский пакт 1940 года, известный также как Пакт трёх держав 1940 года или Тройственный пакт — международный договор (пакт), заключённый 27 сентября 1940 года между главными державами Оси — странами — участниками Антикоминтерновского пакта: Германией, Италией и Японией сроком на 10 лет.

[390] Аксель фон Фрейтаг-Лорингхофен (1878 – 1942) – немецкий юрист.

членом Рейхстага, написал книгу о германской внешней политике в период с 1933 по 1941 гг. Книга была опубликована в Париже во время оккупации во французском переводе издательством Сорло.

Я не намереваюсь представлять книгу как документ, а просто хочу представить цитаты из опубликованной работы, книги, которая находится у вас в руках. Читаю со странице 311:

> «Этот договор предоставлял Германии и Италии доминирующую позицию в новом европейском порядке, и предусматривал для Японии аналогичную роль в регионе Восточной Азии».

Опускаю фразу, не имеющую значения.

> «При ознакомлении с Тройственным пактом сразу видно, что он преследует двойную цель»

Опускаю следующую фразу и перехожу к фразе, где говорится о второй цели:

> «Более того, согласно пакту сторонам доверялась миссия на будущее, иными словами, создание нового порядка в Европе и в Восточной Азии.
>
> Не желая преуменьшить значение первого вопроса, хочу отметить, что вторая цель, касавшаяся будущего, вне сомнения охватывала более обширные проекты и фактически фиксировала основную задачу. В Тройственном пакте впервые в истории международных договоров понятия «пространство» и «ориентация» были применены так, что связывались друг с другом».

Перехожу теперь к странице 314, где имеется замечание автора, представляющееся мне знаменательным:

> «Таким образом, Тройственный пакт четко размежевывает обширные пространства, созданные природой на нашей планете. Правда, концепция пространства применялась исключительно в отношении Дальнего Востока, но она в равной степени применима и к Европе, причем в концепцию Европы включается и Африка. Африка, вне сомнения, в политическом и экономическом отношении является дополнением Европы или, если хотите, ее придатком. Более того, очевидно, что Тройственный пакт фиксирует границы двух огромных регионов или пространств, резервируемых для партнеров, молчаливо признает существование третьего региона, собственно Азии, и оставляет в стороне четвертый регион, американский континент, предоставляя таким образом последний собственной судьбе. Таким образом, оказывается учтенной вся поверхность планеты. При этом идее, которая до сих пор рассматривалась лишь теоретически, было придано значение политического принципа, заимствованного из

международного права».

Я полагал, что этот текст представляет интерес, потому что, с одной стороны, он проливает свет на тот факт, что сам африканский континент был включен в пространство, зарезервированное для Германии, и, с другой стороны, он гласит, что управление Германией таким огромным пространством считалось соответствующим международному праву. Делать вид, что поступаешь в соответствии с юридическими канонами — это одна из черт проводившейся в 1940—1945 гг. германизации мира. Вне сомнения, это одна из причин того, что нацистская Германия лишь в редких случаях прибегала к аннексии территорий.

Аннексия не является обязательным элементом установления господства на протяженной территории. Взамен ее могут быть использованы иные методы скрытой аннексии, которые можно обозначить понятием «вассализация».

Председатель: Вы не думаете, что сейчас подходящее время для перерыва?

[*Объявлен перерыв*]

Фор: Господин председатель, перед тем как возобновить свой обзор, я хочу спросить у трибунала, согласен ли он заслушать, в ходе вечернего заседания, свидетеля, которым является господин Рейтер[391], председатель палаты Люксембурга.

Председатель: Разумеется, господин Фор, если вам удобно, трибунал готов заслушать свидетеля которого вы назвали.

Фор: Я предлагаю, заслушать его в начале второй части вечернего заседания.

Я недавно отмечал, что различные методы скрытой аннексии могут соответствовать термину «вассализация». Хочу позаимствовать выразительную формулировку у одного немецкого автора. Речь идет о докторе Шперле, в одной из своих статей в «Krakauer Zeitung[392]» он воспользовался выражением «дифференциация методов установления германского господства». Таким образом, прибегая к непрямым и дифференцированным методам установления господства, Германия действовала в политических вопросах, как мы видели выше, таким же образом, как она действовала в экономических вопросах. Я уже имел случай указать трибуналу, в своем первом выступлении на то, что немцы немедленно захватывали в свои руки ключи экономической жизни. Хочу сказать, что в деле суверенитета в оккупированных странах, немцы закрепляли за собой «potestas clavium[393]». В каждой стране они захватывали ключи суверенитета. Таким образом, перед ними не вставала необходимость официально упразднять национальный суверенитет, как это

[391] Эмиль Рейтер (1874 – 1973) – люксембургский политик. Премьер-министр Люксембурга в 1918-1925. В 1926-1959 председатель палаты депутатов.

[392] «Краковская газета» (нем.)

[393] Власть ключей — в христианстве: священное право священников отдавать распоряжение, требующее беспрекословного исполнения.

происходит в случае аннексии, и они получали возможность контролировать и направлять осуществление суверенитета.

Завершив изложение этих принципиальных положений, я перехожу к своему основному выступлению, при этом я буду представлять доказательства в таком порядке:

Сначала я дам характеристику режима, установленного на аннексированных территориях, на которых был уничтожен национальный суверенитет. Потом я покажу, каким именно образом в интересах оккупантов лишались суверенитета те районы, которые не были аннексированы. Вслед за этим уместно будет рассмотреть, каковы были результаты такой узурпации суверенитета, и к каким парушениям прав населения это привело. Я счел необходимым классифицировать эти результаты, и основные из них изложить в третьем и четвертом разделах. В третьем разделе моего выступления будет освещена духовная германизация, то есть пропаганда в широком понимании которой немцы придавали весьма большое значение. В четвертом и последнем разделе будут представлены доказательства организации преступных действий для осуществления намеченных целей.

Что касается документации из моего обзора, я хочу отметить, что я заставил себя ограничить число текстов которые будут представлены трибуналу, я попытаюсь цитировать как можно короче. Я могу отметить, что для четвёртой главы французская делегация изучила более 2000 документов, состоящих только из подлинных немецких документов, из которых я оставил около пятидесяти.

Я также хочу отметить трибуналу, о том как документы представлены в вашей документальной книге, которая имеется у вас. Документы пронумерованы вверху страницы справа, они пронумерованы карандашом и соответствуют порядку в котором я их процитирую. Каждое досье имеет нумерацию, которая начинается с цифры 100.

Теперь я попрошу трибунал обратиться к досье, которое озаглавлено: «Аннексия Эйпена, Мальмеди и Моресне».

Осуществляя аннексию оккупированных территорий и не пытаясь при этом поступать законно, либо прикрываться законностью, Германия совершала нечто гораздо более серьезное, чем нарушение норм права. Речь шла об отрицании самой идеи международного права. Бустаманте-и-Сирвен[394], юрист, в своём трактате о международном праве выразил себя следующим образом:

> «Можно заметить, что мы никогда не могли гипотетически вообразить о том, что оккупация завершается, потому что оккупирующая держава обладает оккупированной территорией посредством военных сил и без какого-либо договора. Мотив данной миссии простой и очень

[394] Антонио Санчес де Бустаманте-и-Сирвен (1865 — 1951) — кубинский юрист-международник, профессор Гаванского университета, сенатор Кубы.

> понятный. Поскольку завоевание нельзя считать легитимным способом приобритения, эти результаты являются лишь результатом силы и не могут оцениваться с точки зрения правовых норм».

С другой стороны, как я только что говорил, германизация не обязательно предполагала аннексию. Перевернув это высказывание, мы можем вывести заключение, что аннексия не обязательно означала германизацию. Мы докажем трибуналу, что аннексия представляла собой лишь средство германизации, причем наиболее жестокое, иными словами, нацификацию.

Аннексия Эйпена, Мальмеди и Моресне была декларирована германским законом от 18 мая 1940 г. о практическом осуществлении аннексии. Официальный текст этого закона был опубликован в «Reichsgesetzblatt» страницы 777 и 804. Я прошу трибунал вынести о нём судебное уведомление.

В результате указа, три бельгийских округа были присоединены к провинции Рейнланд, району Аахена, и на их территории были введены германские законы.

Декретом от 24 сентября 1940 г. в названных округах были назначены местные германские власти и введены германские муниципальные законы, по указу от 28 июля 1940 была введена германская судебная система. Местные суды были созданы в Мальмеди, Эйпене и Сен-Вите, и окружные суды Аахена, которые могли рассматривать дела по компетенции равные местным судам.

Немецкий апелляционный суд в Кельне заменил бельгийский кассационный суд и взял на себя компетенцию последнего. Германское право было введено на этих территориях указом от 23 мая 1940, подписанном Гитлером, Герингом, Фриком и Ламмерсом и вступило в силу с сентября 1940.

Декретом от 3 сентября 1949 года регулируются детали преобразования бельгийского права в германское право в сферах частного права, торгового права и процессуального права.

Декретом об аннексии жителям этой бельгийской территории, имеющим этническое немецкое происхождение, предоставлялось германское гражданство. Подробности этой меры регулировались и предусматривались декретом от 23 сентября 1941 года. В силу этого декрета всем лицам, которые получили бельгийское гражданство в результате отхода этих территорий от Германии, возвращалось их германское гражданство — исключение, однако, составляли евреи и цыгане. Всем другим лицам при условии, что они являются этническими немцами, могло быть предоставлено германское гражданство, которое по прошествии 10 лет могло быть отменено.

Я не намереваюсь долгое время останавливаться на положении, которое создалось в результате аннексии упомянутых бельгийских территорий, так как последовательное развитие событий аналогично тому, которое имело место в других странах, и мы еще будем на нем останавливаться. Я просто хотел бы привести в этой

связи одну конкретную деталь: законом от 4 февраля 1941 года за подписью Гитлера, Геринга, Фрика и Ламмерса гражданам Эйпена, Мальмеди и Моресне предоставлялось право быть представленными в Рейхстаге, иными словами, за ними закреплялись преимущества германского парламентарного режима, демократический характер которого широко известен.

Я прошу трибунал обратиться к досье, озаглавленному «Эльзас и Лотарингия». Это папка «Expose» и папка «Документы».

В отличие от того, что было предпринято в отношении бельгийских округов, нацисты не декретировали аннексию трех французских департаментов, составляющих Эльзас и Лотарингию. Но распоряжались они в этих департаментах, как в присоединенных к Германии. Я желал бы в этой связи напомнить трибуналу о выдержках из документа, уже представленного в качестве доказательства, это документ RF-3. Это показание под присягой, которое дал перед Верховным судом Франции французский посол Леон Ноэль[395], входивший в состав делегации по перемирию. Я не поместил данный документ в вашу книгу, потому что я процитирую из него только одно предложение. Документ уже был представлен трибуналу.

Посол Ноэль передает разговоры, которые происходили у него во время подписания соглашения о перемирии с германскими представителями, в частности с подсудимыми Кейтелем и Йодлем. Привожу фразу, о которой я хотел бы напомнить трибуналу:

> «...и - аналогичным образом, имея в виду Эльзас и Лотарингию, я потребовал от них заверений, что административные и судебные органы оккупированных территорий сохранят свои положения и функции и им будет предоставлена возможность свободно связываться с правительством».

Эти заверения датированы 22 июня 1940 года.

Хочу теперь представить трибуналу документ от 3 сентября 1940 года, представляющий собой ноту протеста французской делегации, адресованную комиссии по перемирию. Представляю этот документ трибуналу с тем, чтобы трибунал мог убедиться, что в период между этими двумя датами, период протяженностью в два месяца, нацисты осуществили ряд мер, которые создали, неоспоримым образом, состояние аннексии.

Данный документ который я представляю имеет номер RF-701 во французской документации. Это первый документ в документальной книге, которая имеется у трибунала. Все документы в данной главе имеют номера, начинающиеся с номера 7, то есть, начинаясь с RF-701.

Этот документ поступил из материалов дела Верховного суда Франции; подлинность предъявляемого экземпляра подтверждается подписью секретаря суда.

[395] Леон Ноэль (1888 – 1987) – французский политик и дипломат.

Я хочу процитировать из этого документа, начиная с четвёртого абзаца. Страница 1 документа RF-701:

«1. Префекты, супрефекты и мэры, а также ряд чиновников из местных жителей, убеждения которых вызывали сомнения, были устранены с должностей.

2. Господин Гейнц[396], епископ Меца, был изгнан из своей епархии. Многие представители как белого, так и черного духовенства были также изгнаны под тем предлогом, что они владеют французским языком и что у них французский образ мыслей.

3. Господин Руш, епископ Страсбурга, был лишен права выполнять свои функции в епархии и освобожден от своих обязанностей.

4. Господин Йозеф Бюркель был назначен 7 августа, гауляйтером Лотарингии и господин Роберт Вагнер, гауляйтером Эльзаса. Первая из этих провинций была присоединена к гау Саар-Палатинат; вторая к гау Баден.

5. Эльзас и Лотарингия были включены в сферу гражданского управления Германии. Государственная и таможенная границы были перемещены на западные пределы этих территорий.

6. Железные дороги были включены в железнодорожную сеть Германии.

7. Управление почт, телеграфа и телефона было передано в ведение германских почтовых органов, которые постепенно заменяли персонал этих учреждений своим персоналом.

8. Французский язык был запрещен как в учреждениях, так и в общественной жизни.

9. Названия местностей были онемечены.

10. В указанных районах было введено расовое законодательство Германии. В связи с этой мерой лица еврейского происхождения были изгнаны. Также были изгнаны представители всех национальностей, которых германские власти рассматривали как поселившихся незаконным образом.

11. Только эльзасцы и лотарингцы, которые выразили согласие признать себя лицами германского происхождения, получали разрешение оставаться у своих очагов.

12. Собственность политических организаций и собственность евреев была конфискована, так же как и собственность, приобретенная французами после 11 ноября 1918 г.».

Наилучшим образом дух этих произвольных мер иллюстрируют слова, публично произнесенные 16 июля в Страсбурге Робертом Вагнером.

[396] Жозеф-Жан Гейнц (1886 – 1957) – французский священнослужитель. С 1938 епископ Меца.

Подчеркнув, что ликвидируются все элементы иностранных корней и иностранного гражданства, этот высокий чиновник подтвердил, что целью Германии является раз и навсегда «решить» вопрос Эльзаса.

Такая политика, которая не могла быть функцией находящихся в подчиненном положении оккупационных властей, была равносильна скрытой аннексии и явно противоречит соглашениям, подписанным Германией в Ретонде.

Впоследствии французская делегация внесла многочисленные протесты. Мы прилагаем к нашему досье список этих протестов, их всего 62. Этот список содержится в книге документов под номером RF-702.

Германская политика развивалась в трех направлениях. Во-первых, проводилась совокупность мер, которые имели целью устранить все, что мы называем французским по духу, то есть все то, что связывало население этой страны со своими определенными условиями существования и национальными традициями. Во-вторых, — совокупность мер, предназначенных для того, чтобы навязать местному населению германские нормы во всех сферах жизни. И, наконец, производились перемещение и колонизация (здесь мы употребляем германскую терминологию).

Остановимся вначале на устранении французского духа.

Устранение французского гражданства и французского права автоматически явились результатом мер, которые будут рассматриваться нами в связи с насаждением германских норм. Я хотел бы особо отметить здесь, что немцы стремились прежде всего устранить такие элементы французского духа, которые смогли бы существовать даже при устранении условий национального существования с помощью юридических средств.

Прежде всего, они запретили в предельно грубой форме употребление французского языка. Об этом говорится в многочисленных приказах и распоряжениях. Распоряжение от 16 августа 1940 г. озаглавлено: «К вопросу о восстановлении родного языка». Этот документ был опубликован в бюллетене германских приказов и распоряжений за 1940 год (Verordnungsblatt), на странице 2. Это документ RF-703. Трибунал найдёт его в документальной книге после документа номер 702, который является списком французских протестов. Я хочу зачитать большой фрагмент из этого документа, который нас интересует, и я начинаю:

«В качестве дальнейшего проведения уже принятых мер в целях восстановления родного языка эльзасского населения, приказываю следующее»:

1. Официальный язык.

Все официальные учреждения в Эльзасе, в том числе администрация в общинах, корпорации в смысле гражданского законодательства,

общественные учреждения, а также церкви и фонды, а также трибуналы должны употреблять лишь немецкий язык, как в устной, так и в письменной форме. Население Эльзаса должно пользоваться исключительно родным немецким языком в том случае, когда оно обращается к указанным учреждениям, как в устной, так и в письменной форме.

2. Христианские и семейные имена.

Впредь следует употреблять христианские имена как в устной, так и в письменной форме лишь в их немецком виде даже в том случае, если они записаны в метрике о рождении по-французски. С момента вступления в силу настоящего приказа в метрики могут вписываться только немецкие имена. Эльзасцам, имеющим французские христианские имена, которых не бывает у немцев, рекомендуется обратиться с ходатайством об изменении их христианских имён с тем, чтобы выразить свою приверженность ко всему германскому. Это в такой же мере касается лиц, носящих французские семейные фамилии.

Я пропускаю следующее предложение и перехожу к абзацу 4:

4. Настоящим запрещается составление на французском языке контрактов, а также каких бы то ни было документов, которые должны быть заверены у нотариуса. Деловая переписка на специальных типографских бланках и на обычных бланках должна вестись на немецком языке. Бухгалтерские книги, финансовые расчеты предпринимателей учреждений и фирм также должны вестись на немецком языке.

5. Надписи на могилах.

Впредь надписи на крестах и надгробных плитах могут составляться лишь на немецком языке. Это распоряжение касается составления новых надписей в такой же мере, как и восстановления ранее существовавших».

Эти меры сопровождались кампанией в прессе. Так как население оказывало сопротивление проводившимся мероприятиям, эта кампания продолжалась в течение всего периода оккупации.

В связи со сказанным я хотел бы процитировать выдержку из весьма примечательной статьи, которая была опубликована в «Dernieres Nouvelles de Strasbourg[397]» 30 марта 1943 г. Эта выдержка не предъявляется в качестве доказательства, так как она взята из статьи, которая была опубликована. При чтении ее создается впечатление, что эта шутка. Однако она касается серьезных вещей, так как в ней речь идет о репрессивных мерах в отношении лиц, которые отказывались употреблять немецкий язык. Цитирую:

---

[397] «Последние известия Страсбурга» (нем.)

«Немцы приветствуют друг друга словами «хайль Гитлер». Нам больше не нужны французские приветствия, которые мы постоянно слышим в тысяче различных вариантов. Элегантное приветствие «Bonjour[398]» не предназначено для грубых эльзасских глоток, для которых немецкий язык был привычным с давней эпохи Отфрида фон Вейсенбурга[399]. Эльзасец бьет по ушам, когда говорит «божурр». Когда он произносит «Au Revoir[400]», французы думают, что тот говорит по-арабски, и звучит как «арвар». Иногда они говорят «аджьё» (Adieu[401]).

Когда эльзасцы употребляют французские слова, возникают фонетические чудища, искажающие наш прекрасный эльзасско-немецкий диалект, они подобны чертополоху на клумбе. Выкорчуем их! Они недостойны Эльзаса. Вы полагаете, что нанесете женщине обиду, если скажете «фрау» взамен «мадам»? Мы уверены, что эльзасцы откажутся от привычки проявлять капризы в пользовании языком, и властям не придется прибегать к жестким мерам по отношению к тем, кто бойкотирует немецкий язык.

После запрещения французского языка национал-социалисты занялись музыкой. Таково содержание декрета от 1 марта 1941 г., подписанного начальником управления по пропаганде и просвещению Дресслером.

Документ RF-704; он был опубликован в германском официальном журнале «Verordnungsblatt» за 1941 год, страница 170. «О нежелательной и вредной музыке.

«Музыкальные произведения, находящиеся в противоречии с культурными устремлениями национал-социализма, внесены управлением по пропаганде и просвещению в список нежелательных и вредных».

После музыки нацисты принялись за головные уборы. В этих нормах смешное постоянно оспаривается одиозным превосходством. Я прошу трибунал меня простить, но по правде, мы это не придумали.

Представляю в качестве доказательства документ под номером RF-705 — декрет от 13 декабря 1941 г., опубликованный в официальном бюллетене за 1941 год по поводу французских беретов (баксcих беретов) в Эльзасе, страница 744, в котором сказано:

«Носить французские береты (баскские береты) в Эльзасе запрещается. Этот запрет касается всех головных уборов, которые по

[398] «Привет» (фр.)
[399] Отфрид фон Вейсенбург — немецкий религиозный поэт, один из ранних поэтов, писавших на древневерхненемецком языке, и первый, чьи труды хорошо изучены немецкой медиевистикой.
[400] «До свидания» (фр.)
[401] «Прощай» (фр.)

своей форме или своим видом наломинают французские береты».

Нарушение этого запрещения каралось штрафом или тюрьмой.

Нацистские руководители вели также упорную борьбу с жителями, хранящими французские флаги. В качестве примера я приведу выдержку из документа RF-706, который по своему характеру является распоряжением германских административных властей; он был обнаружен в Страсбурге, в архиве управления гауляйтера. Этот документ датирован 19 февраля 1941 г. Я оглашу три абзаца из первой части этого документа, которые следуют за выдержкой общего порядка:

> «Гауляйтер считает желательным, чтобы блокляйтеры и целленляйтеры рекомендовали эльзасскому населению распороть имеющиеся у него французские флаги и использовать их для домашних нужд.
>
> К 1 мая с. г. ни одно частное лицо не должно иметь французских флагов. Это должно быть достигнуто следующим образом: блокляйтеры должны поочередно обойти все дома и рекомендовать семьям использовать флаги для домашних нужд. Следует также довести до сведения, что после 1-го мая этого года будут сделаны соответствующие выводы о взглядах тех лиц, в чьем владении будут обнаружены французские флаги».

Следующий документ под номером RF-707; он также является распоряжением на ту же тему, изданным 26 апреля 1941 г. в Страсбурге. Я хотел бы огласить лишь последнюю фразу из этого документа.

> «В том случае, если к 1 июня 1941 г. у кого-либо из эльзасцев будут обнаружены французские флаги, эти лица должны быть направлены на один год в концентрационные лагеря».

Нацисты боялись французского влияния в такой степени, что даже приняли особые меры, чтобы помешать въехать в Эльзас рабочим из числа угнанных на принудительные работы жителей оккупированных территорий, французов по национальности. Об этом говорится в распоряжении представителя гражданской администрации в Эльзасе от 7 сентября 1942 г.; распоряжение представляется под номером RF-708. Этот документ также был изъят из архива гауляйтера в Страсбурге. Я оглашаю первые строки документа RF-708:

> «В связи со сложившейся обстановкой на рынке труда начальник гражданской администрации в Эльзасе принял решение о том, что иностранные рабочие из всех европейских стран впредь могут быть использованы в Эльзасе. Это не относится к французам и бельгийцам, которые не могут быть использованы в Эльзасе».

Немецкие меры против французских стремлений эльзасцев…

Председатель: Перевод, который дошёл до меня это «должны». Прошло то, что

иностранные рабочие из всех стран Европы в будущем должны, использоваться. Слово «pouvait[402]». Оно не означает «должны», не так ли? Это «pouvait». Разве это не «могут»?

Фор: «Могут» при необходимости. Интересно то, что французы не могли там работать, даже при потребности в рабочей силе в Эльзасе.

Предпринимавшиеся немцами меры против французской ориентации эльзасцев получили дополняющий эти меры аспект, заключавшийся в попытке уничтожить также все внешние признаки, которые могли бы указывать на принадлежность Эльзаса к родине, Франции. В связи с этим пунктом приведу один пример. Представлю наш документ RF-709.

Это письмо немецкого посольства в Париже от 7 мая 1941 года, которое воспроизведено в меморандуме французской делегации, находящемся в правительственных архивах. Зачитываю документ РФ-709, он короткий:

> «Германское посольство имеет честь указать генеральной делегации французского правительства на оккупированной территории на нижеследующее:
>
> Германское посольство проинформировано о том, что в серии материалов по теме, касающейся отечества, французская радиостанция на оккупированной территории сделала радиопередачу о деревне Брюмат; передача согласно поступившей информации прошла в эфир 16 или 17 апреля 1941 года, приблизительно в 21 час.
>
> Учитывая, что Брюмат, расположенный близ Страсбурга, находится на немецкоязычной территории, германское посольство просит уведомить его, действительно ли была сделана такая радиопередача.

Существуют многочисленные претензии и протесты такого рода, к счастью, они носят анекдотический характер. Теперь нам нужно привести два особенно серьезных эпизода, так как они связаны с нападениями, вопиющими нарушениями суверенитета, и даже с преступлениями.

Первый эпизод касается изъятия сокровищ Страсбургского собора и надругательств над ними. По этому поводу я представляю документ RF-710, это письменный протест от 14 августа 1943 г., направленный генералом Бераром, председателем французской делегации в комиссии по перемирию. Зачитываю начало этого письма:

> «Уважаемый генерал!
>
> С начала войны господин Руш, епископ Страсбургский, передал сокровища Страсбургского собора и имущество ряда церковных приходов данной епархии на попечение департамента изящных искусств. Департамент поместил эти вещи в безопасное место в замках Отфор и Бурдей в Дордони, где они и находились до 20 мая

[402] «Можно» (фр.)

> 1943 года.
>
> В числе сокровищ и упомянутого имущества находилось, в частности, облачение для отправления богослужений, которым мог пользоваться только епископ — часть облачения была его личной собственностью — а также мощи святых, сосуды и предметы для исполнения церковных обрядов.
>
> Министериальсоветник Крафт, попытавшись несколько раз — но безуспешно — добиться согласия от господина Руша, 20 мая обратился не только к префекту Дордони, но и к директору по вопросам религии с просьбой разрешить, изъять помещенные на хранение предметы. Столкнувшись с отказом со стороны этих двух высокопоставленных лиц, он заявил, что возвращение в Эльзас имущества католической церкви будет поручено полиции безопасности.
>
> В результате на заре 21 мая войска проникли в замки Отфор и Бурдей и заняли их, невзирая на протесты попечителя. Предметы, являющиеся святыней, были погружены на грузовики и увезены в неизвестном направлении.
>
> В числе изъятых вещей оказались освященные сосуды и ритуальные предметы, а также мощи святых, почитаемые верующими. Тот факт, что эти священные предметы были изъяты лицами, не связанными с церковью и по закону не имевшими на это права, а также условия проведения операции вызвали негодование и единодушное осуждение верующих».

В связи с данным документом я желал бы привлечь внимание трибунала к одному факту, с которым мы часто будем сталкиваться в последующем; по нашему мнению, этот факт крайне важен для настоящего процесса. Речь идет о постоянном вмешательстве со стороны различных немецких администраций и о сотрудничестве этих администраций друг с другом. Так, приведенный документ должен показать трибуналу, что министериальсоветник Крафт, представлявший гражданскую службу, занимавшуюся национальным образованием, обращается к полиции СС с просьбой добыть предметы, которые ему не удается получить собственными усилиями.

Второй эпизод, который я хотел бы привести, связан со Страсбургским университетом. С начала войны Страсбургский университет, являвшийся одним из лучших французских университетов, переехал в Клермон-Ферран, где и была продолжена преподавательская деятельность. После оккупации Эльзаса, с учетом того, что эта оккупация фактически представляла собой аннексию, университет не возвратился в Страсбург, а остался в городе, где нашел убежище. Нацисты выражали по этому поводу свое сильное неодобрение в многочисленных

угрожающих меморандумах.

В этой связи мы хотели бы представить документ RF-711. В этом документе мы вновь столкнемся с министериальсоветником Гербертом Крафтом, о котором я говорил при представлении предыдущего документа. Представляемый мною сейчас документ имеет номер RF-711, это оригинал за подписью Крафта. В этом меморандуме, датированном 4 июля 1941 года, советник Крафт выражает свое разочарование по поводу шагов, предпринятых им в отношении ректора Страсбургского университета господина Данжона[403].

Я полагаю, что уместно зачитать очень короткую выдержку из этого меморандума, чтобы показать, какова была наглость немцев и к каким угрожающим методам они прибегали даже в той части Франции, которая не была еще оккупирована. Выдержка, которую я собираюсь зачитать, — последний абзац на странице 2 документа RF-711. Крафт пересказывает конец своего разговора с ректором. Цитирую:

> «Я оборвал разговор, встал, и между прочим задал ему вопрос, не является ли решение адмирала Дарлана для него приказом от его правительства. Когда я выходил, то добавил: «Надеюсь, что вас не арестуют». Он побежал за мной, заставил меня повторить это замечание, и иронически воскликнул, что это было бы для него большой честью».

Этот документ может вызвать улыбку, однако речь идет о деле весьма серьезном.

15 июня 1943 года германское посольство составило записку, которую я представляю в качестве документа RF-712. Этот документ находился в архивах Высокого суда и заверен секретарем этого суда. Привожу текст этого документа RF-712, опуская его начало:

> «Германское посольство полагает, что весьма желательно найти разрешение вопроса о пребывании Страсбургского университета в Клермон-Ферране.
>
> Мы были бы счастливы узнать, что под заголовком «Страсбургский университет» новые публикации появляться не будут, с тем чтобы такие публикации не могли приводить к новым разногласиям.
>
> Германское посольство приняло к сведению тот факт, что министерство национального образования не будет в последующем заполнять на кафедрах профессорские вакансии.
>
> Далее предлагается, чтобы на бланках «Страсбургский университет» более не выдавались удостоверения о сдаче экзаменов».

Завершая тему о Страсбургском университете, я хочу указать трибуналу на известный вопиющий факт, а именно на то, что в четверг 25 ноября 1943 года

---

[403] Андре Данжон (1890 – 1967) – французский астроном.

германская полиция захватила здание Страсбургского университета в Клермон-Ферране, арестовала профессоров и студентов, подвергла их проверке и депортировала значительное число людей. В ходе этой операции полиция даже стреляла в двух профессоров; один был убит, второй серьезно ранен.

Я смогу предоставить документы относящиеся к этому, но я думаю, что это не обязательно, поскольку у обвинения не имеется никаких доказательств того, что эти убийства были совершены по приказам которые чётко показывают правительственную ответственность.

Председатель: Господин Фор, вы сказали, что у вас есть или нет доказательств того о чём вы сказали про захват имущества университета?

Фор: Я так сказал, господин председатель. Эти факты широко известны, однако я считаю, что лучше доказать их с помощью документа. Этот документ не включен в нашу книгу документов, попрошу трибунал принять его в качестве приложения. Я хочу пояснить, что он не находится в правильном месте, так как я добавил его к обзору после заявления трибунала об интерпретации «общеизвестных фактов».

Председатель: Объявляется перерыв.

Завтра суббота, трибунал будет заседать с 10 часов утра до 1 часа. Затем мы отложимся.

Кауффман: Было сказано о том, что этим вечером будет свидетель. Я хочу попросить, чтобы эти показания перенесли на другой день. Мне кажется, мы достигли так называемого молчаливого согласия о том, чтобы нас заранее уведомляли о том, что будут свидетели и каким будет предмет их показаний.

Я не знаю, будет ли перекрёстный допрос, но, конечно существует возможность, и важные вопросы можно будет задать, когда мы узнаем, прежде всего, кто этот свидетель и во-вторых, о каком предмете может быть перекрёстный допрос.

Председатель: Трибунал не считает, что необходимо переносить показания свидетеля. На усмотрение обвинения, наверное, было бы хорошо, но, по сути, имя не нужно, а предмет, о котором свидетель даст показания, должен быть доведен до защиты, чтобы позволить ей подготовиться по данному предмету для перекрёстного допроса.

Я понял, что этим вечером вы предложили вызвать свидетеля, который рассмотрит обстоятельства германской оккупации Люксембурга. Это так?

Фор: Да, господин председатель.

Председатель: Вероятно, вы сообщите защитникам предмет, к которому им следует подготовить перекрёстный допрос. Мне сказали о том, что данный предмет уже сообщен подсудимым и он находится у них на доске объявлений.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения суда, я хочу объявить о том, что подсудимые Кальтенбруннер, Зейсс-Инкварт и Штрайхер будут отсутствовать на вечернем заседании по болезни.

Председатель: Вопрос который был поднят о документах этим утром был исследован и трибунал установил, что документы были направлены в информационный центр защиты вчера, однако могло возникнуть недопонимание из-за того, что эти документы не были никаким способом проиндексированы, и для защиты было бы полезно, если обвинение сможет, вместе с документами, направлять своего рода индекс, который позволит защите искать документы.

Фор: Как я понимаю, мы должны представить содержание документов.

Председатель: Да, если можете.

Фор: Уважаемый суд, этим утром я говорил об инциденте, который случился на факультете Страсбурга в Клермон-Ферране 25 ноября 1943. Я отметил трибуналу, что я должен предоставить документ об этом. Этот документ не классифицирован в документальной книге и я попрошу трибунал принять его как приложение или как последний документ в данной книге, если это возможно.

Это сообщение господина Хёппфнера, декана литературного факультета, подготовленное 8 января 1946 и переданное из Лотарингии французскому обвинению. Я хочу просто прочитать трибуналу, для того, чтобы не занимать слишком много времени, два отрывка которые составляют тексты которые приложены к нему.

Председатель: Это у вас оригинал документа?

Фор: Да, ваша честь. Зачитываю:

> «Дата — 25 ноября 1943 года, четверг. Занятия, начавшиеся в 10 часов, приближаются к окончанию. Когда я выхожу из комнаты, студент, стоящий у окна в зале, делает мне знак подойти и указывает на внутренний двор перед кафедрой физики, где мы видим, что на страже стоит солдат Вермахта в каске, сапогах, с автоматом в руках. «Давайте попытаемся убежать». Слишком поздно. В то же мгновение со всех сторон раздаются дикие крики, коридоры и лестницы заполняются топотом тяжелых сапог, лязганием оружия, яростными криками, кого-то, сопротивляющегося, куда-то волокут. Солдат пробегает по зале с воплем: «Все во двор — передайте другим». Все,

естественно, понимают».

Вторая выдержка:

«Один из наших, Поль Колломп, был хладнокровно убит выстрелом в грудь, этот факт подтверждает очевидец. К сожалению, это действительно имело место. Вне сомнения, все произошло следующим образом. Когда Колломпу приказали покинуть секретариат, где он находился, то он повиновался, как показалось полицейскому, слишком медленно, и тот яростно нанес ему удар в спину; инстинктивно наш коллега обернулся, и полицейский выстрелил ему прямо в грудь. Смерть наступила почти мгновенно, а тело оставалось лежать до вечера. Дошел до нас и другой слух — не знаю, откуда. В нашего коллегу с кафедры протестантской теологии господина Эппеля, очевидно, стреляли в его собственном доме, куда полицейские отправились его искать. Он получил, как было впоследствии установлено, несколько пуль в брюшную полость, однако чудом выздоровел и даже пережил ужасы Бухенвальдского лагеря».

Как я уже указывал трибуналу сегодня утром, обвинение не располагает доказательствами того, что такие преступления совершались по приказу германского правительства. Однако, я тем не менее считаю, что целесообразно было сообщить трибуналу об этом последнем эпизоде германских мероприятий, направленных против Страсбургского университета, так как этот эпизод является звеном в цепи, и, в определенном смысле, кульминацией предыдущих инцидентов. Действительно, мы видели, что эти мероприятия начались с регулярно осуществлявшихся шагов, которые в последующем достигли стадии привлечения полиции. Использование полиции сопровождалось жестокостями и насилием.

Хочу сообщить вам, что зачитанный мною документ имеет номер RF-712 (бис).

Перехожу теперь ко второй части данной темы, а именно, к насильственному внедрению германских норм стандартов. Руководители Рейха начали с организации специфически германской администрации. Я уже указывал некоторое время тому назад на то, что во главе гражданской администрации назначался гауляйтер. В развитие этого утверждения я представляю документ RF-713, представляющий собой декрет от 28 августа 1940 года, опубликованный в официальной газете Рейха от 1940 года, страница 22. Декрет озаглавлен: «По поводу введения германского режима в Эльзасе». Я не буду зачитывать этот декрет, а лишь укажу, что его целью было введение в силу с 1 октября 1940 года германского муниципального режима от 30 января 1935 года.

Текст декрета и излагаемые организационные нормы указывают на то, что аннексированные территории подвергались реорганизации на основе германской

концепции управления. Каждый округ возглавлялся теперь не французским префектом, а ландкомиссаром, в подчинение к которому поступали различные отделы — финансов, труда, школьной инспекции, торговли и здравоохранения. В крупных городах, главных городах округов и даже кантонов насаждались штадткомиссары взамен мэров и избираемых советников. Юридические ведомства были переданы апелляционному суду в Карлсруэ. Экономические ведомства и в частности, торговые палаты возглавил представитель торговой палаты Карлсруэ для Эльзаса, а торговую палату Мозеля — представитель торговой палаты Саарбрюккена.

Германизировав формы административной деятельности, немцы приступили к германизации персонала. На ответственные посты были назначены многочисленные немецкие чиновники. Кроме того, немцы в ряде случаев предпринимали попытки заставлять чиновников, сохранивших свои должности, подписывать декларации о лояльности по отношению к немцам. Такие попытки, однако, наталкивались на сопротивление со стороны чиновников. Такие попытки возобновлялись многократно в различных формах. Из архива гауляйтера Страсбурга нами было изъято 8 или 10 различных бланков подобных деклараций о лояльности. Я воспроизведу один из этих бланков для трибунала, в порядке примера.

Это документ RF-714. Он представляет собой бланк новой декларации, который чиновников заставляли подписать, если они желали сохранить занимаемую должность:

> «Фамилия, имя, должность, место службы и жительства.
>
> Я работаю с _______ 1940 года по сей день на государственной службе в германской администрации Эльзаса. За указанный период я имел возможность узнать об обязательствах, которые берет на себя германский чиновник, и о требованиях, предъявляемых к нему в политическом и идеологическом плане; сведения об этом я почерпнул как на основе личных наблюдений, так и от партии и высших инстанций, органов власти как устно, так и в письменной форме. Я без оговорок одобряю эти обязательства и эти требования, и полон решимости руководствоваться ими в моей личной жизни и служебной деятельности. Я подтверждаю свою приверженность германскому народу и национал-социалистическим идеалам Адольфа Гитлера».

Наряду с администрацией в собственном смысле слова нацисты создали в Эльзасе параллельную администрацию национал-социалистической партии, а также Трудового фронта, который являлся единственной организацией по вопросам труда.

Германское валютное законодательство было введено в Эльзасе 19 октября, а в Лотарингии 25 октября 1940 года. С указанного времени рейхсмарка стала законным средством оплаты на аннексированной территории. Германская организация судоустройства была введена серией последовательно

осуществлявшихся мер, которые завершились декретом от 30 сентября 1941 года по поводу упрощения судебной деятельности в Эльзасе. Представляю данный декрет без оглашения в качестве документа RF-715.

По вопросу о системе образования, германские власти приняли ряд распоряжений и декретов, задачей которых было обеспечить унификацию школьной системы Эльзаса германской преподавательской системой. Я просто перечислю даты основных текстов, которые мы представляем в качестве документов публичного характера, так как они были опубликованы в официальной газете Рейха в Эльзасе. Привожу перечень основных текстов:

Документ RF-717, распоряжение от 2 октября 1940 года.

Документ RF-718, декрет от 24 марта 1941 года о преподавании в начальных школах Эльзаса.

Документ RF-719, декрет от 21 апреля 1941 года касательно распределения субсидий на образование в Эльзасе.

Документ RF-720, декрет от 11 июня 1941 года по поводу обязательного обучения в Эльзасе.

Сошлюсь теперь на ряд документов, содержащих приказы о введении в Эльзасе и Лотарингии германского гражданского и уголовного права и даже германского процесса. В качестве наиболее важного из таких документов процитирую представляемый под номером RF-721 декрет от 19 июня 1941 года по поводу распространения на эльзасцев норм германского законодательства. Хотел бы зачитать первый абзац статьи 1, так как здесь имеется интересное положение:

«Статья 1.

1. Юридические отношения между лицами, получившими французское гражданство на основании приложения к статьям 51—79 Версальского договора, а также лицами, гражданство которых явилось производным от гражданства указанных выше лиц, в частности отношения в сфере персонального и семейного права, регулируются законодательством, имеющим силу в бывшей империи, в соответствии с законом страны происхождения, в той же мере, поскольку это законодательство распространяется на страну происхождения».

Аналогичный декрет был издан для Лотарингии, документ RF-722, декрет от 15 сентября 1941 года касательно распространения германского законодательства на личный статус и семейный статус в Лотарингии. Официальный бюллетень Рейха, страница 817.

Я хотел бы перечислить, с указанием на их названия и отсылки, те основные нормы, которые были введены в сфере уголовного права:

Документ RF-723, уведомление от 14 февраля 1941 года касательно принятия решений по уголовным делам; объявлено о распространении этого документа на Лотарингию в силу статьи 1 второго декрета касательно принятия

определенных временных мер в сфере правосудия.

Документ RF-724, декрет от 29 октября 1941 года касательно введения в Эльзасе германского законодательства по уголовному процессу и других уголовных законов.

Документ RF-725, декрет от 30 января 1942 года касательно введения в Эльзасе германского уголовного кодекса и других уголовных законов.

Я не собираюсь зачитывать этот длинный текст, но хотел бы привлечь внимание трибунала к двум аспектам, свидетельствующим о том, что немцы ввели в Эльзасе самые чрезвычайные нормы своего уголовного права, созданного с позиций национал-социалистического режима. Таким образом, трибунал увидит из этого документа RF-725 — страница 1 перечня — что закон от 20 декабря 1934 года предусматривавший репрессии по поводу предательских акций, направленных против государства и партии, а также содержавший нормы защиты партийной формы, был введен в Эльзасе. Был там также введен декрет от 25 ноября 1939 года — номер 11 перечня — которым завершались уголовно-правовые нормы, касавшиеся защиты военной мощи германского народа.

Что касается общественных свобод, то немцы с самого начала упразднили право на объединения граждан, и распустили все существовавшие объединения. Они намеревались оставить свободу для нацистской системы, которой предстояло быть единственным и обязательным объединением.

Как и ранее, я сошлюсь на ряд публичных документов, приводя их названия:

Документ RF-726, распоряжение от 16 августа 1940 года, о роспуске молодежных организаций в Эльзасе.

Документ RF-727, распоряжение от 22 августа 1940 года, о создании надзорной комиссии по объединениям в Лотарингии.

Документ RF-728, распоряжение от 3 сентября 1940 года, предусматривавшее роспуск союзов учителей. Отмечу, что последняя статья данного документа предусматривает исключение в пользу организации, называемой «Союз учителей — национал-социалистов».

Документ RF-729, распоряжение от 3 сентября 1940 года, предусматривает роспуск гимнастических обществ и спортивных объединений в Эльзасе. Хотел бы процитировать страницу 4 документа RF-729:

> «Мой комиссар по физической культуре примет, по отношению к другим гимнастическим обществам и спортивным объединениям в Эльзасе, все необходимые меры с целью их реинтеграции в национал-социалистический союз Рейха по физической культуре».

Прослеживая принятие этих мер по германизации, мы теперь подошли к двум весьма характерным материалам, которые я представляю в качестве документов RF-730 и RF-731. По документу RF-730 я оглашу только заголовок,

который знаменателен сам по себе: «Распоряжение от 7 февраля 1942 года касательно создания управления Верхнего Рейна по генеалогическому исследованию». Я также прочту название документа RF-731: «Распоряжение от 17 февраля 1942 года по поводу создания управления рейхскомиссариата по укреплению германизации».

Несколько минут тому назад я указывал трибуналу на то, что в Эльзасе и Лотарингии создание партии шло параллельно с созданием германской администрации. В этой связи я представлю документ RF-732, представляющий собой конфиденциальную записку НСДАП земли Баден, датированную 5 марта 1942 года. Документ озаглавлен «Управление гау — вспомогательное бюро в Страсбурге». С разрешения трибунала, зачитаю начало этого документа.

> «Оценка возможностей привлечения в партию, ее подразделения и связанные с ней групп в Эльзасе.
>
> В плане проведения кампании 19 июня, организованной для привлечения в члены партии, крейсляйтер с помощью ортсгруппенляйтеров должен провести анализ в отношении эльзасцев старше 18 лет, даже если они еще не станут членами партии — речь идет о перспективах привлечения в члены партии, ее секции и организации, являющиеся ее филиалами; таких мужчин в возрасте от 17 до 48 лет можно активно использовать в партии и ее подразделениях. Для того, чтобы добиться количественного обследования, эти обследования должны охватить также всех лиц, уже вовлеченных в партию, в ее секции и связанные с ней организации.
>
> Крейсляйтер может прибегать к содействию руководителей, осуществляющих организацию секций и информационных отделов секций по личному составу. От проводимой работы не должна пострадать кампания 19 июня по привлечению новых членов, эта кампания должна проводиться всеми возможными средствами и достичь цели, установленной гауляйтером, к предписанной дате.
>
> В результате проверки населения должно быть составлено пять списков: а именно, список «1a», список «lb», список «2a», список «2b» и контрольный список.

Пропускаю нижеследующие абзацы и цитирую со страницы 2, абзац 9 документа:

> «Ввиду того, что задачей национал-социалистического движения является вовлечение всех немцев в национал-социалистическую организацию с тем, чтобы формировать и направлять их в соответствии с целями национал-социалистического движения, 90% населения должны будут фигурировать в списках «1a», «1b», и «2a» и «2b»; в контрольный же список войдут только те, кто вследствие

> своей расовой неполноценности либо асоциальности, либо антигерманских установок считается недостойным стать членом партийной организации».

Теперь я перейду к двум весьма серьезным, непосредственно взаимосвязанным вопросам — вопросам, касающимся, с одной стороны, гражданства, с другой стороны, военной мобилизации.

Германская политика в вопросе гражданства отличается определенным колебанием, что связано с германской политикой по вопросу набора в армию. Действительно, германские лидеры, как представляется, колебались между двумя противоречащими друг другу тенденциями. Одна из этих тенденций заключалась в том, чтобы предоставлять германское гражданство большому числу людей, с тем, чтобы установить для них соответствующее обязательство по несению военной службы. Вторая тенденция заключалась в том, чтобы германское гражданство предоставлялось только выборочно. В соответствии с этой позицией считалось, прежде всего, что обладание гражданством является честью и в какой-то степени должно рассматриваться как награда, когда гражданство предоставляется лицам, ранее его не имевшим. С другой стороны, гражданство придает обладающему им лицу определенное особое качество. Несмотря на упразднение всей демократии, оно придает такому лицу определенное влияние в немецкой общине. Поэтому германское гражданство следует предоставлять только лицам, дающим гарантии в определенных отношениях, а именно, гарантии лояльности; а нам известно, что, с германской точки зрения, лояльность является вопросом не только психологических установок и выбора, но распространяется также на определенные хорошо известные физические элементы, как-то: кровь, расовую принадлежность и происхождение.

Таковы две противоречащие друг другу тенденции в германской политике предоставления гражданства. Расскажем о том, как эти тенденции развивались.

Вначале, вплоть до августа 1942 года, Рейх, которому еще так настоятельно не требовались солдаты, как это имело место позднее, не спешил с введением принудительной мобилизации в армию. Параллельно с этим немцы не спешили также с принятием каких-либо мер по навязыванию германского гражданства населению в целом. На протяжении этого раннего периода нацисты не прибегали к принудительной мобилизации, а просто полагались на добровольный набор; правда, они стремились повысить эффективность такого добровольного набора в армию, предлагая всякого рода приманки и осуществляя давление различными способами.

Я не буду вдаваться в подробности применявшихся немцами процедур добровольного набора в армию. Мне бы просто хотелось привести, в порядке примера, содержание документа RF-733. Это обращение, которое было расклеено в Эльзасе 15 января 1942 года; оно в виде приложения входит в один из правительственных докладов, представлявшихся ранее под номером UK-72. В этом

документе я просто зачитаю первую фразу второго абзаца:

> «Эльзасцы: С начала кампании на Востоке, сотни эльзасцев свободно решили пойти добровольцами и бок о бок с мужчинами из других немецких областей сражаться с врагом цивилизации и европейской культуры».

Для любого, кто знаком с немецкой пропагандой и ее методами преувеличения, слово «сотни», использованное вэтом документе, сразу указывает на провал нацистских вербовщиков. Слово «сотни» очевидным образом надо переводить как «десятки», и следует признать, что это была очень жалкая помощь для Вермахта.

В течение периода, о котором я говорю, нацисты в вопросе о предоставлении германского гражданства прибегали к политике, сходной с их политикой рекрутирования военных сил, то есть применялась политика избирательного предоставления гражданства. Нацисты обращались к тем, кто добровольно желал получить гражданство. В этой связи целесообразно сослаться на декрет от 20 января 1942 года; речь идет об общем декрете Рейха, а не о специальном декрете для аннексированных территорий.

В первой статье этого декрета говорится о расширении возможностей натурализации — доселе натурализация допускалась крайне ограниченно, в соответствии с законодательством Рейха. В статье 3 декрета содержится следующее положение (Этого декрета нет в документальной книге, так как это декрет Германского Рейха и, следовательно, публичный документ):

> «Рейхсминистр внутренних дел может, посредством общего распоряжения, предоставлять германское гражданство категориям иностранцев, утвердившихся на территории, поставленной под суверенную власть Германии, либо являющихся коренными жителями этой территории».

В связи с этим более ранним периодом необходимо подчеркнуть, что коренные жители Эльзаса-Лотарингии, не ставшие германскими гражданами, не сохраняли своего французского гражданства. Все они считались подданными Германии. В документах того периода их называли «лицами, принадлежащими к немецкой общине» Volksdeutsch, как следствие этого они подлежали призыву на германскую трудовую службу. Представляю в этой связи документ RF-734, «Распоряжение от 27 августа 1942 года о воинской повинности и о призыве на военную службу в Эльзасе». Я вскоре возвращусь к этому документу в связи с вопросом о военной службе, теперь же хотел бы указать на те части документа, которые касаются службы в Гитлерюгенд[404] — это декрет от 2 января 1942 года в отношении Эльзаса и декрет от 4 августа 1942 года в отношении Лотарингии.

---

[404] Гитлерюгенд (HJ) — молодёжная организация НСДАП. Членами союза были только юноши, для девушек существовал отдельный Союз немецких девушек.

Поворотный момент в германской политике по вопросам гражданства и набора в армию наступил в августе 1942 года. В это время, ввиду военных трудностей и необходимости привлечения к службе в армии большого числа людей, немцы учредили воинскую повинность в Лотарингии — декретом от 19 августа 1942 года, в Эльзасе — декретом от 25 августа 1942 года. Соответственно, это документы RF-735 и RF-736.

В то же время немцы обнародовали декрет от 23 августа 1942 года о германском гражданстве в Эльзасе, Лотарингии и Люксембурге. Этот текст был разослан в виде циркуляра, изданного рейхсминистром внутренних дел, документ RF-737. Приводим положения этого декрета:

> «Коренные жители Эльзаса, Лотарингии и Люксембурга, немецкого происхождения, приобретают полные права гражданства при следующих условиях:
>
> когда они были призваны либо будут призваны на службу в вооруженных силах Рейха либо в вооруженных формированиях СС;
>
> когда будет признано, что они поступали как хорошие немцы».

Что касается используемого в этом тексте выражения «немецкое происхождение», то оно касается жителей Эльзаса и Лотарингии, которые стали французскими гражданами либо на основании Версальского договора, либо в последующем при том условии, что ранее они являлись германскими гражданами, либо после 1 сентября 1939 года переехали из Эльзаса или Лотарингии на постоянное местожительство на территорию Рейха; и, наконец, лицами, имеющими немецкое происхождение, считались также дети, внуки и супруги лиц описанной выше категории.

В заключение следует отметить следующее: предполагалось, что те жители Эльзаса, Лотарингии и Люксембурга, которые не могли получить постоянное германское гражданство, имели возможность получить его на временной основе.

Завершая вопрос о гражданстве, я хотел бы упомянуть о следующем: в декрете от 2 февраля 1943 года приводятся детали германского законодательства о гражданстве, имеющего отношение к Эльзасу, а декретом от 2 ноября 1943 года предусматривалось предоставление германского гражданства лицам, которые во время войны содержались в концентрационных лагерях.

В немецких текстах содержатся указания на то, что, с одной стороны, германское гражданство навязывалось большому числу людей, и что, с другой стороны, эльзасцы и лотарингцы, являвшиеся французами, принуждались к выполнению чрезмерного и поистине преступного требования нести военную службу в германской армии, сражаясь таким образом против собственной страны. Такие обязательства отбывать воинскую повинность постоянно расширялись — последовательно увеличивалось число призываемых возрастных категорий, вплоть до призыва лиц рождения 1908 года.

В ответ на эти настойчивые притязания немцев последовал официальный протест со стороны Французского национального комитета[405], который в Лондоне представлял власть правительства Свободной Франции. Я хотел бы зачитать трибуналу текст этого протеста, который датирован 16 сентября 1942 года. Представляю его под номером RF-739. Оглашу лишь два абзаца начала этого документа:

> «В ходе войны Рейх объявил об аннексии Эльзаса и Лотарингии, изгнал и ограбил огромное число жителей Эльзаса и Лотарингии, провел в жизнь самые жесткие меры по германизации. Теперь Рейх принуждает эльзасцев и лотарингцев — которых Рейх объявил немцами служить в армиях Германии против их соотечественников и против союзников Франции.
>
> Национальный комитет, являющийся защитником неделимости и единства Франции и хранителем принципа прав народов, протестует перед лицом цивилизованного мира против этих новых преступлений, совершенных в полном неуважении к международным конвенциям, против воли населения, горячо приверженного Франции. Комитет торжественно заявляет о нерушимом праве эльзасцев и лотарингцев оставаться членами французской семьи».

Немцы не могли не знать об этом протесте, так как его несколько раз зачитывал и комментировал по радио представитель Франции — профессор Рене Кассен[406].

В связи с этим официальным протестом со стороны Франции позволю себе процитировать обоснования решения Рейха, если можно использовать здесь это понятие — речь идет об обоснованиях, приводившихся в речи гауляйтера Вагнера, произнесенной в Кольмаре 20 июня 1943 года. Объяснения гауляйтера Вагнера были опубликованы в газете «Muhlhauser Tageblatt[407]» от 21 июня 1943 года под названием «Эльзас не останется в стороне». Представляю этот документ под номером RF-740.

> «Таким образом, решающим событием для Эльзаса в 1942 году стало введение обязательной военной службы. Я не могу ставить себе задачей юридически обосновывать меру, которая имеет столь важное значение для жизни Эльзаса. Да в этом и нет надобности. Каждое решение, которое великий Рейх принимает в отношении этой территории, мотивировано, и не может подвергаться критике ни с юридической точки зрения, ни с позиций де-факто».

---

[405] Французский комитет национального освобождения, ФКНО — альтернативная режиму Виши властная структура Франции, сформированная лидерами движения Сопротивления.

[406] Рене Кассен (1887 — 1976) — французский юрист и общественный деятель, один из авторов Всеобщей декларации прав человека. Лауреат Нобелевской премии мира 1968 года.

[407] «Ежедневник Мюльхаузера» (нем.)

Естественно, жители Эльзаса и Лотарингии отказались подчиниться преступным приказам германских властей и стали обращаться к любым средствам, чтобы избежать исполнения этих приказов. Тогда немцы решили принудить их к повиновению с помощью беспощадных мер. Границы строго охранялись и несущим охрану было приказано стрелять в тех многочисленных непокорных людей, которые пытались бежать через границу. Хочу в этой связи привести одну фразу из статьи, появившейся в газете «Dernieres Nouvelles de Strasbourg» от 28 августа 1942 года. Это документ RF-741. В статье повествуется о гибели одного из тех, кто отказывался служить в германской армии, статья завершается такой фразой: «Мы особенно настаиваем на том факте, что попытка незаконно пересечь границу — это самоубийство».

Естественно, судебные санкции применялись с крайней суровостью по большому числу дел. Я не думаю, что мне надлежит сообщить трибуналу обо всех таких делах — на это ушло бы слишком много времени. Мне просто хотелось бы указать на принцип, которым определялась данная форма репрессий.

Приведу, прежде всего, документ, который полностью характерен для концепции правосудия и независимости судебной власти, концепции, которую имела германская администрация. Это документ RF-742, представляющий собой сообщение, переданное по телетайпу гауляйтером Вагнером из Страсбурга 8 июня 1944 года и адресованное председателю кассационного суда в Карлсруэ. Зачитаю абзац второй этого документа:

> «В Эльзасе особенно требуется, чтобы приговор за отказ от службы в армии имел устрашающий эффект. При этом нужно учесть, что для тех, кто пытается избежать военной службы, из-за страха перед опасностью для себя лично, устрашающий эффект может иметь только смертная казнь. Справедливость этого мнения усиливается тем, что эльзасец, настроенный на то, чтобы избежать военной службы путем выезда из страны, рассчитывает в целом, что противник в скором времени одержит победу, и поэтому в случае, если ему будет назначена иная мера наказания, а не смертная казнь, он рассчитывает, что наказание в скором времени будет ему отменено. Таким образом, смертная казнь должна назначаться по всем делам, когда речь идет о попытке уклониться от военной службы после 6 июня 1944 года путем незаконного выезда, вне зависимости от любой другой юридической практики, применяющейся на территории собственно Германии».

Хочу, однако, указать, что соображения риска, которому лично они подвергались, даже риска быть убитым на границе или осужденным на смертную казнь, оказались недостаточными, чтобы заставить жителей Эльзаса и Лотарингии признать за собой обязательство служить в армии. Поэтому нацисты решили прибегнуть к единственной угрозе, которая могла оказаться эффективной — угрозе

репрессий, в «Dernieres Nouvelles de Strasbourg» появилось объявление, озаглавленное «суровые санкции в отношении тех, кто не является в призывной пункт». Это объявление представляется как документ RF-743. Читаю выдержку:

> «По делу, о котором рассказывалось выше, было доказано, что родители в этом отношении не проявили своего авторитета. Этим они продемонстрировали, что еще не понимают требований нынешнего времени, когда в Эльзасе могут быть терпимы только надежные люди. Поэтому родители вышеупомянутых молодых людей вскоре будут депортированы на территорию старого Рейха, с тем, чтобы в национал-социалистической атмосфере к ним вернулось отношение согласующиеся с германским духом».

Таким образом, декрет о депортации семей имел целью наказывать не за конкретные проявления неповиновения, а за то, что человек не явился в призывной пункт.

С тем, чтобы избежать повторов, я теперь представлю трибуналу под номером RF-744 декрет от 1 октября 1943 года о санкциях в случаях отказа нести военную службу, официальный бюллетень Рейха за 1943 год, страница 152. Первые две статьи:

> «Статья 1. Глава гражданской администрации в Эльзасе может отказать в праве проживать в Эльзасе дезертирам и лицам, отказывающимся подчиниться воинской повинности, тем, кто уклоняется от обязательной трудовой службы, а также членам их семей. Для лиц немецкого происхождения, на которых распространится эта запретительная норма, это может означать переселение на территорию Рейха; решение о переселении принимает рейхскомиссар по вопросам укрепления германской расы. Меры, которые следует принимать в отношении имущества, изъятия имущества, возмещения убытков и т. д., предусматриваются декретом от 2 февраля 1943 года, регулирующим меры в отношении имущества, которые должны приниматься при переселении лиц немецкого происхождения из Эльзаса на территорию Рейха.
>
> Параграф 2. Вне зависимости от предусмотренных выше мер, в случае нарушения норм уголовных законов могут возбуждаться уголовные преследования.

Председатель: Что именно означало «souche allemande[408]»? Насколько это далеко заходило?

Фор: Термин «souche allemande» применялся, как указано в связи с предыдущим текстом, к следующим категориям лиц: в первую очередь, лицам которые находились в Эльзас-Лотарингии до заключения Версальского договора, и которые

---

[408] «Немецкого типа» (фр.)

стали французами в соответствии с договором; лица которые являлись немцами до 1919 и имели немецкое происхождение, а также их детей, их внуков, их супругов. Это относилось к большей части населения трёх департаментов.

Я продолжаю читать параграф 2 первой статьи документа номер RF-744.

«Независимо от вышеуказанных мер, уголовное преследование осуществляется за нарушение норм уголовных законов».

В силу статьи 52 параграфа 2 уголовного кодекса Рейха не подлежат наказаниям члены семей, которые могут доказать, что ими предпринимались реальные усилия предупредить уклонение от воинской повинности, отговорить от совершения такого поступка или создать условия, снимающие необходимость скрыться.

Такие отвратительные меры, налагаемое на семьи обязательство осудить своих близких, наказание семей — все это позволило германским властям осуществить мобилизацию жителей Эльзаса и Лотарингии; в результате многие из них погибли, и для всех эльзасцев и лотарингцев служба в немецкой армии стала особенно трагическим испытанием.

Завершая данную часть своего выступления, я хочу в заключение указать, что немцы осуществляли мобилизацию женщин для работы на войну. Представляю документ RF-745, декрет от 26 января 1942 года, в котором говорится о завершении организации трудовой службы для нужд войны в отношении молодых женщин Лотарингии.

Далее, имеется декрет от 2 февраля 1943 года, документ RF-746, касающийся составления списков мужчин и женщин, направляемых на осуществление задач по национальной обороне, официальный бюллетень Рейха за 1943 год, страница 26. Данный декрет касается Эльзаса.

Следующий документ, RF-747, касается Лотарингии. Это указ от 8 февраля 1943 года касательно мобилизации мужчин и женщин для выполнения задач, связанных с организацией рабочей силы... Трибунал заметит, что указ об Эльзасе использует выражение «задачи в интересах национальной обороны», в то время как указ относящийся к Лотарингии просто указывает на «задачи организации рабочей силы», однако принципиально это было одно и тоже. Статья 1 второго указа, документ номер RF-747 относится к указу генерального делегата по организации рабочей силы, относящемуся к призыву мужчин и женщин для задач национальной обороны. Таким образом, не только мужчины, но и женщины использовались на работах, связанных с германскими военными нуждами. Я оглашу перед трибуналом выдержку из статьи в газете, где комментируется это законодательство, а также комментируются меры, которые гауляйтер Вагнер предложил принять в соответствии с данным декретом. Это документ RF-748, статья из газеты «Dernieres Nouvelles de Strasbourg» от 23 февраля 1943 г.

«В своей речи в Карлсруэ гауляйтер Роберт Вагнер подчеркнул, что в

> Эльзасе будут приняты меры по тотальной мобилизации и что властям следует отказаться от бюрократических методов работы. Эльзасские биржи труда уже пригласили первую категорию женщин, которые могут подлежать мобилизации, для заполнения мобилизационных бланков.
>
> В принципе, все женщины, которые до сего времени работали только дома, заботясь только о своих мужьях, и которые не имеют других родственников, обязаны будут работать полный рабочий день.
>
> Многие женатые мужчины, которые до сего времени никогда не предлагали своим женам помощи в домашней работе, вынуждены будут «подставить свое плечо». Им придется выполнять домашнюю работу, ходить за покупками. При наличии некоторой доброй воли все образуется. Женщины, имеющие профессиональное образование, будут по возможности направляться на работу, связанную с их профессией, при условии, что эта работа будет иметь важное значение для нужд войны. Данное предписание распространяется только на все женские профессии, связанные с уходом за людьми».

Здесь опять мы сталкиваемся с нескладно сформулированным текстом, производящим довольно комичное впечатление. Однако, это не мешает нам понять, сколь отвратительны были принимавшиеся меры, которыми француженок принуждали их трудом участвовать в выполнении германских военных задач.

Председатель: Трибунал прервётся на десять минут.

[*Объявлен перерыв*]

Фор: Господин Додд, хочет обратиться к трибуналу с вопросом.

Додд: Господин председатель, я прошу, чтобы меня выслушали для информирования трибунала о том, что лицо, давшее письменные показания, Андреас Пфаффенбергер, которого трибунал поручил при возможности найти обвинению Соединённых Штатов, был обнаружен вчера, и он находится в Нюрнберге. Он доступен для перекрёстного допроса, о котором, если я правильно помню, просил защитник подсудимого Кальтенбруннера.

Председатель: Его письменные показания оглашались?

Додд: Да, ваша честь.

Председатель: Его оглашали, при условии, что его доставят для перекрёстного допроса?

Додд: Да, сэр. Его попросили доставить, насколько помню.

Председатель: Защитник Кальтенбруннера желает провести перекрёстный допрос сейчас?

Кауффман: Мне кажется, что подсудимый Кальтенбруннер не нуждается в

показаниях данного свидетеля. Однако, я снова затрону перед ним данный вопрос, так как до сегодняшнего дня было не ясно появится ли Пфаффенбергер в суде, и если бы его перекрёстно допрашивали, мне кажется Кальтенбруннер присутствовал бы на слушаниях.

Председатель: Кажется довольно неуместным, что свидетеля доставляют сюда для перекрёстного допроса, а вы говорите, что не хотите его перекрёстно допрашивать, после оглашения письменных показаний. Мне кажется, что будет разумно, если бы вы подумали о том, хотите вы или нет его перекрёстно допрашивать, и я бы подумал о том, что нужно сделать если вы хотите его перекрёстно допросить, и не доставлять его сюда, если вы не хотите его перекрёстно допрашивать. В любом случае, так как он доставлен сюда, мне кажется, что если вы хотите его перекрёсто допросить, вы должны это сделать. Господин Додд, его можно оставить здесь на некоторое время?

Додд: Можно, ваша честь, за исключением того, что он находился в концентрационном лагере 6 лет, и мы содержим его здесь в условиях определённой безопасности, и для него в некотором роде это трудно. Мы не хотим держать его здесь дольше, чем нужно. Мы с определёнными трудностями обнаружили его при помощи сил Соединнённых Штатов.

Кауффман: Наверное, в течение 2 или 3 дней мы захотим его перекрёстно допросить. Два или три дня.

Председатель: Я представляю, что если после оглашения письменных показаний вы потребовали перекрёстно его допросить и его предоставили – что же, в таких обстоятельствах, мне кажется неразумным, чтобы вы просили оставить его на 2 или 3 дня. Господин Додд, возможно оставить его здесь до понедельника?

Додд: Да, его можно оставить до понедельника.

Председатель: Мы оставим его здесь до понедельника, и если желаете, вы сможете его перекрёстно допросить в понедельник, доктор Кауффман. Вы поняли, о чём я говорю, когда приобщаются письменные показания и один из защитников говорит о том, что он хочет провести перекрёстный допрос, он должен информировать обвинение, если после оглашения письменных показаний, он понимает, что не хочет его перекрёстно допрашивать, он должен информировать об этом обвинение, чтобы избежать затрат и трудностей при доставке свидетеля. Вы поняли?

Кауффман: Я приступлю к перекрёстному допросу в понедельник.

Председатель: Да.

Фор: Господин председатель, я хочу спросить трибунал, согласен ли он заслушать свидетеля Эмиля Рейтера?

Председатель: Очень хорошо.

[*Эмиль Рейтер занимает место свидетеля*]

Председатель: Ваше имя?

Рейтер: Рейтер, Эмиль.
Председатель: Эмиль Рейтер, вы клянетёсь говорить без ненависти и страха, говорить правду, всю правду, ничего кроме правды?

[*Свидетель повторил присягу на французском языке*]

Председатель: Поднимите правую руку и скажите: «Клянусь».
Рейтер: Клянусь.
Председатель: Можете сесть.
Фор: Господин Рейтер, вы адвокат люксембургской коллегии.
Рейтер: Да.
Фор: Вы председатель палаты депутатов Великого Герцогства Люксембург?
Рейтер: Да.
Фор: Вы осуществляли эти функции ко времени вторжения в Великое Герцогство Люксембург германских войск?
Рейтер: Да.
Фор: Вы можете указать на какой-нибудь факт того, что правительство Рейха, за несколько дней до вторжения в Люксембург, дало правительству Великого Герцогства гарантию своих мирных намерений?
Рейтер: В августе 1939 германский посланник в Люксембурге вручил министру иностранных дел страны заявление, согласно которому Германский Рейх, в случае европейской войны, будет уважать независимость и нейтралитет страны, при условии, что Люксембург не нарушит свой нейтралитет. За несколько дней до вторжения, в мае 1940, немцы соорудили понтонные мосты на половине реки Мозель разделяющей две страны. Объяснение, которое дал германский посланник для строительства эти понтонных мостов, говорило о том, что это пристани в интересах навигации. В широком общественном мнении страны, эти сооружения представлялись как имеющие военный характер.
Фор: Вы можете рассказать нам о ситуации с общественной властью в Люксембурге после отъезда Его Королевского высочества, великой герцогини и её правительства?
Рейтер: Продолжение управления страной обеспечивалось правительственной комиссией которая обладала необходимыми полномочиями, предусмотренными компетентными конституционными властями. Таким образом, у администрации существовали полномочия.
Фор: Не является правдой, заявление немцев, о том, что по прибытию к страну, правительство не могло осуществлять свои функции и после отъезда правительства, не существовало никакой регулярной власти в Великом Герцогстве Люксембург?
Рейтер: Да, такое заявление сделали посланники Рейха в Люксембурге в парламентской комиссии.
Фор: Я правильно понимаю, что эти заявления со стороны германских властей не

соответствовали истине, постольку, поскольку вы сказали нам, что там существовал орган высшей государственной власти страны?

Рейтер: Данное заявление не соответствовало действительности. Оно было направлено на подрыв власти.

Фор: Господин Рейтер, немцы никогда не провозглашали закона об аннексии Люксембурга. Вы считаете, что меры принятые немцами в этой стране эквивалентны аннексии?

Рейтер: Меры предпринятые немцами в Великом Герцогстве очевидно были эквивалентны аннексии де факто. Вскоре после вторжения руководители Рейха в Люксембурге в публичных и официальных выступлениях заявляли о том, что юридическая аннексия произойдет по усмотрению фюрера. Доказательства аннексии де факто ясно видны из целой серии указов, которые немцы опубликовали в Великом Герцогстве.

Фор: Немцы организовали операцию, которая называлась переписью Люксембурга. В анкете, которую вручали жителям Люксембурга в связи с переписью, был один вопрос о родном или привычном языке и ещё один вопрос о расовом происхождении человека. Вы готовы утверждать, о том, что в виду этих двух вопросов эта перепись рассматривалась как имеющая характер плебисцита, политического характера?

Рейтер: Из угрожающих инструкций опубликованных германскими властями в связи с данной переписью, политическая цель являлась очевидной, таким образом, общественное мнение никогда не упускало из виду данную перепись в качестве попытки закамуфлировать плебисцит в виде переписи, политической операции предназначенной для того, чтобы дать определённое оправдание аннексии, которая последует.

Фор: Отчёт правительства Люксембурга не представляет никаких статистических результатов переписи, в особенности в отношении политического вопроса о котором я недавно говорил. Вы будете любезны, рассказать нам о том, почему эти статистические данные не найти ни в одном документе?

Рейтер: Полные статистические данные никогда не собирались, потому что после частичного изучения окончательных результатов германские власти заметили, что лишь незначительная группа населения ответила на два хитрых вопроса в немецком смысле. Германские власти предпочли остановить операцию и анкеты, розданные в стране не были собраны.

Фор: Вы помните дату переписи?

Рейтер: Перепись должна была пройти в 1942.

Фор: После переписи немцы поняли, что не имеется большинства, или даже значительной части населения, которая бы желала присоединения к Германскому Рейху. Однако, они продолжили проводить свои меры аннексии?

Рейтер: Меры, направленные на германизацию и позднее на аннексию страны

продолжились, и позднее они даже усилились другими мерами.

Фор: Таким образом, я понял, что в течение применения этих мер, немцы не могли не знать о том факте, что население Люксембурга возражало им?

Рейтер: В этом нет сомнения.

Фор: Можете ли вы сказать, верно ли то, что германские власти обязали сотрудников констебльской службы и полиции принимать присягу верности канцлеру Рейха?

Рейтер: Да. Она была навязана констебльской службе и полиции серьёзными угрозами и карами. Обычно, отказавшихся депортировали, если я правильно помню в Заксенхаузен, и при приближении русской армии все или часть отказавшихся находившиеся в лагере были расстреляны. Было около 150.

Фор: Вы можете нам, что-нибудь сказать о перевозке – мне кажется немцы называют это «Umsiedlung» - ряда жителей и семей проживавших в вашей стране?

Рейтер: Переселение было приказано германской властью Люксембурга для элементов, которые оказались непригодными для ассимиляции или не имеющими ценности, или нежелательными, для проживания на границах Рейха.

Фор: Вы можете указать приблизительное количество людей, которые стали жертвами переселения?

Рейтер: Должно было быть около 7000 человек, которых перевезли подобным образом, потому что мы обнаружили в Люксембурге список, упоминающий от 2800 до 2900 домов или семей.

Фор: Эти указания основаны на сведениях, которые вы получили в качестве председателя палаты депутатов?

Рейтер: Необязательно, список был обнаружен в Люксембурге, он передан на хранение управлению военных преступлений изучающему его, а также судебным властям Люксембурга.

Фор: Господин Рейтер, вы можете сказать, о том как информировали людей подлежавших переселению об этой мере в отношении них, и сколько времени было у них на подготовку?

Рейтер: В целом, семьи подлежавшие переселению не получали уведомления, по крайней мере официально. Около 6 часов утра Гестапо звонило в дверь, оно уведомляло тех кто был выбран, быть готовыми за 1 или 2 часа с минимумом багажа. Затем их везли на станцию и сажали в поезд, идущий в лагерь.

Фор: Вы можете рассказать нам применялись ли эти меры к людям, которых вы знали лично?

Рейтер: Я лично знаю очень много людей, которых перевезли, среди них члены моей семьи, много коллег по палате депутатов, много членов коллегии, много магистратов и тому подобное.

Фор: Кроме этих переселений, также проводились депортации в концентрационные лагеря? Это другой вопрос.

Рейтер: Да, были депортации в концентрационные лагеря, о чём знали все. Количество таких депортаций в Великом Герцогстве может составлять приблизительно четыре тысячи.

Фор: Господин Рейтер, посредством собственных указов, установлено, что германские власти ввели обязательную военную службу. Я не спрашиваю вас по этому предмету. Однако, я хочу спросить, можете ли вы приблизительно сообщить о количестве граждан Люксембурга, которые были призваны в германскую армию.

Рейтер: Молодые люди, которых силой брали в германскую армию относились к 5 классам, начиная с класса 1920. Количество, по крайней мере, 11-12 тысяч. Некоторые из них, я думаю, одна треть, смогли избежать призыва и стали уклонистами. Другие дезертировали из германской армии и бежали в другие страны.

Фор: Вы можете указать приблизительное количество люксембуржцев, которые погибли в результате принудительного призыва?

Рейтер: В конце сентября 1944 было 2500 погибших. Поиски продолжались и сейчас мы считаем, что установили имена, по крайней мере 3000.

Фор: Санкции, предусмотренные для принуждения к призыву люксембуржцев, они были очень тяжелыми?

Рейтер: Эти санкции были крайне тяжёлыми. Прежде всего, молодых людей которые уклонялись, преследовали и охотились на них с помощью полиции и Гестапо. Затем их доставляли в разного рода трибуналы, в Люксембурге, Франции, Бельгии или Германии. Их семьи депортировали, семейной имущество обычно конфисковали. Наказания, выносимые трибуналами в отношении этих молодых людей были очень тяжёлыми. Смертная казнь была общей, тюремное заключение, принудительные работы или депортация в концентрационные лагеря. Некоторых из них позднее освобождали, но других расстреляли в качестве заложников после освобождения.

Фор: Я хочу задать один вопрос. Вы считаете возможным, что меры которые де факто составляли аннексию Люксембурга могли быть неизвестны лицам, относящимся к правительству Рейха или высшему германскому командованию.

Рейтер: Мне кажется, что вряд ли возможно, чтобы такая ситуация была неизвестна членам Рейха и верховной военной власти. Моё мнение основано на следующих фактах: прежде всего, наша молодёжь, мобилизованная силой, часто протестовала прибывая в Германию, ввиду того, что они все были люксембуржцами, и они все были жертвами, и таким образом военные власти должны были быть информированы о ситуации в Великом Герцогстве.

Во-вторых, некоторые министры Рейха – среди них, Тирак, Руст[409] и Лей – посещали Великое Герцогство Люксембург, и могли сами видеть ситуацию в стране

---

[409] Бернгард Руст (1883 — 1945) — государственный и партийный деятель Третьего Рейха, министр науки, воспитания и образования Пруссии (с 22 апреля 1933), рейхсминистр министерства науки, воспитания и народного образования (1 мая 1934 — 30 апреля 1945). Покончил жизнь самоубийством.

и реакцию населения, другие высокопоставленные личности Рейха, такие как Борман и Заукель также проводили посещения.

Наконец, существовали германские распоряжения и указы о денационализации отдельных категорий люксембуржских граждан. Эти указы имеют подпись рейхсминистра. Исполнительные меры, вводимые этими указами публиковались в официальной газете рейхсминистерства внутренних дел за подписью министра внутренних дел Фрика с указанием о том, что эти инструкции должны доводиться до всех высших властей Рейха.

Фор: Благодарю вас. Это все вопросы, которые я должен был вам задать.

[*Американский, британский и русские обвинители не имеют вопросов*]

Председатель: Кто-нибудь из защитников, желает задать какие-либо вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Тогда, господин Фор свидетель может удалиться.

Фор: Господин председатель, я понял, что свидетель больше здесь не останется и может вернуться домой?

Председатель: Разумеется.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Фор: В своей презентации я остановился в конце второй части. То есть, я в первую очередь исследовал ликвидацию французского режима и во-вторых введение германских норм.

Перехожу к представлению доказательств о переселении из Эльзаса и Лотарингии. Германские власти применяли в этих аннексированных департаментах характерные методы для транспортировки населения. Так получилось, что свидетель из Люксембурга был заслушан раньше, чем я ожидал, трибунал уже проинформирован об аспекте который подразумевали эти меры по переселению на аннексированных территориях.

Ситуация в Эльзасе и Лотарингии, о которой я собираюсь рассказать, сходна с ситуацией в Великом Герцогстве Люксембург. Германские власти широко практиковали выселение жителей из аннексированных районов и осуществляли колонизацию путем поселения в оккупированных странах немецких подданных, которые захватывали землю и имущество выселенных жителей. Такова была бы основная задача, которую ставили перед собой немцы.

Второе преимущество, которое давали им их методы, заключалось в устранении групп, которые, как они считали, особенно трудно подвергнуть

ассимиляции. В этой связи хочу процитировать документ RF-749 — это высказывание в речи гауляйтера Вагнера, произнесенной им в Саверне (приводится по публикации в «Dernieres Nouvelles de Strasbourg» от 15 декабря 1941 г.):

> «Сегодня мы должны решиться. В момент великой борьбы нашей нации — борьбы, в которой и вы также должны участвовать — любому, который скажет «Я француз» — я могу ответить только словами: «Убирайся отсюда к чертям! В Германии есть место только для немцев».

В самом начале оккупации немцы выселяли отдельных лиц или небольшие группы. Это касалось, прежде всего, евреев и представителей интеллигенции. Как свидетельствует документ RF-701, который я уже цитировал сегодня утром, нацисты позволяли эльзасцам и лотарингцам возвращаться на родину только в том случае, если они признавали свое немецкое происхождение. Трибуналу должно быть ясно, что такие правила, ограничивавшие возвращение беженцев, были равнозначны их выдворению. Массовое выселение началось в сентябре 1940 г.

В документе RF-750 говорится; это снова нота от французской делегации по перемирию взятая из материалов дела Высшего суда юстиции:

> «С тех пор французскому правительству стало известно, что немецкие власти производят массовую высылку семейств, живущих в трех восточных департаментах. Французских граждан, вынужденных оставлять на месте все имущество, ежедневно направляют в неоккупированную зону Франции группами в количестве от 800 до 1000 человек каждая».

Таково было положение к 19 сентября. А 3 ноября немцы предприняли систематическую высылку населения Мозеля. Данная операция была проведена с крайним усердием. Фактически, немцы предоставили лотарингцам отдельных местностей выбор, ехать либо в восточную Германию, либо во Францию. Они дали им несколько часов на раздумье. Более того, они старались вселить веру в то, что такой выбор был предложен лотарингцам в результате соглашения с французскими властями.

С физической точки зрения, перевозка этих людей началась при крайне сложных условиях. Лотарингцам разрешили взять лишь небольшую часть личного имущества, и сумму в 2000 франков, плюс 1000 франков на ребёнка. 18 ноября четыре поезда с лотарингцами были направлены в Лион. Условия выселения видны из документа RF-751.Прибытие в неоккупированную Францию этих людей, подвергшихся столь жестоким мучениям, дало им все же возможность для благородного проявления их патриотических чувств. В связи с излагаемыми фактами передаю трибуналу документ RF-751, это нота протеста со стороны французской делегации за подписью генерала Дуайена, датированная 18 ноября 1940 года. Читаю выдержки из документа RF-751, начиная с абзаца 3 на странице

«Франция столкнулась с актом применения силы, который находится в формальном противоречии с соглашением о перемирии равно как и с данными недавно заверениями о желательности сотрудничества между обеими странами. Статья 16 соглашения о перемирии на которую германская комиссия часто ссылалась, относя ее именно к восточным департаментам, предусматривает как раз водворение беженцев в тех районах, где они проживали ранее. Таким образом, создание новых беженцев является нарушением соглашения о перемирии. Франция столкнулась с актом несправедливости, направленным против мирного населения, которое Рейх ни в чем не может упрекнуть; это население веками проживало на этих территориях, и превратило их в особенно преуспевающий регион.

Неожиданное решение германских властей является бесчеловечным действием: совершенно неожиданно среди зимы целые семейства должны были покинуть свои дома, увозя с собой только минимальное количество необходимых вещей и сумму денег, совершенно недостаточную для того, чтобы прожить хотя бы несколько недель. Тысячи французов, таким образом, внезапно ввергнуты в нищету, причем их отечество, само переживающее тяжелые испытания и захваченное врасплох этими неожиданными мерами, проведенными без его ведома, не могло немедленно обеспечить этим изгнанникам сносное существование. Это переселение и условия, в которых оно проходило, произвели самое ужасное и самое тягостное впечатление на весь французский народ. Французов особенно беспокоило то, что лотарингцам давалось объяснение, будто бы источником их несчастий является французское правительство.

Такое впечатление складывается, по плакату из отдельных деревень, где население вынуждено было выбирать между восточной Германией или неоккупированной Францией.

Плакат прилагался к нему, однако мы не располагаем текстом этого плаката. Распространялось также мнение, что жители Лотарингии сами просили о разрешении уехать, последовав призыву радиостанции Бордо. Даже если мы допустим, что по радио звучали такие призывы, то следует иметь в виду, что радиостанция Бордо находилась под контролем немцев. Как показала реакция лотарингцев по их прибытии в свободную зону, их доверие было нарушено».

Высылка достигла общей цифры приблизительно в 70 тысяч человек. Эту цифру надо удвоить, учитывая, что эльзасцы и лотарингцы высылались также в восточную Германию и в Польшу. Этой высылкой стремились терроризировать население. В первую очередь она затрагивала семьи тех лиц, которые решили по

праву уклониться от требований немецких властей привлечь их к принудительной работе и к военной службе» (Сейчас я ссылаюсь в целом на вопрос французского протеста от 3 сентября 1942, это документ номер RF-752).

Поскольку я не желаю оглашать трибуналу тексты относящиеся к похожим предметам, я представляю данный документ исключительно, чтобы показать, что данный протест был сделан, и мне кажется, я могу воздержаться от оглашения его содержания.

Далее я хочу привести короткую цитату из документа, относящегося к американскому обвинению. Этот документ имеет номер R-114. Это меморандум о записи встречи, которая прошла между несколькими сотрудниками СС по поводу общих указаний по обращению с депортируемыми эльзасцами.

Видно, что данный документ уже был представлен моими американскими коллегами под номером R-114, USA-314, французский номер документа RF-753. Я хочу прочитать один абзац из этого документа, который можно интерпретировать в качестве приложения к материалам по проблеме депортации. Оглашаю текст со страницы 2. В конце есть абзац, начинающийся с буквы «d»:

«Дальнейшее переселение предназначается для:

Представителей групп, говорящих на диалекте. Гауляйтер желал бы, чтобы в этом районе остались только те лица, которые своими обычаями, языком и общим поведением подтверждают свою приверженность Германии.

По вопросу о лицах, перечисленных в абзацах выше, следует отметить, что расовой проблеме должно придаваться первостепенное значение, то есть проблема должна решаться так, чтобы полноценные в расовом отношении люди переселялись собственно в Германию, а неполноценные в расовом отношении во Францию.

И, наконец, я хотел бы зачитать трибуналу несколько фраз из газетной статьи, опубликованной в «Dernieres Nouvelles de Strasbourg» от 31 августа 1942 года:

«28 августа назначенные к отправке семьи из округов Мюльхауз и Гюбвиллер были депортированы в Рейх с тем, чтобы в национал-социалистическом окружении к ним могло вернуться истинно германское мировоззрение. В ряде случаев эти лица не скрывали своей враждебности, они подогревали чувства протеста, в провокационной манере публично говорили по-французски, не соблюдали указов, касающихся воспитания молодежи, либо иными путями демонстрировали свою нелояльность».

Следствием высылки или переселения являлось разграбление имущества населения, что рассматривалось немцами как их право. Имеется распоряжение от 28 января 1943 г., опубликованное в официальном бюллетене за 1943 год под

заголовком: «Указ об охране имущества в Лотарингии в связи с мерами по переселению» (документ RF-754). Я хочу зачитать первую статью и первый параграф статьи два. Мне кажется самого заголовка достаточно для указания на содержание:

> «Статья 1. Охрана имущества лиц, переселенных из Лотарингии в великогерманский Рейх или на территорию, находящуюся под суверенной властью Германии, возлагается на лотарингские органы по переселению, действующие под руководством начальника администрации.
>
> Статья 2. Эти органы уполномочены должным образом охранять имущество переселенных лотарингцев, управлять этим имуществом и, если будет дан соответствующий приказ, реализовать это имущество».

Этот приказ показывает, что внешне соблюдалась некоторая щепетильность, в нем говорится об охране, но мы-то знаем, что означает слово «охранять» в национал-социалистической терминологии. Мы уже установили, как охранялись произведения искусства и имущество, принадлежавшее евреям. А в данном случае имеется даже специальное предупреждение о том, что «охранять» означает право распоряжаться и «реализовывать».

Другие приказы еще более конкретны.

Вот, например, документ RF-755 — указ от 6 ноября 1940 г., касающийся имущества врагов народа и Рейха в Лотарингии. Документ RF-756 — инструкция от 13 июля 1940 г. об имуществе врагов народа и Рейха в Эльзасе. Эти два документа, из которых один относится к Эльзасу, а другой к Лотарингии, разрешают захват и конфискацию того имущества, которое расценивается как имущество врага. Для того чтобы стало ясным, что подразумевалось под имуществом врага, я прочту документ RF-756:

> «Рассматриваются как имущество врагов Рейха все материальные ценности и права независимо от их природы, которые используются или предназначены для целей, враждебных народу Германии.
>
> Эти правила распространяются:
>
> a) на имущество всех политических партий, а также всех примыкающих к ним организаций;
>
> b) на имущество лож и подобных им ассоциаций;
>
> c) на имущество евреев;
>
> d) на имущество французов, которые приобрели его в Эльзасе после 11 ноября 1918 г.;
>
> e) начальник департамента администрации и полиции будет решать, в каких случаях, не предусмотренных этим перечнем, имущество должно также рассматриваться как принадлежащее врагам Рейха. Он будет принимать решение также в спорных случаях».

Из этого мы видим, что, несмотря на заголовок, в документе говорится не о секвестре имущества врага, что во всех странах предусматривается правилами ведения войны. Здесь речь идет о таких мерах, как конфискация, причем это распространяется на имущество многих лиц, которые не могут быть отнесены к категории представителей враждебной страны. Из этого также явствует, что администрации была предоставлена неограниченная власть творить произвол.

Эти приказы были дополнены многочисленными инструкциями. Несмотря на то, что в Эльзасе и Лотарингии разграбление приняло исключительно большие размеры, я не буду сейчас останавливаться на этом подробнее, потому что обвинение уже рассматривало в целом вопрос об ограблении. Я ограничусь тем, что укажу на два мероприятия, которые являются характерными для Эльзаса и Лотарингии. Это, во-первых, сельскохозяйственная колонизация и, с другой стороны, промышленная колонизация.

Самое выражение «сельскохозяйственная колонизация» не выдумано обвинением, это выражение самих немцев. Представляю указ от 7 декабря 1940 г., касающийся нового порядка колонизации в Лотарингии, документ RF-757.

> «Земельная собственность, которая вследствие депортации осталась выморочной в Лотарингии, должна быть использована главным образом для поселения германского крестьянства, а также для нужд внутренней колонизации. С этой целью и особенно для проведения желательной нам программы я приказываю на основании предоставленных мне фюрером полномочий следующее:
>
> Статья 1. Земельную собственность лиц, высланных из Лотарингии, конфисковать в пользу начальника гражданской администрации».
>
> Я не цитирую второй параграф статьи один, а цитирую статью 2.
>
> «Сельскохозяйственную собственность или леса, которые подпадают под действие указа об имуществе врагов народа и государства в Лотарингии, конфисковать и по мере необходимости использовать в соответствии с программой организации данного района».
>
> Статья 3.
>
> «В случаях, не предусмотренных статьями 1 и 2, и по мере необходимости другая земельная собственность также может быть включена в программу систематической реорганизации за соответствующую компенсацию.
>
> Начальник гражданской администрации и назначенные им органы будут решать вопрос о размере и форме компенсации. Заинтересованные лица не имеют права обращаться по этому вопросу в какие-либо судебные органы».

Я полагаю, что эти приказы достаточно ярко показывают трибуналу методы действия немецких властей.

В первом указе говорилось только об охране имущества людей, которые были депортированы или перемещены. Второй указ уже ведёт речь о конфискации, но в ней фигурирует только понятие врагов народа и Рейха.

Третий указ более полный, поскольку он включает условия конфискации, которые являются совершенно формальными по своему характеру, и которые более не именуют «охраной имущества», на том основании, что такое является бесхозным вследствие депортации населения.

Сельскохозяйственная колонизация, о которой я говорил, особенно широкий размах приняла в Лотарингии. С другой стороны, в Эльзасе было принято больше всего мер по промышленной колонизации. Эти меры заключались в ограблении французских предприятий в пользу германских фирм. По этому поводу французская делегация внесла протесты в комиссию по перемирию.

Представляю как документы три таких протеста — это документы RF-758, RF-759 и RF-760, представляющие собой ноты, датированные, соответственно, 27 апреля 1941 г., 9 мая 1941 г. и 8 апреля 1943 г. Мне кажется, что предпочтительнее не зачитывать эти документы трибуналу и прошу трибунал вынести у о них судебное уведомление, в качестве доказательства существования протестов, потому что я опасаюсь, что такое оглашение являлось бы для трибунала повторением, которому вопрос экономического разграбления был достаточно разъяснён.

Как хотелось бы отметить в заключение, наглость немцев дошла до того, что они потребовали изъять в неоккупированной Франции и переправить в Эльзас активы, принадлежавшие французским компаниям, — последние таким образом лишались своего имущества и фактически оказывались «колонизированными». Я говорю об активах относящихся к компаниям в другой зоне Франции, под контролем обычных акционеров таких компаний.

Думаю, важно рассмотреть один пример такой процедуры приводимый в очень коротком документе, который я представляю вам как документ RF-761. Этот документ находится в архивах французских агентств комиссии по перемирию, в которую его направил директор компании указанной в документе. Этот документ который частично написан по-немецки и частично переведён на французский – в этом же документе – и он подписан германским комиссаром при французском предприятии Societe Alsacienne et Lorraine d'Electricite[410]. В Эльзасе это предприятие было незаконно передано в управление комиссару, и комиссар – как покажет документ – прибыл в Париж для захвата остальных активов компании.

Он подготовил этот документ, который подписал и который заставил подписать президента французской компании. Документ интересен тем, что раскрывает наглость германской процедуры, а также странную немецкую концепцию права. Я цитирую:

[410] «Электрическое общество Эльзаса и Лотарингии» (фр.)

«Сегодня нижеподписавшиеся проинструктировали меня о том, что в будущем, мне строго воспрещается предпринимать юридические действия в отношении имущества бывшего Societe Alsacienne et Lorraine d'Electricite. Если каким-либо образом нарушу данный приказ, я знаю, что последует наказание.

Париж, 10 марта 1941.

Подписано: Кука.

«Комиссар F.B.

Подписано: Гарнье.

Такая германская экономическая колонизация аннексированных территорий должна была служить экспериментом для распространения аналогичных методов в более широком масштабе.

В связи с этим трибуналу будет представлен документ по вопросу попытки колонизации во французском департаменте Арденны. Об этой процедуре аннексии немцами Эльзаса-Лотарингии, можно много процитировать. И я могу представить ещё больше документов – даже если бы я рассмотрел только обстоятельства и документы которые являются полезными с точки зрения нашего обвинения.

Я хочу ограничить себя для того, чтобы сэкономить время трибунала и следовать потребностям данного процесса на котором обсуждается столько вещей. Таким образом, я вынужден ограничить представление документов, однако надеюсь, что представленные доказательства дадут возможность трибуналу дать оценку преступной природы осуществлявшихся немцами акций. В то же время трибунал сможет рассмотреть тяжкие страдания которые пять лет переносило население этих французских провинций, уже перенёсшее многое за свою историю.

Я представил некоторые подробности которые выглядят смешными или шуточными; но я сделал это, потому что думал о том, что желательно, чтобы можно было представить подавление, проводимое германской администрацией во всех жизненных обстоятельствах, даже в частной жизни – это всеобщее подавление характеризовалось попыткой уничтожить и ликвидировать, и распространить самым всеобъемлющим образом этот способ над департаментами и регионами которые были аннексированы.

Мне кажется, трибунал предпочитает, чтобы я оставил на завтра мои комментарии в отношении Великого Герцогства Люксембург.

Более того, я хочу получить согласие трибунала по вопросу показаний. Я хочу вызвать свидетеля, однако недавно я вручил трибуналу письмо с моей просьбой. Могу я попросить извинить меня за то, что я не сделал этого раньше, потому что с этим была неопределённость.

Если трибунал считает уместным, я хочу, чтобы свидетель был здесь завтра, на утреннем заседании в субботу. Я заявляю о том, что свидетелем будет

господин Коос Форринк[411], который голландец. Я также хочу сказать, в интересах защиты, что свидетелю будет поставлен вопрос о германизации Нидерландов.

Председатель: Вы желаете вызвать его завтра?

Фор: Если это удобно трибуналу.

Председатель: Да, разумеется, вызовем его завтра.

Фор: С позволения трибунала, его показания можно заслушать после перерыва завтра утром.

Штейнбауэр: Господин председатель, я не хочу затягивать слушания, но мне кажется, что в интересах правосудия будет, если я попрошу, чтобы голландский свидетель был заслушан, не завтра, а в понедельник, предполагая, что Зейсс-Инкварт который болеет, вернётся к этой дате.

Председатель: Господин Фор, будет удобно вызвать его в понедельник?

Фор: Господин председатель, я не желаю расстраивать защиту; но свидетель может совершенно справедливо уехать из Нюрнберга. Вероятно, я могу предложить, чтобы его заслушали завтра и после его заслушивания, если защитник подсудимого Зейсс-Инкварта выразит своё желание перекрёстно допросить его, свидетель сможет остаться до заседания в понедельник.

Если же, с другой стороны, после заслушивания вопросов, защита посчитает, что нет необходимости в перекрёстном допросе, тогда отсутствие Зейсс-Инкварта не имеет значения. Но я естественно принимаю решение трибунала.

Председатель: Это кажется, очень разумное предложение.

Штейнбауэр: Я согласен с предложением французского обвинителя.

Председатель: Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 2 февраля 1946*]

---

[411] Якобус Форринк (1891 – 1955) – голландский социалистический политик. Деятель подпольного движения Нидерландов.

День сорок девятый

Суббота, 2 февраля 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения суда, я желаю объявить, что подсудимые Кальтенбруннер, Зейсс-Инкварт и Штрайхер будут отсутствовать на утреннем заседании по болезни.

Фор: Господа судьи! Я хотел бы просить трибунал обратиться сейчас к досье, которое называется «Люксембург».

Трибуналу уже известно, каково было положение в Люксембурге, так как только вчера мы заслушали показания председателя Рейтера. Таким образом, я смогу сократить свои пояснения к данному делу, вместе с тем необходимо представить трибуналу некоторые документы.

Аннексия Люксембурга носит совершенно особый характер, так как она повлекла за собой полное лишение суверенитета для этой оккупированной страны. Следовательно, вопрос касается гипотезы которую мы называем «дебелляция[412]» в классическом праве, то есть, прекращение боевых действий при отсутствии источника общественного права одной из воюющих сторон.

Полная аннексия Люксембурга доказывает со всей очевидностью преступную преднамеренность действий, предпринятых представителями Рейха против государства, с которым Германия была связана дипломатическими договорами, в частности Лондонским договором от 11 мая 1867 г.[413], договором об арбитраже от 2 сентября 1929 г. Трибунал знает, из показаний господина Рейтера что все эти обязательства были подтверждены посредством спонтанного дипломатического демарша господина фон Радовица[414], полномочного посланника Германии от 26 августа 1939 г., а затем уже за несколько дней до вторжения — декларацией успокоительного характера.

В виду того, что Люксембург в отличие от Эльзаса-Лотарингии, которые являлись французскими департаментами – ввиду, того, что Люксембург являлся

---

[412] Дебелляция (лат. debellatio) — окончание войны путём полного уничтожения воюющего государства, когда мирный договор подписывать не с кем и незачем.

[413] Лондонский договор — соглашение, устанавливающее нейтральный статус независимого Люксембурга. Конференция великих держав была созвана 11 мая 1867 года для разрешения Люксембургского вопроса (спора Франции и Пруссии о политической судьбе Люксембурга).

[414] Отто фон Радовиц (1880 – 1940) – немецкий дипломат. В 1936 – 1940 посланник Германии в Люксембурге.

государством, чтобы осуществить аннексию де-факто немцы должны были издать, и действительно издали, специальные постановления, которыми уничтожались государственные и общественные учреждения. Двумя указами от 23 августа и 23 октября 1940 г., с одной стороны запрещались политические партии, с другой было объявлено о роспуске Палаты депутатов и Государственного совета. Два этих распоряжения представлены как документы RF-801 и RF-802. Я прошу трибунал только вынести у них судебное уведомление как о публичных текстах.

Более того, с 26 августа 1940 германским указом была отменена конституционная формула о том, что правосудие осуществляется от имени суверена. Была принята формулировка, согласно которой правосудие осуществляется от имени народа. 15 октября 1941 года формулировка была вновь изменена и приобрела более очевидный характер — «от имени германского народа».

В своих пояснениях я буду следовать тому же ходу мыслей, который я использовал для Эльзас-Лотарингии, и естественно, я задержусь лишь на тех обстоятельствах которые характерны для Люксембурга.

Так же, как они поступили в отношении Эльзаса и Лотарингии, немцы предприняли попытку с корнем вырвать все национальные чувства населения Люксембурга и создать условия, при которых невозможны любые проявления национальной культуры в стране. Так, распоряжениями от 28 августа 1940 года и 23 октября 1940 года были запрещены все ассоциации, связанные с культурой и образованием.

Как в Эльзасе и Лотарингии, немцы навязывали в Люксембурге германизацию фамилий и христианских имен. Этим вопросам был посвящен декрет от 31 января 1941 года, документ RF-803. Замечу, кстати, что декретом от 14 февраля 1941 года в Люксембурге также было запрещено ношение беретов. Наряду с тем, что немцы уничтожали все национальные учреждения, они по своему обычаю устанавливали свою собственную администрацию. Гауляйтером был назначен Густав Симон[415], который до этого был гауляйтером Кобленца-Трира.

С точки зрения административной, Великое Герцогство Люксембург стало управляться как округ начальником гражданской администрации, но администрации германской. С точки зрения национал-социалистической партии, эта страна была официально присоединена к Рейху в качестве территории, зависимой от гау Мозель.

Я не намерен останавливаться на введении в Люксембурге германского гражданского и уголовного законодательства — это происходило так же, как в Эльзасе и Лотарингии. Следует считать, что достаточным доказательством по этому поводу является представление официального доклада Великого Герцогства.

Что касается вопросов о гражданстве и о призыве на военную службу, то здесь мы также видим параллель между нормами, введенными в Люксембурге, и

[415] Густав Симон (1900 – 1945) – нацистский гауляйтер. В 1943-1944 глава гражданской администрации Люксембурга. Умер находясь под британским арестом.

нормами, введенными в других аннексированных странах.

30 августа 1942 года были обнародованы два декрета. Следует обратить внимание на то, что эти два декрета, декрет о гражданстве и декрет о службе в армии, имеют одну и ту же дату. Декрет о военной службе представляется под номером RF-804, а декрет о гражданстве под номером RF-805. В законодательстве о гражданстве содержится положение, характерное именно для Люксембурга, хотя оно соответствует общему духу германского законодательства о гражданстве и в аннексированных странах.

Немцы создали в Люксембурге различные организации нацистского толка, основной такой организацией было Volksdeutsche Bewegung[416]. В этой связи и возникает то особое обстоятельство, о котором я хочу сказать. Декретом от 30 августа 1942 года о гражданстве, германское гражданство предоставляется лицам, заявившим о своей приверженности этому обществу. Об этом говорится в последнем абзаце раздела 1 указа, документ RF-805. Фактически предоставление гражданства в этом собом случае являлось временным и действительным только на 2 года.

Одновременно с установлением воинской повинности нацисты обязали всех молодых люксембуржцев служить в формированиях Гитлерюгенд, являвшихся подготовкой к военной службе. Об этом говорится в декрете от 25 августа 1942 года о лагерях гитлерюгенд (документ RF-806).

Как и в Эльзас-Лотарингии, в Люксембурге принудительным работам подвергались не только мужчины, но и женщины. Они использовались на работах в военных целях. По этому поводу было издано три приказа — приказ от 23 мая 1941 г., приказ от 10 февраля 1943 г. и приказ от 12 февраля 1943 г. Два последних приказа представлены как документы RF-807 и RF-808.

Теперь я хотел бы рассказать об обстоятельстве, являвшемся характерным для Люксембурга; доказательства содержатся в официальном докладе правительства Люксембурга, уже представленном трибуналу. Цитирую одну фразу:

> «Согласно указу, опубликованному в официальной газете Люксембурга, 1942 г., страница 232, часть населения Люксембурга принуждали вступать в формирования, называемые Sicher-heits-und Hilfsdienst «службой обеспечения безопасности и вспомогательной службой», это были формирования довоенной подготовки, которым приходилось заниматься строевой подготовкой. Часть таких формирований принудительно направляли в Германию, где им приходилось выполнять очень опасные задания во время воздушных налетов авиации союзников».

Нацисты прилагали особые усилия к тому, чтобы добиться нацификации

[416] «Движение этнических немцев» (нем.) – нацистское движение Люксембурга. Основано после оккупации Люксембурга в 1940.

Люксембурга. Для этой страны они разработали особый метод, основным моментом которого являлся языковый элемент. Была теоретически обоснована концепция, согласно которой Великое Герцогство Люксембург якобы принадлежало к группе германских языков. С помощью пропаганды немцы распространили идею о том, что диалект, на котором говорят в Люксембурге, является франконским диалектом, принятым в Мозеле, и представляет собой вариант верхненемецкого языка. После того как была разработана эта теория, немцы 10 октября 1941 года предприняли перепись населения. Об этом упоминал свидетель, дававший вчера показания перед трибуналом. Теперь трибуналу известна причина, по которой немецкие власти немедленно приостановили перепись, как только было установлено, что число людей, отвечавших на вопросы переписи так, как это было угодно немцам, смехотворно мало.

После этого провала немцы решили, что люксембургский диалект уже не будет служить их политическим целям. Циркуляром от 13 января 1942 г., который я представляю как документ за номером RF-809, служащим запрещалось пользоваться люксембургским диалектом при всяком общении с гражданским населением как лично, так и по телефону, что явилось большим затруднением для многих лиц.

Кампания по нацификации осуществлялась также путем создания групп для осуществления тех же целей. Как я уже отмечал, самой значительной из таких групп было «Volksdeutsche Bewegung». Хочу лишь в раскрытие этой мысли зачитать одну фразу из люксембургского доклада.

> «Членство в «Volksdeutsche Bewegung» являлось тем обязательным условием, при соблюдении которого гражданским служащим разрешалось оставаться на своих постах, служащим частных предприятий — продолжать свою работу, людям таких профессий, как юристы, врачи и т. п., — заниматься своей профессиональной деятельностью, промышленникам — руководить своими предприятиями и всем людям — зарабатывать себе на жизнь. Отказ подчиниться этому условию означал увольнение с работы, выдворение из страны и депортацию целых семей».

Санкции, применявшиеся к жителям Люксембурга, которые отказывались выполнить поставленное им условие, сопровождались комментарием, формулировка которого очень хорошо отражает ментальность нацистов. Читаю этот текст из правительственного доклада.

> «Вследствие установок этих людей нельзя гарантированно рассчитывать на то, что они всегда, без каких-либо оговорок, образцовым образом будут как на работе, так и вне ее выполнять те обязанности, основа которых заложена в создании гражданской администрации Люксембурга и в прогерманских установках».

Нацисты также стремились создать в Люксембурге подразделение СА.

Председатель: У нас имеется этот доклад? Этот правительственный доклад приобщали?

Фор: Да.

Председатель: Благодарю.

Фор: Так как я делаю из него небольшие цитаты, я не включил его в документальную книгу.

Председатель: Да, господин Фор, мне бы помогло, если вы будете называть мне страницу досье, когда цитируете документ который не находится в документальной книге.

Фор: Нацисты также стремились с помощью любого рода принуждений заполучить людей, которые стали бы членами их формирований СА, а также членами моторизованных подразделений СА, известных под немецкой аббревиатурой НСКК.

Обращаю внимание трибунала на то, что особые меры применялись по отношению к молодежи, так как нацисты считали, что молодых людей — я бы даже сказал, детей — легче побудить воспринять их концепции и доктрины.

Я хотел бы представить трибуналу документ RF-810, который является циркуляром от 22 мая 1941 г., направленным директорам высших школ. Документ очень короткий, и я позволю себе огласить его:

> «По приказу гауляйтера все лица педагогического персонала обязаны приобрести до 1 июня 1941 г. книгу фюрера «Mein Kampf» и до 1 сентября 1941 г. представить мне письменное заявление с заверением в том, что они прочитали эту книгу».

Немцы полагали, что принудительное чтение книги «Mein Kampf» — на усвоение этого труда они выделяли три месяца — может убедить учителей, которые в свою очередь в предписанном духе преподадут этот труд своим ученикам. Передо мной другой документ, RF-811, который я хотел бы зачитать перед трибуналом. Он короткий и весьма характерный. Речь идет о сборнике циркуляров, адресованных ученикам средних учебных заведений:

> «Люксембург, 16 июня 1941 года:
>
> 1. Все ученики должны вставать при входе учителя в класс, чтобы начать урок, и по окончании урока, когда учитель покидает класс.
>
> 2. Немецкое приветствие нужно отдавать следующим образом: a) Поднять вытянутую руку на уровень плеча. b) Воскликнуть: «хайль Гитлер».
>
> 3. Ученики должны отвечать тем же приветствием, с которым учителя обращаются к ним в конце урока.
>
> 4. Рекомендуется также всем ученикам отдавать немецкое приветствие на улице, особенно по отношению к тем господам, которые являются энтузиастами немецкого приветствия».

Описываемые немецкие методы достигли своей кульминации с введением

присяги на верность Гитлеру, которую обязаны были приносить сотрудники жандармерии и полиции. Я ссылаюсь здесь на показания господина Рейтера, заявившего, что людей, которые отказывались приносить присягу, депортировали, впоследствии большинство их было расстреляно. В доказательство этого я также представляю правительственный доклад, где на странице 12 содержится такая же информация.

Естественно, как это происходило и на других аннексированных территориях, люксембуржцы не подчинились этим германским методам. Здесь немцы пытались террором сломить оказываемое сопротивление. Я должен упомянуть здесь об интересном документе — приказе от 2 июня 1941 г., документ RF-812, который называется: «Приказ о вступлении в силу в Люксембурге закона от 10 февраля 1936 г. о Гестапо». Достаточно ознакомиться с этим заголовком для того, чтобы понять содержание всего приказа.

Гестапо учредило в Люксембурге чрезвычайные суды и военно-полевые суды: «Standgericht» и трибуналы СС. Эти судебные инстанции, если можно здесь употребить термин (судебные инстанции», вынесли очень много приговоров по политическим мотивам. В официальном докладе сказано — свидетель подтвердил это, — что всего было вынесено около 500 смертных приговоров в стране. Если учесть немногочисленность населения Люксембурга, это количество приговоров надо признать значительным.

Необходимо, по-моему, также указать, что в целях германизации проводилась депортация населения, о чем трибуналу должно быть известно из свидетельских показаний господина Рейтера. Систематически вывозились представители интеллигенции страны, духовенства и лица, ранее служившие в армии. Это обстоятельство подчеркивает стремление нацистов лишить эту страну ее моральной, социальной и интеллектуальной опоры.

К докладу люксембургского правительства прилагается список депортированных лиц, в число которых входят офицеры, магистраты, люди занимавшиеся в Великом Герцогстве политикой, писатели, руководители экономики. В частности — я приведу лишь одну поражающую цифру — немцы выдворили из страны или депортировали 75 священников. Эта цифра, с учетом столь немногочисленного населения Люксембурга, ясно указывает на умысел совершенно упразднить право на отправление религиозных обрядов. В официальном докладе также имеются сведения о том, что имущество религиозных орденов было конфисковано, места, где совершались религиозные службы, были либо преданы уничтожению, либо осквернены.

Хочу кратко остановиться на сельскохозяйственной колонизации. Организации под названием «fur Deutsches Volkstum und Siedelung» (за расселение этнических немцев) была поручена ликвидация имущества депортированных люксембуржцев в пользу лиц из южного Тироля, которых расселяли в Великом

Герцогстве. Кроме того, производилась промышленная и экономическая колонизация: здесь мы сталкиваемся с теми же методами, с тем же разграблением, и я не буду вновь останавливаться на этой теме. Трибуналу уже известно, какими способами осуществлялась такая колонизация. Мне хотелось бы, однако, в связи с Люксембургом привести один пример, по той причине, что общие положения всегда лучше подкреплять документальными примерами. Кроме того, документ, на который я собираюсь сослаться, по моему мнению, позволит сделать, важные выводы с точки зрения обвинения.

Имело место много случаев, когда германские власти принуждали частных граждан и частные фирмы передавать немцам свое имущество и контроль над своими предприятиями. Это называлось колонизацией и заключалось в том, что немецких граждан включали в предприятия, имевшие крупные средства и активную экономическую деятельность. Эти незаконные методы были разработаны самим рейхсминистром экономики, таким способом ставилась задача ограбления частных граждан и германизации экономики страны. Документ, который я собираюсь зачитать трибуналу, имеет номер RF-813 и представляется как документ люксембургского правительства. Документ является оригиналом, он исполнен на бланке «рейхсминистр экономики» в Берлине 5 января 1942 года. Документ имеет гриф «секретно» и подписан: «По поручению: доктор Заагер». Речь идет о подчиненном министру чиновнике, который регулярно исполнял административные функции по его приказу. В письме идет речь о предприятии «Accumulateurs Tudor, S. A.[417]» Брюссель, оно адресовано на аккумуляторную фабрику, находившуюся в руках фон Хольцендорфа в Берлине. Напоминаю трибуналу, что министр экономики пишет немецкой фирме, которая должна получить выгоду в результате давления, оказываемого на люксембургскую фирму.

> «Со ссылкой на наши неоднократные разговоры подтверждаю, что в интересах Рейха было бы весьма желательно, чтобы ваша компания получила участие в акционерном капитале аккумуляторов Тюдор. Интересы Рейха в немалой степени основываются на экономических потребностях, связанных с национальной обороной.
>
> Чтобы получить контроль над акционерным капиталом, следует в первую очередь обратиться к капиталу, принадлежащему господину Леону Лавалю, ранее находившемуся в Люксембурге, а ныне пребывающему в Бад-Мергентейм. Речь идет не только об акциях, которыми Лаваль владеет лично, но и о 3000 акциях, вложенных в Sogeco.
>
> Перехожу теперь к очень важному абзацу:
>
> «Поэтому я прошу приступить к необходимым переговорам

[417] «Аккумуляторы Тюдор» - люксембургская фирма по производству свинцово-кислотных аккумуляторов. Основана в 1890.

> незамедлительно. Хочу указать, что вам прежде всего следует обратиться в Гестапо за разрешением начать переговоры с господином Лавалем, а затем добиться разрешения Гестапо на передачу указанных акций в вашу компанию в случае, если господин Лаваль согласится уступить их.
>
> Я уже проинформировал Гестапо по этому вопросу. Если в результате ваших переговоров в этом возникнет необходимость, я готов вновь указать Гестапо на то, насколько безотлагательна ваша миссия».

Теперь я хотел бы зачитать трибуналу документ, из которого видно, как развивались события дальше. Это документ RF-814, свидетельствующий о следующем этапе того маневра, с помощью которого рейхсминистр экономики, действуя заодно с Гестапо, принимал меры к тому, чтобы ограбить частного гражданина. Документ представляет собой письмо, адресованное частному лицу инженеру Леону Лавалю, которого стремились принудить продать свои акции, посмотрим, кто ему пишет. Цитирую текст этого письма, отправленного из Люксембурга 14 января 1942 года. «айнзацкоманда полиции безопасности и СД в Люксембурге»:

> «19 января 1942 года и в последующие дни вам надлежит быть дома и находиться в распоряжении представителя Accumulatoren-Fabrik, A.G.[418],, директора фон Хольцендорфа».

Трибунал узнает фамилию Хольцендорфа, которому было адресовано письмо рейхсминистра экономики (предыдущий документ). Продолжаю цитату:

> «Господин фон Хольцендорф, обладающий особыми полномочиями от РСХА, обсудит с вами деловые вопросы. Хайль Гитлер! Подпись — Хартман».

Трибуналу, вне сомнения, ясно, что, если я огласил эти два документа, то сделал это не по той причине, что считаю очень важным в масштабах настоящего процесса тот факт, что фирма Тюдор, выпускавшая аккумуляторные батареи, была разграблена, что по отношению к этой фирме был совершен противоправный акт, причинивший ей ущерб. Я хочу особо обратить внимание — и буду делать это каждый раз, когда содержание представляемых документов будет предоставлять мне такую возможность, — на координацию, существовавшую между различными германскими службами, руководителями которых были сидящие перед нами подсудимые. Некоторые люди склонны полагать, что все немецкие преступления следует отнести за счет Гестапо. Действительно, Гестапо было характерной преступной организацией, однако, Гестапо не действовало в одиночестве. Гестапо действовало по приказу и в связи с гражданскими администрациями и военным командованием. В связи с архиепископским облачением Страсбургского собора, а также в связи со Страсбургским университетом нам стало известно о программе,

[418] Акционерное общество «Аккумуляторная фабрика» (нем.)

дававшей возможность гражданскому министру или его представителю обращаться к агентам полиции для приведения в исполнение своих приказов. На этот же факт указывают нам и только что зачитанные документы, касающиеся экономических вопросов.

Я завершаю первую главу своего обзора. Я хочу упомянуть, что работа над документацией и подготовка данной главы проводились при содействии моего помощника, господина Альбера Лентина.

Теперь я хотел бы изложить трибуналу первую часть второго раздела своего выступления, касающуюся посягательства на суверенитет. В первой части раздела речь идет об общих идеях, которые, как я считаю, мне следует изложить трибуналу перед тем, как обосновать эти идеи документами. Поэтому перед трибуналом сейчас находится досье «Expose», к которому соответствующая книга документов не прилагается.

Немцы оккупировали территории пяти суверенных государств, не считая Люксембурга, который был аннексирован и о котором я только что говорил. Из этих пяти стран в трех сохранилась правительственная власть. Это Дания, Норвегия и Франция, но и в этих трех странах ситуации совершенно различны. Правительство Дании являлось законным правительством; правительство Франции являлось правительством де-факто, которое на первоначальном этапе осуществляло реальную власть над неоккупированными территориями; правительство Норвегии также являлось правительством де-факто, типичным примером марионеточного правительства. В двух других государствах, Бельгии и Голландии, сохранялась не правительственная власть, а лишь административная власть, высшей формой которой являлись генеральные секретариаты при министерских ведомствах.

Учитывая эти ситуации, немцы, как я отмечал ранее, разнообразили свои методы установления господства. С другой стороны, немцы не создавали специфической формы правления, которая соответствовала бы внутренней организации каждой из стран. Поэтому, рассматривая положение дел в целом, нужно сказать, что на первый взгляд оно представляется достаточно сложным. Узурпация суверенитета оккупационной властью проявлялась в трех различных формах. Здесь мы имеем в виду внешнюю процедуру.

Первая форма: Прямое осуществление власти с целью законодательной деятельности или издания регламентирующих норм. Здесь мы имеем в виду осуществление власти расширительное и в нарушение пределов той ограниченной власти издавать распоряжения, которую международное право предусматривает для оккупационных армий.

Вторая форма: косвенное осуществление власти с целью законодательной деятельности либо для издания распоряжений, действуя через местные органы управления. Это достигалось двумя способами: 1. Просто через запретительные нормы в чистом виде, такая ситуация возникала, когда местные власти оказывались

административными властями. 2. Путем оказания давления, такая ситуация возникала, когда местные власти оказывались властями административного характера, либо де-факто либо де-юре. Следует, однако, отметить, что давление иногда оказывается таким, что обладает полным сходством с простыми запретительными нормами в чистом виде. Насколько нам известно, давление предполагает также использование соучастия со стороны предателей.

Третья форма: Третья форма представляет собой не что иное, как применение физического насилия. Мы не имеем в виду физическое насилие, применяемое в конкретном случае, так как такие проявления нас здесь не интересуют. Мы имеем в виду физическое насилие, применяемое в результате приказа компетентной оккупационной власти, следствием чего является ответственность руководителя такой власти.

Если мы теперь перейдем к определению того, кто или что являлось механизмом узурпации, то мы установим, что такой механизм распадается на пять уровней.

Во-первых, мы имеем рейхскомиссара, который был назначен только в Норвегии и Голландии, иными словами, в одном случае рейхскомиссар был назначен в стране, где правительственная власть сохранялась хотя бы для видимости и в течение достаточно длительного периода, и во втором случае, в стране, где сохранялась только административная власть.

Во-вторых, существует военная администрация. Во всех странах военные органы осуществляли власть, намного превышающую те властные полномочия, которыми они располагали по закону.

Здесь я должен отметить, что только указанные два механизма узурпации власти, рейхскомиссар и военные органы, способны были осуществить узурпацию путем непосредственно издания законодательных или регулирующих декретов. В каждой из двух стран, где имелся рейхскомиссар, власть естественным образом разделяли рейхскомиссар и орган военной власти.

Третий уровень механизма узурпации принял форму дипломатической администрации, подчиняющейся министерству иностранных дел. Дипломатические представительства существовали только в странах, где имелась правительственная власть и не было рейхскомиссаров. Мы имеем в виду Данию и Францию.

Такие дипломатические представительства Рейха, в отличие от рейхскомиссара и военной оккупационной власти, не имели права (не законного, но формального права) заниматься законотворчеством или издавать регулирующие нормы. Это не означает, однако, что их роль в узурпации суверенной власти была второстепенной. Напротив, они играли важную роль. Основная их деятельность, естественно, заключалась в том, чтобы оказать давление на местные власти, где они были аккредитованы.

Здесь я хотел бы привлечь внимание к двум обстоятельствам. По логике,

можно было бы подумать, что в оккупированной стране, такой, например, как Франция, вмешательство оккупационной власти в административную деятельность местных органов должно было бы быть исключительной прерогативой дипломатических представительств. Однако так дело не обстояло. Военная администрация также нередко вмешивалась, вступая в прямой контакт с французскими органами. В свою очередь, дипломатические представительства не ограничивались теми полномочиями, которыми они располагали в силу их функций. Одной из характерных черт нацистского метода являлось превышение установленных властных полномочий. Более того, если подумать об этом, оказывается, что это было необходимым результатом нацистского заговора.

Ввиду того, что узурпация суверенитета в стране, находящейся под военной оккупацией, является незаконной и ненормальной вещью, это не подпадает под нормальную правомочность категорий государственных функций, как они понимаются цивилизованными странами. Таким образом, дипломаты, равно как и военные органы, превышали свои властные полномочия. Наблюдалось также частичное совпадение функций. Дипломаты и военные власти занимались одними и теми же вещами. Мы наблюдаем такое положение, например, в вопросах пропаганды, а также в отношении преследования евреев. В целом, военные власти действовали более открытым образом. Дипломатическая администрация предпочитала действовать в тех сферах, где можно было избежать гласности. Дипломатическое и военное ведомства поддерживали друг с другом постоянную связь по всем вопросам, связанным с оккупированной страной.

Четвертым механизмом узурпации была полицейская администрация. Германская полиция была учреждена во всех оккупированных странах, нередко она оказывалась в подчинении нескольких различных администраций. Это осуществлялось в соответствии с принципами, которые изложило трибуналу американское обвинение, раскрыв внутреннюю систему огромного, сложного и ужасного полицейского организма нацистов. Функции полиции не были ограничены, не были и исключительными. Полиция действовала в тесном и постоянном контакте с другими механизмами, которые мы назвали ранее.

Пятый уровень механизма, о котором нам следует упомянуть, состоял из местных отделений национал-социалистической партии и организаций, облеченных аналогичными целями. Задачей таких организаций была работа с гражданами оккупированных стран. Такие организации выступали в качестве вспомогательных служб при германских властях, а в таком конкретном случае, как Норвегия, они создавали основу так называемого правительства.

Я счел уместным нарисовать эту картину, так как мне представляется, что, отталкиваясь от нее, обвинение может придти к интересным выводам о положениях, которых я уже коснулся в своем выступлении о Люксембурге.

Фактически мы убедились, что курс германской политики в отношении

узурпации суверенитета осуществлялся с помощью различных органов, которые были связаны с этой акцией. В оккупированных странах — а нам не следует забывать, что такая узурпация создавала метод совершения преступлений, — такая узурпация не оказывалась сферой деятельности исключительно одного чиновника либо одного посла, либо военного коменданта. В странах, где имелся рейхскомиссар, существовала также военная администрация. В стране, где единственной регулирующей властью была армия, существовали также дипломатические чиновники. И во всех странах имелась полицейская власть.

Во всех оккупированных странах, в результате оккупации и узурпации суверенитета, систематически совершались злоупотребления и преступления. Многие из таких деяний уже известны трибуналу. О других еще предстоит рассказать.

Из всего сказанного мной следует, что ответственность за эти злодеяния ложится не только на ту или иную администрацию, о которых мы говорили, а на все одновременно. Если, например, в Бельгии не было дипломатического представительства, то такое представительство существовало во Франции или в Дании, значит, министерство иностранных дел и его руководитель не могли не знать условий оккупации, которые в основных чертах были аналогичны во всех странах.

Более того, все эти администрации, функционировавшие бок о бок, как я только сейчас сказал, не имели точно определенных компетенций. И даже если бы существовало разделение функций между ними, то необходимо заметить, что ответственность и участие каждой в мероприятиях, проводимых остальными, все равно надо считать доказанными, так как они обязательно должны были знать об этих действиях и, следовательно, одобряли их, по крайней мере, косвенно. Но разделения функций не существовало, и мы докажем, что все они были соучастниками и сообщниками в совершении общего преступления.

Итак, сам факт влечет за собой еще более глубокие последствия. Соучастие и сообщничество различных органов указывают на общую ответственность, которая ложится на всех руководителей и на все организации, которые здесь обвиняются. Я хочу подтвердить свою мысль одним примером. Если, например, все злодеяния и все преступления были бы только делом армии и совершались без содействия других, то отдельным деятелям или организациям, которые не имели военных функций, можно было бы претендовать на то, что им было неизвестно о совершении этих злодеяний и преступлений. Я считаю, что даже в таком случае невозможно было бы обосновать такой аргумент в свою защиту, так как известно, насколько большой размах получили эти мероприятия, которые мы здесь разоблачаем, и поэтому об их существовании не могло не знать должностное лицо высших инстанций. В действительности же, поскольку совместно несколько администраций повинны в этих преступлениях, из этого вытекает, что все другие инстанции также должны нести ответственность за них, так как в данном случае

речь идет не об ответственности одной или нескольких администраций за преступления, а об ответственности всей системы управления. Речь идет о единстве всех органов государственной власти.

Позднее я остановлюсь на приказе о депортации евреев и покажу, что этот приказ был результатом общих усилий военной, дипломатической администраций, а также полиции безопасности. Речь идет о Франции. Отсюда следует, что, во-первых, верховный главнокомандующий, во-вторых, министр иностранных дел, в-третьих, начальник полиции безопасности и СД — все эти три лица были очень хорошо осведомлены обо всех действиях, а значит, одобряли эти мероприятия, так как совершенно очевидно, что о подобной инициативе, когда разбирались важные дела, не могли не доводить до сведения начальства. Кроме того, все решения согласовывались между этими администрациями на одном уровне.

Значит, все эти три лица виновны, и они должны нести ответственность. Но можем ли мы думать, что в силу особой случайности среди всех других лиц, которые в качестве министров или подобных им деятелей руководили Рейхом, только эти три лица были преступниками, единственными тремя преступниками, которые и договорились между собой скрыть от других свои преступные деяния? Конечно, такое предположение совершенно абсурдно. Учитывая ту взаимную связь, которая существует между всеми исполнительными органами в современном государстве, надо сказать, что все руководители Рейха хорошо знали и одобряли действия, лишающие суверенитета оккупированные страны, и все преступные деяния, явившиеся следствием этого.

В этой главе я продолжу говорить, сначала о Дании, которая представляет особый случай. Затем я расскажу о гражданской администрации, которая существовала в Норвегии и Голландии, и наконец я расскажу о военной администрации режим которой был установлен в Бельгии и Франции.

Я думаю, будет подходящим, чтобы трибунал прервался, или же трибунал предпочитает, чтобы я продолжил свой обзор.

Председатель: Мы прервёмся.

Фор: После перерыва, я хочу вызвать в качестве свидетеля того, о ком вчера говорил трибуналу. Однако, я хочу отметить один факт. Вчера адвокат Зейсс-Инкварта попросил, чтобы ему разрешили перекрёстно допросить данного свидетеля в понедельник. Сенатор Форринк, который является моим свидетелем, непременно должен покинуть Нюрнберг этим вечером. Поэтому, я думаю, что адвокат Зейсс-Инкварта может провести перекрёстный допрос сегодня. В любом случае я хочу уведомить его об изменении просьбы, которую сделал вчера.

Председатель: Будет возможно, если защитник Зейсс-Инкварта захочет перекрёстно допросить свидетеля, чтобы свидетель был доставлен сюда в другой день?

Фор: Мой свидетель, конечно же может вернуться в другой день, если потребуется.

Председатель: Об этом я и говорю. Пусть он уезжает этим вечером и, когда удобно он сможет вернуться, если защитник захочет его перекрёстно допросить.

[*Объявлен перерыв*]

Фор: Господин председатель, могу я попросить разрешения трибунала вызвать свидетеля, Якобуса Форринка.

Председатель: Да, вызывайте его.

Фор: Этот свидетель говорит по-голландски, на своём родном языке. Поскольку система перевода не имеет этого языка, я предлагаю, чтобы он говорил по-немецки, который он хорошо знает.

[*Свидетель Якобус Форринк занимает место свидетеля*]

Председатель: Назовите ваше имя и фамилию.

Форринк: Форринк.

Председатель: Ваше христианское имя, ваше имя?

Форринк: Якобус.

Председатель: Вы клянётесь говорить без ненависти или страха, говорить правду, всю правду и только правду? Поднимите правую руку и скажите: «Клянусь».

Форринк: Я клянусь.

Фор: Присаживайтесь, господин Форринк, Вы являетесь сенатором Голландии?

Форринк: Да.

Фор: Вы председатель Социалистической партии Голландии?

Форринк: Да.

Фор: Вы выполняли эти функции в 1940 году, в момент вторжения в Голландию немцев?

Форринк: Да.

Фор: Я хотел бы попросить вас дать некоторые разъяснения о следующем: еще до вторжения немцев в Голландии существовала национал-социалистическая партия[419], я хотел бы, чтобы вы сказали, каково было положение различных политических партий Голландии после вторжения немцев, в частности положение национал-социалистической партии, и какое участие она принимала в немецкой оккупации?

Форринк: Я предпочёл бы говорить по-голландски. Извиняюсь, я не знаю хорошо французский и английский, чтобы их использовать, но для того, чтобы не затягивать слушания, я выскажусь по-немецки. Это единственная причина, почему я говорю по-немецки.

---

[419] Национал-социалистическое движение (НСБ) (нидерл. Nationaal-Socialistische Beweging in Nederland) — голландская национал-социалистическая партия. Единственная легальная партия в стране во время Второй мировой войны. Существовала в период с 1931 по 1945.

Политическая ситуация, создавшаяся в Голландии после захвата ее немецкими войсками, была такова, что в первую очередь потребовалось поддержать спокойствие и порядок внутри страны. Сразу же после оккупации в Голландию прибыли настоящие нацисты, которые стали организовывать и направлять общественную жизнь страны по тому руслу, по какому это было нужно с их точки зрения. По нашему мнению, это были немцы, представляющие три основных направления. Первого направления придерживались верующие в единство «крови и территории». Они хотели приобщить к идеям национал-социализма весь голландский народ. Я должен сказать, что в некотором отношении это было для нас несчастьем, так как эти люди, исходя из их теории единства «крови и территории», «любили» нас слишком горячо. Когда же они не обнаружили у нас никаких взаимных чувств, то их любовь превратилась в ненависть.

Второе направление представляли политически информированные. Эти люди знали совершенно точно, что нидерландские нацисты составляли в Голландии маленькую ненавистную для населения группу. Правда, во время выборов в 1935 году они получили 8 процентов голосов, но уже два года спустя это количество уменьшилось вдвое. Эти люди представляли собой воплощенние бестактности. Они умудрились, например, организовать митинг нацистов в то время, когда еще дымились развалины Роттердама; на митинге руководитель голландских нацистов Мюссерт[420] выступил с предложением послать Герингу в дар колокол за его «заслуги» перед голландским народом, но, к счастью, это не спасло их от поражения.

Третье направление представляли так называемые интриганы. Это были люди, которые страшно хотели разрушить национальное единство Голландии. Эти люди в первую очередь пытались через Зейсс-Инкварта лестью привлечь на свою сторону голландский народ. Они, как и Зейсс-Инкварт, всегда подчеркивали, что голландский народ того же происхождения, что и немецкий, что оба народа должны сотрудничать, а на самом деле они натравливали представителей других направлений друг на друга.

В Голландии в то время существовала Национал-социалистическая рабочая партия[421]. Существовали также Национал-социалистический фронт и национальный фронт. Эти три организации имели связи с известными германскими инстанциями. Немцы сначала пытались узнать возможности использования этих групп в своих целях. Но постепенно они должны были признать, что с этими группами ничего сделать не удастся. В конце концов они решили сотрудничать лишь с национал-социалистическим движением. Входившие в него нацисты заняли затем посты в голландском государственном аппарате. Они получили высокие

---

[420] Антон Адриан Мюссерт (1894 — 1946) — нидерландский политик. Основатель Национал-социалистического движения в Нидерландах. Казнён по приговору голландского суда.

[421] Национал-социалистическая голландская рабочая партия, или НСНАП — голландская национал-социалистическая партия, основанная в 1931 году Эрнстом Германом ван Раппардом. НСНАП копировала Гитлера и его партию.

должности во внутренних управленческих аппаратах страны, стали комиссарами провинций, бургомистрами и т. д.

В качестве иллюстрации я хотел бы рассказать следующее. Так как квалифицированных людей все-таки было очень мало, нацисты в конце концов учредили курсы для подготовки бургомистров. Они сумели при этом добиться рекордных успехов, так как за три недели им удалось подготовить бургомистров для Голландии. Вы сами можете себе представить, что это были за бургомистры.

В дальнейшем они иногда становились управляющими в нацифицированных учреждениях или торговых домах. Таким образом, им удалось занять известные командные должности в Голландии. Вели они себя в это время как трусливые нацистские холопы.

Господин Рост ван Тоннинген[422] бросал миллионы гульденов на финансирование войны с Россией, заявляя при этом, что он делает это во имя борьбы с большевизмом. В декабре 1942 года Зейсс-Инкварт объявил нацистов носителями политических идей в Голландии. И если бы это не было так печально, то следовало бы просто смеяться над этим. Мюссерт был объявлен фюрером голландского народа. Я должен добавить, что в политическом отношении национал-социалистическое движение оставалось в тени, хотя, правда, у представителей этого движения была возможность устраивать свои личные дела. Я также хотел бы добавить, что, к сожалению, им удавалось иногда вскружить голову голландской молодежи. Несколько тысяч юношей вступили в СС. В последние годы дело стало еще хуже. Они сумели без согласия на то родителей сагитировать несовершеннолетних вступить в СС. Они довели дело до того, что воспитанники различных воспитательных домов были принуждены служить в войсках СС. Я случайно лично знаю юношей, которые жили в конфликте с родителями и вступили затем в СС, так как это обстоятельство было нужным образом использовано. Нужно было поговорить, как это часто я делал, с этими детьми, чтобы понять, какое преступление было совершено нацистским режимом по отношению к этим молодым людям.

Фор: Господин Форринк, насколько я понял, все приемы, к которым прибегали немцы, преследовали одну цель — осуществление нацификации Голландии, и если существовало, как вы сказали, несколько различных тенденций у немцев, они различались только с точки зрения применяемых средств, а не в отношении целей германизации.

Форринк: Нацификация Голландии проводилась практически во всех областях жизни нашей страны. Немцы пытались везде ввести принцип фюрерства. Например, я хотел бы указать на следующий факт. Вопреки нашим первоначальным опасениям

---

[422] Мейнауд Рост ван Тоннинген (1894 — 1945) — голландский политический деятель, влиятельный член НСБ. Государственный секретарь финансов и президент Банка Нидерландов в 1941-1944. Покончил жизнь самоубийством после ареста союзниками.

не были запрещены профсоюзы. Оказалось, это была лишь попытка использовать их в своих целях. Они послали туда нацистского комиссара и сказали людям: «Время демократии прошло. Вам нужно лишь спокойно работать дальше под руководством комиссара и вы сможете продолжать свою чудесную работу в интересах рабочих. Нет необходимости менять что-либо». То же самое они пытались сделать с голландскими политическими партиями. Будучи председателем нидерландской социал-демократической рабочей партии, я имел однажды длительную беседу с Рост ван Тоннигеном, который лично выразил мне сожаление, что большая культурная работа по воспитанию рабочих приостановлена. Мы оба мол стремимся к социализму и должны спокойно работать вместе. Я отказался от этого предложения, заявив, что для нас демократия не является чем-то таким, от чего можно сразу отказаться. Это составляет часть нашего мировоззрения, и мы не привыкли совершать предательство в отношении наших убеждений и идеалов.

Они пытались удержать рабочих в своих организациях, но рабочие тысячами и десятками тысяч постепенно выходили из них. Когда в конце концов был создан Национальный трудовой фронт из католических и христианских профсоюзов, то существовало только название, а членов организации не было.

Фор: Можете ли вы уточнить, проводилось ли в стране преследование евреев?

Форринк: Самое ужасное, что мы должны были претерпеть в Голландии, это было преследование евреев. Вы, может быть, знаете, что в Голландии, и особенно в Амстердаме, было значительное количество евреев. Евреи принимали деятельное участие в общественной и культурной жизни Голландии, и можно с уверенностью сказать, что в Голландии не было антисемитизма.

Когда пришли немцы, то они обещали нам, что с евреями ничего не случится. Но, несмотря на это, уже в первые недели прокатилась волна самоубийств евреев. В последующие месяцы последовали антисемитские мероприятия. Профессоров университетов принуждали уйти с работы. Председатель Верховного суда Голландии был уволен. Затем евреев обязали пройти регистрацию. В конце концов пришло время, когда евреев стали высылать в больших количествах.

Голландские студенты устроили забастовку, когда были сняты их профессора-евреи, а рабочие Амстердама объявили забастовку, когда начались преследования евреев. Но, может быть, нужно было видеть собственными глазами то, что удалось видеть мне, чтобы знать, какую варварскую систему представлял собой нацизм.

Зелёная полиция огородила целые кварталы города, врывалась в квартиры, занимала крыши домов, выгоняла старых и молодых из домов и сажала в свои машины. Со старыми и молодыми они обходились совершенно одинаково. Мы видели, как на носилках из квартир выносили семидесятилетних старух, лежавших дома больными и ничего больше не желавших, как спокойно умереть у себя дома; их отправляли в Вестербург, а оттуда в Германию, где они умирали ужасной

смертью.

Я лично помню, как из дома вытащили мать с грудным ребенком. Она передала своего ребенка какой-то женщине нееврейского происхождения с просьбой позаботиться о нем. И сейчас в Голландии имеются тысячи семей, в которых живут и воспитываются как собственные еврейские дети.

Фор: Можете ли вы сказать, как немцы относились к представителям других вероисповеданий?

Форринк: С самого начала немцы были заинтересованы в том, чтобы включить церкви в сферу своей власти. Все церкви, как католические, так и протестантские, всякий раз выражали протест, когда нацисты глумились над правами человека, то есть: арестами, массовой депортацией рабочих и евреев.

Разумеется, духовенство не могло не страдать из-за этого. Сотни священников и пасторов были заключены в концентрационные лагеря. Кстати, из 20 священников, находившихся в Заксенхаузене, которых я знал лично, в Голландию вернулся только один.

Фор: Можете ли вы сказать нам, какие мероприятия проводились в области культуры, пропаганды, искусства, образования?

Форринк: Что нас больше всего оскорбляло, это не наше военное поражение. Мы — немногочисленная нация, мы боролись как только могли. Но я считаю, что было бы вполне возможно поддерживать корректные отношения с оккупационными властями, если бы они не старались подавить нас не только в военном, но и в духовном, моральном отношении. Они не прекращали своих попыток задушить культурную жизнь страны и нацифицировать нас.

Так, в области прессы они принуждали нас публиковать статьи, написанные немцами, и выдавать их за статьи, написанные главными редакторами соответствующих газет. Можно даже сказать, что эти мероприятия послужили исходным пунктом для возникновения широкой нелегальной печати, так как мы не хотели дать возможность процветать этому обману. У нас была также потребность иметь печать, которая говорила бы правду.

То же самое было и с радио. Было строго запрещено слушать иностранные передачи, они не стыдились карать строжайшим образом тех, кто нарушал это положение, и в Голландии было много людей которые слушали иностранное радио особенно ВВС. И мы в Голландии всегда с радостью слушавшие британское радио, которое никогда не прекращало доводить до народа, полные речи Гитлера и Геринга, были лишены возможности слушать речи Черчилля[423]. Эти ограничения мы особенно глубоко сознавали, вследствие чего у нас возникло движение Сопротивления, поддерживаемое нашими союзными друзьями в стремлении освободить мир от нацистской тирании.

---

[423] Уинстон Черчилль (1874 — 1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 годах

То же самое было и в области искусства. Немцы создали целую серию гильдий: художников, литераторов, музыкантов, после чего они стали принуждать вступать в них работников искусства. В Голландии писатель, например, не мог опубликовать своей книги, не предъявив ее сначала какому-нибудь безграмотному нацисту для проверки.

Школы они тоже хотели подчинить своему влиянию, например, в учебниках для детей от 6 до 12 лет, они приказали об удалении целых фраз. Таких фраз как: «Народ приветствовал королеву». В школах и общественных зданиях они организовали настоящую охоту на портреты нашей королевской семьи.

Фор: Благодарю вас.

Председатель: Вы закончили допрос, не так ли?

Фор: Да.

Председатель: Генерал Руденко?

Руденко: Вопросов не имею.

Председатель: У британского или американского обвинения есть какие-либо вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Кто-либо из защитников желает провести перекрёстный допрос?

Штейнбауэр: Господин председатель, для того, чтобы свидетель мог избежать долгой поездки из Голландии во второй раз, я хочу провести его перекрёстный допрос сегодня, хотя мой клиент отсутствует.

Свидетель, когда Зейсс-Инкварт принял правительство в Голландии согласно указу от 18 мая 1940, королева или члены голландского правительства находились на голландской территории?

Форринк: Нет, их не было на голландской территории.

Штейнбауэр: Правительство Зейсс-Инкварта, рейхскомиссара, оставило в должности функционеров бывшего правительства?

Форринк: Да.

Штейнбауэр: Вам известно, что из девяти генеральных секретарей назначенных бывшим королевским правительством, находившихся в должности, только одного отправили в отставку?

Форринк: Что же, возможно.

Штейнбауэр: Далее, вам известно, что из 11 комиссаров провинций, только четверо были отправлены в отставку по политическим причинам?

Форринк: Я не знаю точное число, но это возможно.

Штейнбауэр: Вам известно, сколько бургомистров были назначены королевским правительством и в частности правильно ли то, что больше половины находились в должности к 1944?

Форринк: Да, кажется так.
Штейнбауэр: Вы полностью не ответили на вопрос заданный обвинителем. Он спросил о том, сколько политических партий находились в парламенте ко времени вторжения. Что это были за партии?
Форринк: Католическая партия, две протестанские христианские партии, две либеральные партии, социал-демократическая партия, коммунистическая партия, и несколько малых партий.
Штейнбауэр: Сейчас я должен поговорить о двух предметах, которые вы упомянули – школы и церкви. Правильно, что голландская школьная система за время режима Зейсс-Инкварта, находилась под руководством голландца, ван Ганна.
Форринк: Она всё время находилась в подчинении голландца, но мы не считаем его голландцем. Он сейчас в тюрьме, потому что он предатель.
Штейнбауэр: Однако, он не был немцем?
Форринк: Он предатель Голландии.
Штейнбауэр: Правильно, что Зейсс-Инкварт выражал большой интерес к голландской школьной системе?
Форринк: Я этого не помню.
Штейнбауэр: Например, Зейсс-Инкварт ввёл восьмой класс в начальную школу?
Форринк: Это неправильно.
Штейнбауэр: И, что таким образом подростки позже поступали на трудовую службу?
Форринк: Правильно.
Штейнбауэр: Он выражал длительный интерес к голландской озабоченности по вопросу голландского языка, и разве он не назначил специальный комитет для изучения этого вопроса?
Форринк: В связи с этим, он проявлял интерес к той вещи, о которой ничего не знал, у него была информация от плохих людей.
Штейнбауэр: Однако, он прилагал усилия.
Форринк: Да, но в неправильном направлении.
Штейнбауэр: Это правильно, что он старался увеличить количество учителей?
Форринк: Точно нет.
Штейнбауэр: В частности, он использовал учителей младших классов и соответственно уменьшал затраты?
Форринк: Он сделал это, потому что хотел оказать влияние на голландскую молодежь.
Штейнбауэр: Например, вам известно, что в результате протестов, Зейсс-Инкварт отменил меры, которые были предприняты против коммерческой школы в Роттердаме?
Форринк: Вы повторите вопрос? Я его не понял.
Штейнбауэр: Вам известно, что Зейсс-Инкварт, в результате протестов, предпринял

меры, чтобы в деятельность коммерческой школы в Роттердаме не вмешивались?

Форринк: Я не знаю.

Штейнбауэр: Что касается церквей, помимо депортации, как вы сказали по политическим причинам, католикам и протестантам мешали исповедовать свою религию?

Форринк: Немцы вмешивались, очень сильно в свободу совести. Они направляли в церкви шпионов, чтобы слушать проповеди для компроментации пасторов.

Штейнбауэр: Да, но это происходит и в других странах. Пожалуйста, скажите, мог ли священник или проповедник продолжать проповедовать согласно своей совести?

Форринк: Нет, согласно совести, нет.

Штейнбауэр: Вам известно, что за всё время оккупации, молитва за королеву допускалась в церквях всех религий?

Форринк: Она точно не допускалась. Несколько священнослужителей были арестованы по этой причине.

Штейнбауэр: Вам известно, что Зейсс-Инкварт воспрепятствовал конфискации 27 монастырей для немецких беженцев? Это правильно?

Форринк: Я ничего об этом не знаю.

Штейнбауэр: Однако, вероятно вам известно, что он предотвратил разрушение синагог в Роттердаме и Гааге. Полиция хотела их разрушить, а он помешал сделать это. Вам, что-нибудь об этом известно?

Форринк: Я не знаю, хотел ли он это предотвратить, в любом случае, синагоги уничтожили, и те кто их уничтожил, остались безнаказанными и позднее участвовали в самом худшем преследовании евреев.

Штейнбауэр: Свидетель, вам известно, что из числа католических и протестантских голландских священнослужителей депортированных в Германию, Зейсс-Инкварт добился возвращения двух-третей в свою страну?

Форринк: Я об этом не знаю.

Штейнбауэр: Вам известно, что он предотвратил вывоз культурных ценностей, в особенности библиотек, которые уже были подготовлены к перевозке из Голландии в Рейх?

Форринк: Я не знаю, использовал ли он своё личное влияние для этого, я знаю лишь то, что огромные количества наших культурных ценностей и книг вывезли немцы, и в любом случае, не в его власти было это предотвратить.

Штейнбауэр: Вы также сказали, что радио было запрещено из-за того, что оно стимулировало организацию сопротивления. Будучи лидером, вы бы допустили выступать по радио против вас?

Форринк: Я бы всеми средствами разрешил радио. По моему мнению, не может быть человеческого достоинства, если людям не разрешают формировать собственное мнение, выслушивая доводы за и против.

Штейнбауэр: Мюссерту поручили задачу формирования правительства, или этого

не сделали из-за возражений Зейсс-Инкварта?

Форринк: Я не знаю, что происходило за сценой, но, наверное, вы правы в том, что Зейсс-Инкварт не являлся другом Мюссерта. Находясь в тюрьме, меня забрали ночью из камеры и попросили написать статью о национал-социалистическом движении в Голландии, и меня попросили выразить своё личное мнение о Мюссерте. Когда я ответил: «Зачем мне это делать? Вам известно, что я думаю о Мюссерте и вообще о нацистах» - они сказали: «Вы не сделаете ещё хуже». Я понял, что это была одна из многих махинаций нацистских клик, которые боролись друг против друга.

Штейнбауэр: Благодарю вас. У меня больше нет вопросов.

Бабель: Свидетель, вы говорили о голландских подростках, которые вступали в СС. Вы можете назвать мне приблизительное общее количество?

Форринк: Наверное, несколько тысяч.

Бабель: По вашему мнению, сколько из них вступили добровольно и сколько принудительно?

Форринк: Я не могу назвать точную цифру, но по моему мнению, если несовершеннолетние вступали в такие организации без согласия своих родителей, они не делали это добровольно. Они не могли судить о последствиях своих действий.

Бабель: Я спрашивал не об этом. Я спросил, сколько, по вашему мнению, вступили в СС добровольно и сколько принудительно. Вы ответите именно на этот вопрос?

Форринк: Я уже сказал, что не могу назвать точную цифру.

Бабель: Что же, приблизительную цифру.

Форринк: Я скажу, что несколько тысяч принудили.

Бабель: Хорошо, и вы назвали общую цифру в несколько тысяч.

Форринк: Это были подростки которые по той или иной причине ушли из дома, и их передали зелёной полиции или полиции безопасности и надавили вступить в СС. Лично я, познакомился с несколькими случаями этого в голландских концентрационных лагерях. Как старый руководитель молодёжного движения, я смог поговорить с этими подростками и они рассказали о своей жизни.

Бабель: Вы сказали «надавили»? Что значит «надавили»?

Форринк: Это значит, что им угрожали тюрьмой если они не захотят вступить в СС.

Бабель: Вы об этом лично слышали?

Форринк: Да.

Бабель: Далее, вы сказали, что тысячи рабочих покинули свои организации. Я думаю вы сказали десятки тысяч. Они это сделали добровольно, какой была причина для этого?

Форринк: Причиной было то, что рабочие отказались находится в нацифицированном профессиональном союзе и подчиняться фюрер-принципу. Они хотели быть в своих старых профессиональных союзах, в которых они имели слово

в управлении.

Бабель: Следовательно, отставки были добровольными?

Форринк: Да.

Бабель: В связи с еврейским вопросом, вы сказали, что сначала с евреями ничего не происходило, но при этом была волна самоубийств. Почему? Какой была причина этих самоубийств, если говорили: «С вами ничего не случиться».

Форринк: Эти евреи оказались наиболее чувствительными. Мы в Голландии не жили на острове, и знали обо всём, что происходило с 1933 по 1940 в Германии. Мы знали о том, что в Германии евреев преследовали до смерти, и лично я имею у себя, заявления под присягой немецких евреев, которые эмигрировали, которые с точностью информировали нас о том как их пытали и запугивали СС в довоенный период. Конечно же, это было известно голландским евреям, и по моему мнению в этом отношении они были ещё более чувствительными, так как знали что их ждёт.

Бабель: Вы представили это так, будто было большое количество самоубийств. Это так и было, или были отдельные случаи?

Форринк: Это случилось у 30-50 человек, но в Голландии, где мы очень высоко ценим жизнь, это большое количество.

Бабель: Итак, вы использовали слово «нацистские неучи». Независимо от этого, я скажу, что у вас не очень дружелюбное отношение к нам, немцам, у вас есть какое-то обоснование для этого? Вы выстречали хоть одного немца, который был неучем?

Форринк: Я весьма удивлён этим вопросом. Под «нацистским неучем», я подразумеваю человека, который говорит о вещах, про которые ничего не знает, и люди которые судили о работе автора, были людьми которые поставлены для того, чтобы читать книгу выискивая в ней еврея представленного с хорошим и гуманным характером. В соответствии с нацистской концепцией, такую книгу нельзя было публиковать. Я добавлю, что я использовал слово «нацистские неучи» с тех дней, когда они находились в немецких городах, в стране Гёте и Шиллера[424], огромных куч горящих книг, книг которые мы читали и восхищались в Голландии.

Бабель: Я понял, что вы имеете в виду, что вы не можете привести позитивные факты которые могли бы оправдать унизительное слово «нацистские неучи»

Благодарю.

Панненбекер: Свидетель, у меня один вопрос. Вы сказали, что молодым людям, которые не вступали в СС угрожали тюрьмой. Я понял, что вы говорите, что им бы дали тюремные сроки за правонарушение совершенное ранее или же о том, что их лишили свободы из отказа вступать в СС?

Форринк: Их бы приговорили к тюрьме, конечно же, поэтому им угрожали. Посадили бы их в тюрьму, я не знаю, это была угроза. Обычным методом для нацистов было сказать: «Мы хотим от тебы того или этого, и если ты не согласен мы

---

[424] Иоганн фон Шиллер (1759 — 1805) — немецкий поэт, философ, теоретик искусства и драматург, профессор истории и военный врач, представитель направлений «Буря и натиск» и романтизма.

посадим тебя в тюрьму». Было много примеров такого рода, поэтому ни у кого не было иллюзий.

Панненбекер: Однако, верно, что в данном случае эти подростки сбежали из дома из-за ссор с родителями?

Форринк: Об этом мне известно лично.

Председатель: Кто-либо ещё из защиты желает задать какие-либо вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Господин Фор, вы желаете задать какие-либо вопросы?

Фор: У меня нет вопросов.

Председатель: Свидетель может идти.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Фор: Я прошу трибунал обратиться к досье с надписью «Дания».

Трибуналу известно, что вторжение в Данию произошло 9 апреля 1940 г. в нарушение, как и в других случаях, договоров, и в частности договора, который был незадолго перед тем заключен, это был договор о ненападении, подписанный 31 мая 1939 г.

Ввиду того, что Дания не в состоянии была оказать этому вторжению вооруженное сопротивление, немцы решили сохранить видимость, будто бы эта страна не является оккупированной страной. Поэтому они не учредили здесь гражданской администрации обладающей регламентирующими правами, как они сделали это позже в Бельгии и Голландии.

С другой стороны, в Дании существовало военное командование ввиду того, что там были расквартированы войска. Но данное военное ведомство, в отличие от того, что происходило в других оккупированных странах, не осуществляло никакой официальной власти путем издания декретов или распоряжений общего порядка.

Несмотря на эту видимость, немцы не преминули совершить в отношении этой страны, которую они якобы не оккупировали, узурпацию суверенитета. Такая узурпация была тем более вопиющей, что не имела абсолютно никакого юридического обоснования, даже с точки зрения нацистов.

В первый период, который продолжался до середины 1943 года, германская узурпация носила скрытый и замаскированный характер. Этому есть две причины. Первая причина вызвана тем, что необходимо было принимать во внимание мировое общественное мнение, так как официально Дания не была оккупирована. Второй причиной было то, что немцы намеревались германизировать эту страну изнутри, путем нацистской политической пропаганды.

Как мне представляется, следует, весьма кратко, обратить внимание на то, что такая германизация изнутри была начата еще до войны. Обстоятельства такой германизации подробно и весьма интересно изложены в одной из частей официального доклада датского правительства, который я передаю трибуналу под номером RF-901.

В этом документе имеется несколько разделов. Документ, который я имею в виду, находится в досье первым и имеет заглавие «Меморандум».

Из этого документа явствует, что еще до войны немцы организовали информационную службу, которая дополнялась высокопрофессиональной шпионской службой. В частности, немцы создали отделение национал-социалистской партии, куда набирались немцы, жившие в Дании. Идея заключалась прежде всего в том, чтобы сформировать партию, состоящую из немцев, и мы вскоре увидим, что эту национал-социалистскую партию в последующем стали называть Датской партией.

Этот филиал германской партии назывался Ausland-Organisation, Landeskreis Danemark НСДАП, иностранная организация, земельный округ Дания. Эта партия функционировала в координации с другими учреждениями, в частности с Deutsche Akademie[425], датско-германской торговой палатой и Nordische Gesellschaft[426].

Немецкая организация в Гамбурге — «Deutsche Fichtebund[427]», — находившаяся в непосредственном подчинении рейхсминистерства общественного просвещения и пропаганды, предприняла систематическую пропагандистскую кампанию, преследовавшую цель добиться благоприятного общественного мнения в Дании.

В этой связи я хотел бы процитировать выдержку из представляемого документа, на который целесообразно обратить внимание, так как в нем отражены заранее составлявшиеся немецкие планы и методы исполнения этих планов. Цитируемая выдержка находится на странице 6 первого документа в досье «Меморандум».

Я хочу отметить трибуналу, это должно быть более удобно для него, в виду того, что документ длинный, что эти цитаты находятся в изложении:

> «Это информационное агентство, функционировавшее в Гамбурге и имевшее в этом городе не менее восьми различных адресов, в одной из публикаций сообщило о себе следующие данные. Оно было создано в январе 1914 года в память немецкого философа Фихте и

---

[425] «Германская академия» (нем.) – сокращённое наименование Академии по научным исследованиям и распространению германизма. Учреждение по распространеию культурных сведений о немецком народе. Существовало в 1925 – 1951.

[426] «Нордическое общество» (нем.) – организация направленная на укрепление немецко-скандинавских связей. Существовало в 1921-1950.

[427] «Немецкое общество Фихте» (нем.) – немецкая культурная организация созданная в 1914. В 1933-1945 находилось в подчинении министерства пропаганды Германии.

представляло себя как «союз мировой истины». Агентство ставило своими задачами: 1) Способствовать взаимопониманию путем свободной публикации информации о новой Германии. 2) Защищать культуру и цивилизацию путем пропаганды истины о существующих в мире разрушительных силах».

Цитирую далее, пропустив одну фразу:

«Важной целью немецкой пропаганды было создание в Дании общенациональной обстановки, благоприятной по отношению к Германии и враждебной к Англии. Однако немецкая пропаганда могла также представлять собой попытку подготовить почву для установления в Дании нацистской системы правления. Для этого тайно подбирались все имевшиеся в Дании проявления недовольства демократическим режимом, с тем, чтобы использовать эти данные как документальные доказательства на случай «освободительной» акции в будущем. Так, в январе 1940 года пропаганда уже не удовлетворялась просто нападками на Англию и ее методы ведения войны, либо нападками на евреев и их образ мыслей. Теперь пропаганда стала подвергать серьезной критике образ мыслей датского правительства и датского парламента».

В этой связи в датском докладе имеется упоминание о весьма показательном инциденте:

«В конце февраля 1940 года датская полиция изъяла у одного германского подданного документ, озаглавленный «Проект для пропаганды в Дании».

Я, подытоживаю первый абзац страницы 7 данного отчёта. В этом документе имеется одна характерная фраза. Это последнее предложение в этом абзаце, на немецком языке, и в цитате отмечен французский перевод в кавычках:

«Дипломатическая миссия и сотрудничающие с ней ведомства должны иметь возможность контролировать ежедневную прессу».

Для ведения пропаганды Германия не ограничивалась привлечением собственных подданных в качестве агентов внутри страны, но нацисты также инспирировали организацию датских политических групп, которые были связаны с нацистской партией.

Эта кампания в первую очередь нашла благоприятную почву на юге Ютландии, где имелось немецкое меньшинство. Таким образом, немцы сумели создать под своей эгидой группу, названную «Schleswigsche Kameradschaft[428]» или SK, которая точно соответствовала немецким СА. Члены группы проходили военную подготовку. Аналогичным образом по образцу Гитлерюгенда была создана

[428] «Шлезвигское товарищество» (нем.)

группа, названная «Deutsche Jugendschaft Nordschleswig[429]» .

Я хочу обратить внимание трибунала на тот факт, что сейчас я подытоживаю заявления в датском докладе для того, чтобы избежать чтения полностью. Эти заявления подробно развиваются в следующих главах доклада о в том, о чём говорится на странице 7.

Описываемое немецкое проникновение завершилось созданием общественных институтов, таких, как «Wohlfahrtsdienst[430]», образованная в 1929 году в Тинглеве, «Deutsche Selbsthilfe[431]», образованная в 1935 году, равно как и созданием экономических организаций, образцом которых было Kreditanstalt Vogelgesang[432]. В результате ловкого тайного финансирования со стороны Рейха удалось обрести контрольные пакеты акций ряда важных сельскохозяйственных предприятий.

Описываемое движение, сформировавшееся в южной Ютландии, впоследствии предпринимало попытки распространиться на всю Данию. Так, еще до войны существовала Национал-социалистическая партия Дании[433], ее лидером был Фриц Клаузен[434]. На страницах 6 и 7 правительственного доклада мы читаем:

> «Что касается отношений этой партии с Германией в дооккупационный период, то можно сказать, что сам Фриц Клаузен, а также члены партии были ревностными участниками «Дней партии», проводившихся в Нюрнберге, а также конгресса Штрайхера в Эрфурте; во всяком случае, Фриц Клаузен лично состоял в весьма близких отношениях с германским министерством иностранных дел.
>
> Распространение нацизма в Дании началось с юга Ютландии, а затем стало переходить на остальную страну. Иллюстрацией этого факта служит то, что нацистская газета, носящая название «Das Vaterland[435]», вначале начала выходить в Ютландии, а затем в октябре редакция была переведена в Копенгаген, где газета и стала выходить ежедневно.

Такова была ситуация к началу оккупационной власти. Из этого следует, что двумя основными исполнителями узурпации суверенитета в Дании стали, с одной стороны, дипломатическое представительство и с другой — датская нацистская партия.

Уполномоченным германского рейха в Дании на первоначальном этапе

---

[429] «Германская молодёжь северного Шлезвига» (нем.)

[430] «Благотворительная служба» (нем.)

[431] «Германская взаимопомощь» (нем.)

[432] «Кредитное учреждение Фогельсанга» - кредитная организация Дании созданная для финансирования фермерских немецких хозяйства Ютландии.

[433] Национал-социалистическая рабочая партия Дании — датская политическая партия, основанная в 1930 году для реализации идеологии национал-социализма.

[434] Фриц Клаузен (1893 – 1947) – руководитель национал-социалистической партии Дании в 1933-1944. Умер находясь под арестом в датской тюрьме.

[435] «Отечество» (нем.)

был фон Ренте-Финк[436], а с октября 1942 года им стал доктор Бест[437].

Имели место многочисленные случаи вмешательства в суверенитет Дании со стороны дипломатического ведомства, причем вначале требования предъявлялись с осторожностью, но со временем стали приобретать все более решительный характер. В качестве примера процитирую документ из правительственного доклада, это меморандум, представленный уполномоченным Рейха 12 апреля 1941 года.

Могу отметить трибуналу, что данный текст находится в книге номер 3 представленного доклада. Третья книга называется «Второй меморандум» или даже, это продолжение из третьей книги и имеется лист с названием «приложение один». Я цитирую:

> «Уполномоченный Германского Рейха получил указания потребовать от королевского правительства Дании нижеследующее:
>
> «1. Должно быть сделано официальное заявление о том, знал ли что-либо Его Величество король Дании, на которого де Кауфманн[438], посланник Дании, теперь ссылается, либо кто-то из других членов королевского датского правительства о договоре, заключенном де Кауфманном с американским правительством, до опубликования этого договора.
>
> 2. По распоряжению Его Величества короля Дании должна немедленно вступить в силу отставка де Кауфманна.
>
> 3. Американскому поверенному в делах в Копенгагене должна быть незамедлительно вручена записка, в которой де Кауфманн дезавуируется, сообщается об отставке Кауфманна и заявляется, что с учетом приведенных обстоятельств правительство Дании не считает себя связанным договором. В записке должен быть также заявлен самый энергичный протест по поводу американской процедуры.
>
> 4. В прессе необходимо опубликовать сообщение, в котором должна быть изложена четкая позиция королевского правительства Дании о том, что де Кауфманн действовал вопреки воле Его Величества короля и вопреки воле датского королевского правительства, и без их санкции. В записке должно быть указано, что де Кауфманн отозван и что датское правительство не считает себя связанным заключенным при указанных условиях договором и что оно заявляет самый

---

[436] Сесил Ренте-Финк (1885 – 1964) – немецкий дипломат. В 1936-1942 посол Германии в Дании.

[437] Вернер Бест (1903 — 1989) — официальный юрист нацистской партии, обергруппенфюрер СС (20 апреля 1944), имперский уполномоченный в оккупированной Дании (1942—1945). Датским судом был приговорён к пожизнённому заключении. Освобождён досрочно.

[438] Генрик Кауфманн (1888 — 1963), датский посол в США в годы Второй мировой войны. 9 апреля 1941 года, в годовщину германского вторжения в Данию, Кауфманн по собственной инициативе «именем Короля» (дат. I Kongens Navn) подписал «Соглашение о защите Гренландии», предоставляя США право защищать датскую Гренландию от германского вторжения.

энергичный протест по поводу американской процедуры.

5. Должен быть опубликован закон, предусматривающий, что любой датский подданный, совершивший за границей тяжкие преступления против интересов Дании либо против норм, установленных датским правительством, может быть лишен гражданства и у него может быть конфисковано имущество.

6. Де Кауфманн должен быть привлечен к. суду за уголовное преступление — государственную измену, на основании статьи 98 уголовного кодекса и статьи 3 раздела 3 закона от 18 января 1941 года, он должен быть также лишен гражданства на основании закона, который будет объявлен, как это указано в пункте 5».

Как мне представляется, этот весьма характерный пример указывает на то, как немцы нарушали суверенитет законного датского правительства. Они отдавали приказы в сфере международных отношений, хотя свобода в этой сфере представляет собой основополагающий атрибут суверенитета и независимости государства. Немцы заходили так далеко, что, как видит трибунал по последним двум абзацам, требовали принятия закона в соответствии со своими желаниями, требовали также судебного преследования за государственную измену на основании такого закона, исходя из того предположения, что такой закон по их настоянию будет принят.

Завершая данную тему, мне хотелось бы зачитать выдержку из датского доклада, второе приложение на странице 4:

«В октябре внезапно разразился кризис. Немцы выступили с утверждением, что Его Величество король оскорбил Гитлера, направив ему слишком короткий ответ на посланную им телеграмму. Реакция немцев была незамедлительной и крайне жестокой. Германский посланник в Копенгагене был немедленно отозван. Датский посланник в Берлине был вслед за этим отозван в Данию. Посланника фон Ренте-Финка сменил Бест, который прибыл в Данию в звании уполномоченного Германского Рейха и привез с собой расширенные требования, исходившие от германского министра иностранных дел Риббентропа. В числе предъявленных требований было требование об изменении в составе датского правительства и о допущении национал-социалистов в состав правительства. Дания отказалась принять эти требования, правительство затягивало решение по этому вопросу и Бест в итоге не стал настаивать на этих требованиях».

Председатель: Наверное, хорошее время, чтобы прерваться.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 4 февраля 1946*]

День пятидесятый

Понедельник, 4 февраля 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения суда, я хочу объявить, что подсудимый Кальтенбруннер отсутствует на утреннем заседании по болезни.
Фор: С позволения трибунала, господин Додд хочет дать кое-какие пояснения.
Додд: С позволения суда, в связи со свидетелем Пфаффенбергером, за выходные, после беседы с ним, получилось, что защитник поговорил с ним, и мы можем сэкономить для суда определённое время. Соответственно мы предоставили этого свидетеля для доктора Кауффмана для разговора и беседы, он поговорил с ним сколько пожелал, и уведомил нас о том, что в виду этой беседы, он не хочет проводить его перекрёстный допрос, и также у других защитников не имеется желания проводить его перекрёстный допрос.
Председатель: Значит, свидетеля Пфаффенбергера можно отпустить?
Додд: Мы бы хотели, чтобы об этом распорядился суд.
Председатель: Очень хорошо.
Фор: На прошлом заседании я подошёл к концу первого периода немецкой оккупации Дании. В связи с этим первым периодом мне хотелось бы упомянуть об обстоятельстве, доказываемом датским докладом, документ RF-901, второй меморандум, страница 4.

> «Когда 22 июня 1941 года немцы совершили акт агрессии против России, они (в Дании) совершили одно из самых серьезных вмешательств в политические свободы, хотя обещали их уважать. Они насильственно принудили правительство интернировать коммунистов, общее число которых составляло 300 человек».

Приведенные мною разъяснения касались неправомерного вмешательства со стороны первого механизма германской узурпации, дипломатического представительства.

Вторым механизмом немецкого вмешательства была, как и следовало ожидать, местная национал-социалистическая партия Фрица Клаузена, о которой я упоминал ранее. Немцы надеялись, что при благоприятных обстоятельствах, связанных с оккупацией, и также благодаря поддержке, которую они могли оказать этой партии, она приобретет колоссальное значение. Однако немцы в этом полностью просчитались. Дело в том, что в марте 1943 года в Дании состоялись

выборы, на этих выборах нацистская партия потерпела полное поражение. Партия получила всего 2,5 процента голосов, ею было завоевано всего 3 из 149 мест в палате депутатов.

В период после августа месяца 1943 года поведение немцев в Дании заметно изменилось. Первой причиной такой перемены явно был провал плана захватить власть легальным образом, опираясь на помощь партии Клаузена. С другой стороны, примерно в то же время немцы испытали не меньшее разочарование и в другом плане. Они пытались, как я уже показал в своем выступлении по экономическим вопросам, мобилизовать датскую экономику для нужд войны. Однако население Дании, отвергнувшее политическую нацификацию, не пожелало подчиниться и экономической нацификации. В результате датские промышленные предприятия и датские рабочие стали оказывать пассивное сопротивление, в порядке правоправной реакции на неправомерные действия оккупационной власти они организовали программу саботажа. Имели место стачки, сопровождавшиеся различными инцидентами. Столкнувшись с таким двойным провалом, немцы решили изменить свою тактику.

В этой связи на странице 6 второго меморандума в правительственном докладе мы читаем:

«В результате описанных событий уполномоченный Германского Рейха доктор Бест 24 августа 1943 года был вызван в Берлин, откуда возвратился с рядом требований имевших характер ультиматума, объявленного датскому правительству».

Хочу представить текст этого ультиматума, который также находится в официальном датском докладе. Это приложение номер 2 доклада. Ультиматум датирован 28 августа 1943 года. В конце первых трёх книг имеется несколько сшитых листов которые являются приложениями. Я перехожу к второму приложению – в субботу я прочёл первое приложение – которое находится на втором листе и оно также скопировано в мой обзор:

«Требования правительства Рейха:

Датское правительство должно немедленно объявить во всей стране чрезвычайное военное положение.

Чрезвычайное военное положение должно включать осуществление следующих мер:

1. В общественных местах запрещается скопление более пяти человек.

2. Запрещаются любые стачки и оказание любой помощи стачечникам.

3. Запрещаются все собрания в закрытых помещениях или на открытом воздухе; запрещается находиться на улице в период между 20.30 часами и 05.30 часами; рестораны закрываются в 19.30 часов. К 1 сентября 1943 года должно быть сдано все огнестрельное оружие и боеприпасы.

4. Запрещается создание каких бы то ни было помех датским гражданам в связи с тем, что они сотрудничают с германскими властями, либо в связи с тем, что их родственники сотрудничают с германскими властями, либо в связи с тем, что они находятся в родственных отношениях с немцами.
5. Должна быть учреждена цензура печати с участием немцев.
6. Должны быть созданы военно-полевые суды для рассмотрения деяний, совершенных в нарушение мероприятий по поддержанию порядка и безопасности.
7. Создание помех перечисленным выше мерам будет наказываться самыми суровыми санкциями, которые могут назначаться в соответствии с действующим законом, регламентирующим власть правительства по осуществлению мероприятий в поддержание спокойствия, порядка и безопасности. Без промедления должна быть введена смертная казнь за акты диверсий и за оказание любого содействия в совершении таких актов, за нападение на германские вооруженные силы и за хранение после 1 сентября 1943 года огнестрельного оружия и взрывчатых веществ.

Правительство Рейха ожидает получить сегодня до 16.00 часов принятие датским правительством вышеперечисленных требований.

Датское правительство, памятуя о своем достоинстве, мужественно отказалось согласиться на данный ультиматум, хотя и находилось в условиях военной оккупации. Вслед за этим начались прямые посягательства на суверенитет. Немцы сами осуществили те меры, на которые не согласилось национальное правительство, они объявили военное положение, захватили заложников, напали на датскую армию и флот, личный состав их обезоружили и взяли в плен, начали применять смертные казни, угоняли людей, которых они объявляли коммунистами и интернирования которых они требовали ранее от датского правительства.

С 29 августа 1943 г. король, правительство и парламент прекратили исполнение своих обязанностей. Управление страной продолжалось под руководством высших должностных лиц, которые в безотлагательных ситуациях принимали нормы, называвшиеся «чрезвычайными законами». В Дании в это время действовали три германские инстанции:

Во-первых, уполномоченный, которым продолжал оставаться доктор Бест, военные власти под руководством генерала Ханнекена, который был впоследствии заменен генералом Линдеманом[439] и германская полиция.

Введение германской полиции в Дании последовало через несколько дней после перелома, о котором я только что говорил. Штандартенфюрер СС доктор

[439] Георг Линдеман (1884 — 1963) — немецкий генерал-полковник. В январе – мае 1945 командующий Вермахтом в Дании.

Мильднер прибыл в сентябре в качестве начальника германской службы безопасности, а 1 ноября прибыл в качестве высшего руководителя СС и полиции в Дании обергруппенфюрер СС генерал-лейтенант полиции Гюнтер Панке[440]. Доктор Мильднер, о котором я только что упомянул, находился в подчинении генерала полиции Гюнтера Панке, 5 января 1944 года Мильднера сменил на посту штандартенфюрер СС Бовензипен.

В течение всего периода, о котором я говорю, из всех трех немецких инстанций, о которых я упоминал, полиция играла самую значительную роль и являлась главным органом узурпации. Можно, таким образом, считать, что в то время, как Норвегия и Голландия представляли собой пример введения гражданской администрации, Бельгия и Франция — пример военной администрации, Дания представляла собой типичный пример полицейской администрации. Кстати, не следует забывать, что эти различные типы администрации были всегда связаны между собой во всех этих оккупированных странах. Захват власти германской полицией в Дании повлек за собой в период, продолжавшийся с сентября 1943 года до освобождения, чудовищный разгул злодеяний. В отличие от администраций других типов, полиция действовала не на основании правовых норм или статутов, а весьма эффективным образом вмешивалась в жизнь страны, последовательно и систематически осуществляя «закон де факто». На некоторых аспектах полицейской администрации я остановлюсь в четвертой части своего выступления. На данном же этапе мне просто хотелось бы привести факты, представляющие собой прямое и всеобщее нарушение суверенитета. В этой связи, как мне представляется, мне совершенно необходимо проинформировать трибунал о событии весьма исключительного характера, происшедшем 14 сентября 1944 года. В этот день немцы ликвидировали полицию — я имею в виду национальную полицию Дании — и полностью упразднили этот институт, естественным образом являющийся обязательным и важным во всех странах.

В этой связи я намереваюсь зачитать то, что говорит правительственный доклад выдержку из второго меморандума, третья книга досье, страница 29. Я начинаю с середины абзаца, после первого предложения. Фрагмент имеется в моём обзоре. Цитирую:

> «Немцам не удалось оказать какое-либо влияние на датскую полицию, ни на уровне ее руководителей, ни на уровне рядового состава. Этим фактом частично объясняется то, почему немецкие военные власти к концу лета 1944 года начали испытывать страх перед (датской) полицией. Панке объяснял, что сам генерал Ханнекен опасался того, что полиция, насчитывавшая от 8000 до 10 000 хорошо

[440] Гюнтер Панке (1899 — 1973) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (21 июня 1943) и генерал войск СС (21 марта 1945). В 1942-1945 высший руководитель СС и полиции в Дании. Датским судом был осуждён к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

подготовленных людей, могла бы в случае вторжения (союзников) напасть на немцев. В сентябре 1944 года, полагая, что вторжение в Данию является вероятным, Панке и Ханнекен составили план разоружения полиции и депортации части ее сотрудников. Панке представил план Гиммлеру, который в письменной форме дал на него согласие, добавив в своем письме, что план одобрен Гитлером. Кроме того, Гиммлер обсуждал этот план с Кальтенбруннером. Операция была осуществлена Панке и Бовензипеном, которые обсудили план с Кальтенбруннером и Мюллером из РСХА. Регулярные войска оказывали содействие операции с согласия генерала Ханнекена.

В 11 часов утра 19 сентября 1944 года немцы организовали ложный сигнал воздушной тревоги. Немедленно после того, как был дан этот ложный сигнал, рядовые (немецкой) полиции ворвались в управление полиции в Копенгагене, а также в полицейские участки города. Некоторые полицейские были убиты. Аналогичные акции немцы провели во всей стране. Большинство полицейских, находившихся при исполнении служебных обязанностей, были схвачены. Сотрудники полиции, захваченные в Копенгагене и в других крупных городах страны, были отправлены в Германию на судах, присланных Кальтенбруннером специально для этой цели, либо в крытых товарных вагонах. Обращение, которому арестованные были подвергнуты в немецких концентрационных лагерях, было столь ужасно, что описать это невозможно. В небольших датских городках захваченные полицейские освобождались.

В то же время Панке объявил «чрезвычайное полицейское положение». Точное значение этого выражения так и не было разъяснено, и даже немцы, как представляется, не понимали, что оно означает. На практике это привело к тому, что вся деятельность полиции, как обычная, так и связанная с работой судебных органов, была прекращена. Поддержанием порядка и общественной безопасности было предоставлено заниматься самим жителям.

На протяжении первых 6 месяцев оккупации датский народ оказался в неслыханной ситуации, неизвестной в других цивилизованных странах — он был лишен полиции и возможности поддерживать порядок и общественную безопасность. Такое положение вещей могло бы завершиться полнейшим хаосом, если бы существующее у населения уважение к праву и дисциплине, усиленное негодованием по поводу совершенного акта насилия, не предотвратило наиболее серьезные последствия».

Несмотря на такую установку датского населения, отсутствие полиции на

протяжении последних 6 месяцев оккупации, естественным образом привело к вспышке всех форм преступности. Вы получите об этом представление, если примете во внимание, — и указания на эту подробность будет достаточно — что премии страховых компаний пришлось повысить до 480 процентов — сведения об этом имеются в докладе, — в то время как ранее она ограничивалась половиной обычного размера. Мы имеем основание полагать, что за преступления, совершенные при указанных условиях, ответственность несут немецкие власти, которые не могли не предвидеть, к каким последствиям приведет создавшееся положение вещей, и тем не менее принявшие такое положение. Мы здесь видим еще одно доказательство абсолютного безразличия немцев к последствиям, вытекающим из решений, которые они принимали для достижения своих целей на данном конкретном этапе.

Данный раздел по Дании я хотел бы завершить, приведя трибуналу выдержку из документа RF-902. В системе американской документации это документ PS-705, но он еще не представлялся, и я хотел бы зачитать из него одну выдержку, которая представляется мне интересной. Это отчет, составленный в Берлине 12 января 1943 года по поводу совещания функционировавшего в системе СС Ausschuss der Arbeitsgemeinschaft fur den Germanischen Raum[441]. На совещании присутствовало 14 функционеров СС. В отчете имеется абзац, специально посвященный Дании. Другие абзацы этого документа представляют интерес в связи со следующим разделом моего выступления. Поэтому, чтобы дважды не ссылаться на один и тот же документ, процитирую всю выдержку, которую намереваюсь представить в качестве доказательства. Начинаю с конца страницы 2 документа.

> «Норвегия. В Норвегии министр Фуглесанг[442] тем временем занял пост министра Лунде[443], погибшего в результате катастрофы. Невзирая на обещания, даваемые партией Квислинга, поступления от Норвегии значительной квоты ожидать не приходится.
>
> Дания. В Дании ситуация является весьма многообещающей, в связи с тем, что группенфюрер СС доктор Бест взял власть. Мы можем оыть уверены, что группенфюрер доктор Бест обеспечит классический образец этнической политики Рейха. Отношения с лидером партии Клаузеном за последнее время усложнились. Клаузен дал согласие только на создание передового боевого корпуса в качестве подготовительной стадии к образованию в Дании германских СС, но поставил условие, что лицам, входящим в состав корпуса, будет запрещено членство в партии. Переговоры по поводу этой крайне

---

[441] «Комитет по исследованию деятельности германского пространства» (нем.)

[442] Рольф Фуглесанг (1909 – 1988) – норвежский политик. Министр в правительстве Квислинга в 1941-1942, 1942-1945. После войны осуждён норвежским судом к пожизнённому заключению. Освобождён досрочно.

[443] Гульбранд Лунд (1901 – 1942) – норвежский политик. Министр правительства Квислинга в 1941-1942. Погиб в автомобильной катастрофе.

необходимой центральной организации передовых комбатантов продолжаются. Монополия партии не состоялась. Следует мобилизовать все элементы, стремящиеся к восстановлению, хотя на первом плане должен стоять лично Клаузен — правда, без своей клики.

Нидерланды. Тем временем в Нидерландах рейхскомиссар Зейсс-Инкварт объявил Мюссерта фюрером голландского народа. Эта мера вызвала крайнюю тревогу в других странах германского пространства, в особенности во Фландрии. Решающая роль здесь опять выпадает генеральному комиссару согласно одобренной СС германской политике. Нельзя согласиться с его принципом — эксплуатировать Мюссерта, а затем бросить его.

Фландрия. Во Фландрии по-прежнему неблагополучным остается развитие VNV[444]. Даже хитрая политика нового лидера этого движения доктора Элиаса[445] не может нас более вводить в заблуждение. Кроме того, он однажды высказал то мнение, что Германия готова идти на уступки в этнической политике лишь в случае, если она оказывается в трудном положении».

Приведенная информация весьма характерна. Во-первых, четко определяется, что территории германского пространства должны включать Норвегию, Данию, Нидерланды и Фландрию. Естественно, я говорю только о западных странах. Во-вторых, мы ясно видим, как немцы использовали местные партии, создание которых было инспирировано нацистами, в качестве орудия узурпации суверенитета. В-третьих, мы видим полное подтверждение того обстоятельства, что германские дипломатические сотрудники также выступали исполнителями этой политики узурпации и полностью превышали пределы своих нормальных функций. В четвёртых, документ подтверждает взаимозависимость, которая существовала между различными агентами германского влияния, которую мы недавно подчёркивали и которую нельзя недооценивать. Случай с доктором Бестом является хорошим примером. Доктор Бест являлся полномочным послом; таким образом, он являлся дипломатическим агентом. Мы увидели, что в тоже самое время, доктор Бест ранее являлся агентом военной администрации во Франции, и в этом документе мы видим, что помимо его должности полномочного посла, он является генералом СС, и в данном качестве, как утверждает документ, он захватил власть в Дании. Информация содержащаяся в документе о Норвегии и Нидерландах является переходом к следующей части данного раздела. Я прошу трибунал взять

---

[444] Фламандский национальный союз (нидерл. Vlaamsch Nationaal Verbond) — фламандская националистическая организация в Бельгии, создана Стаф де Клерком, 8 октября 1933.

[445] Хендрик Элиас (1902 – 1973) – бельгийский политик и фламандский националист. В 1942-1944 руководитель Фламандского национального союза. После войны был осуждён к смертной казни заменой пожизнённым заключением. Освобождён досрочно.

папку, озаглавленную «Норвегия и Нидерланды».

Назначение рейхскомиссаров имело место в Норвегии и в Голландии, и только в этих двух странах. Оно соответствует определенной концепции в общем плане германизации, в котором эти две страны стояли рядом. В обоих случаях создание гражданской администрации последовало в очень скором времени за военной оккупацией страны. Таким образом, военные распоряжались в стране только несколько дней, до назначения рейхскомиссара. За это время они занимались лишь мероприятиями, имеющими отношение к порядку.

Декретом от 24 апреля 1940 г. рейхскомиссаром в Норвегии был назначен Тербовен. Этот декрет подписан Гитлером, Ламмерсом и подсудимыми Кейтелем и Фриком. Подсудимый Зейсс-Инкварт был назначен рейхскомиссаром в Голландии декретом от 18 мая 1940 г. Этот декрет подписан теми же лицами, что и предыдущий. Кроме того, на нем имеются подписи подсудимых Геринга и Риббентропа.

Декреты о назначении рейхскомиссаров определяют одновременно их функции и устанавливают распределение функций между гражданским уполномоченным и военными властями. О Норвегии говорится в первой статье декрета:

> «Рейхскомиссару поручено охранять интересы Рейха и осуществлять верховную гражданскую власть». И далее добавляется: «Рейхскомиссар находится непосредственно в моем подчинении и получает от меня директивы и инструкции».

Распределение функций видно из текста четвертой статьи: «Командующий германскими войсками в Норвегии осуществляет военную верховную власть. Его приказы выполняются в области гражданских вопросов рейхскомиссаром».

Этот декрет опубликован в официальном сборнике германских приказов номер 1 за 1940 год. Те же указания имеются в аналогичном декрете от 18 мая 1940 г. в отношении Голландии. Это назначение рейхскомиссаров сопровождалось вначале некоторыми разъяснениями с целью успокоения населения. Тербовен объявил, что он «решился максимально ограничить трудности и тяготы оккупации». Это прокламация от 25 апреля 1940 в официальной газете, страница 2.

После своего назначения подсудимый Зейсс-Инкварт также обратился к голландскому народу с призывом. Он находится в официальной газете для Нидерландов за 1940, страница 2, и в ней он высказался следующим образом – он начинает с решительной фразы:

> «Я приму все меры, включая меры законодательного характера, которые окажутся необходимыми для осуществления данного мандата. Я хочу, чтобы действовавшие до настоящего времени законы оставались в силе, чтобы голландские власти участвовали в выполнении правительственных функций и чтобы независимость

правосудия была сохранена».

Эти обещания никогда не выполнялись. Рейхскомиссары являлись в Норвегии и Нидерландах главными узурпаторами суверенитета этих стран. Однако, рейхскомиссару предстояло действовать в тесном взаимодействии со вторым уровнем механизма узурпации, а именно с существовавшей в стране национал-социалистической организацией. Такое сотрудничество местной нацистской партии с германской властью, представленной рейхскомиссаром, в каждой из рассматриваемых нами стран принимало ощутимо различающиеся формы. Таким образом, осуществление власти рейхскомиссаром в Норвегии и Голландии имело свои различия, хотя они и носили более формальный, чем реальный характер.

В обеих странах местная национал-социалистическая партия существовала до войны. Такая партия развивалась и инспирировалась германской нацистской партией и имела свое место в общем плане подготовки войны и плане германизации. Хотел бы привести некоторую информацию касательно Норвегии.

Национал-социалистическая партия называлась «Nasjonal Samling[446]». Руководителем ее был пресловутый Квислинг. Эта партия была идеальной имитацией германской нацистской партии. Представляю трибуналу документ RF-920, это текст присяги на верность, который подписывали члены национал-социалистической партии Норвегии. Цитирую:

«Моя присяга верности. Клянусь честью:

1. Проявлять непоколебимую верность и лояльность по отношению к национал-социалистическому движению, его идее, его фюреру – это третья страница документа RF-920.

2. Энергично и бесстрашно выступать за дело, всегда проявлять надежность и лояльную дисциплину в моей работе, делать все, что в моих силах для освоения знаний и квалификации, которые может потребовать от моей работы для движения.

3. Максимально использовать свои способности, чтобы жить в соответствии с концепцией национал-социализма, проявлять солидарность, понимание и добрые товарищеские отношения ко всем моим соратникам.

4. Подчиняться любым приказам фюрера или назначенных им официальных лиц при условии, что такие приказы не идут вразрез и не противоречат указаниям фюрера.

5. Никогда не рассказывать посторонним лицам о подробностях национал-социалистических методов работы и не передавать им сведений, порочащих движение.

6. Всегда предпринимать максимальные усилия к тому, чтобы

[446] Национальное единение (переводится также как Национальное согласие или Национальный союз, норв. Nasjonal Samling) — норвежская ультраправая политическая партия (1933—1945).

способствовать прогрессу движения, достижению целей движения, обязуюсь преданно выполнять в боевой организации ту роль, которую я взял на себя. Я полностью осознаю, что буду виновен в недостойном и подлом поступке, если нарушу данное обещание.

7. Если обстоятельства лишат меня возможности продолжать оставаться членом боевой организации, я обещаю выйти из нее с соблюдениями лояльности. Я буду по-прежнему связан принесенным мной обетом сохранения тайны и ничего не сделаю во вред движению.

Наша цель, цель организации «Nasjonal Samling» заключается в следующем: Новое государство, норвежское и нордическое объединение в системе мирового сообщества, органически построенного на основе труда, с сильной и стабильной администрацией, сочетанием общественного и частного личного благосостояния».

Таким образом, в этой партии был полностью принят принцип фюрерства, и, хотя она имеет норвежский фасад, это только фасад. Фактически в самый день вторжения нацисты навязали стране формирование мнимого норвежского правительства, главой которого стал Квислинг. В это время Верховный суд Норвегии назначил группу чиновников, которые были облечены властью высшей администрации. Эта группа получила наименование Административного Совета. Административный Совет, с учетом тех чрезвычайных обстоятельств, в которых он был создан, представлял собой компетентную инстанцию для представления законного суверенитета, по крайней мере, консервативным образом. Совет функционировал лишь короткое время. К сентябрю немцы обнаружили, что не в состоянии добиться от Административного Совета или его членов участия в своих делах или хотя бы пассивного согласия с ними. Тогда немцы сами назначили 13 уполномоченных, из которых 10 были отобраны из членов партии Квислинга. Сам Квислинг не выполнял никаких номинальных функций, а оставался фюрером своей партии.

И, наконец, 1 февраля 1942 года начался третий период. В этот день Квислинг вернулся к власти в качестве министра-президента, сами уполномоченные получили звания министров. Эта ситуация существовала до освобождения Норвегии. Таким образом, немцы полностью узурпировали весь суверенитет в Норвегии, если исключить ситуацию нескольких месяцев в 1940 году. Этот суверенитет делился между их прямым агентом, рейхскомиссаром, и их косвенными агентами, которые сначала носили название государственных советников, а в последующем — правительства Квислинга, хотя всегда были порождением национал-социализма.

Нет сомнения в том, что никакой независимости этих организаций по отношению к германским властям не существовало. Тот факт, что вторая

организация носила название правительства, не означает, что она обладала большей самостоятельностью. Речь идет только о различиях в форме, о природе которых я расскажу трибуналу. Представляю в этой связи два документа, RF-921 и RF-922. Сопоставив эти два документа, вы увидите, что сделанное мной утверждение соответствует действительности. Эти два документа являются инструкциями, адресованными рейхскомиссаром его ведомствам, занимавшимся законодательной деятельностью.

Документ RF-921 датирован 10 октября 1940 года, это самое начало периода функционирования государственных советников. Привожу цитату из этого документа: «Все декреты государственных советников до их опубликования должны представляться рейхскомиссару». Таким образом, все декреты высшей норвежской администрации находились под контролем рейхскомиссара.

Второй документ, RF-922, датирован 8 апреля 1942 года. Он относится к периоду вскоре после создания второго квислинговского правительства. Оглашаю этот документ со второй фразы:

> «Ввиду того, что 1 февраля 1942 года образовано национальное норвежское правительство, рейхскомиссар решил, что отныне нет более надобности в данной форме соглашения. Имелось в виду заключенное ранее письменное соглашение. Тем не менее, такое изменение формальной законодательной процедуры не означает, что норвежское правительство может принимать законы и декреты без ведома компетентного ведомства рейхскомиссара. Его высокопревосходительство рейхскомиссар ожидает, что начальники всех ведомств будут информировать его, сохраняя тесный контакт с соответствующими норвежскими ведомствами, обо всех готовящихся законодательных документах, причем в каждом случае будут устанавливать, не затрагивает ли данное законодательство германские интересы. При необходимости следует убедиться, что германские интересы будут приняты во внимание».

Таким образом, в одном случае мы имеем дело с формальным контролем, связанным с письменной санкцией. Во втором случае речь идет о контроле посредством информирования с привлечением различных ведомств, однако принцип остается неизменным. Создание местной власти в одной либо в другой форме представляло собой лишь средство выяснить, каким образом легче всего обмануть общественное мнение. Когда немцы поставили Квислинга на задний план, это было сделано по той причине, что, как считали немцы, государственные советники, как фигуры менее известные, с большей легкостью могут обмануть население. Когда немцы отодвинули Квислинга, то это было сделано по той причине, что первый маневр с очевидностью провалился, и потому, что, как предполагали немцы, официальное образование органа власти, квалифицируемого

как правительство, могло бы создать впечатление, что суверенитет страны не ликвидирован. Можно было бы, однако, задасться вопросом, зачем применялись все эти уловки и почему нацисты к ним прибегали, вместо того, чтобы просто и откровенно не аннексировать страну. Этому есть весьма важная причина. Она существует в отношении как Норвегии, так и Нидерландов.

Нацисты всегда предпочитали сохранять фикцию независимого государства и оказывать определенное давление изнутри, путем использования и поощрения развития местной партии. Имея в виду именно эту цель, немцы предоставили партии в Норвегии то преимущество, которое дает престиж. В Голландии они не действовали аналогичным образом, однако их общее поведение было проникнуто одним и тем же духом.

Прекрасной иллюстрацией политики немцев в Норвегии является так называемый норвежский закон, от 12 марта 1942 года (норвежская официальная газета, 1942, страница 215, которую я приобщаю в качестве доказательства как документ номер RF-923. Цитирую:

«Закон о партии и государстве, 12 марта 1942 г.

1. В Норвегии «Nasjonal Samling» является основной партией государства и тесно связано с государством.

2. Организация партии, ее деятельность и обязанности ее членов устанавливаются фюрером партии «Nasjonal Samling».

Осло, 12 марта 1942 года. Подписано: Квислинг, министр-президент».

С другой стороны, нацисты в крупных масштабах организовали систему дублирования функций в высших эшелонах власти. Фактически это является переносом в Норвегию немецкой системы, отличавшейся постоянным параллелизмом между государственной администрацией и партийными организациями. Повсюду насаждались немецкие нацисты, чтобы помогать и осуществлять надзор за норвержскими нацистами, которых поставили на официальные посты.

Так как данное положение представляет интерес с точки зрения захвата суверенитета и деятельности администрации, мне хотелось бы представить в качестве доказательства два документа, документы RF-924 и RF-925. Документы представляют собой выдержки из судебных допросов, производившихся норвежским судом, допрашивались два высокопоставленных германских чиновника из рейхскомиссариата в Осло. Документ RF-924 представляет собой протокол допроса Георга Вильгельма Мюллера, производившегося 5 января 1946 года. Вильгельм Мюллер являлся министериальдиректором в министерстве общественного просвещения и пропаганды. Информация, которую сообщает Мюллер, более конкретно относится к функционированию службы пропаганды, однако, следует учесть, что аналогичные методы применялись и в общем плане, что и признается в ходе данного допроса. Цитирую документ RF-924:

«Вопрос: В 1941 году никто в вашей стране не думал о военных последствиях. В то время наверняка предпринимались попытки сформировать норвежский народ по образцу идеалов национал-социализма?

Ответ: Они это пытались делать до самого конца.

Вопрос: Какие практические меры осуществлялись для того, чтобы норвежский народ был сформирован по национал-социалистическому образцу?

Ответ: Они по возможности поддерживали NS Samling, и достигали они этого в первую очередь путем значительного укрепления партийных организаций».

Я могу отметить, что этот перевод на французский язык не лучшего качества, однако, он понятный.

«Вопрос: Каким образом её усиливали?

Ответ: В каждой провинции назначались немецкие национал-социалисты в помощь норвежским национал-социалистам.

Вопрос: Применялись ли другие практические меры?

Ответ: Это делалось во всех сферах, даже в сфере пропаганды, с помощью пропагандистов из айнзацштаба, которые передавались в их распоряжение. Это также делалось в Осло в центральных органах NS Samling.

Вопрос: Как работали эти пропагандисты?

Ответ: Они работали в тесном взаимодействии с норвежскими пропагандистами и давали последним указания. Гребе делал это в силу своего двойного официального качества — руководителя управления пропаганды в рейхскомиссариате и руководителя местной группы.

Вопрос: Как это делалось?

Ответ: Такие консультации и совещания проводились даже для представителей самой высшей партийной иерархии. Для этой цели специально назначался человек. Сначала это был Вегелер, потом Нойманн[447], потом Шнурбуш[448], который выполнял задачу укрепления идей национал-социализма внутри NS Samling.

Вопрос: В айнзацштабе имелись специалисты из различных сфер, в задачу которых входило устанавливать контакты с норвежцами и давать им полезные советы. В каких сферах это делалось?

Ответ: Там были организаторы и прежде всего инструкторы, руководители СА и СС. Пока он сам не возглавил айнзацштаб, нами

[447] Ганс-Хендрик Нойманн (1910 – 1994) – в 1942-1943 руководитель айнзацштаба «Норвегия»
[448] Гейнрих Шнурбуш (1910 – 1966) – в 1944-1945 руководитель айнзацштаба «Норвегия».

руководил пропагандист, господин Шнурбуш — бухгалтер, эксперт по вопросам социального обеспечения, такого же рода как в НСВ[449] в Германии.

Трибунал обратит внимание в этом допросе на фамилию Шнурбуш, который возглавлял айнзацштаб и отдел, существовавший для связи с местной партией и проникновения в нее. Хочу процитировать выдержку из допроса Шнурбуша, проводившегося 8 января 1946 года, документ RF-924.

Председатель: Вы приобщаете эти документы?

Фор: Да, господин председатель.

Председатель: Скажите, для цели стенограммы, что вы их приобщаете?

Фор: Простите. Я хочу отметить, что я представляю в качестве доказательства документ номер RF-925, а также документ номер RF-924 о котором я только, что говорил.

Это допрос Гейнриха Шнурбуша, руководителя посреднической службы в рейхскомиссариате, от 8 января 1946 в Осло:

«Вопрос: Как германские ведомства пытались добиться такого перехода к национал-социализму?

Я хочу отметить трибуналу, что я пропустил первые три абзаца, так как они не представляют большого интереса.

Ответ: Мы стремились укрепить движение, действуя теми же методами, которые мы привыкли применять в Германии, чтобы вести за собой массы... Nasjonal Samling имела то преимущество, что в ее распоряжении были все средства информационных служб и пропаганды. Однако, мы вскоре убедились, что поставленная цель не может быть достигнута. После 25 сентября 1940 года настроение общественности в Норвегии внезапно изменилось, когда нескольких государственных советников назначили национал-социалистскими государственными советниками. Дело в том, что в апреле 1940 года норвежский народ считал действия Квислинга предательством.

Вопрос: Каким образом вы материально помогали Nasjonal Samling в ведении такой пропаганды? Каким образом вы инструктировали Nasjonal Samling?

Ответ: В то время, когда я занимал свою должность, когда организовывалась пропагандистская кампания, ее всегда приводили в соответствие с той пропагандой, которую вели в Норвегии немцы.

Вопрос: Издавали ли вы какие-либо директивы для партии «Nasjonal Samling»?

Ответ: Нет. В мое время Nasjonal Samling действовала в этом

[449] «Национал-социалистическая народная благотворительность» (нем. Nationalsozialistische Volkswohlfahrt, NSV) — в нацистской Германии зарегистрированная общественная организация, основанная НСДАП 3 мая 1933 г.

отношении независимо, частично даже вопреки нашим советам. Nasjonal Samling считала, что лучше понимает образ мыслей норвежцев, но она допускала много ошибок.

Вопрос: Оказывалась ли финансовая помощь?

Ответ: Разумеется, финансовая помощь оказывалась, но точная сумма мне неизвестна».

Председатель: Нам прерваться на 10 минут?

[*Объявлен перерыв*]

Фор: Прежде всего, я хочу отметить трибуналу, что с его разрешения, этим вечером я допрошу свидетеля Ван-дер-Эссена[450] о котором уже представлен формальный запрос.

Председатель: Да, господин Фор.

Фор: Свидетеля можно вызвать в начале вечернего заседания.

Приведенные мною замечания касались Норвегии.

В Нидерландах, в отличие от того, что происходило в Норвегии, нацисты не использовали местную партию в качестве официального механизма правления. Правительственная власть здесь полностью находилась в руках рейхскомиссара, создавшего своего рода министерство, в состав которого вошли четыре немецких генеральных комиссара. Они, соответственно, ведали управлением и юстицией, государственной безопасностью, финансами, экономическими вопросами и специальными вопросами. Такая организация была создана декретом от 3 июня 1940 года (официальная газета Голландии, 1940 год, №5). Хочу отметить, что так как голландская официальная газета уже представлена трибуналу в качестве доказательства, я не буду представлять в качестве доказательства каждый из приводимых мною текстов, входящих в этот журнал, а просто буду просить трибунал принять их к сведению и считать представленными.

Назначение на посты генеральных комиссаров было объявлено декретом от 5 июня 1940 года.

Местная власть на этом более высоком уровне была представлена только генеральными секретарями министерств, которые находились в полном подчинении у рейхскомиссара и у генеральных комиссаров.

Декрет от 29 мая 1940 года, опубликованный в голландской официальной газете за 1940 год, страница 8, содержит следующие положения. Статья 1:

«Рейхскомиссар будет осуществлять ту власть, которой до сего времени были облечены король и правительство...»

Статья 3.

«Генеральные секретари голландских министерств подчиняются

[450] Леон ван-дер-Эссен (1883 – 1963) – бельгийский историк. Профессор Католического университета Лувена.

рейхскомиссару».

Если нацистская партия не составила правительство, она тем не менее получила «официальное благословение».

Приведу трибуналу в этой связи декрет от 30 января 1943 года — он также опубликован в голландской официальной газете за 1943 год, страница 63. Зачитываю выдержку:

> «Выразителем политической воли голландского народа является национал-социалистическое движение в Нидерландах. Исходя из этого я издал декрет о том, что все подчиняющиеся мне германские ведомства, учреждения администрации и органы национал-социалистического движения должны поддерживать тесный контакт с фюрером с тем, чтобы обеспечить координацию задач по осуществлению всех важных административных мер и в особенности всех вопросов, связанных с кадрами».

Трибуналу уже известно — об этом же говорил свидетель, уже дававший показания перед трибуналом, — какой отъявленной ложью было утверждение о том, что национал-социалистическая партия выражает волю народа этой страны.

Завершив свой комментарий по этим двум формам использования местных партий в качестве механизма узурпации суверенитета, я хотел бы указать трибуналу на основные черты такой узурпации, осуществлявшейся немцами.

Примером деятельности первого направления является попытка принудить оккупированные страны принять участие в войне, или, как минимум, произвести мобилизацию для германской армии. В Норвегии нацисты создали SS Norge[451], которые в последующем были переименованы в Germanske SS Norge[452]». Представляю в качестве доказательства документ RF-926, это декрет от 21 июля 1942 года, касающийся этого соединения, подписан Квислингом. Цитирую абзац 2:

> «2. Germanske SS Norge — это национал-социалистический солдатский орден, куда войдут люди нордической крови и нордических идей. Он является независимым подразделением Nasjonal Samling и находится в непосредственном подчинении у национал-социалистского фюрера, отчитывается перед ним. В то же время это соединение является частью СС великой Германии и будет помогать вести германские народы к новому будущему и создавать основу для германского содружества».

На этом примере мы вновь видим, что так называемое норвежское правительство принимало меры, совершенно очевидно являвшиеся методами

---

[451] «Норвежские СС» - отряды охраны В. Квислинга из членов партии «Национальное собрание». Созданы 21 мая 1941.

[452] «Германские СС Норвегии» - полувоенная организация созданная в 1942 в Норвегии, входила в состав партии «Национальное собрание». Члены организации участвовали в боевых действиях в СССР.

германизации. Для того, чтобы облегчить набор в этот легион, германские или норвежские нацисты без колебания нарушали гражданское законодательство и отменяли обязательные нормы семейных прав — ими был принят закон, по которому несовершеннолетние не обязаны были получать согласие от своих родителей, чтобы вступить в армию. Это закон от 1 февраля 1941 года, норвежская официальная газета, 1941 г., страница 153. Представляю его в качестве доказательства под номером RF-927.

В Нидерландах немцы вынуждены были в еще большей степени нарушить национальное законодательство, чтобы создать возможности для набора в армию. Так как немцы не создали в Нидерландах правительства де-факто и так как законное правительство все еще находилось в состоянии войны с Рейхом, лица, добровольно вступавшие в немецкую армию, подпадали под статьи 101 и последующие голландского уголовного кодекса. Эти статьи предусматривали наказание лиц, поступивших на военную службу в армию иностранной державы, находящейся в состоянии войны с Нидерландами, а также лиц, оказывавших содействие противнику.

Ввиду того, что страна подверглась оккупации де-факто, существовала малая вероятность того, что указанные санкции будут применяться на практике. Однако, крайне любопытным и показательным является тот факт, что 25 июля 1941 года рейхскомиссар издал декрет, опубликованный в голландской официальной газете за 1941 год, номер 135. Этот декрет предусматривал, что на голландцев, поступающих на службу в германскую армию, в войска СС или в Легион нидерландских добровольцев, не распространяются указанные выше нормы статей уголовного кодекса, причем объявляется, что данный декрет получает обратную силу начиная с 10 мая 1940 года. Крайне удобно, совершая уголовное преступление, предусматриваемое нормами оощего уголовного кодекса, иметь возможность изменить закон, вычеркнув данное преступление из числа уголовно наказуемых деяний.

Другим декретом, от 25 июля 1941 года, официальная газета за 1941 год, страница 548, предусматривалось, что поступление на службу в немецкую армию в последующем не повлечет за собой утерю голландского гражданства.

И, наконец, декретом от 8 августа 1941 года, официальная газета за 1941 год, страница 622, объявлялось, что обретение германского гражданства более не влечет за собой утерю голландского гражданства, за исключением тех случаев, когда имеется четко выраженный отказ от голландского гражданства. Хотя этот текст декрета касается лишь некой детали, его можно рассматривать как первоначальную меру для учреждения в последующем двойного голландского и германского гражданства, что соотносится с общими процедурами претворения в жизнь всего плана германизации.

По вопросу об описываемых мерах набора в армию я хотел бы точно

изложить позицию обвинения, сложившуюся в результате прямого и перекрестного допроса в суде свидетеля Форринка. Обвинение не считает, что преступный характер проводившегося набора в армию устанавливается только тем фактом, что людей мобилизовали принудительно либо привлекали в армию путем давления на их волю. Такие давление и принуждение являются отягчающим аспектом, характеризующим вменяемое нами преступление, но не является обязательным аспектом данного преступного деяния. Мы считаем, что преступлением является самый факт набора людей в оккупированных странах на службу в германской армии, даже если набор производился на добровольной основе. Следует также иметь в виду, что такое преступление наказуемо по внутреннему законодательству всех рассматриваемых стран, законодательство которых охватывает деяния, совершенные в этих странах.

Вопрос о том, в какой степени привлечение на службу предателей было связано с конкретной ситуацией, в которой оказывались такие предатели, даже в относительном плане не представляет большого значения, если не возникает желание ознакомиться со всеми деталями.

Мне бы хотелось высказать мысль более общего характера. Обвинение не считает, что привлечение предателей либо для службы в армии, либо для иной деятельности является для нацистских лидеров смягчающим обстоятельством либо обстоятельством, освобождающим их от ответственности. Напротив, это является одной из характерных черт их преступной деятельности. Ответственность, которую несут предатели, ни в коей мере не снимает ответственности с нацистских лидеров. Напротив, мы вменяем им ту коррупцию, которую они пытались распространить в оккупированных странах, используя те элементы со слабой нравственной основой, которые имеются в любой стране, и насаждая в умы всех граждан мысль о возможности вести аморальную и преступную деятельность против своей страны.

Таково было первое направление в процессе германской узурпации.

Другие мероприятия были направлены на уничтожение свобод и установление принципа фюрерства. В качестве примера я приведу некоторые меры.

В Норвегии были запрещены все политические партии (германский декрет от 25 сентября 1941 г.), запрещена всякая деятельность в пользу законной династии (декрет от 7 октября 1940 г. — официальная газета за 1940 год, страница 10). Все гарантии для чиновников были ликвидированы. Чиновники могли быть смещены или переведены на другую должность по политическим мотивам (германский декрет от 4 октября 1940 г. на странице 24 официальной газеты за 1940 год). Законом от 18 сентября 1943 г. учреждались характерные должности начальников департаментов представляющих партию и ответственных перед министром-президентом, которые осуществляли высший политический контроль над всеми инстанциями департамента.

Все профессии попали под принудительное членство с использованием

принципа фюрерства.

В Голландии мы также можем наблюдать уничтожение выборных организаций (декрет от 11 августа 1941 г., официальная газета за 1941, страница 637) которая подтверждает декрет от 21 июня 1940, официальная газета за 1940, страница 54; роспуск политических партий (декрет от 4 июля 1941 г., официальная газета за 1941, страница 583); создание трудового фронта (декрет от 30 апреля 1942 г., официальная газета за 1942, страница 211). Создание крестьянской корпорации, декрет от 22 октября 1941, официальная газета за 1941, страница 838.

Я привел лишь несколько примеров узурпации нацистами власти в захваченных ими странах. В заключение хочу обратить внимание на постановление от 12 августа 1941 г., которым определялась особая юрисдикция судов по преступлениям и нарушениям, угрожающим политической безопасности либо совершенным по политическим мотивам. Судьями, на которых возлагалось осуществление такой власти, обычно назначались члены нацистской партии.

Наконец, твердым направлением узурпации является систематическое проведение нацистами мероприятий, направленных против интеллигенции страны, против ее духовной жизни. Именно в этой сфере нацисты чувствовали наибольшую силу сопротивления. Они обрушиваются на университеты и другие учебные заведения.

В Голландии согласно декрету от 25 июля 1941 г. администрации предоставлялось право произвольно закрывать учебные заведения. 11 ноября 1941 г. в Голландии был закрыт Лейденский университет.

Декрет рейхскомиссара от 10 мая 1943 г. обязывал студентов подписывать декларацию о лояльности, которая была составлена следующим образом:

> «Нижеподписавшийся... настоящим торжественно заявляет, что он будет честно подчиняться всем законам, декретам и другим распоряжениям, которые действуют на оккупированной голландской территории, и не будет совершать никаких актов, направленных против Германского Рейха, армии или нидерландских властей, а также заниматься деятельностью, которая могла бы угрожать общественному порядку в высших учебных заведениях, принимая во внимание серьезность создавшегося положения».

В Норвегии против университета в Осло были предприняты суровые меры. Я представляю как доказательство документ за номером RF-933.

Это статья из «Deutsche Zeitung[453]» от 1 декабря 1943 г., напечатанная и в норвежской газете. Она озаглавлена следующим образом: «Мероприятия, которые необходимо провести в Осло: чистка среди студенчества».

Студенты университета Осло – прошу трибунал извинить меня. Я также должен прочитать первый абзац:

---

[453] «Немецкая газета» (нем.)

«По приказу рейхскомиссара Тербовена обергруппенфюрер СС и генерал полиции Редис[454] сообщил во вторник, после обеда, студентам университета в Осло следующее:

Студенты университета в Осло, начиная с момента оккупации Норвегии, то есть с 1940 года, пытались оказывать сопротивление германской оккупационной армии и норвежскому правительству, которое было признано Рейхом.

Я завершаю цитату и продолжаю на абзаце 5:

Для того чтобы защитить интересы оккупационной державы и обеспечить порядок и спокойствие внутри страны, необходимо принять суровые меры. Поэтому от имени рейхскомиссара я должен вам сообщить следующее:

1. Студенты университета в Осло будут посылаться в специальный лагерь в Германии.

2. Студентки будут отчислены из университета и должны будут тотчас же разъехаться по местам жительства, где им необходимо встать на учет в полиции. Запретить им впредь до нового приказа покидать место жительства без разрешения полиции.

Я прерываю цитату и продолжаю с предпоследним абзацем, на второй странице документа номер RF-933:

«Вы должны быть благодарны господину рейхскомиссару за то, что не принимаются более драконовские меры. Более того, эта мера спасает вашу жизнь и обеспечивает будущее благосостояние».

Что касается религии, немцы в этом отношении увеличили свое вмешательство. В качестве примера я представляю документ RF-929. Оглашаю его:

«Осло. 28 мая 1941 г. Командирам ЗИПО и СД в Бергене, Ставангере, Тронхейме и Тромсё. Содержание: Наблюдение за религиозной службой во время празднования Пятидесятницы. Инциденты: не имеется.

Прошу вас установить наблюдение за проведением религиозной службы и представить отчет о результатах».

Подпись: BDS – Командующий Зипо и СД в Осло. Гауптштурмфюрер СС (фамилия неразборчива).

Вот отчет о выполнении приказа установить наблюдение за службой в церкви. Этот документ я представляю за номером RF-930. Он очень короткий, и я его оглашаю:

«Тронхейм, 5 июня 1941

Наблюдение за проведением религиозной службы во время

---

[454] Вильгельм Редис (1900 — 1945) — немецкий государственный и военный деятель. Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (9 ноября 1941 года), генерал войск СС (1 июля 1944 года). Покончил жизнь самоубийством.

> Пятидесятницы не дало ничего нового. Домпробст Фиелбу, этот тенденциозный проповедник, продолжает свою деятельность. Но он делает это достаточно ловко, чтобы иметь возможность доказать, что каждая фраза носит религиозный характер, а не политический...».
>
> Остальная часть отчета наполовину сгорела.

Хочу лишь сослаться на два примера, которые, с одной стороны, свидетельствуют о неизменной аморальности германских методов, и, с другой — об обоснованных протестах, которые вызывали такие методы у весьма компетентных инстанций. Первый пример касается Нидерландов.

У голландских судей справедливо вызвала негодование немецкая практика по произволу заточать людей в концентрационные лагеря. Судьи нашли возможность заявить о своем неодобрении такой практики в ходе повседневного исполнения своих судейских функций. Так, в ходе рассмотрения конкретного дела апелляционный суд в Леувардене вынес решение, которое представляется трибуналу под номером RF-931.

> «С учётом того, что суд не может согласиться с назначением председательствующим судьей наказания обвиняемому, а также обоснованием его мотивов, по мнению суда наказание должно быть следующим.
>
> В отношении назначения наказания:
>
> Суд учитывает тот факт, что на протяжении определённого времени различные наказания, связанные с лишением свободы и назначенные голландским судом правонарушителям мужского пола, вопреки правовым принципам и смыслу законодательства и суда, исполнялись или исполняются в лагерях таким способом, который превосходит наказание в той степени, которую не мог предвидеть судья при назначении наказания.
>
> Судьи апелляционного суда, принимая во внимание возможность такого исполнения наказания в настоящее время, по соображениям совести, не считают возможным назначить подсудимому тот срок лишения свободы, который соответствовал бы тяжести содеянного им преступления, с учетом вышеуказанных условий отбывания наказания.
>
> Ввиду данного соображения, суд ограничивается осуждением подсудимого к наказанию сопряжённому с лишением свободы, которое должно быть определено в дальнейшем, с исключением времени проведённого в превентивном заключении, и длительность которого является такой, которая к моменту назначения наказания практически полностью истекла за период превентивного заключения.

Приведенный пример представляет особый интерес, так как теперь мне

предстоит сообщить вам о том, что в результате принятия апелляционным судом Леувардена указанного решения Зейсс-Инкварт 9 апреля 1943 вынес постановление о снятии с должности председательствующего этого апелляционного суда, которое я также приобщаю в качестве доказательства под тем же номером RF-931.

> «Руководствуясь параграфом 3 моего декрета» - и т.д. – «я освобождаю от должности советника апелляционного суда Левардена, доктора права Ф. Ф. Виехофа данная отставка вступает в силу немедленно».

Второй пример, который я хотел бы привести в заключение, касается Норвегии. Речь идет об официальном протесте со стороны норвежских священнослужителей. Протест был заявлен по следующему поводу: министр полиции издал указ, от 13 декабря 1940, согласно которому он присвоил себе право прекращать обязательства по сохранению профессиональной тайны священниками и предусматривал, что священники которые отказывались нарушить тайну исповеди должны были подвергаться тюремному заключению по его приказам.

15 января 1941 года норвежские епископы обратились к министру по делам общественного просвещения и религиозным вопросам и вручили ему меморандум. В этом меморандуме они заявили свой протест по поводу чрезвычайных требований, исходящих от полиции, и одновременно выразили свой протест по поводу другого рода злоупотреблений, в частности в сфере судопроизводства. Протест норвержских епископов был изложен в форме епископского послания, адресованного соответствующим епархиям, и направленного в феврале 1941 года. Представляю это послание как документ RF-932 и хочу зачитать выдержку из него:

> «Декретом министра полиции от 13 декабря 1940 года наносится тяжкий урон миссии священнослужителей. Как провозглашает этот декрет, министр полиции может отметить обязанность священнослужителей хранить тайну исповеди.
>
> Наше обязательство хранить профессиональную тайну устанавливается не только юридическим законом, оно всегда было основополагающим условием деятельности церкви и священнослужителей, когда они пекутся о душах людей и принимают исповедь от людей в несчастье. Неизменным условием деятельности церкви является то, что человек должен испытывать абсолютное и неограниченное доверие к священнику, который без всяких оговорок связан своим обязательством хранить профессиональную тайну. Такое обязательство сформулировано в норвежском законодательстве, а также записано в догматах церкви во все времена и во всех христианских странах.

Ликвидировать эту Magna Charta[455] совести — значит нанести удар в самое сердце церкви. Такой удар тем более чувствителен, что, как предусматривает параграф 5 декрета, министр может арестовать священника, чтобы вынудить его раскрыть тайну исповеди, но при этом не возникает речь о передаче дела в суд».

Все это происходило на протяжении первого года оккупации. Уже на этом этапе высшие представители духовной власти в Норвегии оказались в положении, когда они вынуждены были не только протестовать по поводу особенно нетерпимых проявлений, но и выносить свой обвинительный приговор всему комплексу методов оккупации. Такое обвинение содержится на странице 16 епископского послания:

«На этом основании епископы церкви обращают внимание министра на некоторые действия и официальные провозглашения, связанные с тем, как наше общество управляется в последнее время. Церковь считает, что указанные действия и провозглашения противоречат заповедям господним и создают впечатление того, что в стране действуют условия революции, а не состояние оккупации, при котором законы должны соблюдаться, если они не оказываются прямо несовместимы с данным состоянием оккупации».

Здесь дан очень правильный юридический анализ. С разрешения трибунала зачитаю последнюю фразу этого документа:

«Когда государственная власть в обществе допускает насилие и несправедливость и оказывает давление на души людей, тогда хранителем людской совести становится церковь. Человеческая душа более значима, чем весь мир».

Я прошу трибунал взять папку с названием «Бельгия». Я сразу же замечу трибуналу, что данная папка не включает какую-либо документальную книгу. В этой части своего выступления я буду говорить о фактах общего порядка, обоснованием их является доклад бельгийского правительства, который мои коллеги уже представили, RF-394. Раздел доклада, к которому я сейчас обращаюсь, касается военной администрации в двух странах, Бельгии и Франции. Начну с досье о Бельгии.

В Бельгии узурпация национального суверенитета оккупационной властью осуществлялась военным командованием, которое действовало либо путем вынесения прямых декретов, либо путем предписаний, адресованных бельгийским административным властям, в данном случае таковыми являлись генеральные секретари министерств.

По вопросу о создании аппарата узурпации зачитаю трибуналу выдержку из бельгийского доклада, из главы 4, посвященной германизации и нацификации страны:

[455] Великая хартия вольностей в переносном смысле основополагающий документ для чего-либо.

«Когда законное правительство Бельгии выехало сначала во Францию, а затем в Лондон, именно генеральные секретари министерств, то есть высшие чиновники в иерархическом порядке, в силу статьи 5 закона от 10 мая 1940 года, осуществляли, в рамках своей профессиональной деятельности и в чрезвычайных обстоятельствах, все полномочия высшей власти».

Иными словами, эти высшие чиновники, которыми, по крайней мере на протяжении первых месяцев оккупации, двигало желание максимально возможным образом держать оккупационные власти вдали от управления страной, приняли на себя правительственные и административные функции. По приказу немцев такая административная власть со временем стала реальной законодательной властью.

Такой режим, установленный генеральными секретарями, удовлетворял немцев и те его приняли. Назначая на эти посты бельгийцев, которым они платили, немцы получили возможность провести в Бельгии под видимостью законности абсолютно радикальные реформы, которые должны были превратить эту страну в национал-социалистическое вассальное государство.

Здесь интересно отметить, что с целью усилить свое влияние на жизнь страны, действуя через местные власти, немцы декретом от 14 мая 1942 года отменили надзор за законностью приказов генеральных секретарей, что является нарушением статьи 107 конституции Бельгии. В докладе бельгийского правительства в следующих параграфах сообщается об ответственности за нарушения общественного порядка, и я цитирую формулировки доклада со страницы 4, абзац 3:

«В заключение следует отметить, что не имеет значения, является ли трансформация юридических институтов в Бельгии следствием германских декретов или приказов, исходивших от генеральных секретарей. Именно немцы несут ответственность за такие изменения, генеральные же секретари выступали в качестве преданных немецких агентов, выполнявших инструкции немцев».

Далее в докладе идет речь о характерных для немцев методах захвата суверенитета:

«Если есть необходимость привести новые аргументы в поддержку этого тезиса, то достаточно вспомнить, что оккупационная власть прибегала к любым средствам, чтобы ввести в структуру, которая подлежала трансформации, во все эшелоны власти, сверху донизу, преданных агентов национал-социализма.

Декрет от 7 марта 1941 года, под предлогом того, что в администрацию должны придти более молодые люди, предусматривал смещение большого числа чиновников. Естественно, их сменяли германофилы.

И, наконец, немцы поставили во главе министерства внутренних дел одного из своих самых преданных агентов, который присвоил себе право, как мы увидим в последующем, назначать членов муниципалитета, постоянных депутатов, бургомистров и т. п. и использовал свои права для назначений определенных лиц в районные комиссариаты.

Доклад бельгийского правительства дает очень подробный анализ всех нарушений, которые были совершены немцами в отношении бельгийского общественного порядка, подразделяя их на две категории. Первая озаглавлена: «Изменения, которые были внесены в конституционную систему, существовавшую до сего времени».

Сюда относятся: декрет от 18 июля 1940 г., который запрещал всякую общественную деятельность, а также целая серия декретов, которыми немцы отменяли выборность должностных лиц муниципалитетов, в частности мэров городов, и устанавливали порядок назначения их центральной властью. Это явилось нарушением всей традиционной демократической системы местного самоуправления.

Аналогичным образом, в нарушение статьи 3 конституции Бельгии, немцы декретом от 26 января 1943 года отдали приказ о поглощении многочисленных общин крупными городскими районами.

Далее в докладе упоминается освобождение от налогов, что в нарушение конституции распространяется на лиц, находящихся на службе в германской армии или в войсках СС. В этом мы видим еще один пример того, как немцы, действуя как преступными, так и общими методами, осуществляли набор в армию в оккупированных странах.

Второй заголовок: «Внедрение в общественную жизнь Бельгии новых государственных и других учреждений в национал-социалистическом духе». Такие учреждения в действительности были созданы немецкими властями. Наиболее известными организациями являются Национальная корпорация сельского хозяйства и снабжения продуктами питания, а также Центральное товарное бюро. В докладе анализируется характер этих организаций и доказывается, что они посягали на традиционные свободы. Эти органы были созданы в тоталитарном духе, где принцип фюрерства находит свое яркое применение, как это мы видели при анализе аналогичных учреждений в Нидерландах.

Я хочу зачитать заключительную часть бельгийского доклада по вопросу о германизации. Мы полагаем, что теперь на основании вышеизложенного вполне установлено, что конституция и законы бельгийского народа сознательно нарушались оккупационными германскими властями и это делалось не с целью обеспечения собственной безопасности в стране, что было бы понятно, а с ловко задуманным, заранее предусмотренным намерением превратить Бельгию в

национал-социалистическое государство, которое может быть аннексировано, так как два соседствующих национал-социалистических государства обязательно объединятся, причем более сильное поглотит слабое.

Такая политика проводилась в нарушение международных законов и обычаев, Брюссельской декларации 1874, и Гаагских правил 1899.

Я не привожу подробных указаний на другие характеристики узурпации в связи с Бельгией, потому что трибуналу уже было представлено много указаний, в особенности в экономическом выступлении и также презентации господина Дюбоста. И более того, режим в Бельгии постоянно был связан с режимом во Франции, поэтому замечания, сделанные в отношении Бельгии, в одинаковой степени относятся и к Франции.

Однако я хотел бы сейчас отметить те злоупотребления, которые немцы совершали в отношении бельгийских университетов. Здесь мы сталкиваемся с тем же явлением — ярко выраженной враждебностью нацистов к культурным центрам. Эта враждебность особенно наглядно проявилась в отношении к четырем крупнейшим бельгийским университетам, хранящим столь прекрасные традиции духовной жизни. Следует отметить для трибунала, что наблюдения, которые я планирую представить об этом положении взяты из приложений к бельгийскому докладу из которого я прочёл некоторые фрагменты. Следует отметить, что эти приложения не представлены в качестве документов, при этом они прилагаются к одному из этих подлинников, что означает их подлинность. Я смогу перевести эти приложения и приобщу их позднее и поэтому прошу трибунал, рассмотреть указания которые я приведу в качестве утверждений, которые подтверждаются, с одной стороны, приобщёнными документами, с другой стороны устными показаниями, поскольку я вызвал свидетеля по предмету данных вопросов. Если такой метод удовлетворяет трибунал, я прошу извинить меня за тот факт, что приложения в действительности не представлены вместе с документом, я продолжу своё выступление об этом.

Председатель: Господин Фор, о каких приложениях вы говорите?

Фор: Это документы в приложении к бельгийскому докладу. Они следующие:

О предмете доклада говорится в самом бельгийском докладе, который уже приобщили. С другой стороны, ещё одна копия этого же раздела подготовлена как оригинал с серией приложений. По этой причине приложения не переведены и не представлены одновременно с основным докладом, частью которого она является. Это приложения которые отражают события происходившие в университетской жизни. Однако, как я отметил трибуналу, я предлагаю доказать эти положения заслушав свидетеля. Поэтому я думаю, что я могу сделать заявление которое образует утверждение обвинения и о котором я предоставлю устные доказательства. С другой стороны, я представлю приложения как только они будут переведены на немецкий язык, что пока не сделано.

Председатель: Да. Трибунал удовлетворён вашим предложением, господин Фор.
Фор: Сначала я должен отметить, что в университете Гента немцы проводили особую пропаганду среди студентов с целью германизировать молодое поколение. Они использовали для этой цели организацию, называемую «Genter Studenten Verband[456]», однако их усилия дать развитие этой организации не увенчались успехом. Нацисты установили подлинную систему шпионажа, используя для этого так называемых «приглашенных» германских профессоров, якобы приглашенных, которые выступали в роли нацистских агентов и шпионов.

В Бельгии обнаружен отчет одного из таких «приглашенных» профессоров. Из этого отчета видно, какие методы применялись, и насколько полным провалом завершились попытки немцев оказывать влияние на студентов.

Во всех университетах немцы арестовывали и угоняли профессоров и студентов, особенно часто в тех случаях, когда студенты совершенно справедливо отказывались выполнять незаконные приказы немцев, принуждавшие их нести трудовую повинность.

Что касается Брюссельского университета, то необходимо отметить, что с самого начала сюда был назначен германский уполномоченный. 14 профессоров были незаконно отстранены от преподавания. В последующем Брюссельский университет вынужден был прекратить занятия, этому предшествовал характерный инцидент:

В связи с вакансиями трех профессорских должностей на кафедрах университета немцы отказались утвердить назначение кандидатов, предложенных обычным путем, и решили, что они назначат тех профессоров, позиции которых им подходят. Это ясно указывает на широко применявшийся немцами метод во все вмешиваться и повсюду назначать на должности лиц, находящихся под их влиянием.

22 ноября 1941 года германская военная администрация уведомила об этом решении ректора университета. В результате университет решил объявить своего рода стачку, и, невзирая на все меры, принимавшиеся немцами, эта стачка в Брюссельском университете продолжалась вплоть до освобождения.

По данному вопросу бельгийских университетов, я хочу кое-что огласить трибуналу. Это касается университета Лувена. Перед тем как я зачитаю, я должен указать трибуналу на обстоятельства.

Немцы ввели в этом университете, как и в других, принудительные работы для студентов. Об этом нам уже известно. Однако, я хотел зачитать о дополнительном требовании, которое абсолютно шокирует.

От ректора университета, господина ван Вайенберга немцы потребовали списки студентов и профессоров, которые отказывались выполнять требуемую оккупантами работу. Таким образом, они хотели под угрозой тяжких наказаний,

---
[456] «Студенческий союз Гента» (нем.)

чтобы ректор стал информатором. Кардинал, архиепископ Малина вмешался в связи с этим и 4 июня 1943 обратился с письмом к генералу фон Фалькенхаузену, военному командующему в Бельгии. Я хочу зачитать это письмо трибуналу. Данное письмо находится в книге, которая имеется у меня и которая опубликована в Бельгии, под названием «Кардинал ван Рюй[457] и германская оккупация Бельгии». Я не представляю данное письмо в качестве документа. Я прошу трибунал рассматривать его как цитату из публикации. Вот о чём пишет кардинал, архиепископ Малине:

> «Устным сообщением, о котором я просил, в связи с невозможностью письменного подтверждения, начальник военной администрации Реедер, проинформировал меня о том, что в случае если господин, ректор Католического университета Лувена продолжит упорствовать в подготовке списка с адресами студентов пятого курса, оккупационные власти предпримут следующие меры:
>
> Закрытие университетов, запрет приёма студентов в другой университет, принудительный труд студентов в Германии и в случае уклонения от данной меры, принятие репрессалий против их семей.
>
> Данное сообщение ещё более удивительно, так как несколько дней назад, после ноты направленной вашему превосходительству господином ректором, последний получил от крейскоменданта Лувена уведомление о том, что академические полномочия не будут затрагиваться в связи с данным списком. Правдой является то, что начальник военной администрации Реедер проинформировал меня о том, что данный ответ был вызван недопониманием.
>
> Как председатель наблюдательного совета университета Лувена, я проинформировал бельгийских епископов, которые состоят в данном совете, о серьёзном характере полученного мною сообщения, и мой долг проинформировать вас, от имени всех епископов, что для нас невозможно рекомендовать господину ректору передать списки его студентов, и что мы одобрили пассивное отношение, которому он следовал до настоящего времени. В свою очередь, подготовка данных списков, затрагивает меры, которые бельгийские епископы осудили в пасторском письме от 15 марта 1943 как противоречащие международному праву, естественным правам, христианской морали.
>
> Если университет Лувена будет подвергнут санкциям ввиду того, что он отказался сотрудничать, мы считаем, это будет являться наказанием за исполнение долга, при том, что он временно подвергнется болезненным трудностям, его честь останется

457 Йозеф Эрнест ван Руй (1874 — 1961) — бельгийский кардинал. Архиепископ Мехелена и примас Бельгии с 12 марта 1926 по 6 августа 1961. Военный ординарий Бельгии с 1957 по 6 августа 1961.

непоколебимой. Нам вместе с известным епископом Миланским, святым Амвросием кажется, что честь превыше всего – «Nihil praeferandum honestati».

Более того, ваше превосходительство не может не знать о том факте, что Католический университет Лувена зависит от Святого Престола. Канонически созданный папством, он находится под контролем римской конгрегации семинарий и университетов и Святой Престол одобрил назначение господина ван Вайенберга великим ректором университета. Если меры о которых объявлено, будут предприняты, это будет являться жестокой нападкой на права Святого Престола. Соответственно Его святейшество папа будет проинформирован о крайней опасности которая угрожает нашему Католическому университету».

На этом я завершаю цитату из письма, но должен отметить трибуналу, что несмотря на данный протест и любые соображения простого практического интереса, которые могли иметь немцы для сохранения корректного отношения по данному вопросу, великий ректор был арестован 5 июня 1943 и осуждён германским военным судом к 18 месяцам лишения свободы.

Напомнив трибуналу болезненные факты, я хочу заметить, что они практически создают у нас впечатление о том, что такие события как арест и приговор прелату, ректору университета, по неправильной причине, не имели трагических последствий или же являются второстепенными. Однако, я думаю, мы не должны подчинять своё интеллектуальное суждение непосредственным ощущениям, которое сейчас настолько привыкло к ужасам, и если задуматься над этим, мы считаем, что такое нарушение очень характерное, и факт, что такое обращение рассматривалось немцами в качестве выражения справедливости, то это подлинно характеризует план германизации с его последствиями для мира.

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения суда, я хочу объявить, что подсудимый Кальтенбруннер отсутствует на вечернем заседании по болезни.

Фор: С разрешения трибунала я хотел бы вызвать для допроса свидетеля Ван-дер-Эссена.

Председатель: Пожалуйста.

[*Свидетель Ван-дер-Эссен занимает место свидетеля*]

Председатель: Как ваша фамилия?

Ван-дер-Эссен: Ван-дер-Эссен.

Председатель: Вы клянетесь говорить без ненависти и страха, говорить правду, всю правду и только правду?

Поднимите правую руку и скажите: «Клянусь».

Ван-дер-Эссен: Клянусь.

Председатель: Можете сесть, если хотите.

Фор: Господин Ван-дер-Эссен, Вы преподаете историю на литературном факультете университета Лувена?

Ван-дер-Эссен: Да.

Фор: Вы генеральный секретарь университета Лувена?

Ван-дер-Эссен: Да.

Фор: Вы находились в Бельгии в течение всего периода оккупации?

Ван-дер-Эссен: С конца июля 1940 года я не выезжал из Бельгии.

Фор: Можете ли вы сказать, как происходило уничтожение библиотеки в Лувене?

Ван-дер-Эссен: Как известно, уже в 1914 году эта библиотека, которая была, без сомнения, одной из самых богатых университетских библиотек по всей Европе и содержала многочисленные первопечатные книги, рукописи и книги XVI и XVII веков, подверглась систематическому разрушению зажигательными средствами немецких солдат 9-го резервного корпуса под командованием генерала фон Штона. На этот раз, в 1940 году повторилось то же самое: библиотека систематически разрушалась немецкой армией. Для того чтобы это стало понятным, я должен прежде всего сказать, что, согласно всем свидетельским показаниям, пожар начался в ночь с 16 на 17 мая 1940 г. в 1 ч. 30 м. утра. Как раз на заре 17-го числа английская армия производила необходимые маневры, покидая оборонительную линию «KW». С другой стороны, совершенно достоверно, что первые немецкие части вошли только 17 мая около 8 часов утра. Этот перерыв между моментом ухода последних английских войск и приходом немцев дал последним повод распространить версию о том, что английские войска систематически разрушали библиотеку. Я должен категорически опровергнуть здесь эту версию: библиотека Лувенского университета была разрушена в результате систематического обстрела ее немецкой артиллерией.

Две батареи, из которых одна была расположена в деревне Корбек, а другая — в деревне Лувенжуль, каждая со своей стороны, систематически обстреливала именно библиотеку. Лучшим доказательством этого служит то что все снаряды падали только на библиотеку. Случайно был поврежден лишь один дом, находившийся в том же квартале, а в башню библиотеки снаряды попали 11 раз — 4 раза со стороны батареи, стрелявшей из Лувенжуля, и 7 раз — со стороны батареи, стрелявшей из Корбека.

Перед тем, как батарея в Лувенжуле открыла огонь, офицер, который ею командовал, потребовал от жителя деревни, чтобы он сопровождал его в поле. Когда они пришли к такому месту, откуда была видна башня библиотеки, офицер спросил: «Это точно башня университетской библиотеки?» Ответ был утвердительный. Офицер еще раз настойчиво спросил крестьянина, уверен ли он. «Ну, конечно, — ответил крестьянин, — раз я ее вижу каждый день так, как вы ее видите сейчас».

Через пять минут после этого начался артиллерийский обстрел, и сейчас же столб дыма поднялся совсем рядом с башней. Таким образом, не может быть никакого сомнения, что этот обстрел был систематическим и в качестве мишени была избрана именно библиотека. В то же время совершенно определенно известно, что эскадрилья из 43 самолетов летала над библиотекой и сбрасывала бомбы на здание.

Фор: Господин Ван-дер-Эссен, Вы являетесь членом официальной бельгийской Комиссии по расследованию военных преступлений?

Ван-дер-Эссен: Да, господин Фор.

Фор: В качестве такового вы проводили следствие о событиях, о которых вы нам только что поведали?

Ван-дер-Эссен: Совершенно правильно.

Фор: Те показания, которые вы сейчас дали трибуналу, являются результатом расследования, которое вы провели, и допроса свидетелей, которых вы лично опрашивали?

Ван-дер-Эссен: То, что я заявил здесь, действительно является результатом официального следствия, проведенного бельгийской Комиссией по расследованию военных преступлений, которая допрашивала свидетелей под присягой.

Фор: Можете ли вы рассказать о тех мероприятиях по нацификации Бельгии, которые проводились немцами, в частности, о посягательстве на обычные конституционные права национальных властей?

Ван-дер-Эссен: Да, конечно. Прежде всего, интересно будет отметить, что немцы нарушили один из основных принципов бельгийской конституции и законов, который состоял в разделении властей, то есть в разделении властей исполнительной и законодательной, потому что в многочисленных организациях нового порядка, которые они сами создавали как указами, так и путем предложения коллаборационистам об их создании, они всегда соединяли воедино исполнительную и законодательную власть, и, кроме того, у них никогда не существовала или, во всяком случае, была сильно ограничена свобода слова, защиты. Но еще более важен тот факт, что они предприняли уничтожение того, что в истории нашей страны восходит еще к очень раннему периоду, к периоду средних веков. Я говорю об автономности общин, которая гарантировала нас и народ от слишком опасного вмешательства центральной власти. В этой области произошло следующее: достаточно прочитать за определенный период бельгийские газеты,

которые сейчас выходят, чтобы установить, что бургомистры, старейшины, возглавляющие общины в таких главнейших городах, как Брюссель, Гент, Льеж, Шарлеруа, и многих второстепенных городах, все сейчас либо находятся в тюрьме, либо уже предстали перед военным судом.

Это достаточно ясно показывает, что эти бургомистры и старейшины являются не теми лицами, которых назначили король и бельгийское правительство до 1940 года, а людьми, которых назначал враг при посредстве коллаборационистских групп VNV или «рексистов».

Очень важно констатировать этот факт потому, что с тех пор, как бургомистры стали зависеть непосредственно от центральной власти, то есть с момента, когда был введен принцип фюрерства, они получили возможность вмешиваться различными способами в административную, политическую и общественную жизнь. Бургомистр назначает старейшин, старейшины назначают служащих и чиновников общины, и поскольку бургомистры состояли в нацистской партии и ею назначались, они назначали в качестве чиновников также членов этой партии, которые получали возможность, например, отказать в выдаче продовольственных карточек людям, уклоняющимся от подчинения введенным немцами порядкам, поручать полиции составлять списки коммунистов или тех, кто подозревался в принадлежности к коммунистам. Короче говоря, всеми средствами вмешиваться в общественную жизнь Бельгии.

В больших и малых городах — повсюду существовала настоящая сеть шпионажа, как следствие тех событий и фактов, о которых я говорил.

Фор: Таким образом, будет совершенно правильно утверждать, что вмешательство немцев в управление общинами означало отмену национального суверенитета Бельгии?

Ван-дер-Эссен: Да, конечно, это совершенно правильно, потому что они упразднили основной конституционный принцип Бельгии, то есть суверенитет, принадлежащий нации, а именно общинным советам, которые сами назначали раньше бургомистров и старшин. При немцах общинные советы не могли нормально осуществлять свою деятельность, и поэтому суверенитет бельгийского народа был непосредственно нарушен.

Фор: Поскольку вы являетесь преподавателем высшего учебного заведения, можете ли вы рассказать нам о вмешательстве немцев в область преподавания?

Ван-дер-Эссен: Да, конечно.

Прежде всего, осуществлялось вмешательство в области начального и среднего образования. Для этого немцы оказывали давление на генерального секретаря, ведавшего народным образованием. Была создана комиссия по проверке учебных пособий. Было запрещено пользоваться учебниками, в которых говорилось о том, что немцы делали в Бельгии во время войны 1914 — 1918 гг. Эта тема была строжайше запрещена, и такие книги могли продаваться только при том условии,

если продавцы или владельцы магазинов вырывали всю эту главу целиком. При переиздании и издании новых книг эта комиссия точно указывала, что именно должно быть изъято и зачеркнуто. Вот то, что касается опасного и очень значительного вмешательства немцев в начальное и среднее образование.

Что касается высшего образования, то здесь вмешательство немцев происходило с самого начала оккупации и было направлено, прежде всего, по причинам, которых я здесь касаться не буду, но которые хорошо известны, против свободного Брюссельского университета.

Прежде всего, немцы назначили в Брюссельский университет немецкого уполномоченного, который контролировал его деятельность во всех отношениях, вплоть, мне кажется, до бухгалтерии. Кроме того, они потребовали смены преподавателей. Но самые большие затруднения начались с того момента, когда в Брюсселе, как и повсюду, они потребовали, чтобы им сообщались заранее все кандидатуры тех профессоров, которые должны назначаться, а также все дисциплины в университетах. В результате этого присвоенного ими права они хотели навязать Брюссельскому университету трех преподавателей, из которых два были совершенно неприемлемы для каждого бельгийца, достойного носить это имя. Один из них был членом фландрского совета во время оккупации 1914—1918 годов и потом был приговорен к смертной казни судом этой страны. Теперь же, в 1940 году, немцы предлагали назначить его преподавателем Брюссельского университета. При этих условиях университет отказался принять этого преподавателя, что было расценено оккупационными властями как акт саботажа.

В качестве санкции председатель административного совета университета, основные члены административного совета, деканы основных факультетов университета и некоторые преподаватели, особенно известные как антифашисты, были арестованы и заключены в тюрьму Витте. При этом они рассматривались как заложники и в случае какого-либо акта саботажа или сопротивления могли быть расстреляны.

Что касается других университетов, я уже сказал вам, что и там немцы также настаивали на замене некоторых преподавателей назначаемыми ими преподавателями. Но мы в Лувене категорически отказались их принять, тем более, что оказалось, что выдвигаемые немцами преподаватели, прежде всего, не являются настоящими учеными и исследователями, а являются в большинстве своем агентами-осведомителями оккупационных властей.

Фор: Кстати, правильно ли, что бельгийские власти обнаружили отчет одного из этих так называемых «приглашенных» профессоров?

Ван-дер-Эссен: Да, совершенно правильно. Бельгийским властям удалось захватить отчет профессора Макензена, присланного в университет в Гент взамен снятого немцами преподавателя. Этот отчет составлен необычайно тщательно и очень интересен по наблюдениям личного и психологического порядка в отношении

различных членов факультета университета Гента. Из этого отчета видно, что за всеми наблюдали и следили изо дня в день, склонности каждого регистрировались, сообщалось, кто является сторонником или противником оккупационного режима или имеет связи со студентами, которые были N.P. или рексистами. Короче говоря, малейшие действия или жесты всех преподавателей отмечались тщательно и очень точно. Это была почти «научная» работа, однако работа доносчиков.

Фор: Господин Ван-дер-Эссен, я сообщил сегодня трибуналу о различных случаях, которые произошли в университете в Лувене, генеральным секретарем которого вы являетесь. Я хотел бы, чтобы вы указали трибуналу очень кратко, каковы были эти события, особенно касающиеся заключения в тюрьму ректора этого университета господина ван Вайенберга?

Ван-дер-Эссен: Пожалуйста. Большие трудности начались в университете в Лувене после издания указа о принудительной трудовой повинности от 6 марта 1943 г., согласно которому все студенты университета обязаны были принимать направления на обязательную работу. Я добавляю: не на территории Германии, а в Бельгии. Однако это мнимое преимущество для студентов университетов было совершенно неприемлемо для бельгийских патриотов по одной очень простой причине: если студенты соглашались работать на бельгийских заводах, они, этим самым, занимали место бельгийских рабочих, которых тогда посылали в Германию.

Прежде всего, студенты не хотели работать на врага, и, кроме того, с точки зрения социальной, в них говорило чувство солидарности с рабочим классом, переносившим больше страдания. Вот почему студенты отказывались от этой «льготы». В Лувене из общего количества студентов, наверняка, две трети уклонились от трудовой повинности. Факультеты опустели, студенты скрывались как могли, и многие из них ушли к макам.

Тогда немецкие власти, видя, какой характер принимали события, потребовали передать им списки студентов с указанием адресов для того, чтобы производить аресты на дому, а если их дома не обнаружат, то арестовывать вместо них брата, сестру, отца, мать — все равно кого-нибудь из членов семьи на основе принципа коллективной ответственности, который применялся ими повсюду.

После того как были применены сначала методы задабривания, потом шантажа, немцы перешли к неприкрытым насильственным действиям. Они возобновили обыски и, кажется, уволили доктора Тшаке, доктора Калиша, а также других, они производили обыски в канцелярии университета, чтобы захватить список, но так как он был тщательно спрятан, они, оставшись ни с чем, приняли решение арестовать ректора Лувенского университета господина ван Вайенберга, который спрятал все списки в такое место, которое было известно только ему, и заявил, что он один его знает, чтобы не подвергать опасности своих коллег и преподавательский состав.

Однажды в июне утром к нему явились два сотрудника брюссельской

тайной полиции в сопровождении жандармов. Они арестовали ректора в его кабинете и отвезли его в Сен-Жиль в Брюсселе, где он был заключен в тюрьму. Вскоре он предстал перед немецким военным трибуналом и был осужден за саботаж к 18 месяцам тюрьмы. Я должен прибавить, что в действительности он отбыл только шесть месяцев, потому что врач этой тюрьмы Сен-Жиль убедился, что состояние его здоровья настолько плохо, что дальнейшее заключение будет грозить серьезными последствиями, а также ввиду того, что происходили многочисленные вмешательства различных авторитетных лиц. Ректора освободили, но ему запретили появляться на территории Лувена, а университету предложили немедленно назначить другого ректора, на что последовал отказ.

Фор: Хорошо. Будет ли правильно сказать, что немецкие власти особенно упорно преследовали наиболее выдающихся лиц умственного труда?

Ван-дер-Эссен: Да, в этом нет сомнения. Я могу привести в качестве примера следующие факты:

При захвате заложников в качестве таковых арестовывались всегда профессора университетов, врачи, адвокаты, писатели. Их брали в качестве заложников для сопровождения поездов. В период, когда движение Сопротивления проводило диверсионные акты на железной дороге и взрывало поезда, профессоров университетов Гента, Льежа и Брюсселя, с которыми я был знаком, помещали в первом вагоне за паровозом, таким образом, чтобы в случае диверсии они неизбежно погибли. Я знаю один очень характерный случай, который покажет вам, что это не были увеселительные поездки. Два профессора из Льежа, находясь в таком поезде, увидели следующую сцену: паровоз вместе с первым вагоном совершенно случайно проскочили через заложенное взрывчатое вещество, а взорвался второй вагон, в котором находилась немецкая охрана, которая вся целиком была убита.

С другой стороны, некоторое число профессоров и лиц умственного труда были вывезены в пользовавшийся зловещей известностью лагерь Бриндонк, о котором вы знаете. Одни были вывезены за участие в деятельности Сопротивления, а другие по совершенно неизвестным причинам. Иные вывозились в Германию. Профессора из Лувена были вывезены в Бухенвальд, Дору, Нойенгамме, Гросс-Розен, а возможно, также в другие места. Я должен добавить, что вывозились не только профессора из Лувена, но также и другие многочисленные лица умственного труда, игравшие выдающуюся роль в культурной жизни страны. В подтверждение этого я приведу доказательство: в Лувене во время торжественного открытия университета в этом году я сам в качестве генерального секретаря оглашал список умерших во время войны, если я не ошибаюсь, в нем было 348 имен. Может быть, только 30 человек из этого списка были на войне и погибли в сражениях у Шельды и Лиса в 1940 году, а все остальные являлись жертвами Гестапо или погибли в различных лагерях в Германии, в частности в лагерях Гросс-Розен и

Ноейенгамме.

Кроме того, совершенно определенно известно, что немцы вообще преследовали лиц умственного труда. В связи с этим они проводили время от времени в прессе организованную кампанию, выставляя напоказ тот факт, что подавляющее большинство интеллигенции категорически отказывается подчиниться новому порядку и что оно, в частности, отказывается даже понять необходимость борьбы против большевизма. В заключение таких статей указывалось на необходимость принять меры против этих лиц. И я хорошо помню, как некоторые газетные статьи предлагали просто посылать этих лиц в концентрационные лагеря. Поэтому нет ни малейшего сомнения в том, что интеллигенцию преследовали умышленно.

Фор: Я не буду задавать вам вопросы обо всем, что касается вывоза или же заключения в лагеря, потому что все это уже хорошо известно трибуналу, и, задавая следующий вопрос, прошу вас не говорить о ссылках.

Мой настоящий вопрос относится в целом к тем зверствам, которые совершались немцами в Бельгии, и в особенности к тем, которые совершали войска в момент наступления в декабре 1944 года. Можете ли вы по этому поводу сообщить какие-либо сведения?

Ван-дер-Эссен: Совершенно верно. Я тем более могу сообщить точные и подробные сведения, если это потребуется, относительно зверств, совершавшихся во время наступления фон Рундштедта в Арденнах, что, будучи членом правительственной Комиссии по расследованию военных преступлений, я был на месте при расследовании, сам допрашивал свидетелей и лиц, уцелевших после этих зверств, так что я достоверно знаю о том, что произошло.

Во время наступлений фон Рундштедта в Арденнах в 1944 году в тридцати одном населенном пункте были совершены следующие действительно отвратительные преступления в отношении мужчин, женщин и детей. Эти преступления совершались, с одной стороны, как это всегда происходит на войне, отдельными солдатами, и я не буду на этом останавливаться. Но то, что я особенно хочу отметить, это — преступления, совершенные целыми войсковыми соединениями, которым были даны официальные инструкции, а также преступления, которые были совершены органами, которые, насколько я помню, были известны как «Kommandos zur besonderen Verwendung[458]», действовавшие не только в бельгийских Арденнах, но и совершавшие такие же преступления, теми же методами и в Великом Герцогстве Люксембург.

Что касается первого факта, то есть преступлений, совершенных целыми войсковыми соединениями, то я, чтобы не злоупотреблять вниманием трибунала, приведу просто очень характерный пример. Это событие, происшедшее в Ставело, где, приблизительно, 140 человек, из которых было 36 женщин и 22 ребенка,

[458] «Команды специального использования» (нем.)

старшему из которых 14 лет, а младшему — 4 года, были зверским образом убиты германскими частями, принадлежащими к танковым дивизиям СС. Это были дивизия «Hohenstaufen[459]» и лейбштандарт СС «Адольф Гитлер». Вот каким образом действовали эти части. Мы хорошо осведомлены по этому вопросу благодаря свидетельским показаниям одного человека, служившего в одной из трех
частей. Он дезертировал во время кампании фон Рундштедта, переоделся в штатское и впоследствии поступил работать на ферму в Арденнах. Однажды, работая на поле без рубашки, он был опознан бельгийским жандармом по татуировке, которая указывала на его принадлежность к СС. Он был немедленно арестован и допрошен.

Вот как поступали солдаты дивизии «Hohenstaufen»: двигалась колонна танков, состоявшая из «Konigstiger[460]», впереди и позади которых шли Schutzenpanzer[461]. Наступил момент, когда оберштурмфюрер этого соединения останавливал ненадолго своих людей и разъяснил им, что все встречающееся гражданское население должно быть уничтожено. Затем все снова садились в танки, по мере продвижения колонны вдоль дороги оберштурмфюрер указывал пальцем на тот или иной дом. Тогда солдаты входили в него с пулёметами в руках. Если кто-нибудь находился на кухне, то его убивали на кухне. Если жители прятались в погребе, то в погреб выпускали пулеметную очередь. Если же людей встречали на дороге, то их убивали на дороге. Так действовали не только в дивизии «Hohenstaufen». Точно так же поступали и солдаты из лейбштандарта «Адольф Гитлер» и другие. Они действовали на основании официальных приказов, которыми предписывалось убивать все гражданское население. Почему же принимались эти меры? Именно потому, что во время сентябрьского наступления в этой части Арденн движение Сопротивления перешло к активным действиям и было убито много немецких военных. Поэтому для того, чтобы отомстить участникам движения Сопротивления, было дано приказание беспощадно убивать все гражданское население, которое попадалось немцам на дороге во время их наступления в этом
районе.

Другая система, может быть, еще более значительная с точки зрения привлечения к ответственности за совершенное, — это действия командных частей полиции безопасности, которые после занятия какого-либо пункта прежде всего производили допрос населения относительно того, кто участвовал в движении Сопротивления, о частях тайной армии, о том, где живут участники движения Сопротивления, бежали ли они или все еще живут здесь. Они раздавали населению специальные, напечатанные на машинке опросные листки, содержавшие 27

---

[459] 9-я танковая дивизия СС «Хоэнштауфен» (нем. 9. SS-Panzer-Division „Hohenstaufen") была сформирована 31 декабря 1942 года во Франции как танковая дивизия из резерва СС. Дивизия получила имя «Хоэнштауфен» в честь императоров Первого рейха Хоэнштауфенов

[460] «Королевский тигр» (традиционный перевод с нем. «Königstiger», на самом деле это немецкое слово для бенгальского тигра) — немецкий тяжёлый танк заключительного периода Второй мировой войны.

[461] «Броневики» (нем.)

вопросов по этим пунктам. Эти вопросы были всегда одни и те же. Они задавались всем в деревнях, через которые немцы проходили.

Я, как и в первом случае, не буду долго задерживаться на подробностях и приведу в качестве примера местечко Банд в округе Марш. В этом местечке действовал отряд СД, офицеры которого сами говорили, что они специально назначены Гиммлером для того, чтобы осуществлять казни всех участвовавших в движении Сопротивления. Этот отряд захватил всех лиц в возрасте от 17 до 32 лет, и после допроса из их числа был сделан совершенно произвольный отбор, поскольку они не задержали лиц, участвовавших в движении Сопротивления. Большинство из них никогда не участвбвало в движении Сопротивления. В движении Сопротивления участвовали только четыре человека. Затем их погнали с поднятыми вверх руками по большой дороге, ведущей из Марша в Бастюль. Поровнявшись с разрушенным домом, который был сожжен в сентябре, офицер, командовавший этим отрядом, встал вместе с фельдфебелем у входа в дом, затем фельдфебель положил руку на плечо последнего человека, стоявшего в третьем ряду, и заставил их войти в дом, где тот же офицер, вооруженный автоматом, убивал каждого из 34 молодых людей выстрелом в затылок.

Не довольствуясь этим, он ногой сталкивал трупы в погреб, выпустив туда очередь из автомата для того, чтобы быть уверенным, что все убиты.

Фор: Господин Ван-дер-Эссен, вы историк, у вас есть ученики, таким образом, вы знакомы с критическим исследованием исторических источников. Вы можете сказать, что ваше расследование не оставляет никакого сомнения, в том, что эти жестокости раскрывают, что существовал всеобъемлющий план и о том, что инструкции поступали от вышестоящих офицеров?

Ван-дер-Эссен: Я думаю, что могу это утверждать, и я полностью убеждён в том, что это было всеобъемлющий план.

Фор: Я желал бы задать вам последний вопрос. Если я понял вас правильно, вы сами никогда не были арестованы и не подвергались лично особым преследованиям со стороны немцев. Я хотел бы знать, как вы считаете, мог бы свободный человек, который лично не подвергался преследованиям со стороны немецкой администрации или полиции, вести при немецкой нацистской оккупации жизнь, соответствующую понятию свободного человека о том, что такое человеческое достоинство?

Ван-дер-Эссен; Вы видите меня перед собой. Я вешу ровно 67 килограммов. Мой рост равен 1 м 67 см. Такое соотношение, следовательно, вполне нормально, если верить моим коллегам с медицинского факультета. До 10 мая 1940 г., до того, как внезапно, без объявления войны, налетели немецкие самолеты и принесли смерть и отчаяние бельгийскому населению, я весил 82 килограмма. Так вот, эта разница между моим тогдашним и теперешним весом, несомненно, является следствием оккупации. Но я не могу останавливаться на этих личных соображениях, а также

соображениях общих философских или теоретических, я хочу просто рассказать, и это займет не более двух минут, как средний бельгиец во время оккупации проводил самый обычный день.

Я возьму в виде примера один день зимы 1943 года. В 6 часов утра раздается звонок. Первая мысль, которая, очевидно, каждому из нас приходит в голову, что это Гестапо. Но это было не Гестапо, это был просто жандарм, который заметил мне, что в моем кабинете горит свет и что, принимая во внимание требования оккупационного режима, следует в будущем быть внимательнее. Но нервное потрясение уже произошло.

В 7 ч. 30 м. утра приходит почтальон, который приносит мне письма. Он заявляет служанке, что хочет меня видеть лично. Я спускаюсь, и этот человек говорит мне: «Господин профессор, вы знаете, что я являюсь членом тайной армии и что я в курсе происходящих событий. Сегодня немцы в 10 часов собираются произвести арест всех бывших военных бельгийской армии, живущих в этом округе. Ваш сын должен немедленно скрыться». Я быстро поднимаюсь наверх, бужу сына, заставляю его наскоро собраться и отправляю в безопасное место, куда он должен был явиться. В 10 часов я сажусь на трамвай и еду в Брюссель. Не дойдя до Лувена несколько километров, трамвай останавливается — жандармский патруль. Нас высаживают и всех без различия чинов и званий ставят лицом к стене с поднятыми вверх руками. Нас обыскивают с головы до ног и, не найдя у нас ни оружия, ни каких-либо компрометирующих бумаг, разрешают сесть в трамвай. Через несколько километров трамвай снова останавливается, так как на пути собралась толпа, мешающая движению трамвая. Я вижу плачущих женщин, слышу крики и жалобы. Я спрашиваю, в чем дело; оказывается, что этой ночью полицией безопасности были арестованы лица, уклоняющиеся от трудовой повинности, живущие в этом местечке. В том числе арестовали старика 82 лет и его 16-летнюю дочь, которые должны нести ответственность за то, что один молодой человек скрылся.

Приезжаю в Брюссель, чтобы присутствовать на заседании академии. Вот первые слова, с которыми ко мне обращается председатель:

> «Ты знаешь, что произошло? Вчера на улице были арестованы двое наших коллег. Их семьи страшно обеспокоены. Никто не знает, где они находятся».

Вечером я возвращаюсь, и нас снова трижды останавливают по дороге. Один раз потому, что разыскивают скрывшихся террористов, и еще два раза — для того, чтобы проверить бумаги. Наконец, я добираюсь домой без серьезных происшествий.

Я могу сказать, что только в 9 часов вечера мы могли вздохнуть с облегчением, когда можно было включить наше радио и слышать приятный голос, который раздавался каждый вечер — голос Сражающейся Франции: «Сегодня 189-й день борьбы французского народа за освобождение», или голос Виктора Делаблей,

этого благородного человека, работавшего на бельгийском радио в Лондоне, который в заключение говорил: «Мужайтесь, мы победим бошей[462]!» Это и только это позволяло спокойно вздохнуть и спать ночью.

Таков был средний нормальный день среднего бельгийца во время немецкой оккупации. Вы понимаете сами, что такой период нельзя считать эрой счастья и благоденствия, которую обещали нам немцы, когда 10 мая 1940 г. они вторглись в Бельгию.

Фор: Простите меня господин Ван-дер-Эссен. Единственным удовлетворением было прослушивание лондонского радио, это жестоко наказывалось, если об этом узнавали?

Ван-дер-Эссен: Да, я имел в виду тюремное заключение.

Фор: Благодарю.

Председатель: Господин Фор, вы закончили?

Фор: Больше нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Генерал Руденко? Американский и британский обвинители?

[*Каждый показал, что не имеет вопросов*]

Председатель: Кто-либо из защитников желает задать какие-либо вопросы?

Экснер: Вы говорили об университетской библиотеке в Лувене. Я хочу кое-что спросить: вы лично находились в Лувене, когда две батареи обстреливали библиотеку, и только библиотеку в 1940?

Ван-дер-Эссен: Меня не было в Лувене, но я должен сказать, что Лувен находился на линии К.О., то есть непосредственно на линии фронта, и британские военные власти обязали население Лувена покинуть город к 14-му, таким образом, почти все жители Лувена покинули город, к моменту, когда произошли эти события и только парализованные и больные, которых не смогли вывезти, остались спрятанными в своих подвалах, но то, что я сказал по поводу двух батарей, я знаю из допроса двух свидетелей, которые находились на месте за пределами Лувена. Библиотека не была подожжена изнутри, а обстреляна снаружи. И эти свидетели о которых я говорю, жили в двух деревнях за городом где расположились эти батареи.

Экснер: Бельгийские или британские войска всё ещё оставались в городе?

Ван-дер-Эссен: Бельгийских войск там уже не было. Их заменили британские войска, когда британцы приняли сектор, и когда было видно, что библиотека горит. Первое пламя увидели в ночь с 16-го на 17 в 1 час 30 минут утра. Британские войска ушли. Осталось несколько танков, которые руководили отходом. Их случайные выстрелы создавали впечатление о том, что сектор ещё занят британской армией.

Экснер: Значит, британские войска всё ещё находились в городе, когда начался

---

[462] Бош (боша; фр. boche) — презрительное прозвище немцев во Франции. Из французского языка проникло в другие — русский, английский, португальский и т. д.

обстрел?

Ван-дер-Эссен: Британских войск уже не было, было несколько танков на холмах за Лувеном в направлении Брюсселя, несколько танков, которые, как я сказал, осуществляли необходимые манёвры по отступлению.

Я бы хотел добавить несколько слов и сказать очень уважаемому защитнику о том, что согласно показаниям лиц находившихся в библиотеке – уборщиц и преподавателей – ни один британский солдат не ступал в здание библиотеки.

Экснер: Это неудивительно. В то время, когда германские батареи вели огонь, британские батареи и бельгийские батареи стреляли?

Ван-дер-Эссен: Нет.

Экснер: Значит, в городе Лувен всё было тихо, войска ушли, противника не было и батареи не стреляли?

Ван-дер-Эссен: Это была довольно парадоксальная ситуация в Лувене, был момент, когда британцы ушли, а немцы пока не пришли, и осталось мало больных людей, немного парализованных которые не могли передвигаться и которые остались в подвалах. Осталось немного других, начальник пожарной службы и господин ван Вайенберг, ректор университета, который возил убитых и умирающих из Брюсселя в Лувен в пожарной машине и совершил несколько поездок. Также там был мой коллега, профессор Кеннож, сотрудник медицинского факультета, который принял руководство городом.

Экснер: Вам известно, где находились эти германские батареи?

Ван-дер-Эссен: Да, конечно. Одна находилась в Корбеке, а другая в Лувенжюле, одна с запада, и одна с севера. Единственные снаряды попавшие в библиотеку были четырьмя попаданиями с восточной стороны и семью с северной стороны. Если бы это были британские или бельгийские батареи, снаряды летели бы с противоположной стороны.

Экснер: Вы можете, что-нибудь сказать о калибре этих батарей?

Ван-дер-Эссен: Да, мы сохранили снаряды и сейчас они находятся в библиотеке Лувена или даже в том, что служит в качестве библиотеки университета. Там четыре снаряда и два или три фрагмента снаряда.

Экснер: И вам известно имя крестьянина, которого предположительно спрашивал немецкий офицер о том, действительно ли это университет Лувена? Вам лично известен крестьянин?

Ван-дер-Эссен: Да, конечно, его имя господин Виньерон.

Экснер: Вам лично известен крестьянин? Вы его знаете?

Ван-дер-Эссен: Лично я его не знаю. С ним беседовал библиотекарь университета который навёл комиссию по военным преступлениям на допрос этого крестьянина.

Экснер: Вы сами являетесь членом этой комиссии?

Ван-дер-Эссен: Да, я готов заявить, что я не принимал непосредственного участия в

расследовании о библиотеке Лувена, также как господин ректор и библиотекарь не принимали активного участия в расследовании о библиотеке Лувена. Его проводил офицер из судебной делегации, который работал в одиночку и полностью независимо по приказу прокурора Лувена, и нас не посвящали в этот вопрос.

Экснер: Вы видели официальные материалы комиссии?

Ван-дер-Эссен: Да, разумеется.

Экснер: Я удивлён, что их сюда не доставили. Скажите мне, почему директор библиотеки или заинтересованное лицо, после занятия города не пошли к бургомистру или коменданту города?

Ван-дер-Эссен: Я не думаю, что правильно понял вопрос.

Экснер: Когда пришла германская армия, был назначен комендант города. Почему бургомистр города или директор университетской библиотеки не пошли к коменданту города и не сказали ему об этих вещах?

Ван-дер-Эссен: Почему он не рассказал ему об этих вещах – по той простой причине, что тогда был полный беспорядок и в городе вряд ли кто-то остался, а с другой стороны как только прибыла германская армия, она закрыла ворота библиотеки для того, чтобы бельгийцы не смогли провести расследование. Затем на место прибыли две германские следственные комиссии. Первая работала с 26 мая 1940 с экспертом, профессором Келлерманом из технологической школы Аахена, в сопровождении партийца в коричневой рубашке. Они изучали то, что осталось и вызывали к себе в качестве свидетелей ректора университета и библиотекаря. С самого начала расследования они хотели принудить ректора и библиотекаря заявить и признать, что британцы подожгли библиотеку. И в качестве доказательства, этот эксперт показывал гильзы от снарядов и говорил: «Вот, понюхайте, пахнет бензином и видно, что химикаты использовались для поджога библиотеки». Соответственно ректор и библиотекарь университета говорили ему: «Где вы нашли эту гильзу, господин эксперт?». «Там-то и там-то»; «Когда мы туда ходили» - говорил ректор – «её там не было». Её туда положил германский эксперт. И я добавлю, если позволите, потому что это весьма важно, что вторая следственная комиссия прибыла в августе 1940, под председательством весьма достойного человека из окружного апелляционного суда, судьи фон Нойса. На этот раз его сопровождал эксперт, который руководил расследованием поджога Рейхстага. Эта комиссия снова всё изучала и перед ректором и ещё одним свидетелем, Кребсом из Бенедиктинского аббатства Мон-Сезар, они просто посмеялись над выводами первой комиссии и сказали, что они смехотворны.

Экснер: Вы сказали о том, что здание библиотеки имело башни. Вам известно, были ли в этих башнях артиллерийские наводчики?

Ван-дер-Эссен: Вы спросили, были ли там артиллерийские наводчики? Всё, что я могу сказать это то, что ректор всегда возражал этому с самого начала, и, разумеется, он возражал любой попытки такого рода, зная о том, что такое

присутствие артиллерийских наводчиков в башне даст противнику повод стрелять по библиотеке. Ректор знал это и всегда говорил мне: «Нам нужно быть очень осторожными, и следить, чтобы британские солдаты или те, кто может занять сектор не поднимались на башню». Я знаю из заявлений уборщика о том, что ни один англичанин, ни один британский солдат не приходили на башню. Это совершенно точно. Что касается бельгийцев, должен признаться, не могу ответить на ваш вопрос, так как не знаю.

Экснер: Это бы не было настолько удивительно, не так ли, если бы в университетскую библиотеку попала германская артиллерия. В конце концов, это случилось с библиотеками университетов Берлина, Лейпцига, Мюнхена, Бреслау, Кёльна и т.д., в которые попадали. Единственный вопрос делалось ли это умышленно, и получается, что этот крестьянин…

Ван-дер-Эссен: Крестьянин…

Экснер: Я хочу вас спросить: упоминался ли в этих расследованиях мотив, который мог заставить германскую армию выбрать эту цель?

Ван-дер-Эссен: Кажется, все доказательства указывали, и к этому выводу пришла комиссия, что мотив – я не скажу основной мотив – потому что не было уверенности в этом – что мотивом который весьма вероятен, почти точен, для уничтожения библиотеки было то, что германская армия хотела избавиться от памятника который увековечивал Версальский договор. На здании библиотеки была дева в шлеме сокрушающая пятой дракона, который символизировал врага. Некоторые разговоры германских офицеров давали очень ясное впечатление о том, что причиной того, что они систематически хотели сжечь это здание, было их желание избавиться от свидетельства поражения в той войне, и прежде всего, от напоминания Версальского договора. Я могу добавить, что это не первый раз, когда немцы уничтожали университет Лувена.

Экснер: Вы верите в то, что командир батареи знал об этом?

Ван-дер-Эссен: Имеются очень интересные показания, которые я хочу представить уважаемому защитнику. В тот день, когда разместили батареи, две батареи о которых я говорил, я говорил с налоговым инспектором, гражданским служащим, который жил на вилле по дороге в Розвек, в нескольких километрах от Лувена. В тот вечер высокопоставленные немецкие офицеры пришли в его дом, попросив принять их. Эти офицеры имели с собой грузовик с необходимой радиоаппаратурой для отправки радио приказов германской артиллерии. Эти офицеры разместились в его доме, и им естественно приготовили ужин, и они пригласили его посидеть с ними. После замешательства, он принял предложение и во время еды была жесткая дискуссия. Офицеры говорили: «Эти бельгийские свиньи» - простите за использование этого выражения, но они так говорили – «всё равно они написали это на библиотеке». Они говорили об известной надписи «Furore Teutonica», которой никогда не было на библиотеке, но все германские офицеры были абсолютно

убеждены в том, что эта надпись «Furore Teutonica diruta, dono americano restituta» (разрушена германской яростью, восстановлена американской щедростью) была на здании, при том, что фактически, её никогда там не было. Однако, я готов признать, что в Германии они могли поверить в то, что она там была, и сам факт этой дискуссии среди командиров двух батарей, кажется подтверждает то, что они приказав стрелять по библиотеке, решили уничтожить памятник. Вероятно, что они хотели избавиться от памятника, который по их мысли, содержал надпись, которая оскорбляла германскую армию и германский народ. Такие показания я могу дать уважаемому защитнику. Я сказал как есть.

Экснер: Вы имеете в виду, что капитан, который командовал этой батареей, знал об этой надписи! Я в это не верю.

Ван-дер-Эссен: Разумеется.

Экснер: Спасибо.

Штамер: Свидетель, вы сказали, что 43 самолёта пролетали над библиотекой и сбрасывали на него бомбы. Как вы сами сказали, в ответ на вопрос профессора Экснера, вы не находились в городе в это время, откуда вы получили эту информацию?

Ван-дер-Эссен: Как я уже говорил, это не мои показания, которые я давал здесь, потому что со своей стороны у меня ничего нет, но это показания адвоката Давидса, у которого был загородный дом в Кессельлоо.

Этот адвокат вышел утром и посмотрел на небо. У него в доме было много беженцев, среди них женщины и дети, и так как самолёты постоянно пролетали над головой, он вышел посмотреть, что происходит. Он увидел эскадрилью самолётов, которую посчитал – сам он был старым солдатом – и было 43 которые летели в направлении библиотеки, и когда они достигли библиотеки, прямо над шпилем находясь вдалеке от дома свидетеля, они сбросили бомбу, и он видел как сразу же появился дым на крыше библиотеки. На этих показаниях я основываю своё заявление.

Штамер: Значит, только одна бомба попала в библиотеку?

Ван-дер-Эссен: Надо различать, сэр, между артиллерийским огнём и бомбами которые падают с самолётов. С технической точки зрения, кажется абсолютно точно, что бомба с самолёта попала в библиотеку, потому что крыша была металлической и эта металлическая крыша весьма ровная, за исключением одной части где есть дыра. Мы консультировались с техниками, которые сказали нам, что металлическая поверхность никогда бы не прогнулась в такой степени, если бы в неё попал артиллерийский снаряд и это могло быть вызвано только бомбой с самолёта.

Штамер: Сколько всего бомб сбросили с самолётов?

Ван-дер-Эссен: Так как очевидец был на высоте доминирующей над Лувеном, откуда можно видеть библиотеку, ему было невозможно сосчитать, сколько бомб

сбросили самолёты. Он видел, что падали бомбы. Затем он увидел дым, который пошёл из крыши библиотеки. Вот, всё, что могу сказать об этом.
Штамер: Сколько попаданий бомб насчитали в городе?
Ван-дер-Эссен: Об этом, я не могу предоставить вам информации, но мне известно, что некоторые самолёты пролетали над библиотекой по прямой с севера на юг. Эти бомбы, тогда, в мае 1940, повредили, но не серьезно, высший институт философии, институт фармакологии и несколько других университетских зданий, также ряд частных домов.
Штамер: Когда были сброшены бомбы, до артиллерийского обстрела или после?
Ван-дер-Эссен: Бомбы падали до и после. Было несколько воздушных налётов. Лично я присутствовал во время ужасного воздушного налёта вечером 10 мая 1940 эскадрильи из семи самолётов. Я не военный техник, но я видел своими собственными глазами, самолёты которые бомбили в пике мост Тирлемонт. Результатом бомбежки было уничтожение значительного количества домов и убийство 208 человек на месте, вечером 10 мая 1940.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Кто-либо из защитников желает провести перекрёстный допрос?
Бабель: Свидетель, когда вы последний раз видели здание университета, то есть до наступления?
Ван-дер-Эссен: До пожара? Я был в нём до 11 мая 1940.
Бабель: То есть, до наступления.
Ван-дер-Эссен: До наступления.
Бабель: Тогда оно было повреждённым, и в какой степени?
Ван-дер-Эссен: 11 мая абсолютно ничего не происходило в библиотеке. Она была нетронутой. До ночи с 16-го на 17-е мая, когда я уехал, не было никаких повреждений.
Бабель: Кроме попаданий в башни, вы заметили какие-нибудь другие следы артиллейрийского огня по зданию?
Ван-дер-Эссен: Не думаю, что по зданию. Были следы артиллерийского огня…
Бабель: Из того факта, что попали только в башню, нельзя думать о том, что только башня, а не здание было целью?
Ван-дер-Эссен: Когда я сказал, что башня была повреждена, я имел в виду, только то, что можно было видеть следы на стенах, на балконе от первой истории, и на циферблате. Кроме этого, на здании ничего не было видно, по той простой причине, что здание полностью сгорело изнутри, и ничего не было видно на обгоревших стенах. Абсолютно точно, то, что либо бомба с самолёта или артиллерийский снаряд – лично я думаю, что последнее – попали в здание с северной стороны, после пожара. Следы орудийного огня можно видеть весьма отчётливо. Там начался

пожар. Свидетель, который видел пожар из аббатства Мон-Сезар…

Бабель: После пожара, когда вы впервые увидели здание?

Ван-дер-Эссен: После пожара, в июле 1940.

Бабель: То есть, гораздо позже?

Ван-дер-Эссен: Да, но в том же самом состоянии. Ничего не изменилось. Оно было таким же, как вначале.

Бабель: Вам известно, во время пожара, предпринималась попытка остановить пожар и спасти здание?

Ван-дер-Эссен: Абсолютно точно, что предпринимались попытки остановить пожар. Ректор университета, господин ван Вайенберг, лично сказал мне и заявил о том, что он послал за пожарником, но пожарник уехал. Только начальник и двое сотрудников пожарной бригады остались, и все гидранты сломались из-за бомбардировки. Несколько дней не было воды.

Бабель: Германские войска участвовали в попытках спасти здание?

Ван-дер-Эссен: Нет, их ещё не было.

Бабель: Откуда вам это известно? Вас там не было.

Ван-дер-Эссен: Но ректор университета не покидал город Лувен. Ректор был там и там был библиотекарь.

Бабель: Вы говорили об этом с ректором, об участии германских войск в попытке спасти здание?

Ван-дер-Эссен: Я говорил с ректором и библиотекарем. В качестве генерального секретаря университета я обсуждал с ректором все общие вопросы касавшиеся университета. Мы особо обсуждали это, и он категорически сказал мне о том, что ни один солдат германской армии не боролся с огнём.

Бабель: Вы также говорили о движении Сопротивления. Известно ли вам, что гражданское население призывали сопротивляться германским войскам?

Ван-дер-Эссен: Где? В Арденнах?

Бабель: В Бельгии?

Ван-дер-Эссен: В Бельгии Сопротивление в основном состояло из тайной армии, которая являлась военной организацией с ответственными и признанными командирами, носившими знаки различия для того, чтобы их не путали с обычными фран-тирерами.

Бабель: Вам известно, сколько германских солдат стали жертвами движения Сопротивления?

Ван-дер-Эссен: Сколько немецких солдат стали жертвами Сопротивления? Я очень хорошо знаю, потому что повсюду в Арденнах Сопротивление проводило акции, и законно с начальниками во главе, открыто носило оружие и знаки различия. Они открыто атаковали германские войска с фронта.

Бабель: У меня не такой вопрос. Я спросил о том, известно ли вам, сколько немецких солдат стали жертвами этого движения Сопротивления?

Ван-дер-Эссен: Я не понимаю к чему задан вопрос уважаемого защитника.
Бабель: Об этом не вам судить, а трибуналу.
Ван-дер-Эссен: Уважаемый защитник имеет в виду события в Арденнах, на которые я недавно ссылался, или он говорит в целом?
Бабель: Свидетель сам, в своих высказываниях поднял вопрос движения Сопротивления, и вот почему я спросил известно ли свидетелю…
Председатель: Доктор Бабель, свидетель уже ответил на вопрос, сказав, что он не может сказать, сколько немцев были убиты движением Сопротивления.
Бабель: Но он может назвать определённое число немцев ставших жертвами Сопротивления.
Ван-дер-Эссен: Были настоящие битвы.
Бабель: Свидетель также сможет подтвердить, что члены Сопротивления сегодня считаются героями в Бельгии. Из того, что мы читаем в газетах и того, что сюда доходит, люди которые действовали в движении Сопротивления считаются героями. По крайней мере, я смог сделать такой вывод.
Председатель: Пожалуйста, продолжайте допрос.
Бабель: Свидетель, вы сказали, если я правильно понял, что вы потеряли 15 килограмм веса.
Ван-дер-Эссен: Да, именно так.
Бабель: Какой вывод вы сделали из этого факта? Я не совсем понял, что вы сказали.
Ван-дер-Эссен: Я просто хотел сказать, что я потерял эти 15 килограмм в результате душевных страданий, которым мы подверглись во время оккупации, и это было ответом на вопрос господина Фора о том, считал ли я оккупацию совместимой с достоинством свободного человека. Я решил ответить: «Нет», приведя доказательства этого как результат того, что от оккупации мы мучительно пострадали, и я думаю, что потеря веса является достаточным доказательством этого.
Бабель: За время войны, я также, не будучи больным, потерял 35 килограмм. Какой вывод можно сделать из этого, по вашему мнению?

[*Смех в зале*]

Председатель: Доктор Бабель, продолжайте, нас не интересует ваш опыт.
Бабель: Благодарю сэр. Это был мой последний вопрос.
Председатель: Кто-либо из защитников желает задать вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Господин Фор.
Фор: У меня нет вопросов.

Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Фор: Я прошу трибунал принять книгу документов, являющихся доказательствами ликвидации нацистами суверенитета Франции.

Франция, так же как и Бельгия, находилась под властью военной оккупационной администрации. Помимо этого, во Франции существовало дипломатическое представительство. Наконец, следует указать на полицейскую администрацию, которая всегда играла важную и непрестанно возрастающую роль в период, следующий после назначения генерала Оберга[463] в 1942 году.

В последней части своего доклада об узурпации суверенитета я хотел бы ограничиться упоминанием о ряде особенностей, присущих захватническим актам во Франции, и о ряде специфических для этой страны средств, использованных немцами, так как об остальном уже подробно говорилось ранее и я сам буду еще говорить в дальнейшем о последствиях германских действий во Франции.

Я хотел бы привлечь внимание трибунала к четырем моментам. Германские власти во Франции с самого начала с помощью особых мер добились лишения Франции суверенитета. Я имею в виду разделение страны на пять различных зон. Это разделение страны, произведенное немцами, в определенной мере компенсировало для них ту особую ситуацию, которая создавалась наличием неоккупированных французских территорий.

Как я уже указывал, соглашение о перемирии от 22 июня предусматривало создание демаркационной линии между оккупированной зоной и так называемой неоккупированной зоной. Во время заключения соглашения, возможно, предполагалось, что эта демаркационная линия между оккупированной и неоккупированной зонами была проведена главным образом для нужд военных передвижений в оккупированной зоне. Можно было также придти к выводу, что разделение зон будет проявляться только через осуществление в оккупированной зоне обычных прав вооруженной силы, осуществившей оккупацию. Я уже имел случай процитировать трибуналу показания Леона Ноэля, в которых приводятся устные заверения в этом отношении, исходившие от Кейтеля и генерала Йодля, подсудимых на данном процессе.

Теперь же, фактически, демаркационная линия истолковывалась и применялась крайне ревностно, причем так, как это никак нельзя было предвидеть. Мы уже видели, какие далеко идущие последствия это имело для экономической жизни страны. Имелись также серьезные последствия с точки зрения местной

[463] Карл Оберг (1897— 1965) — высший руководитель СС и полиции во Франции, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (1 августа 1944) и генерал войск СС (10 марта 1945). После войны французским судом был приговорён к смертной казни заменённой пожизнённым заключением. Освобождён досрочно.

администрации. Население только ценой преодоления значительных трудностей могло переезжать из одной части французской территории в другую. Немцы, выдававшие пропуска на переезд, получили, таким образом, средство давления на французские власти. Это средство давления было тем более выгодным, что оно могло быть постоянно использовано и было весьма разнообразным. Порой немцы могли менее строго применять правила разделения зон, в другое время могли осуществлять эти правила с крайней суровостью.

В качестве примера процитирую выдержку из документа, который представляю в качестве доказательства под номером RF-1051.

Этот документ представляет собой письмо от 20 декабря 1941 года, адресованное Шлейером, сотрудником немецкого посольства, делегату Франции де Бринону[464]. В письме идет речь о выдаче пропусков германским гражданам, желающим выехать в неоккупированную зону. Французские власти, представляющие правительство де-факто, выступили с протестом по поводу того обстоятельства, что немцы вынуждали французские власти разрешать любому лицу, обладающему немецкими пропусками, въезжать в неоккупированную зону, где они могли, как можно себе вообразить, заняться любой деятельностью, включая шпионаж.

Письмо, которое я привожу, является ответом на этот французский протест. Хочу привести лишь последний абзац который является вторым абзацем на странице 2 документа RF-1051:

> «В случае, если французское правительство будет создавать трудности в связи с просьбами о пропусках, подаваемыми с одобрения немцев, то в последующем более не будет возможности проявлять то же благоволение, которое выказывалось до сих пор в связи с выдачей пропусков французским гражданам».

Сказанное мною выше является лишь первым моментом, связанным с разделением страны. Первое разделение все же основывалось на документе — соглашении о перемирии, хотя положения этого документа были превышены и могут быть оспорены. Что же касается других разделений, о которых я буду говорить далее, то они были просто навязаны немцами без какого бы то ни было предупреждения и без ссылки на какой-либо правдоподобный предлог.

Я хочу напомнить, что немцы прежде всего отделили от остальной части Франции департаменты Верхнего и Нижнего Рейна и Мозеля, присоединив их к Германскому Рейху.

Потом присоединили департаменты Нор и Па-де-Кале к зоне германской военной администрации в Бельгии. Об этом факте свидетельствуют заголовки декретов германского военного командования, представленные трибуналу в

---

[464] Мари-Фернан де Бринон (1885—1947) — французский адвокат и журналист, коллаборационист, в годы Второй мировой войны — член правительства Виши. Расстрелян по приговору суда.

бельгийской официальной газете. Данное разделение существовало не только с точки зрения администрации германского военного командования, но признавалось и французской администрацией. Французская администрация продолжала существовать в указанных департаментах, но связи ее с центром были крайне затруднены.

Так как я не хочу долго разбирать данный предмет, хочу привести документ, который послужит в качестве примера, и который я представляю как документ RF-1052. Это письмо военного командующего от 17 сентября 1941 года, в котором сообщается о его отказе удовлетворить просьбу об установлении прямой телеграфной и телефонной связи с остальной Францией. Я цитирую одно предложение из письма:

> «По решению высшего командования армии, пока невозможно удовлетворить запрос о разрешении прямого телеграфного сообщения между правительством Виши и двумя департаментами Севера».

Затем немцы создали внутри неоккупированной зоны так называемую запретную зону. Создание такой запретной зоны наверняка соответствует будущим планам немцев по аннексированию более крупных территорий Франции. В начале своего выступления я представлял документы в этой связи. В этой запретной зоне не было каких-либо специальных административных правил, но для въезда и выезда из нее требовалось специальное разрешение. Возвращение в эту зону лиц, которые оставили ее ранее с тем, чтобы укрыться в других районах, могло осуществляться лишь постепенно и было связано со значительными трудностями. Осуществление административных и экономических связей между указанными зонами было постоянно затруднено. Этот факт хорошо известен. Все же я хочу привести в качестве примера один документ, и представляю его под номером RF-1053. Это письмо от 22 ноября 1941 года, адресованное французской делегации. Я лишь кратко сошлюсь на его содержание, сказав, что германское командование соглашалось разрешать министрам правительства де-факто ездить в оккупированную зону, но отказывалось давать им разрешение ездить в запретную зону.

Желая дать трибуналу возможность представить себе ситуацию в этих пяти зонах, я приложил к книге документов карту Франции, на которую нанесены указанные границы. Карта Франции имеет номер RF-1054, но я не считаю необходимым представлять ее в качестве документального доказательства. Я просто хотел, чтобы трибунал имел возможность по карте проследить, как Франция была разделена на аннексированные департаменты и различные зоны и где проходили границы. Кстати говоря, данная карта является репродукцией карты, которая была опубликована во время оккупации издателями Жираром и Барером и продавалась в то время в Париже.

Для того чтобы закончить с вопросом о разделе французской территории

на зоны, я хотел напомнить трибуналу, что 11 ноября 1942 г. германские вооруженные силы вторглись в так называемую неоккупированную зону. Германские власти заявили тогда, что они не имеют намерения устанавливать в этой зоне военный оккупационный режим и что эта зона является так называемой «оперативной зоной».

Но германские власти вообще не соблюдали никаких правил, установленных ими самими как для разных зон, так и для оккупированной территории. Доказательства таких правовых нарушений в так называемой «оперативной зоне» уже приводились в ряде случаев и вновь будут приводиться позднее в заключительной части настоящего выступления.

Указанное разделение Франции несло с собой неудобства, которые легко представить себе, когда речь идет о стране не слишком большой протяженности, жизнь которой весьма централизована. Помимо этого хочу указать, что существовала вторая форма лишения Франции суверенитета, которая заключалась в установлении контроля со стороны немцев над законодательными актами правительства де-факто во Франции.

Германская военная администрация, в соответствии со своей доктриной, через издаваемые ею декреты, естественно, осуществляла реальную законодательную власть по отношению к французам. С другой стороны, — и именно на это обстоятельство я хочу сейчас обратить внимание — немцы делали вид, что признают суверенитет французской власти, и по отношению к этой власти они осуществляли настоящую законодательную цензуру. Я представлю несколько документов в качестве примеров и доказательств этого факта.

Первый документ, который я предъявляю под номером RF-1055, — письмо командующего вооруженными силами во Франции уполномоченному французского правительства при командовании германских вооруженных сил во Франции. Это письмо датировано 29 декабря 1941 г. и подписано доктором Бестом, который выполнял впоследствии в Дании и дипломатические, и полицейские функции. Я думаю, что нет необходимости оглашать текст этого письма, я оглашу лишь заголовок: «Тема: Проект закона о французском бюджете на 1942 год, а также нового французского финансового закона».

Германские власти считали, что они обладают достаточными правами для того, чтобы устанавливать бюджет французского правительства, хотя это не имело никакого отношения к нуждам их военной оккупации. Они не только вносили изменения в текст подготовленных правительством де-факто законов, но и давали указания в безоговорочной форме. Сейчас я не буду цитировать какие-либо документы об этом, так как я представлю два: один в связи с пропагандой, а другой в связи с режимом навязанным евреям.

Третья форма лишения Франции суверенитета, использованная немцами, заключалась во вмешательстве при назначении на должности и при повышении

чиновников в ранге. В качестве доказательства я предъявляю под номером RF-1056 письмо командующего фон Штюльпнагеля де Бринону от 23 сентября 1941 г. Это письмо содержит различные замечания по вопросу о саботаже при уборке урожая и затруднениях в снабжении продовольствием. Я оглашу лишь последний абзац этого документа.

> «В связи с этим я решительно требую, чтобы под единым руководством были быстро приняты меры, чтобы обеспечить снабжение населения продовольствием, а это мне представляется осуществимым лишь при условии, если энергичный и компетентный человек возьмет на себя руководство двумя министерствами».

По вопросу о контролировании назначений я представляю документ RF-1057. Это письмо военного командования, датированное 29 ноября 1941 года. Я просто изложу содержание этого документа, указав на то, что германские власти возражали против назначения председателя комитета связи по производству свекольного сахара. Таким образом, вы видите, как мало это относится к военным нуждам.

Я предъявляю далее документ RF-1058, который также является письмом военного командования. Это краткое письмо, и я оглашу его:

> «Прошу вас принять необходимые меры для того, чтобы супрефект Сен-Кантена господин Планакасань был освобожден от своих обязанностей и заменен так скоро, как это представится возможным, чиновником, осведомленным в вопросах, связанных с исполнение должностных полномочий. Господин Планакасань не находится на высоте положения при выполнении своих функций».

Теперь я оглашу документ более общего характера. Я предъявляю документ RF-1059, который является секретным циркуляром от 10 мая 1942 г., адресованным военным командованием (административное управление штаба) всем главным комендатурам. Мы обнаружили на этом документе подпись доктора Беста.

> «Контроль над французской политикой в вопросе о назначении чиновников на оккупированных территориях.
>
> Изменения в составе французского правительства создают определенную возможность оказывать положительное влияние на французскую политику в вопросе о назначении чиновников на оккупированных территориях. Поэтому я прошу вас указать тех высших французских чиновников, которых, с германской точки зрения, представляется возможным в первую очередь использовать и чьи фамилии могут быть сообщены французскому правительству, когда будет производиться назначение должностных лиц на ответственные посты».

Здесь мы видим, как далеко простирались щупальцы германского контроля

и германской узурпации. Представляю теперь документ RF-1060. Это допрос Отто Абеца, являвшегося немецким послом во Франции. Допрос производился 17 ноября 1945 года комиссарами Берж и Саула в генеральном информационном бюро в Париже. Этот документ подтверждает факт вмешательства немцев во французскую администрацию и содержит детали, свидетельствующие о том, что имело место дублирование такого контроля со стороны военного командующего и Гестапо. Цитирую:

> «Военный командующий во Франции, исходя из различных международно-правовых конвенций», — нужно учесть, что это высказывается Отто Абец, и нет необходимости указывать на то, что мы ни в коей мере не принимаем его концепции международного права, — «считал себя ответственным лицом и верховным судьей по вопросам поддержания порядка и сохранения общественной безопасности в оккупированной зоне. Основываясь на этом, он присвоил себе право давать свое одобрение в связи с назначением всех французских чиновников на различные посты в оккупированной зоне, равно как и в связи с сохранением ими этих постов. Что касается чиновников, проживавших в свободной зоне, которые в связи с выполнением ими своих обязанностей вынуждены были в последующем осуществлять их в оккупированной зоне, то военный командующий подчеркивал также необходимость давать свое одобрение на их назначение. На практике же военный командующий использовал заявленное им таким образом право только в случаях назначения чиновников, причем исключительно в смысле права вето, то есть он не вмешивался в процедуру отбора чиновников, подлежащих назначению, и ограничивался тем, что давал комментарии по некоторым из предлагавшихся фамилий. Эти комментарии основывались на информации, которую военный командующий получал от своих региональных и местных командующих, от своих различных административных и экономических ведомств в Париже, а также от полиции и Гестапо, которые на том этапе все еще находились в ведении военного командующего.
>
> Начиная с 11 ноября 1942 года в результате оккупации свободной зоны это положение вещей изменилось. Германские военные власти, расквартированные в этой зоне, потребовали предоставления им возможности высказывать свое мнение по поводу назначения чиновников во всех случаях, когда такое назначение могло быть связано с безопасностью германской армии. В свою очередь Гестапо в этих двух зонах добилось фактической независимости по отношению

к региональным и местным военачальникам и по отношению к военному командующему. Гестапо стало претендовать на право вмешиваться в связи с любым назначением, если такое назначение могло повлиять на выполнение Гестапо своих полицейских функций.

С ноября 1942 года по декабрь 1943 года я был отозван в Германию и лично не мог быть свидетелем конфликтов, к которым привело такое положение вещей. Эти конфликты не могли не скомпрометировать самым сильным образом, так называемый суверенитет правительства Виши. Когда я возвратился во Францию, то нашел ситуацию значительно ухудшившейся, так как Гестапо, как в оккупированной, так и в неоккупированной зонах, присвоило себе право ставить назначение префектов полиции в зависимости от своего согласия. Гестапо зашло настолько далеко, что само стало предлагать тех чиновников, которые должны были назначаться французским правительством. При моей поддержке военный командующий вновь стал бороться против этих неправомерных требований, ему частично удалось восстановить ту ситуацию, которая существовала до ноября 1942 года...»

Зачитанный мною документ знаменует переход к четвертой теме, которую я хотел бы изложить трибуналу. В этой связи хочу подчеркнуть, что различные органы, осуществлявшие узурпацию суверенитета Франции, то есть военное командование, посольство и полиция, тесно сотрудничали между собой. К вопросу о последней я возвращусь в дальнейшем.

В связи с созданием германского посольства во Франции, я предъявляю трибуналу документ под номером RF-1061. Этот документ находился в моёй папке как судебный перевод судебного документа по делу Отто Абеца в Париже. С другой стороны, он также содержит американскую документацию и имеет номер PS-3614. Однако, его ещё не представляли трибуналу, это документ о назначении Отто Абеца послом. Я хочу зачитать этот документ RF-1061.

«Министерство иностранных дел, 3 августа 1940 г.

В ответ на запрос генерал-квартирмейстера, адресованный верховному командованию вооруженных сил и переданный последним в министерство иностранных дел, фюрер назначил Абеца, имеющего ранг министра, послом и в соответствии с моим докладом приказал нижеследующее:

I. Посол Абец должен выполнять во Франции следующие функции:

1) быть политическим советником военных органов;

2) поддерживать постоянный контакт с правительством Виши и представителем этого правительства в оккупированной зоне;

3) оказывать влияние в благоприятном для нас направлении на

важнейших политических деятелей в оккупированной и неоккупированной зонах;

4) осуществлять политическое руководство прессой, радио и пропагандой в оккупированной зоне и оказывать влияние на лиц, которые отвечают за создание общественного мнения в неоккупированной зоне;

5) заниматься вопросом о германских, французских и бельгийских гражданах, возвращающихся из концентрационных лагерей;

6) являться советником тайной военной полиции и Гестапо в вопросе о получении документов, имеющих политическое значение;

7) обеспечить сохранность всех принадлежавших государству и частным лицам произведений искусства, имеющих значительную ценность, и, в частности, произведений искусства, принадлежавших евреям, в соответствии со специальными инструкциями, которые были даны по этому вопросу.

II. Фюрер приказал в совершенно определенной форме, чтобы только Абец был ответственным во всех политических вопросах в оккупированной и неоккупированной Франции. В тех случаях, когда функции посла Абеца будут затрагивать военные интересы, он будет действовать лишь в согласии с военным командованием во Франции.

III. Посол Абец уполномочивается быть представителем фюрера при военном командовании во Франции. Он будет проживать в Париже, как и до настоящего времени. Он получит от меня инструкции для выполнения своей миссии и будет нести ответственность только и непосредственно передо мной. Я буду весьма признателен, если верховное командование вооруженных сил (ОКВ) отдаст необходимые приказы соответствующим военным органам в максимально короткий срок.

Подпись: Риббентроп».

Этот документ свидетельствует о тесном сотрудничестве между военным командованием и руководством иностранными делами, сотрудничестве, которое, как я уже говорил по нескольким поводам, является одним из определяющих элементов при установлении ответственности на процессе, сотрудничестве примеры преступного характера которого я приведу позже.

Сейчас я хочу упомянуть трибуналу, что я исключил представление следующего документа, который пронумерован как RF-1062. Хотя лично я уверен в ценности данного документа, который поступил из французского судебного дела, у меня не имеется оригинального немецкого текста. С учётом этого, перевод может быть затруднён, и естественно важно, чтобы каждый представленный документ представлял неоспоримые гарантии. Таким образом, я перехожу непосредственно к

последнему документу, который я хочу приобщить и который я представляю как документ номер RF-1063. Это деталь, если так можно сказать, говорящая о проблеме сотрудничества германских ведомств, но иногда формальные документы о деталях могут представлять некий интерес. Это записка, взятая из германских архивов в Париже, записка от 5 ноября 1943, которая приводит рассылку и нумерацию материалов в германском посольстве. Я просто прочту первые три строчки этой записки: «В соответствии с методом принятым военной администрацией во Франции, материалы подразделяются на 10 основных групп». Следует перечисление этих методов и групп используемых для классификации материалов. Я хочу просто отметить, что с учётом системы тесного сотрудничества германское посольство, департамент гражданской службы министерства иностранных дел и военное командование имели систему делопроизводства, при которой все протоколы и все дела можно было вести одинаковым образом.

Я завершил свой второй раздел, который был посвящен общему исследованию лишения суверенитета на оккупированных территориях, и я хочу отметить, что эти материалы составлены при содействии моего помощника, господина Моннерэ, содействие которого также включало целый обзор, который я представляю трибуналу.

Прошу теперь трибунал обратиться в досье к разделу 3, посвященному идеологической германизации и пропаганде.

Когда я имел случай говорить трибуналу о принудительном использовании рабочей силы и об экономическом разграблении, я указывал на то, что немцы забрали из оккупированных стран все имевшиеся там рабочие руки, товары и сырье. Они выкачивали из этих стран все их резервы. По отношению к интеллектуальным и моральным ресурсам немцы действовали точно таким же образом. Они ставили своей задачей захватить и устранить духовные резервы. Выражение «духовные резервы», представляющие огромное значение, не является изобретением обвинения. Я позаимствовал его у самих немцев. Я уже приводил трибуналу выдержку из труда, который был представлен в качестве документа под номером RF-5. Это — книга, опубликованная в Берлине нацистской партией. Автором ее является доктор Фридрих Дидье р. Название этой книги — «Работа для Европы». В ней имеется предисловие, написанное подсудимым Заукелем. Цитата, которую я хочу привести, находится на странице 1100 подборки документов, что просто последовательность, так как сама книга была представлена и приобщена. В книге имеется раздел, озаглавленный «Идеологическое руководство и социальная помощь». В ней автор рассматривает вопрос об идеологическом руководстве иностранными рабочими, которых миллионами насильственно доставляли в Рейх. Такое внимание к идеологическому руководству в отношении столь важного элемента населения оккупированных стран примечательно уже само по себе. С другой стороны, очевидно, что эта озабоченность носит общий характер и

распространяется на всех жителей оккупированных территорий, автор же в данном случае просто ограничил себя данным предметом. Я выбрал эту цитату, чтобы начать свой раздел, потому что она, как мне представляется, особенно удачно дает представление о германских планах по поводу пропаганды.

На странице 69 указанной книги, уже представленной в качестве доказательства, написано:

> «Проблема идеологического руководства иностранным рабочим не столь же проста, как идеологическое руководство работающим рядом с ним немецким рабочим. Когда нанимаешь на работу иностранца, то гораздо больше внимания следует уделять устранению его психологических несовместимостей. Иностранцу необходимо привыкнуть к незнакомому окружению. Его идеологические сомнения, если у него таковые имеются, следует рассеять. Психологические установки граждан бывших вражеских государств следует опровергать столь же решительно, как и последствия иностранных мировоззрений».

В оккупированных странах немцы принимали меры для того, чтобы лишить каждого человека его психологических ресурсов и устранить имевшееся у него мировоззрение с целью навязать ему взамен концепцию нацизма. Такова была цель пропаганды. Такая пропаганда уже была введена в Германии и осуществлялась там неуклонно. Из процитированной статьи мы видим, что имела место также и озабоченность по поводу идеологического руководства немецким рабочим, хотя эта задача представлялась автору более простой. Когда мы сегодня говорим о нацистской пропаганде, то нередко испытываем соблазн преуменьшать значение такой пропаганды. Для недооценки значения такой пропаганды основания имеются, но это ложные основания. С одной стороны, когда мы рассматриваем пропагандистские работы и темы, нас нередко поражает их прямолинейность, их очевидная лживость, их ничтожество с интеллектуальной и художественной точек зрения. Однако, нельзя забывать и того, что нацистская пропаганда использовала все средства, как самые прямолинейные, так и более тонкие и нередко умелые методы. Существует и другая точка зрения — именно самые прямолинейные утверждения производят наибольшее впечатление на некоторые недалекие умы.

И, наконец, мы не должны забывать, что, если бы немцы выиграли войну, то эти описания, эти фильмы, которые мы находим нелепыми, в будущем составляли бы нашу основную, а вскоре и единственную духовную пищу.

Мы часто слышим и другое высказывание, а именно, что немецкая пропаганда достигла весьма слабых результатов. Действительно, эти результаты крайне незначительны, особенно если принять во внимание те средства, которые находились в распоряжении этой пропаганды. Порабощенные народы не слушали немецкие новости и немецкие призывы. Они сопротивлялись. Но здесь опять таки

надо принимать во внимание то обстоятельство, что война продолжалась, что радиовещание стран, остававшихся свободными, вело великолепную контрпропаганду, и, наконец, то, что немцы со временем стали терпеть военные поражения.

Если бы события развивались иначе, то эта пропаганда, в конечном итоге, привела бы к молчаливому согласию со стороны наиболее важных элементов населения различных стран, а это было бы еще хуже, чем само подавление. К счастью, только очень малое меньшинство в различных странах оказалось коррумпированным немецкой пропагандой, однако, сколь малым бы это меньшинство ни было, это для нас основание для печали и справедливых сетований.

Лозунги немецкой пропаганды представляются нам менее ребяческими и менее нелепыми, когда мы подумаем о тех немногочисленных несчастных людях, которые, под влиянием этой пропаганды, вступали в легионы или войска СС, чтобы сражаться против своей родины и против человечности. Некоторые из этих людей искупили свои преступления, погибнув в этих бесчестных сражениях либо осужденные за свои преступления. Именно нацистская пропаганда ответственна за смерть каждого из этих людей и за каждое из совершенных этими людьми преступлений.

И, наконец, мы не уверены, что сегодня точно представляем себе реальные последствия нацистской пропаганды. Мы не уверены, что способны оценить весь тот вред, который она нам нанесла. Нации подсчитывают свои видимые раны, однако пропаганда — это такой яд, который растворяется в психологическом организме и оставляет следы, не поддающиеся распознанию. В мире все еще существуют люди, которые, вследствие пропаганды, которой они подвергались, полагают, может оыть, смутно, что имеют право презирать или ликвидировать другого человека на том основании, что этот человек еврей или коммунист. Люди, которые так считают, все еще остаются сообщниками нацизма — и одновременно они его жертвы.

Один из моих коллег продемонстрировал на процессе, что в то время как физическое здоровье оккупированных народов оказалось серьезно подорванным, их нравственное здоровье представляется более крепким. Однако за нравственным здоровьем народов придется озабоченно следить в течение какого-то времени в будущем.

По этим причинам французское обвинение считает, что в формулировке обвинения на данном процессе имеется место для раздела о духовной германизации и пропаганде. Такая пропаганда сама по себе является преступным предприятием. Это, согласно определению, данному господином де Ментоном, — нарушение условий духовной жизни, но одновременно это и средство и отягчающее обстоятельство всего комплекса преступных методов нацизма, так как такая пропаганда готовила успех нацистов и ей предстояло закрепить их успех. Сами

немцы, как об этом свидетельствуют многочисленные цитаты, считали пропаганду одним из самых надежных видов оружия в тотальной войне. Более конкретно, мы рассматриваем пропаганду в данное время как средство и как один из аспектов германизации. Мне следует добавить, что немецкая пропаганда постоянно развивалась в течение многих лет и распространялась на значительных территориях. Она проявлялась в крайне разнообразных формах. Поэтому нам остается только вычленить некоторые из ее основных характерных черт и просто процитировать несколько характерных документов, подходя к этому главным образом с позиции ответственности определенных лиц и определенных организаций.

В течение длительного периода времени Рейх создавал официальные службы пропаганды в ведомстве министерского типа, созданном еще в 1933 году и получившим название министерства общественного просвещения и пропаганды, которое возглавил Геббельс, а подсудимый Фриче выполнял там важные задачи. Однако это министерство и его подразделения были не единственными органами, ответственными за вопросы пропаганды. Мы докажем, что в равной степени за пропаганду несут ответственность министр и министерство иностранных дел. Мы также докажем, что активную роль в пропаганде играла партия.

И, наконец, я упоминал здесь о том, что в оккупированных странах военные командования создавали органы пропаганды и проявляли большую активность. Этот факт следует присовокупить ко всем фактам, свидетельствующим о том, что германское военное командование осуществляло власть, весьма отличающуюся от той, которая при нормальных условиях считается военной властью. Путем такого ненормального расширения своей деятельности военачальники и высшее командование, в дополнение к преступлениям, совершавшимся ими в рамках их прямой компетенции, совершали действия, дающие основания для обвинения в совместной ответственности.

Немецкую пропаганду всегда отличают два дополняющих друг друга аспекта: негативный аспект и позитивный аспект. Негативный аспект или, в определенном смысле, разрушительный аспект заключается в запрещении или ограничении определенных свобод, определенных интеллектуальных возможностей, имевшихся ранее. Позитивный аспект заключается в создании документов или механизмов пропаганды, в распространении пропаганды, в принудительном проникновении ее в глаза, в уши, в мозг. Один специалист уже говорил, что у пропаганды два различных голоса: голос, отрицающий правду, и голос, произносящий ложь. Такая двойственность «ограничивающей» пропаганды и «конструктивной» пропаганды существует в различных сферах выражения мысли.

Теперь я упомяну о мерах, принимавшихся немцами по отношению к собраниям и объединениям. Немецкие власти всегда принимали меры к тому, чтобы в оккупированных странах ликвидировать право на собрания и право на объединения. Здесь нас интересует вопрос как политических прав, так и

мировоззрения. Во Франции декретом от 21 августа 1940 г., опубликованном в официальной газете немецких декретов от 16 сентября 1940 года, запрещались любые собрания и объединения без разрешения немецкой военной администрации.

Не следует думать, что немцы применяли таким образом свою власть только по отношению к объединениям или группам, которые были к ним враждебны, или хотя бы преследовали политические цели. Немцы стремились помешать распространению любого интеллектуального или нравственного влияния, которое не находилось бы в непосредственном их подчинении. В этой связи я представляю трибуналу, в качестве примера, документ RF-1101, представляющий собой письмо командующего от 13 декабря 1941 года, адресованное представителю французского правительства. В письме речь идет о молодежных группах. Даже в вопросах создания объединений или групп, которые, как намечалось, должны были иметь общественный характер, немецкие власти давали свою санкцию только при том условии, что сохранят возможность не только осуществлять контроль над этими организациями, но и смогут через эти организации оказывать реальное влияние.

Зачитаю первый абзац этого документа номер RF-1101:

> «Генеральный секретариат по делам молодежи проинформировал нас письмом от 11 ноября 1941 года о своем намерении создать так называемые молодежные центры, задачей которых будет давать молодежи гражданское воспитание и ограждать ее от морального разложения, которое ей угрожает. Создание таких социальных молодежных центров, равно как и организация молодежных лагерей, должны санкционироваться командующим военными силами во Франции. Представляется, что для того, чтобы иметь возможность принять окончательное решение по вопросу создания этих социальных центров, необходимо располагать более подробной информацией, в частности, о людях, которые будут нести ответственность за эти центры в различных общинах, о позициях, которые будут превалировать при отборе руководителей таких центров, об основных категориях молодежи, которые будут направляться в эти центры, и о подробных планах относительно предполагаемого обучения и воспитания этих молодых людей...

Я представляю документ номер RF-1102. Этот документ, нота касающаяся…

Председатель: [*Прерывая*] Господин Фор, могли бы вы сказать нам, сколько вы думаете представлять предмет пропаганды?

Фор: Я ожидаю выступать около двух часов, или два с половиной часа.

Председатель: Какова программа после завершения вами предмета пропаганды?

Фор: Господин председатель, как я отмечал в начале своей презентации, она включает четыре раздела. Раздел пропаганды, о котором я сейчас говорю,

составляет третий раздел. Четвёртый раздел посвящен административной организации преступного деяния. Он соответствует, более точно, второму заголовку в пункте четвёртом обвинительного заключения относящегосся к преследованию евреев в оккупированных странах Запада. После этого раздела, я закончу свою презентацию. Трибунал также хочет, чтобы я указал на то, что последует в программе французского обвинения?

Председатель: Да, мы бы хотели знать.

Фор: Господин Мунье рассмотрит аналитический обзор и кратко повторит индивидуальные обвинения. Затем, как я думаю, господин Жертоффер выступит довольно коротко о разграблении культурных ценностей, которое ещё не рассматривали, будет уместно рассмотреть его в связи с презентацией.

Председатель: Тогда мы откладываемся.

Фор: Господин председатель, я хочу спросить у трибунала, удобно для него завтра, в ходе моего раздела о пропаганде, рассмотреть несколько проекций на экране которые относятся к этой главе.

Председатель: Думаю да, разумеется.

Бабель: В связи с вопросами, которые я задал свидетелю, есть кое-что чего я не понял. Я не хотел, в любом случае, говорить о Сопротивлении или о его методах которыми двигал патриотизм. Я не хотел осуждать или даже пренебрежительно думать о нём. Я хотел лишь подтвердить, что поступки о которых говорили, были совершены германскими войсками во многих случаях в связи с отношением гражданского населения и о том, что действия против немцев которые противоречили международному праву не были осуждены таким же образом как ошибки положенные в основу обвинений военнослужащих германского Вермахта. По моему мнению, обвинительное заключение в отношении организаций…

Председатель: Доктор Бабель, простите меня. Вы недавно завершили перекрёстный допрос, и трибунал не желает…

Бабель: Да, господин председатель, но я подумал, что этим заявлением я могу прояснить это трибуналу.

Председатель: Нам не нужны никакие разъяснения. Мы полностью поняли смысл вашего перекрёстного допроса и мы заслушаем вас, когда придёт время, в полном объеме, в поддержку аргументов которые вы пожелаете представить.

Бабель: Я сделал это, потому что подумал…

Председатель: Довертесь трибуналу в понимании вашего перекрёстного допроса. Мы не можем продолжать с прерываниями подобного рода. У нас двадцать подсудимых и двадцать защитников и если они все они будут вставать и заявлять протесты, мы никода не закончим этот процесс.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 5 февраля 1945*]

